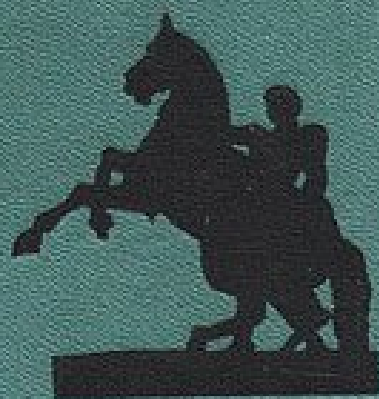

В.О.ВИТТ

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО
КОННОЗАВОДСТВА

В.О.ВИТТ
ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО
КОННОЗАВОДСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В дореволюционной России истории отечественной науки и техники не уделялось должного внимания. Выдающиеся имена отечественных деятелей оставались в забвении.

Выполняя историческое указание великого Сталина, данное советским ученым в речи 9 февраля 1946 г., «...не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны...», ученые Советской страны борются за утверждение превосходства самой передовой в мире советской науки в настоящем; одновременно они работают над восстановлением славной истории отечественной науки и борются за приоритет отечественной науки и техники в прошлом.

Обязанностью советской науки, как сказал светлой памяти президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов, является «...восстановить историческую правду, показать истинное, высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты» [1].

Дело чести советских ученых, каждого в области своей специальности, раскрыть и воочию показать тот вклад в науку и технику, который сделали и делают отечественные ученые и новаторы передовой техники.

За три десятилетия, протекшие после победы Великой Октябрьской социалистической революции, и в особенности за последние годы, появился целый ряд исследований, проливших новый, ясный и яркий свет на многие события истории отечественной науки и техники, исследований, которые, можно сказать, заново открыли нам образы, мысли и дела многих славных сынов нашей Родины.

Однако за все эти годы не было выпущено ни одной специальной монографии по истории отечественной зоотехнии, которая ставила бы перед собой подобные задачи, между тем как история русской зоотехнической мысли и зоотехнического творчества насчитывает немало ярких страниц.

Предлагаемая вниманию читателя работа является первой попыткой подобного рода исследования по истории русской зоотехнии.

Она посилено освещает ту страницу из истории отечественного коннозаводства, которой оно по справедливости может гордиться и которая никак не должна выпадать из памяти потомства.

На рубеже XVIII и XIX столетии пытливые и наблюдательные русские зоотехники А. Г. Орлов и В. И. Шишкин — дали в Хреновском заводе выдающиеся практические образцы зоотехнической работы.

В Хреновском заводе были созданы великолепные породы лошадей. Одна из них орловский рысак — и до сего времени не знает себе равной в мире и является гордостью отечественного коннозаводства.

Эта порода, как утверждал еще до революции один из классиков нашей зоотехнической науки профессор П. Н. Кулешов, оказала больше влияния на улучшение коневодства в нашей стране, «...чем все другие породы, взятые вместе».

По сравнению со своими современниками, так называемыми «классиками» английской школы животноводства, Бэквеллом, Коллингами и другими, А. Г. Орлов и В. И. Шишкин дали совсем иные, новые в истории мировой зоотехнии решения задачи пороодообразования, замечательные по глубине заложенных в них идей.

Независимость и своеобразие зоотехнических взглядов А. Г. Орлова и В. И. Шишкина, новизна и глубина их методов работы, увенчавшихся блестящим успехом, делают их основоположниками русского коннозаводства и вместе с тем утверждают их мировой приоритет во многих вопросах не только техники коннозаводства, но и теории племенного дела в животноводстве.

Метод сложного многопородного скрещивания, впервые в мире сознательно примененный для выведения новой породы сельскохозяйственных животных, метод разведения по линиям, изобретение которого также бесспорно принадлежит Хреновскому заводу, углубленный отбор и подбор, приемы целеустремленного воздействия условиями внешней среды на развитие желательных качеств у разводимых животных, разработанная оригинальная система функциональных упражнений, тренинга и испытаний рысистой лошади, и многое другое в практике Хреновского завода на десятилетия опередило западноевропейскую практику и теорию разведения сельскохозяйственных животных.

История и достижения Хреновского завода свидетельствуют о могучих творческих силах русского народа, пробивавшихся даже сквозь застой и мрак самодержавия и крепостного права.

Задача нашего исследования и состоит в том, чтобы достойно отметить завоевания русского гения, оценить победы ума и труда русских людей, привлечь внимание читателя к тому новому в зоотехнической науке, что в муках рождалось в недрах старого.

Владимир Ильич Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не потому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками» [2].

В то же время мы изучаем прошлое не ради самого прошлого, Все сомнения, исследования прошлого необходимы нам для настоящего, для дел сегодняшнего дня, для нашей работы на будущее. Знание истории науки и техники нужно каждому из нас, как и сама наука и сама техника, для действия, для овладения природой, для ее изменения в нужную для человека сторону.

В коневодстве, как и в других отраслях животноводства СССР, создание новых, более совершенных, пород и типов сельскохозяйственных животных является одной из насущных задач социалистического сельского хозяйства.

Условия советского строя, условия социалистического сельского хозяйства, когда никакие рогатки частной собственности не препятствуют плановой племенной работе, предоставляют для успешного решения стоящих в области племенного животноводства задач такой простор и такие возможности, которых не было никогда и нет нигде в капиталистических странах.

Используя эти возможности, передовики-новаторы социалистического животноводства на всем пространстве территории СССР планомерно совершенствуют старые и создают новые высокопродуктивные породы животных, лучше удовлетворяющие народнохозяйственные запросы. Чтобы назвать 3–4 ярких примера, упомянем из числа нескольких десятков созданных пород костромскую породу крупного рогатого скота, при выведении которой особенно велики были заслуги коллектива совхоза «Каравачево» во главе с С. И. Штейманом; степную белую украинскую породу свиней, выведенную академиком М. Ф. Ивановым; владимирскую породу

лошадей, вызванную к жизни инициативой и творчеством крестьян-колхозников Владимирской и Ивановской областей; наконец, кому не известны прекрасные буденновская и терская породы лошадей, созданные коллективом работников бывших военных конных заводов под непосредственным руководством Маршала Советского Союза С. М. Буденного.

Успеху работы советских передовиков животноводства и коннозаводства способствует то, что в своей деятельности они руководствуются передовой биологической теорией. Учение Мичурина открывает им путь управления животными организмами.

Более успешному и более быстрому продвижению по этому пути поможет и должно помогать хорошее знакомство с конкретной практикой животноводства в настоящем и в прошлом в тех случаях, когда это прошлое может нам позволить предвидеть будущее.

С этой точки зрения история Хреновского завода за первые 70 лет его существования (с 1778 по 1845 г.) полна неиссякаемого интереса для зоотехника-селекционера. Она глубоко поучительна во всех изгибах сложного творческого пути, в своих исканиях и достижениях, в сравнении удач Хреновского завода с неудачами других частновладельческих заводов того времени. Она предоставляет читателю живой, хорошо запоминающийся материал, давая возможность на многочисленных конкретных примерах продумать многие существенно важные положения теории племенного дела в коннозаводстве.

История Хреновского завода красочна и ярка. Хотя выпускаемая книга предназначена в основном для работников советского коневодства и животноводства, динамичность событий и драматичность отдельных эпизодов истории Хреновского завода может, как мне кажется, заинтересовать и читателя не специалиста и, таким образом, популяризировать увлекательную область творческой коннозаводской работы, которая на сегодня остается все еще мало знакомой широким кругам читателей.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХРЕНОВСКОГО КОНСКОГО ЗАВОДА И РАБОТА ЕГО ВЕРХОВЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

Глава I

СОСТОЯНИЕ РУССКОГО КОНЕВОДСТВА И КОННОЗАВОДСТВА В XVIII ВЕКЕ

В начале XVIII века Россия не в первый и не в последний раз в своей истории принуждена была отстаивать независимость своего государственного существования от иноземных захватчиков. Продолжавшаяся свыше 20 лет война России с могущественным в то время северным соседом Швецией потребовала напряжения всех сил страны и тяжелых жертв во имя победы.

Одной из наиболее пострадавших отраслей хозяйства в стране оказалось коневодство. Война безостановочно много лет подряд требовала большого числа лошадей. Бесчисленные конские наборы следовали один за другим и с железной необходимостью выхватывали весь лучший конский материал. Качество конского поголовья по всей стране резко снизилось. Поскольку при реквизициях никаких льгот для племенных лошадей не давалось, прекратили свое существование почти все частные конские [3] заводы, да и не только частные. В годы смертельной опасности, когда Россия принуждена была переливать колокола церквей на пушки, не был пощажён и был отдан на пополнение конского состава кавалерии и артиллерии почти весь племенной состав дворцовых конских заводов и конюшен, а в них, как писал сам Петр I, насчитывалось ко дню его воцарения до 50 тысяч лошадей.

Иностранцам, посещавшим русскую столицу, могло казаться, — но только казаться, — что безвозвратно прошли те времена, когда Московский двор, боярство и войско поражали взоры европейцев красотой и великолепием своих коней, их численностью и их породностью, пышностью и блеском выездов, подбором коней в конных отрядах дворян и жильцов и в «Государевом конном полку» [4].

Возрождение коневодства началось ранее всего с организации ряда государственных конских заводов. Первые государственные конские заводы были организованы Петром I уже в 1712 году в Киевской,

Казанской и Азовской губерниях, и указом от 16 января 1712 года было предписано: «для заводу кобыл и жеребцов купить в Шлезии и в Пруссах». Еще в царствование Петра I за первыми указами об организации конских заводов последовал и ряд более поздних правительственных распоряжений.

Ценнейшими документами, которые характеризуют состояние коневодства в XVIII веке и через которые красной нитью проходит сознание необеспеченности страны в коневодческом отношении, служат указы 20-х и 30-х годов XVIII столетия «О сборе драгунских лошадей». Нас поражает крайняя снисходительность требований к качеству лошади, предъявляемых государством при комплектовании полков регулярной кавалерии, ввиду совершенного отсутствия в стране лучшего конского материала.

Указная мера драгунских лошадей при Петре I была 2 аршина, 1 аршин 15½ вершков, 1 аршин 15 вершков роста (указ 24 июня 1724 года). В дальнейшем указная мера была еще понижена: при Анне Ивановне предписано покупать драгунских лошадей «по нужде и без двух вершков» (указ 21 июня 1738 года). Этого роста — без двух вершков, т. е. 134 см высоты в холке, в настоящее время в советских конских заводах достигают все жеребята верховых пород уже к пятидесятилетнему возрасту. Но что всего замечательнее, во всей России не находится небольшого, сравнительно, числа лошадей, которые отвечали бы этим, более чем скромным, требованиям государства, и приходилось для комплектования кавалерийских полков покупать лошадей за границей. Так, например, в 1731 году в «немецких краях» было куплено 1111 лошадей для кавалерии на сумму 68 509 рублей.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ КОНСКИЕ ЗАВОДЫ XVIII ВЕКА

С целью удовлетворения потребностей ремонта армии, правительство Анны Ивановны принуждено было основать ряд новых государственных конских заводов в добавление к прежде существовавшим, обслуживавшим ранее исключительно нужды придворного ведомства. Официальная мотивировка учреждения конских заводов дана в указе 20 мая 1732 года: «чтобы кавалерию без покупки чужестранных лошадей своими добрыми лошадьми удовлетворять». Хотя грандиозный проект Артемия Волинского об

учреждении 105 государственных конских заводов и не был приведен в исполнение, все же к концу царствования Анны Ивановны существовали, кроме девяти придворных конских заводов в составе 217 производителей и 1 364 маток, еще десять конских заводов «малороссийских полков», а также конские заводы кирасирских и драгунских полков в Полтавской, Симбирской и Пензенской губерниях, с общим плодовым составом до 1 тысячи жеребцов и 10 тысяч маток. Такие масштабы могли, казалось бы, обеспечить ежегодное ремонтное конским составом гвардейских и армейских кавалерийских полков, в которых по «Табели регулярной армии» (1732) в мирное время числилось 66 404, а в военное 70 116 сабель.

Всё же при преемниках Петра I государство плохо справлялось с трудностями коннозаводской работы. В своем докладе от 24 февраля 1746 года Сенат должен был прямо признать, что «от малороссийских конских заводов казенной прибыли, кроме видимого убытка и людской тягости, нет».

Развитие частного коннозаводства стало возможным лишь со времени указа Елизаветы от 3 мая 1756 года об отмене принудительного конского набора и о ремонтировании конского состава армии путем вольной покупки лошадей.

Начиная с середины XVIII века наблюдается быстрый и безостановочный рост частного коннозаводства. Если к концу царствования Елизаветы частных конских заводов насчитывалось лишь до двадцати, то при Екатерине II они считались уже сотнями, а к началу XIX века и тысячами. Первые по времени статистические сведения о коннозаводстве, собранные профессором И. А. Геймом, дают уже цифру 1 339 конских заводов с 22 146 жеребцами и 221 581 кобылами для 1814 года.

Всячески поощряемое государством частное коннозаводство, используя выгодную конъюнктуру, вступает с середины XVIII века в полосу быстрого и безостановочного роста, Огромное увеличение числа конских заводов, создающее внешнее впечатление расцвета частного коннозаводства во второй половине XVIII века, объяснимо лишь на почве исключительной бедности страны лошадьми желательных сортов и требуемых пользовательных качеств при наличии усиленного на лошадей спроса.

Петр I на поле Полтавского боя. С картины, находящийся в Музее коневодства Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Петр I на поле Полтавского боя. С картины, находящийся в Музее коневодства Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Внешняя картина расцвета частного коннозаводства к началу XIX столетия была поистине феерической. При чтении документов этой эпохи создается впечатление о своего рода гиппомании, охватившей широкие круги дворян-землевладельцев. Каждый богатый помещик считал для себя обязательным завести собственный конский завод, и эти конские заводы достигали в отдельных случаях исключительных размеров; например, в заводе К. Г. Разумовского считалось свыше 2 тысяч кобыл. Исключительно крупными были и заводы Шереметева, Апраксиных, Гагариных, Голицыных, Зубова, Гудовича, Чичерина, Полторацкого, Чорбы, Прозоровского, Пашкова, Муравьева-Апостола, Мосоловых, Черткова.

ВВОЗ ЛОШАДЕЙ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Непомерно большие суммы расходовались на приобретение и ввоз лошадей из-за границы, и не только племенных, но и пользовательных — верховых и упряжных. Ввозили лошадей всех пород, которые только были в чести и в славе в эпоху: арабских, испанских, неаполитанских, нарвали неких, ломбардских, турецких, персидских, датских, мекленбургских, гольштинских и просто «немецких», английских и пр. Это было время, когда за восьмерик лошадей, купленных за границей, Г. А. Потемкин, «великолепный князь Тавриды», уплатил 2 тысячи червонцев, а кони в этом восьмерике были внуками того туркменского жеребца, которого Бирон и Анна Ивановна отослали за границу в подарок.

О размерах ежегодного ввоза племенных лошадей можно судить хотя бы по жалобам анонимного автора «Совершенного и правильного описания конских статей» (С.-Петербург, изд. 1778 г.), противника английской чистокровной породы, сетовавшего, что «и сего года введено более 150 лошадей из Англии». Если таков был размер ввоза лошадей из одной только страны и притом преимущественно той породы, которая была одной из наиболее дорогих, про которую современники писали: «лошади от всей крови (т. е. чистокровные — В. В.) очень неохотно выпускаются из государства, разве за чрезмерно высокую цену и то только россиянам» [5], то можно легко представить, как широк был приток лошадей менее дорогих и более охотно экспортируемых. Трудно лишь определить, какова была сумма ежегодной дани, платимой Россией Европе за свою временную отсталость в коневодческом отношении.

Историку русского коневодства никак нельзя упускать из виду, что пополнение конских ресурсов во второй половине XVIII века происходило не только путем одних покупок. Победы русского оружия, славой которых озарялся XVIII век, такие, как Кагульская, одержанная П. А. Румянцевым, или Рымникская, одержанная А. В. Суворовым, пополняли русские конские заводы множеством трофейных жеребцов — турецких, арабских и других восточных пород.

ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ В РУССКИХ КОНСКИХ ЗАВОДАХ

Из всех возникших во второй половине XVIII века частных конских заводов лишь очень немногие обратились к производству

лошадей упряжного сорта, и то преимущественно каретных, цуговых, парадных выездных и тому подобных лошадей роскоши. О существовании каких-либо заводов, производящих лошадь упряжную, удовлетворяющую широким государственным запросам транспорта и сельского хозяйства, никаких указаний в литературе и в документах эпохи не имеется.

В громадном своем большинстве возникшие заводы были верхового направления и ставили себе задачу давать лошадей, годных в строй и в манеж, упускать последнее обстоятельство из виду никак не следует, ибо требования манежной езды играли в XVIII веке очень большую, можно сказать первенствующую роль при оценке лошади. Достаточно напомнить, что общеизвестные произведения западной иппологической литературы XVII и XVIII веков (Плювинель, Ньюкестл, Де-ля-Гериньер и др.) посвящены почти исключительно вопросам так называемой высшей школы верховой езды. Качества отдельных пород оценивались в старинной литературе главным образом с этой точки зрения. Требования, предъявляемые к экстерьеру, были именно требованиями манежа.

Русская иппологическая литература XVIII века почти единогласна в такой, приблизительно, оценке отдельных конских пород: испанские («шпанские») лошади — «гордые в красоте своей и предпочитают для войска и манежа всем прочим лошадям», датские — «также к манежной езде способнейшие суть», арабские и варварийские («барбарские») — принадлежат к прекраснейшим в свете, персидские и туркменские аргмаки — больше и статнее арабской лошади и «более ее способны для искусственной езды», турецкие — породны, но «плохи во рту», часто бывают злы, английские — «скачкой превосходят всех лошадей в Европе, хороши для езды на охоту», польские — почти все заслуживают названия «аукционистов» по своей горячности и «астрономов», так как дерут голову вверх. Все эти, также и некоторые другие породы, «могут служить заводским материалом для производства верховых лошадей».

Далеко не так богат выбор пород, могущих служить для производства лошадей упряжного сорта. Из них на первое место русские источники XVIII века ставят неаполитанскую породу, подразумевая, очевидно, породу «корсьери» (*corsieri*), но не

«дженетти» (genetti). Неаполитанская лошадь, повидимому, была излюбленной упряжной породой в России в XVIII веке.

По крайней мере, относительно придворных конских заводов мы имеем определенные указания на то, что в них неаполитанская порода численно преобладала. Неаполитанских лошадей современники описывают, как выделяющихся среди других своим «совершенным» или «чрезвычайным» ростом.

И действительно, в то время как в отношении лошадей любой другой породы, поступивших в дворцовые заводы, мы не имеем указаний на рост, превосходящий 2 аршина 2 вершка (151 см), неаполитанские лошади бывали и 2 аршина 4 вершка (160 см) и даже 2 аршина 6 вершков (169 см) высоты в холке. В неаполитанских лошадях конские «знатоки, охотники и заводчики» XVIII века, для которых издавались книги вроде «Полезный дворянам коновал» (СПб, 1779), ценили величавость во всех движениях и считали их лучшими парадными каретными лошадьми, неодобрительно отмечая лишь их тяжелые головы.

После неаполитанских признавались, «ради их бодрости», пригодными для упряжи и датские, хотя «в первую голову они превосходны для кавалерии», затем вскользь отмечались мекленбургские, «как лучшие из всех немецких», и, что чрезвычайно интересно и показательно, в русской иппологической литературе XVIII века нигде ни одним словом не упоминается о голландских и фризских лошадях, которым впоследствии, под влиянием успехов коннозаводской работы Хреновского завода, будет уделено в первой четверти XIX века много места и внимания.

МЕТОДЫ ЗАВОДСКОЙ РАБОТЫ

Знакомясь ближе с коннозаводской работой XVIII века, можно отметить следующие самые характерные моменты.

С одной стороны, мы не видим, чтобы сформировалась идея чистопородности в ее приложении к коннозаводству, чтобы зарождалось учение о том, как вести породу по пути ее совершенствования путем сложной племенной работы. Как правило, ни одна порода не велась «в себе».

С другой стороны, несмотря на широкое, даже широчайшее применение на практике межпородных скрещиваний, нельзя найти в

литературе XVIII века указаний на возможность создавать какие-либо новые породы лошадей с помощью скрещиваний и на необходимость последующей планомерной, творческой работы с получаемыми помесями в течение ряда поколений.

Вся работа была ориентирована на производство лошадей пользовательного назначения, удовлетворяющих запросам сегодняшнего дня.

Наставлениями о пользе скрещиваний и определенными рецептами их (например, испанского жеребца давать «немецким и прусским сильным» кобылам, бахмата— «польским, датским и прусским» и т. д.) полны издания XVIII века. Посягать на какую-либо переделку и улучшение существующих издавна пород считалось невозможным и недостижимым; породы представлялись как бы от века существующими, застывшими, неизменяемыми, а ресурсы их признавались как бы неисчерпаемыми. Необходимо было только в каждом следующем десятилетии вновь и вновь покупать особей этих ценных пород за границей, а русским коннозаводчикам отводилась скромная, но дорогостоящая роль потребителей этих ресурсов. Очень интересной в этом отношении является книжка «О конских заводах» М. Меморского (1799), где автор не ограничивается одним лишь высказыванием положения «должно иностранных разводных лошадей доставать и стараться переменять породы», но и дает изложение известной теории Бюффона, явившейся обоснованием господствовавших в XVIII веке взглядов на скрещивание пород между собой как на средство «воссоздать первообраз» данного вида животного, «из частиц совершенства, которые богом распределены между отдельными породами» и которые при скрещивании и смешивании пород между собой «соединяются и стремятся к высшей красоте».

Теория Бюффона именно в такой упрощенной или близких к ней интерпретациях была широко распространена и известна всей Европе. Многие заводчики следовали ей, но нигде во всей Европе, с помощью ее применения, не было выведено ни одной племенной породы животных, да, повидимому, заводчики XVIII века и не ставили подобных задач, а проводили, как мы могли бы теперь сказать, промышленные скрещивания в целях получения пользовательных хороших животных.

В частности, межпородными скрещиваниями были охвачены почти все конские заводы XVIII века на континенте Европы, исключая разве таких, как Липпизанский (в окрестностях Триеста), Кладрубский в Богемии, Фредериксборгский в Дании, которые оставались верными приверженцами старинной испано-итальянской расы манежных лошадей [6].

Можно себе представить, в какое опасное орудие нередко превращалась господствовавшая теория Бюффона в руках российских коннозаводчиков, не имевших еще достаточного опыта и знания, но зато обладавших огромными материальными возможностями для осуществления всех своих замыслов, распорядившихся сотнями крепостных слуг, которые вынуждены были выполнять любые фантазии господина.

Судя по сохранившимся заводским книгам некоторых частных конских заводов XVIII века, повсюду в заводах из десятилетия в десятилетие шло самое бессистемное скрещивание лошадей отдельных пород, бесформенное нагромождение одной породы на другую. Не видно никакой идеи в коннозаводской работе, никакого плана ведения завода. Из поколения в поколение завод живет исключительно по прихотям вкуса хозяина; жеребца неаполитанского сменяет доппель-клеппер, доппель-клеппера — английский, английского — датский, датского — мекленбургский или турецкий и т. д.

Спрашивается, что может получиться от такого беспорядочного смешения пород, если завод будет полагаться только На счастье, на авось, на кем-то рекомендованный рецепт сочетания, не создавая для получаемых помесей необходимых условий выращивания, кормления и содержания, не проводя творческого отбора и подбора.

В Серебряно-Прудском конском заводе Д. Н. Шереметева за 30–40 лет переменили 70 выводных жеребцов-производителей десяти различных пород: арабской, турецкой, английской, андалузской, неаполитанской, мекленбургской, датской, голландской и др., не считая самых разнообразных жеребцов собственного завода из первого и второго поколений скрещивания. В результате за долгие десятилетия существования заводу не удалось не только создать какую бы то ни было особую породу лошадей, но хотя бы наладить производство пользовательной лошади определенного типа. Надо добавить, что

коннозаводчики XVIII века в своей заводской работе, как общее правило, чуждались родственного разведения, считая его противоречащим божеским и человеческим законам. Тем самым отпадали шансы на то, чтобы уловить и удержать с помощью родственных спариваний индивидуальные качества удачных особей, если бы таковые были получены в заводе.

При отборе и подборе господствовавшие воззрения заставляли коннозаводчиков обращать внимание не столько на внутренние качества лошади, сколько на экстерьер, и притом преимущественно на такие стороны экстерьера, которые являются безразличными с точки зрения пользовательной и племенной ценности лошади. Конюшенная инструкция 1732 года гласит: «будучи в тех местах просмотреть вам все наши конские заводы и оные разобрать по доброте и по шерстям, как кобыл, так и жеребцов и приплодных от них жеребят, а именно, выбирая рослых, статных лошадей и чтобы в них природных пороков не было, а именно: седлистых, острокостных, головастых, щекастых, слабоухих, лысых и прочих тому подобных, а шерстями прибирать годных к заводу: вороных, карих, гнедых, бурых, вороно-чалых, каре-чалых и буланых. А прочих шерстей в заводах не держать, разве которые кобылы чистые и годные к шпанским, английским, персидским жеребцам для заводу будут, и тех больше ста кобыл не держать; и которые кобылы выбраны годные к заводам будут, оных разобрать по шерстям, дабы одна шерсть с другой в заводе не весьма мешалась» [7].

Всадник и лошадь, отвечавшие вкусам и моде начала XVIII столетия.

Всадник и лошадь, отвечавшие вкусам и моде начала XVIII столетия.

Здесь все характерно: и полное игнорирование вопроса о внутренних качествах лошади, и умолчание о ряде бесспорных пороков, препятствующих заводскому назначению лошади, и одновременно предъявляемые требования браковки лошадей за головастость, щекастость, слабоухость, и, наконец, исключительное внимание, которое уделяется масти, вплоть до рекомендации подбора кобыл и жеребцов по мастям. Этот принцип подбора оставался в силе и повторялся в различных руководствах до самого конца XVIII века, причем авторы руководств единогласно утверждали, что «подбор кобыл к жеребцам в масть одинаковую есть способ вернейшего их оплодотворения» [8].

Вообще вопросы мастей были модными в XVIII веке. Старательно разводили лошадей любительских мастей и отмастков: соловых, буланых, розовых, чубарых, различного рода пегих, моренкопфов (чалых с черными головами), изабеловых и т. д. О том, что жеребцов-производителей следует выбирать после их испытания в езде, в работе, в скачках, — в книгах XVIII века мы не находим ни одного слова.

Пышные гривы и хвосты ценили, пожалуй, больше, чем все другие достоинства лошади. Среди всех жеребцов, которые перебивали в дворцовых придворных заводах, наибольшую славу заслужил и прочную по себе память оставил вороной жеребец Гарди, родившийся в Хорошовском заводе в 1766 году от ломбардского жеребца. Чем же прославился Гарди? А вот чем: он «хвост имел длиною в 7 аршин, который вкладывался в кошель» [9].

ТЕХНИКА КОННОЗАВОДСКОЙ РАБОТЫ

Документы эпохи полны указаний на низкий уровень коннозаводской техники и жалоб на невежественность лиц, непосредственно руководящих конскими заводами. В качестве управляющих, смотрителей, штутмейстеров в конских заводах по большей части подвизались первые назвавшиеся, бравшиеся за это дело иностранцы-авантюристы, искатели счастья, побродяги по белу свету, хорошо еще, если они были берейторами или унтер-офицерами кавалерии. Сами невежественные в коневодстве, они не в состоянии были почерпнуть необходимые им познания и из коннозаводской литературы XVIII века, с трудом еще освобождавшейся от средневековых закоснелых взглядов и понятий.

В 1787 году в России вышел в свет и получил широкое распространение перевод немецкого издания книги Георга Симона Винтера фон Адлерс Флигель «О заводе конском». Книга эта полна доказательств самого темного и грубого невежества, коннозаводских предрассудков и суеверий, вплоть до рассказов о лошадях с человеческими головами и до рисунков, изображающих случку кобылы с быком в целях получения буцефала. В полном ходу астрология: звезды влияют на судьбу как людей, так и животных, поэтому случку надо производить не иначе, как в определенные часы и определенные дни недели, разные для каждой масти, «дабы зачатие произошло для каждой масти под знаком благоприятного ей созвездия». Коннозаводчик должен уметь распознавать хорошие и дурные масти, знаки и приметы. Между лошадями разных мастей «хорошие и худые лошади быть могут, что зависит единственно от того, что одна перебившаяся шерсть более ртути и соли в себе имеет, нежели другая». Конский завод должен быть украшен флагами, горящими разноцветными фонарями, во дворе его должна играть

музыка, должны бить барабаны, раздаваться ружейные и пушечные выстрелы — все это лошадям полезно. Но женщины, женщины! Вот где таится опасность для завода. Им должен быть доступ в конский завод категорически запрещен, ибо «от их глаза начинается у кобыл выкидыш» [10].

Если таковы были учителя, то каковы же были их ученики, которые, странствуя из завода в завод вдоль и поперек нашей страны, учили всех и каждого, как надо вести коннозаводское дело?

Типы маток в конских заводах XVIII столетия.

Типы маток в конских заводах XVIII столетия.

Содержание племенного состава и воспитание молодняка конских заводов, за малым исключением, производилось далеко не рационально. Большую часть года, не менее 6 месяцев, матки и молодняк содержатся исключительно на подножном корму. Зимой жеребых кобыл подкармливают лишь соломой, морят голодом. Жеребят овсом не кормят, «чтобы не были щекасты». Конюшни примитивны; водопой, даже и зимой, как общее правило, — из

проруби. В результате, как писал критиковавший уже в начале XIX века постановку дела в русских конских заводах автор книги «Новый русский конский заводчик, конюший, ездок, охотник и коновал» (Москва, 1809), коннозаводчики зачастую от 30 и более маток в заводе имеют ставку в одну- три головы, «да и тем бывают довольны».

Низкий уровень коннозаводской техники, по всем данным, был большим местом коннозаводства — не только русского, но и мирового — и лишь в последнее десятилетие XVIII века специальная литература начинает уделять больше внимания вопросам рационального ведения конского завода, вопросам кормления, содержания и ухода за лошадью. Управляющие и другие иностранные начальники конских заводов всячески старались невежество своего руководства возместить добросовестностью и качеством работы низшего обслуживающего персонала завода, повышая требования к последнему и перекладывая ответственность за состояние завода на крепостных конюших, конюхов, маточников, табунщиков и т. д. Короче говоря, старались «разложить изъязн на крестьян».

Чтобы читатель мог сразу составить себе представление о том, какое беззаветное самоотвержение требовалось от крепостных работников завода, причем оно не ставилось им в заслугу, а считалось чем то само собою разумеющимся, приведем только одну цитату из русской книги 1783 года — «Городской и деревенский коновал или собрание необходимо нужных наставлений, каким образом заводить, содержать и лечить лошадей, коров и овец».

Глава XVI книги рассказывает о должности конюшего и конюхов. В ней мы читаем: «...истинный и добрый правитель конский должен иметь трезвость, терпение, веру, любовь непринужденную к лошади, не женатый, дабы жена с детьми не отвлекала его от должности».

Так иногда мелкая подробность, оброненная невзначай деталь быта, ярко запечатлевает характерные особенности общественных отношений и лучше освещает эпоху, чем целые страницы сухих научных рассуждений. Крепостной конюший обрекался на безбрачие затем, чтобы все его способности, помыслы и стремления сосредоточивались на единственной цели — радении о барском добре. Тяжела была жизнь и участь крепостного персонала, приписанного к конскому заводу, и вряд ли ее могла скрасить и «любовь

непринужденная» к лошадям. Не мимо молвилась старая пословица — «Кому село Любово, а кому горе лютое».

А. П. ВОЛЫНСКИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОННОЗАВОДСКОЙ МЫСЛИ

У каждого, кто внимательно прочтет предшествующие страницы, должен возникнуть законный вопрос: ведь не могло все русское коннозаводство быть отдано в безраздельное хозяйствование чужеземных берейторов, а вся зоотехническая мысль быть в плену у иностранных авторов и их переводчиков? Русское коннозаводство имело в прошлом прочные корни и достигло еще в допетровской России цветущего состояния. Русская коневодческая мысль и тогда не чуждалась полезных заимствований с Востока: не только аргамачи, но и произведения восточной коннозаводской мудрости, выдержки из разных Faras-Nama, «книг о лошади», проникали к нам через Среднюю Азию и Персию; Москва не отказывалась и от переводов книг, издававшихся на Западе [11], но при всем том коннозаводство Московской Руси имело свой собственный, старинный, веками сложившийся уклад, конские заводы, из которых некоторые, как, например, Александровский, Хорошовский, восходили еще к XV–XVI векам, имели свой накопленный опыт, свои приемы коннозаводской техники [12].

Конские заводы — царские, монастырские, боярские, пусть не все, пусть в небольшом числе, пусть растеряв три четверти своего конского состава, но все же продолжали существовать и в XVIII столетии, и в заводах этих, а также в конюшенных волостях и слободах (например, в Гавриловской слободе) должны были бытовать, передаваться от отца к сыну временем освященные навыки, опытом поколений проверенные наблюдения, правдой жизни подсказанные советы.

Не могли сразу, в царствование Петра I, перевестись на Руси все любители и ценители лошади и среди дворян-помещиков и даже среди приближенных царя. Одним из таких коннозаводчиков, принесших в XVIII век страсть к лошади и опыт бояр Московской Руси XVII века, был Артемий Петрович Волынский, известный своей злополучной судьбой.

Он много видел лошадей на своем веку, побывал в Польше, в Турции, несколько лет прожил в Персии, куда он был послан Петром I «в характере посланника», был хорошо знаком с кочевым коневодством татар и калмыков.

После казни Артемия Волынского в казну было взято 362 принадлежавших ему «заводных жеребцов, кобыл и приплодных жеребят»; по отношению к ним указ от 12 сентября 1740 года предписывал: «Неаполитанских, турецких, грузинских, прусских и аргамачьих жеребцов, кобыл и с жеребьями от них принять в дворцовые конюшенные заводы» (таких поступило 171 голова), «а прочих жеребцов и кобыл ростом 2 арш. 2 вершк. и более (151 см и выше. — В. В.) употребить к драгунским заводам» (таких оказалось 175 голов), и 16 лошадей получили другие назначения.

Коннозаводские взгляды А. П. Волынского нашли свое отражение в ряде официальных документов, относящихся к тем годам, когда он «имел дирекцию на конюшенной канцелярии и смотрение над всеми дворцовыми заводами». Волынский выхлопотал себе право отозвать в конюшенную канцелярию, независимо от того, «у каких ныне дел» они бы ни были, «из дворян искусных людей, которые порядочно ведут в домах и деревнях своих экономию и имеют нарочитые свои домашние лошадиные заводы». Волынский стоял во главе «Комиссии о сочинении вновь государственных конских заводов». Им были разосланы доверенные лица в разные губернии для осмотра и описи мест, «удобных для учреждения конских заводов». Составленная программа обследования была написана с большим практическим знанием нужд и требований коннозаводского хозяйства ^[13].

Одновременно Волынский заботился о наведении порядка в существовавших уже дворцовых заводах. В своих распоряжениях и указаниях он постоянно обращает внимание на упорядочение кормовой базы хозяйств, на улучшение лугов и пастбищ, «дабы все луга, которые от несмотрения заросли, заблаговременно расчищены и в доброе учреждение приведены были, также и травы в удобное время всегда кошены и сена убраны были... понеже вся сила содержания конских заводов состоит в доброте трав и целости сена». Начиная с 1732/33 года Волынский предписывал в конских заводах возводить постройки для жеребят— «покои к будущей зиме». В 1737 году предложено было в заводах «учредить особые водогрейные очаги», «к

чему куплено в каждый завод по 2 чугунных котла в 20 ведр, которые предписано вмазать».

В том же году во всех подведомственных Волынскому заводах были выстроены «лековые конюшни», т. е. конские лазареты [14]. В 1730-х годах «подъяческие и понамарские дети» из конюшенных волостей ежегодно посылались в Москву в школу при Главной конюшенной канцелярии, где они поступали в обучение к «знатным коновалам» иноземцам.

Повидимому, эта школа впоследствии была переведена под Москву в Хорошовский завод. В Москве была построена первая «Конская аптека» (архитектором Бове).

Все это свидетельствует о том, что в лице Артемия Волынского мы имеем незаурядного деятеля отечественного коннозаводства, а не просто фантазера-прожектера, каким его себе иногда представляют на основании его неосуществленных грандиозных проектов.

В своем собственном заводе Волынский разводил, видимо, очень хороших лошадей. Все заводские жеребцы и кобылы оказались выше 2 арш. 2 вер. росту и хороши по себе, так что брак при отобрании завода в казну составил всего 7 голов, которые и были проданы «в пользу Конюшенной канцелярии». Основываясь на словах указа от 12 сентября 1740 года (см. выше), надо предполагать, что личные симпатии А. П. Волынского, в соответствии с традициями Московской Руси, склонялись на сторону восточных лошадей: «турецких», «грузинских», «аргамаков» (персидских и среднеазиатских).

Из пощаженных временем документов Волынского следует отметить еще один — предписание заканчивать припуск кобыл к персидским аргамакам к 15 мая. Видимо, Волынский хорошо знал, что поздно рожденные жеребята развиваются хуже, и остерегался их в заводе.

РУССКАЯ КОНЕВОДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Вторая половина XVIII века отмечается развитием отечественной агрономической науки. Печатается не только переводная сельскохозяйственная литература; появляются многочисленные самостоятельные работы русских авторов.

Особенный интерес к вопросам сельского хозяйства и животноводства проявляется со времени организации Вольного экономического общества (1765). Появляются выдающиеся для своего времени многочисленные работы А. Т. Болотова, М. И. Афонина, П. И. Рычкова, И. И. Лепехина и, ближе к концу века, И. И. Комова, В. А. Левшина и М. И. Ливанова.

Подытоживается свой отечественный опыт в земледелии и скотоводстве. Ставятся на очередь и разрабатываются самые разнообразные вопросы теории и практики сельского хозяйства.

Естественно, не могли быть оставлены без внимания и вопросы коневодства, хотя оригинальная литература по коневодству все же сильно отставала в своем развитии от общей сельскохозяйственной литературы. «Практические примечания о содержании конских заводов» Федота Удалова, напечатанные в «Трудах Вольного экономического общества», т. VI, в 1767 году, явились первой ласточкой зарождавшейся самостоятельной коневодческой литературы. Работа Ф. Удалова содержит много здравых и передовых для своего времени мыслей, к которым автор пришел исходя из практического опыта отечественного коннозаводства. Особенно ценны высказывания Ф. Удалова по вопросам выращивания жеребят и обращения с ними, к чему мы ниже вернемся.

Но первая ласточка еще весны не сделала. На протяжении 15 лет не появляется ни одной интересной русской книги по коневодству. Печатаются лишь переводные: «Лечебник» Фишера (I — 1774, II — 1778), «Карманный коновал» Бордоня (1778), «Полезный дворянам коновал» Кювилье (1779), «Совершенное и правильное описание о сведениях конских статей» (СПБ, 1778) и некоторые другие подобного же рода издания.

В 1783 году известный деятель просвещения екатерининского времени Н. И. Новиков издал книгу, которая вся разошлась и вскоре вышла вторым изданием: «Городской и деревенский коновал». Автор ее скрыл свою фамилию под инициалами А. П.

Книга эта примечательна во многих отношениях и заслуживала бы особого историко-библиографического изучения. В ней иппологические каноны классического мира, пересказываемые А. П. через 2 тысячелетия, причудливо переплетаются с предписаниями мусульманского востока; в ней чувствуется хорошее знакомство с

последними иппологическими писаниями французских и итальянских авторов XVIII века и в ней же находят отражение предания и народные поверья Московской Руси; средневековая алхимия и астрология уживаются с великолепным здравым смыслом и практическими советами в области содержания и кормления животных, какими-то внутренними нитями связанными с предшествующим коннозаводческим опытом России.

Обучая, как определять возраст лошади по зубам, автор цитирует Аристотеля и Плиния; о достоинствах и ценности лошадей гнедой и золотисто-гнедой масти рассказывает по Палладию (не называя его). В отделе о мастьях лошади автор платит дань, не зная того, и Эмпедоклу с его учением о четырех элементах (воздух, огонь, земля и вода) и Парацельсу с его химическими элементами — соль, сера, Меркурий.

Автор разбирает вопрос о желательном начальном возрасте заездки жеребят, с одной стороны, по итальянским авторам, а с другой стороны — в соответствии с обычаями Персии и стран Востока.

В главе о лечении лошади автор советует не пренебрегать русскими и татарскими лекарствами, и некоторые рецепты новиковского издания взяты как будто из восточных Faras-Nama, сочинений по иппиатрии.

В одном и том же разделе мы встречаем строчки, написанные самым обычным книжным языком конца XVIII века — «Сие того ради упоминается, что казаки, особливо низовые, не имея никаких докторов и аптек, употребляют горячее вино и прибегают к конским лекарствам», и тут же при описании этих конских лекарств речь звучит как отрывок из какого-то «Чародейского травника» или «Лечебника» времен Ивана Грозного: «Млеко кобылье, с медом смешенное, весьма полезно от чахотных болезни, так и женам бесплодным, перышком в око пушают, бельмо сгоняет, курение с копыта коневья умерщвленной во чреве плод изгоняет и к скорому рождению пособствует. Пот конский, напрыскивая стрелы, или иное некое оружие, весьма ядовит; прах такожде конский удивительно крепок и жар отвращает, Пена конская в питии поутру очень полезна от чахотки, также и тем, кон тяжко кашляют... Желчь конская, в вине ренском даваемая, сон и отдохновение подает, бельмо сгоняет» (стр. 91–92).

Автор уже сомневается в том, что если случать кобылу до полнолуния, то родится жеребчик, а если после полнолуния, то кобылка, но еще с полной уверенностью говорит о том, что жеребят

никогда не надо отнимать от матери иначе, как во вторую и третью четверть луны.

Когда же изложение доходит до вопроса о том, каким сеном надо кормить отнятых с соблюдением этих астрологических предосторожностей жеребят, то неожиданно мы читаем блестящую страницу.

«Сено для них держать самое лучшее с лугов, где растет дятлина, или другая какая мягкая трава [15]. Такие места приказывать за несколько времени до настоящего сенокоса выкосить, чтоб трава имела в себе полный свой сок, пока она еще не очень созрела, и дать хорошенько высохнуть, и чтоб не слеглась, класть лучше не стогами, а в сараи. Такой корм для жеребят не только сытен, но и лекарство» (стр. 51–52).

В 1791 году был выпущен в свет «Новейший и совершенный российский конский знаток, ездок, охотник и коновал». Автором книги, также не напечатавшим своей полной фамилии, был Н. П. Осипов (Н. О.), который очень много материала заимствовал из предшествующего новиковского издания — в том числе и страницу о сене для жеребят, но вместе с тем в ряде вопросов смелее, чем предшественник, отмежевывается от средневековых пережитков и предрассудков. Однако, ни Н. П. Осипов, ни псевдонимный автор новиковского издания не могут претендовать на приоритет в рекомендации такого способа приготовления высококачественного сена. Они заимствовали этот рецепт у Федота Удалова, который дает его наряду со многими другими ценными практическими «советами, основанными на искусстве». Так, например, Ф. Удалов рекомендовал еще добавлять в корм, жеребцам-производителям перед началом случного сезона «мелко изрубленные сосновые иголки» (ук. соч, стр. 197 и 207).

В 1795 году появилось первое издание популярного русского конского лечебника Л. М. Эвеста, впоследствии переиздававшегося много раз. Книга была написана Л. М. Эвестом, плохо владевшим пером, в сотрудничестве с известным В. А. Левшиным, секретарем Вольного экономического общества. В этом «Лечебнике» Л. М. Эвест решительно порывает с «искусством, которое состоит в суеверии, доставшемся нам по наследству от наших предков», и старается подвести строго научный фундамент под изложение основных

вопросов зоогигиены и ветеринарии. Интересен, в частности, раздел II «Лечебника», «О конском заводе», с соображениями в духе более глубоких мыслей Бюффона о влиянии климата на свойства животных.

На последнее десятилетие XVIII века падают упомянутое уже выше сочинение М. Меморского (1799), перевод в 10 томах «Естественной истории» Бюффона, начатый печатанием в 1789 году, и работы М. И. Ливанова (1794 и 1799), впервые познакомившие русского читателя со взглядами Бэквелла и с принципами работы его английских последователей [16].

Красной нитью проводится мысль, что должно стремиться разводить животных только прибыльных, например свиней, рогатый скот и овец «от природы склонных к ожирению», или коров, «от природы склонных к молоку»; подчеркивается значение племенного животноводства; говорится что корм «не единственная причина образования пород, но лишь помогающая» причина, что многое зависит от искусства работы заводчика, что кровосмешении животноводу не следует опасаться, они не вредны, наоборот оказываются даже полезны. К коннозаводству как отрасли домоводства Ливанов относится весьма сдержанно, чтобы не сказать неприязненно, так как «...многими уже опытами доказано, что кони едва ль какую в домоводстве приносят прибыль; напротив же того, рогатый скот всегда обогащает домовода», а вместе с тем «для коней, как в количестве больше так и в качестве лучшего требуется корму, нежели для рогатого скота». Вряд ли можно думать, чтобы сочинения Ливанова имели успех у русских коннозаводчиков.

Приведенный краткий литературный обзор убеждает нас в том что русская зоотехническая мысль XVIII столетия в своем стремлении идти самостоятельными путями, широко перерабатывая и приспособлявая к своим потребностям то, что ей казалось заслуживающим) внимания в мировой зоотехнической и иппологической литературе, одновременно пополняла свод своих сведений из запаса отечественного практического опыта. Литература давала нередко здравые, разумные советы сельским хозяевам по вопросам содержания и кормления животных в русских условиях, но в больших принципиальных, проблемных вопросах разведения русская наука еще не могла указывать путей самостоятельного развития отечественного коннозаводства и примыкала к той практике, которая в

XVII–XVIII веках свила себе прочные традиции в коневодстве, мы сказали бы в терминах современной зоотехнии, в практике сложного промышленного скрещивания.

Под эту практику, направленную к получению хороших пользовательных животных, осмысливая ее, Бюффон пытался подвести фундамент теории. Только на путях непрерываемых скрещиваний, думал он, можно преодолеть то могущественное влияние местных природных условий, в силу которого хорошие иностранные породы при чистом разведении через несколько поколений могут стать неотличимыми от плохих туземных. Но как создавать новые породы на этот вопрос Бюффон даже не пытался ответить.

Естествоиспытателям и животноводам XVII и XVIII веков и тому же Бюффону вопросы пороодообразования не были ясны, да и не могли быть ясны уже и по той простой причине, что они не имели возможности наблюдать, как образуется порода.

На глазах и даже на памяти людей XVII и XVIII веков в период загнивания феодально-крепостнического строя в Западной Европе не было создано ни одной новой породы животных на путях сознательного искусственного отбора.

В этом отношении мы не делаем исключения и для чистокровной скаковой лошади Англии, не считаем ее плодом сознательной творческой зоотехнической работы по выведению новой породы. Характерно, что до последних десятилетий XVIII века в широких кругах животноводов и коневодов господствовало представление об английской чистокровной лошади не как о новой породе, но как о восточной лошади, сохраненной и умело выращиваемой в Англии. Во французской иппологической литературе XVIII столетия чистокровную лошадь даже часто называли «Les Turcs d'Angleterre» т. е. турецкая лошадь Англии.

КОННОЗАВОДСКИЕ ИТОГИ XVIII ВЕКА

Давая по возможности объективную и справедливую оценку русскому коннозаводству второй половины XVIII века, необходимо отметить, что внешняя картина расцвета коннозаводства сопровождалась рядом нездоровых явлений. Коннозаводство было по большей части оторванным от широких потребностей коневодства

страны. Конские заводы не создали необходимой стране лошади упряжной и рабочей. Развиваясь односторонне, преимущественно под влиянием запросов армии, они, правда, оказались сравнительно быстро в состоянии удовлетворить спрос государства на кавалерийскую лошадь — и в этом была их заслуга. Однако даже и в деле производства верховых лошадей они не оказались на высоте вследствие принятых методов племенной работы. Первое поколение помесей происходило от выводных ценных производителей и оказывалось, большею частью, хорошими пользовательными лошадьми, но дальнейшая неумелая заводская работа с ними приносила полнейшее разочарование, которое охватило в начале XIX века широкие коннозаводческие круги, получив отражение и в специальной литературе. Как об этом писалось 150 лет назад: «... продукт смешивания разноплеменных лошадей во втором и в третьем поколении не только не заимствовал красоты и доброты своих родоначальников, но рождались лошади слабые и безобразные, прекрасные вначале заводы не удерживали своей ценности» [17].

Кроме того, условные вкусы, тяготение к определенным мастям, к лошадям без отметин, к красивым шеям и головам, без должного внимания к внутренним достоинствам лошади, к ее рабочим качествам, являлись также тормозом развития коннозаводства, были также вредны для дела коннозаводства.

П. Н. Мяснов в 1833 году писал: «Наконец, весьма долгое время господствовавший в России вкус к лошадям красивым, темных шерстей, без малейших белых отметин, возвысил ценность оных до чрезвычайности, заставил всех коннозаводчиков поставить целью одну оную условную красоту, и лошади почти целого государства в таковых превратились. На больших конских ярмарках видишь тысячи лошадей: все рослые, шерстей темных, без малейших белых пятен, с красивыми длинными шеями, острыми ушами и в сих только для глаз приятных прелестях заключаются все их качества; и заводчики ныне не знают, куда с ними деваться» [18].

Таким образом, несмотря на быстрый рост коннозаводства в количественном отношении, в качественном — результаты коннозаводческой работы не стояли ни в каком соответствии с огромными затратами капитала, труда и племенного материала,

которые были вложены в данную отрасль хозяйства во второй половине XVIII века.

С чисто зоотехнической точки зрения важнейшей причиной малоуспешной коннозаводческой работы, при наличии ряда общих причин, обусловивших неудачи дворянского крепостнического коннозаводства, были те безудержные, бесплановые и бессистемные скрещивания, которые буквально свирепствовали в конских заводах конца XVIII века, превращая их в хаотическое смешение лошадей всех сортов и пород, без применения в работе каких-либо правильных принципов творческой селекции, при беспомощной, примитивной постановке кормления и содержания, при допотопных, закоснелых приемах выращивания молодняка, при полном неумении создать условия, способствующие развитию у помесей свойств, наследственное закрепление которых желательно получить. Без создания же таких условий никакие скрещивания не могут дать положительных результатов.

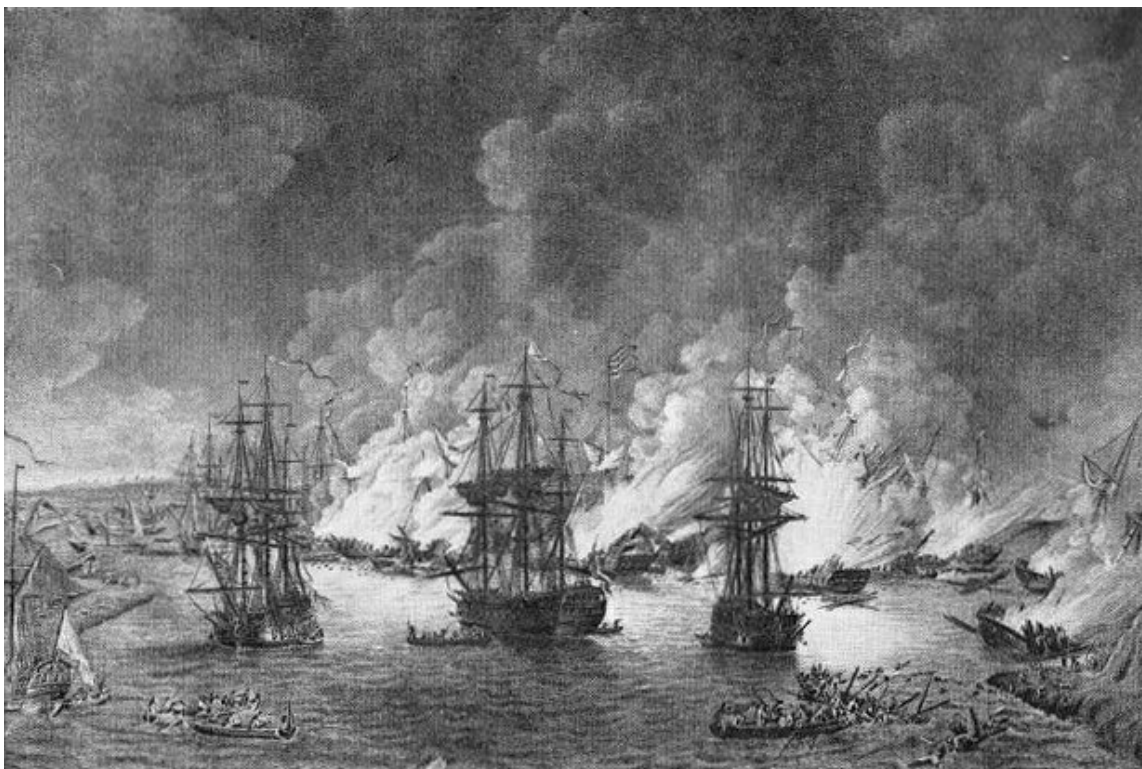
Отсутствие коннозаводческого опыта, барское самодурство, при огромных материальных возможностях, подстрекаемое к рискованнейшим экспериментам ложно понятыми доктринами, — все это вместе взятое сделало из русских коннозаводчиков XVIII века своего рода алхимиков, искавших наугад и наудачу философский камень, идеальную лошадь-первообраз, никогда не существовавшую в природе. В результате, тысячи и десятки тысяч заводских племенных лошадей большой ценности были брошены в плавильные тигли коннозаводской алхимии и на глазах у всех сгорали без следа и остатка. Это была эпоха блестящего расточения коннозаводских ценностей.

Восемнадцатый век ознаменовался неудачами коннозаводской работы не только в России. Феодалы сеньоры во Франции, владетельные курфюрсты, герцоги и князья в Германии к концу XVIII века также оказались у «разбитого корыта». И специальная литература начала XIX столетия обрушилась на Бюффона его теорию скрещиваний и на смену ей выдвинула принцип чистоты пород.

Не следует, однако, делать слишком широкие обобщения и думать, что все русские конские заводы велись в XVIII веке по иностранным указкам и неудачно.

К счастью для русского коннозаводства и его дальнейшего самобытного и независимого от Западной Европы развития, существовали в эту эпоху русские коннозаводчики и русские конские заводы, которые выделялись на общем неприглядном фоне феодалского дворянского коннозаводства, которые сберегали и систематически улучшали свой племенной состав, которые не разлетались фейерверком быстрых и необдуманных экспериментов. Эти коннозаводчики из года в год в продолжение десятилетий вели планомерную, творческую, созидательную работу, ставили себе задачи не только сохранить племенные ценности, но и дать стране новые породы, отвечающие ее запросам и требованиям, породы, которым в дальнейшем суждено было сыграть совершенно исключительную роль во всем последующем развитии русского коннозаводства. И первое место среди этих, делавших большое государственное дело, конских заводов по праву принадлежит Хреновскому конскому заводу Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского.

Здесь, на благодатной почве русских черноземных степей, в своеобразных условиях климата, кормления и содержания, под воздействием дружных целеустремленных многолетних усилий русских людей, напряжением русского ума и таланта, возникли наши русские породы лошадей, коренным образом отличавшиеся от всех других, дотоле известных миру. В Хреновском конском заводе зародились русская верховая лошадь и орловский рысак, которого затем признала своим вся Россия.

Чесменский бой на утро 26 июня 1770 г. С гравюры 7770-х годов. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Чесменский бой на утро 26 июня 1770 г. С гравюры 7770-х годов. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Глава II

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ

Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский был одним из ближайших: участников всех крупных событий первых лет царствования Екатерины II.

Самый умный, смелый и энергичный из всех пяти братьев Алексей Орлов был душой переворота 1762 года, переворота оскорбленной русской гордости и национального протеста против внешней политики Петра III, который с первого дня вступления на престол повел себя как голштинский вассал прусского короля Фридриха II.

Кровавые жертвы, понесенные за семь лет войны, были забыты, победные, русские знамена, развевавшиеся над Берлином, Кенигсбергом, Штеттином, сняты, все завоевания отданы, интересы России преданы.

В русской армии, сразу после победы над пруссаками, вводились прусские военные порядки и прусская военная форма. Глухой ропот охватил широкие круги русского общества, армии и народа. Участники и ветераны семилетней войны — братья Орловы принадлежали к числу их — открыто высказывали свое возмущение. Со свойственной ему быстротой, решительностью и бесстрашием А. Г. Орлов сумел оценить создавшееся положение. Восстание в гвардии удалось и за ней вся, стихийно недовольная Петром III, Россия присягнула Екатерине II.

Через несколько дней после переворота А. Г. Орлов стал главным действующим лицом Ропшинской драмы. «Неукротимые, бурные силы жили в этом необычайном человеке», — говорит о нем академик Е. В. Тарле, — в жизни своей Алексей Орлов был человеком «абсолютно ни перед чем не останавливающимся. Никакие, ни моральные, ни физические, ни политические препятствия для него не существовали и он даже не мог взять в толк, почему они существуют для других...» [\[19\]](#)

В течение первых 12 лет царствования Екатерины Алексей Орлов был одним из ближайших участников всех дел и проектов

императрицы. Брат его, Григорий Орлов, был официально признанным фаворитом императрицы, и братья Орловы принимали ближайшее участие во всех делах как внутренней, так и внешней политики первого десятилетия царствования Екатерины II. С их помощью Екатерина осуществляла «либеральные» затеи первых лет своего царствования, проводила секуляризацию церковных и монастырских земельных имуществ, объявляла свободу торговли земледельческими продуктами, провозглашала идеи просвещенного абсолютизма, создавала знаменитую комиссию 1768 года, «фарсу депутатов», развивала в «Наказе комиссии» мысли Монтескье и Беккариа, учреждала Вольное экономическое общество, где в эти годы ставился в программу дня даже вопрос эмансипации. Напомним известный факт, что в 1767 году на конкурсе, объявленном Вольным экономическим обществом, получило первую премию, а затем, по настоянию именно братьев Орловых, было издано сочинение Беарде, в котором он высказывался за признание права собственности крестьянина на землю и за отмену крепостного права, ибо «собственность не может быть без вольности».

Зенита своей славы Алексей Орлов достиг в первую русско-турецкую войну 1769–1774 годов, когда имя его прогремело по всему миру. Им было предложено Екатерине II и им же было осуществлено исключительно трудное предприятие, для выполнения которого потребовались предусмотрительность, решимость и хладнокровие Алексея Орлова. Русскому флоту, во главе которого был поставлен А. Г. Орлов, было предписано обогнуть в круговом плавании Западную Европу, напасть на много сильнейший, веками господствовавший в Средиземном море турецкий флот, победить его в собственных, внутренних турецких водах, и, поддержав и раздув пожар восстания, вспыхнувший против турков-поработителей на Балканах, в Морее и Архипелаге, создать Оттоманской Порте неотвратимую угрозу с тыла.

Вся Европа в течение долгих месяцев с нескрываемым неодобрением и злорадством взирала на смелое предприятие, предсказывая бесславное поражение и гибель русским эскадрам, предводительствуемым, к тому же, не адмиралом, а кавалерийским генералом. Вскоре, однако, выяснилось, что Алексей Орлов умел сочетать бесстрашие с организаторскими способностями, стратегическую дальновидность и разносторонность с быстротой,

глазомером и натиском, присущими славной русской школе полководцев и флотоводцев.

А. Г. Орлов во главе русского флота применил ту же наступательную тактику, которая отличала действия П. А. Румянцева и А. В. Суворова на суше. Невзирая на численное превосходство врага, Орлов стал настойчиво искать с ним встречи.

24 июня 1770 года он атаковал турецкий флот в Хиосском проливе и обратил врага в бегство. Турецкий флот отступил к Чесменскому заливу, под прикрытием береговых батарей. Орлов добивается, однако, не просто выигрывать сражения, но уничтожения живой силы противника, и, поддержанный адмиралом Г. А. Спиридовым, через сутки отдает приказ: «Наше дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени» [20].

И вот 26 июня при Чесме в ночном бою поставленная цель была достигнута: турецкий флот был разгромлен и сожжен.

А. Г. Орлов поступил как бы в точном соответствии с суворовскими принципами: «Оттеснен враг — неудача; отрезан, окружен, рассеян — удача». И еще: «Преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблен не будет».

В бою при Чесме геройским мужеством прославили себя русские моряки — матросы, лейтенанты, капитаны и адмиралы.

Чесменский бой объял ужасом Турцию, наполнил изумлением Европу и навсегда остался незабываемым памятником русской славы. В день 26 июня 1770 года А. Г. Орлов вписал свое имя на страницы истории в ближайшем соседстве с именами П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова и других героев русского оружия.

Почти через полвека, в память об этом дне, в стихотворении «Воспоминания в Царском селе» юноша Пушкин назовет рядом имена Орлова, Румянцева и Суворова и воскликнет:

«О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!»

После победы при Чесме и до самого заключения в 1774 году мира с Турцией русский флот, под командой А. Г. Орлова, владычествовал в водах Эгейского моря.

Свое более чем пятилетнее пребывание за границей, во время которого он посетил большинство стран Западной Европы, не говоря

уже о Ближнем Востоке, Алексей Орлов использовал умело и широко как для обогащения своего конского завода высокоценными и племенными лошадьми, так и для пополнения и расширения своего зоотехнического кругозора.

Современники Орлова писали: «Богатый своего времени вельможа и страстный охотник до лошадей, он не ограничился поверхностными познаниями, как ныне многие коннозаводчики, но, будучи за границей, сам слушал лекции профессоров ветеринарной школы и обзревал лучшие коннозаводческие учреждения в различных государствах». Не остались, повидимому, вне поля его зрения ни теоретические работы Бюффона и Буржеля, ни практическая деятельность английского зоотехника Бэквелла ^[21], но ни к кому не поступил он в выученики, ничьим робким подражателем не собирался стать. Обогащенный знаниями и опытом Запада, Алексей Орлов сохранил в полной мере независимость зоотехнической мысли.

К тем же годам заграничных странствований (1769–1775) относится массовый ввоз приобретенных А. Г. Орловым для конского завода лошадей. Целыми партиями ввозят жеребцов и кобыл с Запада, с Юга и Востока: из Дании, Англии, Испании, Италии, из Персии, Армении и, наконец, из Аравии и Турции. Если приобретение ценных племенных лошадей в странах Запада зависело главным образом от умелого выбора и готовности к неограниченным денежным затратам, то лишь благодаря счастливому сочетанию обстоятельств Алексей Орлов оказался обладателем таких арабских и турецких коней, равных которым по качеству, возможно, никогда и не ввозилось в Россию и в Европу.

В XVIII веке вывод из Аравии и из стран Ближнего Востока высокоценных племенных лошадей был сопряжен с исключительными трудностями. Из Европы снаряжались целые экспедиции, но поиски коней обычно приносили очень малые результаты, а иногда оканчивались и гибелью участников. Так, например, известна экспедиция, снаряженная князьями Сангушко в конце XVIII века, пробывшая в пути свыше трех лет, стоившая больших денег, потребовавшая, прямо-таки, героических усилий участников, потерявшая нескольких человек и, наконец, завершившаяся приводом четырех жеребцов, положивших основание известному рассаднику арабских лошадей «Славута» на Украине.

Несомненно, что при заключении мира победитель при Чесме имел такие возможности удовлетворения охватившей его коннозаводской страсти, о каких никогда не мог мечтать ни один коннозаводчик Европы; к тому же, богатейший вельможа России, он не скупился на деньги и подарки.

А. Г. Орлов добывал себе арабских и азиатских — турецких и персидских — коней еще во время войны. Иногда это был захват, на правах военной добычи, иногда покупка, а кое-когда и дар. Так, например, в 1771 году Али- Бей, независимый и враждебный Турции мамелюкский султан Сирии, которому русская эскадра оказывала помощь, подарил Орлову гнедого жеребца (впоследствии названного Алибеем) и нескольких кобыл.

После заключения мира А. Г. Орлов получил несколько первоклассных жеребцов и маток от одного турецкого паши, вся семья которого после Чесменского боя попала в плеч к русским и была Орловым невредимой и с подарками отпущена на свободу. Паша оказался страстным любителем и знатоком лошадей и сумел достойно отблагодарить Орлова после заключения мира.

По заключении Кучук-Кайнарджийского мира сам турецкий султан подарил Орлову, как сообщает В. И. Шишкин, еще имевший в своем распоряжении в начале XIX столетия все архивы Хреновского конского завода, «настоящих первоклассных жеребцов». Такие подарки по окончании войны были в обычае восточных властителей. М. И. Кутузов также после победы над Турцией в 1812 году получил при заключении мира в дар от турецкого султана арабского жеребца.

Султану было из чего выбрать жеребцов для подарка А. Г. Орлову. На султанской конюшне стояло до 3 тысяч жеребцов из различных подвластных или дружественных султану стран: Аравии, Малой Азии, Персии, Туркмении и т. д. Отбор коней для такого признанного охотника и знатока, каким был А. Г. Орлов, производился, несомненно, особо тщательно, выбирались только жеребцы «отборные из отборных», как писалось в старину в характеристиках производителей.

Но одних только дареных коней А. Г. Орлову было мало. Пока русский флот продолжал еще стоять у берегов Мореи, А. Г. Орлов «через морейцев и пособием турецкого правительства посылал покупать арабских лошадей в Египет и Аравию и за все это платил большие деньги» [22].

По преданию, жеребец Сметанка обошелся Орлову в 60 тысяч рублей, невероятная по тому времени сумма.

В одном из старых английских изданий нам удалось найти интересную характеристику требований, которые предъявлял А. Г. Орлов к покупаемым лошадям, В книге приводится любопытная выписка из арабского аттестата 70-х годов XVIII столетия на лошадь, вывезенную из Аравии через Англию. В аттестате, после удостоверения происхождения лошади, цветистым языком превозносится ее ценность; говорится о том, что некий Бени Шукр приставил к ней в пустыне охрану из 30 человек, а затем идет восхваление ее достоинств: «Когда русский генерал граф Орлов, который хотя и был красив, но весил очень много (указывается вес — почти 9 пудов на русские меры веса. — В. В.), сел на нее и проскакал на ней вскачь все положенное большое расстояние, она была утомлена не больше, чем если бы несла перышко» [23].

Этот документ, конечно, не может служить доказательством истины всего в нем сказанного, но он, бесспорно, свидетельствует о том, что Орлов лично осматривал и испытывал приводимых ему на продажу лошадей, причем произвел на местное население большое впечатление своим богатырским дородством.

Медаль в честь А. Г. Орлова и Чесменского боя — лицевая сторона

*Медаль в честь А. Г. Орлова и Чесменского боя — лицевая
сторона [24].*

Медаль в честь А. Г. Орлова и Чесменского боя — оборотная сторона

*Медаль в честь А. Г. Орлова и Чесменского боя —
оборотная сторона*

Из числа приобретенных в Аравии и Турции лошадей А. Г. Орлов по окончании войны вывел, точнее сказать, довел до России 30 жеребцов и значительное количество кобыл. Из этого числа жеребцов 18 были подведены Екатерине II и получили назначение в придворные конские заводы, где и нашли себе могилу: не то, что породы от них, но даже памяти, хотя бы кличек их, не сохранилось; 12 жеребцов и 9 кобыл поступили в конский взвод А. Г. Орлова. Их судьба была иная.

Все приобретенные в 1774 году лошади были доставлены в Россию морем, исключая одного жеребца, которого, ввиду его особой, совершенно исключительной ценности, не решились доверить морю и который был приведен сухим путем, под военной охраной и с фирманом блистательной Порты, из Аравии через Турцию, Венгрию и Польшу в Москву, куда он прибыл лишь в 1776 году. Этим жеребцом был серебристо-белый жеребец Сметанка — родоначальник орловского рысака.

А. Г. ОРЛОВ — ОПАЛЬНЫЙ ВЕЛЬМОЖА

По возвращении на родину Алексей Орлов был осыпан всяческими наградами, получил орден Георгия I степени, стал именоваться Орловым-Чесменским — в честь Чесменского боя, но при дворе песня его была уже спета. К этому времени его брат Григорий Орлов потерял положение фаворита, и вскоре вся семья Орловых была отстранена от

активного участия в делах государственных и военных. В 1775 году Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский был «уволен навсегда от военной службы».

С этого времени А. Г. Орлов проживал в Москве в своем Нескучном дворце, ведя ту неоднократно описанную в литературе деятельно-праздную жизнь опального вельможи, в которой его богато одаренная натура тщетно искала выхода своим могучим силам.

В посвященном Орлову стихотворении «Афинейскому витязю» (1796), которое по цензурным соображениям смогло появиться в печати лишь в 1808 году, Г. Р. Державин выразительно и сжато сказал:

«Его покой — движенье,
Игра, борьба и бег».

И. С. Тургенев в уста старика однодворца Овсянникова вложил такое описание жизни Алексея Орлова в Москве на покое:

«Много вельмож видел — и всяких видел, жили открыто, на славу и удивление. Только до покойного графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского не доходил ни один. Алексея-то Григорьевича я видел часто: дядя мой у него дворецким служил.

Изволил граф жить у Калужских ворот, на Шаболовке. Вот был вельможа! Такой осанки, такого привета милостивого и вообразить невозможно и рассказать нельзя. Рост один чего стоил, сила, взгляд! Пока не знаешь его, не войдешь к нему, боишься, точно робеешь, а войдешь — словно солнышко тебя пригреет и весь повеселеешь. Каждого человека до своей особы допускал и до всего охотник был. На бегу сам правил и со всяким гонялся; и никогда не обгонит сразу, не обидит, не оборвет, а разве под самый конец переедет; и такой ласковый — противника утешит, коня его похвалит.

Голубей-турманов держал первейшего сорта. Выйдет, бывало, на двор, сядет в кресла и прикажет голубков поднять; а кругом на крышах люди стоят с ружьями против ястребов. К ногам графа большой серебряный таз поставят с водой; он и смотрит в воду на голубков.

Убогие, нищие сотнями на его хлебе живали... и сколько денег он передавал!

А рассердится — словно гром прогремит. Страху много, а плакать не на что: смотришь, — уж и улыбается. Пир задаст — Москву споит!.. И ведь умница был какой! Ведь Турку-то он побил! Бороться тоже

любил; силачей к нему из Тулы возили, из Харькова, из Тамбова, отовсюду. Кого поборет — наградит, а коли кто его поборет — задарит вовсе и в губы поцелует».

Алексей Орлов был общительным и доступным. Когда Державин, будучи в Преображенском полку солдатом, пришел к Орлову, майору полка, «без всякой протекции» и сказал, что он обижен, то Орлов внимательно разобрал его дело и произвел его в офицеры [25].

Доступность Орлова и простота его манер удивляли чванных английских лордов и церемонных французских маркизов. Английский посол, граф Кэткарт, отдавая дань качествам Орлова как государственного деятеля и флотоводца, в то же время добавлял: «Он не говорит по-французски... Манеры его необыкновенно просты, хотя и не лишены достоинства. Он... ведет себя таким образом, что не возбуждает зависти» [26].

Автор известных «Записок современника» С. П. Жихарев [27] в старости писал:

«Герой Чесменский доживал свой громкий славою век в древней столице. Какое-то очарование... привлекало к нему любовь народную. Неограниченно было уважение к нему всех сословий Москвы, и это общее уважение было дано не сану богатого вельможи, но личным его качествам. Граф А. Г. Орлов был типом русского человека: могучий крепостью тела, могучий силою духа и воли, он с тем вместе был доступен, радушен, доброжелателен, справедлив; вел образ жизни на русский лад и вкус имел народный: любил разгул, удальство, мешал дело с бездельем и всему находить умел свое время».

По свидетельству Г. Р. Державина, Орлов «любил простую русскую жизнь, песни, пляски и все другие забавы простонародные»; ему было свойственно «просторечие» [28].

Про А. Г. Орлова, спортсмена и охотника, можно сказать, что не было вида спорта, в то время известного, которым бы он не увлекался: в манеже все тонкости высшей школы верховой езды ему были знакомы, и как предводитель турниров и каруселей он своей ездой возбуждал восторг зрителей; в отъезде поле он охотился с борзыми и гончими и выводил свои породы собак, которым сам вел «подробные родословные книги (студ-бук)» [29]; скачки и бега были обязаны ему своим возникновением в России. В кулачном бою Алексей Орлов

почти не знал себе супротивников и даже под старость иногда выходил на бой и «ссаживал» бойцов, годившихся ему не то что в сыновья, но даже и во внуки. Силу имел непомерную, завивал кочергу, как веревочку, и между пальцев сплющивал серебряный рубль. Голубиные гоны и петушьи бои — и им отдавал он дань увлечения. Породы орловских чистых голубей и орловских бойцовых кур славились в кругах любителей, и эти породы также велись Орловым с помощью точных племенных записей.

Но любимым детищем Орлова на протяжении последних десятилетий его жизни был его конский завод. В пирах, кулачных боях, голубиных гонах Орлов искал отвлечения, забвения, а коннозаводству, увлекательному зоотехническому творчеству, делу создания и разведения новых, небывалых, дотоле еще неизвестных России и миру типов и пород лошадей, Алексей Орлов отдавал все свои силы. Конский завод наполнил содержанием дни его вынужденной праздности, и коннозаводческое творчество на склоне лет Орлова принесло ему еще раз в жизни радость гордого сознания всенародно одержанной победы.

Фигура Алексея Орлова еще не получила всесторонней и законченной оценки в нашей исторической литературе. Это не легко, когда дело идет о понимании далекого, ставшего уже внутренне чуждым, прошлого.

Идеализировать Орлова мы никак не намерены. Представлять его каким то «рыцарем без страха и упрека», каким он рисовался в воображении коннозаводчиков XIX века, значило бы сделать его просто смешным, а Алексей Орлов мог в жизни быть нередко ненавистным, подчас страшным, но смешным никогда. Слава его носит скорее несколько мрачный оттенок.

В отношении к нему и современники и потомки не были единодушны. Его жизнь и дела вызывали не только похвалу, но и осуждение. Одни называли его привычным царевубийцей, другие даже злодеем. Некоторые из современников чистосердечно возмущались его лицемерной и жестокой политикой в деле Таракановой; некоторые из потомков лицемерно негодовали на его чистосердечное заявление, что он не понимает как может безбедно жить дворянин, если не имеет хотя бы 5 000 душ крепостных.

По поводу этого различия во взглядах на одного и того же человека хорошо вспомнить замечание Белинского — «чем одностороннее мнение, тем доступнее оно для большинства, которое любит, чтоб хорошее неизменно было хорошим, а дурное — дурным, и которое слышать не хочет, чтоб один и тот же предмет вмещал в себе и хорошее и дурное» [\[30\]](#).

Алексею Орлову, как сыну своего века и своего класса, не чужды были крупные и многообразные пороки XVIII столетия. Мы охотно допускаем, что и его прославленное «молодечество» часто переходило в удаль Васьки Буслаева, и в 70 лет он мог еще пить мертвую, и шрам через все лицо был получен им не в боях за родину, а в отчаянном затаянном им пьяном побоище.

Однако хотя прошло уже почти два века, но и в наши дни каждый беспристрастный исследователь жизни и дел Орлова не может не испытать ощущения необычайной даровитости его.

Алексей Орлов — гуляка, самодур-феодал, крепостник, разумеется, не может рассчитывать на сочувствие советского читателя, но Алексей Орлов — флотоводец, приведший русский флот к блестящей победе при Чесме, Алексей Орлов — зоотехник, опережающий свой век, создающий орловскую рысистую породу, национальное наше достояние, этот Алексей Орлов заслуживает, несомненно, много отношения и справедливого признания своих заслуг перед Родиной.

А. Г. Орлов. С портрета работы Лонгина Христинека (1779 г.). Из собрания Государственной Третьяковской галереи.

А. Г. Орлов. С портрета работы Лонгина Христинека (1779 г.). Из собрания Государственной Третьяковской галереи.

Глава III

ОСНОВАНИЕ ХРЕНОВСКОГО КОНСКОГО ЗАВОДА. НАЧАЛО КОННОЗАВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЛОВА

Еще к 60-м годам XVIII века относится организация А. Г. Орловым конского завода под Москвой, в имении «Остров», в 30 км от столицы. Похоже, что имение это в первые годы существования завода находилась в нераздельном владении всех братьев Орловых, и старший из братьев. И. Г. Орлов, жил в нем подолгу, распоряжался, «присматривал» за конским заводом брата в годы его заграничных отлучек.

Мы имеем очень мало данных, чтобы судить о коннозаводской работе А. Г. Орлова в 60-е годы. Заводские книги и записи не сохранили нам: сведения ни об одной лошади, которая достоверно родилась бы в Островском заводе до 1770 года и уцелела бы для дальнейшей работы Орлова в Хреновском конском заводе. Мы знаем только, что Островской завод был пополнен матками и жеребцами, выбранными Орловым из состава лучших дворцовых заводов по особому, личному, указу Екатерины II. Знаем также, что в завод в разное время поступали как выводные кобылы, так и жеребцы в отдельных случаях высокой племенной ценности. Среди последних выделялись два жеребца, Шах и Дракон, присланные персидским шахом в подарок Екатерине II, а ею подаренные А. Г. Орлову.

По всей вероятности, 60-е годы были годами коннозаводского ученичества, годами первоначального ознакомления с техникой коннозаводской работы, с природными свойствами и с племенными качествами лошадей тех исходных пород — датской, испанской, английской и восточных, которыми смогли снабдить дворцовые конские заводы молодого коннозаводчика.

По новости дела, не обошлось, конечно, и без ошибок, но «бояться несчастья и счастья не видать» (Петр I). В частности, ошибкой был

неудачный выбор места расположения конского завода. В подмосковных условиях ценнейшие лошади южных азиатских пород, а также и требовательные лошади культурных западных пород поневоле обрекались на восьмимесячное стойловое содержание в закрытых помещениях, на. изнеживающее тепличное воспитание; в противном случае, при попытках закаливания в условиях северного климата они быстро погибали. Жертвой этого климата стал и знаменитый жеребец Сметанка, который прожил в Острове немногим более года.

Наблюдение, что лошади иностранных пород трудно акклиматизируются в наших условиях и сознание необходимости дать стране лошадей, которые отвечали бы вполне всем, как естественно-климатическим, так и экономическим, условиям нашей страны, не были бы в ней тепличным растением, — остались, повидимому, не без влияния на предпринятые Орловым широкие опыты скрещивания между собой пород лошадей, выведенных из самых разнообразных по климатическим условиям стран и местностей. С другой стороны, эти соображения могли побудить Орлова, после 12–15 лет исканий, переменить место пребывания своего конского завода с тем, чтобы создать для лошадей более подходящие условия естественной обстановки, правда суровой и закаляющей, но такой, которую помеси, полученные от скрещиваний различных пород, были бы в состоянии выдерживать, а тем самым можно было бы избежать для них условий изнеживающего, чисто конюшенного режима.

Несомненно, что в организованном впоследствии Хреновском конском заводе А. Г. Орлов, проводя задуманные им межпородные скрещивания в целях получения крупного и выносливого потомства, выращивал помеси в условиях отнюдь не изнеживающего, а закаляющего «спартанского» содержания.

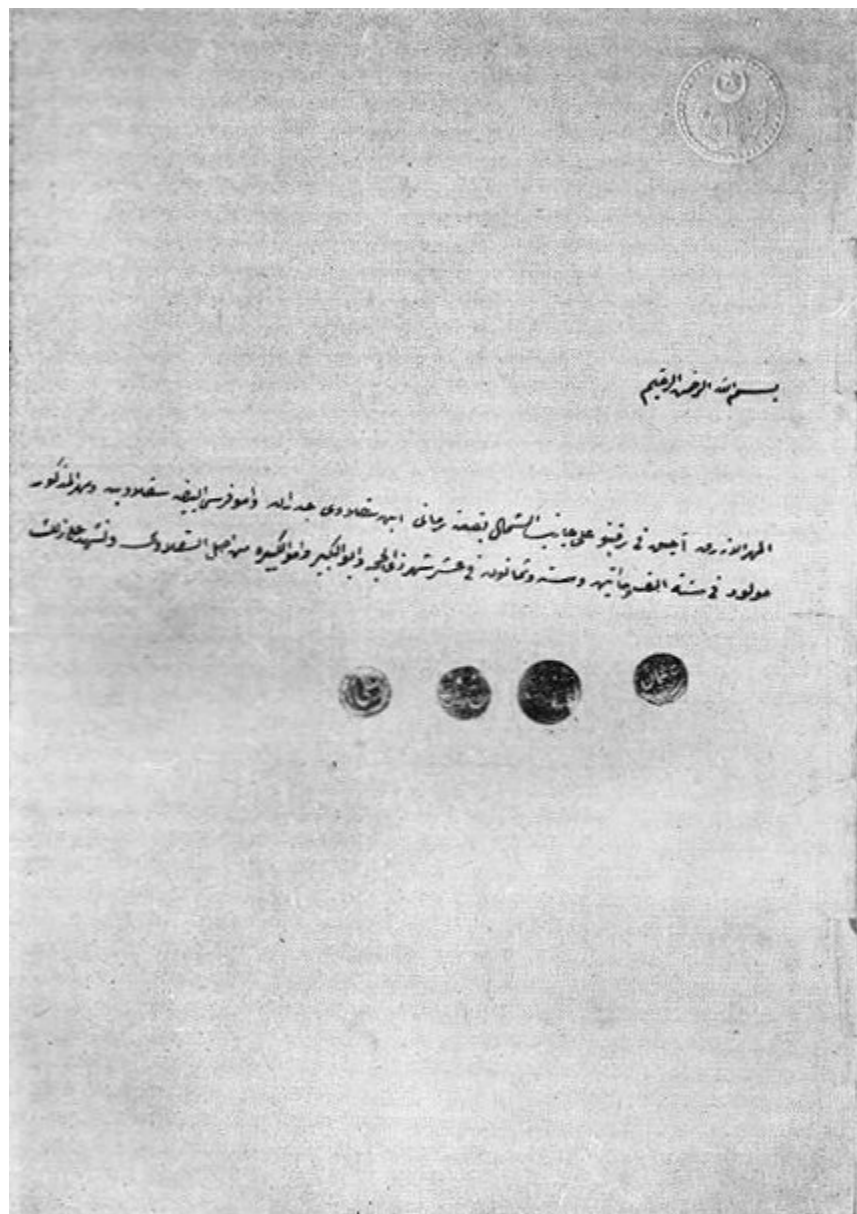
Как бы там ни было, но все лошади, выведенные в 1774–1776 годах Орловым из-за границы, поступили еще в Островской конский завод, который после этого сразу завоевал себе репутацию, если не самого крупного, то самого лучшего среди частных конских заводов России. В качестве такового его посещали и осматривали приезжавшие в Москву иностранцы. К 1778 году относится описание поездки в завод, оставленное в книге английского путешественника Уильяма Кокса [\[31\]](#). Кокс посетил завод вместе с лордом Гербертом. Приятное впечатление произвели на гостей живописная местность, река Москва, хорошие

пастбища. Неизгладимое воспоминание оставила коллекция выдающихся жеребцов и превосходных маток, числом около 60, собранных в одном месте, в глубине России, вблизи Москвы, из отдаленных частей света, — как Уильям Кокс упоминает, из Аравии, Турции, Татарии, Персии и Англии.

На выводке Герберту очень понравился гнедой жеребец, подаренный Али-Беем (Кокс называет его одним из превосходнейших среди арабских из расы Кохейланов). А. Г. Орлов, заметив это, неожиданно для гостей, прислал жеребца «Алибея» через несколько недель в Петербург Герберту в подарок, сопроводив его любезным письмом на английском языке.

Выведенный в Англию, жеребец «Алибей» получил заводское назначение и использовался для случки с чистокровными матками. На странице 394 тома I «Всеобщей заводской книги» мы можем прочесть официальное подтверждение рассказа Кокса. Впрочем, это был не единственный случай, когда в лучшие заводы Великобритании поступали жеребцы от А. Г. Орлова. Так, например, в «Racing Calendar» за 1777 год на странице 352 современники могли прочесть публикацию о жеребце «Орлов-Арабиан». Скаковой календарь рассказывает, что жеребец был захвачен как военная добыча русскими войсками под командой А. Г. Орлова и был подарен последним Ральфу Вильямсону. «Орлов-Арабиан» описывается как жеребец редкой красоты и безупречного здоровья. Рост его был 14,5 гендов, т. е. 147 см в холке. К случке с жеребцом допускались матки посторонних владельцев, за плату по пять гиней с кобылы [\[32\]](#).

Образец аттестата XIX века на лошадь, выведенную из Аравии.

Образец аттестата XIX века на лошадь, выведенную из Аравии.

К тому времени, когда А. Г. Орлов, собрав мировую коллекцию лошадей различных пород, стал подыскивать для конского завода более подходящие места, он имел еще и опыт конского завода в «низменных местах» Симбирской губернии, опыт, повидимому, как и островской, не вполне удачный, в силу чего Симбирский завод был упразднен. В породе некоторых лошадей Хреновского завода (жеребец

Любимец и кобылы Мытарка и Половая) имеются упоминания, что они переведены из «низменных мест», из упраздненного завода, «бывшего в Симбирской губернии». В бывшей Симбирской, екатерининских времен, губернии братья Орловы являлись собственниками больших поместий. По указу от 23 апреля 1768 года пяти братьям Орловым, и среди них Алексею, в обмен на имения их в Московской, Тверской, Ярославской и других губерниях были «пожалованы земли и угодия» по реке Волге, в Самарской луке, «кроме помещичьих», «начиная от Рождественской волости, против города Самары, до Песцовой межи Усольской волости, как вверх, так и вниз по реке Волге» [33].

Весьма возможно, что не только имение, но и завод Симбирской губернии находился в совместном владении А. Г. Орлова с братьями. Хотя опыт конского завода в «низменных местах» Симбирской губернии и оказался неудачным с точки зрения взискательного и строгого к себе коннозаводчика-новатора, однако в литературе известны многие данные о влиянии, оказанном заводом на развитие коневодства в Симбирской губернии [34].

Из этого неудавшегося опыта А. Г. Орлов смог вынести практический урок, что на «низменных местах», на заливных лугах, конскому заводу, разводящему лошадей высокой кровности и породности, так же не место, как и в лесах Подмосковья. Обе эти неудачи, и островская и симбирская, не поколебали целеустремленной настойчивости А. Г. Орлова; он только стал подыскивать более подходившие ему для конского завода более южные и более просторные места.

ПЕРЕВОД ЗАВОДА В ХРЕНОВОЕ

Все затруднения коннозаводчика оказались устраненными, когда Екатерина «пожаловала» Орлову обширные владения среди безграничных, еще вольных, еще никем не занятых, безбрежных степей Воронежской губернии, степей, которых не касался плуг, и растительность которых, в продолжение тысячелетий, топтали лишь стада степных антилоп (*Saiga laticornis*) и табуны диких лошадей — тарпанов. Именно здесь, неподалеку от города Боброва, Воронежской губернии, встретил тарпанов в 1767 году известный путешественник

Гмелин и дал первое в научной зоологической литературе подробное их описание.

Выбор местности для конского завода на этот раз был сделан очень удачно. Если эти степи подходили для диких лошадей, то они должны были подойти и для тех культурных и высокопородных коней, которых А. Г. Орлов хотел и предполагал разводить в условиях, по возможности, близких к природным.

Все освоенные под конский завод участки поместья, вошедшие в состав обширного Хреновского имения, расположены в здоровой, высокой и сухой местности. Вместе с тем они представляли собой большое разнообразие в отношении почвы, рельефа, орошения и растительного покрова. Тучный, богатый чернозем, дававший баснословные для того времени урожаи зерновых, чередовался с теплыми супесчаными почвами, на которых уже ранней весной стаивал снег и которые позволяли производить поездки лошадей на скаковых кружках и беговых дорожках, не боясь грязи ни в весеннюю распутицу, ни в осеннее бездорожье. Площади ранних весенних и летних сухостепных перемежались с так называемыми «солотями», с такими участками степи, которые благодаря высокому стоянию грунтовых вод оставались темными и свежими в любую пору летней засухи, Хреновские просторы не представляли собой однообразной, равнинной глади. Степные луга и пастбища окаймлялись и перерезывались лесами и рощами. По обоим берегам реки Битюга, левого притока Дона, и вдоль бесчисленных речек и ручейков, много десятков верст вокруг, высились вековые сосновые боры, шумели густые лиственные дубравы, давая в неограниченном количестве нужные в хозяйстве строительные материалы. И они же таили в себе множество всякого зверья в охотничьих угодьях, обильные рыбные уловы, бобровые гоны на реках, птичьи базары на озерах.

Место для центральной усадьбы было выбрано в 15 верст от реки Битюга. Отделенные от нее лесами и песками, хреновские табуны за 170 лет существования завода никогда к берегам Битюга не допускались, по поймам реки не выпасались. Это обстоятельство обычно игнорируется в мировой иппологической литературе, повторяющей ходячее утверждение о «Хреновском заводе на берегах реки Битюга».

Широко и привольно, расточительно привольно, расположился А. Г. Орлов-Чесменский в новых своих владениях и повел свой конский завод со свойственным ему размахом. Под завод были отведены поместья Хреновое, Чесменка и Пады с несколькими меньшими имениями-хуторами, в общей сложности занимавшие площадь свыше 100 тысяч га земли (около 1 тысячи квадратных километров). К заводу были приписаны 4 тысячи крестьянских дворов. В пользование этих крестьян было отведено до 40 тысяч га.

На землях собственно коннозаводских все сельское хозяйство было подчинено в первую очередь интересам конского завода. Из огромного количества земли всего лишь 3 тысячи га обрабатывались и засеивались; остальные — были покосы и необозримые пастбища.

Одновременно с конским заводом на Хреновских степях было организовано Орловым обширное овцеводство, которое велось с помощью точных племенных записей. Хреновской старожил, Иван Максимович Бобринев, прадед которого был овчаром Хреновской овчарни, рассказывал нам, что точное знание происхождения каждого барана и каждой овцы в овчарне было также обязательно для овчаров во времена А. Г. Орлова и В. И. Шишкина, как знание происхождения любой лошади для смотрителей и конюших конского завода.

К сожалению, пропажа хреновских архивов (о чем см. ниже) не позволяет восстановить бюджет крупного крепостного хозяйства Орлова, подобно тому, как восстановлены, например, бюджеты Шереметевых, Юсуповых, Демидовых [\[35\]](#).

Есть все основания полагать, что хозяйство Хренового при Орлове и Шишкине отличалось высокой для того времени степенью товарности. Крупные хозяйства, осваивавшие девственные степи, легко приобретали этот характер. Получаемые богатейшие урожаи зерновых создавали товарные излишки хлеба; большие пространства пастбищ позволяли проводить в Хреновом ежегодный нагул многочисленных гуртов скота; десятки тысяч овец (еще при Шишкине содержалось до 50 тысяч голов овец) разводились в Хреновом также не на собственную «потребу».

Отдаленность воронежских имений от потребляющих центров содействовала преимущественному, по сравнению с полеводством, развитию в хозяйстве различных отраслей животноводства.

В облике А. Г. Орлова чем дальше, тем больше проглядывали черты не только феодала-крепостника, но и промышленника, инициативного и расчетливого, делавшего значительные вложения в выгодные для него отрасли хозяйства.

И тысячи лошадей, выращиваемых в Хреновом, также в основном продавались, так как собственные потребности Хренового и Нескучного с избытком покрывались 10–15 процентами от всего ежегодно рождавшегося в конском заводе молодняка.

Следует особо подчеркнуть, что Орлов продавал лошадей, в то время как многие дворяне-помещики того времени еще считали, что «торговать лошадьми это не дворянское дело».

Стремление по возможности увеличить выгоды от животноводства приобретающего товарный характер, влекло за собою мысль о желательности производить животных более или менее высших достоинств, а это приводило к племенному направлению, которое и получали ведущие отрасли животноводства.

РАЗМЕРЫ ЗАВОДА И ЧИСЛЕННОСТЬ ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА В НЕМ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ

Годом основания Хреновского конского завода считается обычно 1778 год, тот год, когда Хреновое наполнилось лошадьми, переведенными из Острова.

Подобно тому, как первое упоминание о городе в летописи свидетельствует не об основании, а лишь о существовании его в определенном году так и в истории Хреновского завода позднее чем 1778 годом мы не имеем права датировать возникновение Хренового, но лишь обнаружение в одном из государственных архивов дарственной Орлову на Воронежские земли может установить фактическую точную дату основания его.

Несомненно, что нельзя было вести лошадей колоссальной ценности в степь, на голое место. Несомненно, что переводу лошадей должна была предшествовать организация Хреновского имения, переселение крестьян, возведение необходимых для первоначального размещения людей и лошадей построек, распашка целины под посевы, заготовка запасов продовольствия и фуража, и тем самым вероятный год основания приходится отодвинуть по меньшей мере на 1776 или

даже на 1775 год, т. е. на первый же год по возвращении А. Г. Орлова из-за границы.

С другой стороны, возможно и даже вероятно, что и Островской завод не подвергся сразу полной ликвидации в 1778 году, и некоторое количество лошадей продолжало оставаться в Острове до 90-х годов.

Первоначальное количество племенных лошадей, приведенных в Хреновской конский завод из Острова, точно неизвестно, но вне всяких споров стоит то обстоятельство, что после перевода в Хреновое завод стал быстро увеличиваться в размерах и масштабах работы, стал выдвигать перед собой все новые задачи и цели. Если в Острове в 1776 году число маток составляло всего лишь 60 голов, то хреновские просторы дали возможность в ближайшие два десятилетия довести число заводских маток до 500–600, а с приплодом общее поголовье лошадей, при жизни Орлова, доходило до 3 тысяч.

Если в Острове основным и единственным направлением было верховое, то в Хреновом вскоре, один за другим, открываются рысистое и чистокровное отделения, Уже в начале 80-х годов в Хреновской завод поступают из-за границы значительные группы выписанных из Мекленбурга и Голландии упряжных лошадей, и завод приступает к разрешению сложнейшей зоотехнической задачи — созданию новой рысистой породы.

Ближе к 90-му году Хреновской завод начал пополняться первоклассными чистокровными производителями и матками, составившими особое отделение, которое по своим размерам и по качеству производящего состава не имело себе равных ни в одной стране континента Западной Европы. Работа завода велась в нескольких направлениях. В двух отделениях завод поставил перед собой, и с успехом разрешил, сложнейшую задачу создания русских конских пород — одной верховой, а другой рысистой. В третьем отделении разводилась «в себе» чистокровная; скаковая порода. Наконец, существовали отделения «фрунтовых» и «цуговых» лошадей, о которых мы знаем совсем мало. Каждое из этих отделений, при жизни Орлова, по размерам своим являлось крупнейшим заводом, точнее сказать, каждого хватило бы на несколько конских заводов, и не маленьких. Вот некоторые цифры.

В 1824 году, т. е. спустя 15 лет после смерти Алексея Орлова, когда заводом управлял Василий Шишкин и когда завод был уже «в числе

несколько убавлен», согласно описанию завода, помещенному в «Записках для охотников до лошадей», в заводе состояло маток в каждом отделении:

Верховых орловской породы	130 при 19 жеребцах
Английских	122 .. 19 ..
Арабских и английских	85 —
Рысистых	267 .. 24 ..
Всего	604 при 62 жеребцах
Молодняка всех возрастов во всех отделениях	1519
Итого в заводе в наличии лошадей	2185 голов

В 1831 ГОДУ в. и. Шишкин сдал И. П. Седину при своем уходе из Хренового следующее поголовье:

Порода	Жеребцов	Маток	Молодняка	Всего
Так называемых хреновских арабских, т. е. верховых орловских	6	60	173	239
Английских	11	86	316	413
Арабских с английскими	6	29	100	135
Английских с арабскими	10	57	106	173
Рысистых	26	338	797	1161
Всего	59	570	1492	2121

Вся история Хреновского завода при Орлове и Шишкине объективно свидетельствует, что, ставя перед собой задачи создания новых типов и пород лошадей, Хреновской завод вел работу с самого начала в широких масштабах, при которых легче надеяться на успех в разрешении труднейших задач племенного животноводства.

ЗАВОДСКИЕ ЗДАНИЯ И ПОСТРОЙКИ

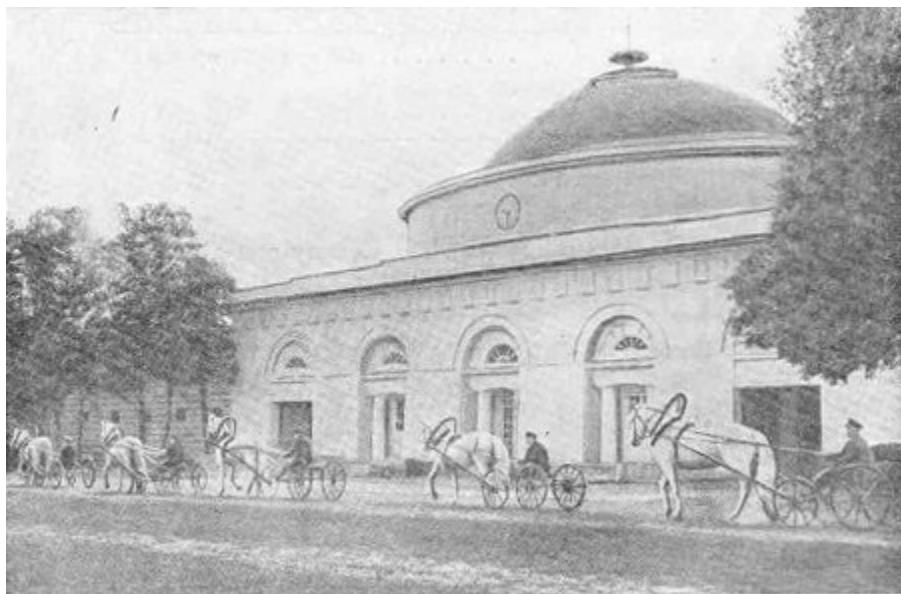
Хороши и привольны были облюбованные места в воронежских степях, но необитаемы. Ни одного жилого дома, ни одной конюшенной постройки, а надо было поселить свыше 10 тысяч человек обоего пола и разного возраста и разместить все многочисленное конское поголовье завода. Начатое при жизни Орлова обширное по своим размерам и замыслам строительство потребовало для своего окончания немало времени и было завершено уже преемником Орлова — В. И. Шишкиным.

Обеспечение жилыми строениями всех крестьянских дворов, «приписанных» к Хреновскому заводу, не представляло особых

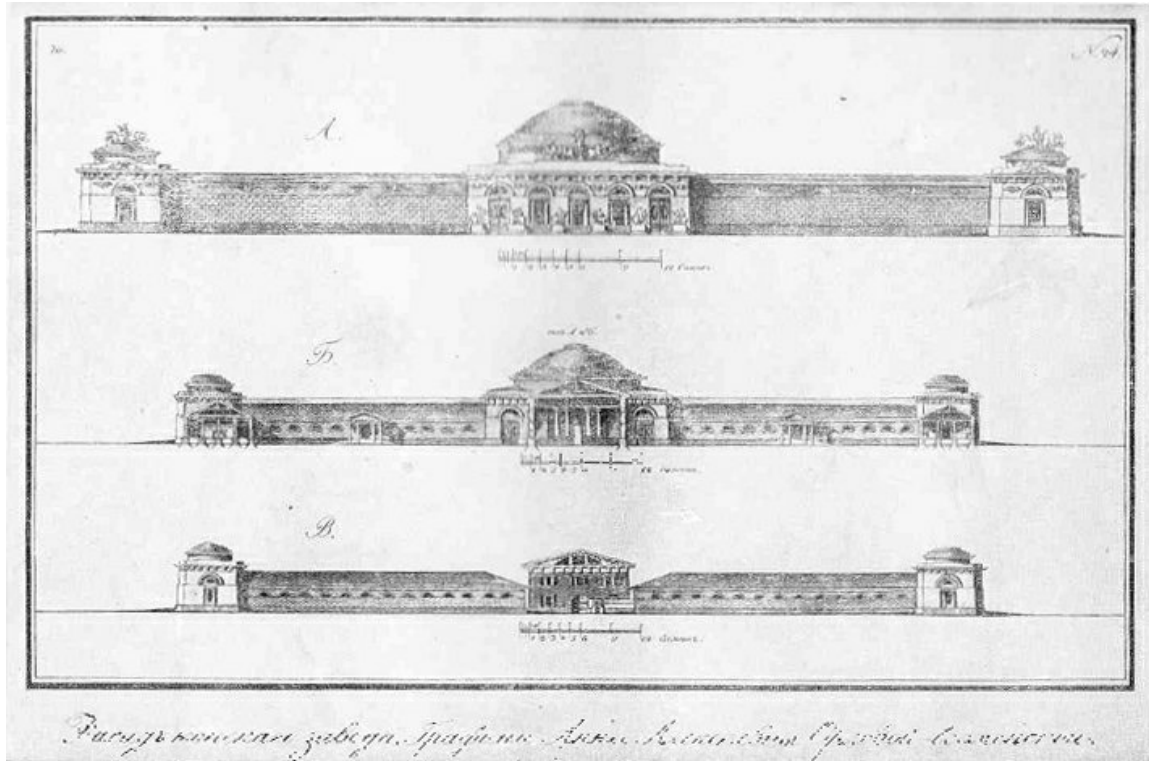
затруднений: Хреновое со всех сторон окружали большие массивы нетронутого первоклассного строевого леса. Иначе обстояло дело с возведением зданий конского завода.

Принимая во внимание опасность пожара и бедствия, какие он мог вызвать в таком большом конском заводе, здания, по указанию Орлова, должны были возводиться сплошь каменные и «на веки веков». Здания, выстроенные в Хреновом в те годы, стоят и ныне. И действительно, построены они настолько монументально, что когда в Отечественную войну фашистские самолеты сбросили на Хреновской завод несколько бомб, то вековые деревья, стоявшие вдоль главного здания, упали, срезанные взрывной волной, стены же строений не дали ни одной трещины.

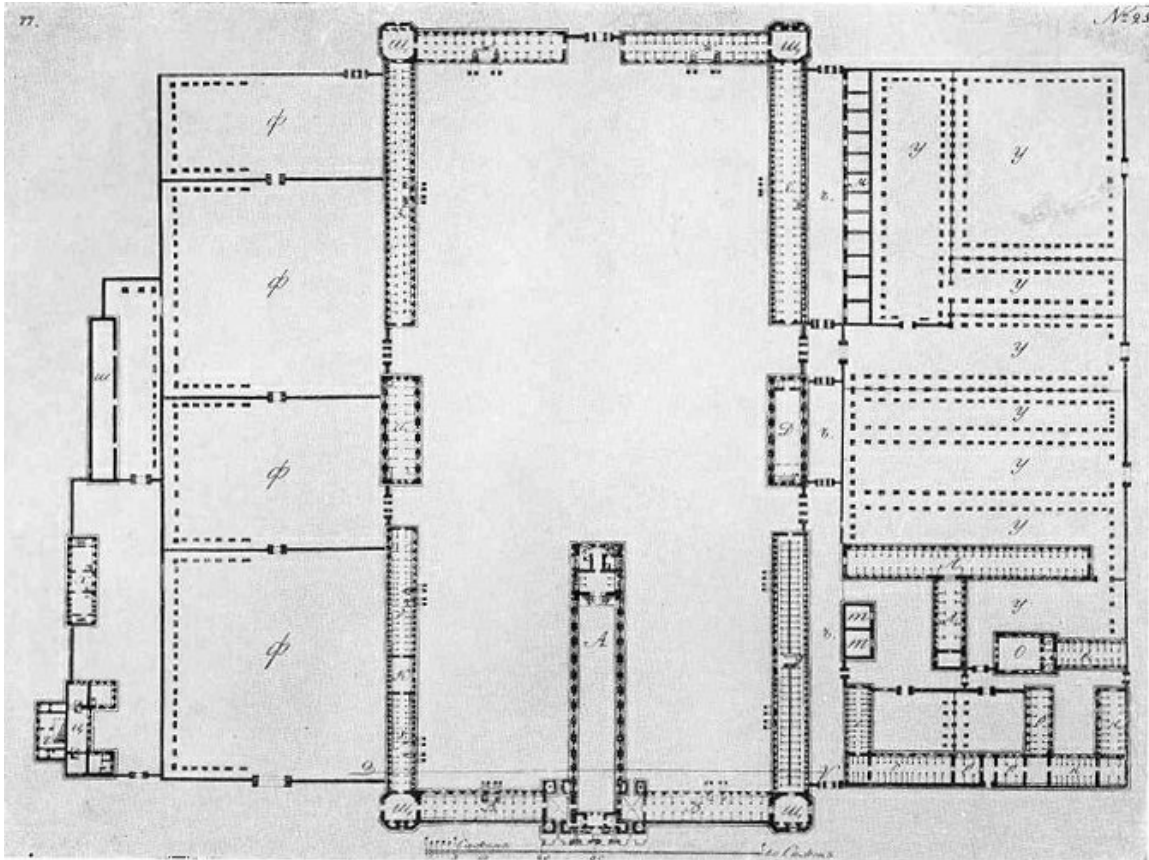
Вид фасада Хреновского завода в 20-х годах XX века.

Вид фасада Хреновского завода в 20-х годах XX века.

Фасады Хреновского конского завода в 1824 г. Архитектор Д. И. Жильярди. Гравюра А. А, Фролова.

Фасады Хреновского конского завода в 1824 г. Архитектор Д. И. Жильярди. Гравюра А. А, Фролова.

План строений Хреновского конского завода, помещенный в «Записках для охотников до лошадей» (1824 г.).

План строений Хреновского конского завода, помещенный в «Записках для охотников до лошадей» (1824 г.).

Вид одного из внутренних дворов Хреновского завода. Современная фотография.

***Вид одного из внутренних дворов Хреновского завода.
Современная фотография.***

Из опубликованного в 1824 году описания Хреновского завода и плана зданий центральной усадьбы [\[36\]](#) мы узнаем, что «передний фасад сего строения прожектарован архитектором и кавалером Дементием Ивановичем Жеральди», т. е. знаменитым зодчим того времени Д. И. Жилярди — сыном, отстраивавшим Московский университет после пожара 1812 года, замечательный дом Гагариных на Поварской и другие известные здания в Москве. «Прочее же все строительство», — читаем мы в описании, — «продолжалось по назначению управляющего ныне конским заводом Василья Ивановича Шишкина и находящегося при нем архитектора Николая Леонтьева».

Из конструкции фразы «строительство продолжалось управляющим ныне заводом» надо сделать заключение, что строительство всего комплекса грандиозных зданий завода было начато еще при жизни Орлова, а проект переднего фасада был заказан знаменитому зодчему позднее, когда строительство надо было завершать, и он завершил его с таким же блеском, с каким Росси завершил оформление площади Зимнего дворца в Петербурге. К 1818

году, когда Хреновое посетил Александр I, строительство было доведено В. И. Шишкиным до конца.

Из приложенного в фотокопии старинного, датированного 1824 годом, плана зданий центральной усадьбы видно богатство и разнообразие воздвигнутых сооружений различных типов и назначений: для жеребцов, для маток жеребых и для маток холостых, для отъемышей верховых и для отъемышей рысистых, для лошадей в тренинге и т. д. Два манежа, в том числе большой манеж для выездки и верховой езды (около 80X20 м), четыре выводных зала в угловых башнях, анатомический зал-музей, ветеринарный лазарет, подсобные предприятия и мастерские: экипажные, шорные, кузнечные, слесарные, столярные и прочие, крытые варки и загоны.

Лицевая сторона фасада центрального здания имеет до 175 м, а вся передняя линия конного двора до 425 м длины.

Из числа конюшен нельзя не обратить внимания на роскошную конюшню для заводских жеребцов (литера «Г») с внутренним расположением денников и с круговыми коридорами вдоль наружных стен. Преимущества этой системы были оценены уже современниками. «Лошади, — писалось в русском коневодческом журнале 1824 года, — вовсе удалены от сырости углов и стен, свет разливается во всей своей полноте».

Превосходное архитектурное оформление лицевого фасада в стиле русского классицизма, к сожалению, не дошло до нас неприкосновенным. В 80-х годах XIX века были сняты скульптурные группы, столь украшавшие фасад, — кентавры, укротители коней, колесницы, запряженные четвернями и на куполе, над главным входом, поставлены обезобразившие его казенные часы. Испорчены также пропорции боковых дверей манежа, показавшихся обывателям и чиновникам конца XIX века слишком уж высокими.

Известно, что светлый, изящный стиль построек Нескучного также был испорчен позднейшими перестройками. Вместо дома А. Г. Орлова царствование Николая I был выстроен так называемый Александрийский дворец.

О том как могли выглядеть детали фасада, не сохранившиеся до настоящего времени, хорошее представление дает другая работа Д. И. Жилярди, его конный двор в Кузьминках.

Конный двор в Кузьминках. Архитектор Д. И. Жиллярди.

Конный двор в Кузьминках. Архитектор Д. И. Жиллярди.

В архитектурных кругах относятся с некоторым сомнением к тому, был ли в Хреновом осуществлен в точности проект Д. И. Жиллярди. Для сомневающих приведем следующую выписку из «Изъяснения к рисунку № 24»: «Построение в натуре в точности сходно с сим фасадом, исключая надписи, в середине купола означенной, которая в натуре не сделана. Г. Титулярный советник Александр Александрович Флоров искусным резцом своим выразил превосходно все предметы и украшения сего строения, так что нет надобности описывать оные».

Чтобы получить представление о масштабах проведенного строительства надо еще вспомнить комплекс жилых домов Хреновской усадьбы и прибавить к этому еще дома и конюшни усадеб Чесменка и Пады, выстроенных по единому общему плану и в одном архитектурном стиле.

Как указывалось в «Архитектурной газете» (от 18 января 1936 г.), руины конюшен в Падах «поражают своими пропорциями», конюшни в Чесменке «замечательны в конструктивном отношении, пожалуй, это — нечто уникальное».

Подобно Хреновским, также и постройки в Чесменке оказались полезными советскому коннозаводству — в них на сегодня

размещается племенной состав Чесменского государственного конского завода.

КАДРЫ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА

Алексей Орлов был не только смелым инициатором и талантливым новатором в коневодстве, он был и блестящим организатором, каким проявил он себя и ранее, в перевороте 62 года и во времена архипелагской экспедиции.

Готовясь развернуть грандиозный по своим масштабам конский завод, собирая мировую коллекцию из наилучших особей наилучших конских пород того века, выбирая для будущего завода место расположения, Алексей Орлов не упускал из внимания необходимости подготовить знающих сотрудников и помощников и сплотить их вокруг любимого дела. К 90-м годам вокруг Орлова возникла целая школа замечательных русских зоотехников, во главе с Василием Шишкиным, русских тренеров, наездников, берейторов, жокеев, конюших, ветеринарных врачей и других работников по коннозаводству. Все они, начиная с Шишкина и кончая любим конюхом Хреновского завода, считали себя «выучениками» Орлова.

К сожалению, в данном случае мы не в состоянии восстановить все звенья работы, все ступени лестницы восхождения и видим только конечные результаты.

Конечно, Алексей Орлов, в совершенстве знавший практически лошадь и верховую езду, следивший за теорией коннозаводства и выписывавший все выходившие в свет как русские, так и иностранные книги и издания [\[37\]](#), мог многое передать своим помощникам и показом и рассказом, но, по всей вероятности, он лично давал уж только окончательную шлифовку и огранку той молодежи, которая перед тем училась у придворных берейторов верховой езде, в Медико-хирургической академии экстерьерному познанию лошади и ветеринарии или даже, в отдельных случаях, отправлялась на выучку за границу. Так, например, если «старый Q», герцог Куинсбэри, «первый ездок-охотник своего времени», оставил после себя какие-либо коннозаводские архивы, или его тренер и жокей Ричард Гудисон — какие-либо мемуары, то в них должна найтись запись о пребывании русского, Александра Галина, присланного к ним из Хреновского завода.

Первым ветеринарным врачом Хреновского завода, с основания и до 1826 года, был И. П. Корчагин, ученик Л. М. Эвеста [38]. После смерти Корчагина старшим ветеринарным врачом завода был С. П. Курлин, происходивший, так же как и Корчагин, из крепостных крестьян. С. П. Курлина посылали в Петербург «для прохождения курса Медико-хирургической академии» — надо полагать, не самой академии, а «скотоврачебного училища» при ней, основанного в 1803 году.

Наездниками рысистого отделения Хреновского завода при Орлове состояли В. Кузьмин и его ученик Логин, Семен Белый с учениками братьями Кондратьевыми, Семен Черный, потомком которого был знаменитый русский тренер и наездник Павел Чернов, ездивший на лошадях Малютинского завода, Семен Мочалкин (Дрезденский) с учениками Ивановым и Чижовым. Прекрасными ездоками и вдумчивыми тренерами были также В. И. Шишкин и его сыновья Алексей и Сергей.

На выучку в Хреновской конский завод принимали и наездников из других рысистых заводов России и можно сказать, что именно в стенах Хреновского завода возникла, создалась и окрепла целая школа мастеров езды и тренинга, влияние которой протянулось на столетие. Глубоко продуманные взгляды на значение тренинга в рысистом коннозаводстве и разработанные этой школой приемы тренировки рысистых лошадей прекрасно отражены в замечательной (к сожалению, ныне мало известной читателям) книге одного из последних ее корифеев Н. С. Тихомирова: «Рысак, его выдержка, выездка и подготовка на приз» [39].

Смотрителем верхового отделения был Кунаков, он же лично тренировал чистокровных лошадей. Лучшим жокеем завода был Степан Сорока. Для манежной выездки верховых лошадей имелся целый штаб берейторов: Зобов, Копьев, Адамов, Галин и др.

Ни одно из этих имен не должно быть забыто, и мы можем только сожалеть, что у нас нет возможности воздать свое каждому из них. Несправедливая к скромным труженикам официальная летопись Хреновского завода обходит молчанием их каждодневные дела и безвестные подвиги. Однако нет никакого сомнения в том, что без них, без этих самоотверженных, талантливых, преданных своему делу

крепостных специалистов Алексей Орлов был бы полководцем без армии.

Десятилетиями крепостные смотрители, конюшие, наездники работали в тиши и неизвестности, без всякой надежды на признание и награду, а плоды их работы доставались другим. Что подсмотрели, выпытали они у природы, что подсказали своему хозяину к его славе и выгоде, — никто никогда этого не узнает.

Обратим внимание еще на одну сторону вопроса.

Среди подаренных Екатериной II и переселенных в Хреновое 4 тысяч «душ» государственных крестьян, ставших крепостными Орлова, были и крестьяне из бывших монастырских хозяйств, а в числе их могли быть, и наверное были, «животники добрые, правдивые и рачительные люди, которые всякую животину водить умеют», хранители заветов и преданий русской коннозаводской старины. У таких опытных и добросовестных «животников» Орлов и сам, вероятно, многому мог научиться в первые годы своей коннозаводской деятельности.

УПРАВЛЯЮЩИЕ ХРЕНОВСКИМ КОНСКИМ ЗАВОДОМ

История управления заводом распадается на три периода.

Первый — «Орловский период» — от основания завода до смерти Орлова (1778–1807 гг.).

Второй — «Шишкинский период» — после смерти Орлова по 1831 год.

Третий — «Послешишкинский период» — с 1831 года до передачи завода в казну в 1845 году.

Во весь первый период Хреновской завод испытывал сильнейшее личное влияние Орлова. Общий уклад жизни завода был раз и навсегда установлен Орловым, изменить в нем что-либо управляющие завода не были вольны. В 80-х и 90-х годах Орлов часто навещал Хреновской завод и, невидимому, иногда жила в заводе продолжительное время [40].

Первым управляющим Хреновского завода, на которого имеются указания в литературе, был Иван Никифорович Кабанов, ранее служивший в Островском заводе наездником. Это был, как свидетельствует В. И. Коптев, тоже выученик Орлова и точный исполнитель его предначертаний. Невидимому, И. Н. Кабанов не был

человеком яркой индивидуальности, личной инициативы и особой активности.

Во всяком случае и будучи в Москве, в Нескучном дворце, и даже проживая за границей в Дрездене во время вынужденной ссылки в царствование Павла I (1796–1801 гг.), Орлов в основном оставлял за собой руководство заводом. Он сам вникал во все обстоятельства жизни завода. Все московские старожилы, знавшие лично А. Г. Орлова, согласно утверждают, что величайшая стройность, точность, порядок, пунктуальная последовательность и отчетливость царили в делах Орлова [41]. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть письма Орлова первому хреновскому управляющему [42]. Факсимиле одного из писем мы здесь помещаем.

Вопросы случки и подбора, вопросы заводского режима и кормления Орлов всецело оставлял за собой. До самой его смерти ни один жеребец и ни одна кобыла не получили заводского назначения, а также ни одна лошадь не поступила в продажу иначе, как после осмотра и личного распоряжения Орлова.

Место не позволяет привести письма Орлова целиком, как бы они этого ми заслуживали. В этих письмах нет и следа начальственного тона, высокомерных приказаний. Видно, что А. Г. Орлов требовал от своих сотрудников многого, но только не холопства, не бесполезного «рвения к службе» и не бессмысленной субординации. В этих письмах чувствуется зоркое внимание, безошибочно меткий глаз знатока, легко отыскивающий малейшие погрешности лошади в езде. В письме А. Г. Орлова к И. Н. Кабанову от 23 сентября 1801 года мы читаем:

«Посланные тобою ко мне лошади беговые до сих мест доведены благополучно; только не всех еще видел; видел только пятерых, трех жеребцов и двух мерин, и твой любимец так учтиво был приезжен. Амазонке заплатил три калачика [43], которые Сеня битюцкой и поднес Сене дрезденскому, в котором числе и я получил калачик [44], сказав битюцкому спасибо, что хорошо езжены лошади, хотя и есть маленький недостаток на выездке: головы низко гнут и сильно везут, но вообще все лошади ладно езжены, а как за всем оным твой присмотр главный был, за что тебя благодарю много».

В другом письме от 17 сентября 1807 года А. Г. Орлов пишет: «Хорошо, что ты похваляешь молодых в упряжке, но не вели их заторапливать в езде. Взятые же мною лошади все переменялись к

лучшему, один Холстомер не совсем еще исправился, нередко приталкивает».

Итак, приведенные из Хренового лошади оказались выезженными неважно и в резвости уступили дрезденским, а Орлов вместо выговора и взыскания, в полном соответствии с тургеневской характеристикой, ласково утешает проигравшего и хвалит коней его наездки [45].

Несомненно, было бы в корне неверно, основываясь на этих письмах Орлова и на дворянских воспоминаниях его современников, представлять взаимоотношения графа Орлова и крепостных, как некую прекраснодушную идиллию.

Несомненно, А. Г. Орлов был феодалом-аристократом, не мыслившим своего существования без «хотя бы 5 000 душ» крепостных и позволявшим садиться за свой стол только дворянам в мундирах.

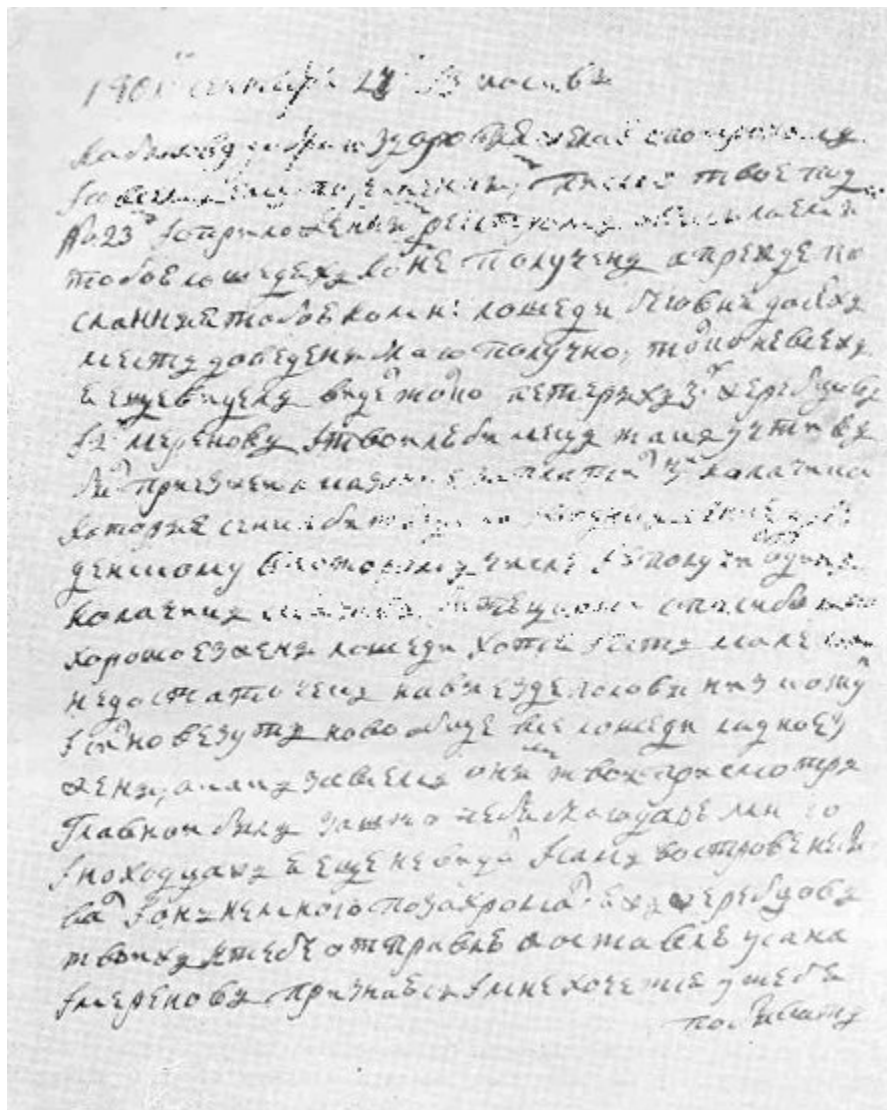
Но в то же время никак нельзя ставить знак равенства между А. Г. Орловым и бесчисленным множеством каменных, струйских, Измайловых, не говоря уже о салтычихах и аракчеевых разного калибра, оставивших по себе кровавую память в народе.

После 1801 года, когда Орлов жил уже безвыездно в Москве, ежегодно все лошади, как намеченные в завод, так и предположенные в продажу, отправлялись из Хренового за 700 километров в Москву. Здесь происходит осмотр, испытания и отбор, после чего жеребцов и кобыл, получивших заводское назначение, посылали обратно в Хреновое, а назначенных к продаже продавали в Москве. И. Н. Кабанову оставалась только роль добросовестного и точного исполнителя приказов, роль, которую он выполнял с успехом. Можно сказать, что в Хреновском заводе И. Н. Кабанов имел власть над лицами, но не над порядками.

И после смерти Орлова, в течение 20 с лишком лет, пока Хреновским заводом управлял В. И. Шишкин, несмотря на то, что выбор производителей совершался уже на месте, в Хреновом, все же ставки рысаков, назначенные в продажу, приводились попрежнему ежегодно в Москву, где и происходили аукционы Хреновского завода.

После смерти А. Г. Орлова И. Н. Кабанов в 1809 году ушел на покой, и Хреновской завод после трех лет короткого междуцарствия, в течение которых им управлял форстмейстер лесного ведомства Маковкин, попал в ведение и управление Василия Ивановича

Шишкина, самого любимого и самого талантливого из учеников А. Г. Орлова, остававшегося на посту управляющего Хреновским заводом бессленно в продолжение 20 лет в период расцвета славы Хреновского завода.

Факсимиле письма А. Г. Орлова Хреновскому управляющему И. Н. Кабанову.

**Факсимиле письма А. Г. Орлова Хреновскому
управляющему И. Н. Кабанову.**

К этому времени роль Москвы как руководящего центра и Хренового как исполняющего в корне изменилась.

В. И. Шишкин, богато одаренный талант-самородок, блестящий продолжатель дела А. Г. Орлова, вел завод по своему разумению и был

фактическим хозяином конского завода, так как единственная дочь Орлова, Анна, которой по наследству перешло Хреновое, непосредственного участия в управлении заводом не принимала.

В. И. Шишкин был так же, как и И. Н. Кабанов, крепостным Орлова и так же родом из села Острова.

При жизни Орлова В. И. Шишкин был в роли личного секретаря и казначея. Можно думать, что первоначальные коннозаводские воззрения выработались у него еще в тот период и были в значительной степени почерпнуты от Орлова, но все же имелись и пункты значительных расхождений. Так, весь коннозаводский режим, установленный А. Г. Орловым в реновом, был сохранен В. И. Шишкиным в неприкосновенности почему и изложение условия содержания, кормления, случки и пр. может быть общим для двух первых периодов существования Хреновского завода В вопросах же разведения взгляды В. И. Шишкина уже более значительно отличались от взглядов А. Г. Орлова, что делает совершенно необходимым изучать в отдельности, по периодам, историю каждой породы, разводимой в Хреновом, и применявшихся методов отбора и подбора.

Для Хреновского завода и для судьбы создававшихся в нем пород было большим счастьем, что после Орлова его место занял Шишкин, этот яркий талант, этот замечательный русский зоотехник.

О Шишкине можно сказать, что при его высокой одаренности, практической трезвости, неутомимой работоспособности и благодаря его умению ладить с людьми ему все удавалось, все как-то выходило у него привлекательным, интересным для окружающих и в то же время прибыльным для него самого.

Сохранился рассказ о том, как Шишкин сумел освободиться от крепостной зависимости.

В 1818 году в Хреновском заводе ожидали приезда Александра I Не таков был Шишкин, чтобы упустить этот представившийся ему редкий случай. Ему мало было показать завод и хозяйство в образцовом порядке надо было обратить на себя лично особое внимание царя. И вот что придумал изобретательный ум стремившегося к свободе крепостного.

Как известно, лошади во время раздачи овса по кормушкам обычно нетерпеливо ржут. В. И. Шишкин велел приладить ко всем окнам конюшен наружные ставни, а затем в продолжение нескольких недель,

по приказу Шишкина, каждый раз, когда приходило время лошадям задавать овес, «ставни эти открывались и в тот же момент засыпался в ясли каждой лошади овес» [46]. Таким образом, у лошадей был выработан, как мы теперь бы сказали, условный рефлекс, и они стали дружно каждый раз откликаться ржанием на этот маневр.

И вот, в ту минуту, когда Александр I, при посещении в 1818 году завода, переступил порог конюшен, сотни крепостных, поставленных снаружи стен у окон, мгновенно, по данному знаку, отдернули ставни и внезапно тишина на конюшне сменилась оглушительным ржанием 500 лошадей.

В. И. Шишкин.

В. И. Шишкин.

Обманутые лошади не получили на этот раз желанного овса, зато лошадиное «здравие желаем» привело в восторг царя, и по его воле была тут же дана вольная конюшему, который сумел научить всех подчиненных ему лошадей «приветствовать» императора.

В 1831 году В. И. Шишкина сменил И. П. Седин, ранее служивший конюшим Нескучного дворца. Трехлетнее управление Седина

представляет собой картину бесхозяйственности, злоупотреблений, бескормицы, болезней и падежа лошадей, массовых продаж, в результате чего через три года некоторые отделения завода прекратили вовсе свое существование, а в оставшихся двух отделениях (рысистом и верховом) уцелела лишь половина племенного состава.

После ухода Шишкина все продажи лошадей производились уже на месте в Хреновом, по усмотрению управляющего. И. П. Седин был управителем недобросовестным. При нем про Хреновской завод можно было сказать словами Данте: «Там *нет* за деньги становится *да*». Напомним известный рассказ о покупке В. Н. Зубовым для своей свадьбы двух четвериков рысаков Хреновского завода. И. П. Седин продал выбранных Зубовым лошадей и даже «на казовый конец» прибавил к ним услужливо кастрированного им жеребца-производителя, но лишь после того как Зубов подарил ему приглянувшийся управителю перстень с дорогим бриллиантом [47]. Хреновские порядки и злоупотребления, свившие себе гнездо в заводе при И. П. Седине, живо и красочно отображены в художественной литературе у Дрянского, «Записки Мелкотравчатого», в описании охоты в отъезжем поле на землях «графини Отакой-то».

В 1834 году И. П. Седин был уволен и место его занял подполковник П. И. Кремешной, который и состоял в должности управляющего до самой передачи Хреновского завода в казну в 1845 году. За П. И. Кремешным нет особых заслуг, которые располагали бы в его пользу. П. И. Кремешный — это службист, добросовестная посредственность. Взятки он, разумеется, не брал, на перстни с чужих рук, как Седин, не льстился, но он любил провую охоту и «за борзых щенков» мог иногда выпродать из маточного состава Хреновского завода и непроданных кобыл. П. И. Кремешной был в Хреновеком заводе пришельцем, явился сюда в 1834 году и ушел отсюда в 1845 году равнодушным к прошлой славе завода и к будущей его судьбе.

Глава IV

КОННОЗАВОДСКИЙ РЕЖИМ ХРЕНОВОГО

*«Кой чорт изменяет формы, если это не
внешние условия».*

(Дарвин в письме к Гексли)

Образование новых пород, как писал профессор Кулешов еще 60 лет назад в своей диссертации ^[48] «...возможно только в том случае, если животные окружены соответствующими условиями, из которых наибольшее значение имеют корм, климат и упражнение органов».

Для исследователя истории образования отечественных пород в Хреновском заводе является чрезвычайно существенным знать, какие условия были созданы в Хреновом для разводимых там лошадей, выяснить, в какой мере учитывались и использовались при племенной работе условия природной окружающей среды и насколько способствовали успеху условия заботливо созданной человеком среды искусственной.

Тем самым вопрос о коннозаводском режиме Хренового во времена Орлова и Шишкина становится одним из узловых вопросов исследования и вместе с тем одним из наиболее трудных из-за скудности источников.

Поэтому для исследователя полна ценности и значения каждая деталь, каждая пощаженная временем мелочь коннозаводской повседневной жизни, которая позволяет нам судить, насколько завод умел осуществлять, говоря словами академика Т. Д. Лысенко, «умелое воздействие в нужные моменты нужными условиями внешней среды» ^[49].

Оставаясь строго на почве фактического материала, можно дать следующее краткое описание коннозаводского режима Хренового, введенного Орловым и соблюдавшегося Шишкиным.

ПОЛУСТЕПНОЕ ЗАКАЛЯЮЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛОШАДЕЙ

Прежде всего не весь племенной состав всех отделений завода пользовался «благами» конюшенного содержания, а лишь некоторые категории лошадей, и то только в те периоды, когда конюшенное содержание являлось для них целесообразным и, более того, неизбежным; но и тогда лошадям давалось очень много разумного моциона, движения, света и воздуха.

Если мы внимательнее присмотримся к чертежам, экспликациям и планам зданий Хреновского завода, помещенным в первом русском иппологическом журнале «Записки для охотников до лошадей» (1824 года, рис. 24 и 25), то мы, к изумлению нашему, обнаруживаем, что эти обширные здания, несмотря на свои грандиозные размеры, не предусматривали даже и на зиму размещения всех лошадей завода в теплых конюшнях. При общем подсчете мест в конюшнях выясняется, что даже при Шишкине, когда строительство было завершено, в конюшнях завода могло быть размещено едва ли 50 процентов всего наличного конского состава. Подсчет всех конемест, включая лазарет и рабочую конюшню, дает цифру 926, в то время как даже в шишкинский период в заводе содержалось не менее 2 тысяч лошадей.

После внимательного чтения «изъяснений» к рисункам на стр. 741 Записок у нас не остается никаких сомнений в том, что теплые конюшенные помещения предназначались лишь для определенных категорий конского состава: заводских жеребцов, жеребящихся и подсосных маток, жеребят-отъемышей в первую зиму их жизни и тренировочного молодняка.

Все другие лошади как молодняк одного года и старше, так и холостые кобылы и даже жеребые матки поздних сроков выжеребки содержались в зимних варках под навесами. Вот это и давало должную закалку хреновской лошади. Лошади Хреновского завода смолоду свыкались со стужею, имея лишь укрытие от непогоды.

Культурные по своему происхождению лошади Хреновского завода были в то же время полустепными по условиям своего выращивания и содержания, и это обеспечивало создаваемым породам конституциональную крепость, здоровье, выносливость и нетребовательность к условиям содержания.

Эта сторона работы А. Г. Орлова ускользала до сего времени от внимания исследователей истории и зоотехнии и коневодства, а ее надо всячески оттенить и подчеркнуть. ее нельзя недооценивать.

Точно так же никем из исследователей не было отмечено, что до 90-х годов XVIII века Хреновской завод, несомненно, применял еще косячную случку, совмещая ее, однако, с зимним конюшенным содержанием кобыл или содержанием их в сараях. Л. М. Эвест на стр. 465–466 своего «Конского лечебника» упоминает о бывшем у него в 1790 году на лечении сыне Сметанки, который несколько лет перед тем «служил хорошим заводским жеребцом на заводе Битюгском» (т. е. в Хреновом). Повидимому, речь идет о сером Любимце, рождения 1778 года, от Сметанки и Сайги. По приводе этого жеребца на лечение в Москву, Эвеста уведомили, что он «ходил в караване, много садился на кобыл». «Ходить в караване» означало на коннозаводском языке того времени — водить косяк.

Повидимому, косячная случка была основной формой случки в первое десятилетие существования Хреновского завода, раз от нее не был избавлен даже сын Сметанки, и только впоследствии, ближе к 1800 году, совершенствуя технику коннозаводской работы, А. Г. Орлов отказался от косячной случки в Хреновском заводе.

В одной статье начала 20-х годов о степных конских заводах юга России [\[50\]](#) мне встретилась хорошая, выразительная фраза, которая целиком может быть применена для характеристики коннозаводского режима в Хреновом орловского и шишкинского периодов. Вполне можно сказать, что «обратившись к устройению конского завода в Хреновом, А. Г. Орлов стал держать завод не по немецкому или французскому способу, а по способности климата и привольной степи».

РАННИЕ СРОКИ СЛУЧКИ И ВЫЖЕРЕБКИ. ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ И РАЗВИТИЕ ЖЕРЕБЯТ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА

Совершенно ясно, что такое нововведение могло быть осуществлено в Хреновом лишь при условии вполне благоустроенных теплых конюшен для жеребящихся маток и при условии достаточно интенсивного и в высокой степени рационального кормления маток как необходимой предпосылки раннего привода их в охоту.

Интересно отметить, что вслед за Хреновским заводом и некоторые другие, присматривавшиеся к его работе, стали внедрять в практику раннюю, зимнюю, а не весеннюю случку. Починковский государственный конский завод в начале 1820-х годов, после приобретения им значительной группы жеребцов и кобыл из Хренового, к случке приступал также с 1 января, а в отдельных случаях — даже с последних чисел декабря; поэтому в зиму 1822/23 года сезон выжеребки в Починках начался с 10 ноября, и до 1 декабря в заводе родилось уже девять жеребят. В данном случае Починковский завод пошел дальше Хренового, вряд ли, однако, с пользой для дела.

Ранняя случка и ранняя выжеребка, в основном заканчивавшаяся в марте, коренным образом изменяли всю совокупность окружающих условий, в которых с незапамятных времен протекало развитие жеребят в русских конских заводах; тем самым не мог не измениться и самый тип развития жеребят в течение первого решающего года их жизни: проводя первые два-три месяца с матерью на конюшне, жеребенок к моменту появления весенней растительности и выпуска на пастбище был уже в состоянии усваивать зеленый корм и был в состоянии значительно дольше использовать чудесные хреновские пастбища, начиная с лучшей поры, с ранней весны и до поздней осени.

Не будем уже говорить о том, что, как теперь нам хорошо известно, ранние сроки выжеребки всегда дают меньший процент аборт, мертворождений и слаборожденных жеребят.

Результаты этого смелого нововведения сказались очень наглядно и были отмечены современниками.

«Жеребенок, родившийся ранней весной и пользующийся первою весеннею травою, пришед в полный рост, принимает от природы лишний вершок роста, противу жеребенка, позднее родившегося и не пользовавшегося первою раннею травою. Истина, опытом многих лет доказанная в конском заводе знаменитого российского вельможи» [\[51\]](#).

Подчеркнем здесь выделенные нами курсивом слова «опытом многих лет».

Передовые для того времени положения и идеи в коннозаводческой работе не рождались из головы Орлова, как Афина Паллада из головы Зевса, а вырабатывались постепенно. Несомненно, Хреновский завод, весь его коллектив, А. Г. Орлов и его многочисленные сотрудники — все шли трудной, но правильной дорогой собственного опыта, учились

на ошибках, нащупывали верные пути, постепенно, в меру возможностей того века, постигали закономерности природы.

Первоначально дело могло начаться с того, что кобылы ранней косячной случки жеребилились и приходили в охоту в конце марта в начале апреля. Переходя к ручной случке и имея уже теплые конюшни для жеребых маток, завод мог не пропускать первой охоты у ожеребившихся кобыл и крыть, по крайней мере хотя бы часть кобыл, уже в начале апреля, получать жеребят в марте, затем крыть в марте, получать жеребят в феврале и т. д. Делая такие опыты или пробы, персонал завода мог подметить, что жеребята ранней выжеребки лучше удаются и лучше растут. Проверив это положение не год, не два, а, как и говорится в приведенной цитате, «опытом многих лет», Хреновской завод мог уже окончательно выработать свои, столь отличные от общепринятых принципы случки.

Сейчас я коснусь еще одного вопроса, связанного с проведением случайной кампании в Хреновском заводе. вопроса о сроках повторных покрытий так называемом русском способе случки.

Источники не сохранили никаких бесспорных по этому вопросу указаний. В позднейший период — в 40-х годах — к моменту перехода Хреновского завода в казну, несомненно, завод следовал уже установившейся в Европе и у нас коннозаводской рутине, «изысканному точнейшими наблюдениями англичан способу», «кобылу допускать в пробу на 9-й день после последней случки», причем прием этот оставлял по меньшей мере от половины до одной трети кобыл холостыми.

Был ли заведен этот обычай еще при Орлове? У нас в руках есть некоторые, правда косвенные, доказательства противного.

При своем объезде русских конских заводов в 1851 году профессор Ф. Ф. Унтербергер обратил внимание, что рысистый завод А. П. Белякова добивается очень высокой ежегодной выжеребки: «⁹/₁₀ кобыл и более жеребятся ежегодно». Объяснения, по мнению Унтербергера, следует искать в том, что основатель завода, уже умерший ко времени Унтербергера А. П. Беляков, «не придерживался наставлений, преподаваемых в разных руководствах», но «приводил кобыл в 4-й день вторично к жеребцу». Во время своих заграничных командировок Ф. Ф. Унтербергер встретился с таким же способом

случки еще в одном только случае — в Вюртембергских заводах, причем там этот способ назывался «русским» [52].

Эти последние слова заставляют насторожиться: на каком основании метод пробы и случки на четвертый день, а не на девятый, был назван в Вюртембергских заводах русским? И почему этот метод был известен и применялся именно в Вюртемберге?

Ответ на эти вопросы, как нам представляется, может быть отыскан в одном факте из истории королевских Вюртембергских заводов.

В 1818 году в королевские Вюртембергские заводы поступило 20 лошадей (в том числе четыре жеребца-производителя и 14 кобыл) из Хреновского завода.

Возможно, что лошадей сопровождали не только выписи об их происхождении, но и указания относительно обхождения с ними, краткие сведения об обычном для них заводском режиме, наконец, с лошадьми должны были быть не только сопроводительные бумаги, но их должны были привести люди — опытные конюхи-проводники, которым была поручена доставка их — провод в руках из Хреновского завода. Таким-то образом, скорее всего, и мог быть занесен в дальний Вюртемберг «русский способ» проведения пробы и случки, который был потом испытан и понемногу укоренился в Вюртембергских заводах. Нам, в 50-х годах XX века, вполне ясно, что этот способ случки, если он применялся в Хреновом, был много рациональнее общепринятого «метода 9-го дня».

Способ повторной пробы на четвертый день после первой случки кобылы мог, при достаточной наблюдательности конюшенного персонала, естественно зародиться во всяком заводе, самостоятельно осуществлявшем постепенный переход от косячной случки к ручной. Если при караванной случке жеребец кроет кобылу зачастую несколько дней подряд, то при переводе жеребцов на ручную случку повторная проба и случка на четвертый день являлась как бы только некоторым подражанием природе.

КОРМЛЕНИЕ ПЛЕМЕННЫХ ЛОШАДЕЙ

Очень интересные данные приводят нам В. И. Шишкин и В. И. Коптев и по кормлению племенных лошадей. Оно было хотя и вполне достаточным и даже обильным, но отнюдь не принадлежало к

типу интенсивного на современный масштаб кормления. Вместе с тем кормление это удовлетворяло многим современным принципам рационального питания лошадей. В кормлении основной упор делался на грубые корма — сено высокого качества и яровую солому. Однако с прекращением хорошего пастбища, в продолжение всей зимы дополнительно давали концентрированные корма, что не было в обычае в заводах XVIII века, и давали всем категориям племенного состава. При этом овес как жеребым маткам, так и жеребятм-отъемышам скармливали в форме болтушки из овсяной муки, по 2 гарнца на 1 голову. Жеребцам-производителям овсяную дачу доводили до 4–5 гарнцев. Подкормка овсом холостых маток производилась своеобразно — им давали немолоченный овес в снопах. После поступления в заездку и в ставочную конюшню молодняк получал уже не по 2, а по 3 гарнца овса на голову.

Если учесть изобилие первоклассного сена со степных покосов, веками не тронутых, — про это сено в шутку говорили: «Такое сено, что хреновские лошади, не евши, сыты», — если вспомнить безбрежные девственные пастбища, по которым ходили хреновские табуны не менее 7–8 месяцев в году, то несомненно нельзя не дать высокой зоотехнической оценки такому, лишь на поверхностный взгляд «скудному», или «недостаточно интенсивному», кормлению хреновских лошадей.

Нельзя терять исторической перспективы. От А. Г. Орлова нас отделяет свыше 150 лет. Для своего времени режим кормления маток и молодняка не может не быть признан интенсивным, рациональным и прогрессивным. Во многих отношениях, например с точки зрения обеспечения маток и растущего молодняка необходимыми минеральными веществами и витаминами, он и сейчас полностью выдерживает критику.

Это кормление, несомненно, являлось неотъемлемой частью того сложного комплекса племенной работы, который позволил Хреновскому заводу продавать лошадь, совершенную для своего века.

Все познается из сравнения. Большой шаг вперед, сделанный Хренов- заводом в вопросах кормления лошадей, может быть оценен в полной если мы сопоставим практику Хреновского завода с теорией, излагавшейся в руководствах XVIII века, и с принятыми даже в

лучших государственных русских заводах рационами для маток и молодняка.

Симон Винтер фон Адлерс Флигель для жеребых маток никакого другого корма, кроме сена и соломы, в зимние месяцы не предусматривает. Отъем жеребят рекомендует производить на четвертом месяце от рождения. Отъемышу в первую зиму давать ежедневно не более 4 или 5 фунтов сена, т. е. 1½— 2 кг, и овсяной муки по 2 пригоршни на день. Во вторую зиму полуторникам — 6 фунтов сена и по 3 пригоршни овсяной муки на день.

Во французском руководстве по коневодству Гарсо [53], выдержавшем в XVIII и в начале XIX века семь изданий, также рекомендуется жеребят летом содержать на одном пастбище, а зимой овса не давать, но только хорошее сено и по 2 пригоршни отрубей, пока они не достигнут возраста четырех с половиной лет, после чего лишь давать им по 2 гарнца овса, т. е. около 3 кг в день.

Выпущенный Н. И. Новиковым «Городской и деревенский коновал» (А. П., 1783) делает дальнейший шаг вперед. Он очень заботится о качестве сена для жеребят и одновременно рекомендует давать овса:

- Отъемышам и годовикам по ½ гарнца (т. е. до 0,5 кг);
- 2- и 3-леткам по ½ гарнца (т. е. до 0,75 кг);
- 4-леткам по 1 гарнцу (т. е. до 1,5 кг).

Н. П. Осипов в 1791 году полностью повторяет или списывает эти рационы, но уже добавляет от себя, что существует мнение, что можно жеребят давать корма и сколько съедят.

В государственных беловодских заводах все кобылы, как холостые, так и жеребые, и приплодные лошади всех возрастов (по положению от 30 октября 1799 года) должны были с 1 мая по 1 ноября довольствоваться одним подножным кормом, а зимой кобылам полагалось в сутки только 20 фунтов сена без овса. Лишь в Скопинском (бывш. Рязанской губ.) и Починковском (бывш. Нижегородской губ.) заводах жеребым кобылам полагалось в зимние получать по 20 фунтов сена и по одному гарнцу овса. Но летом и осенью и здесь все лошади должны были довольствоваться подножным кормом.

Не удивительно поэтому, если во всех заводах XVIII века жеребья росли плохо и медленно, складывались поздно, в связи с чем поздно начиналась и заездка их. Винтер и Гарсо рекомендуют начинать объездку молодняка не ранее достижения им четырех с половиной лет, Сонье [54] — даже еще позже — в пятилетнем возрасте.

В русских государственных заводах вплоть до 30—40-х годов XIX века пятилетние лошади еще значились в графе «приплодных», и в ремонт конных полков гвардии еще при Николае I лошадей из всех государственных заводов принимали только в возрасте пяти с половиной лет осенью. А в Хреновском заводе во времена А. Г. Орлова и В. И. Шишкина, как мы увидим ниже, молодняк поступал в заездку не позже чем в возрасте двух с половиной лет.

Переходим к описанию режима отдельных категорий и возрастных групп племенного состава.

Заводских жеребцов содержали в конюшне круглый год, но на них регулярно, через день, производилась езда: рысистые проезжались в санях или в дрожках, верховые под седлом.

Заводских маток содержали в конюшнях и на варках при заводе с 1 октября по 15 апреля, когда их выпускали на пастбищное содержание в степь. После 15 апреля и по 1 октября кобылы оставались все время на пастбище, но на ночь их брали в летние конюшни-навесы («пригоны»), разбросанные в степях. В пригонах производилась регулярная подкормка подсосных кобыл и жеребят концентратами. С осени маток брали в открытые варки, и лишь за месяц до выжеребки, зимою, жеребых кобыл переводили в маточную конюшню.

После 15 апреля кобыл, как мы уже говорили, выпускали в степь, а лучших любимых жеребцов направляли в Москву, где они уже 1 мая принимали участие в традиционном выезде А. Г. Орлова на народное гулянье в Сокольниках. В заводе оставалось несколько более старых жеребцов и запасные из молодых, которые и докрывали кобыл поздней выжеребки или повторно пришедших в охоту. Случка тогда проводилась уже на пригонах.

Так как основная выжеребка в Хреновом падала на январь-февраль, то отъем жеребят в возрасте шести-семи месяцев можно было проводить в степи на хуторах, где жеребья еще месяц-другой после отъема и оставались. Пастбища для отъемышей были заботливо подготавливаемы, и на предназначенных для них участках траву

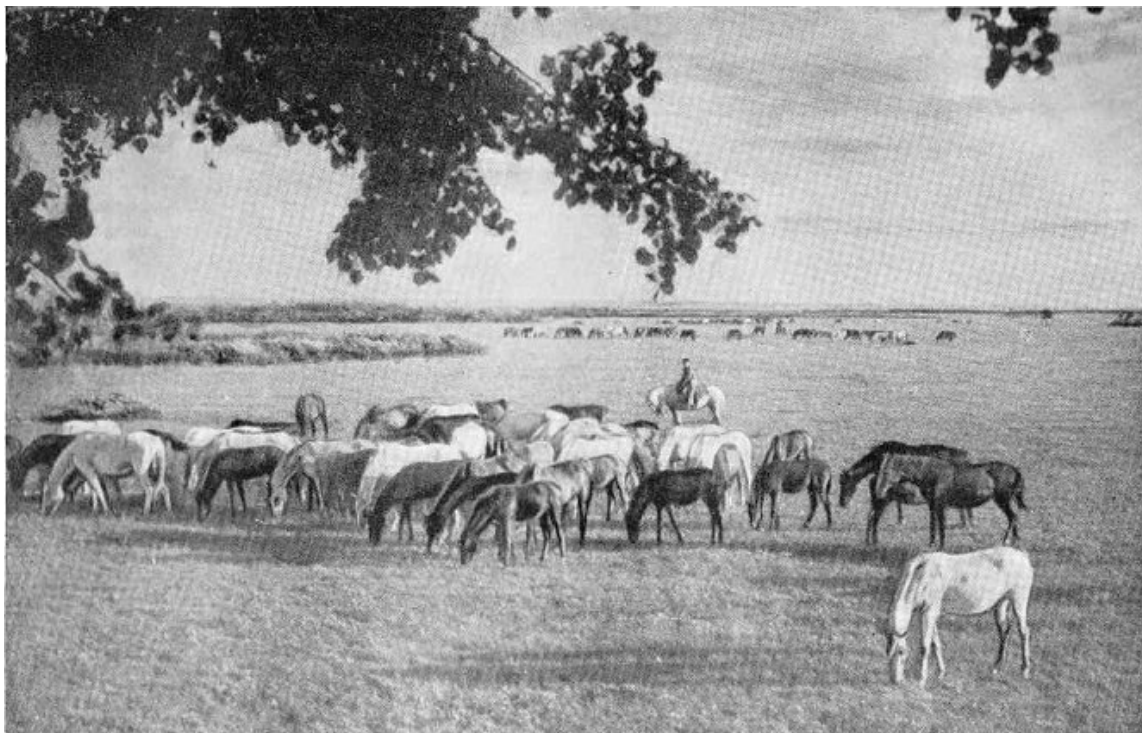

косили еще «до настоящего сенокоса», и таким образом обеспечивали хорошую отаву для пастбища жеребят. Сено же, убранное с этих участков, было исключительным по своим качествам и смело могло удовлетворить современным требованиям любого профессора специалиста по кормлению и по витаминам. Остается только неизвестным, кому его скармливали в Хреновом, жеребым маткам или молодняку. По всей вероятности, однако, жеребятам. На это указывает уже цитированное место из новиковского издания, в котором описывается приготовление подобного сена именно для жеребят и указывается, что это сено имеет лечебные свойства. Можно предполагать, что рецепты приготовления такого лечебного сена восходили еще к коннозаводству допетровской Руси, скорее всего к монастырским заводам, о которых в старинной литературе писалось, что они умели выхаживать и выращивать жеребят и тщательно изведывали и заботливо сохраняли способы и средства лечения.

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКИ КОРМЛЕНИЯ

В устной передаче хреновских старожилов сохранились собранные В. И. Коптевым некоторые любопытные особенности техники кормления лошадей, которые свидетельствуют о заботливом и внимательном отношении к этим вопросам. Приведем несколько примеров.

Выпуск на пастбище весной производился к 15 апреля. Всех лошадей, в особенности жеребых и подсосных маток, переводили на зеленый корм с большой осторожностью. В продолжение первых двух недель по утрам лошадям давали на конюшне сено, и только после того, как они съедали полную дачу, их выпускали в степь не голодными, а сытыми, так что они не набрасывались с жадностью на зеленую траву.

Табуны в Хреновской степи. Современная фотография.

Табуны в Хреновской степи. Современная фотография.

Овес, скормливаемый маткам осенью и зимой, косили «впрозелень», вязали в снопы и в таком виде давали маткам.

Жеребят в качестве подкормки давали даже не дробленый овес, а овсяную муку или болтушку. Эта подкормка применялась в периоды смены зубов, и в особенности осенью, если жеребята болели мытом.

Все это, в добавление к сказанному нами выше о витаминном сене, о пастбищах для жеребят, свидетельствует, что условиям кормления в Хреновском заводе придавалось очень большое значение. Этот фактор успеха работы при создании новых пород в полной мере учитывался заводом.

***ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ КОРМЛЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ
НА ЭКСТЕРЬЕР И ВНУТРЕННИЕ КАЧЕСТВА
ХРЕНОВСКИХ ЛОШАДЕЙ***

Уместно поставить вопрос, как должен был сказываться своеобразный режим кормления и содержания молодняка на общем облике хреновской лошади, на общей характеристике свойств, присущих всем выращивавшимся в Хреновом лошадям, независимо от

направления или отделения завода. Сделаем попытку на него ответить в свете наших знаний сегодняшнего дня.

1. Прежде всего лошади, выращенные в ряде поколений в условиях полустепного содержания, должны были отличаться крепостью, здоровьем и хорошим развитием сердца, легких и мускулатуры.

2. Как условия континентального климата воронежских степей, так и особенности общего кормового режима молодняка должны были приводить к тому, что выращенные в Хреновом лошади отличались, как правило, сухостью конституции. Эти условия должны были помогать переделывать сырость и грубость экстерьера некоторых более тяжелых европейских пород и давать при проведении скрещиваний пород резко различных конституциональных типов преимущественную или большую возможность проявления и развития особенностей экстерьера более породных типов восточных лошадей — арабской и других.

3. Большая роль, которую играли в кормовых рационах молодняка грубые корма по сравнению с концентратами, не могла способствовать очень большой скороспелости хреновских лошадей, но завод придерживался изречения народной мудрости: «выкормок хозяину не впрок» и не гнался за особой скороспелостью, никогда не пытался брать в работу своих питомцев в возрасте полутора лет, довольствуясь заездкой их в 2½ года. Преимущественное кормление грубыми кормами жеребят вело к некоторой задержке роста их в первую зиму, но зато оно же вело к стимулированию развития и к усиленному функционированию пищеварительного аппарата, и жеребенок становился на всю жизнь способным много поедать, хорошо усваивать корм и держать тело при всякой работе.

4. С другой стороны, этот тип кормления молодняка, равно как и пастбищное содержание в продолжение почти шести месяцев, если особо учесть исключительное качество хреновской степной травы и сена и полноценность рационов в отношении минеральных веществ и витаминов, должен был иметь своим результатом прекрасное развитие костяка, глубину, круторебрость лошадей, беспорочное строение конечностей.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДНЯКА

Замечательная установка, которая отличала работу А. Г. Орлова от его современников, состояла в том исключительном значении, которое придавалось в Хреновском заводе вопросам выращивания молодняка, в том внимании, с каким прорабатывались, испытывались, а затем уже «создавались и утверждались на твердом основании» различные для различных возрастных и породных групп лошадей режимы кормления, содержания, воспитания и упражнения.

Из сохранившихся коннозаводских записей и воспоминаний мы знаем, что верховых жеребят содержали и выращивали не так, как рысистых, рысистых не так, как жеребят чистокровного скакового отделения.

Различие режимов не ограничивалось кормлением. Между строк и по полунамёкам мы улавливаем, угадываем основную руководящую мысль Орлова: необходимо из поколения в поколение развивать смолоду у жеребят те свойства и качества, наследственную передачу которых желательно закрепить.

Только последовательным приложением этой идеи на практике можно объяснить всеобъемлющую, не знавшую исключений, систему того тренинга, в который на протяжении семи десятилетий вовлекался весь предназначенный для племенного использования молодняк Хреновского завода. Приемы тренинга были тщательно разработаны и варьировали в зависимости от поставленных перед каждым из отделений завода целей. Для одного из отделений — рысистого, их пришлось в буквальном смысле придумать заново, изобрести, но и здесь система целеустремленного воспитания, примененная Орловым, оправдала себя. Проведя пять-шесть поколений лошадей через рысистый тренинг, при соответствующем кормлении, отборе и подборе, Хреновский завод создал рысистую породу, в которой свойства резвой рыси были наследственно закреплены.

Зимой, после перевода на центральную усадьбу, рысистых отъемышей содержали в просторных отделах по 10 жеребят в каждом, и при каждом отделе был свой двор. Утром дверь отдела открывали и жеребята проводили весь день в движении на воздухе.

Не могу опять не привести сравнение с режимом жеребят «по Симону Винтеру». Жеребят — отъемышей, полуторников, двухлетков и трехлетков — он рекомендует в зимнее время выпускать, но не надолго, в манеж бегать на воле без корды и добавляет: «... не худо,

чтоб по крайней мере в каждую неделю по одному разу для таковой прогулки их выгонять» (ук. соч., стр. 279).

Неудивительно, что такое почти полное отсутствие движения в зимнее время — один раз в неделю — должно было убийственно отражаться на развитии жеребят.

В Хреновском заводе верховые отъемыши стояли в денниках по двое, и им не только предоставлялась прогулка, но и делались ежедневные проводки в манеже; надо полагать, не только проводки, но им давали и бегать в манеже на свободе. Проводки же устраивались, по свидетельству, сохраненному В. И. Коптевым, для того, чтобы сделать жеребят возможно ручнее и покорнее воле человека.

В основу обращения с молодыми лошадьми были положены очень разумные принципы спокойного и мягкого с ними обращения. Алексей Орлов, а за ним и Василий Шишкин, часто говаривали, что «верховая лошадь только тогда выполняет свое назначение, если будет знать человека, не дичиться его, а любить его».

Надо припомнить, что эти принципы провозглашались в те времена, когда в сочинениях по иппологии иностранных авторов, можно сказать, безраздельно господствовали рекомендации жестоких наказаний и приемов, скорее, укрощения и дрессировки молодых лошадей, чем правильного их обучения или воспитания, в смысле выработки у них нужных человеку условных рефлексов.

В данном случае практика Хреновского завода близко примыкала к прогрессивным, опередившим свой век взглядам, которые были высказаны по вопросам обращения с молодыми лошадьми в уже упомянутом нами сочинении Ф. Удалова «Практические примечания о содержании конских заводов (1767).

Нельзя сказать, чтобы эти принципы обращения с лошадью, проводимые в Хреновском заводе, были новыми. Наоборот, они очень старые, можно сказать древние принципы. Еще Ксенофонт в IV веке до н. э. говорил почти теми же словами о задачах подготовки и выездки верховой лошади: «... лошадь должна стать другом человека». С этими принципами Орлов мог бы столкнуться и на Востоке, покупая арабских лошадей, так как для арабов лошадь даже не друг, а почти член семьи. Но эти принципы были основательно позабыты в Западной Европе со времени начала господства испаноитальянской школы, т. е. с XVI столетия.

Русская коннозаводская практика конца XVIII века хорошо знала, что надо не просто выращивать или выкармливать жеребят, но и воспитывать их, вырабатывая у них, как мы бы теперь сказали, желательные условные рефлексы; что подобное воспитание необходимо начинать с первых дней рождения жеребенка и проводить из поколения в поколение; что при неправильном смолоду воспитании жеребят лошадь может стать строптивой, непокорной. может «отбиться от рук». Более того, в русской литературе первых десятилетий XIX века мы можем найти упоминания, что последствия неразумного воспитания жеребят скажутся не в одном только поколении, но нередко и в следующих. Практики, и притом не только работавшие в Хреновском заводе, сделали очень тонкое наблюдение, что надо бояться не столько злого нрава жеребца-производителя. сколько строптивости, боязливости. нервности матери, ибо если кобыла испорчена воспитанием, «людоедка», кусает и бьет копытом приближающихся к ней людей, то и жеребенок почти наверное вырастет строптивым, будет лягаться и кусаться. Переводя на язык учения И. П. Павлова, мы бы сказали, что у жеребенка в таких условиях, под боящейся людей матерью, развиваются обостренные оборонительные рефлексы. На основе своего практического опыта Федот Удалов советовал, чтобы конюх, приставленный к жеребятам, «сам к жеребятам ласкался, всегда их гладил и старался приучать к корму», и в другом месте: «Ко всем ездам, к верховой, санной и колясочной, приучать надлежит весьма ласково, без побой и без принуждения. Привыкнувши же так в жеребятах, будут они после и во весь свой век всегда доброездные» [\[55\]](#).

Этих советов Ф. Удалова придерживался Хреновский завод и, под его влиянием, в начале XIX века они повторяются, в той или иной форме, на многих страницах «Еженедельника» и «Записок для охотников до лошадей» (1823–1826 гг.), в заметках и письмах В. И. Шишкина к И. Д. Ознобишину, в любопытной рукописной книге А. Д. Евлашева «Досуги отставного кавалериста» (1823 г.), в «Правилах для наездки» С. В. Шишкина (1842 г.), у В. И. Коптева и т. д.

В ставочную конюшню Хреновского завода, в заездку, выездку и тренинг, ежегодно поступал поголовно весь — за исключением

заводского брака — верховой, скаковой и рысистый молодняк, как жеребчики, так и кобылки.

В ставочную конюшню, в заездку, рысистый и верховой молодняк поступал в двухлетнем возрасте (точнее, осенью, 2½ лет) [56], а чистокровный, несомненно, значительно раньше, так как к маю чистокровных трехлеток уже приводили в Москву на скачки. Рысистых же и верховых приводили в Москву к зиме в возрасте свыше трех с половиной лет.

Чистокровных лошадей, по приводе их в Москву, испытывали на скаковом ипподроме, разбитом близ дома А. Г. Орлова на Донском поле. Верховой молодняк проходил манежную выездку и свою оценку получал по ее результатам. О тренинге и испытаниях рысистых лошадей Хреновского завода будет подробно рассказано в своем месте.

После прохождения испытаний, к четырем годам, лошадей сортировали: кобылок, получивших заводское назначение, обычно далее не испытывали и отправляли в Хреновое, лучшие же жеребцы задерживались в Москве на год, на два, а иногда и на несколько лет. Рысистые доиспытывались на московском бегу, а верховые поступали под седло А. Г. Орлова, его дочери А. А. Орловой и его друзей, и возвращались в завод только уже вполне испытанными и оцененными.

Любимые жеребцы, например, Свирепый 2, брались под седло Алексея Орлова из года в год на периоды времени между случными сезонами.

Завод оставлял себе из каждой ставки только жеребцов «отборных из отборных», как писалось в те времена, и только самых лучших молодых кобыл. Всех других лошадей, как забракованных, так и просто излишних, продавали с аукциона в Москве, как правило, в четырехлетнем возрасте. Вместе с ними продавали старых маток, а также жеребцов и кобыл, не оправдавших в заводе ожиданий. В продолжение ряда десятилетий ежегодно отметались, исключались и выбраковывались сотни и сотни лошадей, отбирались и удерживались в заводе лишь единицы из числа жеребцов и, в лучшем случае, десятки кобыл из ежегодной ставки во много сот голов.

КЛИЧКИ ХРЕНОВСКИХ ЛОШАДЕЙ

В наш век самолетов и автомобилей, турбин и комбайнов нам трудно представить себе то отношение человека к лошади, которое

было характерным для всадника-воина, с незапамятных времен древности связавшего с конем свою судьбу.

Верховая лошадь, боевой конь был для человека не простой живой тяговой силой. Он был товарищем походных трудов и другом человека. От его понятливости и смелости, ретивости и неутомимости зависела на войне часто самая жизнь всадника.

Поэты древности слагали в честь коня гимны, скульпторы Эллады воздвигали им надгробные статуи.

И человек вплоть до XIX века, если не обожествлял коня, то очеловечивал его, наделяя его всеми свойствами человеческого разума.

Во втором тысячелетии до н. э. лошади в Египте и Ассирии-Вавилонии носят пышные титулы (например, «Побеждающий по повелению Аммона») — собственные имена, подобные именам фараонов и царей; затем на протяжении трех тысяч лет, вплоть до XX века, лошади носили имена; в наше время лошадям как и всем другим домашним животным мы присваиваем лишь клички.

В Хреновском заводе в годы А. Г. Орлова и В. И. Шишкина лошади еще носили имена. И сколько бы книг того времени мы ни перелистывали, всегда будет идти речь об именах лошадей, никогда о кличках.

Эти «имена» присваивались в Хреновом лишь лошадям, получавшим заводское назначение после испытаний в Москве. Молодняк, посылаемый в Москву, еще их не имел. Шедшие в продажу четырех-пятiletние лошади Хреновского завода продавались всегда безымянными.

«Имя» давалось лошади лишь после того, как свойства, качества, особенности ее становились известными человеку, поэтому «имя» любой лошади Хреновского завода характеризовало, и поныне характеризует ее гораздо в большей мере, чем это имеет место теперь, в XX веке, когда клички дают жеребятam немедленно после рождения.

Ныне все мы как-то уже привыкли не обращать никакого внимания на смысловое значение клички лошади: Граб или Спрут, Зигота или Субсидия, Гитара или Эволюция, Мох или Бубенчик, Тагор или Рислинг, мы не вдумываемся даже в значение и смысл клички, лишь бы она была, по возможности, новой, звонкой и на требуемую букву. В капиталистических же странах дело доходит до полной профанации. Каких только кличек мы не найдем среди победителей крупнейших

скачек Англии, Франции, США: политические деятели, поэты и герои, философы всех эпох, все святые и мученики католической церкви вперемежку с королевскими любовницами и куртизанками всех наций скажут под хлыстом на финише, оспаривая «голубую ленту тёрфа» у морских водорослей, незримых духов и злокачественных опухолей.

В старину же в Хреновском заводе лошадь носила не безразличную кличку. а «имя» или, скорее, прозвище, которое она должна была сначала заработать, а потом уже оправдывать всю свою жизнь.

Многие прозвища лошадей Хреновского завода указывали на свойства темперамента и характера: Лихая, Капризная, Блажная, Своевольная, Скрытная, Коварная, Строгая, Задорная, Чудачка, Вспыльчивая, Огненная, Неукротимый, Суровый, Упрямый, Лукавый, Злобный, Непокорный, Свирепый, Лютый, Варвар — целая гамма отнюдь не совпадающих обозначений и в противоположность им: Добрый, Милый, Надежный, Постоянный, Верная, Прямая, Натужная, Откровенная, Охотная, Усердная, Ретивая, Умница, Любезная, Кроткая, Смирная и даже Ленивая — другая гамма.

Если жеребца называли Важный или Степенный, то он и был таким, его нельзя было назвать хотя бы Добрым или Ласковым. Жеребца Лебеда нельзя было назвать Мамонтом, кобылу Паву — Буянкой. Если производитель носил имя Ах, то можно с уверенностью сказать, что это восклицание вырывалось из уст зрителей при взгляде на него. Казалось бы диким и невозможным назвать Лебедем или Горностаем лошадь не серой масти, так же как сколько ни было во времена Орлова и Шишкина в заводе Воронов, Цыганов и Цыганок, все они всегда были вороные. Вороные Горностаи и гнедые Вороны появились только в середине XIX столетия, в старину же это было невозможно.

Безошибочно мы можем судить о росте лошади по таким кличкам-прозвищам, как Великан, Огромная; о массивности по таким, как Богатырь, Грузная, или обратно — Субтильная, Легкая; об общей гармонии форм по таким, как Ладная, Нарядная, Стройная, Красавица, или обратно — Простая, Неустройная; о способностях, выказанных в езде, по таким, как Летун, Непобедимый, Резвая, Догоняй, Машистая, или обратно — Ленивая, Тупая.

Если кобыла называлась Неряха, то значит конюшенный персонал имел право досадовать на ее неопрятность. Жеребец Голован во всяком

случае не был обладателем точеной арабской головки.

Иногда лошадь могла иметь даже два прозвища, две клички, каждая из которых дополняла другую. Например, знаменитый рысак, судьбу которого с такой дивной силой описал Л. Н. Толстой, — Мужик 1, он же Холстомер, — прозван был Мужиком за свою внешность, а Холстомером за свой ход: «бежит словно холсты меряет».

В отдельных случаях кличка могла указывать на прежнего владельца или на обстоятельства приобретения лошади: Алибей, Шах, Ханская, Подаренная. Иногда, в последующие десятилетия, кличка могла отметить родство или сходство, а чаще всего и родство и сходство лошади с прежде бывшим в заводе производителем: Горностаи 2, Свирепый 2, Важный 2 Лебедь 2 и т. д.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА ПО ВОСПРОИЗВОДСТВУ. ВОЗРАСТНОЙ ОТБОР

Пройдя испытания и заработав себе прозвище, лошади, получившие заводское назначение, возвращались в Хреновое и поступали в завод: кобылы, как правило, в возрасте четырех лет, жеребцы, как правило, не ранее пяти лет. Так, например, от Полкана 1, родившегося в 1778 году, первый приплод — Барс 1, Мраморный и др., — родился в 1784 году. Если же жеребцы задерживались в Москве на испытаниях или в езде, то они поступали в завод шести-восемью лет.

Так, по заводским книгам мы не знаем приплода: от Барса 1, рождения 1784 года, ранее 1792 года; от Салтана 2, рождения 1777 года, ранее 1785 года; от Свирепого 2, рождения 1792 года, ранее 1800 года.

В 90-х годах, в виде исключения, делают удачную пробу использования в заводе и четырехлетних жеребцов.

После 1809 года при В. И. Шишкине все чаще и чаще стало допускаться использование жеребцов уже в четырехлетнем возрасте, но во всяком случае не ранее достижения четырехлетнего возраста, так как жеребцам давали пройти через выдержку и предварительные испытания. От четырехлетних жеребцов, впервые шедших в случку, было получено В. И. Шишкиным несколько первоклассных лошадей, во главе с Полканом 3.

Для эпохи, когда начал свою работу Хреновской завод, племенное использование жеребцов начиная с пяти лет и кобыл начиная с

четырёх лет было делом почти неслыханным и являлось смелым нововведением. Оно становилось возможным в Хреновском заводе благодаря хорошим условиям содержания лошадей, обеспечившим рост и развитие выращиваемого молодняка. Чтобы оценить это нововведение, надо припомнить, что руководства XVIII века все еще повторяли старинные предписания Галиберти, Агостино Галла, Просперо д'Осма — допускать кобыл в случку не ранее пяти лет, а жеребцов не ранее семи или даже десяти лет.

Даже полвека спустя в государственных конских заводах беловодской группы (Деркульский, Стрелецкий, Лимаревский и Ново-Александровский) кобыл ранее пяти лет не случали, также и большинство жеребцов в возрасте пяти лет продолжали числить все еще в молодняке [57].

Хреновской завод не следовал и другим советам руководств XVII и XVIII веков, восходившим через писателей средних веков к заветам седой древности, к Варрону, Колумелле и Палладию, а именно: крыть кобыл не ежегодно, а лишь один раз в два года и содержать жеребят под матками до достижения ими возраста одного года или даже почти двух лет. Советы эти имели смысл при экстенсивном содержании в суровом климате. Если не давать ни маткам, ни молодняку до трех-четырёх лет ни овса, ни даже достаточно сена, а тем более, если содержать зимой жеребых и выжеребившихся маток, а также и отъемышей, в открытых дворах на соломе, дополняемой лишь подножным кормом, добываемым лошадьми из-под снега, то в северных странах с суровым климатом и продолжительным зимним периодом, глубоким снежным покровом ежегодное плодоношение и выкармливание жеребят должно быстро подорвать силы матери. Оставление жеребенка-сосуна под лактирующей — и не вынашивающей в это время следующего жеребенка — матью на весь первый год его жизни должно было в тех условиях благоприятно сказываться на развитии его и даже на самой возможности для жеребенка пережить первую зиму.

В подобных советах и приемах Хреновской завод не нуждался. Матки в заводе жеребились регулярно из года в год до 17 — 18-летнего возраста, т. е. до тех пор, пока они оставались в заводе. Всех же 17 — 18-летних кобыл завод, как правило, продавал с аукциона.

Исключения допускались лишь для отдельных, выдающихся маток-родоначальниц, но не похоже, чтобы приплод, полученный от них в старости, сохранялся заводом. Завод пришел к этому решению — браковать и продавать всех 17-летних кобыл — на основании своих многолетних наблюдений о снижении процента зажеребления и о понижении качества приплода от старых маток.

Это не означает, конечно, что любую кобылу Хреновской завод задерживал в маточном составе до 17 — 18-летнего возраста. Как раз наоборот. Завод не полагался слепо ни на родословную, ни на экстерьер, ни даже на резвость своих молодых маток. Он проверял маток по результатам их племенного использования. Хреновской завод требовал, чтобы кобылы приносили хороших жеребят и хорошо их выкармливали; в противном случае кобыл беспощадно выкидывали из завода уже в возрасте 8 — 10 лет, ибо, говорил Шишкин, «сохранять матку, дурную кормилицу, есть величайшая ошибка».

В этих отношениях практика Хреновского завода более чем на столетие опередила иппологическую теорию. По свидетельству В. И. Коптева, в данном случае заслуга этого тонкого и точного вывода из систематических наблюдений принадлежит В. И. Шишкину.

Как много потеряла русская зоотехния от того, что «наука Шишкина», эти отдельные, им исписанные листы, не сохранились.

В. И. Коптев сохранил нам также сообщение, что и жеребцы-производители Хренового в возрасте 20 лет «выписывались из заводских и поступали на пенсию», и с ними случали только «по одной матке и не иначе как 6 — 7-летних». Однако знаменитых хреновских жеребцов не продавали из завода, но содержали до самой их смерти в Хреновом, даже после того, как от них уже отказывались получать потомство. Лучших из них хоронили в Хреновом с особым почетом, стоя, в парадном уборе, с надетой уздечкой, а верховых и подседланными. Но здесь мы заглядываем в давно погребенный уже мир «любви непринужденной» и, более того, прямого культа лошади.

Заканчивая главу, следует признать, что в Хреновом не только выращивались замечательные лошади, не только создавались новые конские породы, но и вырабатывались свои, русские, коннозаводческие традиции, русская коннозаводческая культура.

Глава V

СОСТОЯНИЕ МАТЕРИАЛА И ЗАТРУДНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Рукописи ревнивы: они хотят владеть вниманием человека целиком и только тогда показывают свои тайны, открывают душу, и свою, и тех людей, что были с ними связаны.

Для случайного зрителя они останутся немые.

(Академик И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 175.)

История создания в Хреновском заводе двух конских пород — орловской верховой и орловской рысистой — представляет собой интереснейшую главу истории животноводства всех времен, рядом с которой вряд ли может стоять история создания Бэквеллом и братьями Коллингами английских пород овец и крупного рогатого скота.

Но если работы Бэквелла и Коллингов давно описаны во всех подробностях и давно известны всему миру — в любом учебнике или в руководстве по зоотехнии приводятся родословные знаменитых животных, выведенных этими заводчиками, — то этого никак нельзя сказать о работе А. Г. Орлова и его преемника В. И. Шишкина.

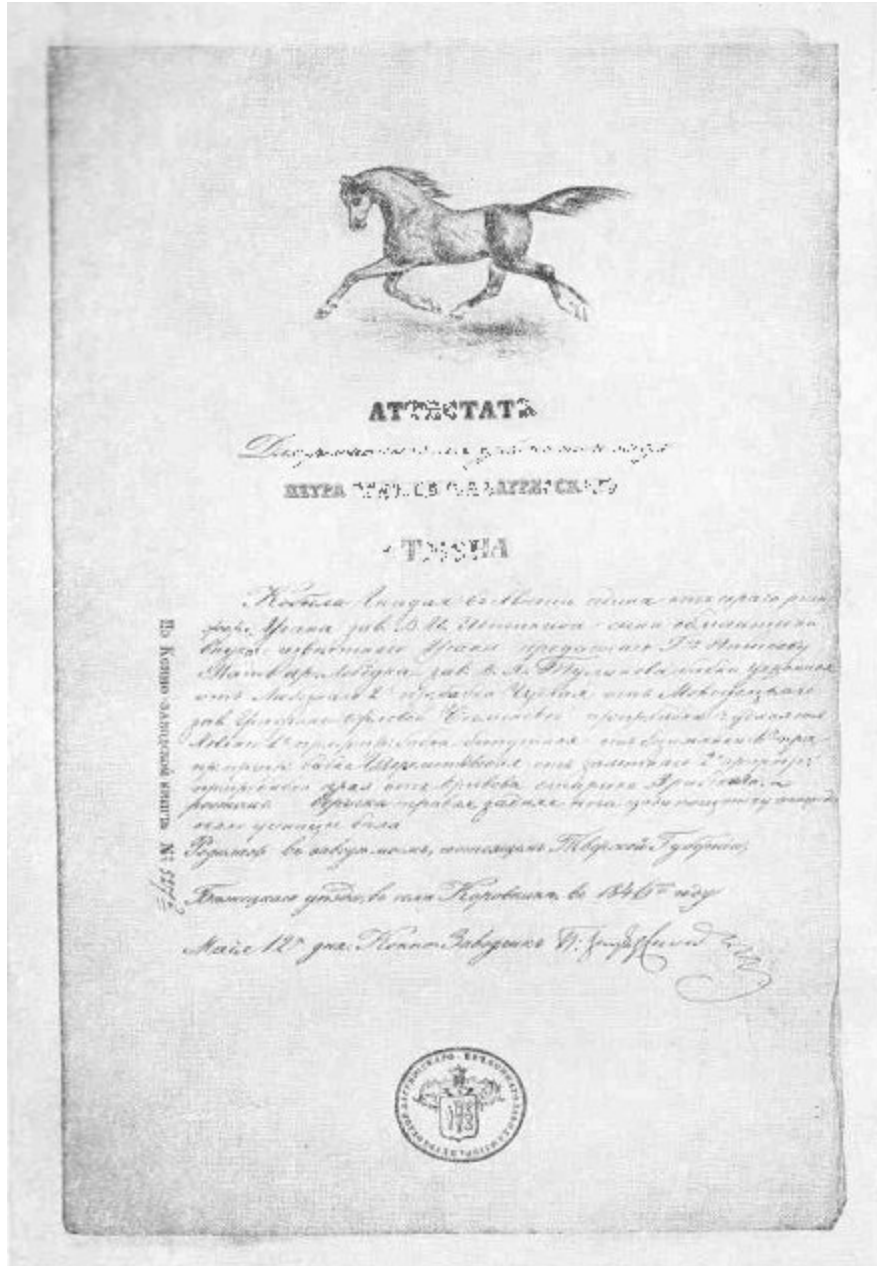
Прошло уже 150 лет со времени начала коннозаводческой деятельности А. Г. Орлова. Деятельность эта полтора столетия возбуждала всеобщий, хотя и нестройный, но единодушный хор восторженных похвал. Деятельность эта продолжает по сей день привлекать к себе огромный интерес и внимание зоотехников — практиков и теоретиков — и все же до сего времени она не изучена сколько-нибудь основательно и в полной мере не оценена.

Путь, которым Хреновской завод шел к созданию своих великолепных Барсов и Полканов и блистательных Свирепых и Яшм,

перевалы и изгибы этого пути остаются не освещенными, отдельные фазы и этапы работы над отечественными породами в самый ответственный период их возникновения — не описанными, методы основоположников русской зоотехнии А. Г. Орлова и В. И. Шишкина — не вскрытыми.

Объяснением, но, конечно, ни в коей мере не оправданием отсутствия до сего времени в нашей специальной литературе памятника великой странице прошлого нашего отечественного коннозаводства и зоотехнии, еще раз повторяю, объяснением, но никак не оправданием, служат следующие обстоятельства.

Первая причина та, что по вложенным в зоотехническую работу передовым идеям А. Г. Орлов опередил не только своих современников, но и потомков — дворян-коннозаводчиков эпохи николаевской реакции и даже позднейших, которые не сумели в свое время проанализировать, оценить и тем более объяснить пути и методы работы великого русского зоотехника. Когда же последующие поколения зоотехников и иппологов захотели сделать это, то на их встала трудно преодолимая преграда — отсутствие первоисточников. Все богатейшие архивы Хреновского завода, отражавшие, день за днем всю жизнь и течение семидесятилетия, исчезли неизвестно как и неизвестно когда.

Аттестат завода П. Ф. Загряжского.

Аттестат завода П. Ф. Загряжского.

А в этих архивах когда-то хранились журналы ежедневных наблюдении, в которых отмечали все, даже малые, события текущей жизни завода. Регулярно А. Г. Орлову высылали почтой в Москву журнал за неделю, ибо А. Г. Орлов до того вникал во все и до того любил сам руководить всем, что знал, живя в Москве, за 700 верст от Хренового, какая именно лошадь из 2000 голов стоит в каком отделе и

сколько получает гарнцев овса» [58]. Не подлежит никакому сомнению, что Хреновской завод вел самые точные и подробные племенные записи, делал сводки и составлял подробные отчеты за каждый год по ипподромным испытаниям, отчеты, отличавшиеся точностью и полнотой даваемых сведений. Более того, в Хреновском заводе В. И. Шишкиным были составлены таблицы как мужских, так и женских линий по той системе, к которой только столетие спустя пришли Герман Госс Френцель и Брюс-Лоу. Но весь этот богатейший материал оставался в течение десятилетий втуне, как бы в тайниках Хреновского завода.

До 30-х годов XIX века никаких студ-буков в России не издавали, каких-либо книг или изданий генеалогического характера не печатали. Родословными лошадей русские коннозаводчики не интересовались, а когда покупали кобыл на аукционах лошадей Хреновского завода, то все коннозаводчики, кроме двух-трех лиц (Голохвастова Д. П. и других), довольствовались лишь самыми краткими справками о породе, — кличками отца и матери лошади.

При издании в 1839 году Комитетом о коннозаводстве российском первой заводской книги «Подробные сведения о конских заводах в России», архивы Хреновского завода были еще в сохранности и порядке. Завод представил для напечатания точные сведения о происхождении верховых и рысистых жеребцов и маток, состоявших налицо в заводе в 1837 году, а также и некоторые выборочные сведения из хреновских архивов о происхождении «выбывших из Хреновского завода жеребцов, значащихся в предыдущем описании рысистых лошадей», т. е. встречающихся в породе наличных хреновских жеребцов и кобыл рысистого отделения. Вот эти-то описи и являются для изучения истории первого периода Хреновского завода основным пособием.

Однако описи эти далеко не исчерпали всего материала» хранившегося в свое время в хреновских архивах. Все мужские и женские линии, прекратившие свое существование за предыдущие 60 лет ведения конского завода, а также женские линии, не нашедшие себе продолжения в Хреновском заводе, но сохранившиеся в других частных заводах, сотни и тысячи лошадей, проданных в разное время из завода — свидетели не только удач, но и неудач трудного его

пути, — не вошли в описи Хреновского завода, помещенные в «Подробных сведениях».

Из сказанного видно, какую ценность представляют разбросанные по отдельным томам заводских книг, начиная с той же книги «Подробные сведения», а также в периодической специальной печати сведения о происхождении хреновских лошадей раннего периода [59]. Их можно почерпнуть также из описей частных заводов, отдельных аттестатов, писем современников и т. д.

В частности, особое значение приобретают родословные кобыл, проданных из Хреновского завода еще при В. И. Шишкине, и вообще все сведения, которые носят на себе отпечаток руки В. И. Шишкина. Интересно отметить, что опись завода В. И. Шишкина («Подробные сведения», 1839, стр. 314–349), не в пример описи Хреновского завода, дает нам точные указания не только кличек, но и мастей всех восходящих предков лошадей, вошедших в эту опись.

Когда Хреновский завод перешел в 1843 году в ведение государства, Комитет государственного коннозаводства, видимо, встретился с тем затруднением, что в Хреновском заводе не оказалось никаких материалов ни об основании завода, ни о ранней истории его. Комитет вышел из этого затруднения, обратившись с запросом непосредственно к В. И. Шишкину, который в это время был членом-корреспондентом Комитета. В. И. Шишкин представил в Комитет 5 февраля 1845 года за № 21 краткое описание Хреновского завода, которое было помещено в книге Коптева [60]. Это описание составлено В. И. Шишкиным «...с документов, бывших в распоряжении моем во время управления именем и заводом», и представляет собой исторический документ большой ценности. Описание дает такие сведения о раннем периоде деятельности Хреновского завода, которые мы бы тщетно искали в заводских книгах. В дальнейшем изложении нам придется неоднократно, касаясь, например, заводского использования тех или иных жеребцов раннего хреновского периода, приводить цифры оставленного ими в заводе потомства по данным Шишкина и одновременно указывать, что из этого потомства известно по заводским книгам, а что неизвестно.

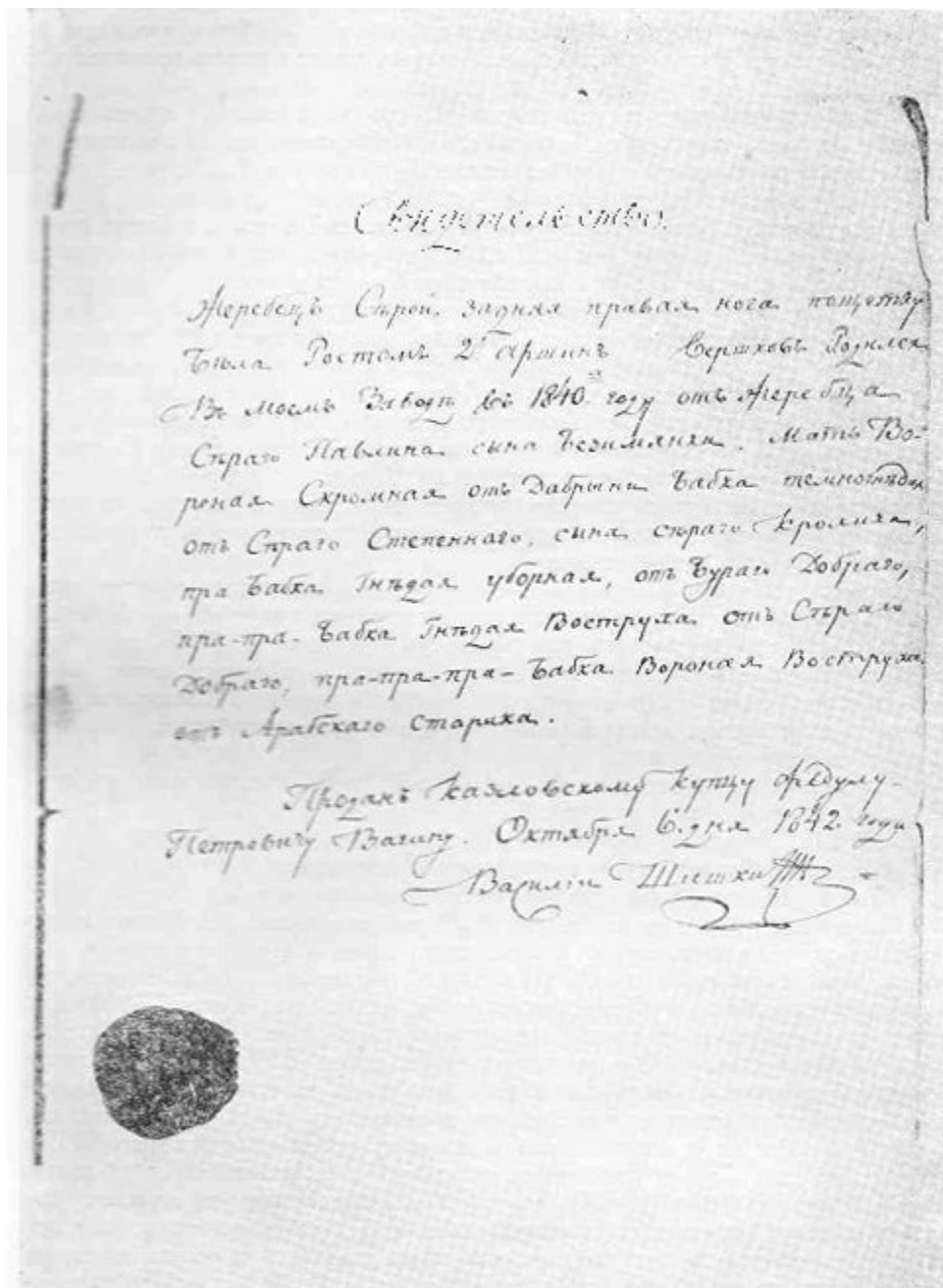
Все последующие издания студ-буков и племенных книг, начиная с «Заводской книги выигравших и бежавших лошадей», 1847 года, с ее таблицами женских линий и продолжая такими изданиями как

«Рысистые заводы в России», 1854 года, «Книга рысистых лошадей», 1868–1873 годов, «Заводская книга русских рысаков», тт. 1—28 и т. д., строились на фундаменте ставшего известным в 1839 году наличного племенного состава Хреновского конского завода. Поэтому все возражения, выдвинутые по поводу сведений 1839 года, остаются в силе и по отношению к последующим племенным книгам: они мало помогают нам при восстановлении истории раннего периода Хреновского завода.

Ввиду такого состояния печатных материалов, совершенно особое значение приобретают старые рукописные книги разных русских заводов и, в особенности, подлинные старинные аттестаты Хреновского завода, а также частных коннозаводчиков — В. И. Шишкина, В. П. Воейкова, И. Д. Ознобишина и других более передовых коннозаводчиков «шишкинской школы».

Автору за 20–30 лет удалось увидеть, прочитать, переписать и даже собрать не одну сотню этих аттестатов — свидетелей прошлого. Многие десятки их были напечатаны также на страницах старых иппологических журналов. Однако работа над ними требует особых приемов их чтения и расшифровки.

Мы уже говорили, что вплоть до 30-х годов большинство русских коннозаводчиков не имело никакого представления о том, что «без знания кровей нет племенного дела». На покупаемых ими хреновских лошадей подробных аттестатов они не просили: их вполне удовлетворяли краткие справки о происхождении с указанием лишь клички отца, иногда с прибавлением — сына такого-то, и матери, иногда тоже с прибавлением — дочери такого-то жеребца. В этих справках клички предков лошадей рысистого отделения сопровождалась эпитетом «рысистый», «рысистая», а к кличкам предков лошадей верхового отделения прибавлялся обязательно эпитет «арабский», «арабская». И эти эпитеты наглухо замыкали для всех любопытствующих и непосвященных вход в святилище Хреновского завода. Коннозаводчикам оставалось только недоумевать, почему в их заводах арабские жеребцы не производят такого потомства, и ждать — авось такие лошади появятся и в их заводах.

Аттестат, собственноручно написанный В. И. Шишкиным.

**Аттестат, собственноручно написанный
В. И. Шишкиным.**

Следует точно указать и подчеркнуть, что «арабскими» значились в кратких справках-аттестатах Хреновского завода заведомо не арабские лошади, а такие, например, сложные помеси, как Полкан 1, Лебедь Армянский, англо-арабский Фелькерзам 1 и даже жеребец Красавец из

Дании. Более того, когда Полкан 1, сын Сметанки и буланой датской кобылы, цитировался в справке, выдаваемой на рысистую лошадь, его называли «рысистым»; когда тот же Полкан 1 упоминался в свидетельстве Хреновского конского завода на верховую лошадь, писали «арабский Полкан». Таким образом, происхождение орловских лошадей для современников оставалось непонятным, как бы зашифрованным, и тем сильнее была дань изумления и восхищения перед выращенными в Хреновском заводе лошадьми, чем неожиданнее их появление, чем менее ясна история их происхождения, в которой только из некоей загадочной дали светились легендарные Салтан и Сметанка. Современникам оставалось лишь констатировать — «... одно имя орловской лошади достаточно уже привести покупателя в восхищение, здесь скаковые, фрунтовые, беговые, цуговые, короче сказать, во всех родах лошади превосходны, единственные» ^[61].

Чтобы наши утверждения не показались голословными, просим читателя перелистать хотя бы несколько первых страниц книги «Подробные сведения» 1839 года, и читатель сам убедится, что, когда в 1837 году были впервые запрошены от коннозаводчиков данные о происхождении лошадей конских заводов, то, поскольку дело касалось породы купленных именно в Хреновском заводе лошадей, коннозаводчики могли сообщить буквально лишь обрывочные сведения.

Например, такой известный завод, как В. В. Тулинова, о кобылах Хреновского завода сообщал только:

«Гнедая Добрая от Бычка, мать Добрая;

«Гнедая Черничка от Быстрого, мать Постоянная;

«Гнедая Щеголиха от Мужика, мать Щеголиха» и т. д.

В книге «Подробные сведения» 1839 года мы имеем действительно подробные сведения в настоящем смысле этого слова, т. е. полные родословные только для лошадей завода А. А. Орловой и завода В. И. Шишкина, который, конечно, знал точно происхождение хреновских и своих лошадей и выписывал полные родословные на своих лошадей, проданных в другие заводы, но лишь после 1831 года. А Бычок, рождения 1824 года, так и остался с краткой выпиской: «мать Домашняя, породы Кроликовой». И еще, как исключение, удовлетворяют нас сведения по заводу Д. П. Голохвастова — тоже не о всех лошадях, но лишь о кобылах хреновских покупок 1835–1836

годов, а о ранее купленных, например о знаменитой Арфе, дочери Барса 1, приобретенной в 1824 году, Д. П. Голохвастов принужден был ограничиться лаконической перифразой хреновской выписки, которую Д. П. Голохвастов к тому же не сумел правильно расшифровать и напечатал: «Темно-гнедая Арфа родилась в заводе А. А. Орловой-Чесменской (что уже неверно, так как она родилась еще при жизни А. Г. Орлова. — В. В.) от Барса; мать гнедая Цесарбеиха от Цесарбеихи Салтановой». Таким образом, кличка отца гнедой Цесарбеихи остается неизвестной.

В подлинной же Хреновской справке было написано — «Арфа, темно-гнедая, родилась от Барса, мать гнедая Цесарбеиха от Цесарбеихи от Салтана». По принятому в Хреновом для всех своих лошадей «шифру» это означало — мать гнедая Цесарбеиха от Салтана и Цесарбеихи, а вовсе не «Цесарбеиха от Цесарбеихи, дочери Салтана» [62]. Следовательно, хреновские выписки, ко всему прочему, надо было еще научиться читать.

Мы приводим этот пример, чтобы показать, почему впоследствии неполные родословные сотен и сотен купленных хреновских кобыл, которые заполнили к 30-м годам конские заводы частных владельцев — Павлова, Пашкова, Казакова, Миллера, Рогова, Гагарина и других, неизбежно обусловили ряд белых мест, досадных «пятен» в породе многих известных рысаков 30—50-х годов, начиная с того же Бычка.

Долгое время мне было совсем неясно, почему в Хреновском заводе времен А. Г. Орлова была принята очень своеобразная форма родословных выписей, которая затем перешла и удержалась на несколько десятилетий в аттестатах некоторых русских конских заводов, например В. П. Воейкова, И. Д. Ознобишина, И. А. Лисаневича. В старых выписках Хреновского завода после клички отца и матери идет сначала кличка бабки по женской линии (мать матери), после чего — кличка отца матери, а затем уже аттестат, возвращаясь к отцу лошади, сообщает кличку матери отца, а иногда и бабки его, после чего только, в самом конце, кличку деда по прямой мужской линии.

В трактате «Le Nâcéî» [63], посвященном вопросам арабской иппологии и иппиатрии, на странице 369 я нашел форму полного арабского аттестата:

Abeîân — аттестуемый жеребенок;

El-Beîh — мать его;

El-Beîh — мать первой El-Beîh;

Abejân Hendes — отец матери жеребенка;

Nadban — отец жеребенка;

Nadbâ — мать Nadbana (т. е. мать отца);

Djabwan — отец Nadbana.

С этой формой, которая была известна в странах Востока еще в XIII–XIV веках, полностью совпадает форма хреновских родословных выписей первых десятилетий существования завода.

Далеко не все коннозаводчики были столь заботливы и предусмотрительны, каким оказался, например, В. В. Тулинов. Начиная с 1816 года В. В. Тулинов, непосредственно сам и через В. Н. Резцова, неоднократно покупал рысистых и верховых кобыл, а также верховых жеребцов из числа продававшихся на ежегодных аукционах Хреновского завода в Москве. На всех их он получал обычно краткие выписи, и долгие годы это обстоятельство его не волновало. Но когда в 1839 году были напечатаны «Подробные сведения», В. В. Тулинов быстро понял, что нельзя вести племенную работу вслепую, понял значение точных и исчерпывающих родословных и, не в пример многим другим коннозаводчикам, захотел, хотя бы и с опозданием, восстановить происхождение купленных им в Хреновском заводе лошадей; поэтому он обратился к администрации Хреновского завода с просьбой, чтобы ему были выданы взамен справок полные аттестаты. Оформление этих аттестатов было произведено в 1839 году, т. е. когда доброй половины купленных лошадей уже не было в живых и когда как будто уже и странным казалось выписывать аттестат на какую-нибудь верховую кобылу гнедую Неустройную рождения 1798 года, и на рысистую Простуху, рождения 1810 года. Однако Хреновской завод нисколько не был затруднен исполнением этой просьбы В. В. Тулинова: все архивы были налицо и в порядке, и полные родословные легко были восстановлены.

Если бы В. В. Тулинов этого своевременно не сделал, то и родословные всех тулиновских лошадей, впоследствии широко распространенных по заводам России, во главе со знаменитым Удалым — родоначальником завода Н. П. Малютина, были бы переполнены вопросительными знаками и зияющими пустотами.

Вот почему так труден путь исследователя, который ставит перед собой цель воссоздать последовательно начальные ступени и дальнейшие этапы племенной работы Хреновского завода. Создание славных отечественных пород лошадей словно окутано дымовой завесой, источники богаты не столько указаниями, сколько умолчаниями. Приходится восстанавливать картину кипевшей здесь когда-то бурной творческой деятельности по обрывкам, полунамекам. Иногда незаметное примечание к породе какой-либо лошади старинного завода в одном из бесчисленных томов племенных книг, с оговоркой — «по сообщению владельца», неожиданно кинет луч света,

иногда забытая статья в журнале начала XIX века, иногда страница-другая из мемуарной литературы, иногда беглые строки письма кого-либо из современников Орлова. Многих лет предварительных генеалогических изысканий требует подобная работа, десятки тысяч страниц томительно-однообразных студ-буков надо было прочесть от слова до слова.

По возможности все до одной лошади, родившиеся в Хреновском заводе за первые 50–60 лет его работы, о кличках и происхождении которых хранились какие-либо справки, ссылки, упоминания в сотнях томов коннозаводческих изданий за последнее столетие, — в студ-буках, журналах, неопубликованных описаниях, аукционных листах, аттестатах, приведены были в известность, тщательно выверены, сопоставлены друг с другом, систематизированы, критически проанализированы. Годы кропотливой, неблагодарной, черной работы — и неожиданно, какая-нибудь случайность вдруг осветит полным светом темные дотоле стороны жизни Хренового, полую полосу творческих исканий и работы, а другие стороны ее все еще остаются загадочными — не по вине исследователя.

Не хочу терять надежды, что когда-нибудь, в будущем, молодой, энергичный и счастливый исследователь откроет хотя бы часть исчезнувших коннозаводских архивов Орлова, рукописей и книг, и тогда, несомненно, он будет иметь возможность вписать новые страницы в историю Хреновского завода.

Глава VI

ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ В ХРЕНОВСКОМ ЗАВОДЕ И ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ СКРЕЩИВАНИЙ

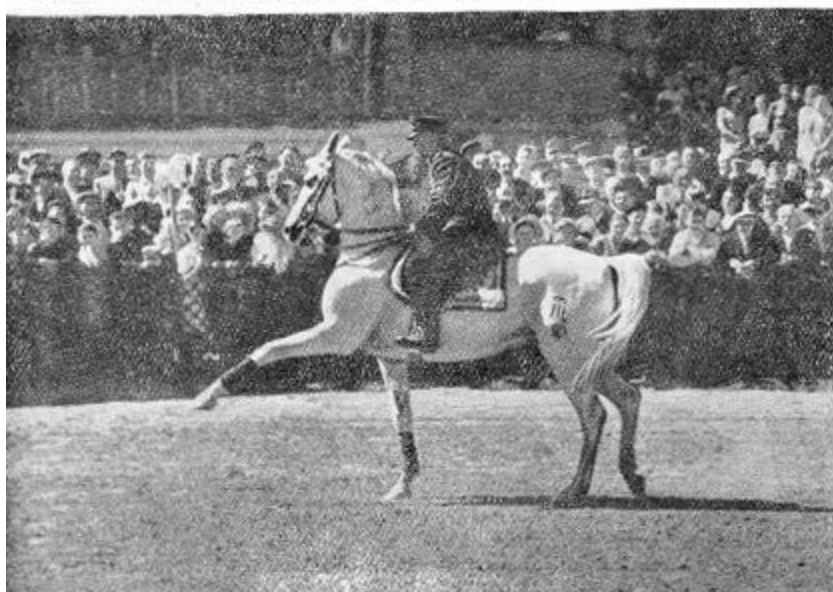
Нам никогда не восстановить истинной картины жизни и работы Хреновского завода, не понять мотивов, руководивших Орловым в его коннозаводческих исканиях, не понять и путей, им избранных, если мы не сумеем, хотя бы на время, отрешиться от всего строя привычных наших представлений, от всего круга зоотехнических и иппологических идей середины XX века, с тем чтобы в своем воображении, хотя бы на несколько минут, представить «истинного и полного конского охотника, совершенного знатока и кавалериста» середины XVIII века, каким был Алексей Орлов.

Он начал с того, что, еще состоя в рядах гвардейской кавалерии, в совершенстве освоил искусство верховой езды. К 60-м годам стал законченным, всеми признанным мастером или даже, как мы сказали бы теперь, гроссмейстером высшей школы езды и манежной выездки лошади.

Многие писатели XVII и XVIII веков, излагавшие классическую теорию высшей школы верховой езды, и в особенности четко француз Де-ла-Гериньер ^[64], старательно оттеняли то обстоятельство, что целью высшей школы является не просто научить выполнению фигурной езды и трудных виртуозных упражнений, а задачей ее является подготовить и лошадь и всадника к трудностям и неожиданностям кавалерийского боя. С этой точки зрения аллюры, вольты, фигуры и сложные прыжки высшей школы отнюдь не являются искусственно надуманными, утверждали Де-ла-Гериньер и учителя «академий» XVII–XVIII веков, а являются, так сказать, своеобразными приемами фехтования в одиночном конском бою. Подобно тому, как в настоящее время фигуры высшего пилотажа постоянно применяются в воздушном бою, так и фигуры высшей школы верховой езды имели прямое практическое применение в условиях боя. Всадник должен был уметь их использовать и при

нападении (вольты, пассажи) и в условиях самообороны (мезэры, пезады), как в самом бою (пируэты), так и при отступлении и даже бегстве (каприоли).

Искусство высшей школы езды не потеряло своего значения и в наши дни в конном спорте Советского Союза. И в середине XX века мы продолжаем любоваться высоким мастерством выездки, демонстрирующим полное подчинение коня воле и желаниям всадника, знатока своего дела.

Показ высшей школы езды на Московском ипподроме в 1950 г.
мастером спорта майором Ситько Н. А. на коне Цецар, р. 1940 г.,
терской породы.

Показ высшей школы езды на Московском ипподроме в 1950 г. мастером спорта майором Ситько Н. А. на коне Цецар, р. 1940 г., терской породы.

А. Г. Орлов был неизменным участником и предводителем блестящих каруселей и турниров, отмечавших собой вторую половину XVIII века. Первые карусели, проверенные в Петербурге 16 июня и 11 июля 1766 года, открыли целую «эпоху рыцарских каруселей в России», по терминологии некоторых исследователей старины [65]. Этот первый турнир оставил такое впечатление, что и 40 лет спустя, по живописному выражению Жихарева («Записки современника» 1805 г.), «...о нем до сих пор не наговорятся старожилы, с восхищением описывая ловкость и удалство молодцов Орловых» [66].

В 60—70-х годах XVIII века скаковые ипподромы и беговые испытания еще и не виднелись в дали десятилетий; еще надо было ждать, когда будут выведены в конских заводах России соответственные породы лошадей для них. Пока же возможность показа удали и ловкости давали манеж и кару- славу и лавры победы — турнир.

Заключительным аккордом турнира, после парада, фигурной езды, кадрили, после боя в конном строю на копьях и на палицах, после состязаний в различных упражнениях, требующих смелости, ловкости, меткого глаза и твердой руки всадника и верности аллюров и точности движений лошади, — заключительным аккордом, определявшим и венчавшим победу, было так называемое *la fola* итальяно-испанской школы. Всадники, под звуки музыки, вели своих лошадей, эластичных, гибких и безусловно повинующихся, искусственно замедленными каденцированными аллюрами и темпами, заставляя их следовать меняющимся мелодиям и ритмам.

Увлечение А. Г. Орлова манежем и каруселями, высшей школой езды, было серьезным. Оно не покидало его до конца дней. Под старость, живя в Москве, он заставлял свою дочь, 15—16-летнюю Анну, обучаться верховой езде по всем строгим правилам высшей школы [67].

Каким почетом и по смерти А. Г. Орлова у его наследницы, пока она была еще молодой и не подпала под влияние духовенства, был

манеж и искусство верховой езды, можно иллюстрировать следующим примером. Для того чтобы провести 20–25 июня 1811 года карусель, под Донским монастырем было построено, по проекту известного архитектора Компарези, специальное «здание карусели», двухэтажное в форме четырехугольника, каждая сторона которого была длиной более 100 метров [68].

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯВШИЕСЯ В XVIII ВЕКЕ К ВЕРХОВОЙ ЛОШАДИ

Мне кажется, что сказанного достаточно, чтобы утверждать, что А. Г. Орлов, хотя впоследствии и не довольствовался манежами и каруселями, но этому увлечению своей молодости оставался в душе верен всю жизнь. Никогда впоследствии, предъявляя к верховой лошади все новые и все большие требования, не перестанет он предъявлять к ней и обязательные требования полной ее пригодности к манежу, который понимается Орловым как всесторонняя подготовка лошади и всадника, в первую очередь, к одиночному бою, но который включает в себя также курс обучения лошади и всадника требованиям «высшей школы».

Лошадь испанской расы под всадником. С картины Ван-Дейка.

Лошадь испанской расы под всадником. С картины Ван-Дейка.

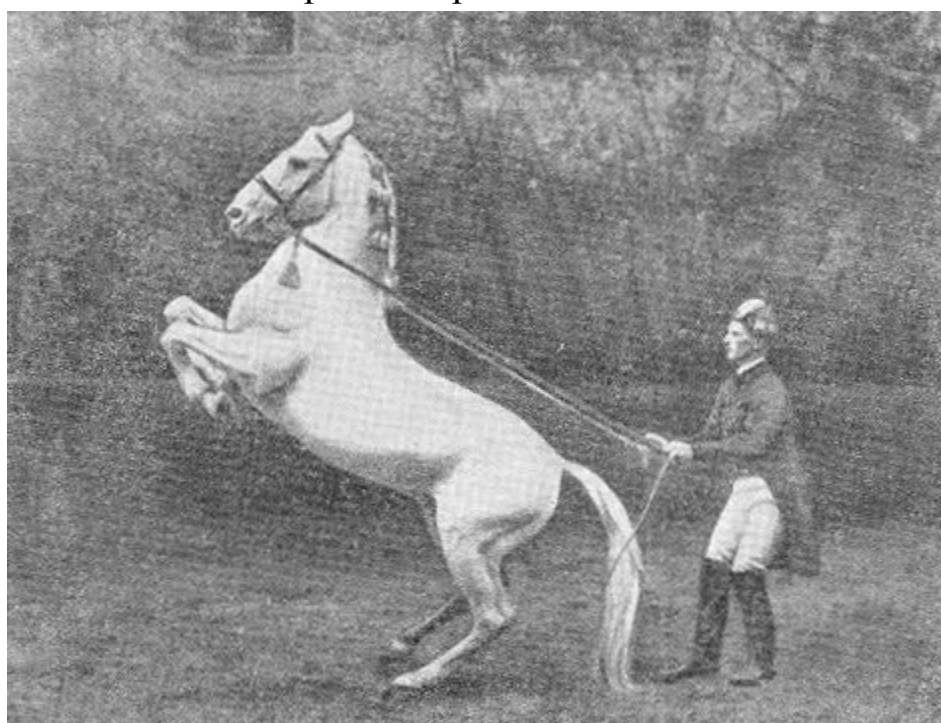
Однако А. Г. Орлов был не только искусным всадником, он был и кавалерийским генералом русской армии. Ему приходилось испытывать достоинства лошади не только в манеже, но и на полях сражений, в переходах и походах. И для того чтобы понять коннозаводческую деятельность Орлова и ее государственное значение, исследователь должен поставить перед собой вопрос каковы же были лошади манежа и Haute Ecole середины XVIII века и могли ли эти лошади удовлетворить запросам и пожеланиям Орлова, не только Орлова — законченного ездока, но и Орлова — совершенного кавалериста. Ответ будет — нет, никак не могли.

Братья Орловы провели в рядах русской кавалерии годы семилетней войны, они были свидетелями изменившейся и вновь возросшей роли конницы в войне, усложнившихся требований к ее скорости, подвижности, маневренности, значению молниеносной перестройки, атак в сомкнутом строю, стремительных и неутомимых преследований, хотя и не исключавших одиночного боя, но в первую очередь требовавших согласованного действия целых кавалерийских соединений в самых разнообразных условиях времени и местности.

Вот этим-то новым требованиям ни в какой мере не соответствовали лошади, переполнявшие в середине XVIII века дворцовые и государственные конские заводы, придворные конюшни и манежи вельмож, которую поставил перед собой Хреновской завод, была чрезвычайно важна и показалась бы, на взгляд некоторых современных зоотехников может быть и вовсе неразрешимой: слишком уж много разнообразных качеств должен был совместить в себе новый, еще нигде в мире не виданный тип верховой лошади. Эта лошадь должна быть и в меру крупна, и резва, и сильна — «нестомчива», как говорилось в старину, — способна носить большой вес (сам Орлов весил 9 пудов), и послушна, и понятлива, и добронравна, отличаться крепким здоровьем, обладать не только правильным, во всех статьях складом, сухими и прочными конечностями, но еще и легкими, эффектными и приятными аллюрами, быть гибкой, поворотливой, способной к манежной выезде

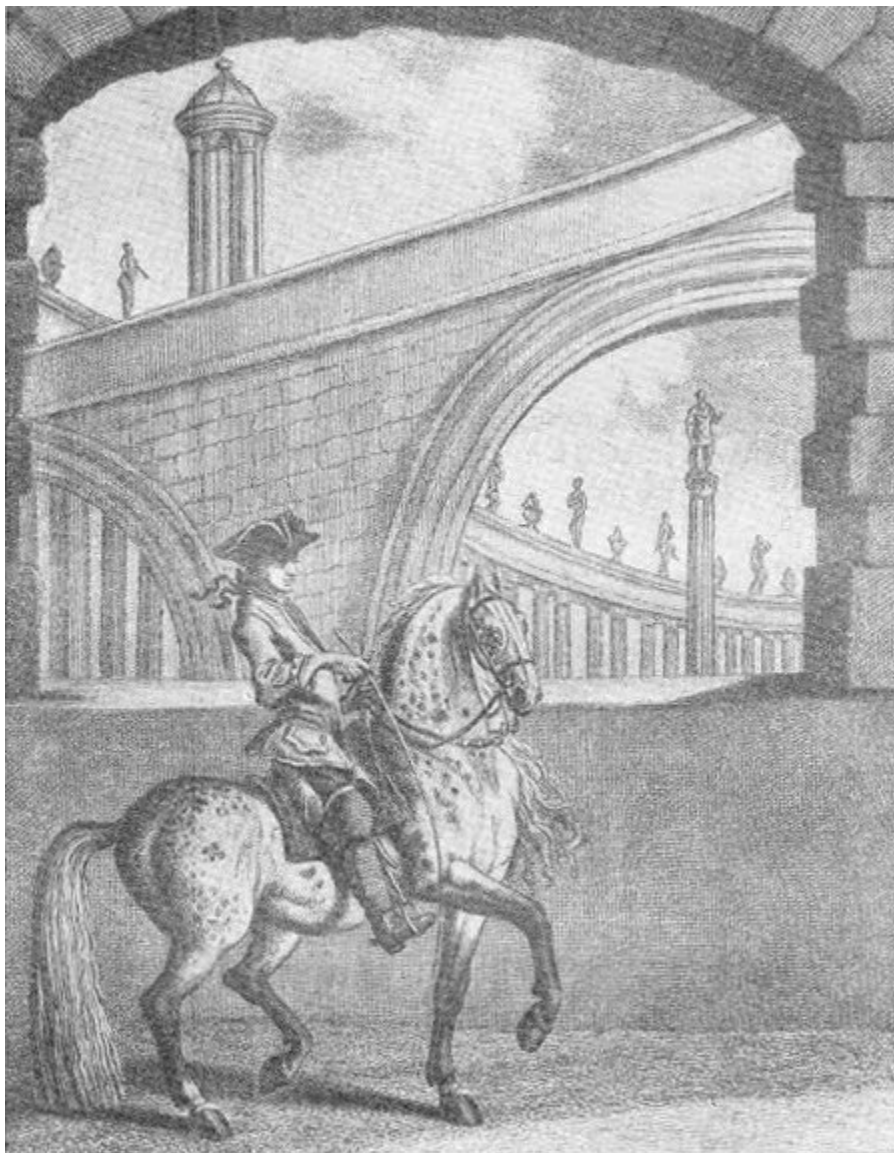
под высшую школу, иметь бесконечно длинную, лентистую, гнущуюся кольцом, шею, точеную высокопородную голову, и вообще должна быть блестя, породна и эффектна, как только может быть блестя, породна и эффектна верховая лошадь.

Хреновской завод задумал вывести верховую лошадь, одинаково годную и для парада, и для манежа, и для строевой службы, и для трудов походной жизни, словом, универсальную верховую лошадь, — и за работу по созданию такой лошади Орлов принялся с той же энергией и настойчивостью, с которыми он принимался за каждое дело в своей жизни. В данном случае одной энергии и настойчивости было мало. Необходим был творческий размах.

Липпизанская лошадь испанской расы, поднятая на позадю. По фотографии начала XX в.

Липпизанская лошадь испанской расы, поднятая на позадю. По фотографии начала XX в.

Траверс. Высшая школа езды 1760-х годов. С гравюры Ридинхгра (1760).

Траверс. Высшая школа езды 1760-х годов. С гравюры Ридинхгра (1760).

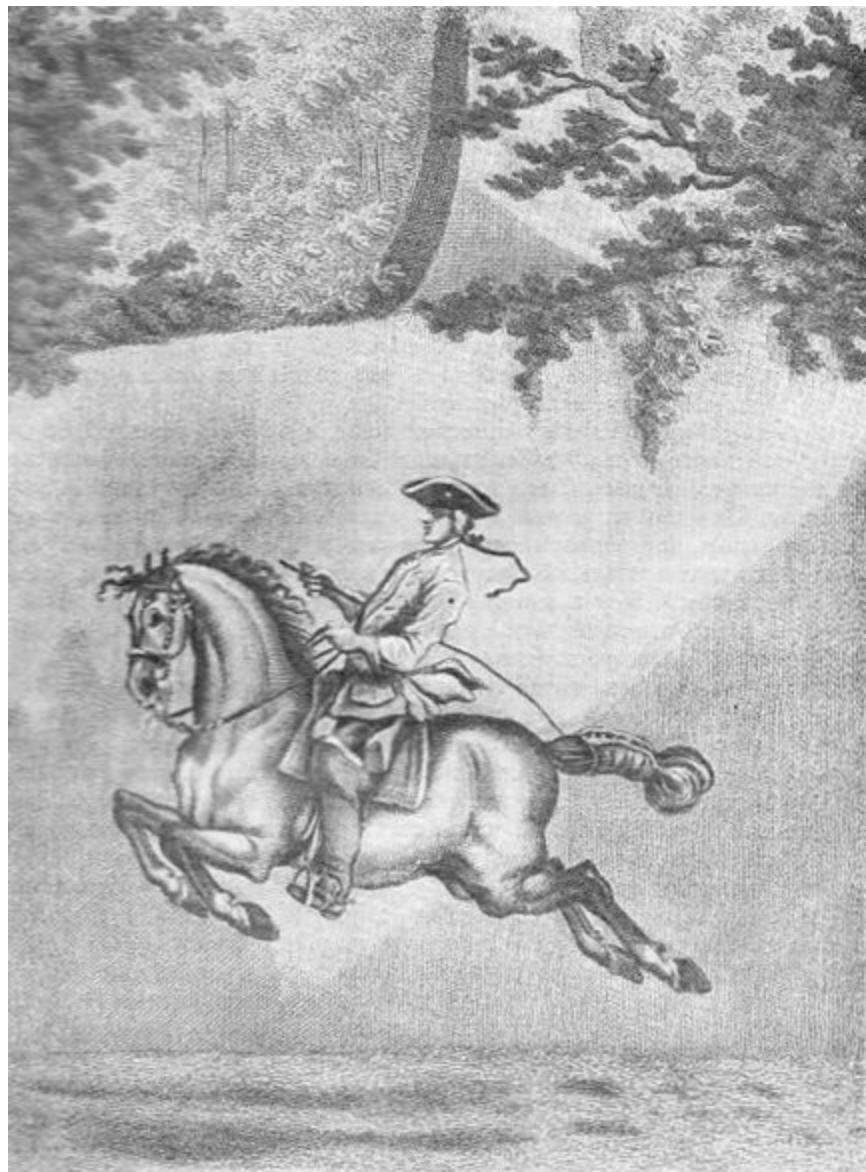
Пассаж. Высшая школа езды 1760-х годов. С гравюры Ридингера (1760).

Пассаж. Высшая школа езды 1760-х годов. С гравюры Ридингера (1760).

Крупада. Высшая школа езды 1750-х годов. С гравюры Ридингера (1760).

Крупада. Высшая школа езды 1750-х годов. С гравюры Ридингера (1760).

Каприоль. Высшая школа езды 1760-х годов. С гравюры Ридингера (1760).

Каприоль. Высшая школа езды 1760-х годов. С гравюры Ридингера (1760).

ОБЗОР ВЕРХОВЫХ ПОРОД XVIII СТОЛЕТИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ХРЕНОВСКОМ ЗАВОДЕ

В продолжение двух столетий, пока в манеже господствовали требования школы Гризоне, Пиньятелли, Плювинеля и Ньюкестла, а на войне требования одиночного боя, лучшей породой во всех странах континента Западной Европы признавалась испанская лошадь и

производные от нее породы, такие, как липпизанская, неаполитанская и датская из королевского Фредериксборгского завода.

Не вдаваясь в историю испанской лошади, которая завела бы нас слишком далеко, мы постараемся, устами современников Орлова, дать ей краткую характеристику и описание. Это необходимо уже и потому, что старинная испанская лошадь читателям XX века совершенно неизвестна, а затем, только внимательное изучение породных групп лошадей, с которыми имел дело Хреновской завод, даст возможность сравнить между собой особенности отдельных породных групп и определить роль каждой из них в предпринятом Орловым иппологическом эксперименте.

В период расцвета славы испанской лошади в XVII веке герцог Нью-кестл в своей книге писал, что «испанские лошади выделяются своей красотой и действительно достойны кисти художников. Это совершенные лошади для манежа. Они не так велики и громоздки, как неаполитанские, и не так малы и егозливы, как варварийские, но как раз золотая середина между обеими. Испанская лошадь обладает великолепным, гордым шагом, хорошей рысью и восхитительным галопом. Спокойствие и мужество испанской лошади в бою исключительны, даже раненые они до последней минуты выполняют все повеления своего хозяина» [69].

Прошло полтора века после книги Ньюкестла, но отголосок былой славы испанской лошади все еще находил себе отражение в описаниях, даваемых ей в коневодческой литературе. Выписываем несколько строк из русской книги начала XIX века [70]: «Для войны в дни сражения и для манежу во всей Европе признана способнейшею испанская лошадь; впрочем выбирают к сему лошадь не по наружной красоте, но по истинным способностям, которые должны в военной лошади быть следующие: умной, верной, смелой, сильной, послушной, гибкой и проворной». В другом месте говорится: «Испанские лошади вообще плотны, весьма статны, не слишком рослы, в езде понятны, бодры, пылки, величавы, смелы, поворотливы и неустрашимы».

К этим в основном конституциональным качествам непоколебимо спокойного темперамента и неистощимой стойкости надо прибавить и краткую, обобщенную характеристику экстерьера испанской лошади, даваемую нами на основе описаний его в старинной литературе.

Испанская лошадь не совсем подходит к современным представлениям о лошади верхового типа.

Раньше всего, при среднем росте (150–152 см) лошади эти были очень глубоки, широки, ребристы и костисты, более того, чем это допускается у современных верховых пород. В некоторых старинных русских книгах писалось про испанских лошадей: не только «бока круглые», но и прямо «толстобрюхи». При этом голова отнюдь не была легкой, арабской, обычно она была несколько удлиненная и горбоносая, с так называемым «бараньим» профилем; все же голова не была большой.

Лебединая шея выезженной под высшую школу лошади. По рисунку К. Вернэ, начала XIX в.

Лебединая шея выезженной под высшую школу лошади. По рисунку К. Вернэ, начала XIX в.

Особенностью лошадей испанской породы, а также датской, неаполитанской и липпизанской, особенностью, придававшей этой лошади гордый, величавый вид, была высокопоставленная, так называемая лебединая шея с длинным затылком и хорошим зарезом, который давал возможность любого сбора лошади, — обстоятельство

очень важное при высшей школе езды. Эта лебединая шея, однако, была несколько массивной и малоподвижной, что можно видеть на любом портрете лошади испанской расы.

В руководстве по экстерьеру начала XIX века «О наружном познании лошади» дается в разделе о шее следующее определение: «Лебединая шея походит на гордо выгнутую шею лебедя, которая от холки несколько возвышается и в овальном искривлении приближается к затылку. Она есть самая красивая и дает лошади тот величавый вид, который в сем отношении поставляет ее царем животных. Такое красивое устройство шеи преимущественно принадлежит испанским породистым лошадям, и оно есть то свойство, которое делает их весьма способными к верховой езде. Сие положение именуют зарезом» [71].

Спина испанской лошади описывается как крепкая, широкая и мускулистая, поясница выполненная и гибкая, круп мощный и несколько спущенный, хвост, равно как и грива, длинные и пышные, но щетки на ногах отсутствуют. Конечности сухие и прочные, суставы чистые и хорошо очерченные, бабки несколько длинноватые. Движения эластичные, гордые, передние ноги на шаг и на рыси поднимаются настолько высоко, что предплечье, по описанию старых авторов, образует горизонтальную линию и нога сгибается в запястном суставе до отказа. Также гибки во всех суставах и сочленениях задние конечности. Сила и свободное сгибание задних ног являются безоговорочным требованием манежа, иначе — лошадь нельзя обучить всем обязательным номерам высшей школы.

Говоря техническим языком теории манежной езды, испанская лошадь уже от природы исключительно хорошо «уравновешена на зад», чем в значительной степени и объяснялся ее успех в высшей школе; ко зато, если на испанской лошади скорее, чем на какой-либо другой, можно было достигнуть идеала манежной выездки XVIII века и, например, заставить ее пройти один километр по прямой линии галопом не быстрее чем за час времени, то никак на ней нельзя было решать таких задач, как проскакать километр, по возможности, в одну минуту.

Все эти экстерьерные формы и внутренние качества испанской лошади заботливо поддерживались заводским подбором в продолжение более чем трех столетий, и пока существовали

придворные манежи, государственные и частные «академии» высшей школы, испанской лошади всегда отводилось в них почетное место.

В 40-х годах XIX века мы еще находим испанскую лошадь в придворных конюшнях Англии, Франции, немецких королевств и герцогств, не говоря уже об Австрии, Тоскане и Неаполе.

Вплоть до наших дней виднейшие инструкторы и мастера верховой езды в Западной Европе продолжали утверждать, что по способностям своим к усвоению курса высшей школы нет ни одной породы лошадей, которая превосходила бы испанскую.

В настоящее время чисто испанской расы, можно сказать, не существует. Липпизанская лошадь, современные фотографии которой мы даем на стр. 75 и 83, — последний отпрыск почти чистой испанской расы, но выращенной в других условиях и все же с некоторым последующим прилитием к ней арабской крови.

Часто говорят о падении, о вырождении породы — это ошибочно. Испанская лошадь была специализирована в определенном направлении и для определенного назначения — служить в манеже и под седлом воина в одиночном бою. Пока эти цели существуют неизменными, существует и процветает и все более специализируется, все более совершенствуется порода. Отнимите их — и отнимается смысл и самая возможность существования породы в ее былом облике. Ей приходится приспособляться, перестраиваться, и чем она была лучше, тем хуже для нее, — она стала чересчур специализированной; она ищет выхода в скрещиваниях с другими породами; старая порода исчезает, но новые породы не всегда создаются; хорошо, если ее успеют во-время захватить, вовлечь в орбиту созидания нового, как успел это сделать А. Г. Орлов, иначе — «упущение времени смерти безвозвратной подобно».

Группа пород испанского корня — собственно испанская, липпизанская, датская — была первой, с которой А. Г. Орлов начал коннозаводскую работу в 60-х годах. На этих пышных лошадях он красовался в каруселях и турнирах [72], с этими же лошадьми он пережил и первые свои коннозаводческие разочарования еще в Островском заводе.

Липпизанская лошадь, идущая испанским шагом. Фотография начала XX в.

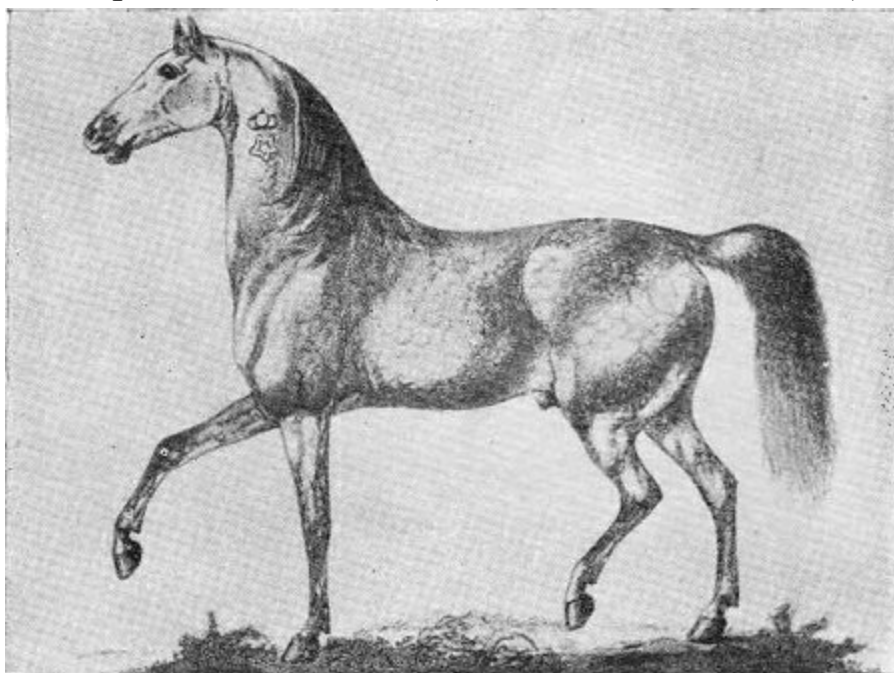
***Липпизанская лошадь, идущая испанским шагом.
Фотография начала XX в.***

Надо считать, что почти все кобылы, отобранные Орловым в 1767 году из состава дворцовых заводов, принадлежали к этой группе пород испанского происхождения, а таких кобыл было, как известно по документам, 20. несомненно, с ними вместе или к ним в дополнение А. Г. Орлов получил и нескольких жеребцов того же происхождения. Смутно упоминается в породе некоторых лошадей Хреновского завода какой-то вороной датский жеребец, который мог быть производителем во всяком случае не позднее 70-го года, Вся эта группа в заводах А. Г. Орлова — в Островском, а впоследствии в Хреновском, т. е. группа пород испанского происхождения, включала в себя не только лошадей испанской породы, но и родственных ей пород неаполитанской, липпизанской и датской. Больше всего было датских кобыл, но в составе отобранных из дворцовых заводов — из Александровского, Бронницкого, Починковского и прежде всего из

Хорошовского завода, должны были быть итальянские, испанские и липпизанские кобылы [73].

Известно, что именно в последние годы царствования Елизаветы, в годы военного союза и дружественных отношений с Австрией, Хорошовский завод славился прекрасными выводными липпизанскими кобылами, из которых особенно выделялись красотой две кобылы: Фортеция и Колонна (по донесению 1758 года).

Датский жеребец Пегазус, Фредериксборгского завода. С картины XVIII в.

Датский жеребец Пегазус, Фредериксборгского завода. С картины XVIII в.

Получив в 1767 году право неограниченного выбора по своему усмотрению десяти маток из Хорошовского завода, Орлов вряд ли мог пройти мимо липпизанских выводных кобыл или их дочерей, блиставших красотой в излюбленном типе того времени. Чтобы дать более живое представление о типе этих лошадей, просим читателя обратить внимание на снимок со старинной картины, изображающей табун маток в конском заводе XVIII столетия (стр. 16).

В 1770 году и в последующие годы была куплена Орловым или для Орлова значительная группа кобыл непосредственно в Дании на аукционе Фредериксборгского королевского завода, а с ними гнедой

жеребец Красавец, который состоял производителем в Островском и Хреновском заводах 14 лет, с 1770 по 1784 год, до самой своей смерти. Чтобы восстановить возможный облик Красавца, мы даем относящееся примерно к той же эпохе изображение датского жеребца Пегазуса Фредериксборгского королевского завода.

В 70-х годах Орловым были выведены кобылы из Италии и из Испании. О вводе каких-либо жеребцов из этих стран нам ничего неизвестно. В общем, собрана была значительная по численности группа кобыл испанского происхождения, из которых большинство кличек своих в летописях русского коневодства не сохранили. Уцелели лишь следующие, как вошедшие в верховую породу:

Откуда	Кличка	Порода
Жеребец из Дании в 1770 г.	Красавец	Датская
Кобылы из Хорошовского завода и других дворцовых заводов в 1767 г.	Надежная	„
	Вороно-чалая	„
	Смирная	„
	Без клички (мать Розы)	„
	Уютная	Липпизанская
Половая		„
	Вывезенные из-за границы в 1770—1774 гг. из Испании	Изменщица
из Дании	Отгадчица	„
	Тальянка	„
	Буланая (мать Полкана)	Датская
из Италии	Бережливая	„
	Щеголиха	„
	Неаполитанская ¹	Неаполитанская
Упрямая	„	

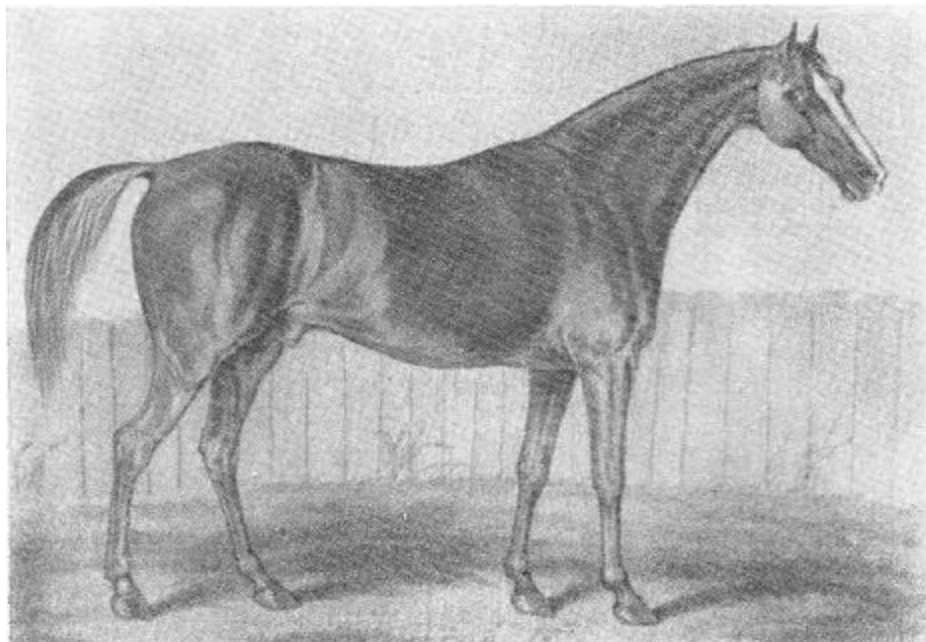
Неаполитанская и Упрямая приводятся здесь для полноты списка, но вошли только в рысистую породу.

АНГЛИЙСКАЯ ЛОШАДЬ В XVIII СТОЛЕТИИ

В своих поисках других пород лошадей, которые могли бы помочь ему создать новый тип лошади, А. Г. Орлов, естественно, не мог пройти мимо последнего коннозаводского достижения XVIII века — английской скаковой лошади, переживавшей в то время период становления породы [74]. Английские жеребцы Балабан, Милый и другие, а также и некоторое количество кобыл были налицо в Островском заводе во всяком случае уже к началу 70-х годов, а может быть и ранее.

Английская скаковая лошадь слишком хорошо известна, чтобы ее здесь подробно описывать. Отметим лишь те ее особенности, которые служили предметом нескончаемых споров и обсуждений в иппологической литературе конца XVIII и начала XIX века. Внимание конников той эпохи особо останавливали на себе те свойства экстерьера, характера и производительности английской лошади, которые, при всех ее скаковых достоинствах, при неоспоримой ее способности поднимать рост и увеличивать резвость в первом же поколении при скрещиваниях, являлись нежелательными для строевой и тем более для манежной лошади. Даже самые страстные англomаны той эпохи признавали, что «отличный английский скакун не может быть отличною верховою лошадию» [75].

Отмечались следующие основные недостатки английского скакуна как верховой лошади: 1) английская скаковая лошадь недостаточно добронравна, она «огненна и опрометчива, а часто и упряма»; 2) английская скаковая лошадь низкопереда, центр тяжести у нее передвинут ближе к голове, в силу чего она «уравновешена на переду, как то и требуется для быстрейшего аллюра»: перестроенностью чистокровная лошадь стала особенно отличаться со времени Эклипса, который сам был резко выше в крестце, чем в холке; 3) в силу этого английская скаковая лошадь мало поворотлива, недостаточно ловка, что требуется от строевой лошади, и хуже «уравновешивается на зад», чем того требует манежная выездка; 4) английская скаковая лошадь имеет хотя длинную и тонкую, но прямую шею; у нее недостаточно длинен и гибок затылок, что затрудняет так называемый сбор лошади и управление ею при верховой езде; 5) английская скаковая лошадь «имеет сухие колена», т. е. на шагу и на рыси стелет низко передние ноги, не сгибая их круто в запястном суставе, как то безоговорочно требуется манежной выездкой, и даже не подымая их настолько высоко, как это желательно для придания строевой лошади устойчивости на рыси. Поэтому старые русские руководства и приходили к заключению, что «...менее всего должно стараться о введении английских заводских лошадей, ежели желаем получить приятных и легких верховых коней, потому что оный род лошадей вовсе не имеет приятности, поворотливости и гибкости, каковые качества необходимы» [76].

Чистокровный жеребец Потейтос, р. 1773 г., сын Эклипса. С гравюры XVIII в.

Чистокровный жеребец Потейтос, р. 1773 г., сын Эклипса. С гравюры XVIII в.

Что русские конники той отдаленной эпохи не были предвзято неправы в своем сдержанном отношении к английской скаковой лошади и в отрицательной оценке ее, как верховой лошади, не отвечающей запросам всадника XVIII века, доказывается любопытной выпиской из сочинения Ричарда Беренджера, который был шталмейстером английского двора при Георге II и выпустил в 1771 году свою книгу «История и искусство верховой езды» [77].

Говоря об английских скаковых лошадях, которые превосходят резвостью все породы лошадей в мире, Беренджер добавляет: они «... лишены грации, статности и выразительности, которые отличают лошадей других стран. Вместо того чтобы показать достоинства движений и «удовлетворенный вид бодрости и радости лошадей», как бы разделяющих наслаждение и радость своих всадников, они представляются в своих движениях холодными, безразличными и неодушевленными. Кроме того, справедливо обвинение английских лошадей в том, что они упрямы и неуступчивы, угрюмы и коварны, что у них плечи тугие и малоподвижные, что они лишены гибкости, все эти недостатки лишают их движения непринужденности,

заставляют лошадей итти, не отделяясь от земли, и все это вместе взятое делает этих лошадей непригодными для манежа [78].

Почему же А. Г. Орлов, который знал искусство манежа во всяком случае не хуже Ричарда Беренджера, не оставил вне поля своего зрения английских лошадей, не забраковал их так, как браковали многие кавалеристы, выросшие в традициях старой школы? Краткий ответ в одной фразе: Алексей Орлов, если не знал точно, то надеялся, что английская кровная лошадь будет передавать своим потомкам по меньшей мере два желательных качества — рост и резвость.

ВЫПИСНЫЕ ИЗ АНГЛИИ» ЛОШАДИ В ХРЕНОВСКОМ ЗАВОДЕ

Выше мы сказали, что несколько английских лошадей Орлов имел на заводе еще в 60-х годах. Достоверно, что в 1774–1776 гг. их было уже много.

По заводским книгам и аттестатам нам известны следующие «выписные из Англии» жеребцы: рыжий Балабан, гнедой Глазунчик, гнедой Милый, бурый Добрыня, Гнедой без клички, Мутон, Назол. Кобылы: без клички от Бабраама (мать Фелькерзама 1), Вспыльчивая, Главная, Дорогая (она же Любовница), Гнедая без клички, Бурая без клички, Серая (мать Запальной), Белая (мать Картинной), Поспешная, Забавная, Свирепая.

Характеризуя состав этих «выписных из Англии» жеребцов и кобыл первого привода, вошедших в верховую орловскую породу, нельзя упускать из виду еще одного обстоятельства. XVIII век был веком становления породы. Чистокровная скаковая порода еще не выкристаллизовалась, в ней встречалось еще много лошадей гораздо ближе, чем современная скаковая лошадь, стоявших по своим формам к исходным породам, на базе которых создавалась английская кровная лошадь: арабской, турецкой и др.

Прилитие арабской, турецкой и варварийской крови к английской скаковой лошади не прекращалось в течение всего XVIII века. По подсчету Гуэлля [79] было выведено производителей с Востока:

в период до 1714 г	29
от 1714 „ 1730 „	43
„ 1730 „ 1760 „	38
от 1760 до 1800 г	54
после 1800 г	45

В экстерьерном отношении чистокровные той отдаленной эпохи были раньше всего значительно меньшего роста по сравнению с современными. Еще в конце XVIII века мы имели в числе классных скакунов— безвершковых лошадей вроде Джимкрэка; до 1800 года существовали скачки (give and take plates), в которых было положено нести вес по росту, и мы видим, что в этих скачках, судя по шкале веса жокеев, принимали участие поразительно мелкие лошади.

Рост лошади в см.	Вес жокея в кг.
122	31,75
132	44,50
142	57,25
152	70,00

Надо особо отметить, что наибольшее участие в образовании орловской верховой породы приняли те английские кобылы (Белая — таблица 11 Заводской книги 1847 года, Серая — таблица 8, Главная — таблица 17, Дорогая, она же Любовница) и жеребцы (в первую очередь, Милый, затем Глазунчик), происхождение которых нет возможности установить по английским студ-букам. В то же время выписанные несколько позднее, в 80-х и 90-х годах, известные по скаковым календарям и студ-букам сыновья знаменитого Эклипса и, Гайфляйера, победители Эпсомского дерби, Леджера и других призов сыграли в лучшем случае очень скромную роль (Акут, Дедалюс), а чаще всего и вовсе отсутствуют в родословных орловских верховых лошадей [например, отсутствует сын Эклипса — Гонпаудер (2-й на дерби), победители Леджера — Тартар и Нобль и др.].

Напрашивается сам собой вывод, что те английские жеребцы и кобылы, которые дальше всего ушли вперед по пути специализации в чисто скаковом направлении, оказались наименее пригодными для работы Хреновского завода по созданию новой породы.

Очень досадно, что остается неизвестным и никак не поддается расшифровке происхождение гнедого жеребца Милого, который по результатам его использования в заводе стоит много выше всех других английских жеребцов-производителей, использованных в заводе одновременно с ним. От большинства английских жеребцов след в верховой породе оставили одна-две дочери; один только Милый дал целую группу ценнейших заводских маток. Производителей же ни от одного из английских жеребцов в Хреновском заводе оставлено не было, как не было оставлено и ни одного сына датского Красавца.

НЕУДАЧА АНГЛО-ДАТСКОГО СКРЕЩИВАНИЯ

По мужским линиям завод повел породу от жеребцов, выведенных не с Запада, а с Востока.

По всей вероятности, первым межпородным скрещиванием, предпринятым Орловым еще в Островском заводе, было скрещивание лошадей датской породы с английскими, оно же и оказалось первой неудачей на пути исканий.

Казалось бы, что достоинства одной породы в значительной мере восполняли недостатки другой, и наоборот. Например, добронравие, способность к манежной выездке и парадные движения лошадей испано-датской группы должны были бы помочь изжить неудовлетворительные способности английской лошади к манежу. С другой стороны, английская лошадь должна была бы передать помесям большую резвость, лучшие рычаги, более длинный круп и т. д., хотя все же английская кровная вряд ли могла исправить баранью голову испанской лошади, придать шее желательную лентистость, хвосту высокий отдел и т. д.; и всей англо-датской группе могло недоставать блестящести и общей гармонии форм.

Объективные данные говорят, что англо-датские и в еще большей мере англо-испанские помеси не оправдали ожиданий завода. Из всех типов межпородных скрещиваний наиболее неудачным в первом поколении оказалось скрещивание двух западноевропейских пород между собой, будь то датских или испанских кобыл с английскими жеребцами, будь то наоборот. Полученные от подобных скрещиваний лошади не блистали каким-либо особым классом. Жеребцов, полученных в результате покрытия английскими жеребцами испанских кобыл или обратно — датским Красавцем английских кобыл, завод не

оставил ни одного. Очевидно, они настолько мало удовлетворяли требованиям Орлова, что даже не было сделано попытки испробовать кого-либо из них в заводе. Кобыл дельных и полезных было оставлено шесть; уцелели клички четырех дочерей Красавца (Ласточка от Ласточки английской, Главная от Главной английской, Красавица от Вспыльчивой английской и Гнедая от Гнедой из Англии) и двух дочерей Милого, которые явились как бы переходным этапом и обнаружили свою ценность лишь в дальнейших скрещиваниях более сложного типа (этими кобылами были родные сестры: Уютная и Грузная, от гнедой Уютной липпизанской породы).

Скрещивания лошадей испанской расы с английскими не имели успеха и в странах Западной Европы. В любопытной книжке начала XIX столетия «Les Haras français» ^[80] автор Габриэль де Бонневаль посвящает этому вопросу особую главу «Породы, которых не должно соединять (т. е. скрещивать. — В. В.) между собой». Г. Бонневаль, много лет работавший в конских заводах юго-западной Франции, обращает особое внимание читателя на полную неудачу англо-испанского скрещивания, широко испытанного в Наварре, Пиренеях и Лимузине. Независимо от того, спаривали ли английских жеребцов с испанскими кобылами, или испанских жеребцов с английскими кобылами, получаемые помеси оказывались неудовлетворительными как по своему экстерьеру, так и по своей работоспособности, на что особо обращает внимание Бонневаль и что для нас представляется особо интересным.

Продукты скрещивания не проявляли, говорит Бонневаль, ни способности испанской лошади к манежной выезде, ни быстроты английской. Их движения были неуверенными, аллюры нечистыми; ноги лошади во время движения «запутываются» и мешают друг другу.

Автор сам склонен объяснять эти нежелательные результаты чересчур резкими различиями в анатомическом строении конечностей английской и испанской лошади: плечо и предплечье у испанской лошади коротки, пясть и бабка длинны, английская же лошадь, наоборот, отличается отлогой лопаткой. длинным предплечьем и короткой пястью.

**АРАБСКАЯ ЛОШАДЬ И АЗИАТСКИЕ ПОРОДЫ
ЛОШАДЕЙ: ТУРКМЕНСКАЯ, ПЕРСИДСКАЯ,
ТУРЕЦКАЯ. ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА В ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII ВЕКА**

Если ни породы испанского происхождения, ни английская чистокровная лошадь не пригодны для производства приятных, поворотливых, гибких — прибавим к этому же резвых и выносливых — коней для строевой службы в кавалерийских частях и для верховой езды, то какие же породы тогда пригодны? И тут коневодческая мысль и инициатива А. Г. Орлова, предваряя ход событий и начинания других коннозаводчиков России, которые до 1790–1800 годов продолжали разводить помеси от испанских, датских, мекленбургских и прочих «немецких» лошадей, обратился к арабской лошади и к той группе пород, которые объединялись тогда под общим названием «азиатских» лошадей: туркменской, персидской, турецкой и др. И арабские и азиатские лошади были породны, сухи, быстры, выносливы, поворотливы, гибки, но между ними существовали и большие различия. Достоинством арабской лошади были ее добронравие и понятливость, ее выносливость, ее нетребовательность к корму и уходу, прочность в службе под всадником, но она была мала ростом: средний рост — не выше 144–146 см, лишь в самых редких случаях чистопородные арабские лошади достигали 150 см высоты в холке; поэтому, если арабские производители и могли дать хорошую строевую лошадь, то только для службы в легкой кавалерии, так называемую «гусарскую лошадь» — от 142 до 150 см; они никак не могли дать гвардейского или кирасирского коня тяжелой кавалерии, для которых требовался рост уже свыше 150 см (от 2 аршин 2 вершков до 2 аршин 4 вершков).

Эти особенности экстерьера арабской лошади не мог игнорировать Орлов в своей работе по выведению новой породы.

Затем — и с этим согласны даже апологеты арабской лошади — она хотя имела и очень красивую голову и удовлетворительно поставленную легкую шею, но шею не длинную, обычно не без кадыка и почти всегда с коротким, не гибким затылком без «зареза», таким образом, очень нежелательную и для лошади под высшую школу и для офицерской гвардейской лошади.

Вот что писал об арабской лошади в 70-х годах XVIII века исследователь Малой Азии и Аравии географ и путешественник Карстен Нибур: «Кохейланы и не крупны и не красивы, но удивительно быстры. Арабы высоко ценят их не за их наружные формы, а за их резвость и другие хорошие качества» [81].

Уроженец Дании, Карстен Нибур был воспитан в иппологических воззрениях XVIII века и арабские лошади его не удовлетворили.

Азиатские породы, в первую очередь туркменская и персидская, никак не уступая арабской в резвости, далеко превосходили ее ростом — нередко встречались особи в 160 см и даже выше, — а по эффектности и блестячности стояли вне всякого с арабской лошастью сравнения. Недаром еще в XVII веке Галиберти считал основным отличительным признаком, по которому узнается персидская лошадь, ее красоту, благородство, гордый вид и вместе с тем нежность склада [82]. Ценились персидские, туркменские и турецкие лошади всегда очень высоко [83].

Зенита славы своей азиатские лошади достигли к началу XIX века, когда автор книги «Новый полный опытный коновал, совершенный кавалерист, знаток, ездок, охотник и заводчик» писал: «... посредственную персидскую лошадь каждый охотник и знаток предпочитает даже гордой испанской и неаполитанской». Авторы того времени всегда отмечали следующие черты отличия азиатской — туркменской и персидской — лошади от арабской: полная грации осанка, более легкая голова, гордая шея, лучшее развитие холки и отсутствие даже намека на перестроенность в крестце, что присуще иногда арабским лошадям, относительно меньшая ширина в груди; конечности, хотя и менее костистые, но столь же безупречно сухие и прочные; хвост у азиатских лошадей был красив и поставлен высоко, чем азиатские лошади одинаково, как и арабские, отличались от испано-датских и от английских.

Особенно восхищала всех конников конца XVIII и начала XIX века шея лучших персидских и туркменских жеребцов: длинная, тонкая, лентистая, мускулистая, подвижная, высокопоставленная, с безупречным «зарезом» она удовлетворяла требованиям конца XVIII века, чтобы шея и голова породистого коня были «как у змеи».

Даже Аммон, иппологический писатель начала XIX века, который присуждал арабскую лошадь за совершенство и первообраз верховой

лошади, не мог умолчать и должен был сознаться в том, что «персидская лошадь и больше и статнее арабской» и что «персидские лошади бывают с шеею весьма тонкою и гибкою и поэтому они более способны для искусственной езды». Оправдание для арабской лошади Аммон ищет в том, что «персидская лошадь более назначена для парада, а арабская для трудов военной жизни».

По описаниям всех авторов того времени персидские и туркменские выделяются грацией и изяществом движений, гибки, эластичны, прекрасно «самоуравновешиваются на заду» и чрезвычайно «легки и приятны на всех аллюрах».

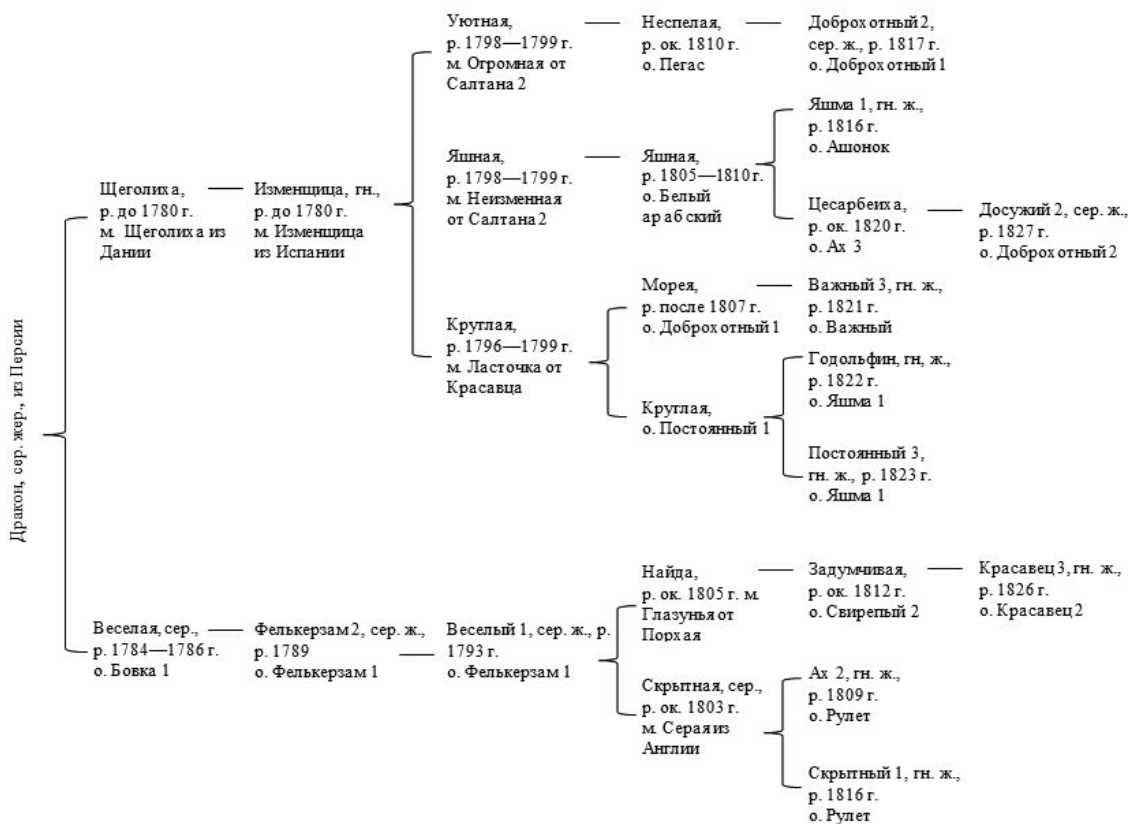
Лошади эти мягки во рту, отзывчивы на все повеления седока, отличаются привязанностью к своему хозяину, смелы в бою, неутомимы в походе и вместе с тем поддаются самой изысканной выездке искусного всадника. Конноспортивные игры были широко распространены в Иране и соседних странах, а игра в поло, или чоуган, требовавшая от лошади полного повиновения, быстроты и поворотливости, имела в Средней Азии, в Иране и в Закавказье тысячелетнюю давность и воспевалась великими поэтами Таджикистана, Узбекистана, Грузии и Азербайджана — Фердоуси, Шота Руставели, Низами, Джамии, Навои и другими.

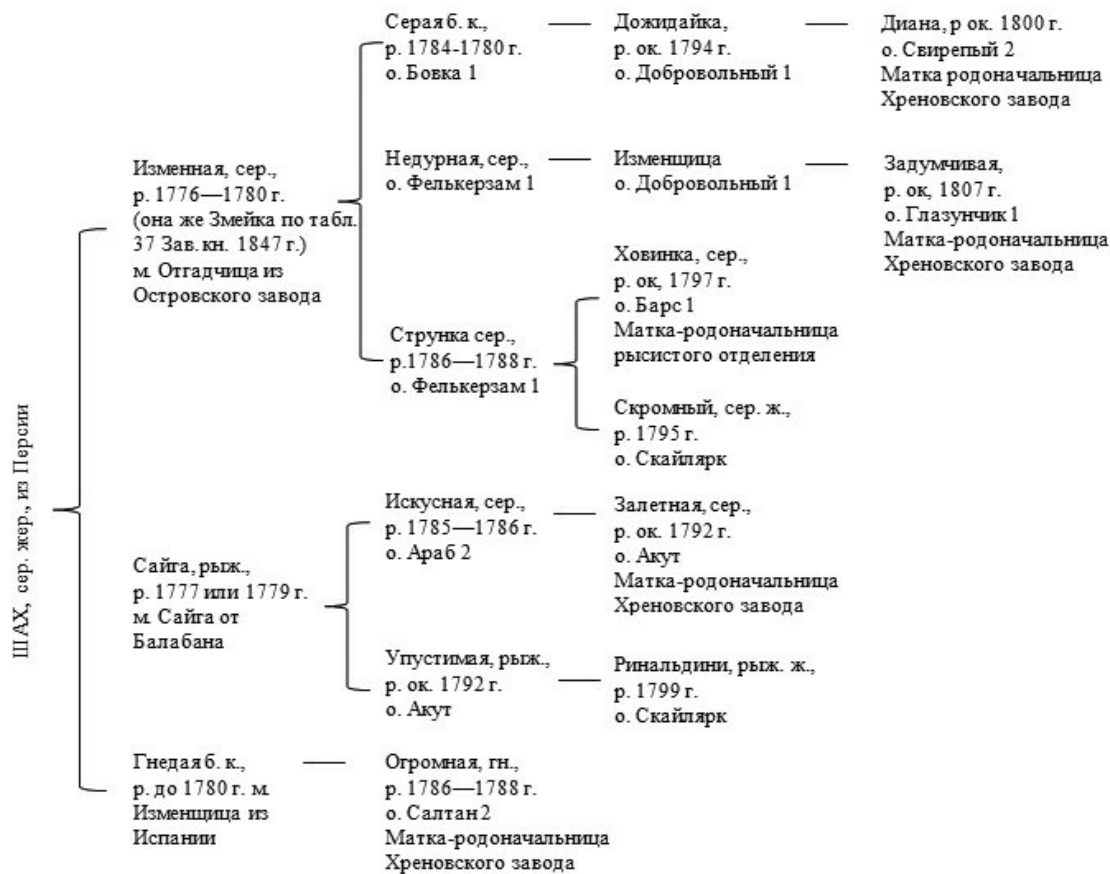
Конечно, существовали различия между породами внутри этой группы азиатских лошадей, но они были много меньшие, чем у любой из этих пород по сравнению с арабской лошастью. Туркменские лошади занимали безусловно первое место по резвости и крупности. Особенно славились кони туркменских племен солор, тэке и гоклен [84]. Персидские выделялись по добронравию, блеску аллюров и способности к выездке; были наиболее парадными лошадьми. Собственно турецкая была чуть грубее, костистее и отличалась особой выносливостью и долголетием, но ее минусом был огненный темперамент, унаследованный ею от туркменских предков.

АЗИАТСКИЕ ПОРОДЫ В ЗАВОДАХ А. Г. ОРЛОВА

Еще до ввода лошадей из Аравии и Турции в Островской завод поступили производителями три азиатских жеребца — серый Дракон из Персии, серый Шах из Персии, серый жеребец из Армении — и несколько кобыл.

Шах и Дракон, по преданию, были присланы персидским шахом в подарок Екатерине II, а ею отосланы Орлову. Они были хороши собою, крупного роста и очень эффектного экстерьера. Если о Шахе возможны еще сомнения, был ли он персидской или туркменской лошадей, то кличка Дракона говорит нам как о его характере, так и, более того, вообще о том своеобразном впечатлении от экстерьера жеребца, какое иной раз вызывает у нас огненный, гибкий, весь извивающийся, свивающий шею в кольцо ахал-текинский жеребец.

И Шах и Дракон оставили очень высоко ценимых в заводе маток, а «серый из Армении» дал заводу производителя, белого Лебеда Армянского, рождения 1774 года.

Азиатских кобыл было, повидимому, немного в заводе, во всяком случае меньше, чем кобыл любой другой группы: испано-датской, английской и арабской, но все же они были. К числу их, например, относятся ошибочно в 1837 году зачисленные чиновниками канцелярии государственного коннозаводства в «арабские» туркменская Лихая (табл. 4 Заводской книги 1847 года), персидская Белая (таблица 3 Зав. кн. 1847 года), персидская рыжая Ханская, подаренная ханом, и две кобылы «с Кизляра» — Девка и Белая, относительно происхождения которых трудно сомневаться, ибо в то время с Кизляра выводили именно «трухменских» лошадей. Племена трухмен кочевали между Кизляром и Астраханью, и о лошадях этих племен было известно, что «трухменские лошади мало чем отличаются от настоящих туркменских» [85].

СКРЕЩИВАНИЕ ЛОШАДЕЙ АЗИАТСКИХ ПОРОД С АНГЛИЙСКИМИ, ДАТСКИМИ И ИСПАНСКИМИ

Дракон, Шах и серый жеребец из Армении еще в начале 70-х годов были испытаны как в скрещиваниях с испанскими и датскими матками, так и в скрещиваниях с английскими. Продукты англо-азиатского скрещивания оказались неудачными, скрещивание же персидских и туркменских жеребцов с испанскими и датскими кобылами дало прекрасные результаты в первом же поколении и явилось первым крупным успехом завода. Ряд дочерей Дракона и Шаха стали в полном смысле слова матками-родоначальницами, впоследствии они оказались особо ценными в подборе к арабско-английским жеребцам. Белый Лебедь Армянский (серый из Армении жеребец X датская Щеголиха) был выдающимся производителем, и его дочери фигурируют во всех родословных верховых орловских лошадей последующих периодов.

Пока не был создан Свирепый 2 и другие лошади более сложного и совершенного комплекса, результаты скрещиваний азиатских жеребцов с кобылами испанской расы казались настолько удачными, что большинство дочерей Лебеда Армянского или повторяют комплекс отца или происходят от обратного скрещивания с той или другой родительской породой. Для иллюстрации значения дочерей Дракона и Шаха приводим таблицы их потомства. Мы видим, что Дракон и Шах вошли на следующих этапах работы завода в родословные всех выдающихся жеребцов верхового отделения.

Разбирая теперь, 150 лет спустя, возможные причины удачи в условиях Хреновского завода скрещивания азиатских пород лошадей с западноевропейскими, мы должны раньше всего искать объяснения этому в гениально сформулированном великим преобразователем природы И. В. Мичуриным положении: «Чем дальше отстоят между собою пары скрещиваемых растений- производителей по месту их родины и условиям их среды, тем легче приспособляются к условиям среды в новой местности гибридные сеянцы» [86]. Географически жеребцы и кобылы, составлявшие пары, происходили при этом типе скрещивания из предельно удаленных друг от друга местностей, что должно было помогать их потомству преодолевать трудности акклиматизации.

А затем и достоинства лошадей этих двух породных групп, азиатской и испано-датской, очень хорошо восполняли друг друга. Не легко сказать, чего с точки зрения иппологов конца XVIII века могло не доставать Лебедю Армянскому и разным Изменщицам и Щеголихам? Разве чуть длинновата могла получиться спина и чуть мягковаты эластичные бабки лошади. Во всяком случае, никакой другой тип скрещиваний в заводе не мог, вероятно, дать уже в первом поколении лошадей более парадных в строю и более способных к манежной выезде, хотя может быть еще не самых лучших в поле, на охоте и в походе.

САЛТАН 1 — ОСНОВОПОЛОЖНИК ВЕРХОВОЙ ПОРОДЫ

Среди 12 жеребцов, выведенных в 1774–1776 годах из Аравии и Турции, ярко выделялись два — серебристо-серый Сметанка и бурый Салтан 1.

И тот и другой пробыли в заводе очень недолгое время. Суровый климат России оказался для них губительным. Салтан 1 был приведен летом 1775 года, использовался в Острове в течение случного сезона 1776 года и пал. Сметанка приведен был в 1776 году, крыл маток в сезоне 1777 года и тоже пал, не пережив второй зимы в заводе. Таким образом, каждый оставил всего по одной ставке приплода и при этом численно небольшой. От Салтана 1 известны три сына (гнедой Салтан 2, бурый Салтан 3 и Салтан под седлом у Павла I в бытность его еще наследником) и одна дочь (Волчья Хватка), все рождения 1777 года, а от Сметанки четыре сына (Полкан 1, Фелькерзам 1, Бовка и Любимец) и одна дочь (Сметанка), все рождения 1778 года. И тем не менее Сметанка и Салтан стали основателями двух новых пород — романтика коннозаводческой действительности, похожая на какую-то легенду. Она же и романтика коннозаводской деятельности, ибо жизнь и смерть пород в руках человека.

Относительно Сметанки, основоположника рысистой орловской породы, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что он был арабским, и притом феноменальным арабским жеребцом; вопрос же о происхождении бурого Салтана, основоположника русской верховой породы, значительно труден и до сего времени окончательно не разрешен.

Существуют две версии происхождения Салтана 1 [87]. Первая, которую мы считаем наиболее вероятной и которая косвенно подтверждается свидетельством самого В. И. Шишкина, та, что бурый Салтан 1 был получен Алексеем Орловым по заключении Кучук-Кайнарджийского мира непосредственно от турецкого султана — отсюда и кличка жеребца — и что он предназначался первоначально в подарок Екатерине II, которая его в свою очередь преподарила Орлову. Только седло Салтана 1, обложенное по парче драгоценными камнями и унизанное жемчугом, осталось в дворцовой конюшне воспоминанием о блистательных победах при Ларге, Кагуле и Чесме.

Вторая версия, причудливо переплетающаяся с первой, дана в удостоверениях или подробных разъяснениях происхождения лошадей, которые в дополнение к кратким на них справкам завода, были выданы старинным берейтором верхового отделения А. И. Галиным коннозаводчику Я. П. Савельеву после покупки последним в 1823 году кобыл в Хреновском заводе.

А. И. Галин работал в Хреновом уже в 80—90-х годах XVIII века, т. е. на 20–25 лет ранее В. И. Шишкина. Неоднократно Орлов посылал его за границу, поручая привод закупленных для завода лошадей. Его показания о происхождении хреновских рысаков безупречно точны и полностью сходятся с появившимися 15 лет спустя «Подробными сведениями» 1839 года.

Что же касается до породы некоторых лошадей верхового отделения, то «удостоверения» Галина содержат очень ценные разъяснения происхождения некоторых из них. Так, например, именно А. И. Галину мы обязаны возможностью восстановить родословные нескольких чистокровных кобыл, например Рулетки, дочери Потейтоса, Быстрой, дочери Карбункула, Подаренной, дочери Эклипса, и других, происхождение которых к 1839 году в Хреновском заводе было уже затеряно.

Совсем особый для нас интерес имеет сообщение А. И. Галина о Салтане 1. Галин так описывает в аттестате одной хреновской кобылы [88] происхождение гнедого Салтана 2: «отец гнедого Салтана бурый арабский [89], по имени Салтан же, пожалован был Екатериною Великою покойному графу Орлову, а императрице был подведен графом И. П. Салтыковым, который его вывел из Азии». И. П. Салтыков, впоследствии фельдмаршал русской армии, был тем

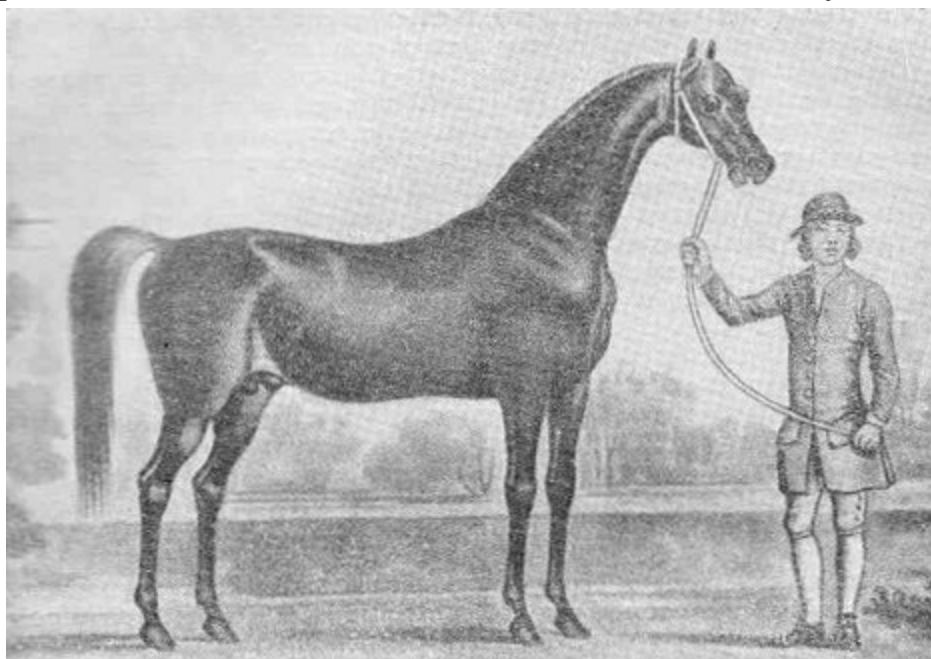
самым командиром, который во главе конницы решил судьбу Кагульского боя.

Независимо от того, примем ли мы первый или второй вариант, которые в общем пополняют друг друга, мы должны будем все равно признать, что официальная версия о Салтане, «выведенном из Аравии», должна быть отвергнута, да и самая кличка Салтан — вспомним другие клички лошадей первого десятилетия Хреновского завода: Алибей, Шах, Ханская это верный след, который ведет нас к воротам Константинополя, к султанским конюшням.

Некоторое кажущееся уклонение в сторону от нашей темы заставляет нас сделать один портрет лошади, выведенной из Константинополя в XVIII веке. Он поможет нам разобраться в возможном облике Салтана лучше и быстрее, чем обширные теоретические рассуждения. Этот портрет, единственный в своем роде в галерее конских портретов XVIII века, изображает жеребца «Вильсон Арабиан». В чистокровном коннозаводстве Англии жеребец этот не сыграл никакой роли, но мы легко можем себе представить, что совсем иное значение мог бы иметь подобный жеребец в заводе, который ставил бы себе цели, подобные тем, какие преследовал Хреновской завод.

О «жеребце Вильсона» английские издания сообщают, что он был выведен из Константинополя английским посланником лордом Киннаул, был исключительно высокого происхождения и выделялся своею породностью, ростом и правильным складом. Хотя жеребец и называется арабским жеребцом Вильсона (Wilson Arabian), но в студбуке имеется отметка, что в действительности он был «турецким жеребцом» («really a Turk»).

На портрете особо обращают на себя внимание высокий рост жеребца и его гордо поставленная длинная лентистая шея с «зарезом», совершенно не свойственная лошадям арабским в тесном смысле этого слова. На подобном жеребце смело мог покрасоваться любой паша в пышной свите султана в день селямлика, но рыжий жеребец Вильсона в Константинополе и стоял, вероятно, на конюшне одного из пашей, а бурый Салтан 1 был жеребцом собственного седла «повелителя правоверных» и, следовательно, должен был быть еще лучше.

Турецкий жеребец Вильсона, выведенный в XVIII в. из Константинополя.

Турецкий жеребец Вильсона, выведенный в XVIII в. из Константинополя.

Восточные властители показывались своим подданным верхом не на изящных маленьких арабских, но на гордых, высоких, блистающих

красотою и убором азиатских жеребцах. К. Нибур оставил такую запись в своем дневнике путешественника: «Турки очень невысоко ценят арабских лошадей, предпочитая иметь под седлом высоких, статных коней, которые в пышном уборе оставляют величественное впечатление». Кто из конников, взглянув на этот портрет турецкого жеребца Вильсона и сравнив его с портретами позднейших орловских верховых лошадей, не скажет невольно: «Да, подобный жеребец мог бы стать родоначальником Яшм, Ашонков, Свирепых и Глазунчиков».

В свое время нам пришлось подвергнуть пересмотру вопрос о роли и значении в верховом коневодстве XVII и XVIII веков туркменской, а также близкой к ней персидской и турецкой лошади. Этот пересмотр позволил воскресить былую славу и вернуть подобающее первое место среднеазиатским породам лошадей и в первую очередь туркменской лошади, значение которой недооценивалось зоотехниками, начиная со второй половины XIX века преклонявшимися перед арабской лошастью [90].

Во всех статьях мы отмечали популярность и громкое имя, каким пользовались туркменские и персидские аргамаки в допетровской Руси, турецкие кони в Польше и в Западной Европе; отмечали и распространение, какое имели производители этих пород в конских заводах начала XIX века по всей России, в том числе и на Дону, в эпоху, когда закладывались основы замечательной отечественной породы донской лошади [91].

Установлено было по документам и то влияние, которое получили в верховом коневодстве Западной Европы отдельные попадавшие в страны Запада туркменские производители во главе со знаменитым Туркмен-Атти. Была уточнена также роль, которую сыграли туркменские и турецкие лошади в образовании чистокровной английской породы.

Выдвинутое нами на основе изучения первоисточников утверждение, что Дарлей Арабиан, один из родоначальников чистокровной лошади, был либо туркменским, либо, по меньшей мере, туркмено-арабским, колена Манеги, родом из Сирии, ныне признается и официальными изданиями английских студ-буков. В исправленном переиздании тома I General Stud-Book порода Дарлей Арабиана изложена так: «Дарлей Арабиан, вероятно, турецкий или сирийский жеребец» [92].

Ныне наш анализ приводит к заключению, что и при образовании нашей русской верховой породы жеребец, сыгравший исключительную роль, бурый Салтан 1, потому и смог сыграть эту роль, что он не был арабским, подобно тому, как не был им Дарлей Арабиан, не был и знаменитый в летописях верхового коннозаводства Западной Европы Туркмен-Атти.

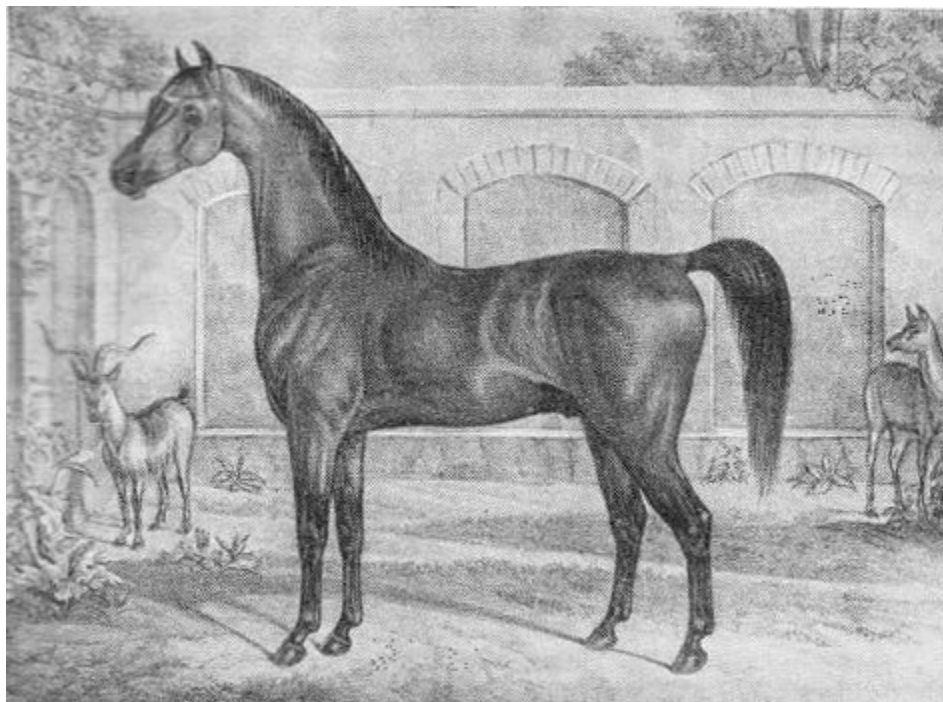
Почему мы так долго остановились на разъяснении происхождения бурого Салтана? Да потому, что все остальные жеребцы бесспорно арабской породы, во главе с феноменальным Сметанкой, сыгравшим большую роль в создании рысистой породы, все вместе взятые оказали меньшее влияние на успех образуемой верховой породы, чем один бурый Салтан 1, хотя в то же время Салтан, как и Шах и Дракон, не принимал активного участия в создании рысистой породы.

Хреновской завод уже через полтора-два десятилетия отдавал себе ясный отчет в том, что при работе в верховом отделении не в арабских лошадях была сила. Это видно из характера последующих пополнений завода восточными жеребцами и кобылами. В 80-х годах были введены жеребцы из Бухарин, две кобылы из Персии и две «трухменских» кобылы из Кизляра. В 1791 году, по окончании второй войны с Турцией, были ввезены три турецких жеребца: бурый Визирь, бурый Дорт и белый Шишка, в 1795–1796 годах походный атаман Матвей Иванович Платов прислал из Закавказья нескольких карабахских (или персидских) кобыл — трофеев восточной войны. И за все это время завод поступил только один арабский жеребец — Гнедой без клички — и не поступило ни одной кобылы из Аравии. Правда, в 1803 году в состав производителей был включен белый арабский жеребец, подаренный Александром I, но, во-первых, еще неизвестно, был ли он точно «арабским» жеребцом, а, во-вторых, «дареному, да еще императором, коню в зубы не смотрят».

Принципы, завещанные А. Г. Орловым, проводил впоследствии в верховом отделении и В. И. Шишкин. Даже еще в 20-х годах XIX века он приобрел для завода рыжего Жерана (Джейрана), подаренного персидским шахом, серого жеребца из Турции, подаренного турецким султаном, и серого жеребца Гуссейн-Хана из Персии.

Кличка последнего жеребца является бесспорным свидетельством о его происхождении. Ереванский сардар Гуссейн-Хан имел «лучший конский завод сатрапии Эриванской, принадлежащий к провинции

Азербейджан» (отчет о поездке Керстинга 1822–1824 годов). О нем Керстинг писал, что Гуссейн-Хан — страстный охотник, не жалеет никаких денег для покупки хороших лошадей и собрал прекрасных, по большей части, туркменских и несколько арабских лошадей». И далее, — «собственного седла лошадь именитого перса, по крайней мере, пограничного Туркмении, в чем я лично убедился, бывает непременно туркменский жеребец из племени Теке» ^[93].

Жеребец Туркмен-Атти, знаменитый производитель в верховых заводах Германии в конце XVIII в.

Жеребец Туркмен-Атти, знаменитый производитель в верховых заводах Германии в конце XVIII в.

Жеребец Гуссейн-Хан был отцом известного в истории беловодских заводов, а также Хреновского завода после 1851 года серого жеребца Громоносца. Этот жеребец был куплен государственным заводом в Хреновском заводе в 40-м году в пятилетнем возрасте, а затем в военно-конских заводах его происхождение было затеряно. Однако оно легко восстанавливается. Громоносец значится в книге «Подробные сведения» 1839 г. на странице 220 под матерью — серой Армянской, дочерью Надежного, в приплоде 35 года. Бурая будто бы масть жеребенка не должна нас

смущать, так как громадное большинство в будущем серых верховых орловских лошадей рождалось бурыми или рыжими.

Кто же был Салтан 1 — турецкий, персидский или туркменский жеребец? Этого сказать с какой-либо степенью уверенности мы не в состоянии во всяком случае он был азиатским, а не арабским.

А. Г. Орлов, уже по одному своему росту и могучему сложению, вряд ли мог удовлетвориться арабским жеребчиком 145–148 см роста в качестве основоположника своей новой верховой породы.

АНГЛО-АЗИАТСКОЕ СКРЕЩИВАНИЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ МАЛОУДАЧНЫМ

Нетрудно представить себе, почему сравнительно небольшое значение в заводе имели помеси азиатских пород с английскими. Ростом и резвостью они должны были превосходить всех, но многие из них могли не удаваться в езде, раньше всего из-за недочетов своего темперамента; кроме того, помеси от скрещивания этих пород могли, выходясь несколько цыбатами, высоконогими и плохо использующими корм.

Нам известны клички всего лишь четырех кобыл англо-азиатского происхождения, оставленных в заводе. Это были Неустройная от Шаха и бурой английской, Лихая от Милого английского и Лихой туркменской, Машкорка от гнедого английского и белой персидской (?), Девка от гнедого английского и белой туркменской (?) из Кизляра, Жеребцов подобного происхождения от Дракона и Шаха мы не знаем.

АЗИАТСКО-АРАБСКИЕ СКРЕЩИВАНИЯ ДАЮТ САЛТАНА 2

Привод в 1775–1776 годах арабских жеребцов и кобыл открыл возможности для скрещиваний лошадей азиатских пород с арабскими, которые не были упущены Орловым.

В списке азиатско-арабских жеребцов Хреновского завода звездой первой величины сверкает Салтан 2, гнедой жеребец, рожденный в 1777 году от бурого Салтана из Турции и гнедой Гульливой из Аравии. От Салтана 2 берут начало все лучшие мужские линии верховом хреновской породы.

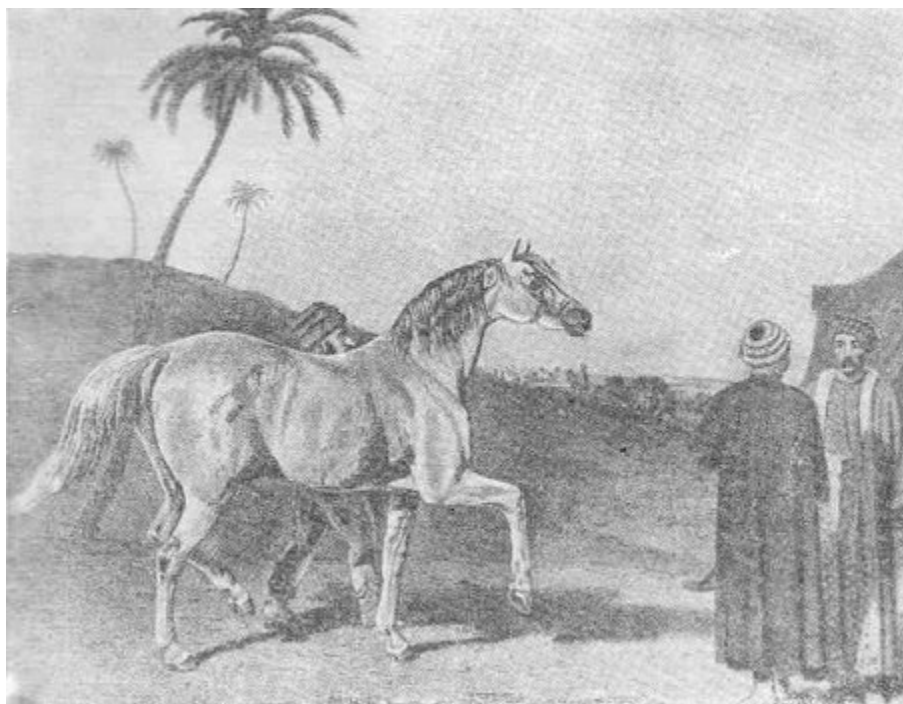
О матери его на основании заводских записей можно сделать заключение, что она была первоклассной кобылой, так, как, кроме

Салтана 2 она дала заводу полезного производителя, гнедого Старикова, рождения 1781 года, от Старика (из Аравии), а также и двух маток верхового отделения: Комету от Глазунчика (английского) и Гульливую от Назола (английского).

Когда речь идет о таком выдающемся производителе, каким был Салтан 2, то испытываешь чувство досадного бессилия, что не было написано портрета этой лошади, что не сохранилось исчерпывающего описания ее экстерьера, и тем не менее исследователь истории породы не имеет права уклониться от попытки восстановить на основе всего имеющегося в его распоряжении материала отсутствующий зрительный образ, необходимый ему для понимания динамики породы в период ее формирования.

Так попробуем же «сквозь дым столетии» взглянуть на Салтана 2, как будто бы он стоял у нас на конюшне.

Салтан 2 был красно-гнедой масти, красивого теплого оттенка, среднего роста, около 155–156 см в холке, ниже отца — турецкого жеребца, но значительно крупнее своей матери — арабской кобылы. Отличался более силой и выносливостью (см. описание В. И. Шишкина), чем резвостью на короткие дистанции, резвости его потомству должна была прибавить английская лошадь. Хорошо уравновешенный, гибкий, поворотливый и эластичный, он был очень способен к полевой езде, но для манежной выездки ему, вероятно, можно было поставить в минус не такие высокие и точно каденцированные движения ног, какие были желательны; нехватало, возможно, и особой понятливости при изучении манежных фокусов, которая приобретена была испанской расой в результате двухсотлетней с ней работы человека. Хотя арабская матка несколько выровняла огненный темперамент Салтана 1, но все же характер Салтана 2, его недостаточная добронравность, его возбудимость давали себя чувствовать. Не только сыновья его выходили «Свирепыми», но и дочери «Вострухами», «Спесивыми», «Костровыми», «Неукротимыми».

Арабский жеребец, выведенный в Англию в первых годах XIX г.

*Арабский жеребец, выведенный в Англию в первых годах
XIX г.*

Голова Салтана 2 была идеальной красоты, чем и впоследствии славились все его потомки, если даже они и происходили от кобыл, в которых сильны были течения испано-датские или английские. Шея тонкая, длинная а подвижная с гибким затылком. Высокая холка. Упругая и гибкая спина, хорошая связь в пояснице; по-азиатски, а не по-арабски дельный, отлогий круп; по-арабски, а не по-азиатски глубокая и в меру широкая грудь. Высоконогость, цыбатость азиатских лошадей не должны были давать себя чувствовать в Салтане 2. Конечности, само собою разумеется, безупречны по сухости и правильности сложения, но можно было пожелать и большей коститости для лошади, предназначенной нести девятипудового седока.

Словом, если Салтан 2 еще не был желательным совершенством, еще не был жеребцом, о котором можно было бы сказать — «вот тип и образ новой породы», то он уже был близок к этому типу.

Кроме Салтана 2, нам известны всего четыре лошади — жеребец Араб 2 и три кобылы — типа скрещивания, подобного Салтану 2.

Численно группа азиатско-арабских помесей первого поколения представлена была в Хреновском заводе слабее других групп, например туркменско-датских или англо-арабских помесей. В нашем распоряжении нет документов, на основании которых мы могли бы ответить на вопрос, что явилось причиной этого малого числа азиатско-арабских помесей первого уцелевших для дальнейшей работы завода. Проводилось ли скрещивание подобного типа в меньших масштабах, чем другие, или же, что более вероятно, мы имеем в данном случае не предвидение неудачи скрещивания, а позднейшее констатирование его обычно неудовлетворительных результатов, на фоне которых Салтан 2 явился редким исключением.

Первопричину сравнительной неудачи арабско-азиатского скрещивания нам следует искать в том, что скрещивание между собой арабских и азиатских лошадей как форм, сравнительно мало отличающихся друг от друга, созданных и столетиями разводимых в близких условиях жизни, не создавало еще достаточно широкой амплитуды приспособленности помесей к измененным условиям жизни, не давало жизненной пластичности. В суровых условиях полустепного содержания помеси от скрещивания азиатских и арабских пород, привыкших к более южному климату, вероятно, уже в первом поколении исключались и элиминировались в большом проценте на путях естественного отбора. Простуживаясь, они болели и гибли зимой, хирели в летние засухи, вырастали недоразвитыми и браковались в большем проценте и числе, чем особи, получаемые от скрещивания географически удаленных друг от друга рас.

АРАБСКИЕ ЖЕРЕБЦЫ И КОБЫЛЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Вместе со Сметанкой и Салтаном 1 в 1774–1776 годах было выведено Орловым и поступило производителями в Островской завод еще десять жеребцов, из которых, однако, никто не шел ни в какое сравнение со Сметанкой и Салтаном 1. Это были:

Гнедой Алибей	ввезен в	1773 г.,	подарен в 1778 г. в Англию
Серый Араб 1	„ „	1775 „	выбыл „ 1781 „ (отправлен в Киев)
Серый Горноста́й 1	„ „	1775 „	подарен (?) не позднее 1780 г.
Серый Феникс 1	„ „	1775 „	пал в 1780 г.
Гнедой Старик	„ „	1775 „	выбыл в 1781 г. (отправлен в Киев)
Гнедой Цесарбей	„ „	1775 „	то же
Гнедой Каклиян	„ „	1775 „	пал в 1783 г.
Гнедой Бородавкин	„ „	1775 „	продан в 178... г. (на придворную конюшню)
Гнедой без клички	„ „	1773 „	выбыл (?)
Дервиш	„ „	1773 „	„ (?)

Всех этих жеребцов надо считать арабскими, поскольку нет никаких противопоказаний.

По своему значению для верхового отделения лучшим из них был Араб 1, для рысистого отделения — Старик. Но ни того, ни другого завод, тем не менее, долго не задержал и после случного сезона 1781 года исключил из числа производителей. Все же от первых пяти жеребцов в списке завод оставлял и сыновей и дочерей; от Цесарбея, Каклияна и Бородавкина — только дочерей; от последних же двух жеребцов из списка вообще не было оставлено потомства в Хреновском заводе.

Внимание историков-исследователей необходимо остановить еще на одном любопытном обстоятельстве. В. И. Шишкин, хотя и имел в своем распоряжении документы архива Хреновского завода, но все же запутался в обстоятельствах ввоза лошадей из Аравии и Турции. Он не принял во внимание лошадей, полученных Орловым от Али-Бея еще во время войны, и поэтому его баланс ввоза никак не сходится. В архивах Хреновского завода, по всей видимости, была запись о том, что из числа выведенных из Аравии после войны лошадей в завод поступили девять жеребцов и девять кобыл, а вместе с тем, когда Шишкин справлялся по заводским книгам, то для него несомненным становилось, что арабских жеребцов было двенадцать. Разрешить это противоречие между двумя одинаково для него авторитетными источниками Шишкин не сумел.

И вот, в 1824 году, в первой своей заметке, помещенной в «Записках для охотников до лошадей», В. И. Шишкин сообщает, что в основу арабского отделения Хреновского завода легли девять жеребцов

и девять кобыл, выведенных из Аравии, а в докладной своей записке Управлению государственного коннозаводства в 1845 году, писанной на основе материалов и вывозок из хреновского архива, сделанных им «еще в бытность управляющим заводом», он уже приводит поименный список двенадцати жеребцов и девяти кобыл.

В действительности, противоречие лишь кажущееся. Жеребца Алибея, это бесспорно, а, вероятно, одновременно с ним Дервиша и гнедого без клички, Орлов вывел не позднее 1773 года, остальные же девять жеребцов из списка и девять кобыл, клички которых приводятся Шишкиным, были ввезены уже по окончании войны. О приводе этих-то девяти жеребцов и девяти кобыл и сохранилась архивная пометка, может быть даже собственноручная А. Г. Орлова, против которой В. И. Шишкин при своем пиетете к имени А. Г. Орлова, никак не мог ничего возразить, и которую тщетно пытался примирить с фактическим наличием жеребцов-производителей в заводе в 70-е годы.

Шишкин сохранил для нас и список девяти кобыл, выведенных из Аравии «вместе с теми арабскими жеребцами». Он указывает точно, как эти девять кобыл «в заводе назывались» и какой масти была каждая из них. Этими кобылами были: белая Краля, бурая Волчья Хватка, гнедая Гульливая, гнедая Арабка, гнедая Уланиха, гнедая Щеголиха, светлогнедая Мытарка, серая Изменщица, рыжая Сайга.

Однако при сличении этого списка с арабскими кобылами, поименованными в таблицах женских линий Хреновского завода (в издании 1847 года), мы находим только первых четырех кобыл из списка, т. е. Кралю, Волчью Хватку, Гульливую и Арабку. Но вместе с тем издание 1847 года указывает клички еще пяти других, вообще не упоминаемых Шишкиным кобыл- родоначальниц, которые все были, будто бы «из Аравии»: Прелесть, Бородавка, Белая, Уютная и Лихая. Несомненно, что в данном случае изданию Главного управления верить нельзя; кобылы эти не были выводными из Аравии, а просто были кобылами «арабскими» по старинной терминологии завода, т. е. кобылами арабского отделения.

Возникают два вопроса:

1. Где же остались пять кобыл «Описания» В. И. Шишкина — Уланиха, Мытарка, Изменщица, Щеголиха и Сайга? Неужели же столь велик был процент отхода или отбраковки даже среди лучшего

выводного материала, что из девяти кобыл, приведенных из Аравии, оставили след в заводе лишь четыре?

2. Что представляют собой пять кобыл, указываемых в Заводской книге 1847 года как арабские, о которых В. И. Шишкин хранит молчание?

На первый вопрос ответ дает ближайшее ознакомление с заводскими книгами, в том числе и с книгою 1847 года, по которым отыскивается след еще трех кобыл:

а) в числе кобыл «неизвестного происхождения, приведенных из Островского завода», значится кобыла Изменщица (табл. 38, 1847 года), мать Кудрявой от Фелькерзама 1;

б) в числе таких же «неизвестных», приводных из завода с низменных мест, бывшего в Симбирской губернии, значится кобыла Мытарка (табл. 33, 1847 года), мать Мытарки от Красавца из Дании;

в) матерью гнедого жеребца Улана (табл. 43, 1847 года) является, согласно аттестатам, кобыла Уланиха.

При совпадении кличек и годов, да к тому же при отсутствии в Заводской книге 1847 года какой-либо другой версии происхождения кобыл, вряд ли можно сомневаться в том, что эти три кобылы принадлежат к числу указанных В. И. Шишкиным девяти арабских в точном смысле этого слова, т. е. кобыл из Аравии.

Ответить на второй вопрос несколько затруднительнее. После долгих поисков и расследований с большою степенью вероятности устанавливается происхождение кобылы Лихой трухменской и Белой персидской, а также кобылы Уютной, которая должна быть признана липпизанской кобылой, полученной из Хорошовского завода. В отношении же двух кобыл — Прелести (табл. 1, 1847 года) и Бородавки (табл. 2, 1847 года), поставленных составителями таблиц 1847 года даже во главе списка «арабских» кобыл, а вместе с тем вовсе не упоминаемых В. И. Шишкиным, мои поиски и усилия восстановить происхождение и появление их в Хреновском заводе оказались тщетными. Несомненно одно, что они не были выведены из Аравии одновременно с девятью жеребцами в 1775 году. Может быть эпитет «арабские» и для них был своего рода защитной вуалью, скрывавшей их происхождение от нескромных взоров? Во всяком случае, и Прелесть и Бородавка были хорошими матками, оставившими большие женские семейства. В наших дальнейших описаниях и

подсчетах лошадей первого и второго поколений Хреновского завода мы условно везде принимаем их за арабских кобыл.

В итоге мы можем считать, что нам поименно известны одиннадцать арабских кобыл, вошедших в верховое отделение Хреновского завода, из которых потомство девяти кобыл может быть прослежено.

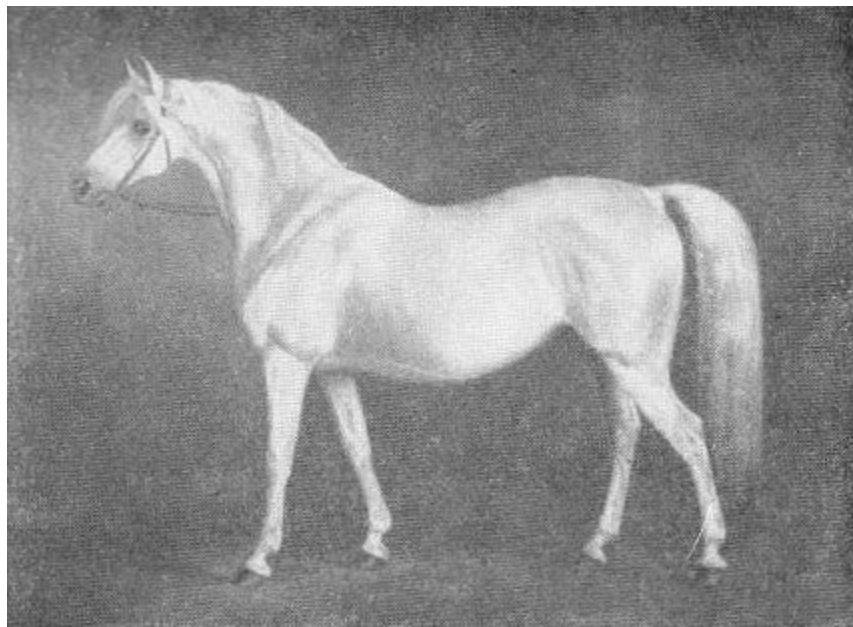
СМЕТАНКА — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АРАБСКИЙ ЖЕРЕБЕЦ

Украшением арабского отделения Хреновского завода был недосыгаемый и незабвенный Сметанка. О нем сохранились предания, как о лошади, совершенной во всех отношениях: совершенной по типу и экстерьеру, совершенной по резвости и силе, совершенной по характеру и «натуральным способностям».

Сохранившийся до наших дней портрет работы крепостного художника очень несовершенно передает нам черты экстерьера этого совершенного жеребца. Все же мы не считаем возможным не привести этого единственного сохраненного нам временем портрета Сметанки. Чтобы дать возможность читателям уяснить себе точнее, каким бывает экстерьер первоклассных арабских жеребцов, помещаем фотографию почти современного нам чистокровного арабского жеребца Фетиша, которого мы лично считаем одним из лучших по экстерьеру арабских жеребцов в XX столетии.

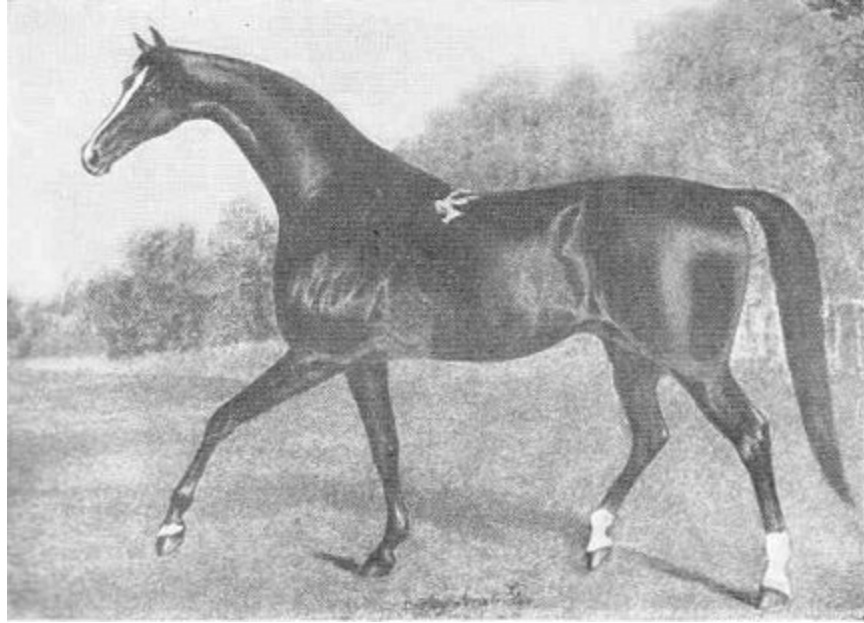
К одной особенности экстерьера Сметанки, уловленной на портрете крепостного художника, надо отнестись с полным доверием. Этой особенностью была необычная для арабской лошади длина корпуса сравнительно с длиной конечностей. После смерти Сметанки оказалось, что скелет его имел один лишний спинной позвонок с лишней добавочной девятнадцатой парой ребер. Скелет Сметанки был тщательно препарирован, смонтирован и поставлен в музей Островского завода на 12 лет раньше, чем Англия начала сохранять для потомства скелеты своих знаменитых скакунов. Первым изготовленным в Англии был скелет Эклипса, павшего в 1789 году, а музей в Острове сберегал скелет Сметанки уже с 1777 года. Вопреки утверждению некоторых авторов о том, что скелет погиб в Острове в 1812 году, мы узнаем из книги Унтербергера, что он сохранялся в Хреновом вместе с другими скелетами знаменитых лошадей

«орловского» и «шишкинского» периода еще в 1850-х годах. Сохраненный, таким образом, почти столетие, он был впоследствии затерян, а может быть просто выброшен равнодушной рукой не знавших прошлого и не любознательных хреновских администраторов 60—70-х годов.

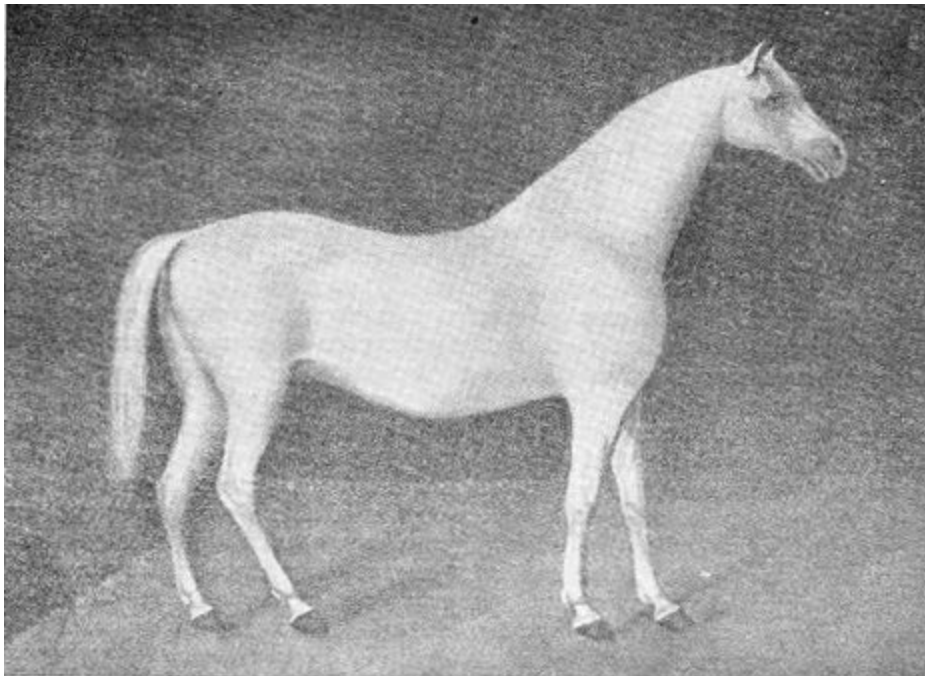
Арабский жеребец Обейян Серебряный. С картины Е. Сбержкова.
Музей коневодства ТСХА.

*Арабский жеребец Обейян Серебряный. С картины
Е. Сбержкова. Музей коневодства ТСХА.*

Выводной Дарлей Арабиан, р. 1702 г., один из родоначальников чистокровной верховой породы.

Выводной Дарлей Арабиан, р. 1702 г., один из родоначальников чистокровной верховой породы.

Жеребец Сметанка, выведенный А. Г. Орловым из Аравии. Портрет работы крепостного художника XVIII в., предположительно Гавриила Васильева.

*Жеребец Сметанка, выведенный А. Г. Орловым из Аравии.
Портрет работы крепостного художника XVIII в.,
предположительно Гавриила Васильева.*

РЕЗУЛЬТАТЫ СКРЕЩИВАНИЙ АРАБСКИХ ЖЕРЕБЦОВ С ДАТСКИМИ И НЕАПОЛИТАНСКИМИ КОБЫЛАМИ

После привода лошадей из Аравии открылась возможность проведения трех новых типов межпородных скрещиваний. Характеристику одного из них, азиатско-арабского, мы уже дали выше. Остается рассказать об арабско-датских и англо-арабских скрещиваниях. Здесь мы наталкиваемся на неожиданную и удивительную, на первый взгляд, неудачу, которую потерпели в верховом отделении арабско-неаполитанские и арабско-датские жеребцы и кобылы, в то время как столь близкие к ним, казалось бы, по происхождению испано-азиатские или датско-азиатские дети Дракона, Шаха, Лебедя Армянского имели блистательный успех.

При ближайшем анализе сравнительно легко находит себе объяснение неудача гнедого жеребца Надежного (Алибей — кобыла из Неаполя), рожденного в 1775 году, из девяти дочерей которого ни одна не нашла себе применения в верховом отделении и которые поступили в рысистое отделение. Арабский отец не сумел в Надежном преодолеть громоздкости и грубости неаполитанской кобылы, принадлежавшей к той ветви испанской расы, от которой еще в XVII веке отказывался Ньюкестл и от которой произошла каретная кладрубская, а не верховая липпизанская лошадь. Уже в XVIII веке неаполитанская порода «corseiri» была в состоянии поставлять только 5—6-вершковых тихоходов для придворных цугов с гордой поступью, лебедиными шеями и исключительно тяжелыми головами.

Не один только арабско-неаполитанский Надежный, но и другие арабско-датские жеребцы, как серый Полкан 1, рождения 1778 года, от Сметанки и Буланой из Дании, серый Горноста́й 2, рождения 1777 года, от Горноста́я 1 и Бережливой из Дании, не оставили ничего ценного для верховой породы. Полкан 1 оказался замечательно успешным производителем в рысистом отделении завода. Однако из всех его многочисленных дочерей одна только незаметная Дудыня встречается в родословных нескольких посредственных кобыл верхового отделения. Дочерей и внучек Горноста́я 2 заводу пришлось

зачислить всех без исключения в рысистое отделение, хотя у них были как будто бы и верховые родословные. Следы единственной дочери Сметанки (от датской кобылы) отыскиваются тоже только в рысистой породе, и одна лишь кобыла Мытарка (дочь Красавца из Дании и Мытарки из Аравии) оставила прочную женскую линию в верховом отделении.

Подробную расшифровку того, что представляли собою Полкан 1, Горностаи 2 и другие лошади первого поколения арабско-датских скрещиваний, мы попытаемся дать в своем месте тогда, когда будем говорить о той роли, которую они сыграли в образовании орловского рысака. Здесь же ограничимся констатацией того факта, что в создании верховой породы арабскодатские и арабско-неаполитанские жеребцы и кобылы никакого участия не приняли.

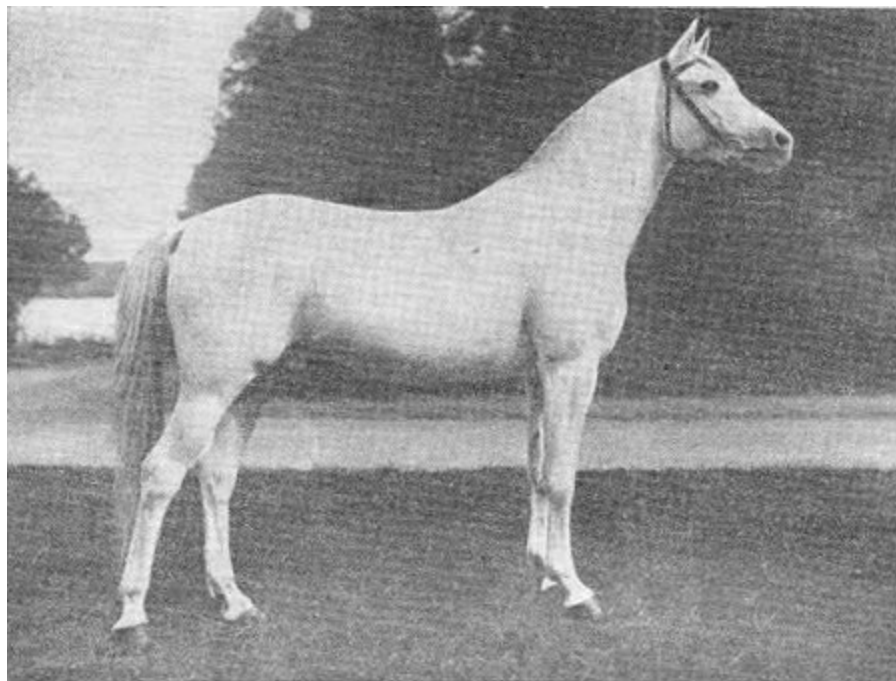
Еще раз повторяем, что об абсолютном неуспехе этого вида отдаленных межпородных скрещиваний не может идти и речи. Наоборот, оно было успешным, как и большинство отдаленных межпородных скрещиваний, предпринятых Хреновским заводом, но только тип и особенности полученных лошадей были не те, которые требовались в верховом отделении.

СКРЕЩИВАНИЕ АРАБСКИХ ЛОШАДЕЙ С АНГЛИЙСКИМИ

Переходим к рассмотрению итогов англо-арабского скрещивания. Первое поколение его дало многочисленную группу заводских маток, происходивших как от английских отцов и арабских матерей, так и от арабских отцов и английских матерей. Эта последняя подгруппа оказалась в целом по качеству выше. К ней относятся и три жеребца-производителя, оставленные в заводе. Все они происходили от арабских отцов и английских матерей. Это были: серый Фелькерзам 1, родился в 1778 году, пал в 1796 году, отец Сметанка, мать из Англии от Бабраама; серый Бовка, родился в 1778 году, продан в 1786 году в Англию, отец Сметанка, мать Главная из Англии; гнедой Еруслан, родился в 1778 году, пал в 1790 году, отец Старик из Аравии, мать Свирепая из Англии.

Объяснение этому явлению можно искать как в особом классе и ценности арабских жеребцов по сравнению с английскими, находившимися в заводе, так и в том обстоятельстве, что от

скрещивания обратного типа (английский жеребец X арабская кобыла) получались, как правило, лошади меньшего роста: сказывалось влияние более мелкой или крупной матери в период эмбрионального развития и большей или меньшей ее молочности в подсосный период, столь ярко установленное в ряде современных зоотехнических экспериментов.

Арабский жеребец Фетиш. Современная фотография.

Арабский жеребец Фетиш. Современная фотография.

Из трех производителей гнедой Еруслан оказался для верхового дела бесполезным. Интересно отметить, что бесполезными оказались почему-то и почти все другие сыновья арабского Старика. Дочери всех их, исключая одного, чисто арабского происхождения, гнедого Старикова (о. Старик, м. Гульливая — мать Салтана 2 — аз Аравии), ушли в рысистое отделение.

Серый Бовка, сын знаменитого Сметанки и гнедой Главной из Англии, оказался производителем не выше второго класса, почему, вероятно, и был продан в Англию в восьмилетнем возрасте. Из двух сыновей его один лишь Порхай (от английской Розетки) сумел оставить, и то всего одну, матку в верховом отделении — Глазунью от Красавицы, дочери датского Красавца. Из трех дочерей Бовки две — Веселая и Серая без клички — были безусловно успешными матками.

В материнской стороне родословных обеих этих кобыл мы встречаем выводных из Персии жеребцов (Шаха или Дракона) в сочетании с кобылами испано-датской группы:

ФЕЛЬКЕРЗАМ 1

Лучшим из всех арабско-английских жеребцов первого поколения и бесспорно первоклассным производителем был серый Фелькерзам 1, рожденный в 1778 году, от того же несравненного Сметанки и кобылы от Бабраама, выписной из Англии [94]. Попробуем расшифровать довольно туманную запись заводских книг о происхождении матери Фелькерзама 1 — «выписная из Англии от Бабраама из Англии, бабка от Посмеха из Англии». Заметим раньше всего, что неуклюжая форма изложения не должна приводить читателя к ошибочному заключению о том, что в Хреновском или Островском заводах состояли: производителями Бабраам и Посмех. Просто-на-просто эти клички, из которых вторая переделана на русский лад, упоминались в аттестате выводной из Англии кобылы, впоследствии ставшей матерью Фелькерзама 1, и вместе с тем эти клички проливают некоторый свет на то, каким типам и линиям в английской породе могло отдаваться предпочтение и преимущество в верховом отделении Хреновского завода.

Английское коннозаводство XVIII века знает двух Бабраамов. Первый из них, наиболее известный, гнедой Vabraham, родился в 1740 году от Годольфин Арабиана и кобылы Large Hartley mare, т. е. «большой кобылы, принадлежавшей Гартли». Этот Бабраам был жеребцом крупного по тому времени роста, около 160 см в холке, и хорошего экстерьера. Он оставил по себе большой след в чистокровном коннозаводстве. Однако он вряд ли мог быть отцом матери Фелькерзама 1, рождения 1778 года, так как последние отмеченные в студ-буке дочери Бабраама родились в 1759–1760 годах,

а мать Фелькерзама 1, рожденного в 1778 году, по всем данным должна была родиться в начале 70-х годов.

Если бы Хреновскому заводу на самой заре его деятельности удалось получить такого классного жеребца, как Фелькерзам 1, от 18—20-летней матери, то завод (не стал бы придерживаться во всей дальнейшей работе неукоснительного правила — браковать к 17-летнему возрасту и продавать из завода даже знаменитых своих маток. Все говорит за то, что дедом Фелькерзама 1 был не Бабраам, рождения 1740 года, павший в 1760 году, а сын его гнедой *Babraham Blank*, родившийся в 1758 году, приплод от которого прослеживается по студбукам начиная с 1768 года и до конца 70-х годов. В 1771 году, например, от него родилась оставшаяся в Англии чистокровная кобыла Царина (*Czarina*) и ее своеобразная, необычная для английского завода кличка, на наш взгляд, подтверждает факт продажи из завода лошадей в Россию и даже приблизительно датирует время этой продажи. Интересно отметить, что впоследствии Хреновской завод купил я вывел внуку Царины в свое чистокровное отделение [\[95\]](#).

По скаковому классу Бабраам Бланк не выделялся и сколько-нибудь заметных следов в чистокровном коннозаводстве не оставил. Лучшим сыном его был жеребец Карбункул, рождения 1772 года. И опять-таки эту линию Хреновской завод почему-то любил и наряду с дочерьми Эклипса, Потейтоса, Гайфляйера покупал в 90-х годах и дочерей Карбункула, и в своих записях особенно отмечал, что кобыла Быстрая, которая оставила заводу в начале 800-х годов трех производителей — Ермаченка, Катка и Безымянку, — была дочерью Карбункула. Пристрастие к Карбункулу становится понятнее при предположении, что завод вспоминал при этом про заслуги полусестры Карбункула, дочери Бабраама, давшей заводу Фелькерзама 1.

Если мы заглянем в родословную Бабраама Бланка, то мы увидим, что там полностью отсутствуют клички Эклипса, Герода и Мэтчема. Вместе с тем клички введенных непосредственно с Востока жеребцов в родословной Бабраама Бланка много ближе, чем в родословной Эклипса, и это должно было наложить отпечаток на тип и экстерьер Бабраама Бланка. Родословная Бабраама Бланка характеризуется комплексным инбридингом на Годольфина Арабиана (II–II р. п.) и кобылу Флайнг Уитч (III–III р. п.), дочь выводного Вудсток Арабиана, он же «турецкий жеребец Вильямса». Не далее четвертого ряда

предков мы встречаем еще клички Дарлей Арабиана и «турецкого жеребца Гольдернеса».

Годольфин Арабиан и некоторые его сыновья (Бабраам, Дормаус, Гоуэр-Сталлион) оставили после себя хорошую память в полукровном коннозаводстве Англии. Летописцы английского коннозаводства особенно отмечали их способность давать массивных и костистых лошадей, гонтеров под седло всадника тяжелого веса. И вернее всего, что мать Фелькерзама 1 была достаточно массивной и костистой кобылой, отличаясь вместе с тем, если не особой блестястью, то дельностью и правильностью форм. Что же касается бабки Фелькерзама 1, которая в хреновских записях указывалась «от Посмеха», то можно тоже ручаться, что кличек Эклипса и Герода мы не найдем в ее родословной. Скорее всего она принадлежала к одной из старых, уже угасавших линий, существовавших в XVIII веке, например к линии жеребца Смеющийся Том (Smiling Tom), рождения 1724 года, сына Конайерс Арабиан.

Этот экскурс в область ранней истории чистокровной породы я считаю важным не только для истории верховой русской породы, но и для теории англо-арабского скрещивания, которое и до наших дней применяется в коневодстве. На примере такого выдающегося англо-арабского жеребца, каким был Фелькерзам 1, мы видим, что в этом скрещивании наилучшие результаты могут давать английские лошади, как раз не типичные для своей породы ни по темпераменту, ни по скаковым способностям, ни по своему экстерьеру. Мы определенно можем быть уверены в том, что мать Фелькерзама 1 ни в коем случае не была кобылой высоконогой, перестроенной, в тине Эклипса и с его бешеным нравом. С другой стороны, и отцом Фелькерзама 1 был не обыкновенный арабский жеребец, а из ряда вон выходящий Сметанка.

Сам Фелькерзам 1 описывается Шишкиным, как «правильная и красивая лошадь», а дети его, как «отличные красотой и силою», в то время как, например, сын Салтана 2 — Свирепый 2 («графский») квалифицируется как «отличный в верховой езде» и его дети как «способнейшие в верховой и манежной езде». Не следует думать, что это оговорки, обмолвки речи или не имеющие значения общие фразы. Наоборот, это очень точные оттенки мысли, очень тонкие нюансы коннозаводской аттестации лошади. Характеристики, данные Шишкиным Фелькерзаму 1 и Свирепому 2, надо понимать в

буквальном и точном смысле. Фелькерзам 1 и его дети были лошади отличные в первую очередь по силе и резвости, при этом несомненно были и правильных форм, словом они были очень хороши для полевой и для строевой езды, но не блистали своими способностями к выездке манежной. Об этих их качествах В. И. Шишкин умалчивает, — и умалчивает не без оснований.

Тип скрещивания	Жеребцы-производители	Заводские матки
I. Азиатские (турецкие, персидские и др.) X арабские	Гн. Салтан 2, р. 1777 г., пал в 1796 г., о. Салтан 1 (тур.), м. Гульливая (ар.). Сер. Араб 2, р. 1778 г., пал в 1786 г., о. Араб 1 (ар.), м. Белая (перс.).	Волчья Хватка, р. 1777 г., о. Салтан 1 (т.), м. Волчья Хватка (ар.). Сайга, р. 1777/78 г., о. Шах (перс.), м. Сайга (ар.). Персианка (родная сестра Араба 2), р. 1780 г., о. Араб 1 (ар.), м. Белая (перс.).
II. Азиатские X X испано-датские	Бел. Лебедь Армянский, р. 1774 г., выб. в 1786 г., о. Серый из Армении, м. Щеголиха (дат.).	Изменщица, о. Дракон (из Персии), м. Изменщица (исп.). Гнедая б. к., от Шаха (перс.) и Изменщицы (исп.). Щеголиха от Дракона (из Персии) и Щеголихи (ар.). Изменная от Шаха (перс.) и Отгадчицы (исп.).

III. Азиатские X X английские	Бур. Салтан 3, р. 1777 г., выбыл в 1791 г., о. Салтан, (г.), м. английская бурая(?).	Неустройная от Шаха (перс.) и Бурой (ан.). Лихая от Милого (ан.) и Лихой (турк.). Машкорка от Гнедого (ан.) и Белой (перс.). Девка от Гнедого (ан.) и Белой из Кизляра.
IV. Арабские X X испано-датские	Сер. Полкан 1, р. 1778 г., пал в 1793 г., о. Сметанка (ар.), м. Буланая (из Дании). Сер. Горностай 2, р. 1777 г., пал в 1791 г., о. Горностай 1 (ар.), м. Бережливая (д.).	Сметанка от Сметанки (ар.) и датской (?) коб. Роза от Феникса (ар.) и Островской датск. (?) коб. Мытарка от Красавца (д.) и Мытарки (ар.).
V. Английские X X испано-датские		Уютная от Милого (ан.) и Уютной (липпиз.?). Грузная от Милого (ан.) и Уютной (липпиз.?). Ласточка от Красавца (д.) и Ласточки (ан.). Главная от Красавца (д.) и Главной (ан.). Красавица от Красавца (д.) и Вспыльчивой (ан.). Гнедая (табл. 15) от Красавца (д.) и Гнедой из Англии.

Тип скрещивания	Жеребцы-производители	Заводские матки
VI. Арабские X X английские	Сер. Фелькерзам 1, р. 1778 г., пал в 1796 г., о. Сметанка (ар.), м. из Англии. Сер. Бовка, р. 1778 г., прод. в 1786 г. (?), о. Сметанка (ар.), м. Главная (ан.). Гн. Еруслап, р. 1778 г., пал в 1790 г., о. Старик (ар.), м. Свирепая (ан.).	Волчья Хватка от Балабана (ан.) и Волчьей Хватки (ар.). Гульливая от Назола (ан.) и Гульливой (ар-). Комета от Глазунчика (ан.) и Гульливой (ар.). Прелесть от Глазунчика (ан.) и Прелести (ар.?). Запальная от Араба 1 (ар.) и Серой, из Англии. Забавная от Старика (ар.) и Забавной (ан.). Безымянка от Старика (ар.) и Любовницы (ан.). Голубая от Бородавкина (ар.) и Выписной, из Англии. Гнедая б. к. от Бородавкина (ар.) и Белой, из Англии.
VII. Другие межпородные скрещивания	Гн. Стариченок, р. 1778 г., прод. в 1785 г., о. Старик (ар.), м. Умная (с Украины).	Сайга от Балабана (ан.) и Сайги (с Дона).

VIII. Арабские X X арабские	Гн. Стариков, р. 1781 г., о. Старик (ар.), м. Гульливая (ар.). Бур. Улан, р. 1782 г., о. Старик (ар.), м. Уланиха (ар.). Сер. Феникс 2, р. 1780 г., палв 1798 г., о. Феникс (ар.), м. Бородавка (?) (ар).	Кроличка от Араба 1 (ар.) и Крали (ар.). Пестрожная от Старика (ар.) и Бородавки (ар. ?).
IX. Английские X X английские		Свирепая от Балабана и Свирепой. Главная от Мутона и Главной. Рыжая от Добрыни и Любовницы. Забавная от Гнедого (ан.) и Забавной.
X. Арабские X X неизвестные	Бур. Бычок, р. 1782 г. ¹ , от Старика и ? Сер. Коломченок, р. 1782 г., от Старика и ? Сер. Кривой, р. 1782 г., от Старика и ? Бур. Постылый, р. 1782 г., от Старика и ?	

¹ Восстановить клички и породу матерей этих четырех жеребцов, рожденных в последней ставке 1782 года от Старика, не удалось. Относительно Бычка, лучшего из четырех жеребцов этой группы, есть основания предполагать, что он происходил от кобылы датской породы. Во всяком случае, бурая Бычиха Хреновского завода, от Бычка и кобылы соловой Султановой, состоя в заводских матках Починковского государственного конского завода, числилась в описи завода «датской породы».

Обычно орловскую верховую лошадь считают англо-арабской. Такой упрощенный взгляд на выведенную в Хреновском заводе породу мог свить себе гнездо в зоотехнических и иппологических кругах только в силу отсутствия достаточного знакомства с работой Хреновского завода в первые десятилетия его существования.

Хреновский завод, даже на первом этапе своей работы, прибегал к скрещиваниям английских лошадей с арабскими только наряду со многими другими типами скрещиваний. Он получил ряд хороших лошадей в результате этих скрещиваний, но полностью эти лошади Хреновского завода еще не удовлетворяли, и дальнейшая история верхового отделения представляет собой картину новой, более сложной работы.

Если бы завод остановился только на этапе англо-арабского скрещивания, то и тогда его заслуга была бы велика, так как он остался бы в истории коневодства все же первым заводом, который показал и выявил ценность англо-арабских лошадей. Из всех заводов Европы мы могли бы указать еще только на один завод — в Зенне (Senne), который примерно в те же годы, что и Хреновской завод, приступил к опыту выведения англо-арабских лошадей. Но завод Зенне удовлетворился первым успехом и не пошел в своей работе далее, а А. Г. Орлов в Хреновском заводе не остановился на первом этапе и продолжал свои коннозаводские искания.

В приложенной сводной таблице всех лошадей первого поколения различных типов скрещивания, известных нам по архивным данным и заводским книгам, читатель может прочесть между другими клички и происхождение 10 англо-арабских кобыл, оставивших след в Хреновском заводе, а также клички полученных в заводе нескольких чистокровных арабских жеребцов и кобыл (см. таблицы выше).

Чтобы составить себе одновременно совершенно исчерпывающее представление, если не о том, что было получено, то о том, что было сохранено в заводе из потомства всех жеребцов великого привода 70-х годов, надо к лошадям, включенным в сводную таблицу, прибавить небольшой список приплода выводных жеребцов, которых они успели дать уже от помесных кобыл первого поколения, т. е. в результате либо возвратного скрещивания, либо — в большинстве случаев — более сложного не двух-, а трехпородного. Вот этот список [\[96\]](#):

<i>Заводский жеребец:</i> Любимец, сер., р. 1778 г., пал в 1790 г.	о. Сметанка (ар.),	м. Сайга от Балабана (ан.) и Сайги (с Дона)
<i>Заводские матки:</i> Сайга, рыж., р. 1777 или 1779 г.	о. Шах (перс.),	м. Сайга от Балабана (ан.) и Сайги (с Дона)
Стрелка, сер., р. ок. 1780 г.	о. Феникс (ар.),	м. Машкорка от Гнедого б. к. (ар.) и Белой (перс.)
Уютная Молодая, гн., р. 1781 — 1782 г.	о. Цесарбей (ар.),	м. Уютная от Милого (ан.) и Уютной (липпиз. ?)
Крала Червоная, р. 1781 — 1782 г.	о. Старик (ар.),	м. Гульливая от Назола (ан.) и Гульливой (ар.)
Ливарка, р. 1781 — 1782 г.	о. Старик (ар.),	м. Главная от Красавца (дат.) и Главной (ар.)
Собинка, гн., р. 1783 - 1784 г.	о. Каклиян (ар.),	м. Волчья Хватка от Салтана I (тур.) и Волчьей Хватки (ар.)
Прелесть, гн., р. 1788 - 1784 г.	о. Красавец (дат.),	м. Прелесть от Глазунчика (ан.) и Прелести (ар.)
Безьянка, р. ок. 1784 г.	о. Красавец (дат.),	м. Безьянка от Старика (ар.) и Любовницы (ан.)
Сайга, р. 1753 - 1754 г.	о. Каклиян (ар.),	м. Сайга от Шаха (перс.) и Сайги, д. Балабана (ан.)
Простая, р. ок. 1785 г.	о. Добрыня (ан.),	м. Изменная от Шаха (перс.) и Отгадчицы (исп.)
Скоринка, гн. р. ок. 1785 г.	о. Гнедой б. к. (ан.),	м. Уютная от Милого (ан.) и Уютной (липпиз.)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ЭТАПА РАБОТЫ

Резюмируем результаты первого этапа работы Хреновского завода по выведению верховой лошади в нескольких сжатых общих положениях.

Ни одна из иностранных верховых пород лошадей не удовлетворяла А Г Орлова. Он даже и не пытался разводить их в чистоте в Воронежских степях. Он задался целью вывести в Хреновском заводе новую, сначала даже не породу, а лошадь, тип или сорт лошадей, которые соответствовали бы нашим русским условиям климата, содержания, кормления и воспитания.

Стремясь получить удовлетворявших его лошадей, Орлов прибегал в широких масштабах к скрещиваниям разных пород между собой.

Из этих скрещиваний одни оказались уже в первом поколении более успешными, другие менее успешными. Подбор пар для скрещивания оказывался более или менее удачным в зависимости как от комплекса дополняющих друг друга или восполняющих качеств скрещиваемых пород, так и о другого обстоятельства, которое 100 лет спустя было гениально сформулировано великим преобразователем

природы И. В. Мичуриным — «Наиболее отдаленные географически друг от друга формы дают при скрещиваниях между собой наилучшие результаты».

Как правило, удачные результаты получались при типах скрещивании азиатско-датском (или азиатско-липпизанском и азиатско-испанском) и арабско-английском в верховом направлении, арабско-датском в рысистом направлении. Скрещивания азиатских пород с арабской имели успех только в редких случаях, но дали отдельных выдающихся лошадей (Салтан 2). Англо- датские скрещивания в первом поколении оказались наименее удачными.

Несомненно, успех, достигаемый на путях тех или иных межпородных скрещиваний, объяснялся не только удачными сочетаниями качеств, уже выраженных у каждой из исходных пород. Несомненно, появлялись и новые качества, свойства и достоинства, которых не было в наличии ни у одной из исходных пород. И появлялись они в условиях целенаправленного выращивания молодняка, в силу пластичности, неустойчивости наследственной природы помесей первого поколения, их податливости на воздействие окружающей природной среды, а также созданного режима кормления, содержания и тренинга.

Хотя результаты, полученные в первом поколении, и были хорошими и даже очень хорошими, они все же не явились тем высшим достижением, которого добивался Хреновской завод, и А. Г. Орлов, продолжая настойчиво целеустремленные поиски, переводит к следующему этапу своей работы к созданию отечественной верховой породы лошадей.

Глава VII

СОЗДАНИЕ ОРЛОВСКОЙ ВЕРХОВОЙ ПОРОДЫ

«Мой покоя дух не знает»

М. В. Ломоносов

Наступал решающий момент в жизни Хреновского завода, момент ответственных решений, от которых зависело все его будущее.

Как поведет далее завод свою столь успешно начатую работу? Будет ли он вновь и вновь повторять те удачные комбинации скрещиваний, которые подарили ему Фелькерзама 1, Салтана, Лебеда Армянского, будет ли он ради получения новых фелькерзамов и салтанов вновь и вновь стараться «иностранных разводных лошадей доставать»?

Станет ли он на путь спаривания между собой полученных помесей однородного происхождения, например туркмено-испанских с туркмено-испанскими, англо-арабских с англо-арабскими и т. д. и таким образом, вовлеки в скрещивание всего две исходные формы, будет стараться закрепить результаты удачных их комбинаций?

Вступит ли завод на путь обратных скрещиваний с теми породами, которые представлялись ему особо ценными, от которых, по его мнению, полученные в первом поколении скрещивания лошади в основном заимствовали свои выдающиеся качества?

Исследование истории Хреновского завода дает исчерпывающий ответ. Все эти три пути, представлявшиеся наиболее простыми, хотя и не были полностью игнорированы А. Г. Орловым, но остались на практике лишь проселками его работы, а широкой торной столбовой дорогой, которая вывела завод на мировую сцену, был неизмеримо более трудный, совершенно еще не изведанный новый путь — путь сложного воспроизводительного скрещивания, путь создания комплекса не двух, а трех и четырех пород в верховом отделении

Хреновского завода и шести-восьми пород в рысистом отделении Хреновского завода.

150 лет назад А. Г. Орлов был первым не только среди селекционеров-животноводов, но и растениеводов, кто вступил на этот путь, раскрывавший новые горизонты в племенном деле.

Он явился основоположником того синтетического метода сложных скрещиваний, с участием нескольких исходных типов в образовании новых форм, пород животных или сортов растений, к которому не только что животноводы но и растениеводы подошли лишь много позже.

В этом непреходящее историческое значение зоотехнической работы А. Г. Орлова.

Бюффон провозгласил доктрину воссоздания первообраза вида, но по этой доктрине никто в целом свете не вывел ни одной породы: велось скрещивание, довольно бессистемное, для получения пользовательных животных, и то с очень спорными результатами.

Английские животноводы XVIII века Бэквелл и Коллинги работали в основном методами аналитической селекции. Они отбирали внутри породы или стада наиболее выдающихся животных и спаривали их между собой, в следующем поколении вновь и вновь отбирали самых выдающихся и т. д.

Они не проводили широких межпородных скрещиваний и не пытались закрепить полученные от этих скрещиваний результаты. Насколько же другими были масштабы, методы и цели работы Хреновского завода!

Долгое время методами аналитической селекции работали и селекционеры-семеноводы в растениеводстве. Селекция в растениеводстве началась с индивидуального отбора среди местных стародавних сортов. К скрещиванию и внутривидовой «гибридизации» растениеводы-селекционеры пришли только в 50 — 70-х годах XIX века — Ширеф (с 1856 года) в Шотландии, Вильморен со Франции, немецкие селекционеры в 70-х годах, Саундерс в 80—90-х годах в Канаде, и, наконец, Нильсон Эле в Свалефе. А. Г. Орлов-Чесменский опередил их почти на столетие.

Из первых шести разделов помещенной выше, в заключение главы VI, сводной большой таблицы, в которую включены все известные нам лошади первого поколения Хреновского завода, мы убеждаемся, что

все 12 комбинаций, мыслимых в первом поколении при скрещивании четырех групп пород, были Орловым испробованы. В результате каждой из них получились в некотором проценте лошади, удовлетворявшие завод больше, чал исходные породы, ибо иначе что мешало бы Орлову прекратить, пресечь эту практику межпородных скрещиваний, усилить чистопородные гнезда, которые все еще сохранились к началу 80-х годов, не продавать последних чистопородных арабских, английских, датских, азиатских жеребцов, а наоборот, быть может, еще прикупать и увеличивать их число.

Видимо, продукты предпринятых скрещиваний были удачны. Но в то же время необходимо вывести заключение, что ни одно из этих межпородных скрещиваний в первом поколении, пока в скрещивание вовлечены были только две исходные породы, не дало еще той верховой лошади, которая была нужна Орлову. Ни турецко-арабские помеси, ни арабско-английские, ни персидско-испанские, ни какие бы то ни было другие полностью еще завода не удовлетворяли, его идеала не воплощали и, получив их, Орлов чувствовал себя еще в самом начале пути.

Чтобы по возможности объективно ответить на вопрос, какие же группы помесей все же были лучше и относительно ближе подходили к осуществлению коннозаводческого идеала Хреновского завода, еще мало данных составленной нами и помещенной выше большой таблицы, которая включила в себя производителей и заводских маток Хреновского завода, полученных во всех комбинациях и типах скрещиваний в первом поколении.

Разделим всех производителей Хреновского завода из числа жеребцов первого поколения на две группы: в первую группу— «А» — включим тех, у которых большая часть известного нам приплода вошла в верховую породу, во вторую же группу — группу «Б» — тех, из приплода которых оставили след в верховой породе лишь отдельные особи. Для лучшей ориентации своей и читателя подсчитаем:

1) сколько от каждого производителя поступило в завод жеребцов и маток;

2) сколько жеребцов и маток оставили в заводе приплод, известный нам по заводским книгам;

3) сколько жеребцов и маток оставили приплод, вошедший в верховую орловскую породу.

Жеребцы I поколения	Из потомства их поступило в завод (по В. И. Шишкину)		В том числе известно нам (по заводским книгам)		Из них вошли в верховую породу	
	сыновей	дочерей	сыновей	дочерей	сыновей	дочерей
А. Салтан 2	6	41	5	15	5	11
Салтан 3	?	?	—	2	—	2
Араб 2	?	?	1	8	1	5
Лебедь Армянский	?	?	—	8	—	6
Фелькерзам 1	7	59	6	18	6	16
Бовка	?	?	2	3	1	3
Б. Полкан 1	7	21	3	8	1	1
Надежный	?	?	—	9	—	—
Горностай 2	?	?	—	4	—	—
Сыновья Старика (всего числом 8)	?	?	1	27	—	3 ¹
Феникс 2	?	?	—	3		1

¹ В том числе две кобылы от арабского гнедого Старикова, сына Старика и Гульливой, матери Салтана 2.

Мы видим, что из потомства производителей группы «А» 13 жеребцов (из 14) и 43 заводских матки (из 54) приняли действительное участие в создании новой верховой породы. Из потомства производителей группы «Б» клички лишь одного жеребца из 12 и пяти кобыл из 51, как исключение, попадают в родословных орловских верховых лошадей.

Становится ясным, что группа «А» жеребцов первого поколения сыграла наибольшую роль в создании верховой породы; ее-то и следует проанализировать подробнее.

Чтобы отчетливей уяснить себе принципы работы А. Г. Орлова, рассмотрим использование в заводе двух лучших жеребцов из первого поколения — Салтана 2 и Фелькерзама 1. Припомним, что в соответствии со своим происхождением Салтан 2 удовлетворял коннозаводчика эффектностью экстерьера и способностью в езде, но не характером и не в полной мере ростом и костистостью; Фелькерзам же, хотя был и делен, и резв, и хорошего характера, но не удовлетворял требованиям манежа и эффектного экстерьера.

ПОДБОР К САЛТАНУ 2

Салтана 2 спаривали с разными кобылами. Несомненно, их ему подбирали в первую очередь с учетом их индивидуальных особенностей. Однако из многих десятков дочерей Салтана нам известна только одна, которая была получена от кобылы такого же комплекса, как к он сам. Очевидно, либо Орлов сознательно избегал подобного типа скрещивания, как не перспективного, либо оно оказывалось неудачным — полученные от него лошади в заводе не задерживались, и Орлов должен был сделать для себя соответствующий практический вывод.

Анализируя далее подбор к Салтану, мы очень немного можем найти случаев спаривания арабско-азиатского Салтана с кобылами азиатских пород или арабскими. Значительно чаще подбирались кобылы английские или с преобладанием английской крови, испанские и датские или с преобладанием испанской или датской крови. Идут последовательные поиски необходимых Салтану 2 дополнений, и эти дополнения были найдены. Лучшие четыре сына Салтана 2, которые все до самой своей смерти состояли производителями в заводе и основали свои линии, имели следующее происхождение:

Гнедой Добровольный 1, р. 1785 г.	— от гнедой Грузной, дочери Милого из Англии и Уютной;
Гнедой Свирепый 1, р. 1786 г.	— от гнедой Уютной, тоже дочери Милого и Уютной, т. е. от родной сестры Грузной;
Гнедой Свирепый 2, р. 1792 г.	— от той же гнедой Уютной, дочери Милого и Уютной;
Гнедой Постоянный 1, р. 1790 г.	— от гнедой Красавцевой, дочери Красавца из Дании и гнедой выписной из Англии.

И лишь пятый сын Салтана 2, белый Салтан 4, рождения 1788 года, имел иное происхождение — его мать, Белая, была дочерью Лебеда Армянского и Половой. Салтану 4 не удалось оставить линий в заводе.

Итак, четыре лучших сына Салтана 2 все были от кобыл одинакового англо-испанского (-датского, — липпизанского) комплекса, в том числе три самых лучших жеребца от двух родных сестер, Уютной и Грузной. Мы видим исключительную остроту, отточенность подбора: только определенная комбинация дает успех и только определенный индивидуальный подбор при этой комбинации дает успех наивысший.

Говоря о Свирепом 2 и его братьях, необходимо разобрать одно спорное положение в отношении их родословной. В официальных изданиях государственного коннозаводства («Подробные сведения» 1839 года и Заводская книга 1847 года) его бабка Уютная пишется

«арабской» кобылой. Я считаю ее арабизированной липпизанской, т. е. принадлежащей к наиболее породной ветви испанской расы. Ведь если бы в архиве Хреновского завода были какие-нибудь документы о ее арабском происхождении, В. И. Шишкин, у которого Свирепый 2 все время, так сказать, стоял перед глазами, несомненно включил бы Уютную в свой список арабских кобыл.

Позабить бабку Свирепого и родоначальницу ряда выдающихся лошадей завода при составлении этого списка он бы никак не мог. Однако В. И. Шишкин о происхождении Уютной предпочитает хранить молчание. Отнять у нее ее арабское происхождение означало бы, по понятиям 30-х и 40-х годов, ее дискредитировать, а вместе с ней дискредитировать и Свирепого 2, но, с другой стороны, В. И. Шишкин не хотел своим авторитетом поддерживать и фальшивую версию, и вот ни в одном аттестате, ни в одной справке, ни в одном свидетельстве о происхождении какой-нибудь лошади ни словом не обмолвился В. И. Шишкин о породе Уютной.

Совершенно одинаково и А. И. Галин в своих разъяснениях аттестатов некоторых хреновских лошадей очень подробно говорит о Добровольном и Свирепом, совершенно точно называет клички их отцов, матерей, дедов и бабок, излагает историю привода последних, рассказывает об азиатском происхождении Салтана 1, арабском — Гульливой, английском — Милого, но опять-таки обходит молчанием Уютную.

Единственный вывод из этого, что Уютная не была арабской и вообще не была какой-либо кобылой, выведенной Орловым из-за границы в 74—76-х годах, и скорее всего она могла быть из числа тех 20 маток старого состава дворцовых заводов, которые были отобраны в 67 году Орловым для Островского завода. Мне она представляется породной в арабизированном типе липпизанской кобылой, дочерью какой-нибудь знаменитой Фортеции или Колонны, которые столь восхищали современников. Приплод Уютной в Островском заводе, в том числе и Грузная и Уютная, весь был рожден еще до 1775—1777 годов. В те же годы и другая кобыла, происхождение которой из Хорошовского дворцового завода бесспорно и засвидетельствовано заводскими книгами, Надежная, дает от Милого кобылку Надежную, и эта последняя, подобно Уютной и Грузной, тоже спаривается с Салтаном 2, от которого и приносит кобылу Спесивую, совершенно

той же структуры родословной, что и Свирепый 1, Свирепый 2 и Добровольный.

„Последний из гнедых липпизанов". Фотография начала XX в.

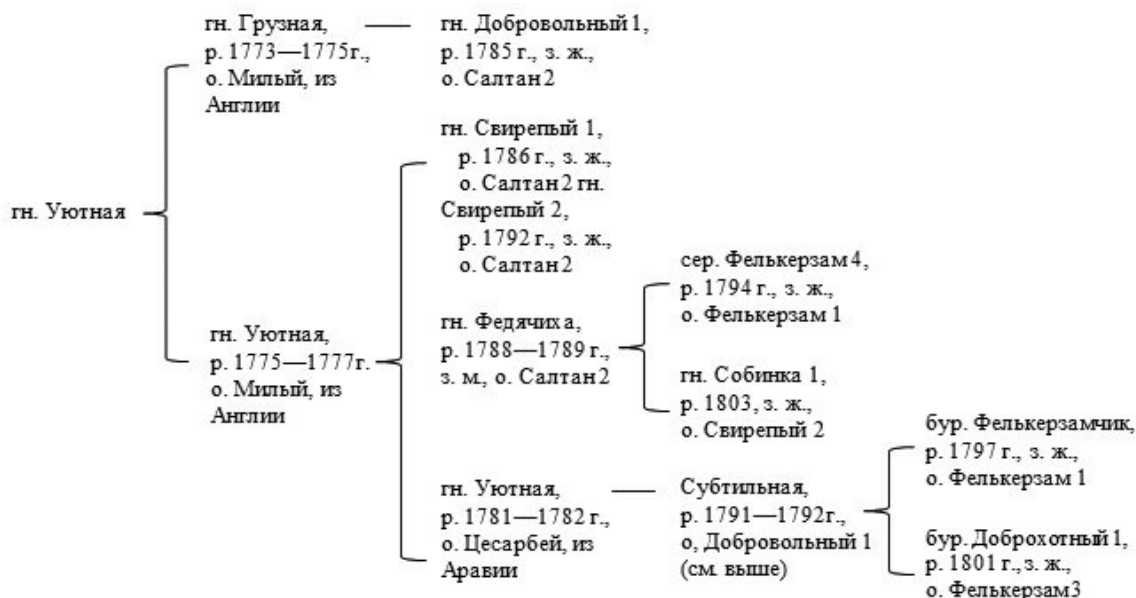
***«Последний из гнедых липпизанов». Фотография начала
XX в.***

Что же могло хорошего дать, при удаче, спаривание с Салтаном 2 кобыл англо-липпизанского или датско-английского происхождения? Ранее всего, несколько больший, даже при сравнении с Салтаном 2, рост и наверное большую массивность и костистость. Одна из двух родных сестер неслучайно носит кличку Грузной. Эти обстоятельства — достаточный рост, массивность и костистость, далеко не

безразличны, когда предполагается создать лошадь способную легко и без усталы носить девятипудового всадника.

Затем, при настойчивости и терпении коннозаводчика, должны были попасться и такие англо-испанские, англо-датские или англо-липпизанские кобылы, которые одарили бы некоторых своих потомков особой понятливостью при выезде и парадными манежными движениями, отличавшими лошадей испанской расы, в то же время передав им известную толику резвости английского скакуна. Вот относительно возможного характера потомства здесь надо было соблюдать особую осторожность, чтобы не нашла коса на камень — горячий нрав Салтана на злобную строптивость, присущую иногда английским скаковым лошадям. В этом отношении тот английский жеребец, которому, очевидно, заслуженно было присвоено прозвище Милый, являлся на редкость подходящим, и в этом обстоятельстве надо искать разгадку, почему Милый, а не какой-либо другой из английских производителей Хреновского завода, например не Назол (т. е. «Досадный», «Обидчик»), не Балабан («Сокол»), сыграл наиболее значительную роль в межпородных скрещиваниях, заложивших фундамент новой породы. Милый сумел даже от туркменской кобылы Лихой дать Милую.

И. В. Мичурин обратил наше внимание на то, какое значение для успеха скрещивания имеет правильный выбор материнского растения. Случай с Уютной является одним из бесчисленных подтверждений правильности этого положения и в области животноводства.

Успех всего потомства Уютной в Хреновском заводе служит яркой иллюстрацией того значения, какое имеет в коннозаводстве индивидуальный отбор и индивидуальный подбор, как одновременно и того существенно важного положения, что «линии» в коннозаводстве могут быть выведены не только от жеребцов-производителей, но и от выдающихся маток, конечно при условии правильной племенной работы с ними.

Все семь вошедших в помещенную на стр. 119 таблицу выдающихся производителей Хреновского завода от Добровольного 1, рождения 1785 года, до Собинки 1, рождения 1803 года, могут с равным правом считаться принадлежащими как к линии Салтана 2, так и к линии Уютной.

Однако процесс зоотехнического творчества — не процесс фабричного производства, продукция не штампуется, не выпускается из станков, изготовляющих один экземпляр, в точности повторяющий другой. Все четыре сына Салтана от англо-липпизанских или англо-датских матерей — Добровольный 1, Свирепый 1, Свирепый 2, Постоянный 1 — были очень хороши, все четыре были лучше своего отца, но, конечно, не все одинаково хороши и не все одинаковы, несмотря на свое одинаковое происхождение. Из трех сыновей Салтана, родословные которых в точности копировали друг друга, первый, гнедой Добровольный 1, рождения 1785 года, был жеребец хорошего нрава, второй, тоже гнедой, родившийся в 1786 году,

несмотря на то, что мать его была Уютной, дед Милым и бабка тоже Уютной, был по своему характеру и поведению таким, что его принуждены были назвать Свирепым.

Однако по экстерьеру и своим способностям в езде это был жеребец выдающийся, и после появления его на свет, его мать Уютную в ближайшие годы уже не спаривали ни с каким другим жеребцом, кроме Салтана 2. От него она принесла кобылку Федячиху, родившуюся около 1788–1789 года, и в 1792 году — опять гнедого жеребчика, который был по экстерьеру настолько похож на своего старшего брата, что его называли Свирепым 2. По характеру он оказался безупречным, добронравным и энергичным, в экстерьерном отношении и по способности в езде он удовлетворял всем самым строгим требованиям и пожеланиям Хреновского завода, стал и остался до самой смерти А. Г. Орлова его любимой лошадью собственного седла, откуда и название его «Свирепый 2, графский».

СВИРЕПЫЙ 2 КАК ВОПЛОЩЕНИЕ И ОБРАЗЕЦ ТИПА ПОРОДЫ

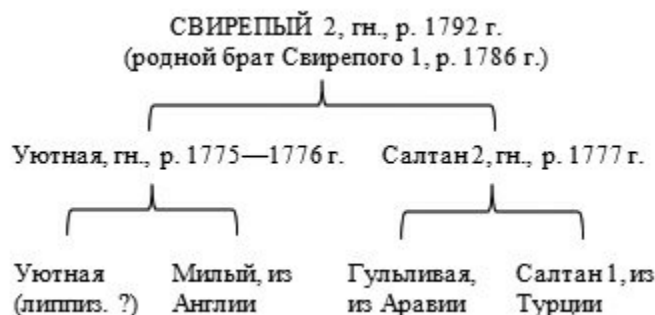
Создав Свирепого 2, Алексей Орлов был удовлетворен полностью. Задуманный, носившийся перед ним в мечтах образ верховой лошади был, наконец, воплощен. Свирепый стал образцом, по которому надо было заводу создавать еще и еще лошадей, в такой мере образцом, каноном, что даже его гнедая масть стала сначала предпочтительной, а потом и почти обязательной для новой верховой породы. Среди жеребцов первого поколения Хреновского завода большинство были серые. С появлением Свирепого 2 картина меняется, пройдет еще два-три поколения и почти все жеребцы орловской верховой породы станут гнедыми без отметин, стойко передающими эту масть во всех тех многочисленных государственных и частных заводах России, куда они будут попадать производителями.

Долгое время лошади лучше Свирепого 2 завод не мог себе представить, и только 25 лет спустя великолепный Яшма 1 в чем-то неуловимом оказался еще лучше.

А. Г. Орлов на Донском поле верхом на Свирепом 2. С картины Д. Невзорова. Музеи коневодства ТСХА.

А. Г. Орлов на Донском поле верхом на Свирепом 2. С картины Д. Невзорова. Музеи коневодства ТСХА.

Описывать экстерьерные достоинства Свирепого 2 равносильно тому, чтобы описывать экстерьер и достоинства, которые в большей или меньшей степени стали присущими всем лошадям орловской верховой породы. Мы это сделаем, но только ниже, когда закончим разбор истории создания породы; здесь же мы помещаем фотографию со старинной картины Д. Невзорова, изображающей А. Г. Орлова верхом на Свирепом 2 в день скачек в Москве на Донском поле.

На картине этой мы видим знаменитого Свирепого 2, очень породного, пропорционального во всех частях, верхового коня, гнедой масти, с характерной, высоко поставленной, гибкой и кольцом изогнутой шеей, длинным, несколько прямоватым крестцом, небольшой, сухой головой, прекрасными «стальными» ногами, при достаточно длинной спине, хорошо развитой «почке» и на упругих, хотя и длинноватых бабках. Орловская верховая лошадь даже на портрете производит впечатление обладающей прекрасными, приятными для всадника эластичными движениями.

Хорош был Свирепый, когда он горделиво выступал под своим владельцем в дни скачек или на первомайском московском гулянье, и весь убор его, седло, чепрак, узда и поводья сверкали золотом и драгоценными камнями. Ко еще более хорош был, по свидетельству современников, Свирепый 2 безо всякого убора на выводке, когда ловкая рука конюшего взвивала его в воздух. и затем сразу становила недвижимым на все четыре ноги, и он потягивался и замирал, высоко отделяя хвост, и красно-гнедая шелковистая шерсть его играла на солнце, шея изгибалась змеею, ноздри широко раздувались, глаза пылали, окидывая взором собравшихся охотников и как бы снисходительно позволяя им любоваться собой.

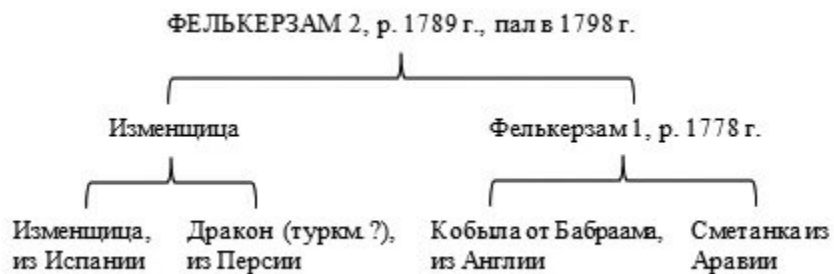
Рост Свирепого 2 был, согласно заводским записям, 2 аршина 3½ вершка, т. е. около 158 см.

Получив Свирепого 2 и считая его наиболее отвечающим желательному типу верховой лошади, А. Г. Орлов, однако, не прервал начатую работу с другими линиями, ни одной минуты не мысля замкнуться в Свирепом 2, а, наоборот, стремясь на всяких других путях скрещиваний, с помощью иных производителей и маток, получать еще и еще лошадей, отвечающих поставленным задачам, даже аналогичного, тождественного Свирепому 2 происхождения, но по возможности не родственных ему. Этим с самого начала закладывалось несколько линий новой породы, этим коннозаводчик избегал опасности замкнуться в порочном кругу тесного родственного разведения.

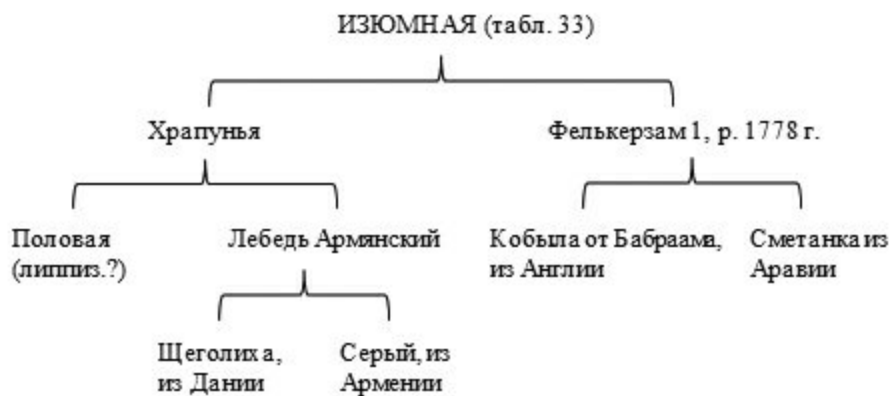
ПОДБОР К ФЕЛЬКЕРЗАМУ 1

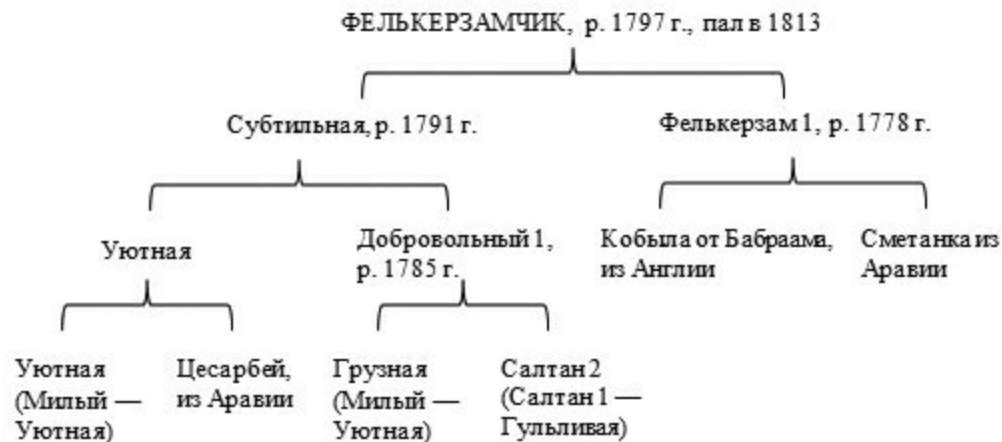
Остановимся теперь подробно на втором, по его значению в верховом отделении, производителе из первого поколения, — на сером

Фелькерзаме 1, сыне Сметанки и кобылы из Англии, дочери Бабраама. Если в подборе к Салтану 2, сыну турецкого Салтана 1, завод не нуждался в усилении азиатских течений Дракона, Шаха или Лебедя Армянского, то явно иначе дело обстояло с англо-арабским Фелькерзамом 1. Уже беглый взгляд, кинутый на родословные лучших сыновей и дочерей Фелькерзама 1, убеждает нас в том, что только в том случае, если Фелькерзама 1 спаривали с кобылами азиатско-испанскими, азиатско-датскими или уже законченного «свиреповского» комплекса, фелькерзамовская линия приобретала необходимую ей отделку, появлялись у лошади и лебединая шея и горделивая поступь и гибкость в суставах и понятливость в выезде под высшую школу. Приводим несколько типичных родословных лучших сыновей и дочерей Фелькерзама 1:

Эти родословные можно было бы пополнить родословными еще ряда кобыл Хреновского завода, из которых одни, как Струнка, Недурная, Складная, имеют происхождение, аналогичное Фелькерзаму 2, а другие, как Упустимая, Догадливая, аналогичны по построению своих родословных Фелькерзаму 4.

Фелькерзам 2 и Фелькерзам 4, по их дальнейшему влиянию в верховом отделении, по числу оставленных и прославившихся в заводе кобыл, занимают первые места среди сыновей Фелькерзама 1. Подобно лучшим сыновьям Салтана 2 — Свирепому 1, Свирепому 2, Добровольному 1 и Постоянному 1, также и Фелькерзам 2 и Фелькерзам 4 — это лошади уже завершеного верхового комплекса, все это продукты сложного скрещивания, в которое были вовлечены все четыре группы лучших верховых пород того времени, представленных в Хреновском заводе. Если сравнить родословную Фелькерзама 2, например, или Веселого 1 с родословными не только Свирепых, но и Добровольного 1 или Постоянного 1, то во втором восходящем ряду родословной, т. е. в ряду дедов и бабок, мы будем иметь кобыл и жеребцов всех четырех групп пород: азиатской, испанской, английской и арабской. Лишь места, занимаемые ими во втором ряду предков слева направо, оказываются перетасованными. Происходит это потому, что все теоретически мыслимые как в первом, так и во втором поколении комбинации скрещиваний четырех групп пород и их помесей между собой были А. Г. Орловым проверены, испытаны. В конце концов, во втором поколении отсеянные, отобранные, отборные из отборных производители и матки оказались

все рожденными в результате способа повторного скрещивания помесей с помесями же, но полученными от других исходных форм.

Чтобы нас не упрекнули в умолчании, отметим, что Фелькерзам 1 оставил и двух сыновей, родословные которых несколько отличаются от приведенных, — азиатские породы были в них представлены, но породы испанской группы отсутствовали. Этими сыновьями были: 1) бурый Фелькерзам 3, рождения 1793 года, от Собинки, дочери Каклиана арабского и Волчьей Хватки (Салтан 1 — Волчья Хватка из Аравии), и 2) серый Досужий, рождения 1796 года, от Стрелки, дочери Феникса 1 арабского и Машкорки (Гнедой, из Англии — Белая, из Персии). Эти жеребцы, однако, были использованы в заводе значительно слабее других сыновей Фелькерзама 1, а также сыновей Салтана 2 и вообще всех производителей завершеного комплекса.

Использованы они были на матках, подобранных так, чтобы завершить уже в следующем поколении удачно найденный хреновской комплекс.

Хреновской завод может быть и не оставил бы производителем Фелькерзама 3, если бы не золотисто-бурая масть, унаследованная Фелькерзамом 3 от его прадеда по женской линии, знаменитого Салтана 1. Эту бурую масть Фелькерзам 3 передал и некоторым из своих лучших детей, в том числе и бурому Доброхотному, единственному из сыновей Фелькерзама 3, оставленному в Хреновском заводе.

Сын Фелькерзама 3, бурый Доброхотный 1, рождения 1801 года, имел типичную родословную верховой орловской лошади, удостоверяющую успех в заводе определенного типа сложного воспроизводительного скрещивания.

ДОБРОХОТНЫЙ 1, бур., р. 1801 г.							
Субтильная, гн., р. 1791—1792 г.				Фелькерзам 3, бур., р. 1793 г.			
Уютная, гн., р. ок. 1780—1782 г.		Добровольный, гн., р. 1785 г.		Собинка, гн., р. 1783 г.		Фелькерзам 1, сер. р. 1778 г.	
Уютная, гн., р. 1775—1777 г.	Цесарбай, гн., из Аравии	Грузная, гн., р. 1773—1775 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Волчья Хватка, бур., р. 1777 г.	Каклиян, гн., из Аравии	Кобыла из Англии	Сметанка, бел., из Аравии
Уютная, гн., липши. (?)	Мидель, гн., из Англии	Уютная, гн., липши. (?)	Гуляввад, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции	Волчья Хватка, рыж., из Аравии	Дочь Посмеха	Бабрам

Приводим небольшую справку о числе жеребцов и маток, известных нам по заводским книгам, оставленных в заводе от каждого из сыновей Салтана 2 и Фелькерзама 1:

		Сыновья	Дочери
Гн. Салтан 2, р. 1777 г., пал в 1796 г.	гн.* Добровольный,	р. 1785 г., пал в 1800 г.	1 9
	гн.* Свирепый 1,	р. 1786 „ „ „ 1808 „	2 7
	гн.* Свирепый 2,	р. 1792 „ „ „ 1812 „	4 13
	гн.* Постоянный,	р. 1790 „ выб. „ 1802 „	2 6
Сер. Фелькерзам, р. 1778 г., пал в 1796 г.	бел. Салтан 4,	р. 1788 „ „ „ 1801 „	— 1
	сер.* Фелькерзам 2,	р. 1789 „ пал „ 1798 „	— 6
	бур. Фелькерзам 3,	р. 1793 „ „ „	1 1
	сер. Досужий,	р. 1796 „ выб. „ 1807 „	1 —
	сер.* Фелькерзам 4,	р. 1794 „ пал „ 1808 „	1 11
	сер.* Веселый 1,	р. 1793 „ „ „ 1818 „	1 3
бур.* Фелькерзамчик,	р. 1797 „ „ „ 1813 „	2 2	

В пояснение к этой таблице добавим, что в родословных всех жеребцов, перед кличками которых стоит звездочка, представлены все четыре группы пород, введенных в работу Хреновского завода. Тем самым становится совершенно ясным основной путь сложного воспроизводительного скрещивания, избранного А. Г. Орловым для создания новой отечественной породы лошадей и впервые в мире сознательно примененного для создания какой-либо породы животных или какого-либо сорта растений.

Не следует думать, что успех открылся А. Г. Орлову сразу или внезапно. Успеху предшествовали, как мы видим, многие годы исканий, ошибок, уклонений и обходных движений. Здесь были и отдельные случайные попытки спаривания между собой помесей первого поколения однородного происхождения; здесь были систематически, но осторожно примененные все виды возвратных скрещиваний с одной из исходных пород, проводившихся очевидно в тех случаях, когда признаки другой выступали в первом поколении

слишком на первый план. Здесь еще в большем количестве случаев имели место повторные скрещивания помесей двух пород с чистопородными особями третьей породы, так что во втором поколении завод получал лошадей, в создании которых принимали участие три породы, например арабско-азиатско-испанских, или англо-арабско-азиатских, или англо-датско-азиатских, или англо-арабско-испанских. Все эти комбинации скрещиваний мы обнаруживаем, составляя и разбирая родословные лошадей второго поколения верхового отделения Хреновского завода. Многие из них были хорошими лошадьми, однако еще чаще заводу приходилось либо стирать следы своих ошибок, продавая лошадей из завода, либо исправлять их в следующих поколениях соответствующим добавлением недостававших создаваемой породе свойств. Лошадей, заведомо совершенных, завод получал лишь при условии завершения комплекса.

А. Г. ОРЛОВ СОЗДАЛ ВЕРХОВУЮ ПОРОДУ БЕЗ ПРИМЕНЕНИЯ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННЫХ СПАРИВАНИИ

Несомненно, что все лучшие производители периода 1790–1800 годов в верховом отделении завода (Свирепый 2, Фелькерзам 2 и другие) были жеребцами заверщенного комплекса, такими же были и десятки лучших кобыл. Следующий этап работы завода состоял в спаривании между собой жеребцов и кобыл однородного комплекса, в повторении породных комплексов, но притом без применения инбридинга. Тем самым вписывалась новая страница истории и теории племенного дела в животноводстве.

Выводя свою верховую породу, А. Г. Орлов, вопреки классикам английской школы зоотехнии Бэквеллу и Коллингам, показал и доказал, что порода может быть создана и доведена до высокой степени совершенства и до желательной степени однородности без применения тесного родственного разведения. Для этого, однако, надо работать не в условиях мелких фермерских хозяйств, как работал Бэквелл, не путем аналитической селекции, начиная работу с небольшим числом избранных животных, а в условиях крупного хозяйства, земельных просторов и денежных средств, не ограничивающих возможности решения поставленной задачи.

Надо иметь в своем распоряжении тысячи лошадей, полученных на путях многообразных скрещиваний лучших представителей лучших в мире пород; надо уметь создавать помесям те условия окружающей среды, которых они требуют и при которых их легче всего можно изменить в желательную сторону; надо окружить их заботой и вниманием; и ради того, чтобы формы, возникновение которых быть может неповторимо, могли размножиться, надо уметь зорко и смело, беспристрастно и безжалостно проводить отбор, а это не так-то легко дается в отношении к сыновьям и дочерям своих любимых маток и собственного седла жеребцов.

Вспоминаются проницательные слова Дарвина, которыми он с чеканной выразительностью охарактеризовал исключительность и трудность работы селекционера-животновода:

«Вряд ли один из тысячи обладает верностью глаза и суждения, необходимой для того, чтобы сделаться выдающимся животноводом. Если он одарен этими качествами и годами изучал свой предмет, то, посвятив всю свою жизнь с упорной настойчивостью этому делу, он будет иметь успех и может достигнуть значительных улучшений; если же ему недостает хоть одного из этих качеств, он, несомненно, потерпит неудачу» [97].

И в другом месте:

«Несокрушимое терпение, способность точного разбора и здравого суждения должны быть упражняемы в течение многих лет. Не надо упускать из виду ясно определенной цели. Мало людей одарено всеми этими необходимыми качествами, особенно же способностью отличать весьма легкие различия; верное суждение составляется только многолетнею опытностью, и если человеку недостает одного из этих качеств, то труд целой жизни может быть напрасен» [98].

***РОДСТВЕННОЕ РАЗВЕДЕНИЕ В РАБОТЕ
АНГЛИЙСКИХ ЗООТЕХНИКОВ XVIII ВЕКА И В РАБОТЕ
А. Г. ОРЛОВА***

Нельзя не остановиться несколько подробнее на роли родственного разведения при выведении новых пород Бэквеллом и Коллингами, с одной стороны, и при создании верховой орловской породы, с другой.

Когда после известного периода исканий выдающегося производителя и после двух-трех поколений аналитической селекции,

основанной на отборе лучшего среди многих животных однородного происхождения, Бэквеллу удалось выделить своего Ту-Паундера (Two Pounder) в овцеводстве или Ту-Пенни (Two Penny) среди своих лонгхорнов, то основным путем использования этих бэквелловских родоначальников и основным методом закрепления их высоких качеств было близкое родственное разведение. В стадах Бэквелла и Коллингов родоначальники-производители покрывали своих сестер, дочерей, по возможности внучек и других близкородственных им маток.

Джордж Куллей (С. Culley), друг Бэквелла и Коллингов, внимательный наблюдатель многосторонних сдвигов в животноводстве Англии второй половины XVIII столетия, десятки лет следивший за работой передовых хозяйств, оставил очень интересную для историка агрономии и животноводства книгу [99]. В ней Куллей категорически утверждает, что Бэквелл, добившийся исключительных успехов в деле совершенствования крупного рогатого скота и овец, в течение более 20 лет ни разу не обновлял крови своего стада, и его лучшие животные были получены при самом тесном родственном разведении.

Взгляд на родословную знаменитого быка Шекспира [100], упоминаемого Джорджем Куллей на странице 59, проданного на аукционе 14 ноября 1793 года за 400 гиней, убеждает нас в справедливости слов Куллея. Родословная Шекспира замкнута всего в трех кличках: одного быка — Westmoreland Bull (отца Two Penny) и двух коров — Old Comely и Canley Cow.

Подобным же образом родословная знаменитого быка Чарльза Коллинга — Comet 155, проданного в 1810 году уже за 1000 гиней,

замкнута тоже в трех кличках: двух быков — Foljambe и Dalton Duke и одной коровы — Lady Maynard.

КОМЕТ 155, зав. Чарльза Коллинга											
Юнг Феникс						= Фаворит 252					
○ Феникс			= Фаворит 252			○ Феникс			□ Болингброк 86		
⊗ Леди Мейнард	△ Фольд-жэмб 263		○ Феникс	□ Болингброк 86		Леди Мейнард	△ Фольд-жэмб 263		Ю. Страуберри	△ Фольд-жэмб 263	
			⊗ Леди Мейнарда	△ Фольд-жэмб 263	Ю. Страуберри				⊗ Леди Мейнарда	Далтон Дюк	

Мы лично не предполагаем сводить всю работу Бэквелла и английских скотозаводчиков к применению близкородственного разведения. Несомненно, и отбор, и подбор, и проверка по потомству, и условия кормления и содержания должны были сыграть и сыграли свою роль при образовании английских пород овец и крупного рогатого скота. Но, с другой стороны, невозможно отрицать, что тесное родственное разведение было неотъемлемой частью племенной работы Бэквелла и Коллингов, и более того, тою частью ее, которой современники приписывали разгадку ее успеха.

Характерно также для английских скотозаводчиков школы Бэквелла, что они не перемежали тесного родственного разведения (на протяжении двух-трех поколений) с освежением крови в последующем, но продолжали проводить кровосмесительные спаривания из поколения в поколение.

Приводим еще одну родословную выдающегося быка шортгорнской породы — Бельведера, потомка Комета в четвертом поколении.

БЕЛЬВЕДЕР 1706													
Анжелина 2					Ватерло 2816								
○ Анжелина			⊗ Ю. Уиниард 2859		○ Анжелина			⊗ Ю. Уиниард 2859					
Анна Болейн	□ Феноменон		△ Принцесс	Веллингтон	Анна Болейн	□ Феноменон (р. бр. Пиресс)		△ Принцесс	Веллингтон				
△ Принцесс от Фаворита	Фаворит	Мать Пиресс	Фаворит	Корова от Фаворита	Фаворит	△ Принцесс от Фаворита	Фаворит	Мать Пиресс	Фаворит	Корова от Фаворита	Фаворит	△ Принцесс от Фаворита	Комет от Фаворита

Мы видим, что с момента, когда Коллингам удалось выделить в своем стаде быка Фаворита, они всецело «замкнулись» в нем, не смущаясь тем, что уже сам Фаворит был продуктом: близкородственного разведения (родился от спаривания полубрата с полусестрой и, даже более того, $\frac{3}{4}$ брата с $\frac{3}{4}$ сестрой). Этот Фаворит систематически покрывал всех родившихся от него в стаде дочерей, дальше внучек, полученных от этого кровосмесительного спаривания, и даже сумел дожить до спаривания с правнучками. Видимо у Коллингов только и света в окне было, что Фаворит, а в Хреновом были и Свирепые (1-й, 2-й, 3-й, 4-й), и Постоянные (1-й, 2-й, 3-й), и Почтенные (1-й, 2-й, 3-й), и Добровольные (1-й, 2-й), и Фелькерзамы (1-й, 2-й, 3-й, 4-й), и Фелькерзамчики (1-й, 2-й, 3-й), и Бойки (1-й, 2-й), и Арабы (1-й, 2-й, 3-й) и много других высокого качества производителей однородного происхождения, среди которых он всегда мог выбрать для любой из многочисленных маток завершеного комплекса жеребца, во всех отношениях ей подходящего, повторяющего и закрепляющего ее качества и в то же время не состоящего с ней в родстве или по крайней мере в близком родстве. Когда заводчик становится на путь Бэквелла и Коллингов и пройдет по нему несколько поколений, то сворачивать с такого пути затруднительно. Опасности, западни и бедствия, которые подстерегают его на этом пути, предсказать не трудно.

Нас спросят, неужели же А. Г. Орлов в верховом отделении совершенно не прибегал к родственному разведению, этому хотя и острому, но могучему оружию в руках зоотехников? Неужели же он даже не испытывал даже не проверял, а просто-напросто игнорировал достижения английской зоотехники. Ответ на этот вопрос будет отрицательным. А. Г. Орлов — и это характерно для широты его зоотехнического кругозора — не отказывался начисто от использования тесного родственного разведения, но он применял его в верховом отделении только в отдельных, исключительных случаях и притом на протяжении не больше чем одного-двух поколений. Вместе с тем при принятой А. Г. Орловым системе спаривания, системе повторения комплексов, типичные родословные лошадей по прошествии нескольких поколений работы по накоплению генеалогических комплексов, после проведения ряда однородных спариваний по принципу «подобное с подобным», будут иметь общие

клички предков отодвинутыми в III, IV, V восходящие поколения, при значительном богатстве индивидуальных комбинаций в пределах I–III восходящих поколений.

Чтобы не «замкнуться» в небольшом числе индивидуальных комбинаций, хотя бы и очень удачном, чтобы заблаговременно подготовить пути дальнейшего развития Хреновского завода, А. Г. Орлов заложил, а В. И. Шишкин продолжал ведение ряда самостоятельных мужских линий.

За весь орловский период Хреновского завода нам не известно ни одного случая, когда бы жеребец-производитель покрыл хотя бы одну свою дочь, но все же известны один производитель и несколько маток верхового отделения, полученных от спаривания полусестер с полубратьями, а один раз даже от спаривания родной сестры с родным братом. Когда гнедой Свирепый 2 занял место «первого между равными» среди производителей верхового отделения, то А. Г. Орлов не удержался от опыта родственного разведения в II–II р. п., покрыл Свирепым его родную сестру, гнедую Федячиху, и получил очень хорошего гнедого жеребца, которого ценил, любил и назвал Собинкой [101].

Гнедой жеребец Собинка 1, родившийся в 1803 году, состоял производителем Хреновского завода до самой своей смерти, до 1826 года. В данном случае мы видим, что близкое родственное спаривание, примененное однажды, в одном поколении, не повлекло за собой никаких дурных последствий, Собинка 1 был во всех отношениях хорош и по себе, и по детям, и по езде, и по здоровью, и по долголетию.

Забегая вперед, скажем, что и в рысистом отделении завода мы не знаем ее одного примера, когда бы при А. Г. Орлове жеребцов случали с их дочерьми но несколько хороших лошадей еще и при Орлове были получены от спаривания полусестер с полубратьями. Как и в верховом отделении, эти случаи были лишь эпизодами странствований завода, они остались в стороне от его основной дороги.

Помещаем 10 типичных родословных жеребцов и кобыл верхового отделения Хреновского завода 1790–1820 годов в их хронологической последовательности. Родословные эти хорошо отображают как основной путь работы, так и некоторые обходные тропинки.

ЗАЙДА, Р. 1788-1790 г.							
Щедрая, р. 1781-1783 г.				Салтан 3, бур., р. 1777 г.			
Кроличка, сер., р. 1777-1778 г.		Лебедь Армянский, бел., р. 1775 г.		Бурая, из Англии (?)		Салтан 1, бур., из Турции	
Краля, из Аравии	Араб 1, из Аравии	Щеголиха, из Дании	Серый, из Армении				

ДОЖИДАЙКА, р. ок. 1794 г.							
Серая без клички, р. 1784-1786 г.				Добровольный 1, гн., р. 1785 г.			
Изменная, сер., р. 1776-1780 г.		Бовка, сер., р. 1778 г.		Грузная, гн., р. 1773-1775 г.		Салтан 2, гн., р. 1777 г.	
Отгадчица из Испании	Шах, серый из Персии	Главная, из Англии	Сметанка, из Аравии	Уютная, гн., (липпиз.)	Милый, гн., из Англии	Гульливая, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции

УЮТНАЯ, гн., р. 1796-1799 г.							
Огромная, гн., р. 1786-1788 г.				Фелькерзам 2, сер., р. 1789 г.			
Гнедая, б. к., р. до 1780 г.		Салтан 2, гн., р. 1777 г.		Изменщица, гн., р. до 1780 г.		Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.	
Изменщица из Испании	Шах, серый из Персии	Гульливая, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции	Изменщица из Испании	Дракон, сер., из Персии (туркменск.)	Коб. б. к. из Англии	Сметанка, бел., из Аравии
						Дочь Посмеха	Баб-раам

ИСКРЕННЯЯ, сер., р. 1787-1800 г. (м. Салтана 5, р. 1785 г.)							
Неизменная, р. до 1787-1788 г.				Араб 3, сер., р. 1785 г.			
Тальянка, из Испании		Салтан 2, гн., р. 1777 г.		Девка, р. 1778-1780 г.		Араб 2, сер., р. 1778 г.	
		Гульливая, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции	Белая, из Кизляра («трукменская»)	Гнедой, из Англии	Белая, из Персии	Араб 1, сер., из Аравии

ПОСТОЯННЫЙ 2, гн., р. 1803 г.							
Уборная, гн., р. 179... г.				Постоянный 1, гн., р. 1790 г.			
Собинка, гн., р. 1783-1784 г.		Добровольный 1, гн., р. 1785 г.		Красавцева, гн., р. до 1784 г.		Салтан 2, гн., р. 1777 г.	
Волчья Хватка, бур., р. 1777 г.	Каклия, гн., из Аравии	Грузная, гн., р. 1773-1775 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Демидовская, гн., из Англии	Красавец, гн., из Дании	Гульливая, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции
Волчья Хватка, бур., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции	Уютная, гн. (липпиз. ?)	Милый, гн., из Англии	Гульливая, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции		

КАКЛИЯН 2, сер. жер., р. 1804 г.														
Июмная, р. 1795-1796 г.					Полканчик, сер., р. 1794 г.									
Июмная, сер., р. 1789-1791 г.		Добровольный, гн., р. 1785 г.			Понятная, р. 1787-1788 г.		Полкан 2, сер., р. 1789 г.							
Храпунья, бел., р. 1780-1782 г.	Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.	Грузная, гн., р. 1773-1775 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.		Крала Червоная, гн., р. 1781-1782 г.	Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.	Прелесть, гн., р. 1783-1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.						
Полевая (табл. 33), исп. (?)	Лебедь Армянский, бел., р. 1775 г.	Сметанка, бел., из Аравии	Уютная, гн. (липпиз. ?)	Милый, гн., из Англии	Салтан 1, бур., из Турции	Гульливава, гн., из Аравии	Старик, гн., из Аравии	Гульливава, гн., р. 1776 г.	Кобыла, из Англии	Сметанка, бел., из Аравии	Прелесть, р. 177... г.	Красавец, гн., из Дании	Булганов коб., из Дании	Сметанка, бел., из Аравии
	Серый, из Армении	Бабраам			Назол, из Англии	Гульливава, из Аравии			Бабраам		Главуничик, из Англии	Прелесть (арабская ?)		

ВАЖНЫЙ 1, сер., р. 1805 г.									
Июмная, сер., р. 1789-1791 г.				Свириный 1, гн., р. 1786 г.					
Храпунья, бел., р. 1781-1784 г.		Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.		Уютная, гн., р. 1775-1777 г.		Салтан 2, гн., р. 1777 г.			
Полевая (табл. 33), исп. (?)	Лебедь Армянский, бел., р. 1775 г.	Кобыла, из Англии	Сметанка, бел., из Аравии	Уютная, гн. (липпиз. ?)	Милый, гн., из Англии	Гульливава, гн., из Аравии		Салтан 1, бур., из Турции	
	Серый, из Армении	Бабраам	Дочь Посмеха						
	Шеголик а, из Дании								

МУТОН, гн., р. 1805 г.										
Хозяйственная, гн., р. 1795-1797 г.				Фелькерзам 4, сер., р. 1794 г.						
Прелесть, гн., р. 1783-1784 г.		Добровольный 1, гн., р. 1785 г.		Федячиха, гн., р. 1788-1789 г.		Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.				
Прелесть, гн., р. 1777-1778 г.	Красавец, гн., из Дании	Грузная, гн., р. 1773-1775 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Кобыла, из Англии		Сметанка, бел., из Аравии		
Прелесть (арабская ?)	Главуничик, гн., из Англии			Уютная, гн. (липпиз. ?)	Милый, гн., из Англии	Гульливава, гн., из Аравии	Салтан 1, бур., из Турции	Дочь Посмеха	Бабраам	

НАСТОЯЩИЙ, гн., р. 1820 г.							
Салтанка, р. 1802-1803 г. (?)				Добровольный 2, гн., р. 1815 г.			
Церемонная, р. около 1790 г.		Постоянный 1, р. 1790 г.		Тихая, р. 1806-1808 г.		Свириный 3, гн., р. 1800 г.	
Щедрая, сер., р. 1782-1783 г.	Салтан 3, бур., р. 177... г.	Красавцева, гн., р. около 1780 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Кля, р. около 1800 г.	Доброхотный 1, бур., р. 1801 г.	Неизменная, гн., р. около 1790 г.	Свириный 2, р. 1792 г.
Кроличка арабская, сер., р. около 1778 г.	Лебедь Армянский, бел., р. 1775 г.	Буря, из Англии (?)	Салтан 1, бур., из Турции	Уютная, гн., из Аравии	Красавец, гн., из Дании	Дежадовская, гн., из Англии	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Гульнивад, гн., из Аравии	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Скайларк, из Англии	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Занда, р. 1788-1790 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
			Салтан 1, бур., из Турции	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.

ИАНА, гн., р. 1811-1813 г. (мать Флавии, Франтихи и др.)							
Диана, гн., р. 180... г.				Глазунчик, сер., р. 1801 г.			
Дожидайка, р. около 1794-1796 г.		Свириный 2, р. 1792 г.		Устройная		Досузий 1, сер., р. 1796 г.	
Серая б. к. (табл. 41), р. 1784-1786 г.	Добровольный 1, гн., р. 1785 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Милая	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Стрелка	Фелькерзам 1, сер., р. 1796 г.
Бовка, сер., р. 1778 г. (Сметанка – Главанад)	Измешная, р. 1776-1780 г. (Шех – Отгадича)	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Салтан 1, бур., из Турции	Лихая (туркменская?)	Мильд, гн., из Англии	Машкорка (Гнедой, англ. – Бегая, перс.)	Сметанка, бел., из Аравии
		Уютная, гн. (глипиз)	Гульнивад, гн., из Аравии		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Мильд, гн., из Англии	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Уютная, гн. (глипиз)	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Уютная, гн. (глипиз)	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Уютная, гн. (глипиз)	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Уютная, гн. (глипиз)	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Уютная, гн. (глипиз)	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии
		Уютная, гн. (глипиз)	Уютная, гн. (глипиз)		Салтан 1, бур., из Турции	Феникс 1, сер., из Аравии	Кобыла, из Англии

СРАВНЕНИЕ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА С СЕРЕБРЯНО-ПРУДСКИМ ЗАВОДОМ Д. Н. ШЕРЕМЕТЕВА

Учиться надо не только на удачах, но и на ошибках прошлого.

Мы не имеем возможности за отсутствием племенных записей проверить, в чем крылась причина упадка знаменитых когда-то малороссийских заводов Разумовского, Завадовского, Гудовича, Мелиссино, Чорба и других, которые к 20—30-м годам XIX века сошли постепенно на нет, хотя в предшествующие десятилетия давали прекрасных верховых лошадей. Однако мы в состоянии проследить за основными этапами работы верхового отделения Серебряно-Прудского завода Д. Н. Шереметева.

Богатством своим Д. Н. Шереметев никак не уступал, а вероятно, и превосходил А. Г. Орлова; он покупал из всех стран Европы и Азии

жеребцов для своего завода, не смущаясь ценой. За знаменитого чистокровного Бурбона, сына Сорсерера, он заплатил 100 тысяч рублей и пустил его не в чистокровное, а в верховое свое отделение.

Основан Серебряно-Прудский завод был даже ранее Хреновского и в его составе перебивало не меньше лошадей, чем в Хреновском, и все же из него хотя выходили временами и хорошие лошади, но ни своего сорта лошадей, которые могли бы конкурировать с орловскими верховыми, ни, тем более, своей породы Серебряно-Прудский конский завод не создал. В чем же дело?

Ранее всего, хотя Шереметев имел как будто бы лошадей всех тех же пород, как и Орлов — арабской, турецкой, английской, датской, испанской, — но соотношение и удельный вес этих пород в Серебряно-Прудском заводе были иные: английские лошади явно преобладали в заводе, арабские и азиатские породы были представлены слабо, туркменских и персидских жеребцов не было вовсе, турецкий жеребец был один Танцмейстер. Затем, — а это самое главное, — межпородные скрещивания, проводимые в заводе, шли не по тем целеустремленным путям, как в Хреновом. Приводим две родословные более известных лошадей верхового отделения Серебряно-Прудского завода.

ГРАНД, сер., р. 1836 г., зав. Д. Н. Шереметева										
Орлиха					Альфред, р. 1825 г.					
Неподатная		Ольденбург			Большуха		Периклес, р. 1809 г., ч/кр.			
Знатная	Консул	Умная, из Англии	Беннинг-бруф, ч/кр.	Послушная	Консул					
Пригожа, английская	Леткий, английский	Щеголя, из Англии	Танцмейстер, из Турции			Колейнца, датская	Ахиллес (Барон, датск. — Коб, б. к., неап.	Щеголя, из Англии	Танцмейстер, из Турции	

Со стороны матери родословная Гранда читается так: английская кобыла Знатная была в заводе покрыта англо-турецким жеребцом Консулом, ее дочь — чистокровным жеребцом Ольденбургом; со стороны отца: датская Келейнца была покрыта датско-неаполитанским, т. е. скорее каретного типа жеребцом Ахиллесом, далее ее дочь — англо-турецким Танцмейстером, а внучка чистокровным Периклесом. Есть в родословной и инбридинг в III—III

ряду предков, не замеченный, вероятно, коннозаводчиком. Общий предок Консул был продуктом (опасного по темпераменту и другим особенностям) англо-турецкого скрещивания.

Грейн примерно $\frac{3}{4}$ -кровный английский жеребец. Азиатско-испанские комплексы так же, как и арабско-английские, т. е. те, которые сыграли такую исключительную роль в Хреновском заводе, в родословной отсутствуют.

ГРЕЙН, гн., р. 1838 г., зав. Д. Н. Шереметева										
Нордмандка					Щеголь, р. 1822 г.					
Предорогая			Бонифес, р. 1815 г., из Англии		Добрая			Харон, р. 1815 г.		
Могучая		Аполлон, р. 1803 г.			Бедняжка	Молодец, мекленбургский		Похвальная		Юпитер, арабский, зав. И. П. Кутайсова
Датская	Проверница, англо-датская	Визирь, р. 1795 г., испанско-датский	Красавица, мекленбургская	Милорд, английский				Штурманнх в, английская	Тромлетер, английский	
					Пандора, испанско-датская	Чистак, английский				

Опять нескладно построенная родословная. Если идти по прямой мужской линии, то начало как будто бы и хорошее: арабский Юпитер кроет чистокровную кобылу Похвальную, получается англо-арабский Харон, но в следующем поколении его случают с полуупряжной Доброй, дочерью мекленбургского Молодца и англо-датской Бедняжки, и Щеголь уж не жеребец «полной крови», какими были все жеребцы верхового отделения Хреновского завода, в силу чего они и имели известное право именовать себя арабскими». Мать Грейна — дочь чистокровного Бонифеса и Предорогой, происходящей от англо-мекленбургского жеребца Аполлона, т. е. налицо вторичное прилитие крови упряжной породы, и бабка англо-датская Могучая в этом случае ничему помочь не может. В родословной Грейна клички чистокровных лошадей хотя занимают и не так много места, как в родословной Гранда (все же около 50 процентов), но арабских течений мало, азиатские отсутствуют совершенно, и дважды допущено прилитие крови мекленбургской лошади. Значит могла получиться лишь полукровная английская лошадь, может быть даже и не чисто верховая, а шорная. С другой стороны, и рысаком Грейн, разумеется, стать никак не мог.

И сколько бы мы ни составляли родословных лошадей Серебряно-Прудского завода, все они представляют собой, как и все существование Серебряно-Прудского завода, лишь изысканно-расточительное нагромождение нелепых ошибок.

Ф. В. РОСТОПЧИН И ЕГО КОННОЗАВОДСКАЯ РАБОТА

От Д. Н. Шереметева, коннозаводчика заведомо неудачливого, перейдем теперь к Ф. В. Ростопчину, имя которого как коннозаводчика пользуется общим признанием. Мы не ошибемся, если скажем, что широкие круги зоотехников склонны считать результаты работы Орлова и Ростопчина в области верхового коннозаводства примерно сходными и вполне сравнимыми, поскольку Ростопчин тоже вывел свою особую верховую ростопчинскую лошадь, и вывел ее тоже путем скрещиваний. Иногда мы читаем даже высказывания в печати о том, что Ростопчин как коннозаводчик выше Орлова. Поэтому необходимо дать хотя бы самую сжатую, но по возможности точную характеристику особенностей коннозаводской работы Ф. В. Ростопчина по сравнению с работой А. Г. Орлова.

Свой конский завод в селе Вороново, Московской губернии [\[102\]](#), Ростопчин основал в 1802 году, т. е. четверть века спустя после основания Хреновского завода и 40 лет спустя после начала работы Орлова в Островском заводе.

Вороновский завод имел только верховое направление. Разведение англо-арабских помесей было первым словом завода, оно же осталось и его последним словом.

Основание ростопчинской лошади заложили спаривания арабских жеребцов Каймака, Кади, Ришана, приведенных в 1802 году, с чистокровными английскими кобылами хорошего класса и происхождения.

Все до одного помесные жеребцы первого поколения, в последующем использованные в заводе, принадлежали к этому типу скрещивания.

От Каймака, серого, рождения 1800 года, лучшего из выводных арабских жеребцов, завод оставил себе пять производителей, клички которых были: Тиктак, сер., рождения 1806 года, от чистокровной Кары, дочери Pot-8-os; Кулак, гн., рождения 1808 года, от Колдуньи, дочери Amaranthus; Блак, гн., рождения 1809 года, от Блохи, дочери

Alexander; Колпак, сер., рождения 1810 года, от Колибри, она же Polly Baker; Гулак, гн., рождения 1814 года, от Гуди, дочери Diomed.

От Ради, сер., рождения 1798 года, завод сохранил одного лишь Окади, сер., рождения 1803 года, от чистокровной Блохи, дочери Alexander.

От Ришана, сер., рождения 1798 года, были оставлены два родных брата: Гушан, гн., рождения 1810 года, и Гулан, гн., рождения 1812 года, от чистокровной Гуди, дочери Diomed.

Мы видим, что владелец завода облегчил себе до предела труд придумывания лошадиных кличек: начальная буква клички матери + последний слог клички отца — и кличка жеребенка готова.

Во втором поколении преобладающее (свыше чем на 90 %) количество полученных в заводе Ростопчина помесей происходило от спаривания арабско-английских жеребцов с такими же арабско-английскими кобылами первого поколения. В виде исключения бывали случаи возвратного скрещивания с одной из исходных пород, чаще с чистокровной. Так, например, Ира, рождения 1813 г., мать прекрасно скакавшего Анубиса, рождения 1827 г., была $\frac{3}{4}$ кровной английской кобылой.

Простое воспроизводительное скрещивание, а не сложное, было основным путем работы Ростопчина. Лишь в очень редких случаях, всего у четырех- пяти кобыл второго поколения, мы находим в родословных клички лошадей не двух, а трех пород.

Ростопчинская лошадь по праву может быть названа англо-арабской — определение, которое никак не приложимо к орловской верховой лошади.

При всем англо-арабской, приближавшейся по типу и качествам к английской чистокровной, что зависело еще и от того, что лошадей своих Ростопчин выращивал, кормил и тренировал по английской системе. Лошади готовились к скачкам и не без успеха принимали в них участие.

Ф. В. Ростопчин не терпел французов, но был англоманом. Пытался организовать в Воронове рациональное на английский образец хозяйство, выписывал из Англии не только сельскохозяйственный усовершенствованный инвентарь, но и сельскохозяйственных рабочих. Агронические затеи Ростопчина окончились полнейшим провалом. Английские фермеры были

отпущены обратно на родину, а Ростопчин написал брошюру, в которой возложил всю вину и ответственность за поражение английского плуга в единоборстве с русской сохой на «некультурного» русского крестьянина.

О линиях в заводе Ростопчина или о разведении по линиям было бы странно и неуместно говорить. Ростопчин вряд ли когда-нибудь даже задумывался над вопросами того нового плодотворного зоотехнического метода, который сознательно применялся в Хреновском заводе. Если не во втором, то уже в третьем поколении родословные ростопчинских лошадей становятся чрезвычайно похожими одна на другую. В каждой из них мы находим многократный инбридинг на Каймака, одинаково дополняемый течениями Кади и Ришана.

Приводим родословные пяти ростопчинских жеребцов: Телемака, рождения 1834 года, Леокади, рождения 1834 года, Имбраима, рождения 1840 года, Ахмета, рождения 1841 года, и Роднея, рождения 1842 г., лучших из числа родившихся за последние 10 лет существования завода.

ТЕЛЕМАК, гн., р. 1834 г.							
Терпсихора, гн., р. 1825 г.				Гулак, гн., р. 1814 г.			
Спесивая, р. 181... г.		Тиктак, сер., р. 1806 г.		Гуди, гн., ч/кр., из Англии		■ Каймак, сер., из Аравии	
Роза, сер., р. 1805 г.		Окади, сер., р. 1803 г.		Кара, рыж., ч/кр., из Англии		■ Каймак, сер., из Аравии	
Ровина, ч/кр., из Англии, р. 1783 г.	Рипан, из Аравии	Блоха, ч/кр., из Англии		Кади, из Аравии			

ЛЕОКАДИ, сер. жер., р. 1834 г.							
Лилия, сер., р. 1828 г.				Ради, сер., р. 1817 г.			
Ландушка, сер., р. 1817 г.		Тиктак, сер., р. 1806 г.		◆ Друза, сер., р. 1808 г.		▲ Окади, сер., р. 1803 г.	
◆ Друза, сер., р. 1808 г.		▲ Окади, сер., р. 1803 г.		Кара, рыж., ч/кр., из Англии		■ Каймак, сер., из Аравии	
● Мисс, сер., р. 1802 г., ч/кр., из Англии		■ Каймак, сер., из Аравии		◆ Блоха, гн., ч/кр., из Англии		▲ Кади, сер., из Аравии	
● Мисс, ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии	▲ Кади, из Аравии		◆ Блоха, ч/кр., из Англии			

ИБРАИМ, гн., р. 1840 г.							
Арабелла, гн., р. 1830 г.				Ибрагим, рыж., р. 1833 г.			
Амарилла, гн., р. 1825 г.		Арак, гн., р. 1817 г.		Ибиса, рыж., р. 1819 г.		☉ Гулак, гн., 1814 г.	
Кулька, р. 181... г.	☉ Гулак, гн., 1814 г.	Пика, р. 18... г.	▲ Тиктак, сер., р. 1806 г.	Ира, сер., р. 1813 г.	▲ Тиктак, сер., р. 1806 г.	☉ Гуди, гн., ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии
Кулак, р. 1808 г. (■ Каймак, сер., из Аравии – Коплуна, из Англии – Статна (Бландар, из Англии – Спеинав)	☉ Гуди, гн., ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии		
		Пикер, из Англии	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии	Ио, ч/кр., из Англии	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии		
		Барына (Перс. жер. – «горская» кобыла)	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии	Ио, ч/кр., из Англии	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии		
			○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии	Ио, ч/кр., из Англии	○ Кара, рыж., ч/кр., из Англии		

АХМЕТ, сер., р. 1841 г.							
Дора, гн., р. 1822 г.				Анубис, сер., р. 1827 г.			
Дора		Гушан, гн., р. 1810 г.		Ира, сер., р. 1813 г.		Тиктак, сер., р. 1806 г.	
Дора, р. 180... г.	■ Каймак, сер., из Аравии	Гуди, гн., ч/кр., из Англии	◆ Ришан, сер., из Аравии	Ио, ч/кр., из Англии	Окади, сер., р. 1803 г.	Кара, рыж., ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии
◆ Ришан, из Аравии					Блох а, ч/кр., из Англии		
Дора, ч/кр., из Англии					Кади, из Аравии		

РОДНЕЙ, сер., р. 1842 г.							
Нина, сер., р. 1833 г.				Ради, сер., р. 1817 г.			
Нарциска, сер., р. 1816 г.		Жемак, сер., р. 1824 г.		Друза, сер., р. 1808 г.		▲ Окади, сер., р. 1803 г.	
Блоха, гн., р. 1807 г.	■ Каймак, сер., из Аравии	Жеманка, сер., р. 1817 г.	Тиктак, сер., р. 1806 г.	Мисс, сер., ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии	◆ Блоха, ч/кр., из Англии	▲ Кади, из Аравии
◆ Блох а, ч/кр., из Англии	■ Каймак, сер., из Аравии	○ Окади, сер., р. 1803 г. (▲ Кади, из Аравии - ◆ Блох а, из Англии – Шеголка (Ришан, из Аравии – Шеголка а, из Англии)	○ Кара, ч/кр., из Англии				
			■ Каймак, сер., из Аравии				

***

Если характеризовать орловскую лошадь очень упрощено и схематично, то можно было бы сказать, что по породности и блеску она не уступала не только арабским, но даже и туркменским, что она заимствовала крупность и в значительной мере резвость от английских, силу, выносливость и хороший характер от арабских и от лошадей испанской расы. По нарядности же своих аллюров и способности к манежной выезде она подтверждала, что в ее родословной мы не случайно находим испано-датских и азиатских лошадей.

Конечно, дело здесь не только в одной «комбинаторике», хотя отрицать значение этой «комбинаторики», полагать, что селекционер-оригинатор не может и не должен предвидеть, наперед задумывать ту будущую наилучшую комбинацию качеств исходных пород или сортов, которая представляется наиболее желательной, — явилось бы крупной ошибкой.

В то же время, вне сомнения, успех предприятия Орлова объясняется не только удачной комбинацией пород, но и всей совокупностью приемов воспитания полученных помесей, их кормления, продуманного ухода за ними, тренинга, испытаний, строгостью индивидуального отбора и точностью индивидуального подбора.

В новых условиях, в которые были поставлены лошади в Хреновском заводе, развитие помесей, полученных хотя бы и от скрещивания иностранных лошадей, шло своими путями, необычными и нетипичными ни для одной из исходных пород, и получались лошади с новыми свойствами, группы лошадей с новыми присущими всем' им особенностями, с новой природой; таким образом формировалась, рождалась в смене поколений, определяемая своеобразием русских условий, своеобразная и прекрасная русская порода.

А. Г. Орлов постепенно, учась на ошибках, практически нащупал совершенно новые для своего времени передовые приемы и методы племенной работы. На это ушло много лет, и сознательное повседневное их применение в Хреновском заводе совпало уже с последними годами жизни А. Г. Орлова.

Глава VIII

РОЛЬ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА В ВЕРХОВОМ КОНЕВОДСТВЕ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ 1812 ГОДА

Примерно ко времени возвращения Орлова из Дрезденской ссылки, к 1801 году, орловская верховая порода может считаться созданной. Оставалось только придавать ей все более и более отточенную скульптурную» отделку, которой порода и достигла в Яшме 1, рожденном к 1816 году, во времена В. И. Шишкина.

С первых же годов XIX столетия начинается громкая известность и слава орловской верховой лошади, ее широчайшее распространение в конских с сводах России как частных, так и государственных и военных, которые ежегодно пополняли десятками тысяч коней полки русской кавалерии, готовившейся встретить во всеоружии грозный 1812 год.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТЕРЬЕРА И КАЧЕСТВ ОРЛОВСКОЙ ВЕРХОВОЙ ПОРОДЫ

Своевременно теперь дать развернутое описание экстерьера и служебных качеств орловской верховой лошади.

Представление об орловской верховой лошади должно быть пополнено со слов современников следующим ее описанием, которое мы заимствуем у В. И. Коптева, дающего сравнение экстерьера орловской верховой лошади и лошади англо-арабского происхождения, выведенной в начале XIX века в Вороновском заводе Ф. В. Ростопчина. Описание Коптева заслуживает тем большего внимания, что Коптев видел в 30-х и 40-х годах много верховых лошадей и Хреновского и Вороновского заводов, раньше чем эти заводы были объединены и смешались в Хреновом, что наступило уже после 1845 года и о чем речь будет итти особо.

В. И. Коптев оттенял следующие особенности орловской лошади по сравнению с ростопчинской.

1. Эластичность и мягкость бабок орловских лошадей. К этому мы можем от себя прибавить — сгибаемость, свободу движений и крепость во всех суставах, что требуется от лошади при манежной выездке.

2. Гибкость шеи, что составляло, по словам Коптева, «вторую отличительную особенность орловских от ростопчинских лошадей, у последних шеи были наглядно короче и также затылок был значительно короче, шеи же у орловских были не только длиннее», — пишет Коптев, — «но и сгибались кольцом и имели при соединении оной с головою значительный перехват, называемый зарезом».

3. Большая длина спины орловской лошади и «гибкость спины при выездке», что также зависело, по твердому убеждению Коптева и его современников, от постоянной в ряде поколений работы в манеже орловских лошадей, «упрочивавшей передаточность вырабатываемой эластичности крестца».

4. Наконец, орловские лошади отличались хорошим нравом, мягким ртом, в езде были энергичны, покорны и умны. Из орловских лошадей очень редкая не удавалась в езде, тогда как ростопчинские лошади, — пишет Коптев, — «бывали более упорного характера, так что некоторые из них были даже злы и отбивались от рук» [\[103\]](#).

Профессор Ф. Ф. Унтербергер, видевший много орловских верховых лошадей и хорошо их знавший, писал о них в 1854 году: «Орловская верховая лошадь обнаруживает при правильном движении много огня, свободы в плечах, силы в заде, ловкости в движениях и неутомимости, замечательны в ней еще: добронравие и понятливость, качества, по которым она так высоко ценится всеми берейторами» [\[104\]](#).

О темпераменте и характере орловской верховой лошади можно бы сказать словами Пушкина:

«Ретив и смирен верный конь».

Долголетие, плодовитость и отсутствие каких бы то ни было наследственных пороков завершали характеристику достоинств орловской лошади.

ДОЛГОЛЕТИЕ И КРЕПОСТЬ ОРЛОВСКОЙ ЛОШАДИ

Говоря, что лошади Хреновского завода «во всех родах превосходны, единственны», Еженедельник 1823 года добавляет: «К

сим совершенствам присовокупляется еще вернейшее то, что совсем не слышно о наследственных болезнях на лошадях». В другом месте, рассказывая о посещении в 1823 г. Хорошовского завода и описывая его производителей, автор обращает внимание на свежесть и бодрость Хреновского жеребца Тартара, подтверждающего известные всем охотникам качества долголетия и «крепости лошадей орловских».

Орловские жеребцы (Глазунчик, Геркулан, Гомер и др.), поступившие в Стрелецкий государственный завод, оставили в заводе серию маток на букву «Г», которые по своей плодовитости, проценту зажеребления и благополучной выжеребки были на 10–15 % выше даже маток, происходивших непосредственно от знаменитых выводных арабских жеребцов Стрелецкого завода.

Точные данные о росте орловских верховых лошадей сохранились в многочисленных аттестатах и описях дворцовых, государственных и частных конских заводов, в сообщениях о покупках лошадей из Хреновского завода и т. д. Заводские матки государственных и частных конских заводов чисто орловского происхождения никогда не были выше 154 см. Жеребцы в отдельных случаях превосходили эту меру.

Табун маток верхового завода юга России. С гравюры А. П. Швабе.

*Табун маток верхового завода юга России. С гравюры
А. П. Швабе.*

Средний рост верховых орловских лошадей в самом Хреновском заводе колебался в пределах 152–156 см, жеребцы достигали иногда и 158 см. Хреновской завод не гнался за очень крупным ростом, несравненно большее значение в глазах Орлова и Шишкина имела способность лошади к службе под всадником тяжелого веса. Английские полукровки, гонтеры, хотя и были выписаны в Хреновской завод, но не включались в верховую породу (см., например, кобылу Охотничью, табл. 12 Заводской книги 1847 года). Точнее, Хреновской завод не только не приносил всего в жертву росту, но и не поступался в пользу роста решительно ничем, ни одной чертой экстерьера, ни характером, ни качествами движений лошади, ни какими-либо из ценных и многообразных ее способностей.

С первых годов XIX века орловская верховая лошадь славилась не только как несравненная для манежной езды порода, но и как прекрасная охотничья и строевая кавалерийская лошадь.

ОПИСАНИЕ ИДЕАЛЬНОЙ ВЕРХОВОЙ ЛОШАДИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Великий русский писатель И. С. Тургенев оставил нам бесподобное по своей живописности и в то же время точное в иппологическом смысле описание, какую современники представляли себе идеальную верховую лошадь в первой половине XIX столетия. Орловская верховая лошадь очень близко подходила к этому идеалу. Приводим шедевр литературной характеристики лошади, данной И. С. Тургеневым в рассказе из «Записок охотника».

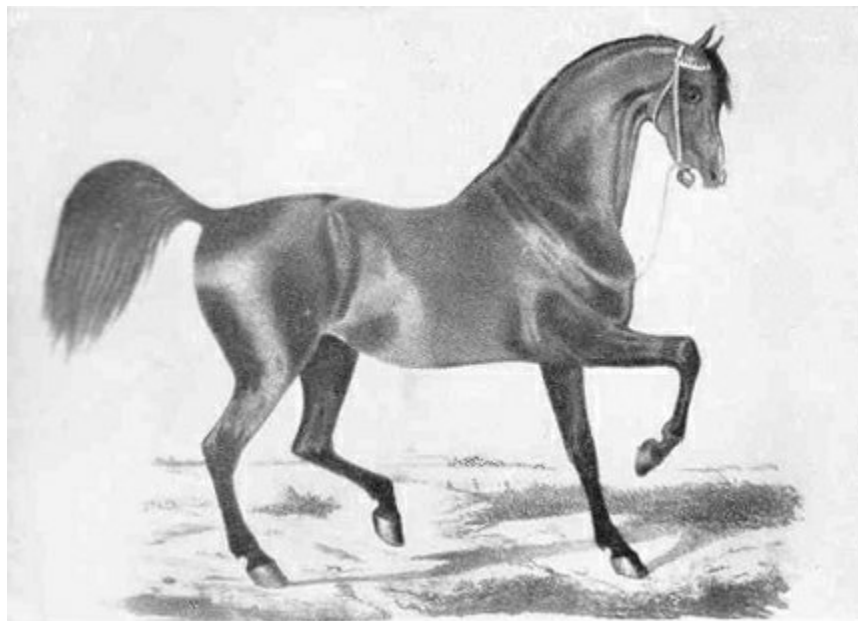
«Да и конь же был! Огонь, как есть огонь, просто порох — а степенство, как у боярина! — Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безответный; а прокормить его ничего не стоит: коли нет ничего другого, землю под собой глодает. Шагом идет — как в руках несет; рысью — что в зыбке качает; а поскачет, так и ветру за ним не угнаться! Никогда-то он не запыхается: потому — отдушин много. Ноги — стальные; чтобы он когда споткнулся — и в помине этого не бывало! Перескочить ров ли, тын ли — это ему нипочем, а уж умница какая! На голос так и бежит, задравши голову; прикажешь ему стоять и сам уйдешь — он не ворохнетя; только что станешь возвращаться, чуть-чуть заржет: «здесь мол я». И никого-то он не боится: в самую

темень, в метель дорогу сыщет, а чужому ни за что не дастся: зубами загрызет! И собака не суйся к нему: сейчас передней ножкой ее по лбу — тюк! Только она и жила. С амбицией конь: плеткой разве что для красы над ним помахивай — а сохрани бог его тронуть! Да что тут долго толковать: — сокровище, а не лошадь!».

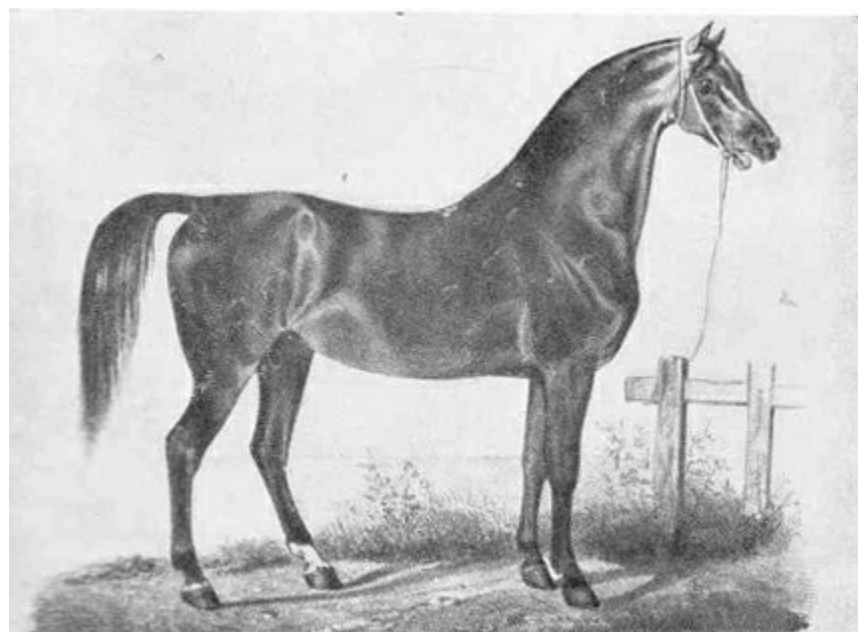
М. И. Кутузов в 1812 году. С гравюры начала XIX в.

М. И. Кутузов в 1812 году. С гравюры начала XIX в.

Яшма 2, р. 1833 г., орловской верховой породы. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

Яшма 2, р. 1833 г., орловской верховой породы. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

Глазунчик 2, р. 1835 г., орловской верховой породы. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

Глазунчик 2, р. 1835 г., орловской верховой породы. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

Орловская верховая лошадь отвечала в полной мере социальному заказу эпохи и сразу встретила полное признание и широкое распространение. Добыть себе жеребцов-производителей из Хреновского завода стало заветной мечтой, и более того, неотложной необходимостью для сотен и тысяч частных и государственных конских заводов России, которым предстояло в кратчайший срок в бурях наполеоновских войн безостановочно и безотказно давать десятки и сотни тысяч коней полкам русской регулярной конницы в их победных походах, приведших к воротам Парижа.

РОЛЬ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА В ВЕРХОВОМ КОНЕВОДСТВЕ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ 1812 ГОДА

Трудно указать те губернии на карте России, исключая разве сибирских окраин, куда не попадали бы жеребцы из Хреновского завода. Особенно много их было куплено в малороссийские и новороссийские конские заводы, а также в заводы придворные и военно-конские. Попадали орловские жеребцы и на Дон. В отдельных случаях их продавали или дарили и за границу коронованным особам — королю Вюртембергскому, принцу Прусскому, королю Саксонскому, герцогу Саксен-Веймарскому, английскому двору. То были поистине драгоценные дары Хреновского завода. Когда же после окончания наполеоновских войн надо было восстановить коневодство Польши, то и Яновский завод в царстве Польском включил в состав своих производителей хреновских жеребцов — Солимана, Куба, Дария-Свирепого и других.

Расположенные же в Воронежской, Тамбовской, Харьковской губерниях, ближе и дальше от Хренового, многочисленные верховые конские заводы стали как бы отделениями Хреновского завода, пополняли составы своих производителей, если не исключительно, то преимущественно только из Хренового. И не случайно Лев Николаевич Толстой в своей великой эпопее «Воина и мир» направил Николая Ростова за лошадьми для ремонта гусарского полка именно в Воронеж. И, по всей вероятности, те 17 жеребцов на подбор, которые Николай Ростов купил «для казового конца своего ремонта...» у помещика-кавалериста, холостяка, лошадиного знатока-охотника, владельца столетней запеканки, старого венгерского и чудных

лошадей», все или почти все 17 по своим родословным восходили к одному истоку Хреновскому заводу.

В Отечественную войну 1812 года, как и в последующие годы, русская кавалерия оказалась во всех отношениях превосходящей кавалерию Наполеона.

Коней для иррегулярной русской кавалерии дали донские и башкирские степи, для регулярной же — те сотни верховых конских заводов России, в которых несчетными ручейками струилась и била кровь Салтана и Сметанки.

Несомненно, работа Хреновского завода, а за ним десятков и сотен других заводов, много способствовала тому, что тип и облик кавалерийской лошади к 1812 году стал совсем иным по сравнению с 60—70-ми годами предшествующего столетия. Это изменение типа нашло себе правдивое отображение в десятках работ русских художников начала XIX века.

Причудливая лошадь тяжеловесного стиля барокко, унаследованная еще от Елизаветинских времен, окончательно уступила место лошади легкой, подвижной, неутомимой, по восточному породной, но в то же время высокой и статной.

Глава IX

ВЕРХОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ОРЛОВА

Верховое отделение Хреновского завода В. И. Шишкин принял в блестящем состоянии и сдал его 20 лет спустя в не менее блестящем. Ко дню смерти Орлова четыре линии, идущие от Салтана 2, имели своих представителей в составе производителей Хреновского завода. Ко дню ухода Шишкина все четыре были сохранены еще улучшенными в своих качествах. То же относится и к четырем линиям, восходящим к Фелькерзаму 1. Сбережены были отдельные веточки из линии Полкана 2, Араба 1 и других восточных жеребцов. Заботой В. И. Шишкина были также созданы и несколько вспомогательных линий, восходивших формально к английским родоначальникам — Рулету, Сатурну и другим, но на самом деле уже вплотную примыкавших к орловской верховой породе в силу последовательно проведенных в двух-трех поколениях скрещиваний с орловскими чистопородными матками.

При таком богатстве линий, исключавшем опасность замкнуться в двух, трех родственных группах, порода достигла высокого совершенства при достаточной степени однородности. Жеребцы, поступившие в государственные конские заводы, неизменно аттестуются— «отборной стати», «хороши» или «очень хороши», «ест хорошо», «садится на кобылу легко», «кобылы от него принимают хорошо», «жеребят дает в себя». А также и матки, например, поступившие в Починковский завод и значащиеся в описи 1822 года, все без исключения зачислены в категорию отборных, имеют отметку — «стати хороши», регулярно жеребятся, и только против кличек двух кобыл, светлосерой кобылы Задерихи, рождения 1807 года, и гнедой Сердитой, рождения 1812 года, хотя и отборных, мы читаем неодобрительные пометки: «в случке к жеребцу не ласкова, а стати хороши».

В. И. ШИШКИН И ЕГО РАБОТА В ПОРУ РАСЦВЕТА ВЕРХОВОЙ ОРЛОВСКОЙ ПОРОДЫ

Еще при Орлове завод неоднократно пополнялся выводными из Турции, Аравии и Закавказья жеребцами и матками. Так, например, в 1791 году, по окончании второй турецкой войны, были получены из Турции жеребцы» Визирь, Дорт, Шишка и некоторые другие. Из своего персидского похода атаман М. И. Платов присылает Орлову кобылу Ханскую, кобылу Горку и других. Пополнение арабскими, туркменскими и персидскими жеребцами не прекращается и после 1801 года, как при жизни Орлова, так по смерти его при Шишкине. Список всех жеребцов-производителей позднейших привозов ниже помещается.

Эти жеребцы использовались в заводе для опытов возвратного скрещивания, а также и для получения приплода от кобыл английского отделения, т. е. говоря современным зоотехническим языком, для промышленного скрещивания. Лошадей, полученных от возвратного скрещивания с чистокровными английскими жеребцами, за малым исключением, в заводе не использовали, а продавали либо в гвардейские ремонты, либо в другие заводы. Но хороших кобыл, а иногда и особо удавшихся жеребцов, полученных от возвратных скрещиваний с ценнейшими из восточных производителей, задерживали в заводе.

Несколько типичных родословных жеребцов 10—20-х годов мы привели уже выше но в числе их отсутствует родословная Яшмы 1, лучшего производителя шишкинского периода в Хреновом. Она отличается некоторыми чертами своеобразия.

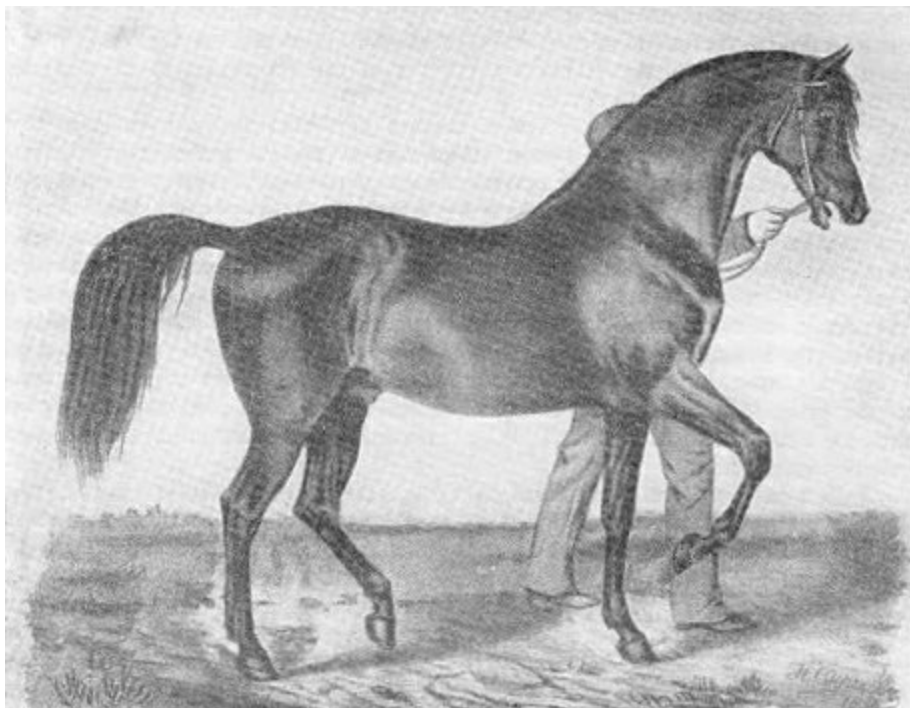
Одним из лучших среди выводных жеребцов после 1800 года должен быть признан «Белый арабский жеребец», подаренный Орлову Александром I в 1803 году и проживший в заводе до глубокой старости. Он пал в 1825 году, когда ему было, может быть, за 30 лет. Происхождение его мы восстановить теперь не в состоянии. Производителем он был незаурядным. Хреновской завод сохранил в составе заводских жеребцов его сына Салтана 5— похоже поэтому, что он давал лошадей в типе Салтанов — и несколько хороших кобыл. Лучшей из них оказалась кобыла Яшная от Яшной, дочери Фелькерзама 2. От нее-то и родился в 1816 году гнедой Яшма 1.

ЯШМА 1 — ЛУЧШИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВСЕХ ВРЕМЕН В ВЕРХОВОМ ОТДЕЛЕНИИ ЗАВОДА

Упорство, знание и умение необходимы для зоотехника, но от коннозаводской работы неотъемлем и некоторый элемент удачи. Иногда заводчику может улыбнуться простое счастье; обычно, однако, оно улыбается лишь тому, кто его заслуживает.

Отец Яшмы, Ашонок, был далеко не из лучших сыновей Свирепого 2 и приплодом своим разочаровал завод до такой степени, что в 1815 году был Шишкиным выбракован и отправлен в Москву для продажи. А в следующем 1816 году Яшная от Ашонка приплодила Яшму 1— олицетворенный апогей славы хреновской верховой лошади [105]. В Хреновском заводе, даже в самую пору его расцвета, не было жеребца, который мог бы стоять рядом с Яшмой 1. В памяти современников и потомков Яшма 1 навсегда остался наиболее законченным олицетворением образа конской красоты, каким он представлялся взорам конников шишкинской эпохи. Совершенное равновесие и гармония без изнеженности отмечают эту счастливую минуту коннозаводской удачи. Ко всему тому Яшма 1 оказался выдающимся производителем. В хреновских аттестатах при упоминании Яшмы 1 забывали обычную лаконичность и писали «отличный красотой и натуральными способностями Яшма 1».

Ашонок 2, р. 1835 г., орловской верховой породы. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

*Ашонок 2, р. 1835 г., орловской верховой породы. С гравюры
Н. Е. Сверчкова.*

Завод сохранил от него больше дочерей, чем от какого-либо из других жеребцов предыдущего и последующего периода. О его сыновьях В. И. Шишкин писал в 1845 году «и нынче в Хреновом есть от него три жеребца: гнедой Яшма 2, Ашонок 2 и рыжий Гектор, каких едва ли у кого в заводах найти можно». Портрета Яшмы 1 до нас не дошло, но мы и теперь любимемся портретами Яшмы 2 и Ашонка 2, подтверждающими справедливость слов Шишкина.

Прилагаемая родословная Яшмы 1 очень интересна для анализа. Способ, каким он был получен, может быть назван углубленным, осложненным приемом переменного скрещивания. В отце его, как бы во избежание утери ценных качеств резвости и крупности английской лошади, усиливается через мать Ашонка, Досужую, кровь этой породы; в матери Яшмы, Яшной, в еще большей мере усиливаются течения кровей другой группы пород — азиатско-арабских. Все это происходит на фоне повторения завершенных комплексов Хреновского завода, представленных в родословной Яшмы 1 через Свирепого 2 и Фелькерзама 2.

Таким образом, соответствие основных элементов не нарушается, и вторичное прилитие крови, будь то английской или арабской породы, происходит в умеренной дозе. В результате не только сохранение гармонии первоначальников орловской породы, но и достижение еще большего совершенства. Точка зенита достигается после того, как из состояния гармонии порода как бы переводится к состоянию намеренной дифференциации составляющих ее элементов, из нее опять в стадию синтеза путем последующего соединения. Мы не имеем данных, чтобы судить, был ли этот прием найден или случайно применен самим В. И. Шишкиным, или применялся им согласно указаниям А. Г. Орлов (мать Яшмы 1, равно как и мать Фаворита 2 и некоторых других известных жеребцов, родилась еще при жизни А. Г. Орлова), но во всяком случае он был приемом исключительным и дал в Яшме великолепное разрешение труднейшей зоотехнической задачи.

ЯШМА 1, гн., р. 1816 г.							
Яшная, р. 1805-1810 г.				Ашонок 1, гн., р. 1808 г.			
Яшная, р. 1798-1799 г.		Белый арабский, поступ. в 1803 г.		Досужая		Свирепый 2, гн., р. 1792 г.	
Неизменная гн., р. около 1790 г.	Фелькерзам 2, сер., р. 1789 г.			Картинная	Ах 1, гн., р. 1792 г.	Уютная, гн., р. 1775-1777 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
					Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г. (Сметанка, бел, ар. – коб. из Англии)	Акут, бур, р. 1782 г., из Англии	Гульнявад, гн., из Аравии
							Салтан 1, бур, из Турции

ОСОБЕННОСТИ ПЛЕМЕННОЙ РАБОТЫ ***В. И. ШИШКИНА***

Было и еще несколько особенностей, отличавших работу В. И. Шишкина в верховом отделении Хреновского завода от работы Орлова. Прежде всего Шишкин чаще, чем Орлов, прибегал к использованию более близкого родственного разведения, хотя богатство линий верхового отделения его к тому и не принуждало. Среди родословных лошадей шишкинского периода стали попадаться и такие, как, например, прилагаемая родословная жеребца Собинки 3, рождения 1830 года, характеризующаяся целой системой сложных инбридингов.

СОБИНКА 3, гн., р. 1830 г.							
Уходливая				Собинка 2, гн., р. 1820 г.			
Упустимая		Свирепый 3, р. 1800 г.		Длинная		Постоянный 2, гн., р. 1805 г.	
Мысленная	□ Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.	Неизменная гн., р. около 1790 г.	Свирепый 2, гн., р. 1792 г.	Неустройная, гн., р. 1798 г.	Собинка 1, гн., р. 1803 г.	Уборная, гн., р. около 1795 г.	Постоянный, гн., р. 1790 г.
	Храгуля (Лебедь Арм. – Попова)	△ Салтан 2	Коб. из Англии Сметанка, из Аравии Гнедая из Англии	△ Салтан 2 Уютная	Лобастая (□ Фелькерзам 1 – коб. из Англии) Монтей, из Англии	Федячиха (△ Салтан 2 – Уютная)	Гн. коб. без кл. Свирепый 2, р. 1792 г. (△ Салтан 2 – Уютная)

ОТДЕЛЕНИЕ «АНГЛИЙСКИХ С АРАБСКИМИ»

Вторым и существенным нововведением был тот путь скрещивания чисто промышленного направления, на который вступил Хреновский завод в своем особом отделении лошадей «английских с арабскими». Очевидно, в эпоху наполеоновских войн в меньшем числе стала требоваться манежная лошадь, усилился спрос на строевую, фронтную, большего роста и большей резвости. Годы были мало подходящими для каруселей и турниров, и В. И. Шишкин поспешил удовлетворить новым требованиям.

Много чистокровных английских кобыл было назначено для спариваний с орловскими верховыми жеребцами. Это отделение Шишкин пополнял и покупаемыми даже нечистокровными кобылами, вроде кобыл Полковницы, Бетанкуровой, Банки, Ауроры и других. Разумеется, Шишкин не предполагал их включать в основное ядро завода и проводил в довольно широком объеме орлово-английские скрещивания, имея в виду лишь выгодный сбыт продукции в ремонт гвардейской кавалерии.

В этом новом отделении Хреновского завода находились в 1831 году 16 жеребцов, 86 маток, а с молодняком 308 голов лошадей, которые при Шишкине носили очень точное наименование «английских с арабскими», и жеребцов подобного происхождения, как правило, не допускали в отделение лошадей своей орловской верховой породы. К числу подобных жеребцов принадлежали такие известные, как Ринальдини, Куб-Молодой, Бард 1, Сатурн 3 и даже Кристаль 1,

потомство сыновей которого прославилось впоследствии на Дону, где образовались «хрусталеvские» гнезда и целые линии.

ФАВОРИТ 1, гн., р. 1811 г.													
Латона, гн., р. 1800-1801 г.					Фелькерзамчик, бур., р. 1797 г.								
Желанная, р. 1792 г.			Тромпетер, из Англии		Субтильная, гн., р. 1791-1792г.			Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.					
Мытарка		Акут, бур., р. 1782 г., из Англии				Уютная, гн., р. 1781-1782 г.		Добровольный 1, гн., р. 1785 г.					
						Кобыла из Англии		Сметанка, бел., из Аравии					
Мытарка, из Аравии	Красавец, из Дании					Уютная, гн., р. 1775-1777 г. (Мышль – Уютная)	Цесарьбей, гн., из Аравии	Грузня, гн., р. 1773-1775 г. (Мышль – Уютная)	Саган 2, гн., р. 1777 г. (Саган 1 – Грузня)	Дочь Посмеха	Баграм		

При Шишкине в этом же отделении состоял производителем и жеребец Фаворит 1, который не допускался или почти не допускался к случке с чистокровными орловскими матками. Родословная Фаворита 1, хотя он и происходит из орловской мужской линии Фелькерзамчика, характеризуется сильными течениями вторичного прилития английской крови.

Из всех жеребцов верхового отделения, которые известны нам до 1809 года, наиболее сильное течение английской крови в своей родословной имел гнедой Жемчужный, рождения 1802 г. При В. И. Шишкине в отделении «английских с арабскими» стали появляться лошади, в родословных которых клички английских чистокровных занимают все больше и больше места. Сын Фаворита 1, Фаворит 2, рождения 1825 г., является уже на $\frac{3}{4}$ кровным английским жеребцом, хотя и принадлежит к орловской верховой мужской линии Фелькерзамчика. Мать Фаворита 2, гнедая Курносая, рождения 1820 года, происходит от чистокровного Адониса (сына Ермаченка) и Курносой, дочери Тромпетера.

Непредвиденно для Шишкина, в последующие годы, при Кремешном в особенности уже в эпоху казенного управления Хреновским заводом, после того, как многие коренные линии по небрежности или в силу возросших трудностей племенной работы были утеряны, а качество других было снижено в результате опытов скрещивания их с ростопчинскими лошадьми, именно линия Фаворита

2, через его сына Фаворита 3, рождения 1842 года, заняла первенствующее положение в Хреновом.

ЖЕМЧУЖНЫЙ, гн., р. 1802 г.							
Любезная				Жемчужный 1, бур., р. 1794 г.			
Цыганка, р. около 1786 г.		Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.		Ласточка		Добровольный 1, гн., р. 1785 г.	
Красавцева, р. около 1780 г.	Бовка, сер., р. 1778 г.	Кобыла из Англии	Сметанка, бел., из Аравии	Ласточка, английская	Красавец, гн., из Дании	Грузная, гн., р. 1773-1775 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.
Демидовская, гн., из Англии	Красавец, гн., из Дании	Главная, гн., из Англии	Сметанка, бел., из аравии	Дочь Посмеха	Бабраам		
				Попешная, из Англии	Буэн Венгрс, из Англии		
						Угоная, гн. (дипшиз. ?)	
						Милый, гн., из Англии	
							Улыгивая, гн., из Аравии
							Салтан 1, бур., из Турции

С другой стороны, в отделении «английских с арабскими» состояли производителями и жеребцы, подобные гнедому Красавцу 2 и сыну его гнедому Красавцу 3, который был на $\frac{3}{4}$ орловский верховой жеребец, хотя и происходил по прямой мужской линии от чистокровного английского Сатурна 1. Подобных жеребцов Шишкин, однако, заведомо не предполагал использовать вне отделения «английских с арабскими», и лишь после ухода В. И. Шишкина из Хренового, в период упадка зоотехнической работы, когда все верховые отделения смешались, все линии перепутались, тогда Фавориты получили такое же распространение, как и Яшмы, и, как принужден был написать в заключение своей записки 1845 года В. И. Шишкин, в Хреновом «едва не уничтожили породу, в особенности верховую».

О некоторых особенностях экстерьера лошадей этого англо-орловского отделения можно судить по портрету Глазунчика 2, рождения 1835 года, от Фаворита 2 и Прекрасной. При сравнении его с портретом Яшмы 2 видно, как особенности происхождения сказывались и на особенностях экстерьера этого, все еще породного и блестящего, типа хреновской лошади.

В. И. Шишкин с большим искусством поддерживал многочисленные линии в верховом отделении завода и выходил победителем в борьбе с теми трудностями, которые зависели от небольшого сравнительно контингента породы в Хреновском заводе. Преемники его с этими трудностями справляться уже не умели, да и трудности имели тенденцию возрастать с каждым следующим

поколением. Дело осложнялось еще тем, что поголовье лошадей верхового отделения не увеличивалось, а сокращалось из десятилетия в десятилетие.

Аттестат завода В. И. Станкевича на лошадь орловской верховой породы.

**Аттестат завода В. И. Станкевича на лошадь орловской
верховой породы.**

КРАСАВЕЦ 3, гн., р. 1826 г.									
Задумчивая, р. 1810-1812 г.					Красавец 2, гн., р. 1817 г.				
Найда, р. около 1800 г.		▲ Свирепый 2, гн., р. 1792 г.			Фаворитка			Сатурн 1, гн., р. 1809 г.	
Глазунья, р. 1793-1795 г.	Веселый 1, р. 1793 г.	Уютная, р. 1775-1777 г.	Салтан 2, р. 1777 г.	Ножонка, р. 1792 г.	▲ Свирепый 2, р. 1792 г.	Подаренная, от Эклипса	Ермаченок, от Дедалюса		
Красавица	Порхай, гн., р. 1786 г.	Веселая, р. 1784-1786 г.	Фелькерзам 1, р. 1778 г.		Арабка, р. около 1785 г.	Акут, ч/кр.	Уютная, р. 1775-1777 г.	Салтан 2, р. 1777 г.	
	Красавец, из Дании	Розетка, из Англии	Бовка, р. 1778 г.	Бовка, р. 1778 г.	Щеголиха	Сметанка	Коб. от Бабравама		
	Большучивая, из Англии								
					Араб 2, р. 1778 г.	Крошечка			

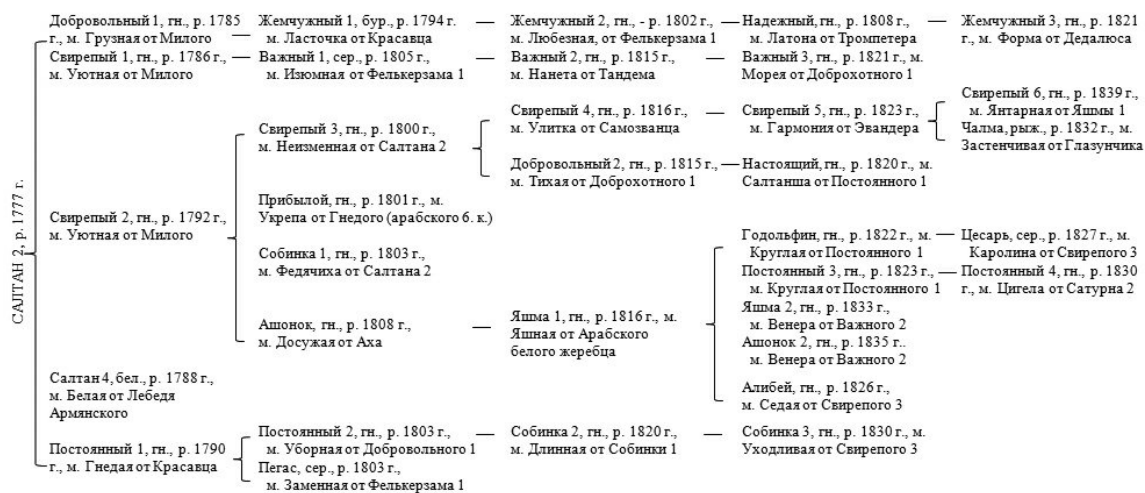
В. И. Шишкин, судя по его письму Главному управлению коннозаводства, ясно представлял себе опасности, грозящие верховому отделению завода от утери богатства линий внутри породы. Преемники его вряд ли даже сознавали грядущую беду и ускоряли процесс генеалогического сужения в породе, разводимой в пределах одного завода.

Зачем продолжать много линий? Зачем держать в верховом отделении до 20–25 жеребцов в то время, как на наличный состав маток с избытком может хватить пяти-шести производителей, «наилучших из всех»? — так, вероятно, в этих условиях рассуждали бы девять десятых тех добросовестных умов, которые работают в коннозаводстве только на сегодняшний день в то время, как племенная работа всегда должна быть ориентирована не только на сегодня, но и на завтра и на послезавтра.

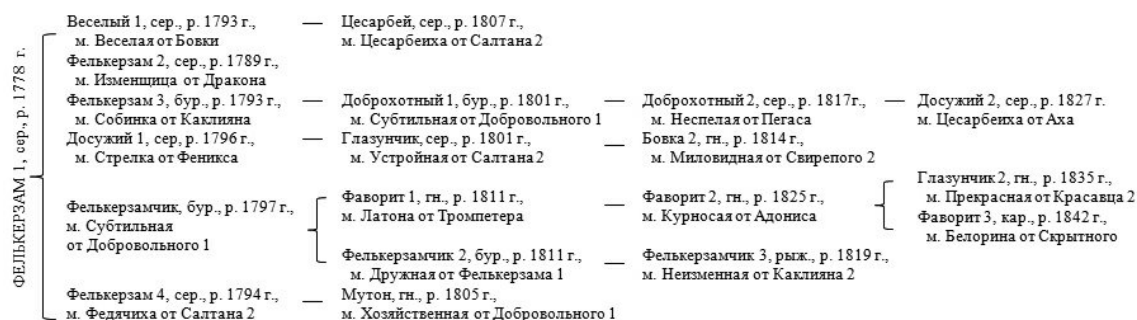
**МУЖСКИЕ ЛИНИИ ВЕРХОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА, ВОСХОДЯЩИЕ К РАЗНЫМ
АРАБСКИМ И АЗИАТСКИМ ЖЕРЕБЦАМ**

Мужская линия Фелькерзама 1, р. 1778 г. (Сметанка — кобыла от Бабраама)

НЕУМЕЛАЯ РАБОТА И УТЕРЯ БОЛЬШИНСТВА ЛИНИЙ ПРИ КРЕМЕШНОМ

В своем письме Главному управлению коннозаводства Шишкин, как бы предчувствуя участь, грозящую верховому отделению, предостерегал Главное управление, но его голос не был услышан. Еще в 1837 году в Хреновском заводе, судя по описаниям завода, помещенным в «Подробных сведениях» 1839 года, хотя и увеличился удельный вес группы кобыл с английской кровью в составе верхового отделения, но среди жеребцов сильнее всего использовались все же сыновья Яшмы 1—Годольфин, Яшма 2 и Ашонок, т. е. все жеребцы с некоторым преобладанием восточных элементов в своих родословных.

Однако вскоре неумелая работа Кремешного с линиями замкнула завод всего в двух линиях — Яшмы 1 и Фаворита 2 — вместо десятка линий, существовавших при Орлове и Шишкине (см. прилагаемые

таблицы мужских линий верховой породы). Помочь этому делу, разумеется, нельзя было приобретением со стороны нескольких кобыл из заводов хреновских соседей, воронежских коннозаводчиков, например Лисаневича и других. Кобылы эти были много ниже по качеству хреновских и от них даже лучшие хреновские жеребцы, конечно, не могли оставить достойных потомков.

Бросились искать жеребцов-производителей из числа проданных в свое время Хреновским заводом и поступивших в государственные и военно-конские заводы. Дальше перешли к опыту скрещивания орловской породы с ростопчинской. В течение многих десятилетий продолжалась в Хреновском заводе эта мучительная агония замечательной породы. Подробный рассказ об этом относится уже к следующему периоду жизни Хреновского завода, к тому периоду, когда предсказание Шишкина сбылось.

Сравнительно легко рассказать внешнюю историю орловской верховой лошади в Хреновском заводе, но очень трудно дать объяснение судьбы, постигшей породу как в пределах, так и за пределами завода.

Ниже, но только уже после рассказа о чистокровном отделении Хреновского завода, мы еще вернемся к этому вопросу и попытаемся, при изложении истории рысистой породы, разобрать всесторонне те причины, в силу которых орловская верховая лошадь, некогда всеми любимая и всех восхищавшая, не уцелела, в противоположность рысаку, ни в Хреновском заводе, ни в других государственных заводах, ни в частных заводах русских коннозаводчиков.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ИЗ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНСКИХ ЗАВОДОВ

В 20—30-х годах XIX века в сотнях заводов России орловская верховая порода ценилась очень высоко. В десятках заводов и в первую очередь в тех государственных конских заводах, которые в начале 1820-х годов были восстановлены на Украине, в Беловодском, Стрелецком, Лимаревском, целые новые типы и почти породы лошадей были готовы возникнуть на путях использования хреновских верховых производителей. История беловодских заводов еще не написана, но некоторые яркие черты ее, которые нам интересны для

понимания роли орловской верховой породы в развитии верхового коневодства страны и в создании лучших типов и пород верховых лошадей наших государственных конских заводов, не должны остаться без краткого хотя бы упоминания.

По оборотам продаж из Хреновского завода ведомству Государственного коннозаводства или, как оно тогда называлось, ведомству Комитета о коннозаводстве российском, Хреновской завод конкурировал с любым из государств Западной Европы и Передней Азии. За 12-летний период, с 1820 по 1832 год. Комитетом было закуплено «на пополнение государственных конских заведений» племенного материала всего на сумму 1 223 561 рубль, в том числе из завода А. А. Орловой-Чесменской 66 жеребцов на 329 тысяч рублей. За лучших из них платили по 9 000—10 000 рублей за голову. Из Англии выведено 23 жеребца и 27 кобыл на 271 800 рублей, из Персии — 45 жеребцов и две кобылы на 232 945 рублей, из Турции — шесть жеребцов и две кобылы на сумму 92 815 рублей, из Дании и Гольш??? — всего 40 лошадей на сумму 92 тысячи рублей, во всех других частных конских заводах куплено 42 лошади на 77 тысяч рублей (в числе этих лошадей лучшие опять-таки были от хреновских производителей).

Эти цифры лучше всяких фраз свидетельствуют как о качестве верховых лошадей Хреновского завода, так и о том влиянии, которое оказывал в эту эпоху Хреновской завод на верховое коннозаводство России.

СОСТАВ ВЕРХОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЗАВОДА В ВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В 1845 ГОДУ

Когда верховое отделение Хреновского завода было передано в казну в 1845 году, ничто еще, казалось, не предвещало ожидавшей его участи. Оно было передано в следующем составе.

Заводских производителей — девять, из них лучшими были: 1) гнедой Яшма 2, рождения 1833 года, от Яшмы и Венеры; 2) гнедой Ашонок 2, рождения 1835 года, от Яшмы и Венеры; 3) рыжий Гектор, рождения 1834 года, от Яшмы и Гении; 4) гнедой Глазунчик 2, рождения 1835 года, от Фаворита 2 и Прекрасной.

Жеребцов трех и четырех лет — 23, в числе их трехлетний Фаворит 3, будущий производитель Хреновского завода.

Жеребчиков одного и двух лет — 52.

Заводских маток — 112, из них:

1) линии Яшмы 1-го — 44 (больше всего от Яшмы 1-го — 19, затем от сыновей его: Годольфина — 8 и Яшмы 2-го — 7);

2) линии Фаворита 1-го — 16 (в том числе от Фаворита 2-го — 8);

3) из других чисто орловских линий — 17;

4) из линий, восходящих к чистокровным жеребцам, — 24;

5) от ростопчинских жеребцов — 8;

6) от рысистых жеребцов и невыясненной породы — 3.

В молодняке: кобыл четырех лет — 13; трех лет — 23; двух лет — 31; одного года — 27; приплодных жеребят — 70.

Итого по верховому отделению 360 голов.

Глава X

ЧИСТОКРОВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЗАВОДА И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЧИСТОКРОВНОГО КОННОЗАВОДСТВА И СКАЧЕК В РОССИИ

До последних десятилетий XVIII века в России не существовало чистокровного коннозаводства. По преданию, в 1785 году А. Г. Орловым была организована в Москве скачка на 30 верст между скакунами крымского хана Сагин-Гирея и английскими лошадьми Романа Смита. Будто бы эта скачка, выигранная английской кобылой Кургузкой, убедила Орлова в превосходстве чистокровной лошади по сравнению с другими. Этим дается донельзя упрощенное объяснение возникновения чистокровного отделения в Хреновском заводе. Орлов уже два десятилетия имел в своем верховом отделении дело с английскими лошадьми, и хотя чистокровная лошадь не была для него идеалом верховой универсальной лошади для всех назначений, он несомненно был далек от недооценки ее достоинств. Знал ее превосходство по сравнению с другими породами в отношении роста и резвости — во всяком случае в пределах расстояний до 20–30 км.

Внимательным взором присматривался Орлов к развитию животноводства в Англии. Он получал сведения о всех событиях в мире чистокровного английского коннозаводства от своего друга С. Р. Воронцова, который был послом в Лондоне с 1785 по 1806 год и который постоянно писал Орлову, высылал ему книги, журналы, газеты, скаковые календари.

Не мог не знать Орлов и о тех охотничьих лошадях — гонтерах, которыми начала славиться Англия и которые в отдельных случаях попадали и в Хреновский завод (см. кобылу «Охотничью» из Англии, табл. 17 — Заводской книги 1847 года). Не приходится отрицать, что Орлов мог на примере гонтеров оценить будущую роль чистокровной лошади как улучшающей породы, могущей давать в изобилии, если не высший изысканный сорт верховой лошади для манежа и гвардейской

кавалерии, то во всяком случае резвых и костистых полукровных лошадей для полевой езды, охоты, почтовой гоньбы.

Наконец, и это может быть было решающим, Орлов уже из чисто спортивного самолюбия не хотел, просто не мог допустить, чтобы в какой бы то ни было области коневодства ведущим был не Хреновской завод. Как писал об Орлове его биограф: «Привыкший с молодых лет быть победителем, он сохранил сей навык до самой зимы дней своих» [\[106\]](#).

Так или иначе, не к 1790 году Алексей Орлов встал во главе кружка молодых спортсменов, живо описанных в воспоминаниях С. П. Жихарева и В. И. Коптева, и один из первых в России завел чистокровный конский завод. Начав его, он повел завод на уровне последнего слова чистокровного коннозаводства Англии.

Не отдавая скаковой лошади своего сердца, Орлов тем не менее приложил к делу организации чистокровного отделения в Хреновском заводе всю присущую ему незаурядную энергию и ум. «Чем бы он ни занимался, ни исследовал, он обстоятельно, изучал в совершенстве, читал все, соображал и изучал все полезное и с удивительной верностью применял к самому делу. Так охарактеризовал А. Г. Орлова его современник, сподвижник Н. И. Новикова, профессор Московского университета П. И. Страхов, и эта характеристика была и остается верной.

Чистокровное отделение Хреновского завода Алексей Орлов сразу повел на широчайшую ногу, обзавелся самыми лучшими производителями и десятками классных кобыл, купил трех сыновей феноменального Эклипса, в том числе победителя Эпсомского дерби гнедого Сальтрама, трех сыновей непобедимого Гайфляйера (лучшего сына Герода), в том числе дербиста Нобля, еще одного дербиста (и родного брата дербиста) Дедалюса, одного победителя Сент-Леджера — Тартара, внука по отцу Герода, а по матери Эклипса. Кроме них, Орлов приобрел еще ряд выдающихся скакунов: Синабара, Эскепа и др., прославленных своими победами на ипподромах Англии, а также целую плеяду замечательных кобыл: Роксолану, Баншу, Доктрисс, Рулетку, Быструю, Заметную, Закрасу, Дорогую, Варвару, Лиду, Панью и десятки других кобыл.

Вряд ли можно указать хотя бы один чистокровный завод Англии, который бы начал работу в таком великолепном стиле, как

чистокровный завод в Хреновом. И хотя сын Эклипса, дербист Сальтрам, купленный в 1793 году, пал до поступления в завод ^[107], но и других было более чем достаточно, чтобы действительно «учредить завод на твердом основании».

По масштабам работы второго такого чистокровного завода не было на континенте Европы, да неизвестно, был ли такой и в самой Англии.

Крупнейшим чистокровным заводом Англии той эпохи считался завод лорда Эгремонта, о котором Л. Г. Керзон, автор книги «The Blue Ribbon of the Turf», в 1890 году писал, что одно время в этом заводе число маток достигало почти 70 и, «конечно, ни один частный коннозаводчик никогда не имел завода таких размеров» (стр. 49–50). Очевидно, если бы книга переиздавалась, то в нее пришлось бы внести некоторые поправки.

При жизни Орлова, согласно записи В. И. Шишкина, было введено из Англии 22 жеребца-производителя и 53 кобылы лучших английских пород, и к началу 800-х годов число маток чистокровного отделения превысило 100.

В общее число 22 жеребцов, указанных В. И. Шишкиным, входят, вероятно, и те жеребцы привода 70-х годов, которые были использованы в заводе для межпородных скрещиваний. Почти все они в 70-х годах получили в заводе русские клички — Милого, Глазунчика, Балабана (т. е. Сокола) ^[108] и др. Весьма возможно, что эти русские клички соответствовали по смыслу английским кличкам лошадей и что попытка восстановить последние путем поисков в английских скаковых календарях и студ-буках и не безнадежна, если бы этим пожелали заняться знатоки генеалогии чистокровных лошадей.

Все жеребцы, приведенные в 90-х годах и позднее, когда в Хреновском заводе уже велось чистокровное отделение, сохранили свои английские клички. Многие из них пользовались громкой известностью на родине.

1. Акут (Haskwood), р. 1782 г., от Эклипса, мать от Мэтчема. Акут был 8 раз победителем на ипподромах Англии. Ст. Б., т. I, стр. 113.

2. Гонпаудер (Gunpowder), р. 1784 г., от Эклипса, мать от Омара. Выиграл 15 призов в Англии и был вторым на Эпсомском дерби в 1787 г. Ст. Б., т. I, стр. 351.

3. Дедалюс (Dacdalus), р. 1791 г., от Джастис (с. Герода) и Флайер, д. Свитбрайера. Победитель Эпсомского дерби в 1794 г. Родной брат его по отцу и по матери, Радамантус, выиграл дерби в 1791 г. Ст. Б., т. I, стр. 282.

4. Куб (Cub), р. 1792 г., от Фиджет и д. Герода. Ст. Б., т. I, стр. 296.

5. Нобль (Noble), р. 1783 г., от Гайфляйера и Брим. Победитель Эпсомского дерби в 1786 г.

6. Сальтрам (Saltram), р. 1780 г., от Эклипса и Вираго, д. Снэп. Победитель Эпсомского дерби в 1783 г.

7. Синабар (Cinnabar), р. 1798 г., от Меркюри, сына Эклипса; мать от Герода. Первокласный скакун. В Англии выиграл 12 призов в 1793–1794 гг. Ст. Б., т. I, стр. 251.

8. Скайлярк (Skylark), р. 1786 г., От Гайфляйера, мать от Снэп. Ст. Б., т. I, стр. 244.

9. Тартар (Tartar), р. 1789 г., от Флоризеля, с. Герода, мать от Эклипса. Победитель Сент-Леджера в 1792 г. Ст. Б., т. I, стр. 171.

10. Чанс (Chance), р. 1780 г., от Джавелина, с. Эклипса, мать от Фазерхилла. Ст. Б., т. I, стр. 437.

11. Эскеп (Escape), р. 1789 г., от Гайфляйера, мать от Скирреля. Выиграл 11 призов в Англии. Ст. Б., т. I, стр. 270.

Некоторое число жеребцов, поступивших в Хреновской завод, не попало в английский студ-бук, но лишь потому, что первый том его был составлен и напечатан в 1793 г., т. е. после того как жеребцы были уже в Хреновском заводе. Чистокровное происхождение их тем не менее бесспорно.

Таковыми были:

1. Монгрей (Mongrel), от Феноменона, с. Герода. На Mengrel имеется ссылка в Английском скаковом календаре 1793 г.

2. Тандем (Tandem), от Тандема, на которого также сделана ссылка в Английском скаковом календаре 1793 г.

3. Тромпетер (Trumpator), вероятно, был одним из сыновей знаменитого Тромпетера, с. Кондактора, от которого вообще много лошадей было ввезено в Россию.

4. Гоанна (Gohanna), вероятно, сын знаменитого Gohanna, р. 1790 г.

Просматривая этот список, можно сказать, что производители Хреновского завода в эту эпоху были первоклассные и притом самой высокой породы.

Класс выведенных жеребцов удостоверяется победами их на ипподромах Англии, а чтобы убедиться в высокой их заводской ценности, достаточно, например, сравнить родословную того же Синабара с родословной выдающегося скакуна и производителя-родоначальника, жеребца Sohanna, оставшегося в Англии.

СИНАБАР, р. 1789 г.				SOHANNA, р. 1790 г.			
???		Меркюри		Коб. б. к.		Меркюри	
Кобыла от Кэда (¼ сестра Мэтчема	Герод		Эклипс	Майден	Герод		Эклипс
				Мэтчем сын Кэда			

Так же точно родословная Скайлярка (Гайфляйер — кобыла Четворса от Снэпа) аналогична родословной жеребца Сер Питер Тизл, лучшего сына Гайфляйера, выдающегося производителя Англии.

КОБЫЛЫ ЧИСТОКРОВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Количество чистокровных кобыл, выписанных из Англии, как мы уже сказали, надо считать десятками. Однако, в противоположность жеребцам Дедалюсу, Тартару, Спнабару и другим, родословные всех чистокровных кобыл, выведенных одновременно с ними из Англии в Хреновской завод, восстановить в настоящее время совершенно невозможно, ибо не только происхождение, но даже самые клички большей части из них для нас потеряны.

Объяснение этому странному обстоятельству лежит в том, что к моменту издания I тома «Российской заводской книги кровных и скакавших лошадей» (1836 года) чистокровное отделение Хреновского завода уже перестало существовать.

За неизвестностью происхождения по женским линиям мы лишены возможности восстановить полные родословные даже и тех чистокровных жеребцов второго и третьего поколений, родившихся в Хреновском заводе, клички которых нам сохранены в заводских записях по верховому и рысистому отделениям завода. Однако вне всяких споров и сомнений английское отделение завода было с самого своего возникновения чистокровным рассадником.

Случайно, опять-таки из «Записок для охотников до лошадей на 1824 г.», стр. 735, мы узнаем, что матерями двух лучших сыновей Дедала — Рулета, рождения 1804 года, и Ермаченка, рождения 1800 года — были чистокровные кобылы: бурая Рулетка (табл. 15 Зав. кн. 1847 года), завода герцога Куинсбери, дочь знаменитого Потейтоса (Pot-8-os), сына Эклипса и рыжая Быстрая (табл. 11 Зав. кн. 1847 года) от Карбункула (Carbuncle). Узнаем мы также, что мать Сатурна 1, лучшего сына Ермаченка, бурая кобыла Подаренная (в табл. 11 Зав. кн. 1847 года она значится без клички) была не более не менее, как дочь знаменитого Эклипса, и была подарена А. Г. Орлову его братом Ф. Г. Орловым.

Относительно же большинства кобыл чистокровного отделения, матерей и бабок хреновских Синабаров, Соперников, Почтенных, Щучек, Огнянок, мы должны ныне довольствоваться лаконической отметкой: «кровная, выписная из Англии».

СОВРЕМЕННЫЕ ОРЛОВУ РУССКИЕ ЗАВОДЫ ЧИСТОКРОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Вслед за Орловым, или даже одновременно с ним, уже возглавившим новое течение в русском коннозаводстве, и другие русские коннозаводчики приступили к разведению «лошадей от всей крови» в России, чего не знали 60—80-е годы. К последнему десятилетию XVIII века относится возникновение заводов Мосолова, Муравьева, Полторацкого, Всеволожского, Чемоданова, братьев Савеловых и других пионеров чистокровного дела.

Если А. Г. Орлов покупал Сальтрама, Дедалюса, Нобля, Тартара — победителей Эпсомского дерби, Сент-Леджера и других крупнейших призов Англии, то Ф. С. Мосолов купил Гюби (Huby), оставшегося вторым в призу Сент-Леджер 1791 года, и Прайера (Prior), бывшего в этом же призу вторым в 1794 году. П. С. Муравьев приобрел сына Эклипса — Орелиуса (Aurelius), занявшего второе место в скачке на Эпсомское дерби в 1788 году, и сына Дайомеда — Форенера (Foreigner), оставшегося вторым в Сент-Леджере 1793 года. Д. М. Полторацкому, чтобы его приохотить к чистокровному делу, Орлов подарил сына Эклипса — Гонпаудера (Gunpowder), бывшего вторым на Эпсомском дерби в 1787 году.

ОСОБЕННОСТИ ЗАВОДСКОЙ РАБОТЫ В ЧИСТОКРОВНОМ ОТДЕЛЕНИИ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА

Чистокровных лошадей Орлов выписывал большей частью непосредственно из первых рук от английских коннозаводчиков того времени, прибегая обычно к помощи С. Р. Воронцова, постоянно жившего в Англии и пользовавшегося большим авторитетом в кругу английских спортсменов. Провод лошадей поручался берейтору Галину и Бейтону, которых для этой цели впоследствии приглашали и другие коннозаводчики, подражавшие Орлову.

Этот способ приобретения чистокровных лошадей выгодно выделял Хреновской завод среди других русских заводов, обычно приобретающих жеребцов и кобыл у англичан — комиссионеров и конских барышников — Банка, Р. Смита, У. Смита, Лука, Кирби, Жаксона, Паркинсона и других, которые основали целую барышническую колонию в столицах России в конце XVIII века.

Если первое отличие чистокровного отделения Хреновского завода состояло в направлении работы, принятом в 90-х годах, в разведении «в себе» английской чистокровной лошади, то второй особенностью, которая отличала Хреновской завод от большинства чистокровных заводов России, был способ приобретения племенного материала из Англии без посредничества комиссионеров, а третья, и самая главная особенность и ценность работы Орлова с чистокровными лошадьми, выделявшая эту работу среди сотен современных ему коннозаводчиков и оказавшая влияние на десятки последующих, состояла в понимании Орловым значения правильных скаковых испытаний для существования и совершенствования чистокровной породы.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СКАЧЕК В РОССИИ

Роль Орлова в истории скакового дела в России до сего времени недостаточно освещена. Начало скачек в России принято датировать скачками в Лебедяне 1825 года. И 1925 год при проведении скаковых испытаний в СССР был отмечен как юбилейная дата столетия со времени возникновения скачек, в ознаменование чего были даже выпущены соответствующие значки-жетоны.

Однако при ближайшем ознакомлении с архивными материалами выясняется, что правильные скаковые испытания, заменившие собой

скачки на отдельные случайные пари-заклады, существовали уже в 90-х годах XVIII века, и что основателем скачек в России был А. Г. Орлов-Чесменский.

Скачки происходили в Москве на Донском поле, неподалеку от Нескучного дворца. Сезон скачек продолжался три месяца — май, июнь, июль. В каждом месяце было по два-три скаковых дня. Призы, ценностью по 500 рублей каждый, как правило, составлялись из сумм, собранных по предварительной подписке коннозаводчиков и конских охотников. Каждый из «подписывающихся» охотников вносил по 200 рублей и этим получал право просить в любых призах сезона любое число скакунов в скачку. В числе подписчиков («закладчиков») мы видим несколько членов семейства Орловых: А. Г. Орлов, Ф. Г. Орлов, А. А. Орлова, А. А. Чесменский), П. А. Чеснокова, Д. М. Полторацкого, Д. Н. Лопухина, Н. И. Загрязского, П. С. Муравьева, Ф. С. Мосолова, А. П. и В. П. Савеловых, С. И. Тимирязева и других. С посторонних «не вписавшихся» владельцев за запись лошади на скачку бралось по 100 рублей. Заклады заключались зимою. К 20 февраля вносили деньги, после чего закладчики определяли число призов и сумму каждого из них, а также дни розыгрыша.

Условия призов были разнообразны:

1. Призы для старшего возраста и для трех лет.
2. Призы открытые для лошадей всех стран, «не исключая и английских» и закрытые — только для лошадей, рожденных в России.
3. Призы на дистанции «3 круга за один» и «2 круга за один» и на дистанцию «1 круг» (для трехлеток).

Все призы разыгрывались с перескачкою, и для того, чтобы выиграть приз, лошадь должна была два раза обыграть своих соперников. Весь приз целиком получала первая лошадь. Вес жокея был определен для лошадей трех лет — 3 пуда, четырех лет — 3 пуда 6 фунтов, пяти лет — 3 пуда 13 фунтов, шести лет — 3 пуда 19 фунтов, семи лет и старше — 3 пуда 23 фунта. Жокеи на всех лошадях скакали в цветных камзолах. Предание говорит, что Орлов настоял и включил неписанным условием скачек, чтобы тренерами жокеями были во всех скаковых конюшнях только свои, русские люди. Ни Орлов сам, — а Орлову было бы это очень легко по его средствам, — ни кто-либо

другой из коннозаводчиков не выписывал и не приглашал из Англии ни тренеров, ни жокеев.

Несомненно, что в освоении совершенно новой для России техники тренинга чистокровных лошадей и приемов жокейской езды Орлов, а с ним вместе и весь кружок спортсменов, должны были встретить много трудностей, трудностей значительных, но Орлов сознательно шел на эти трудности. Как Орлов их преодолел, мы не знаем, но остается неоспоримым тот факт, что все время, пока существовала тренировочная конюшня Хреновского завода на Московском ипподроме, скаковых лошадей тренировал тренер Кунаков, а скакали на них русские же жокеи, из которых особенно отличался ездой Степан Сорока.

В 30-х годах XIX столетия, после открытия «императорских» скаковых обществ, картина меняется: на лошадях Ф. С. Мосолова, Д. П. Воейкова, Гагарина, Ростопчина, Петровского, Лунина, Пашкова и других скакали уже английские жокеи — Дэй, Ив, Гудсон, Эвисон, Эллиот, Тэйлор, Клемент, Карпентер, Скэф, Вуд и другие.

В сезоне скачек 1795 года, как мы узнаем из «Записок для охотников на лошадей на 1824 г.», в которых помещены извлеченные из архивов Хреновского завода подробные отчеты о скаковых испытаниях на Донском поле, помимо скачек на подписки и на заклады, разыгрывались почетные призы — «императорские бокалы», учрежденные, повидимому, по образцу «королевских блюд» в Англии. Отчеты скачек 1795–1796 годов по какой-то причине остались неизвестны даже В. И. Коптеву, который дает подробные описания лишь более поздних по времени скачек 1805 года. Поэтому приводим краткие выдержки из этих первых по времени, хотя и не напечатанных, но очень точных и полных русских скаковых календарей.

Судя по отчетам скачек 1795 года, конкуренция была горячая. Около 40 лошадей, за малым исключением, всё выводных из Англии, оспаривали призы. От имени А. Г. Орлова в скачках приняли участие не менее шести выводных кобыл и до пяти голов молодняка Хреновского завода. Но этот молодняк, рождения 1791–1792 годов, повидимому, не был еще чистокровным. А. Г. Орлов, только что начавший комплектование чистокровного отделения Хреновского завода, выводил из Англии, по всем данным, только молодых кобылок, проходивших на его глазах тренинг и скаковые испытания.

Верный своим принципам, Орлов не хотел включать или, по меньшей мере, неохотно включал в маточный состав кобыл, не испытанных им лично, а бригадир П. А. Чемоданов, наоборот, вывел или может быть просто купил у Банка и Кирби в 1790–1791 годах старых маток, жеребых от случки в Англии или даже с жеребьятами под ними, и его кровный Эрюс, рождения г., выиграл оба «императорских бокала» для русских, т. е. рожденных в России, лошадей.

В 1795 году Орлову удалось унести победу только в одном «императорском» призу, открытом для лошадей старшего возраста, рожденных за границей. Выиграла его выводная рыжая кобыла Роксолана. В числе других победителей этого года были выводные кобылы братьев Савеловых (Рюллера и Бутерфлай) и Н. Д. Демидова (Латона), а также выводной рыжий Бейрам, сын Дельпини, принадлежавший С. И. Тимирязеву. Происхождение многих из выводных лошадей, скакавших в 1795 году, можно установить с точностью по томам I и II английского студ-бука. Так, например:

1. Рыжая кобыла Роксолана родилась в 1790 году от Потейтоса, сына Эклипса; мать от Герода, бабка от Снэпа. В Англии принадлежала герцогу Йоркскому.

2. Гнедая кобыла Бутерфлай родилась в 1789 году от Рулера; мать от Сампсона.

3. Рыжая кобыла Латона родилась в 1792 году от Потейтоса, сына Эклипса; мать Латона от Герода, бабка Калипсо от Мэтчема.

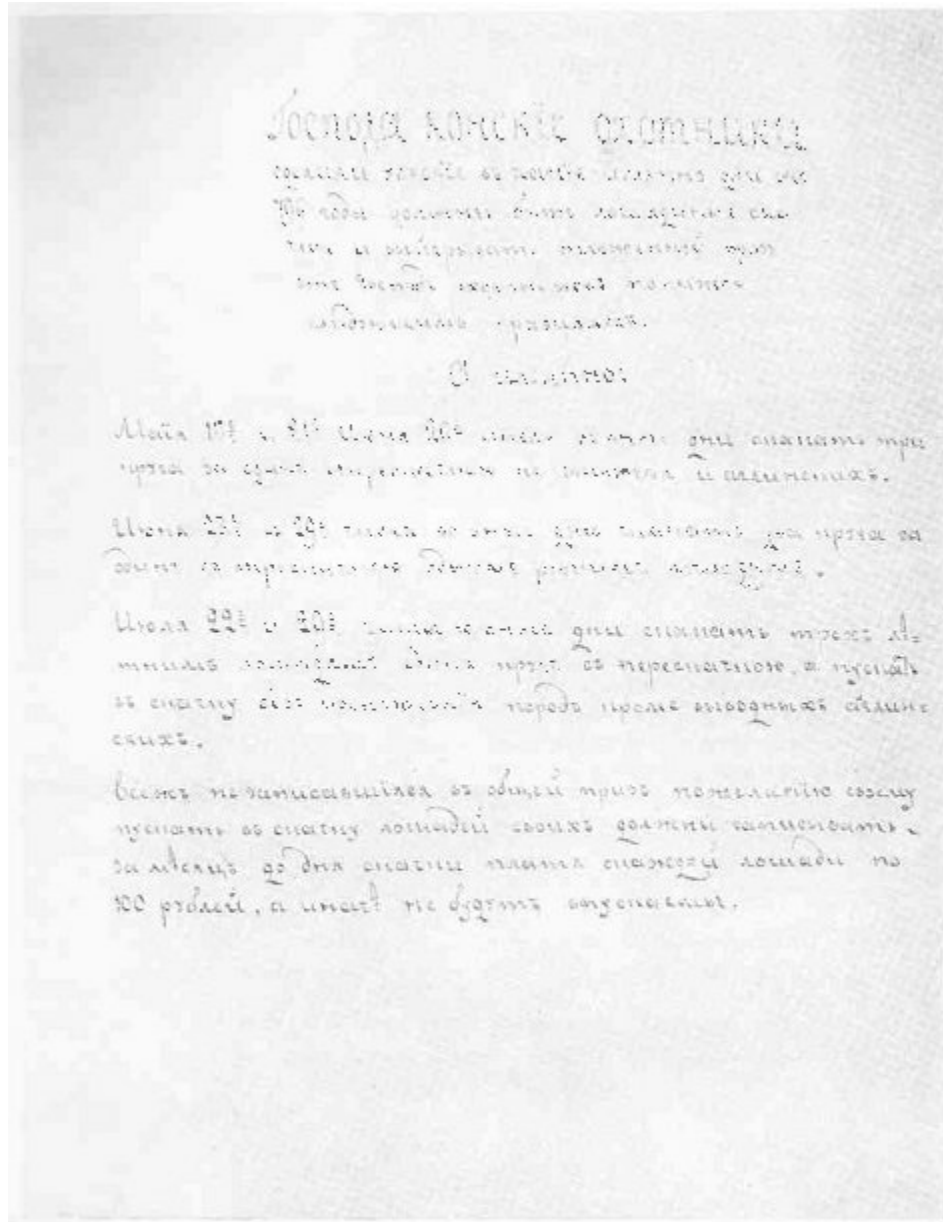
Все они значатся по английскому студ-буку проданными в Россию.

Теперь переходим к скачкам 1796 года. В 1796 году лошади Орлова скакали блестяще и выиграли почти все призы, но скачки в этом году происходили уже только на заклады. Особый интерес скачкам придало участие в них двух выводных жеребцов, купленных в Хреновской завод, — Синабара и Эпсомского дербиста 1794 года Дедалюса. Из них семилетний Синабар, неся вес 3 пуда 23 фунта, скакал без проигрыша. Оба лучших приза сезона, с полями соперников в семь-восемь лошадей, в числе которых были прошлогодние победительницы — Рюллера и Бутерфлай, он легко выиграл, каждый раз со счетом 1: 1, а дербист Дедалюс не сыграл никакой роли ни в этих призах, ни в третьем утешительного характера, выигранном выводным жеребцом Робингреем, шести лет, который в предыдущей скачке остался вторым за Синабаром Робингрей (Robingrey), р. 1790 года (Ст. Б., т. I, стр. 259),

принадлежал Н. И. Загряжскому. Он был родным братом известного Грей-Дайомеда.

К 1796 году первая ставка чистокровных лошадей Хреновского завода достигла трехлетнего возраста и сразу блестяще себя зарекомендовала. Оба открытых приза для трехлетних жеребцов и кобыл выиграла гнедая Щучка, рожденная в Хреновском заводе. По заводским книгам и старинным аттестатам можно восстановить, что гнедая Щучка родилась в 1793 году от Акута, сына Эклипса, и от гнедой Паньи, она же Пановская, выписанной из Англии. И лишь два приза старшего возраста для «русских» (т. е. рожденных в России) лошадей выиграл герой предыдущего сезона, пятилетний Эрюс П. А. Чемоданова, побивший в борьбе в трех гитах Лентяя А. Г. Орлова и еще двух-трех лошадей.

Страница 1-я из рукописной „Книги о скачке лошадиной 1796 года“.

**Страница 1-я из рукописной «Книги о скачке лошадиной
1796 года».**

1796 года мая 21 дня скончался лошадиный приз при котором по 10 руб. лошади
 на все Александрия банкю 100 руб. сданы были по означенной лошадей по 10 руб.
 поны урешенный написано по означенным денькамъ при 100 руб. банкю.

№	Имя лошади	Лошадь			Имя пастуха или владетеля	Возраст лошади		Возраст жеребца		Имя владельца или владетеля
		Широк	Просан	Пол		17	18	17	18	
1.	Лошадь Александра Фридриха Александровича Фридриховича Фридриха Александровича Фридриховича	Жереб. Бурой	Синяк	Синяк	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	23	1	1	Владимир Александрович Фридрихович
2.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Жулик	Жулик	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	13	4	5	
3.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Безрала	Безрала	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	19	3	4	
4.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Безрала	Безрала	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	23	5	5	

5.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Безрала	Безрала	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	23	7	7	
6.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Жулик	Жулик	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	6	6	5	
7.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Безрала	Безрала	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	10	2	2	
8.	Лошадь Александра Фридриховича Александровича	Жереб. Рыжий	Жулик	Жулик	в возрасте 3 лет полностью вырос или жеребец	3	13	5	5	

Отъ берсерки отъ лошадей къ скачке.			СМЛ.	
65 11 мая 1796	66 21 мая 1796			
1. Жулик	6. Безрала	1. Синяк	1. Александр Александрович Фридрихович.	
2. Безрала	7. Жулик	2. Безрала	2. Фридрих Александрович Александрович.	
3. Жулик		3. Жулик	3. Жереб. Рыжий Александрович Александрович.	
4. Синяк		4. Жулик	4. Фридрих Александрович Александрович.	
5. Жулик		5. Безрала	5. На фланс Александр Александрович Фридрихович виденно он отъездомъ Фридриха Александровича Александровича отъезда поршена виденно Александра Александровича Фридриховича	

Отчет о розыгрыше одного из призов на скачке 21 мая 1796 г.

Отчет о розыгрыше одного из призов на скачке 21 мая 1796 г.

К сожалению, архивы А. Г. Орлова, из которых в 1824 году делал выписки первый по времени русский иппологический журнал, для нас безвозвратно потеряны, и мы не можем восстановить полной картины скаковых испытаний за все годы с самого их возникновения. Однако существование в 90-х годах развившейся уже системы правильных испытаний с несомненностью доказывается опубликованными в печати документами. Испытания эти проходили очень оживленно, отголосок московских скачек достигал Англии и находил себе отражение в пометках «Racing Calendar» против кличек некоторых лошадей, проданных в Россию: «скакал в Москве».

В приложении мы помещаем «Правила для конской скачки», первый по времени устав скакового ипподрома. Печатные экземпляры этих «Правил» раздавались всем участникам, а также и посетителям скачек на Донском поле, как об этом сохранил сведения автор «Записок современника» С. П. Жихарев, но самих «Правил» он не приводит. Нам посчастливилось их разыскать в одной рукописной «Книге о скачке лошадиной», составленной в 1796 году. Повидимому, это собственноручная рукопись В. И. Шишкина. Факсимиле двух страниц из этой рукописи читатель найдет в числе иллюстраций к нашей работе.

В заключение очерка орловского периода скаковых испытаний в России надо особо отметить, что ни в «Правилах для конской скачки», ни в отчетах о скачках нет к помину о каких бы то ни было скачках для двухлеток, входивших с последнего десятилетия XVIII века в моду в Англии, где лошади начинали становиться подобными тем тепличным цветкам, к которым применимо образное выражение Анатоля Франса: «Растения в теплице, лишенные строгой, но матерински заботливой руки природы, они отданы во власть нетерпению человека».

ПРАВИЛА ДЛИ КОНСКОЙ СКАЧКИ (1796 ГОД) [\[109\]](#)

1. В воле закладчиков скакать один, два, три и более кругов с отдыхом, или без отдыха, с отдыхом каждый круг почитать целым, без отдыха и многие за один.

2. В воле закладчиков весить седоков избело, в воле их уравнивать, прибавлять тягость, или скакать без уравнивания.

3. В воле закладчиков наравне лошадей поставить или одну от другой в некотором расстоянии по правую ли или по левую сторону во всем воля их как уговорятся.

4. В воле закладчиков выбирать судей по одному или по два человека.

5. Судьи назначают себе помощников смотря по надобности сколько много им заблагоразсудится.

6. Закладчики должны судьям представлять уговор свой письменно, ежели представленной уговор будет недостаточен или недовольно ясен, а закладчики по предложениям судей не будут согласны для избежания сих неудобств решить спор жеребьем.

7. Судьи сами назначают себе места в галлерее или где им угодно и определяют себе и своим помощникам кому из них быть верхами где стоять и что замечать.

8. По изданным условиям и по нижеписанным правилам одни судьи решат кто выиграл и кто проиграл который приговор исполнять без малейшего прекословия.

9. Сами судьи или их помощники распоряжаются всеми по условию и назначают закладным лошадям где стать должно по их сигналу седоки скакать начинают.

10. Ежели закладная лошадь хотя мало назади останется проиграла. Ежели наравне выскочут решит другая скачка другая не решила третья и так далее.

11. Когда условие было скакать с отдыхом четыре круга, два одна два другая лошадь выигрывает пятой круг решить должен.

12. С отдыхом в трех кругах два выигрывают в пяти три в семи четыре и так далее. А ежели в трех один выигрывает другой проигрывает а третий равно выскочут решит четвертый.

13. Ежели лошадь собьет седока проиграла.

14. Ежели вскинется из барьера вовнутрь круга проиграла.

15. Ежели захворает, всюю должна выведена быть на скачку и представлена перед судей они решат скакать ли ей или нет. Ежели положат не скакать лошадь заклад проиграла.

16. Перед скачкой или во время скачки ежели лошадь умрет проиграла.

17. По условию ежели седоки и лошади уравнены будут тягостью и по скачке в весу в котором седоке или на лошади не явится тягости

которая была пред скачкой та проиграла. Вес кладется на лошадях по летам. На трехлетнюю сажают легчайшего седока на четырехлетнюю три пуда шесть фунтов на пятилетнюю три пуда тринадцать фунтов на шестилетнюю три пуда девятнадцать фунтов на семилетнюю три пуда двадцать три фунта. Старее семи лет на лошадей уже весу не прибавляется.

18. Каждый седок на закладной лошади сидя свою понуждать и бить может как хочет до другой же лошади отнюдь не касаться и ежели ударит чужую или взяв в руки кроме арапника испугает другую лошадь кто сие сделает хотя бы лошадь его была и резвее без отговорочно проиграла.

19. Ни под каким видом в каретах в круг не впускаются.

20. Охотникам в круг верхами въезжать дозволяется.

21. Зрителям подле барьера не ближе становиться шести сажений дозволяется.

22. Никому из зрителей с собаками приезжать на скачку не дозволяется.

23. Всякому из зрителей как понуждать так и пугать закладных лошадей накрепко запрещается.

24. Во время же скаку лошадиного буде которая останется за флагом та лошадь более не впускается скакать на положенный приз.

ДРЕЗДЕНСКАЯ ССЫЛКА А. Г. ОРЛОВА

Трудные для Хреновского завода дни наступили с воцарением Павла I, ненавидевшего Алексея Орлова, как главного деятеля свержения с престола и виновника смерти Петра III. А. Г. Орлов был изгнан из России, но раньше он должен был изведать и молча снести утонченную месть Павла I. По приказу паря, Орлов принужден был нести гроб с костями убитого им Петра III, вырытыми с места погребения, а затем присутствовать при жутком зрелище, словно в мрачном бреду задуманном Павлом, при церемонии коронавания мертвеца в Петропавловском соборе. Легенда утверждает, будто Павел положил на алтарь уродливый череп отца и увенчал его царской короной [\[110\]](#).

Местом изгнания А. Г. Орлов выбрал Дрезден. Из этого города он четыре года никуда не выезжал, а может быть он и не имел прав выезда. Но и в Дрездене Орлова не оставляли в покое. Всячески

притесняли в эти годы и Хреновской завод. Нависала угроза конфискации и раздачи по рукам царских любимцев его заветных Барсов и Свирепых. Перед лицом этой угрозы пришлось Орлову переломить себя и, отвращая гибель Хреновского завода, неоднократно делать щедрые подарки лошадьми, в том числе и жеребцами, Павлу I, а через него и всесильному фавориту, жадному на деньги и падкому на дары И. П. Кутайсову.

Пока Орлов четыре года жил в Дрездене, взяв с собой только нескольких своих любимых лошадей из числа верховых и из первых детей Барса, ежегодные бега и скачки на Донском поле прекратили свое существование, а в Хреновом, как свидетельствует В. И. Шишкин, «за отсутствием графа Алексея Григорьевича весь приплод от знаменитых жеребцов и других многих оставался без всякой пробы в неизвестности».

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СКАКОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

По возвращении Орлова в 1801 году в Москву скачки возобновились, но в ведении Орловым чистокровного завода не чувствовалось уже прежнего размаха и одушевления. Чистокровное отделение ведется словно по инерции, и также как бы по инерции возобновляются со всем их ритуалом скачки на Донском поле. Нам кажется, что причина этому лежит не в упадке энергии у Орлова к концу седьмого десятка лет жизни, но коренится более глубоко, в известной переоценке ценностей, в охлаждении к чистокровной лошади. Сопоставим некоторые данные и факты.

Когда около 1790 года зарождалось новое чистокровное отделение в Хреновском заводе, А. Г. Орлов еще не довел работу со своей верховой орловской породой до стадии Свирепого 2, Фелькерзама 2 и других лошадей завершеного комплекса: Фелькерзам 2 был в эти годы еще жеребенком, а Свирепый 2 еще не родился.

А к 1800 году плоды долгих лет упорных, настойчивых исканий были уже налицо, и выведенные в верховом отделении Хренового лошади удовлетворяли А. Г. Орлова больше, чем какие бы то ни было, хотя бы и самые лучшие в мире английские скакуны.

В «Дневнике студента» С. П. Жихарева мы можем прочесть описание скачек 1805 года и программу скачек на 1806 год. Скачки происходили по-прежнему на Донском поле, один раз в неделю. Сезон

их продолжался весь май и июнь всего 8 скаковых дней. Обычная ценность приза была та же, что и в 1790-х годах 500 рублей. Сохранены были и прежние дистанции от 2 верст (1 круг) и до 6 верст (3 круга).

В эти годы в цветах А. Г. Орлова скакали только свои доморощенные скакуны, лучшие из которых, по свидетельству В. И. Шишкина, были от дербиста Дедалюса и от Синабара. В 1805 году главные призы были выиграны жеребцом Травлером П. С. Муравьева, выводным, рождения 1799 года, от Traveller и Faith, и кобылой Доброй Ф. С. Мосолова, собственного завода, от Прайера (Prior) и первоклассной Болдфэйс (Boldface), третьей в скачке на Оке в Англии в 1792 году.

ПЕРЕРЫВ В СКАКОВЫХ ИСПЫТАНИЯХ ПОСЛЕ СМЕРТИ А. Г. ОРЛОВА

Насколько велико было в деле скаковых испытаний личное влияние А. Г. Орлова серьезно считавшегося с их совершенной необходимостью в чистокровном коннозаводстве, лучше всего видно из того факта, что после смерти А. Г. Орлова правильные скаковые испытания, которые, казалось бы, должны были прочно привиться за период 20-летнего их существования, в действительности вновь, как и в 1797—1800-х годах, сходят на нет. Скачки на Донском поле прекратились на этот раз навсегда.

В старых документах можно найти кое-какие указания на то, что в 1809—1810 годах происходили скачки в селе Головке, ныне Вереяского района Московской области, при конном заводе Ф. С. Мосолова. Так, в аттестате чистокровного жеребца Витязя, купленного Я. П. Савельевым, имеется отметка о его скачках в селе Головке в эти годы.

После 1812 года скачки замерли совсем и в последующем до середины 20-х годов происходили, повидимому, крайне нерегулярно, по особой каждый раз подписке (см., например, в «Записках для охотников до лошадей» публикацию «о подписке к скачке, имеющей быть весною сего 1824 года в СПб.»).

Ипподромные испытания скаковых лошадей возобновились в 1825 году, на этот раз уже вдали от Москвы, в Лебедяне, куда на ежегодную

конскую ярмарку съезжались заводчики, спортсмены и охотники со всей России.

ЧИСТОКРОВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА ПРИ В. И. ШИШКИНЕ

В. И. Шишкин по вступлении в управление Хреновским заводом приложил все старания к тому, чтобы нести чистокровное его отделение по принципам, заложенным при А. Г. Орлове, — английскую скаковую породу продолжали разводить в чистоте, «в себе». Весь молодняк проходил тренинг, но из-за прекращения скачек в Москве он подвергался домашним испытаниям на Хреновском ипподроме. По возможности В. И. Шишкин продолжал и регулярное пополнение завода чистокровными жеребцами, а изредка и матками. Численность лошадей чистокровного отделения, вплоть до начала 20-х годов, не уменьшалась, и в 1824 году в заводе было 122 чистокровные матки при 19 жеребцах-производителях.

В. И. Шишкин заботливо продолжал вести линии Синабара и Дедалюса, лучших производителей орловского периода. Для характеристики методов разведения приводим сокращенную родословную правнука Дедалюса, гнедого Сатурна 2, рождения 1815 года.

САТУРН 2, гн., р. 1815 г.							
Бриллиантка				Сатурн 1, гн., р. 1809 г.			
Уносная		Каток, рыж., р. 1799		Подаренная		Ермаченок, р. 1800г.	
Уносная, дочь Монгря	Эскеп, сын Гайфляйе- ра	Быстрая, дочь Кар- бункула	Дедалюс		Эклипс	Быстрая, дочь Кар- бункула	Дедалюс

Во всяком случае, еще долгие годы после смерти А. Г. Орлова чистокровное отделение Хреновского завода сохраняло завоеванную им славу и пользовалось громкой известностью не только у нас, но и за границей. Чем, как не отражением этой славы, можно, например, объяснить факт, сообщаемый нам Цорном (1823, стр. 583), что происходивший от хреновского отца и хреновской матери бурый жеребец Оросман, рождения 1812 года, от Синабара Молодого и Плясуни, дочери Куба, выведен в Англию и там объявляется в общественную случку.

Да почему бы англичанам и не ценить чистокровных лошадей Хреновского завода, раз они знали по I и II томам своего студ-бука,

какие лошади легли в его основу, если, например, еще в 1819 году классический приз Сент-Леджер мог выиграть жеребец Антонио, мать которого была дочерью Эвандера от дочери Гонпаудера, т. е. происходила в двух восходящих поколениях от жеребцов, в свое время выведенных в Хреновской завод.

К 20-м годам относится любопытный отчет о скачке или, вернее, совместной пробе на Хреновском ипподроме лошадей Хреновского завода и завода Ф. В. Ростопчина. Проба эта произведена была по взаимному соглашению управляющих — В. И. Шишкина и англичанина Андерсона. Всего было разыграно 21 сентября 1824 года четыре пробных скачки, три из них выиграли чистокровные лошади Хреновского завода и всего одну скачку — лошадь Ф. В. Ростопчина.

Эти результаты указывают, что чистокровное отделение Хреновского завода стояло еще при В. И. Шишкине на прочных основаниях, так как завод Ф. В. Ростопчина занял немедленно после возрождения скаковых испытаний в России, в первое же десятилетие Лебедянских скачек, одно из самых видных мест на ипподроме.

На скачки в Лебеядни Хреновской завод своих питомцев не выпускал, но из последней ставки жеребят чистокровного отделения, родившихся еще во время пребывания В. И. Шишкина в Хреновом в 1831 году, несколько жеребчиков было продано в двухлетнем возрасте Д. П. Воейкову. И вот в 1834 1835 годах на Лебедянских скачках, на которых в предыдущие годы безраздельно господствовали лошади заводов Ф. С. Мосолова, И. П. Петровского, Ф. В. Ростопчина, Н. А. Лунина и того же Д. П. Воейкова, выступили перед публикой, впервые за несколько лет, питомцы Хреновского завода, и успехи их оказались блистательными.

В 1834 году трехлетний Нонплюс выиграл у лошадей старшего возраста скачку на приз в I тысячу рублей на 6 верст. А в 1835 году оба главных приза, только что в предыдущем году учрежденные, так называемые «императорские», достались лошадям, рожденным в Хреновском заводе: 19 сентября приз в 3 тысячи рублей на 3 версты выиграл рыжий Мамелюк; 22 сентябре приз в 3 тысячи рублей на 4 версты выиграл тот же гнедой Нонплюс, который перед тем 20 сентября успел выиграть приз Общества в 2500 рублей на 6 верст с двумя перескачками у знаменитого, почти непобедимого Анубиса Ф. В. Ростопчина.

НОНПЛЮС, гн., р. 1831 г.							
Клоринда				Москва (Moskow), р. 1814 г.			
Сайга		Адонис		Вуски (Wowski)		Сорсерер (Sorserer)	
Беспреме- нная	Тромпетер	Седлистая	Ермачонок	Мария	Ментор	Ю. Джай- енгес	Тромпетер (Trumpator)

СОСТОЯНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЕВОДСТВА РОССИИ в 20 —30-х ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ

Исследователю истории русского коннозаводства приходится констатировать, что все же, несмотря на старания В. И. Шишкина, Хреновской завод период 20—30-х годов с каждым годом все более и более терял свое положение гегемона в чистокровном коннозаводстве России. Чтобы понять, как это могло случиться, необходимо осветить некоторые основные вехи развития верхового коневодства России первой трети XIX столетия.

Никакие другие страны не делали таких гигантских усилий в целях улучшения своего коневодства верхового направления, как Россия в эпоху титанической борьбы с Наполеоном и в ближайшее затем десятилетие. Максимально используя свои внутренние ресурсы, Россия в то же время чуть ли не каждый год снаряжала экспедиции за лошадьми в страны Средней Азии, с Персию, в Аравию, в Турцию. Все наши посланники и министры-резиденты в этих государствах обязательно приобретали, получали в дар для русского двора, закупали для государственных и для частных заводов жеребцов-производителей. Даже знаменитый автор бессмертной комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедов, во время своего недолгого пребывания в Тегеране, тоже занимался подобными поручениями и успел вывести очень ценных лошадей, во главе с жеребцом Бедуином, поступившим в известный завод И. П. Шабельского на Украине.

С другой стороны, ежегодный ввоз чистокровных жеребцов из Англии, за исключением разве трех-четырёх лет наполеоновской континентальной блокады, был обширен и интенсивен, как никогда ранее и никогда позже.

ВВОЗ ЖЕРЕБЦОВ ИЗ АНГЛИИ И АНГЛИЙСКИЕ КОМИССИОНЕРЫ

Трудно и даже невозможно составить ныне полный список хотя бы лучших, классных по скачкам и по оставленному в Англии приплоду,

жеребцов-производителей, поступивших в Россию. Рой англичан-комиссионеров и барышников вился вокруг выгод этой оживленной торговли лошадьми. Смитов, Банка и Томлина, державших в Своих руках импорт в 90-х годах XVIII века, сменили Кирби, Жаксон, Лук, к которым впоследствии прибавился Уолкден и Аштон. Кирби зафрахтовал на ряд лет корабль «Мери Фрэнсис» с сорока двумя оборудованными на нем стойлами для лошадей.

В государственные и военные конские заводы эти англичане-комиссионеры поставляли чистокровных жеребцов-производителей по предварительным контрактам, иногда многолетним. Так, например, у Уолкдена с 1820 по 1827 год был контракт на ежегодную поставку 30 жеребцов. В большинстве же англичане-конеторговцы привозили в Россию жеребцов в расчете на честных коннозаводчиков, без всяких предварительных договоров. Они хорошо знали, что после привода все жеребцы найдут себе покупателей, разве только наиболее дорогие и лучшие из них позадержатся на год-другой во владении импортера, который сможет в этом случае извлечь из них выгоды, объявив жеребцов в общественную случку.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЖЕРЕБЦОВ В ОБЩЕСТВЕННУЮ СЛУЧКУ

Даем читателю возможность прочесть в подлиннике рекламное объявление Жаксона, помещенное в приложении к № 7 «Московских Ведомостей» за 1816 год.

Объявление подействовало, к жеребцу Трофониусу послал кобыл даже Хреновской завод и от чистокровной дочери Дедалюса, Последней (она же Нанета), получил жеребца Фаворита 3, впоследствии проданного Управлению военно-конских заводов за 9 тысяч рублей.

Из года в год, несмотря на высокую случную плату, доходившую порою до 600–700 рублей с кобылы (например, за случку с победителем Леджера Сутсеером, сыном Сорсерера), случные листы были полны. Ежегодно, из самых отдаленных губерний, водили в руках многие сотни верст, и по зимним снегам и морозам, и по весеннему бездорожью, доморощенных кобыл к победителям дерби и Леджера.

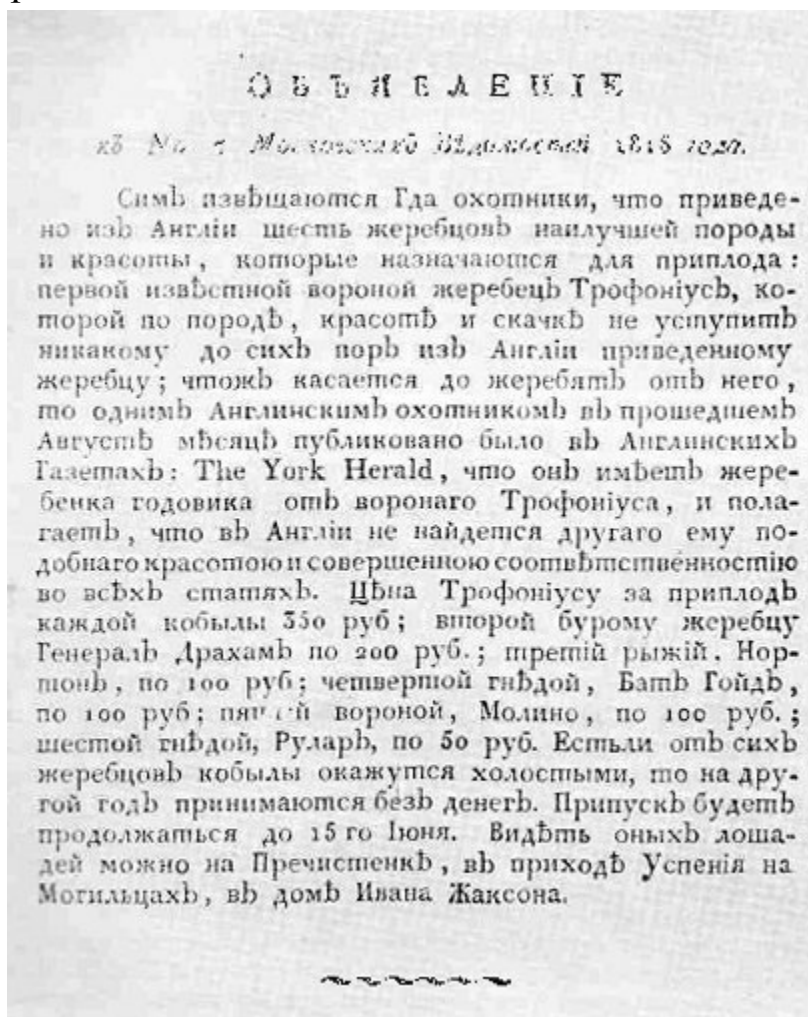
Жаксону платили за случку с жеребцом 300–500—700 рублей, а конюху за трех-четырёхмесячные мытарства выдавалась в награду десятка, и то лишь при благополучном исходе, если уберег кобылу с жеребенком под ней и привел ее назад жеребою. В результате же огромной затраты времени, труда и средств сплошь да рядом рождался жеребенок, цена которому, по достижении им трех-четырёхлетнего возраста, была «в, базарный день» 25–50 рублей.

О распространённости общественной случки можно судить по тому, что Цорн в комментариях к портрету жаксоновского Трумпетера писал, что этот жеребец за свое двенадцатилетнее пребывание у Жаксона — с 1800 по 1812 год — оставил до 400 голов приплода у разных владельцев. От себя добавим: следовательно, принес Жаксону в круглых цифрах около 200 тысяч рублей дохода. Если сопоставить, с одной стороны, это сообщение, а с другой — данные тома I Заводской книги кровных скаковых лошадей в России, определяющего цифру привода жеребцов из Англии в разное время одним только Жаксоном в 135 голов, то можно себе составить представление о роли этих посредников между чистокровным коннозаводством Англии и России, и неудивительно будет, что все они очень скоро составили в России крупные состояния.

В больших партиях лошадей, приводимых этими, наживавшимися в России, англичанами-барышниками, наряду с классными лошадьми, вроде Трумпетера, Трофониуса и других, было очень много сомнительных по своим качествам, приобретенных в Англии по случаю и по дешевке. Но беззастенчивое расхваливание и рекламирование своего товара давало желательный результат. Говоря словами английского же автора, соотечественники его в начале XIX столетия умели убеждать русских князей и графов в том, что «бараньи головы у скакунов красивы, шпат не порок, а жабки и курбы служат доказательством силы лошади» [\[111\]](#).

Искусство рекламы и мастерская выводка, которой славились Банкс, Смит, Кирби, а в особенности Жаксон, делали свое дело, и большинство жеребцов распродавалось к первому же случному сезону. На уловки и обманы конеторговцев сетовать было уже поздно, когда, присмотревшись к жеребцу в спокойной обстановке завода, начинали обнаруживать все его «прелести». Заглянув в список производителей Починковского военно-конского завода по состоянию на 1 января 1822

года, мы найдем в нем любопытные характеристики купленных у англичан жеребцов.

Из „Московских Вѣдомостей“ за 1816 год.

Из «Московских Вѣдомостей» за 1816 год.

№ 1. Темногнедой Бемокстен, 2 аршина $\frac{3}{4}$ вершка, куплен у англичанина Т. Кирби в 1801 году, поступил в Скопинский конский завод в году, в Починковский завод в 1815 году — «седлист, задними ногами слаб, в бабках наросты, плывут копыта».

№ 9. Гнедой Драгун, 2 аршина 3 вершка, куплен у англичанина Вильсона в 1813 году — «седлист, всеми ногами косолап и задние копыта плывут. Садится на кобылу тяжело».

№ 12. Рыжий Голиаф, 2 аршина $4\frac{3}{4}$ вершка, куплен у англичанина Жаксона в 1815 году — «голова мясиста, щекаст, уши немного тяжелы,

задними ногами в бабках слаб и оные ноги в коленках толсты»; «к случке способен токмо по открытии лучшей теплой погоды».

№ 15. Бурый Калибан, 2 аршина 4½ вершка, куплен у англичанина Жаксона в 1820 году — «глаза тусклы, всеми ногами слаб, у передних обеих ног в бабках наросты», «а в прочем стати хороши»(?!).

№ 16. Гнедой Карнель Йорк, 2 аршина 3 вершка, куплен у англичанина Кирби в 1817 году — «немного седлист, задними ногами в коленках и бабках слаб, на правой изнутри повыше колена нарост и на обеих оных ногах в коленях рубцами сожжон»; «в случке медлителен, да и жеребят от него мало».

И только два английских жеребца в Починковском заводе, Лангтон и Бенингбруф, получили от завода хорошую аттестацию.

ФАЛЬШИВЫЕ АТТЕСТАТЫ

При случае комиссионеры не гнушались подсунуть и фальшивую лошадь. Так, например, все свидетельские показания современников сходятся в том, что Дайомед (Diomed, р. 1777 г.), сын Флоризеля, победитель первого Эпсомского дерби, был куплен П. С. Муравьевым у англичан в свой завод за 25 тысяч рублей. Однако, сверяясь с английскими и американскими студ-буками, мы с изумлением узнаем, что Дайомед значитя проданным в Америку, где он и оказался родоначальником американской линии скакунов — Сер Арчи, Тимолеон, Бостон, Лексингтон. Очевидно, П. С. Муравьеву был продан за 25 тысяч рублей какой-то фальшивый Дайомед.

Приводим еще пример. Официальные архивы государственных конских заводов сохранили сообщение, что в 1820 году были приобретены в Англии за 48 тысяч рублей три уже немолодых, но прославленных в летописях английского спорта жеребца; Перувиан, рождения 1806 года, от Сер-Питера, мать от Будро; Калибан, рождения 1810 года, от Сорсерера, мать Гоутон-Ласс от Сер-Питера; Тхундерболт, рождения 1806 года, от Сорсерера, мать Вуски от Ментора.

В отношении двух первых сомневаться не приходится, так как английский студ-бук подтверждает факт продажи их в Россию (Gen. St. В., v. II, 23 и III, 83), но знаменитый, ни разу никем не побежденный в состязаниях Тхундерболт (Thunderbolt) пал в Англии в ноябре 1819 года [\[112\]](#), и очевидно в Россию был продан какой-нибудь другой

жеребец по фальшивому аттестату, но никак не по официальному сертификату Жокей клуба, полученному от Уэзерби.

Интересно отметить, что и Дайомед и Тхундерболт принадлежали в Англии одному и тому же владельцу, «благородному» сэру Чарлзу Банбэри (Ch. Bunbury), фамилия которого обычно сопровождается громким эпитетом — «отец британского терфа».

Укажем и обратный пример, небезынтесный для знатоков истории чистокровной лошади. Соединенные Штаты Америки претендуют на то, что Америка, а не Россия вывела дербиста Сальтрама (Saltram) — см. американский студ-бук т. I. ст. 47. Однако это не подтверждается источниками, и в томе I английского студ-бука (Gen. St. B., т. I, стр. 372, по 5 изд. 1891 г.) против клички Сальтрама написано не просто «продан», а определенно послан в Россию в 1793 году. Официального аттестата на Сальтрама, засвидетельствованного Уэзерби, Америка иметь не могла, и на этот раз фальшивую лошадь англичане подсунули уже не России.

КЛАСНЫЕ ЧИСТОКРОВНЫЕ ЖЕРЕБЦЫ, ВЫВЕДЕННЫЕ В РОССИЮ ИЗ АНГЛИИ

Для того чтобы составить себе некоторое представление о классе и о ценности чистокровных лошадей, поступавших в Россию в первые десятилетия XIX века, приводим небольшой выборочный список лишь известнейших жеребцов, выведенных в Россию за 30–40 лет.

1. Симметри (Symmetry), р. 1795 г., от Delpini и Violet. Победитель Сент-Леджера 1798 г. Куплен Г. К. Разумовским.

2. Дидло (Didelet), р. 1793 г., от Trumpator и кобылы (матери Eagle) от Гайфляйера. Победитель Эпсомского дерби 1796 г.

3. Павильон (Pavilion), р. 1801 г., от Waxu и Toterell. Второй на дерби 1804 г. В заводе Д. А. Кожина.

4. Сер Давид (Sir David), р. 1801 г., от Trumpator и кобылы от Woodrecker. Первоклассный скакун — выиграл 31½ скачки из 45, в которых участвовал. В заводе И. А. Лунина.

5. Серберюс (Cerberus), р. 1802 г., от Gohanna и кобылы от Herod. Первоклассный скакун — выиграл 22 приза — и известный, составивший себе имя, производитель в Англии. В заводе Ф. С. Мосолова.

6. Трафальгар (Trafalgar), р. 1803 г., от Gohanna и кобылы от Гайфляйера. Был вторым на дерби 1806 г. В заводе Д. А. Кожина.

7. Перувиан (Peruvian), р. 1806 г., от Sir. Peter и кобылы от Boudrow. Куплен вместе с Тхундерболтом и Калибаном в 1820 г. за 48 тысяч рублей. Знаменитый производитель в Англии. В государственных военно-конских заводах.

8. Трофониус (Trophonius), р. 1808 г., от Sorcerer и кобылы от Dungannon. Победитель приза «2000 гиней». У И. И. Жаксона в Москве.

9. Мэджик (Magic), р. 1808 г., от Sorcerer и Magic. Второй на дерби 1811 г. В Скопинском государственном конском заводе.

10. Сутсеер (Soothsayer), р. 1808 г., от Sorcerer и Goldenlocks. Победитель Сент-Леджера 1811 г. и отец многих классных скакунов в Англии, в том числе Tiresias (D.), Interpreter (2000), кобылы Filagree и др. У Жаксона и позднее в заводе Коробьина.

11. Периклес (Pericles), р. 1809 г., от Evander и кобылы от Precipitate. Победитель многих скачек (20 из 37) и классный в Англии производитель. В заводе Д. Н. Шереметева.

12. Аладин (Aladdin), р. 1810 г., от Orlando и Glorvina. Победитель Аскотского золотого кубка в 1815 г. В заводе Д. В. Васильчикова.

13. Бурбон (Bourbon), р. 1811 г., от Sorcerer и кобылы от Precipitate. Знаменитый скакун, за которого Д. Н. Шереметев заплатил 100 тысяч рублей ассигнациями. В Англии от Бурбона, после его продажи в Россию, прославилась его дочь, феноменальная Fleurde Lis (Гудвудский кубок X2) и др.

14. Осман (Osman), р. 1811 г., от Selim и Pennytrumpet от Trumpator. В заводе Д. П. Воейкова.

15. Рафаэль (Raphael), р. 1812 г., от Rubens и Iris. Второй на дерби 1815 г. Родной брат кобылы Landscape (Окс). Хороший производитель. В Хорошовском дворцовом конском заводе.

16. Леопольд (Leopold), р. 1813 г., от Camillus и Hornpipe. Известный и по скачкам и по красоте своей. В заводе Н. Д. Домогацкого.

17. Нектар (Neclar), р. 1813 г., от Walton и L'Huile de Venus. Победитель приза «2000 гиней» и второй на Эпсомском дерби 1816 г. В заводе Ф. С. Мосолова.

18. Меджистрейт (Megistrate), р. 1814 г., от Camillus и LadyRachel (м. FleurdeLis). Выиграл 10 скачек из 14 в Англии. В заводе гр. Виольгорского.

19. Радамэнтус (Rhadamanthus), р. 1815 г., родной брат предыдущего. В заводе М. В. Пашкова.

20. Аллегро (Allegro), р. 1815 г., от Orville и Allegretta. Первоклассный скакун, почти непобедимый, выигравший 11 скачек из 12. В заводе Ф. С. Мосолова.

21. Джугглер (The Juggler), р. 1815 г., от Comus и кобылы от Raunator. Победитель в скачке на Донкастерский кубок в 1820 г. В заводе Д. А. Кожина.

22. Интерпретер (Interpreter), р. 1815 г., от Soothsayer и Blowing. Победитель приза «2000 гиней» в 1818 г. В Англии — отец Liliac (выигравшей Окс) и др. В России — отец непобедимого Берфута И. П. Петровского.

23. Антар (Antar), р. 1816 г., от Naphazard и Cressida. Победитель приза «2000 гиней» в 1819 г. В заводе А. С. Черемисинова.

24. Бородино (Borodino), р. 1817 г., от Smolensko и кобылы от Stamford. Победитель многих призов в Англии. В заводе И. И. Неплюева.

25. Миддлтон (Middleton), р. 1822 г., от Phentom и Web. Выиграл Эпсомское дерби в 1825 г. Куплен Управлением государственных военно-конских заводов.

26. Мемнон (Memnon), р. 1822 г., от Whisker и Manuella. Выиграл Сент-Леджер в 1825 г. Куплен группой коннозаводчиков.

27. Ольдерман (Alderman), р. 1822 г., от Bourbon и Maniac. Второй на Сент-Леджер 1825 г. Куплен Управлением государственных военно-конских заводов.

28. Бирмингам (Birmingham), р. 1827 г., от Filho da Puta и Miss Craigie. Победитель Сент-Леджера 1830 г. [\[113\]](#) Куплен Управлением военно-конских заводов.

29. Женераль Шассе (General Chassé), р. 1831 г., от Actaeon и Hambletonia. Класнейший скакун своего времени, не раз

побеждавший Точстона, знаменитую Биэвинг, дербиста Миндига и др. Куплен Управлением военно-конских заводов.

30. Генриад (Henriade), р. 1834 г., от Voltaire и Matilda (Ст. Леджер).

31. Джерид (Jereed), р. 1834 г., от Sultan и My Lady.

32. Коронэшен (Coronation), р. 1838 г., от Sir Hercules и Ruby. Дербист 1841 г.

33. Айсуриэль (Ithuriel), р. 1841 г., от Touchstone и Verbena. Отец Longbow и Iris (Окс) и родоначальник целой линии в чистокровном коннозаводстве.

34. Ван-Тромп (Van Tromp), р. 1817 г., от Lanercost и Barbelle (мать The Flying Dutchman). Победитель Сент-Леджера, Эскотского и Гудвудского кубков.

35. В Россию был выведен и дисквалифицированный победитель дерби 1844 г. — Zanoni (ex Running Rein).

Чтобы лучше иллюстрировать ценность в племенном отношении выведенных чистокровных жеребцов, скажем, что те немногие, которые до вывода их в Россию были производителями в заводах Англии, успели оставить настолько значительный след в чистокровном коннозаводстве Англии, что не прошло и 50 лет со времени их вывода, как уже любой знаменитый скакун или производитель Англии обязательно имел в своей родословной кличку того или другого выведенного в Россию жеребца.

Так, в родословной Галопена мы встречаем, через Кобвэб (1,0), Филегри, дочь Сутсеера; в родословной Беканира другую дочь Сутсеера, Сквиб; у Бенд'Ора, через Тсормэнби, Перувиана, а через бабу, Эллен Хорн, Периклеса и Эвандера; у Розикрюшена и Тзи Пальмера, через кобылу Фолли, Миддльтона; у Сент Саймона, через Литтл Фери, Серберюса. В родословных Гэмптона, Блэр Этсола и других потомков знаменитой Куин Мэри, через Пленипотеншери, мы находим Периклеса и Эвандера. В родословных Стерлинга, а за ним Айсономи, целый комплекс кличек лошадей, выведенных в Россию: и Сутсеер, и Периклес, и через Флеткэтчера — Перувиан, и по женской линии — Серберюс.

Французский Ле-Санси по прямой мужской линии происходит от Панталуна, внука Перувиана; Панталуна мы встречаем и в родословных Спрингфильда, Макарони, Скоттиш Чифа, Лимингтона (в США); в родословной заокеанской знаменитости, вороного Домино,

родоначальника широко распространенной линии в США, налицо целая серия «русских» жеребцов: Бурбон, Уиндл, Серберюс сверх обычных Сутсеера и Перувиана; австралийская знаменитость Карбайн восходит по мужской линии к Айтсуриэлу, сыну Точстона, выведенному в завод М. В. Пашкова, и т. д.

Проще сказать, все страны континента Западной Европы Франция, Пруссия, Австрия, Венгрия, Италия — вместе взятые, да если еще прибавить к ним и США, не вывезли за период времени с конца XVIII века и до начала 40-х годов XIX столетия и половины того количества чистокровных жеребцов, какое вывезла Россия. Жеребцы, перечисленные в предложенном вниманию читателя списке, представляют в полном смысле слова цвет английского коннозаводства тех дней. Все это производители, громкая слава которых становится известной всякому, даже начинающему заниматься историей конского спорта Англии первой половины XIX столетия. Портреты многих из этой серии скакунов сохранились до наших дней и украшают собой залы Жокей клуба.

Одних только перечисленных в нашем списке производителей, а ведь это только выборка одной двадцатой, одной тридцатой, может быть одной пятидесятой части всех выведенных жеребцов, при рациональном их использовании, было бы достаточно для того, чтобы раз и навсегда эмансипироваться от Западной Европы в области чистокровного коннозаводства, чего сделать русские дворяне-коннозаводчики николаевских времен не сумели.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЧИСТОКРОВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ В. И. ШИШКИНЕ

В. И. Шишкин, по мере своих сил и возможностей, старался, чтобы Хреновской завод не отставал от других чистокровных заводов России, а потому продолжал пополнять чистокровное отделение Хреновского завода жеребцами, рожденными в Англии. В период времени между 1811–1831 годами в заводские жеребцы Хреновского завода поступили:

1. Эвандер (Ст. Б., т. II, стр. 240). р. 1801 г., от Дельпини.
2. Симметри (Ст. Б., т. II, стр. 81), р. 1808 г., от Сер-Чарльза.
3. Гайлендер (Ст. Б., т. II, стр. 250), р. 1809 г., от Джон-Булля.
4. Джюлиан (он же Меморандум), р. 1807 г., от Ремембрэнсера.

5. Аржентвилль. (Ст. Б., т. II., стр. 130) р. 1811 г. от Орвилля.
6. Донтлесс (Ст. Б., т. II., стр. 254), р. 1811 г., от Игеля.
7. Нортон (Ст. Б., Т. II, стр. 2), р. 1811 г., от Гиацинтуса.
8. Каледониан (Ст. Б., т. II, стр. 287), р. 1814 г., от Стамфорда.
9. Оракль (Ст. Б., т. II, стр. 50), р. 1817 г. от Сутсеера.
10. Педрилло (Ст. Б., т. II, стр. 23), р. 1820 г.
11. Моско (Москва) (Зав. книга кр. и скак. лошадей, I, 561), от Сорсерера.

12. Бриллиант (Ст. Б., т. II. стр. 144), р. 1817 г., от Дайамонда.

Легко заметить, при сравнении этого списка со списком жеребцов орловского периода, что жеребцы, поступившие в Хреновской завод при Шишкине, были значительно ниже по своему классу и происхождению. Куплены они были по большей части у Жаксона, и никто из них не был непосредственно из первых рук куплен в Англии. Лучшим из них надо признать серого Эвандера, кличка которого встречается в родословной некоторых классных скакунов Англии, например у дербиста Plenipotentiary. Вероятно, Шишкин не мог располагать по своему усмотрению для импорта из-за границы такими средствами и возможностями, которые в любую минуту имел А. Г. Орлов. Можно восстановить с достоверностью клички и происхождение и пяти-шести кобыл из числа приобретенных в Хреновской завод во времена Шишкина:

1. Вороная б. кл., р. 1819 г., от Комюс (Comus), мать от Шоттль (Shuttle).
2. Гнедая б. кл., р. 1821 г. (?), от Фило да Пута и Агаты от Орвилля.
3. Рыжая Аурора, р. 1819 г., от Леопольда, м. Ланкашайр Уитч, от Мр. Тизл.
4. Вороная Пэгги Рамзай, р. 1819 г., от Ю. Гоханна, м. Маргарет от Сер. Питера.
5. Гнедая Банкер, р. 1822 г., от Банкера (с. Смоленско) и?
6. Рыжая Моншайн, р. 1817 г., от Сильвергильса и Клио, д. Камиллюса.

ЛИКВИДАЦИЯ ЧИСТОКРОВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

«Из песни слова не выкинешь», главу приходится заключать рассказом о грустном конце чистокровного отделения Хреновского завода.

Отсутствие постоянных первоклассных производителей в чистокровном отделении Шишкин пытался возместить посылкой кобыл в Москву на случку со знаменитыми выводными жеребцами Жаксона — Трофониусом, Бурбоном, Леопольдом и другими. Эта рассылка маток на случку, а также и обычный российский путь приобретения лошадей у англичан-конеторговцев, в том числе покупка жеребцов, зачастую стоявших несколько лет в Москве на случайном пункте, оказались причиной многих бедствий для завода в целом и, в частности, причиной гибели и ликвидации чистокровного английского отделения. Либо с одной из партий купленных у Жаксона жеребцов и кобыл, либо через кобыл, покрытых жаксоновскими жеребцами, занесен был в Хреновской завод подседал, с этих пор в продолжение нескольких десятилетий бывший настоящим бичом Хренового. В первую очередь пораженным им оказалось английское чистокровное отделение, откуда подседал перекинулся на другие верховые отделения, а впоследствии захватил и рысистое.

Первая сильная вспышка подседала в Хреновом была в 1819–1820 годах, когда завод потерял более 200 лошадей, и подседал все же не был ликвидирован, а лишь притушен. Следующая вспышка болезни была в 1831–1834 годах, уже во время управления И. П. Седина, в годы бескормицы и беспорядка. На этот раз завод понес огромные потери выхолощенными, павшими и уничтоженными лошадьми, последних было более 300 голов.

Завязанный гордиев узел ветеринарно-санитарного неблагополучия и фуражно-хозяйственных затруднений был рассечен кратким распоряжением А. А. Орловой: «Сократить маточный состав Хреновского завода наполовину», чем И. П. Седин и воспользовался.

Он распродал всех жеребцов, маток и молодняк наиболее пораженного подседалом чистокровного отделения, так что к моменту издания I тома «Заводской книги кровных и скакавших лошадей в России» в 1836 году в чистокровный отдел книги по Хреновскому заводу, за исключением нескольких жеребцов, как оставивших свой след в верховой породе, вносить было уже нечего.

Заключительная глава истории чистокровного отделения Хреновского завода — поразительный пример того, как в самый короткий промежуток времени рушились в прошлом, казалось бы, прочные, десятилетиями возводимые конские заводы. Достаточно

было какого-нибудь десятилетия 1824–1834 годов, чтобы от грандиозного завода чистокровных лошадей, с составом свыше 100 маток (122 кобылы в 1824 году), осталось в буквальном смысле слова одно только воспоминание. Воспоминанием этим была в 1845 году рыжая кобыла Милана, рожденная в 1827 году от Сутсеера и вороной кобылы от Комюса, единственная чистокровная матка в составе Хреновского завода при передаче его в ведение государства.

ОРЛОВСКИЙ РЫСАК, ЕГО СОЗДАНИЕ И ДАЛЬНЕЙШАЯ РАБОТА С ПОРОДОЙ В ХРЕНОВСКОМ ЗАВОДЕ

Глава I

ПРЕДИСТОРИЯ РЫСИСТОЙ ПОРОДЫ. УПРЯЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА ДО БАРСА 1

В эпоху, когда А. Г. Орлов приступил к созданию отечественной рысистой породы, в России упряжных пород лошадей не существовало, а нужда в них была чрезвычайная. Все передвижения на безмерных пространствах многих тысяч верст, с севера на юг и с запада на восток, совершались на лошадях. Лошадь требовалась сильная, крепкая и быстрая. Требовалась лошадь, которая могла бы вывезти тяжелые экипажи того времени со многими седоками и не застрять ни в весенних ручьях, снегах и водомоинах, ни в невылазной осенней грязи, ни в зимних ухабах и сугробах. Каковы были дороги, можно судить по ответу русского ямщика на вопрос Екатерины II — возьмется ли он доставить австрийского императора Иосифа II в Москву за 36 часов? «Берусь, матушка, — ответил лихой ямщик, — доставить немецкого короля в 36 часов, но не отвечаю, будет ли цела в нем душа» [\[114\]](#).

В хороших, крупных и сильных, упряжных лошадях, повторяем, страна нуждалась до чрезвычайности, а их не было. Свои местные, крепкие и выносливые лошади — приземистые мезенки, саврасые вятки, кологривые казанки — не годились потому, что были слишком мелкорослы; иностранные упряжные породы — неаполитанская, «немецкая» и другие, крупные и видные собою, не годились потому, что были слабосильны и не выдерживали больших расстояний. Пышные запряжки в четыре, шесть и даже восемь лошадей, свойственные XVIII веку, были следствием не только расточительной роскоши века, но и вызывались необходимостью. Низкое качество упряжных лошадей возмещалось их количеством, и все же нередко проезжие застревали в пути.

А. Г. Орлов в своей жизни имел случай лично убедиться в правоте слов автора «Городского и деревенского коновала» о том, что испанские, неаполитанские и другие «выписные для карет» лошади

могут быть «употребляемы только для параду, а во вседневную езду, и в тяжелые упряжки не годятся».

В памятный день 28 июня 1762 года, когда Орлов вместе с Екатериной II ранним утром со всей возможной поспешностью ехали из Петергофа в столицу, парадные неаполитанские кони, длинногривые и длиннохвостые, запряженные в тяжелую карету, не доезжая нескольких верст до аставы, приутомились, перешли на шаг, а потом и совсем стали. Положение было отчаянное, каждая упущенная минута грозила неудачей затеянного государственного переворота. Кинулись искать лошадей в окрестных деревушках, привели и запрягли в парадную карету, каких нашли, лошадок всех колеров, мастей и калибров и с грехом пополам добрались до заставы, где уже их встретили встревоженные единомышленники. Вряд ли когда-либо в своей жизни мог позабыть Алексей Орлов эти несколько часов, когда и судьба и жизнь его оказались поставленными на карту от того, что лошади его упряжки не были достаточно резвы и сильны.

ЗАКАЗ ЭПОХИ НА УПРЯЖНУЮ ЛОШАДЬ

Эта порода ко всем достоинствам хорошей упряжной лошади: росту, силе, выносливости, красивой побежке, — такой, чтобы рысь была не рысцой- трусцой, чтобы на шагу лошадь не частила и не мельчила, но шла просторно и споро, — ко всем этим достоинствам должна была обладать резвостью на рыси, во времена А. Г. Орлова совершенно неизвестной. В XVIII веке, если и попадались отдельные случайные лошади, могущие бежать резво рысью или иноходью, то они всегда были самого неопределенного и разнообразного происхождения. Любители резвой езды искали таких рысаков и иноходцев повсюду, где только могли, но найти их было трудно и купить таких случайных рысаков можно было только за очень высокую цену.

Еще в 1809 году «Российский новый и опытный коновал», при описании разных пород лошадей, встречающихся в России, замечал по адресу не только некоторых иностранных, но и своих туземных пород — мезенской, пермской и других, что «из них удаются славные рысаки и иноходцы». Вообще, слово «рысак» было в конце XVIII века синонимом лошади, бегающей резвой рысью, но отнюдь не обозначало породу. Прав был автор статьи «Взгляд на коннозаводство Российского

государства», когда писал в 1823 году, что «до Орлова думали, что такую рысистую породу развести невозможно, ибо полагали, что чрезвычайная рысь лошади есть одна игра природы и не переходит в потомство. Что касается до А. Г. Орлова, то он развел доселе неслыханную породу беговых рысистых лошадей» [115].

Эта оценка современников правильно указывает на состояние рысистого дела и коннозаводства до основания Хренового и на переворот, произведенный работой этого завода. Но для того чтобы создать новую неслыханную породу, А. Г. Орлову предстояло идти путями, никем не хоженными, дорогами, никем не проторенными, и он прошел, как русский молодец в сказке заповедный путь сквозь крутояр. Как справедливо писал профессор академик П. А. Дубовицкий, президент Медико-хирургической академии: «Только при отсутствии малейшего понятия о деле коннозаводства можно предполагать, что рысистая лошадь, созданная Орловым, есть простая случайность, а не дело глубоко обдуманного и вполне постигнутого предприятия» [116].

ПЛЕМЕННОЙ МАТЕРИАЛ, ЛЕГШИЙ В ОСНОВУ РЫСИСТОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Приступая к изучению ответственного участка зоотехнической работы Хреновского завода, необходимо ранее всего систематизировать все отрывочные сведения и разбросанные по разным местам указания первоисточников с тем, чтобы попытаться воссоздать возможно полную и отвечающую действительности картину первых десятилетий жизни рысистого отделения Хреновского завода. Это изучение, естественно, приходится начать с обзора того племенного материала, который лег в основание рысистого отделения, и с выяснения приемов его использования. Чтобы сразу ввести читателя в курс дела, постараемся в одной сводной таблице охватить все богатство племенных лошадей разных пород, которые были вовлечены в работу по созданию рысистой лошади.

Исходные породы, использованные в рысистом отделении Хреновского завода:

	Введено				Всего	
	При А. Г. Орлове		При В. И. Шишкине		жеребцов	кобыл
	жеребцов	кобыл	жеребцов	кобыл		
Арабских	13	11	2	-	15	11
Азиатских (туркменских, персидских, турецких и др.)	8	7	3	-	11	7
Испанских (и датских)	2	12	-	-	2	12
Английских верховых	21	43	12	5	33	48
Английских рысистых	1	10	-	-	1	10
С Дона, Кавказа и Украины	-	3	-	-	-	3
Из Польши	-	4	-	-	-	4
Куплено у частных лиц (неизвестного происхождения)	-	3	-	-	-	3
Из дворцовых заводов	-	20	-	-	-	20
Неаполитанских	-	2	-	-	-	2
Мекленбургских	-	8	-	-	-	8
Голландских	1	10	-	5	1	15
Всего	46	133	17	10	63	143

При первом взгляде на таблицу мы убеждаемся, что работа в рысистом отделении была, по сравнению с работой в верховом отделении, и более сложной и более трудной. На большую сложность воспроизводительного скрещивания в рысистом отделении указывает большое количество пород, в него вовлеченных: вместо четырех групп пород, какие принимали участие в образовании орловской верховой лошади, мы имеем до десяти пород, использованных при создании рысака. Трудность работы, естественно, вытекала из самой поставленной более трудной задачи. Верховые породы, как-никак, существовали, и надо было лишь разобраться в их многообразии и использовать его. Рысистая порода в продолжение первых десятилетий существовала только в воображении ее создателей.

ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ: АРАБСКО-НЕАПОЛИТАНСКОЕ СКРЕЩИВАНИЕ

Первые попытки разведения упряжных лошадей относятся еще к 70-м годам. А. Г. Орлов попытался получить их путем скрещивания жеребцов восточных пород — арабской и азиатской — с кобылами неаполитанскими и датскими. От арабского жеребца Алибея и от неаполитанской кобылы был получен еще в 1775 году гнедой жеребец Надежный. Видимо, он был лучшим из продуктов этого скрещивания, так как он был оставлен в заводе производителем. Однако от этого типа скрещивания лошади, хотя и получались достаточно крупными — неаполитанская кобыла могла быть и 5–6 вершков росту, но они не обладали, да и не могли обладать производительными движениями на

рыси, они никак не могли быть рысаками. Кроме того, и по своим формам слишком многое сохранилось в них от средневековой аляповатости, грубости, топорности цуговых коней кардинальских выездов.

От Надежного в заводе не было оставлено ни одного жеребца, и лишь несколько кобыл от более породных маток, с усилением восточных течений в их родословных, смогли впоследствии быть освоены рысистым отделением.

АРАБСКО-ДАТСКОЕ СКРЕЩИВАНИЕ

Арабско-датское скрещивание оказалось, по результатам его, значительно удачнее. Помимо многих маток, оставшихся в рысистом отделении завода, в том числе одной кобылы — бурой Сметанки от Сметанки [117], заводом было оставлено и несколько жеребцов-производителей: Горностай 2, серый, рождения 1777 года, от Горностая из Аравии и Бережливой из Дании; Полкан 1, серый, рождения 1778 года, от Сметанки и Буланой из Дании; Бычок, бурый, рождения 1782 года, от Старика из Аравии и датской (?) кобылы.

Из них Полкан 1 сыграл выдающуюся роль в образовании орловской рысистой породы. Объяснить эту роль, однако, очень трудно. Возможно, что из всех задач, выпадающих на долю исследователя истории Хреновского завода, эта задача является труднейшей. Несомненно, что успех Полкана 1 в рысистом отделении был не случайным. Полкан 1 известен не только, как отец Барса 1, но и как отец Мраморного и серии кобыл- родоначальниц.

Оставляя пока в стороне вопрос о том, в какой мере успех Полкана 1 объясняется талантливым подбором к нему кобыл, самым типом того особого скрещивания Полкана с голландскими кобылами, которое положило начало созданию породы, мы сейчас должны предварительно сосредоточить внимание на требующем разьяснения вопросе, почему арабско-датские жеребцы и кобылы, оказавшиеся неудачными в верховом отделении, оказались на месте в рысистом отделении завода.

Ранее всего следует отметить, что из всех арабско-датских жеребцов именно Полкан 1, а не Горностай 2 или кто-нибудь другой, сыграл первенствующую роль в рысистом отделении. Серый Горностай 2, рожденный годом раньше Полкана 1, от Горностая и

датской кобылы, несмотря на аналогичное, казалось бы, происхождение, ничем себя не прославил.

Напрашивается мысль, что Полкан 1 был не просто лучшим из арабско-датских жеребцов первого поколения, но и единственным в списке арабско-датских жеребцов сыном Сметанки, который из всех арабских жеребцов был наиболее подходящим для роли родоначальника рысистой породы.

ОСОБАЯ ЦЕННОСТЬ СМЕТАНКИ ДЛЯ РАБОТЫ В РЫСИСТОМ НАПРАВЛЕНИИ. ЕГО ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ТИП И ЭКСТЕРЬЕР

Действительно по всем признакам Сметанка был феноменальным жеребцом. В частности, среди других выводных из Аравии он выделялся не только благородством и правильностью, но, что делало его особенно ценным для заводской работы с ним в рысистом направлении, своей длиной и своими движениями рыси. Смутно сохранилось в памяти москвичей, что Сметанка на рыси выделялся легкой, свободной побегой, что ход его был спорый, просторный и пологий. Отголосок воспоминания о том слышится в рассказе С. И. Колесова про рысака 40-х годов Друга, сына Горюна.

Все старые писатели согласно утверждали, что скелет Сметанки, сохранявшийся до 1812 года в Острове, а позднее в Хреновом, имел 19 пар ребер. Долгое время было принято думать, что современники были введены в заблуждение сильным развитием первого из шести поясничных позвонков. Одно время и я так думал, но, когда в конце 20-х годов XX века в скелете рекордиста Пылюги, 2.08, было обнаружено 19 пар ребер плюс шесть поясничных позвонков, я свое мнение переменял и теперь нисколько не сомневаюсь, что анатомы и ветеринарные врачи XVIII века сумели пересчитать позвонки и ребра.

Единственную сохранившуюся от конца XVIII века запись современника о том впечатлении, которое при жизни производил Сметанка на знатоков лошади, мы находим у Л. М. Эвеста На стр. 467, ч. 1, своего «Полного русского конского лечебника» (изд. 1795 года) Эвест пишет: «Должно признаться, что я не видывал лучшей арабской лошади *красотою, ростом, чистотою и силою натуральных способностей* (курсив наш — В. В.), каков был этот жеребец по прозванию Сметанной».

Это свидетельство имеет для нас тем большее значение, что перед глазами Эвеста за его более чем 35-летнюю службу в государственных конских учреждениях прошли тысячи и тысячи лошадей всяких пород, и все же никому Сметанка пальмы первенства не отдал.

У Эвеста же мы находим и авторитетное подтверждение анатомических особенностей Сметанки, обнаружившихся после смерти. «Остов сего жеребца с 38 ребрами, за редкость поднесь еще хранится в Острове, потому что у лошади обыкновенно бывает только по 36 ребр».

Исторически бесспорных изображений Сметанки до нашего времени не дошло, но вообще они существовали. Имеется в литературе указание, что у В. П. Воейкова было два гобелена: на одном был выткан Лебедь, завода В. П. Воейкова (этот гобелен сохранился до нашего времени), на другом — Сметанка (этот гобелен не сохранился) [118]. Портрет Лебеда, послуживший моделью для гобелена, был в свое время найден — имеется в Музее коневодства, поэтому можно думать, что существовал и портрет Сметанки.

В коллекциях Музея коневодства Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева имеется неустановленного происхождения старый портрет кисти крепостного художника, надписанный «Сметанка». Имя художника не обозначено на портрете, но, поскольку нет к тому противопоказаний, мы имеем все основания полагать, что портрет Сметанки написан тем же живописцем А. Г. Орлова Гавриилом Васильевым. Портрет этот был нами помещен выше. Если нет доказательств, что портрет написан непосредственно со Сметанки, то он может являться копией с неизвестного нам оригинала, и во всяком случае на нем изображен Сметанка именно таким, каким, теоретически говоря, он должен был бы быть.

На портрете мы видим благородного белого жеребца, глубокого, на низких ногах, поражающего своими длинными линиями.

Несомненно, такой экстерьер являлся редкостным для арабской лошади. И неудивительно, что место Сметанки в заводе не мог занять никто из других выводных арабских жеребцов. Искать ему заместителя приходилось среди его сыновей. Однако Фелькерзам и Бовка (и Любимец) происходили от английских кобыл и вряд ли смогли настолько сохранить тип и отличительные особенности

движений отца, как их мог сохранить Полкан 1, происходивший от датской кобылы Фредериксборгского завода. Общий тип, благородство, длина и темперамент отца при несколько большем росте, а возможно при несколько большем богатстве кости, вот что представляет Полкан 1 по сравнению со Сметанкой.

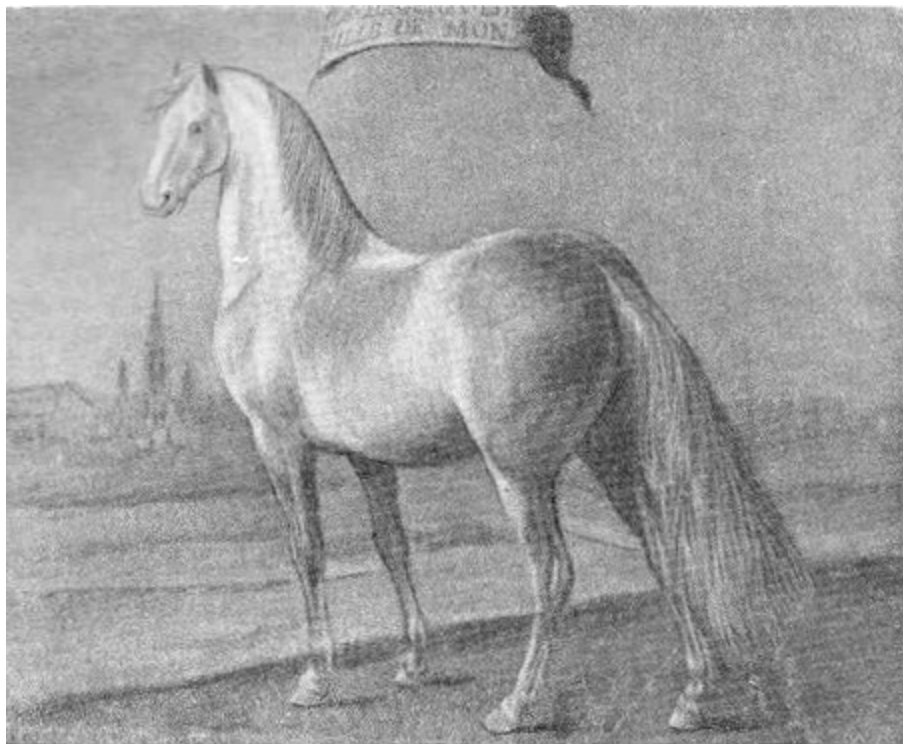
ДАТСКАЯ КОБЫЛА — МАТЬ ПОЛКАНА 1. ЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ТИП И ЭКСТЕРЬЕР

Возможный тип датской кобылы, питомицы Фредериксборгского завода, отпрыска испанской расы, хорошо воссоздается не только на основании старинных картин и литературных описаний, но и по современным фотографиям отдельных лошадей более тяжелого типа липпизанской породы, как, например, те, которые представлены в парной дышловой запряжке на стр. 192.

Датская порода, при ее родственности и филогенетической близости к испанской и липпизанской лошади, имела отпечаток какой-то особой, не свойственной арабским и варварийским лошадям, величавости в своем облике и во всех своих движениях, той величавости, которой отличаются и до сего времени породы испано-итальянского происхождения, кладрубская и липпизанская, той величавости, которая отличает и орловскую рысистую породу. Ведь писал же в свое время немец Фуггер (1578), что он не знает, можно ли вообразить себе или нарисовать коня прекраснее, чем испанская лошадь есть на самом деле, а 100 лет спустя англичанин герцог Ньюкэстл (1658) объяснял аристократам в выражениях, для них понятных, что испанская лошадь среди варварийских и арабских — это «принц в кругу дворян». Приглядитесь к фотографии датской лошади, и вы увидите, что влияние ее сказалось и на некоторых чертах экстерьера орловского рысака. Только одна арабская порода без датской не могла бы дать той гордой, дугой поставленной шеи, которую выработал у липпизанской и датской лошади 200-летний отбор, только одна арабская порода без датской не могла бы дать и той своеобразной формы головы, с вогнутым лбом и с горбатым носом, которая часто встречается у орловского рысака.

Буланая кобыла, мать Полкана, по всей вероятности, была приобретена во Фредериксборгском заводе одновременно с жеребцом Красавцем и группой маток в 1770–1771 годах, когда

Фредериксборгский завод сокращал объем своей работы и ликвидировал несколько отделений. Архивы Фредериксборгского завода сохранили данные о том, что многие и притом лучшие лошади завода были проданы в Россию. В эти же годы из Фредериксборга продан в Липпицу жеребец Плуту, родоначальник одной из основных линий липпизанского завода XIX столетия. Это обстоятельство еще раз подчеркивает близость типа, как равно и происхождения датской и липпизанской лошади. Во Фредериксборгском заводе было много отделений, и весьма возможно, что буланая кобыла, мать Полкана, принадлежала к одному из упряжных отделений завода, лошади которого отличались несколько большим ростом и костистостью, сохраняя в целом тот же свойственный фредериксборгской расе тип и экстерьер.

Племенной жеребец испанской породы. С картины XVIII в. Из собрания Музея коневодства ТСХА.

Племенной жеребец испанской породы. С картины XVIII в. Из собрания Музея коневодства ТСХА.

Если допустить, что Полкан происходил от буланой кобылы упряжного отделения, то становится понятным, почему Полкан 1 для верхового отделения Хреновского завода оказался мало полезным.

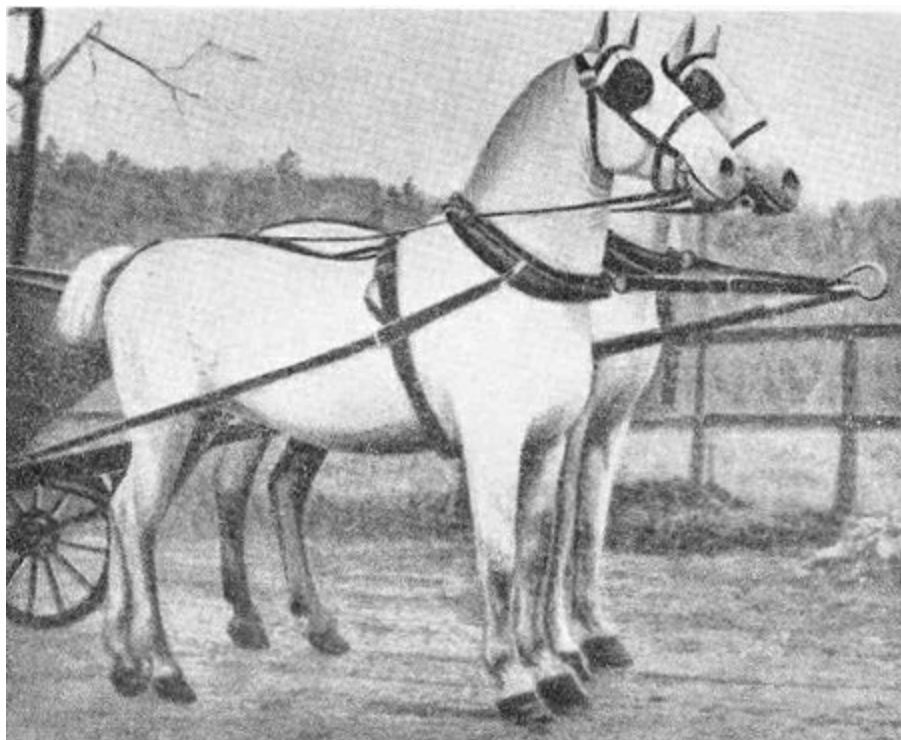

Еще на одной иппологической гипотезе, на возможной детали экстерьера Полкана 1, хотелось бы остановить внимание читателя-специалиста. Она имеет отношение к вопросу о том, почему Полкан 1, неудачник в верховом отделении Хреновского завода, мог сыграть такую видную роль в рысистом.

Есть много оснований думать, что Полкан 1 имел хотя и высоко поставленную, но малоподвижную шею — шея дугой, а постанов шеи тугой, — а также и несколько тяжелую голову.

Для верховой лошади все это является большим недостатком, особенно при передвижении быстрым галопом, когда длина шеи определяет период «колебания маятника», а тяжесть головы — момент инерции.

Эти же экстерьерные особенности перестают быть недостатками и даже могут оказаться достоинствами для лошади, предназначенной передвигаться симметричным аллюром — рысью. Здесь голова и шея могут быть малоподвижными, почти неподвижными, а также и величина головы, ее тяжесть, имеет сравнительно небольшое значение.

Пара упряжных лошадей Липпизанского завода. Фотография начала XX в.

***Пара упряжных лошадей Липпизанского завода.
Фотография начала XX в.***

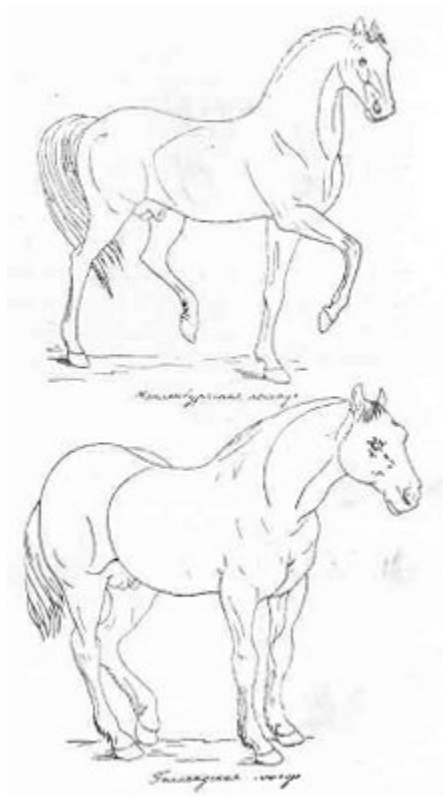
Не случайно практика призового дела выработала технические приемы фиксации головы рысака в определенном положении во время бега: дуга, поводки и кольца в русской закладке, оберчеки и т. п. приспособления в американской упряжи.

При всех своих экстерьерных и интерьерных особенностях и достоинствах, сын Сметанки и буланой датской кобылы не мог еще быть упряжной лошадью законченного или желательного для Хреновского завода типа, он никак не мог быть рысаком. Для этого ему не хватало самого существенного, что отличает рысака — резвости на рыси.

Добиваться резвости, при сохранении по возможности породного типа и экстерьера Полкана 1, предстояло заводу в следующих поколениях, и это было нелегко и было сопряжено с большими затратами времени, труда, денег и племенного материала. Непосредственно от Полкана 1 за время пребывания его в заводе общее количество полученного от него приплода должно было быть никак не меньше 100–120 голов. Оставлено в заводе от Полкана 1 было семь жеребцов и 21 кобыла — по свидетельству В. И. Шишкина, по заводским книгам мы можем найти только трех жеребцов и не более 8—10 кобыл, дочерей Полкана 1. От других детей Полкана 1 следов не осталось, чем еще раз подтверждается то положение, что масштаб заводской работы в Хреновом был много больше того, который мы можем восстановить, работая только по официальным изданиям заводских книг позднейшего периода.

ВВОЗ КОБЫЛ ИЗ МЕКЛЕНБУРГА

Следующим по времени типом межпородного скрещивания, которое было проведено в упряжном, пока еще не рысистом, отделении Хреновского завода, было скрещивание жеребцов восточных пород с кобылами мекленбургской упряжной породы. Мекленбургские кобылы появились в заводе в значительном количестве к 1780 году, на несколько лет раньше, чем голландские жеребцы и кобылы, привод которых в Хреновое произошел в 1783 году [\[119\]](#).

Мекленбургская и голландская лошадь. С рисунка 1823 г.

Мекленбургская и голландская лошадь. С рисунка 1823 г.

Мы не знаем, состоял ли когда-либо какой-нибудь мекленбургский жеребец в составе производителей Хренового. Если и состоял, то, повидимому, он оказался полным неудачником, и кличка его не уцелела ни в одной родословной. Из числа мекленбургских кобыл не менее восьми оставили свой след в орловской рысистой породе.

В 80-х годах мекленбургских и голландских кобыл в Хреновском заводе скрещивали и с чистокровными арабскими жеребцами и азиатско-арабскими (Лебедь Армянский и Араб 2), спаривали и с англо-арабским Фелькерзамом, и с арабско-неаполитанским Надежным, но чаще всего — с Полканом 1. Непосредственно от мекленбургских кобыл не вышло ни одного производителя рысистого отделения. Очевидно, от них непосредственно не получалось, да и не могло получиться, резвых рысаков, но дочери мекленбургских кобыл от породных азиатско-арабских жеребцов оказались в заводе в свое время ценными матками, нужными для спариваний с Барсом 1 и его сыновьями.

Помещаемое нами изображение мекленбургской лошади из «Еженедельника» сходится с ее описаниями в старинной и иппологической литературе, которая ее аттестует как лучшую из немецких пород (см. Таннекера и др., позже Рутенберга). Мы видим породную, сухую, мускулистую лошадь, на хороших, хотя и несколько длинных ногах, создающих впечатление цыбатости, с высоко поставленной шеей и прекрасной спиной. В том же «Еженедельнике», при описании серого жеребца Фрипона, мекленбургской породы, бывшего у Павла I, отмечается статность и гордый, красивый вид мекленбургской лошади (1823, стр. 239). В старинной литературе всегда отмечалась также присущая мекленбургским лошадям лебединая шея.

Рост мекленбургских лошадей по литературным данным был около 3 вершков (от 2 до 4) [\[120\]](#); особой резвостью она не отличалась, но обладала хорошими, развязными, хотя и крутыми движениями.

Современные нам авторы, говоря о мекленбургской лошади конца XVIII века, обычно допускают ту ошибку, что считают ее полукровной английской. Это мнение находится в категорическом противоречии с первоисточниками. До начала XIX столетия английская чистокровная лошадь не попадала в Мекленбург. Еще в 1827 году А. Ленгерке, автор первой по времени монографии о мекленбургской лошади [\[121\]](#), писал, что в XVIII веке Мекленбург обладал своей исторически сложившейся местной расой красивых и выносливых лошадей, очень хороших для упряжи и для сельского хозяйства. Попыты последующего скрещивания мекленбургских лошадей с голштинскими ухудшили качества расы. В самое же последнее время, как пишет автор, т. е. надо полагать примерно после наполеоновских войн, прибегли и к ввозу чистокровных производителей из Англии и с 1822 года ввели скаковые испытания.

Если мы зададим вопрос, что же представляла собой эта местная раса, то на основании первоисточников мы должны будем ответить, что в основе ее, как, например, и в основе ольденбургской лошади, лежала аборигенная лошадь северо-германского побережья, облагороженная восточной кровью, испанской, варварийской, турецкой и пр. Ряд документов XVI и XVII столетий говорят об имевшем место использовании в Мекленбурге производителей и даже о ввозе кобыл —

испанской, а затем и неаполитанской, варварийской, турецкой и других пород.

ГОЛЛАНДСКИЕ ЛОШАДИ XVIII ВЕКА

Прошло уже около 20 лет от начала работы в Островском заводе, уже свыше 10 лет производились Орловым межпородные скрещивания различных типов, в различных сочетаниях породных восточных лошадей с западными упряжными из придворных заводов датского и липпизанского, из заводов итальянских герцогов и кардиналов, из заводов мекленбургской знати и дворянства, но Хреновской завод все еще очень недалеко продвинулся вперед на пути создания желательного ему типа рысистой лошади.

И вот только когда Орлов обратился к крестьянской лошади Западной Европы, к лошади, разводимой фермерами Голландии, только тогда в работе по созданию рысака наступил решительный сдвиг. 1783 годом датируется привод из Голландии жеребца вороного без клички и нескольких кобыл, из которых серая кобыла № 2 (табл. 18 Зав. кн. 1847 года) стала матерью Барса 1. Вслед за изображением мекленбургской даем и изображение голландской лошади из того же «Еженедельника для охотников до лошадей за 1823 г.».

Насколько кровна и суха мекленбургская лошадь, настолько же проста, груба и тяжела голландская лошадь, или фризская крестьянская, изображенная на рисунке 1823 года. Мы видим огромную, флегматичную, сырую лошадь, с тяжелой головой, мягкой спиной, спущенным крестцом, низко приставленным хвостом, раздвоенным крупом, с густым фризом на всех четырех ногах. «Безобразная лохмоногодсть» голландской лошади всегда отмечалась в литературе.

Фризская лошадь. С гравюры Ван-дер-Страата.

Фризская лошадь. С гравюры Ван-дер-Страата.

В иностранной иппологической литературе XVIII века встречаются многочисленные указания на крупные пороки экстерьера, нередко присущие вороным каретным фризским лошадям», а также на их недостаточную работоспособность, слабосилие.

Приведем, как характерный, отзыв французского автора Гаспара Сонье. Из многих выбираем именно Г. Сонье, потому что он был хорошо осведомлен в состоянии коневодства в Голландии, долгое время жил там, и даже 1-е издание своей книги выпустил в Гааге [\[122\]](#).

Голландские и фризские лошади (Сонье их никак не смешивает с фламандскими) «годятся для карет, тяжелы и велики ростом», но часто имеют (дословный перевод — «подвержены иметь») плоские копыта, курбы на скакательных суставах, наливывы и разные формы шпата.

Скрещивание с лошадьми вороной фризской каретной породы было предприятием далеко не безопасным. За несколько десятилетий до Орлова его предпринял в Англии не кто иной, как Бэквелл, и вот что рассказывает об этом эпизоде Куллей, приверженец и почитатель Бэквелла.

Бэквелл вместе с Дж. Солсбери переплыли Немецкое море для выбора и покупки — лично, не через посредников — жеребцов и кобыл. «После больших трудов и издержек» они вернулись с транспортом голландских кобыл. «Хотя эти голландские кобылы и были использованы для улучшения» местных лейстерских лошадей, но результаты, пишет Куллей, не соответствовали поставленным целям. Улучшенная тяжелая вороная лейстерская лошадь непригодна ни для армии, ни как разъездная, ни даже для сельского хозяйства и вытесняется отовсюду, исключая городской транспорт.

Куллей особо настаивает на непригодности ее для сельского хозяйства, ибо «современная система сельского хозяйства» требует лошадей более ревностных и энергичных, способных лучше выдерживать усталость, более подходящих для продолжительных передвижений [\[123\]](#).

При всех своих недостатках голландская (фризская) порода была все же в XVIII веке единственной на континенте Европы породой, в которой появление рысаков, способных бежать резвой рысью, хотя и было все еще игрой случая, но не являлось уже таким редким исключением, чтобы повергать всех в изумление.

Породу эту, выведенную фризскими и дрентскими фермерами на тучных низменных пастбищах Голландии, обычно в зоотехнической литературе XX века называют голландской рысистой. Однако такая терминология неверна. Порода эта не была рысистой, не называлась рысистой и не разводилась как рысистая. Во времена Орлова не говорили «голландская рысистая», а говорили «великорослая фризская крестьянская лошадь» и добавляли только, что среди фризских лошадей нередко попадаются рысаки «гардтраберы» — «harddravers».

Нет и речи о том, чтобы фермеры Гренингена и Фрисландии ставили перед собой задачу отбора и подбора по резвости, чтобы молодые лошади проходили какой-либо специальный тренинг.

Не было и систематических испытаний племенных лошадей.

Если в езде у фермера лошадь выказывала рысистые способности, ее обычно продавали любителям, охотникам до резвой езды, и она навсегда пропадала для племенного использования.

Голландец Л. Берггофер не столько простодушно, сколько вынужденно свидетельствует, что не только в XVIII, но и в XIX веке в Гренингене и Фрисландии «...заводчики редко бывают владельцами

рысаков. Последние держатся особенными любителями, у которых рысак переходит из рук в руки до тех пор, пока сделается мало способным к бегу и тогда употребляется уже только на простые работы, фермеры же... редко пускают старую или разбитую кобылу на приплод», а равно и «редко заботятся о том, которые (лошади. — В. В.) наиболее имеют способности для бега».

В отрывке из книги голландского автора «Natuurlyke historie van Holland», переведенном и напечатанном в «Записках для охотников до лошадей на 1825 год» под заглавием «О беге голландских сильных рысаков (harddravers)», говорится следующее:

«Гардтраб, сильная рысь, заключается в способности лошади на рыси переступать задними ногами за передние. Обыкновенные лошади на рыси задними ногами за передние не переступают. Этой способностью обладают только сильные рысаки — гардтраберы. Знаменитые рысаки «Malle Jan» и «Van Hogenliend» переступали задними ногами за передние на 6 футов». Далее автор приводит изображение «истинно красивого положения и бега сильного рысака» и пишет: «Для настоящей и красивой рыси потребно, чтобы лошадь на бегу поднимала голову и шею, свободно двигала плечами и коленками, вытягивала тело и, поднимая копыта, прижимала их так, чтобы ноги следовали одна за другою, подобно крылам мельницы». Идеалом хода того времени в отношении всех вообще упряжных пород, которые должны были красоваться в парадных выездах, был крутой высокий ход, и лошади, шедшие им, у нас в России в старину назывались лошадьми «на красном ходу. Лучшие рысаки среди голландских harddravers могли пробежать 200 «туавов» в 1 минуту, т. е. были близки к резвости 2'00» на 1 км. Рысаки такого класса могли сказаться и среди тех восьми кобыл и одного жеребца, которые были выведены в 1783 году из Голландии в Хреновский завод. Но во всяком случае они не были лошадьми рысистой породы, а всего только рысаками, только сырым материалом, подходящим для выведения рысистой породы, породы лошадей с закрепленными способностями. А. Г. Орлов сумел мастерски использовать этот сырой материал.

О СЕРЫХ ГОЛЛАНДСКИХ КОБЫЛАХ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА

Однако все ли лошади, выведенные в Хреновской завод из Голландии в 1783 году, были одинакового типа? И того ли же самого, который выводился, например, Бэквеллом в Англию? Есть серьезные основания в этом сомневаться.

Отбор лошадей в Голландии был произведен совершенно особенный, своеобразный. Прежде всего приобретались лошади не просто каретные, упряжные, а рысистые. Характерно и то, что при выборе лошадей явно воздерживались от покупки вороных, наиболее распространенных на родине и наиболее известных за ее пределами. Были отобраны какие-то редкостные или во всяком случае редкие экземпляры серых рысаков.

Из племенных книг, а также и из аттестатов Хреновского завода мы знаем, что в числе восьми приведенных кобыл лишь две были вороные, т. е. типичной для фризской лошади масти; остальные же кобылы, в том числе и мать Барса 1, были серой, не типичной для голландского рысака масти. Заслуживает серьезного внимания выдвинутая профессором Шапоружем версия, что эти кобылы, т. е., в частности, мать Барса 1, принадлежали к более породным ответвлениям фризской лошади, улучшенным прилитием варварийской крови, которое одно время в конце XVII и в начале XVIII века практиковалось в Голландии.

Самый выбор исходного маточного материала несомненно имел очень большое влияние на успех предпринятого скрещивания.

Дальнейшая история завода показывает, что вороные кобылы, а также и вороной жеребец, выведенный из Голландии в 1783 году, сыграли в Хреновом весьма малую роль по сравнению с серыми кобылами; потомство их имело иную судьбу и иным образом было использовано в заводе, не так, как потомство серых кобыл.

ПРИПЛОД МЕКЛЕНБУРГСКИХ И ГОЛЛАНДСКИХ КОБЫЛ

После этой краткой характеристики основных пород, использованных в Хреновском заводе, вернемся к нашему изложению последовательных этапов создания орловской рысистой породы.

Первый приплод от голландских кобыл был получен в Хреновском заводе в 1784 году, и за первые два года своего пребывания в Хреновском заводе не голландские кобылы дали трех производителей

для рысистого отделения: Барса 1, серого, рождения 1784 года, от Полкана 1; Мраморного, серо-пегого, рождения 1784 года, от Полкана 1; Цветного, гнедого, рождения 1785 года, от Еруслана.

Приводим полный список потомства мекленбургских и голландских кобыл и жеребцов, получившего заводское назначение в Хреновском заводе.

Из Мекленбурга	Сыновья и дочери, оставленные в Хреновском заводе:
<i>Кобылы:</i> Косматая (табл. 23) ¹	Пава, от Лебеда Армянского, р. 1774 г. (Серый из Армении —Щеголиха датская).
Гнедая (табл. 24)	Госпожина Сестра, от Надежного, р. 1775 г. (Али-бей из Аравии —кобыла из Неаполя).
Гнедая (табл. 24)	Гнедая (м. Любезного 1), от Араба 2, р. 1778 г. (Араб 1 — Белая из Персии).
Бурая (табл. 25)	Преклонная, от Полкана 1, р. 1778 г. (Сметанка кобыла из Дании). Невинная, от Фелькерзама 1, р. 1778 г. (Сметанка — коб. из Англии от Бабрама).
Без клички (табл. 26)	Огненная, от Надежного, р. 1775 г. (Алибей — кобыла из Неаполя).
Гнедая (табл. 27)	Сухая, от Балабана из Англии.
Гнедая (табл. 28) ²	Кометка, от Надежного, р. 1775 г. (Алибей — кобыла из Неаполя).
Большая гнедая (табл. 29)	Цесарбеиха, от Цесарбея 1 (продан в 1781 г.), из Аравии.
Из Голландии	
<i>Жеребец</i> вороной, б. к., выведенный в 1783 г.	Кроткая (табл. 10), мать рыжечалая (Галия), из Англии. Постоянная (табл. 13), м. Постоянника, из Англии
<i>Кобылы:</i> Серая № 2 (табл. 18)	Барс 1, р. 1784 г. от Полкана 1, р. 1778 г. Заводский жеребец.
Серая № 4 (табл. 18)	Баба, от Чалого жеребца из Бухарии.
Вороная № 5 (табл. 18)	Любезная, р. 1784—1786 г., от Полкана 1, р. 1778 г.
Большая серая (табл. 20)	Мраморный, р. 1784 г., от Полкана 1, р. 1778 г. Заводский жеребец.
	Черничка, р. 1785 г., от Араба 2, р. 1778 г.
	Арабка, р. 1786—1787 г., от Араба 2, р. 1778 г.
	Галка ³ р. 1786—1787 г., от Араба 2, р. 1778 г.
Маленькая серая (табл. 19)	Натужная, р. около 1790 г., от Полкана 1, р. 1778 г.
	Серая, р. 1784 или 1786 г., от Полкана 1, р. 1778 г.
Вороная (табл. 19)	Цветной, р. 1785 г., от Еруслана (Старик из Аравии — Свирепая из Англии). Заводский жеребец.
Удалая ⁵ (табл. 38)	Фениксова ⁴ , от Феникса 2, р. 1780 г., сына Феникса (из Аравии) и Бородавки из Аравии (?)
	Удалая, от Улана 1, р. 1782 г. (Старик, из Аравии — Уланиха, из Аравии).

¹ Нумерация таблиц везде приводится по Заводской книге выигравших и бежавших лошадей, ч. I. 1847, СПб.

² На табл. 28 значится еще одна мекленбургская кобыла б. к. с приплодом — Преклонной, от Полкана 1, но эта кобыла определенно «удвоенная» таблицы 25.

³ Весьма возможно, что Арабка, Черничка и Галка одна и та же Кобыла. По крайней мере, все три клички по значению очень схожи, у каждой из трех кобыл в приплоде значится, среди прочих, кобыла Силинская, от Силинского 1.

⁴ Феннксова в табл. 19 ошибочно показана от Бородавкина.

⁵ Удалая, приходящаяся через свою дочь, Удалую от Улана 1, бабкою Кролику 1, по табл. 38 значится неизвестного происхождения. Однако в описи завода В. И. Шишкина в породе двух маток, Ловкой (ст. 331) и Флейты (ст. 340), им указывается ее порода совершенно определенно: «пр. бабка Удалая голландская». В породе Хреновской Беянки у Д. П. Голохвастова (ст. 397) указано: «рысистой Удалая».

Эти таблицы являются очень убедительным доказательством того обстоятельства что, раз попав в Хреновской завод, мекленбургские и особенно голландские кобылы имели вполне определенное назначение в заводе: скрещивание с верховыми породами, в первую очередь с арабской и восточными, а целях образования новой породы или, может быть, первоначально даже просто нового сорта лошадей.

Голландских и мекленбургских кобыл спаривали не только с чистопородными жеребцами верховых пород, раньше всего с арабскими, но также и с арабско-неаполитанским Надежным: ему подбирали более сухих и легких мекленбургских кобыл, и с арабско-датским Полканом 1: ему подбирали более сырых и рослых голландских кобыл.

Нельзя пройти мимо одного обстоятельства. В то время, как спаривания голландских кобыл с арабско-датским Полканом, а также и с арабскими и англо-арабскими жеребцами имели выдающийся успех, тот же самый тип скрещивания, но осуществленный в обратном направлении, т. е. спаривание голландского жеребца с арабско-датскими, арабскими или другими верховыми кобылами, ничего выдающегося не дало.

От вороного жеребца из Голландии остались в заводе только две посредственные матки. Этим самым Хреновской завод в своей работе еще раз ярко проиллюстрировал первостепенное значение умелого выбора материнской породы при разного рода межпородных скрещиваниях.

Направление, взятое на выведение нового сорта или новой породы лошадей, выдерживалось уже настолько строго, что мы тщетно стали бы искать в заводских книгах рожденного в Хреновском заводе приплода чисто голландского, чисто мекленбургского или голландско-мекленбургского происхождения. Хотя вороной голландский жеребец и состоял производителем в Хреновом с 1783 года и мог быть использован для спаривания с голландскими и мекленбургскими

кобылами, но это не входило в намерения завода. Такое скрещивание не дало бы породной упряжной лошади, — это с одной стороны: а с другой — А. Г. Орлов к этому времени уже мог знать по опыту предшествующей 20-летней работы в верховом отделении, что как разведение в чистоте иностранных пород, так и различные скрещивания между собой лошадей пород Западной Европы дают мало удовлетворительные результаты.

И мы видим, что А. Г. Орлов не делает ни одной попытки получить в Хреновском заводе будь то чистокровных фризских рысаков, будь то мекленбургско-голландских помесей и, в то же время, проводимые в Хреновом скрещивания голландских и мекленбургских кобыл с арабскими жеребцами, арабско-азиатскими характер планового мероприятия, проводимого в течение ряда лет в широком масштабе.

В эти 80-е годы А. Г. Орлов, как художник в расцвете таланта, смело и уверенно ведет линию, горячо и ярко кладет краски.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЭТАПЫ РАБОТЫ

Уже на первом этапе работы завода всех лучших жеребцов, начиная со Сметанки, Салтана, Старика, спаривали с упряжными кобылами западно-европейских пород: неаполитанской, датской, мекленбургской. Но эти скрещивания не оказались еще вполне удачными, и родившиеся от них лошади тогда даже не получали заводского назначения. В самом деле, первое поколение рожденное в заводе от восточных жеребцов, насчитывало: четыре жеребца от Сметанки — Полкан 1, Фелькерзам 1, Бовка, Любимец, один жеребец от Салтана 1 — Салтан 2; семь жеребцов от Старика Еруслан, Кривой, Бычок, Улан, Коломченок, Постылый, Стариченок; один жеребец от Горностая 1 — Горностай 2; один жеребец от Алибея — Надежный; один жеребец от Араба 1 — Араб 2; один жеребец от Феникса 1 Феникс 2; один жеребец от Серого из Армении — Лебедь Армянский.

Всего 17 производителей от 8 жеребцов.

Однако уже во втором поколении произошла переоценка пригодности жеребцов для рысистого отделения. Хотя все выведенные с Востока — из Армении, Турции, Аравии, Персии — жеребцы, как мы видим, были испробованы и от всех, по возможности, оставлено потомство, но далеко не все жеребцы оказались равноценными. Видимо, Сметанка оказался для упряжного отделения завода по

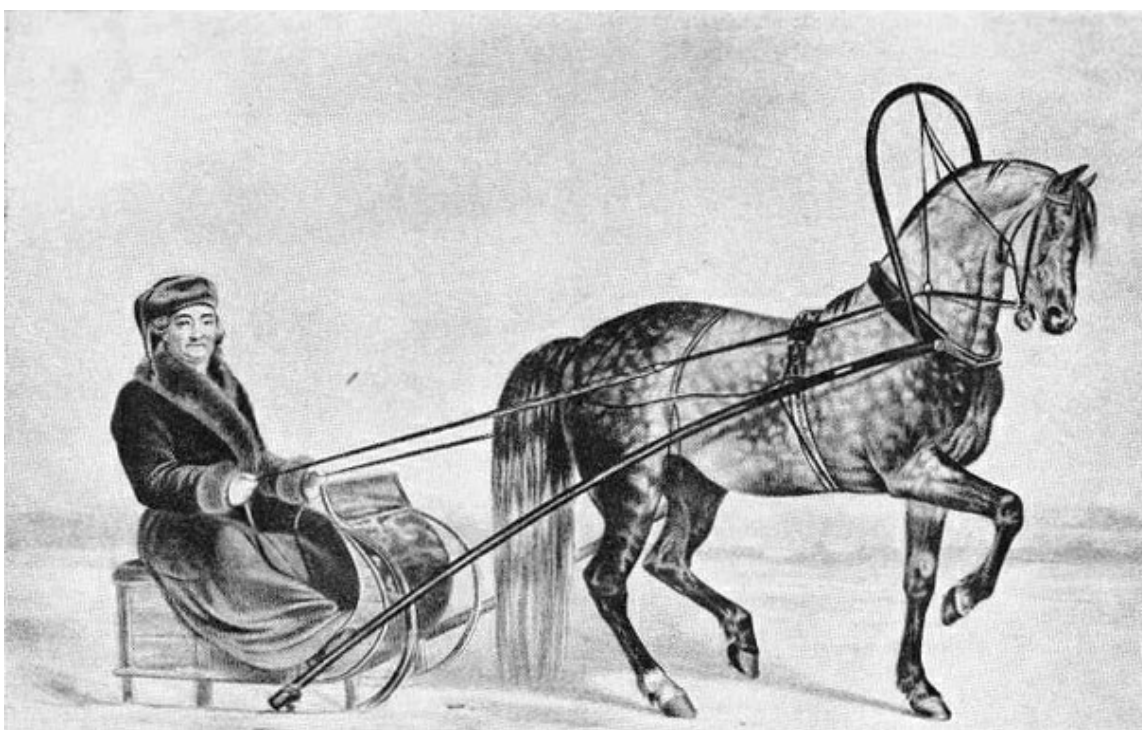
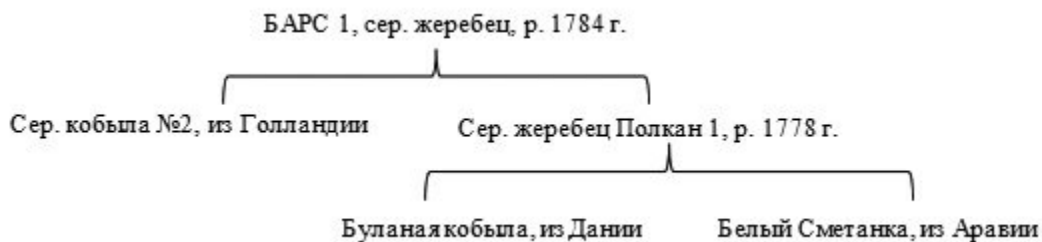
результатам заводского его использования много ценнее других выводных жеребцов. Завод после смерти Сметанки не смог его заменить какими бы то ни было из выведенных одновременно с ним производителей и предпочел перейти к использованию его сыновей — Полкана 1, Фелькерзама 1 и т. д., вместо оставшихся еще в живых арабских производителей — Бородавкина, Цесарбея, Араба, Горностая.

После Сметанки, из числа других выводных арабских жеребцов завод сильнее всего использовал Старика. Об этом говорит число оставленных в заводе от Старика жеребцов. Их было семь, но уже из внуков Старика в рысистом отделении был оставлен один жеребец Цветной. В дальнейшем прямая мужская линия Старика не сохранилась в Хреновом, хотя Цветной происходил также от голландской кобылы, как и Барс 1 и Мраморный.

Во втором поколении нескольких мужских представителей в рысистом отделении завода имела одна только линия, Сметанки: Барс 1, Мраморный, Полкан 2, Веселый 1 и Любимец 1. Жеребцы линии Салтана, не считая отдельных исключений, использовались лишь в верховом отделении. Из пяти жеребцов линии Сметанки трем жеребцам чисто верхового комплекса Полкану 2, Веселому 1 и Любимцу 1 — было предоставлено ограниченное поле использования в рысистом отделении. Для основной работы по задуманному плану были оставлены лишь три жеребца от голландских матерей: два жеребца из линии Сметанки — Барс 1 и Мраморный, и один жеребец из линии Старика — Цветной.

СПАРИВАНИЕ ПОЛКАНА 1 С КОБЫЛАМИ. ВЫВОДНЫМИ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Выделившееся, по полученным результатам, спаривание арабско-датского Полкана с голландскими кобылами и заложило краеугольные камни будущего здания орловской рысистой породы. К этому сочетанию принадлежат не только Барс 1, Мраморный, но и серия кобыл — родоначальниц Хреновского завода: Любезная, Натужная, Серая и т. д., матери таких производителей, как Похвальный 1, Усан 1, Похвальный 2, Барсик Большой, Залетный 2 и другие.

А. Г. Орлов едет на Барсе 1. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

А. Г. Орлов едет на Барсе 1. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

Таким образом, родословная Барса 1 является типичной родословной, которой обладали, вероятно, многие десятки лошадей, родившихся в Хреновском заводе в 80-х годах XVIII века. Утверждение профессора Шапоружа, будто бы неизвестно, были ли сделаны в Хреновом попытки получить другого Барса, принадлежит к числу самых грубых ошибок зарубежного исследователя [124]. Уже в следующем, третьем, поколении выяснилось превосходство Барса 1 над всеми другими производителями внутри самой линии Сметанки, превосходство, которое вскоре привело к тому, что в рысистом отделении Хреновского завода не могло быть лошади, которая бы не

происходила по мужской линии от Барса 1, почему ему с полным правом и было присвоено имя «родоначальника».

Белый Сметанка, как известно, оставил четырех жеребцов и одну кобылу, которые все были сохранены заводом. Получивших заводское назначение в рысистом отделении сыновей, внуков и правнуков Сметанки читатель найдет в приводимой на стр. 202 таблице, хорошо уясняющей то значение, какое получил Барс 1 по сравнению с другими представителями линии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложный процесс создания орловской рысистой породы, даже в его первых этапах, отстоял бесконечно далеко от той общепринятой схемы происхождения породы, того представления о «выведении породы» Орловым, которое господствовало на протяжении столетия и против которого я принужден был возражать еще в 1927 году, делая свою первую, несомненно, еще в целом мало удавшуюся мне попытку углубленной трактовки вопроса ^[125]. В 1927 году я писал:

«В дореволюционной иппологической литературе широко распространен был тот трафаретный взгляд на процесс создания рысистой породы, который нашел себе яркое выражение в предисловии Ю. И. Юрлова, редактора официального издания «Хреновской завод», соответствующее место откуда мы и приводим целиком:

«В 1774 и 1775 годах графом А. Г. Орловым-Чесменским были приобретены двенадцать арабских жеребцов, в числе которых особенно выделялся серебристо-белый Сметанка, через год павший. Задавшись мыслью вывести лошадь, которая при всех других достоинствах обладала бы резвой рысью, гениальный коннозаводчик, кроме трех английских кобыл, дал Сметанке одну датскую (буланой масти); от этой последней родился серый жеребец Полкан, который унаследовал достоинства отца и матери и отличался могучей силой, но по преданию не имел вполне свободного развязного бега. Так как лошади голландской породы отличались именно теми способностями, которых недоставало Полкану 1, то ему была назначена голландская матка (серой масти), от которой он дал в 1784 году серого Барса 1, соединившего в себе достоинства трех пород: арабской, датской и голландской и представлявшего из себя тот самый тип, к

воспроизведению которого стремился А. Г. Орлов-Чесменский. Барс был назван родоначальником рысистой породы, так как оставалось только закрепить в потомстве те формы и качества, которыми он обладал».

Потомство Сметанки в рысистом отделении завода:

В I поколении	Во II поколении	В III поколении	В IV поколении
1) Сер. Полкан 1, род. в 1778 г., пал в 1793 г.	Сер. Барс 1, род. в 1784 г., пал в 1808 г.	Сер. Барсик Большой, род. в 1792 г., прод. в 1808 г.	1 жер. и 14 коб.
		Сер. Барсик Маленький, род. в 1792 г., прод. 18... г.	?
		Сер. Барсик, род. в 1792 г., прод. в 18... г.	1 жер. и 1 коб.
		Сер. Добрый 1, род. в 1792 г., прод. в 1804 г.	1 жер. и 11 коб.
		Сер. Похвальный, род. в 1792 г., пал в 1800 г.	1 жер. и 4 коб.
		Гн. Богатырь, род. в 1792 г., выбыл к 1800 г.	1 коб.
		Вор. Прусачкин, род. в 1795 г., прод. в 1808 г.	2 коб.
		Сер. Постояннин, род. в 1796 г., прод. в 1804 г.	3 коб.
		Вор. Любезный 1, род. в 1784 г., пал в 1819 г.	8 жер. и 48 коб.

		Гн. Безьямка 1, род. в 1800 г., пал в 1822 г.	1 жер. и 42 коб.
		Сер. Усан 1, род. в 1802 г., прод. в 1807 г.	2 коб.
	Сер. Мраморный, род. в 1784 г., пал в 1798 г.	Сер. Лебедь 1, род. в 1804 г., пал в 1822 г. 5 кобыл	3 жер. и 14 коб.
	Сер. Полкан 2., род. в 1789 г., прод. в 1797 г.,	1 жер. и 2 коб. Сер. Полканчик, род. в 1794 г., прод. в 1811 г.	
2) Сер. Фелькерзам 1, род. в 1778 г., пал в 1796 г.	1 жер. и 2 коб. Сер. Веселый 1 род. в 1793 г., пал в 1816 г.	1 жер. и 2 коб. Сер. Цесарбей 2, род. в 1807 г., пал в 1830 г.	
3) Сер Бовка, род. в 1778 г., прод. в 1785 г.	1 жер. Гн. Любимец 1, род. в 1786 г., пал в 1798 г.	1 коб.	
4) Сер. Любимец, род. в 1778 г., пал в 1790 г.	1 коб.		

Рассказ этот неподражаем по стильности и цельности впечатления. Основные даты факты внешней истории создания рысистой породы не искажены, но освещение их дано крайне примитивное и поверхностное.

Сложнейшие процессы образования породы объяснены более чем просто: Орлов вызвал Барса 1 к бытию простым росчерком пера — «Быть по сему». Дал Сметанке одну датскую кобылу: «назначил» Полкану голландскую кобылу серой масти, «получил» в 1784 году Барса, «назвал Барса родоначальником», и Барс стал таковым. Такова схема мысли Ю. И. Юрлова, а с ним десятков и сотен коннозаводчиков и иппологов дореволюционного периода.

Концепция эта, однако, не выдерживает никакой критики».

И четверть века спустя мне приходится с еще большей настойчивостью предостерегать против нее читателей, и в особенности читателей-специалистов работающих в области племенного коннозаводства.

Нельзя совершенно недопустимо, с такими упрощенными представлениями подходить к труднейшим вопросам создания новых пород животных. «Образ совершенства», употребляя выражение XVIII века, не воссоздается легко, почти автоматически неизбежно, в силу удачно придуманных скрещиваний.

Недостаточно было только захотеть Барса, чтобы его и получить, как по мановению волшебной палочки, гением коннозаводчика.

С другой стороны, Барс не был и игрою счастья, без прецедентов и повторений. Он появился на путях настойчивых опытов и искании в определенном направлении. Появился в результате упорной, планомерной работы, в особях, созданных в Хреновском заводе, условиях коннозаводского режима кормления и выращивания лошадей.

И тем более, завод никоим образом не считал свою задачу выполненной с момента получения Барса, а создание Барса явилось лишь одним из срединных этапов зоотехнической работы, нуждавшейся в своем продолжении и завершении. И дальнейший успех при работе в рысистом направлении Хренового объясняется не какой-то особой «индивидуальной потенцией» Барса 1, а успех этот явился результатом продуманного применения правильных методов творческой племенной работы.

Глава II

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ ПОРОДЫ: БАРС 1, ЕГО СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ

*Зачато дело, а поверишишь его не вдруг
(Народная пословица).*

Барс 1, родившийся в 1784 году, был серой масти, большого роста и, — как писал В. И. Шишкин, — «все части имел соответствующие росту, правильные, имел легкость, большую силу и бежал рысью отлично резво». По пересказанному В. И. Коптевым описанию одного из старых москвичей, видевших Барса 1 на Московском бегу, Барс «был серо-пегий, необыкновенно густ, фризист и имел несколько спущенный зад, бежал необыкновенно красивым нарядным ходом, ростом был около 2 арш. 5 вершков».

В этом описании экстерьера нас смущает определение масти Барса, — «серо-пегий», что находится и решительном противоречии со всеми другими источниками. Скорее всего, память изменила старому москвичу, видевшему жеребцов А. Г. Орлова в дни своей юности, и он приписал Барсу масть полубрата его по отцу — Мраморного, который одновременно с Барсом подвизался на Московском бегу.

Этот Мраморный, сын Полкана и Большой серой из Голландии кобылы (табл. 20 Зав. кн. 1847 г.), родившийся в том же 1784 году, что и Барс, был действительно серо-пегим, почему и получил свою кличку.

Добавим, что среди сыновей и дочерей Барса 1 мы не можем указать ни одной пегой лошади, а они, несомненно, были бы, если бы Барс был пегим.

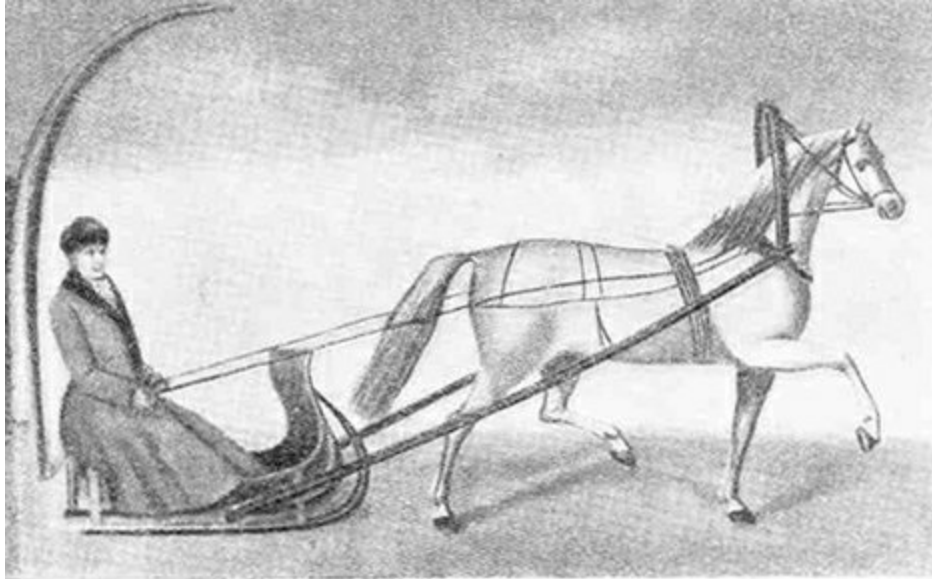
Вообще же не только что пегие, но и рысаки с большими белыми отметинами никогда не были в фаворе в Хреновом, и племенное использование их в заводе было крайне ограниченным, как мы видим в 90-х годах на примере самого Мраморного, или позже в 1810-х годах на примере Мужика 1 (Холстомера).

Изображающая А. Г. Орлова едущим на Барсе 1, технически слабая, но зоотехнически очень интересная старинная гравюра с подлинника, рисованного сыном А. Г. Орлова А. А. Чесменским, представляет нам жеребца, в экстерьерном отношении соответствующего описанию. На основании приводимого у В. И. Коптева описания экстерьера Барса 1 следует признать, что голландский элемент в этом случае, при скрещивании Полкана 1 с голландской кобылой, сказался довольно сильно. Описание отмечает рост, густоту, фризистость, спущенный зад — все характерные признаки голландской лошади, но ничего не говорит о породности, сухости, темпераменте и других качествах арабского Сметанки, которые, повидимому, были выражены у Барса 1 несколько менее ярко.

Первая по времени русская гравюра, изображающая выезд А. Г. Орлова на Барсе 1. Выпущена еще при жизни А. Г. Орлова.

***Первая по времени русская гравюра, изображающая выезд
А. Г. Орлова на Барсе 1. Выпущена еще при жизни
А. Г. Орлова.***

А. Г. Орлов на Московском зимнем бегу. С картины Музея коневодства ТСХА, предположительно работы крепостного художника Гавриила Васильева.

А. Г. Орлов на Московском зимнем бегу. С картины Музея коневодства ТСХА, предположительно работы крепостного художника Гавриила Васильева.

Надо, однако, полагать, что все же Барс 1 в достаточной мере удовлетворял и в этом отношении требованиям завода, был достаточно уравновешен. В. И. Шишкин ведь говорит, что он отличался правильностью форм и «имел легкость», иначе бы он и не мог получить того значения, занять то место, какое ему было отведено в заводе.

Помещаемое здесь еще одно изображение Барса 1 в санях, отъезжающего на Московском бегу от знаменитого «китового уса» — призового столба того времени, в известной мере пополняет наше представление об экстерьере Барса 1, но является все же в значительной степени условным и интересно главным образом аксессуарной стороной. Опираясь на свидетельство С. И. Колесова («Пятьдесят лет тому назад», стр. 2), мы в праве считать, что этот портрет писал крепостной живописец А. Г. Орлова Гавриил Васильев.

Значительно более слабой по живописи являлась, повидимому, не сохранившаяся картина неизвестного художника, с которой была

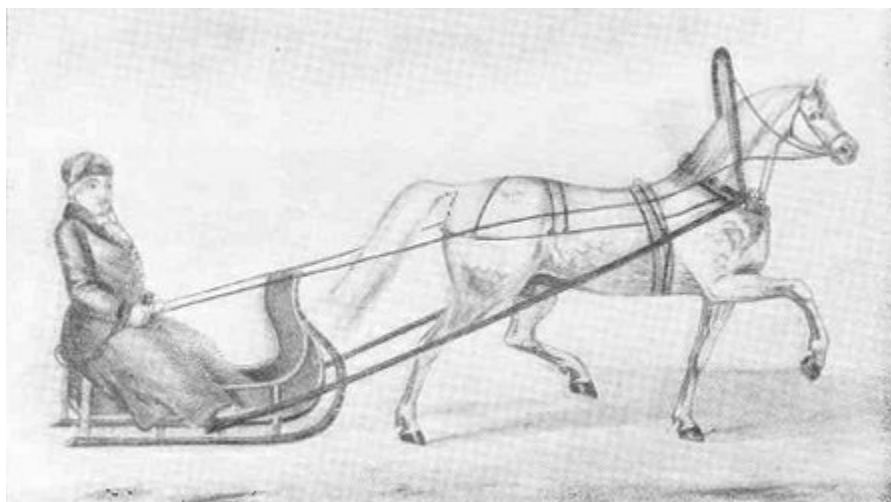
выпущена литография. также помещаемая нами. Черты лица Орлова на ней искажены до неузнаваемости.

В коннозаводческих кругах широкую известность получила гравюра Н. Е. Сверчкова «А. Г. Орлов едет на Барсе 1», но она относится уже к середине XIX столетия.

***БАРС 1 — СЫН МОЛОДЫХ РОДИТЕЛЕЙ.
МНОГОЛЕТНЕЕ, ПУТЕМ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ
УПРАЖНЕНИИ, РАЗВИТИЕ ЕГО РЫСИСТЫХ
СПОСОБНОСТЕЙ***

Арабско-датско-голландский Барс 1, с «расшатанной» сложным скрещиванием наследственностью, еще к тому же происходил от молодых родителей. Он не только принадлежал к первой ставке детей Полкана 1, но, по всем данным, был первым и единственным приплодом молодой матери, которой было, повидимому, шесть лет в год его рождения.

Барс 1, представляя собой очень благоприятный пластический материал, был особо податлив к воздействующим условиям направленного воспитания.

Барс 1, родоначальник рысистой породы. Старинная литография.

***Барс 1, родоначальник рысистой породы. Старинная
литография.***

А условия выращивания были созданы для него и его сверстников (рождения 1784 г.) особые. Именно ставка 1784 года — Барс 1, Мраморный и др. — была, по всем данным, первой ставкой

Хреновского завода, прошедшей, начиная с молодых лет, систематический рысистый тренинг, такой, какого не знали в России до Барса 1 и какого не проходил конский молодец ни в Голландии, ни в Англии, ни в какой-либо другой стране. Сам сын молодых родителей, Барс 1 был задержан в тренинге до возраста полной зрелости и тем самым были максимально использованы все возможности выработки желательных рысистых качеств Барса 1 во все годы его незаконченного индивидуального развития.

Восстанавливаем и суммируем некоторые фактические даты.

Барс 1 родился в 1784 году и пал в Хреновском заводе в 1808 году. Производителем в завод он был зачислен в 1791 году, после многих лет тренинга и соответствующего испытания на летнем бегу в Москве, где его видели многие московские охотники. Даты устанавливаются:

- 1) сообщением В. И. Шишкина, что Барс 1 пробыл в заводе 17 лет;
- 2) тем обстоятельством, что первый по времени известный по заводским книгам приплод от Барса 1 родился в 1792 году.

ПОДБОР К БАРСУ 1 В ХРЕНОВСКОМ ЗАВОДЕ

Всех рысаков, детей Барса 1, получивших заводское назначение, можно разделить на несколько групп.

Первая группа — от кобыл того же арабско-датско-голландского сочетания, как и сам Барс 1.

Вторая — от арабско-мекленбургских кобыл.

Третья — от «рысистых», т. е. обладавших хорошей рысью кобыл, выписанных из Англии.

Четвертая — от маток чисто верхового комплекса.

ЛИНИЯ ПОХВАЛЬНОГО 1

Наиболее удачные жеребцы из рысаков-производителей первой группы: Похвальный 1, Барсик Большой и Усан 1, происходят от дочерей Полкана 1 от голландских кобыл.

ПОХВАЛЬНЫЙ 1, сер., р. 1792 г.							
Серая (табл. 19), р. 1784 или 1786 г.				Барс 1, р. 1784 г.			
Маленькая сер., из Голландии		Δ Полкан 1, р. 1778 г.		Сер. коб. № 2, из Голландии		Δ Полкан 1, р. 1778 г.	
		Буланая, из Дании	Сметанка			Буланая, из Дании	Сметанка

БАРСИК БОЛЬШОЙ, сер., р. 1792 г.			
Любезная, вор. (?), р. 1784-1786 г.		Барс 1, р. 1784 г.	
Вороня коб. № 5, из Голландии	Δ Полкан 1	Серая № 2, из Голландии	Δ Полкан 1, р. 1778 г.

УСАН 1, сер., р. 1802 г.			
Натужная, сер., р. около 1790 г.		Барс 1, р. 1784 г.	
Большая серая (табл. 20), из Голландии	Δ Полкан 1	Серая № 2, из Голландии	Δ Полкан 1, р. 1778 г.

Было бы ошибочно трактовать приводимые родословные в духе родственного разведения, имеющего целью повторение одного Полкана 1. Здесь все дело в повторении всего арабско-датско-голландского комплекса и притом в той именно форме, которая имеется уже в Барсе 1: Полкан 1 X голландская кобыла.

Каждый, хоть издали знакомый с коннозаводством, знает, что при разведении племенных лошадей и родные братья друг в друга не удаются, тем более было бы ошибкой из сходства родословных Похвального 1, Барсика Большого и Усана 1 заключать о сходстве их самих. С гораздо большим основанием из несходства их использования в заводе, из неодинакового к ним подбора маток можно выводить заключение о разности их типа и экстерьера, как мы это и постараемся показать в дальнейшем изложении.

Похвальный 1 оставил в заводе весьма ценного сына — сер. Похвального 2, рождения 1798 года. Родословная его очень любопытна.

ПОХВАЛЬНЫЙ 2, сер., р. 1798 г.							
Натужная, сер., р. около 1790 г.				Похвальный 1, сер., р. 1792 г.			
Большая серая (табл. 20), из Голландии		Δ Полкан 1		Серая (табл. 19)		Барс 1, сер., р. 1784 г.	
				Маленькая сер., из Голландии	Δ Полкан 1	Серая № 2, из Голландии	Δ Полкан 1

Итак, Похвальному 1 в подборе назначались кобылы опять-таки дочери Полкана 1 и выводных из Голландии. Видно настойчивое стремление закрепить комбинацию, давшую Барса 1. Повидимому,

Похвальный 2 был достаточно гармоничным, «уравновешенным» рысаком.

Похвальный 2 оставил очень заметный след в Хреновском заводе через своих сыновей — Чистяка 1, Хвального 1 и Горностая 3 — и через многочисленных дочерей, в числе которых были матери Похвального 3 и Ловкого 2.

В каком же направлении завод вел далее линию Похвального?

Ответом на это служат родословные производителей, оставленных в заводе от Похвального 2.

Родословная Горностая 3 построена целиком на арабско-датско-голландском сочетании, причем комплекс — Полкан 1 X кобыла из Голландии — повторен четыре раза (два раза через Барса 1) и занимает $\frac{3}{4}$ родословной, остальная $\frac{1}{4}$ — это арабско-голландская Черничка [Араб 2 — Большая (табл. 20) из Голландии], инбридируемая в родословной Горностая 3 по формуле III–III.

ГОРНОСТАЙ 3, сер., р. 1806 г.							
Постоянница, р. около 1800 г.				Похвальный 2, сер., р. 1798 г.			
Черничка, сер., р. 1785 г.		□ Барс 1, сер., р. 1784 г.		Натужная, сер., р. около 1790 г.		Похвальный 1, сер., р. 1792 г.	
▲ Большая серая (табл. 20), из Голландии	Араб 2	Серая № 2, из Голландии	Δ Полкан 1	▲ Большая серая (табл. 20), из Голландии	Δ Полкан 1	Серая (табл. 19)	□ Барс 1, сер., р. 1784 г.
						Маленькая сер., из Голландии	Δ Полкан 1
						Δ Полкан 1	Серая № 2, из Голландии
							Δ Полкан 1

Однако Похвальный 2 и его сын Горностай 3, при большом количестве введенной в них голландской крови, хотя и только через серых кобыл, вероятно были представителями более тяжелого, отклоняющегося в голландскую сторону типа, и вот в родословных двух родных братьев: Чистяка 1, сер., рождения 1804 года, и Хвального 1, сер., рождения 1806 года, от Маски, дочери Полкана 2, мы видим стремление несколько облегчить тип Похвального 2, ведя, однако, линию по тому же направлению.

Родословные Чистяка 1 и Хвального 1 свидетельствуют о тонкой и искусной коннозаводческой работе.

МАСКА, сер., р. 1796—1798 г.							
Скудная, сер., р. 1790—1792 г.				Полкан 2, сер., р. 1789 г.			
Черничка, сер., р. 1785 г.		Феникс 2, сер., р. 1780 г.		Прелесть, гн., р. около 1783 г.		Полкан 1, сер., р. 1778 г.	
Большая серая (табл. 20), из Голландии	Араб 2, сер., р. 1778 г. (Араб из Аравии – Краля из Персии)	Бородавка, из Аравии (?)	Феникс, из Аравии	Прелесть, р. около 1777 г. (Глазунчик, из Англии – Прелесть из Аравии ?)	Красавец, из Дании	Буланая, из Дании	Сметанка, из Аравии

В серой Маске — матери Чистяка и Хвального 1 — течет опять-таки только арабско-датская и голландская кровь, причем налицо и Полкан 1 и голландская большая серая кобыла (табл. 20), но арабско-датская часть родословной Маски значительно преобладает над голландской.

НЕДОЛГОВЕЧНОСТЬ, ПРИСУЩАЯ ЛОШАДЯМ ЛИНИИ ПОЛКАНА 1 И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ В ХРЕНОВОМ

«Природа полна западнями». В процессе творческой работы по созданию рысистой лошади Хреновскому заводу пришлось встретить и преодолеть еще одно большое затруднение. Как известно, Полкан 1, единственный наследник Сметанки, пригодный для выведения упряжных лошадей, происходил от датской кобылы и на несчастье унаследовал от нее нередко присущую испанским и датским лошадям недолговечность, вызывавшую много сетований в старинной литературе. Полкан 1 родился в 1778 году и пал в 1793 году, т. е. 15 лет от роду. Другой арабско- датский жеребец, Горностай 2, родился в 1777 году и пал в 1791 году, т. е. 14 лет. Из числа дочерей и сыновей Полкана 1 мы, кроме Барса I, не знаем никого, кто бы дожил до 20-летнего возраста. Мраморный, сын Полкана 1 и голландской кобылы, родившийся, как и Барс, в 1784 году, пал уже в 1798 году. Ни одна из многочисленных дочерей Полкана 1, которые все родились в промежуток времени между 1784—1794 годами, не оставила в Хреновом жеребят, рожденных после 1804 года. По заводским книгам известно следующее потомство дочерей Полкана 1 в рысистом отделении Хреновского завода.

От Серой 6. к. (табл. 19) ¹ , р. 1784—1786 г.	— Похвальный 1, р. 1792 г., Тромпетер Молодой, р. 1795 г.
От Натужной (табл. 20), р. около 1790 г.	— Похвальный 2, р. 1798 г., Усан 1, р. 1802 г.
От Преклонной (табл. 25), р. 1784—1786 г.	{ Беглянка } р. между 1792—1796 г. Угрюмая }
От Просторной (табл. 1), р. 1791—1793 г.	— Неохотная, р. 1800—1801 г.
От Закрасы (табл. 23), р. 1790—1792 г.	— Закраса, р. 1802—1804 г.
От Любезной (табл. 18), р. 1784—1786 г., можно отметить получение последнего приплода в возрасте 13-15 лет.	{ Барсик Большой 2, р. 1792 г. Залетный 2, р. 1797 г. Самсониха, р. 1798 или 1799 г.

¹ Все ссылки на таблицы даны по Зав. книге выигр. и беж. лошадей, изд, 1847 года.

Теперь обратим внимание на то, что из числа жеребцов, перечисленных в списке, Похвальный 1 родился в 1792 году, пал в 1800 году, Тромпетер Молодой родился в 1795 году, пал в 1800 году, Похвальный 2 родился в 1798 году, пал в 1813 году, т. е. 15 лет, как и Полкан 1.

Сыновья Похвального 2: Чистяк 1 родился в 1804 году, пал в 1816 году, т. е. 12 лет; Хвальный 1 родился в 1806 году, пал в 1822 году, т. е. 16 лет.

Сын Чистяка 1 — Чистяк 2 родился в 1813 году, пал в 1824 году, т. е. 11 лет.

Таким образом, нам становится ясной вся опасность инбридинга на Полкана 1 в тех случаях, когда хотя бы с одной стороны в родословной отца или матери мы имеем клички заведомо не отличавшихся долголетием лошадей (Мраморного, Полкана 2, Натужной и других). В этом случае и долголетне Барса 1, прожившего до 24 лет, помочь делу не могло.

Однако полученный от спаривания Барса 1 с Любезной, дочерью Полкана 1, Барсик Большой, рождения 1792 года, отличался, как и Барс 1, долголетием и даже еще в возрасте 27 лет дал в Бронницком государственном заводе известного серого жеребца Богатыря, рождения 1819 года («Подробные сведения», 1839 г., стр. 84). Также и Залетный 2, сын Залетного 1 и той же Любезной, дочери Полкана 1, дожил до 28 лет и пал в Хреновском заводе лишь в 1825 году. Сын Барсика Большого, Молодец, рождения 1800) года, дожил до 27 лет и пал в 1827 году.

Как нам представляется, Барс 1 и Любезная по своей долговечности были редкими исключениями среди детей Полкана 1, но ведь их-то надо было найти и суметь отобрать из всего потомства Полкана 1, от которого в заводе было оставлено семь жеребцов и 21 кобыла. А дальше уже оказался не страшен ни инбридинг на Барса 1, ни инбридинг на Полкана 1, если он проводился через Барса 1 или через потомков Любезной, Барсика Большого и Залетного 2. И тем более могло быть закреплено во всей породе ценнейшее качество долговечности через тех сыновей и дочерей Барса 1, которые были получены без применения родственного разведения.

Приводим некоторые данные о продолжительности жизни наиболее известных сыновей и внуков Барса 1.

Барс 1. род. в 1784 г., пал в 1808 г., т. е. 24 лет.

Барсик Большой (Полкан 1 в II–II р. п.), род. в 1792 г., пал после 1819 г., т. е. 27 лет. Любезный 1, род. в 1794 г., пал в 1819 г., т. е. 25 лет.

Лебедь 1, род. в 1804 г., пал в 1822 г., т. е. 18 лет.

Безымянка 1 (в III–IV р. п. Сметанка), род. в 1800 г., пал в 1822 г., т. е. 22 лет. Арфа, дочь Барса 1, род. ранее 1800 г., пала в 1826 г., т. е. свыше 26 лет.

Кролик 1. род. в 1801 г., пал в 1825 г., т. е. 24 лет.

Добрый 2, род. в 1810 г., пал в 1833 г., т. е. 23 лет.

Серьезный 1 (во II–II р. п. Барс 1), род. в 1806 г., пал в 1831 г., т. е. 25 лет. Ловкий 1 (во II–III р. п. Барс 1), род. в 1812 г., пал в 1831 г., т. е. 19 лет.

Полкан 3 (в III–IV р. п. Барс 1), род. в 1817 г., пал в 1833 г., т. е. 16 лет.

Ловкий 2 (в III–IV–IV–IV р. п. Барс 1), род. в 1819 г., прод. в 27-летнем возрасте. Летун 1 (в II–III р. п. Любезный 1), род. в 1820 г., пал в 1846 г., т. е. 26 лет. Чистяк 3 (в III–IV–IV–IV р. п. Барс 1), род. в 1823 г., пал в 1853 г., т. е. 30 лет.

ВОЗРАСТНОЙ ОТБОР И ПОДБОР В РЫСИСТОМ ОТДЕЛЕНИИ

Обращает на себя внимание, что рысаки, перечисленные в этом списке, все происходят от сравнительно молодых родителей. В частности, нет ни одного засвидетельствованного случая происхождения от матери старше 10–11 лет, а именно:

Производитель (год рождения)	Отец (год рождения)	Мать (год рождения)	Возраст	
			отца	матери
Барс 1, 1784	Полкан, 1778	Серая, около 1778	6	Около 6
Барсик Больш., 1792	Барс 1, 1784	Любезная, 1784-1786	8	6-8
Любезный 1, 1794	Барс 1, 1784	Гнедая, 1784-1786	10	8-10
Лебедь 1, 1804	Барс 1, 1784	Невинная, 1794-1795	20	9-10
Безьянка, 1800	Барс 1, 1784	Надежная, 1793-1794	16	6-7
Молодец, 1800	Барсик Больш., 1792	Прелесть, около 1790	12	около 10
Кролик 1, 1801	Добрый 1, 1794	Удалая, около 1795	7	около 6
Серьезный 1, 1806	Любезный, 1794	Амазонка, 1795-1796	8	10-11
Добрый 2, 1810	Безьянка, 1800	Серая, около 1800	10	около 10
Ловкий 1, 1812	Лебедь, 1804	Дура, около 1805	8	около 7
Полкан 3, 1817	Ловкий 1, 1812	Нечаянная, 1811	5	6
Ловкий 2, 1819	Ловкий 1, 1812	Пивоварка, 1809	7	около 10
Чистяк 3, 1823	Ловкий 1, 1812	Веспа, 1817	11	6
Легун 1, 1820	Лебедь 2, 1815	Похвальная, около 1814	5	около 6

Выше уже приходилось говорить о том, что Хреновской завод избегал использования старых жеребцов, а кобыл по достижении ими 17-летнего возраста исключал из заводского состава и продавал.

Мы знаем также, что у Шишкина были составленные им «выписки», «в каких именно годах заводские жеребцы производили лучший приплод, и громадный Хреновской завод представлял ему в этом отношении обильные факты, из которых сей хотя и неученый простой человек строил себе теоретические правила, которым и следовал» [126].

Тип возрастного отбора и подбора, выработанный в Хреновом, строго проводился впоследствии Шишкиным и в его собственном заводе. «Правила», которым он следовал в своем заводе, были еще строже хреновских. Старых, точнее говоря, начинавших стареть жеребцов, В. И. Шишкин продавал, не обращая внимания ни на какие их заслуги. Так, например, Молодого Атласного он продал к 19 годам, во время самого расцвета беговой карьеры его сына, Бычка, а знаменитого Безьянку — даже 14 лет.

В возрасте 15–17 лет, а иногда и раньше, Шишкин исключал из завода самых первоклассных кобыл, даже таких, как Дуброва, мать Горностая, Икунья, мать Кролика, Богатая, мать Молодецкого, Усадница, мать Похвального, Павлина и Настоящего.

Орлов и Шишкин проводили не только строгий возрастной отбор, но и возрастной подбор. Они придавали большое значение использованию производителей и маток не только в определенных

возрастах, но и в определенных возрастных соотношениях пар, подбираемых для скрещивания.

Молодых кобыл подбирали обычно к жеребцам старше их на несколько лет — обычно, но не всегда, как мы видим на примерах Полкана 3 и Летуна 1, которые произошли, подобно Барсу 1, от молодых отца и матери.

Но вот уже всегда, когда кобыла приближалась к возрасту 10 лет, а жеребец, с которым в предшествующие годы ее спаривали, к 13–15 годам или старше, подбор изменялся, пары пересоставлялись. Завод не повторял даже самых, казалось бы, индивидуально удачных подборов, а спаривал своих заслуженных заводских маток с другими, более молодыми жеребцами.

Особой отточенности возрастной подбор достиг в 30-х годах в собственном заводе Шишкина, очевидно уже умудренного всем предшествующим хреновским опытом. Проследив одну за другой племенную деятельность почти 100 шишкинских кобыл, мы выносим твердое убеждение в том, что иллюзия, будто одно лишь удачное, подходящее сочетание кровей может обеспечить успех подбора и что потому проверенный подбор при его дальнейшем, бесконечном повторении является важнейшим залогом получения классного потомства, эта иллюзия никогда не имела власти над умами пытливых и наблюдательных зоотехников-практиков А. Г. Орлова и В. И. Шишкина.

Они из практики знали, на опыте проверили, что с возрастом животных наследственная природа их не остается неизменной, что качество и класс приплода от старых производителей-жеребцов и маток хуже, чем от производителей молодых и в расцвете сил. В настоящее время мы имеем по этому вопросу большой бесспорный материал [\[127\]](#). Мы знаем, в частности, что рожденные от старых родителей животные отличаются ослабленной жизненностью, пониженным долголетием и плодовитостью.

Тип возрастного отбора и подбора, выработанный Орловым и Шишкиным, на фоне общего рационального заводского режима и кормления, несомненно, сослужил хорошую службу в борьбе за укрепление ценных конституциональных качеств орловского рысака, его здоровья, долголетия, плодовитости, экстерьерной беспорочности.

Преодоление конституциональной ослабленности Полкана 1 в его потомках никак нельзя считать счастливой случайностью, оно не было следствием механического отбора по долголетию.

Выше мы имели возможность убедиться, что все хреновские жеребцы, относящиеся к первым десятилетиям XIX века и доживавшие до 21–25—28 лет, родились от молодых родителей. Значит, Хреновской завод «вынуждал» природу порождать крепких и долголетних лошадей.

ЛИНИЯ БАРСИКА БОЛЬШОГО

Еще один сын Барса 1 от полуголландской кобылы, серый Барсик Большой, рождения 1792 года, происходил от Любезной, дочери Полкана 1 и вороной кобылы № 5.

Чрезвычайно интересно сравнить его использование в заводе с использованием Похвального 1. Оказывается, что оно шло по совсем иному направлению. Барсик Большой, видимо, значительно уклонялся в сторону голландского типа; поэтому, если линию Похвального 1 можно было вести даже по пути дальнейшего повторения комплекса Полкан 1 X голландская кобыла, то Барсика Большого необходимо было ранее всего «уравновесить». И вот мы видим, что Барсику Большому подбирают кобыл без всякой примеси не только голландской, но даже и мекленбургской упряжной крови.

Приводим родословную лучшего сына Барсика Большого, Молодца, рождения 1800 года.

МОЛОДЕЦ, светлосерый, р. 1800 г.									
Прелесть, гн., р. около 1790 г.					Барсик Большой, сер., р. 1792				
Прелесть, гн., р. около 1783 г.			Еруслап, гн., р. 1778 г.		Любезная, сер., р. 1784-1786		Барс 1, р. 1784 г.		
Прелесть, р. около 1777 г.		Красавец, из Дании	Кобыла, из Англии	Старик, из Аравии	Вороная, из Голландии	Полкан 1	Серая, из Голландии		Полкан 1
Прелесть, из Аравии (7)	Глазунчик, из Англии								

Однородное происхождение имеет и большинство кобыл от Барсика Большого. Еще более интересную картину, однако, представляет следующее поколение. Оказывается, Молодец был взят в

завод именно для кобыл, дочерей Барсика Большого, т. е. для своих полусестер, имевших однородную с ним родословную. В Хреновской заводе было оставлено 12 кобыл от Барсика Большого, и еще две кобылы от Барсика Большого известны нам в частных заводах. И мы знаем девять кобыл следующего поколения — от них и от Молодца. Значит, завод планомерно добивался закрепления результатов только что пройденного этапа заводской работы. Приводим типичную родословную одной из дочерей Молодца.

ЛЕНИВАЯ, серая, р. около 1808 г.							
Двойнишная, р. около 1800 г.				Молодец, сер., р. 1800 г.			
Гнедая, р. 1792-1794 г.		Барсик Большой		Прелесть, р. около 1790 г.		Барсик Большой	
Прелесть	Надежный			Прелесть	Еруслан	Любезная	Барс 1
Прелесть (арабско-англ.)	Красавец, из Дании	Кобыла, из Невроля	Ангбей, из Аравии	Прелесть (арабско-англ.)	Красавец, из Дании	Кобыла, из Англии	Старик, из Аравии

Таким образом, еще во времена А. Г. Орлова линия Барсика Большого велась именно как самостоятельная линия Барсика Большого (не Полкана 1 или Барса 1), и приемы работы с ней отличались определенным своеобразием: повторялся комплекс — Барсик Большой в сочетании с кобылой арабско-датско-английской.

В дальнейшем, линия Барсика Большого прекратила свое обособленное существование в Хреновом. Из сыновей Молодца никто не был оставлен в заводе а кобыл В. И. Шишкин начал спаривать с жеребцами других линий.

На этом примере мы очень ясно видим, что Хреновской завод, на известных этапах работы в рысистом отделении, закладывая линии, применял иногда родственное и даже близкородственное разведение, в пределах каждой линии на протяжении двух-трех поколений (Похвальный 1 — Похвальный 2—его сыновья и дочери; Барсик Большой — Молодец — его дочери). Тем самым линии, а их было в рысистом отделении немалое число, становились в максимально достижимой степени не родственными друг другу.

Прибегая к этому приему, Хреновской завод не предполагал замыкаться в родственном разведении внутри линий. Наоборот, он создавал путем инбридинга линии для того, чтобы в последующем иметь возможность проводить скрещивания между линиями, искать удачных сочетаний их друг с другом.

ДРУГИЕ СЫНОВЬЯ БАРСА 1 ОТ ПОЛУГОЛЛАНДСКИХ КОБЫЛ

Ценным для завода производителем мог быть серый Усан 1, рождения 1802 года, который происходил от Барса 1 и от той самой кобылы Натужной (Полкан 1 — Большая серая, из Голландии), которая перед тем в 1798 году дала Похвального 2 (родословную см. выше на стр. 208). Как свидетельствует В. И. Шишкин, Усан 1 «был отлично резв и силен». Однако он не долго пробыл в заводе — по всем признакам всего один случной сезон. В 1807 году престарелому А. Г. Орлову, получившему звезду и рескрипт, потребовалось подарить царю рысака для езды, и Усан 1 был подведен выхолощенным императору Александру I.

Видимо, Усан 1 был тоже сравнительно более тяжелого типа, так как две дочери его, оставшиеся в заводе, происходили от арабско-датско-английских маток. Из них Досадная была матерью Усана 2 и родоначальницей серин знаменитых хреновских кобыл (Жиганки, Кривой и др.).

К группе сыновей Барса 1 от полуголландских кобыл относится и серый Постояннихин, рождения 1796 года. Он имел несколько иное происхождение. Как видно из прилагаемой родословной, его мать Постоянная, дочь вороного жеребца, выведенного из Голландии в 1783 году, и английской кобылы Постояннихи.

ПОСТОЯННИХИН, сер., р. 1796 г.			
Постоянная, р. 1783 г.		Барс 1, р. 1784 г.	
Постоянниха, из Англии	Вороной жеребец б.к., из Голландии	Серая кобыла № 2, из Голландии	Полкан 1

Постояннихин не оставил большого следа в Хреновском заводе. Ему подбирали кобыл с уже «уравновешенной» родословной (арабско-голландских и арабско-мекленбургских). Жеребцов от него оставлено не было, кобыл же осталось три, клички которых встречаются лишь в отдаленных восходящих поколениях в родословных некоторых рысаков (например, у Горностая 4).

СЫНОВЬЯ БАРСА 1 ОТ АРАБСКО-МЕКЛЕНБУРГСКИХ КОБЫЛ: ЛЮБЕЗНЫЙ 1 И ЛЕБЕДЬ 1

Вторую группу сыновей Барса 1 составляют жеребцы, происходящие от арабско-мекленбургских кобыл. Их всего два, но зато

эти жеребцы вороной Любезный 1 и серый Лебедь 1, два самых знаменитых сына Барса 1.

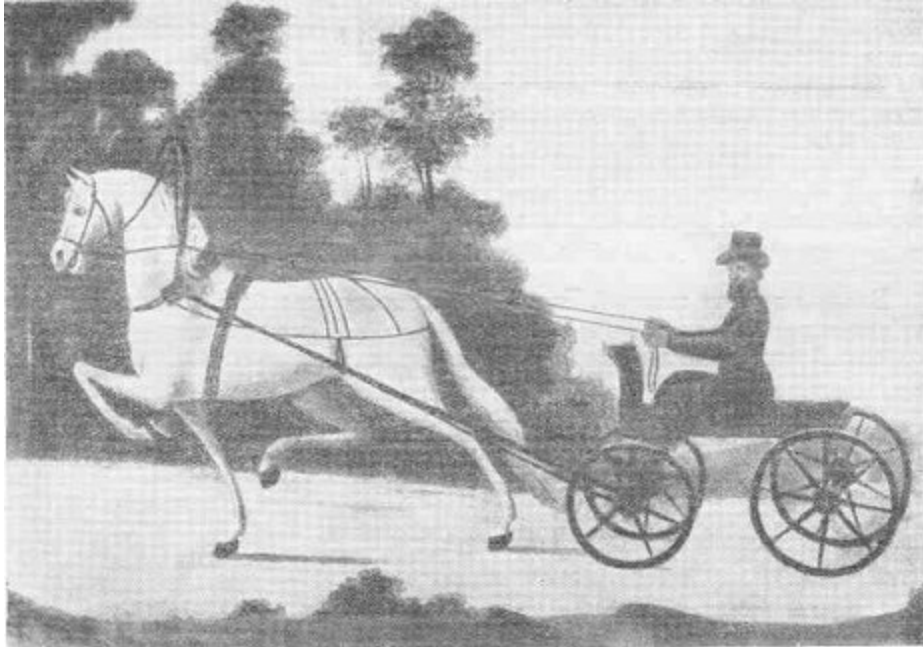
ЛЮБЕЗНЫЙ, вор., р. 1794 г.					
Гнедая (табл 24), р. 1784-1786 г.			Барс 1, сер., р. 1784 г.		
Гнедая б.к., из Мекленбурга	Араб 2, сер., р. 1778 г.		Серая № 2, из Голландии	Полкан 1, р. 1778 г.	
	Белая, из Персии	Араб 1, из Аравии		Буланая, из Дании	Сметанка, из Аравии

ЛЕБЕДЬ 1, сер., р. 1804 г.					
Невинная, р. 194-1795 г.			Барс 1, сер., р. 1784 г.		
Бурая б.к. (табл. 25), из Мекленбурга	Фелькерзам, сер., р. 1778 г.		Серая № 2, из Голландии	Полкан 1, р. 1778 г.	
	Коб. от Бабраама, из Англии	Δ Сметанка, из Аравии		Буланая, из Дании	Δ Сметанка, из Аравии

Родословные Любезного 1 и Лебеда 1 очень похожи одна на другую — составные части их одинаковы и одинаково расположены. Обе родословные представляют картину «равновесия» восточного верхового и западного упряжного элемента в породе матери. Разница только в том, что место арабско-персидского Араба 2 у одного занимает у другого арабско-английский Фелькерзам, принося с собой инбридинг на Сметанку в III–III р. п.

Любезный 1, со слов хреновских старожилов, приводимых В. И. Коптевым, «был необыкновенно широк, но сух, имел прекрасную шею с отличным зарезом, арабскую голову и выпуклые выразительные глаза, росту был 2 аршина 3 ½ вершка». Изображения его не сохранилось.

Лебедь 1 изображен на картине крепостного художника в дрожках на ходу, на фоне хреновского леса. Мы видим нарядного, сухого, на очень высоком ходу, белого жеребца, напоминающего своими контурами и пропорциями рисунок мекленбургской лошади, выше нами воспроизведенный (стр. 193). По словам В. И. Шишкина, «Лебедь 1 был жеребец широкий, в особых мускулистых крепких статях».

Лебедь 1, сын Барса 1, на проезде. С картины неизвестного крепостного художника.

Лебедь 1, сын Барса 1, на проезде. С картины неизвестного крепостного художника.

Несомненно, арабско-мекленбургская часть родословной Лебеда 1 и Любезного 1 должна была сказаться на большей сухости и породности их по сравнению с жеребцами, представителями полкано-голландского комплекса (Похвальный 1, Барсик Большой и др.).

Вместе с тем Любезный 1 и Лебедь 1, повидимому, сохранили в полной мере способности Барса 1 и вообще лошадей полкано-голландского комплекса к резвой рыси. Любезный 1 был долгое время любимым рысаком А. Г. Орлова и еще в 1805 году не сошел с Московского бега (см. «Дневник студента», С. П. Жихарева). Лебеда 1 Орлов, умерший в 1807 году, не успел испытать столь основательно. В представлении конских охотников Лебедь 1 был блеще, а Любезный 1 — резвее. Шишкин ценил Любезного 1 выше.

Художественное чутье вряд ли обмануло Л. Н. Толстого, когда он написал в «Холстомере», может быть, опираясь и на коннозаводские предания: «Лебедь прошел мимо нас. Он хорошо ехал, но он все-таки щеголял; не было в нем той спорости».

Любезный 1 был десятью годами старше Лебеда 1, и заводская «карьер» его началась соответственно ранее. Первый приплод от

Любезного 1, известный по заводским книгам, относится к 1800 году. Как уже говорилось выше, от Любезного 1 было оставлено в заводе всего восемь жеребцов и 48 кобыл, больше чем от кого бы то ни было из других производителей этого периода.

СЫНОВЬЯ ЛЮБЕЗНОГО 1 — ПТИЧКА И МУЖИК 1

Первые годы заводское использование Любезного 1 шло по направлению подбора к нему кобыл не родственных, но сходного верхово-упряжного комплекса. Из жеребцов, родившихся от Любезного 1 в эти годы, заслуживают быть отмеченными караковый Птичка, рождения 1800 года, и вороной Мужик I, рождения 1803 года.

ПЕСТРУХА, гнедо-пегая, р. 1792-1794 г.					
Сухая, гн., р. 178... г.			Цветной, гн., р. 1785 г.		
Сухая (гн. ?), р. 171... г.		Надежный, гн., р. 1775 г.		Маленькая, сер., из Голландии	Еруслан, гн., р. 1778 г.
Гнедая, из Мекленбурга	Балабан из Англии	Неаполитанская из Италии	Алибей из Аравии		Свирепая, из Англии Старик из Аравии

В приведенной родословной кобылы Пеструхи, матери жеребца Птички, Цветной, отец ее, представляет собой арабско-англо-голландский комплекс, а мать Пеструхи — Сухая, подобно матери Любезного 1, является кобылой арабско-мекленбургского комплекса, но с преобладанием верхового элемента.

ИНОХОДЕЦ ИЗ БУХАРИИ В РОДОСЛОВНОЙ МУЖИКА 1, ОН ЖЕ ХОЛСТОМЕР

Мать Мужика 1 происходит от жеребца восточной породы, выводного из Бухарии иноходца, и кобылы № 4 из Голландии. О чалом иноходце из Бухарии ничего неизвестно, кроме того, что он был отцом Бабы. Что мог собой представлять этот жеребец?

В изданной в 1809 году книге «Российский новый и полный опытный коновал», в разделе «О разных родах лошадей в свете известных», мы читаем: «Бухарские лошади имеют много сходства с Туркоменскими, между коими множество бывают шерстью пегие, коих индейцы по Бухарии отыскивают и покупают дорогой ценою. Среднего росту и хороших статей».

Далее, автор добавляет, что «...Туркоменских лошадей называют первыми рысаками, но это несправедливо». После прочтения этих строк вероятная порода и экстерьер жеребца из Бухарии воссоздаются

довольно легко: карабаир верхового склада, вроде тех, какими в 1939–1940 годах могли любоваться посетители Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Пристрастие среднеазиатских ханов, эмиров, беков к лошадям экзотических мастей: тигровой, чубарой, пегой, чалой и другим отмечалось многими путешественниками. Так, например, академик А. Ф. Миддендорф в своих «Очерках Ферганской долины» писал: «Лейб-гвардия Кокандского победителя ездил на великолепных туркестанских лошадях тигровой масти».

Вороной Мужик 1, злополучная судьба которого дала сюжет для бессмертной повести Л. Н. Толстого «Холстомер», своими резкими отметинами, пежинами, обязан был, возможно, деду своему по матери, чалому иноходцу из Бухарии, но, повидимому, ему же в известной степени и своей феноменальной резвостью и силой. Известно, какую роль впоследствии, в середине XIX века, сыграли канадские иноходцы в образовании резвейших линий американского рысака. Так или иначе, но, включая в состав производителей Хреновского завода жеребца-иноходца, А. Г. Орлов не оставил без внимания и не упустил случая использовать в заводской работе те ресурсы резвости, которые могли таиться в лучших и более породных иноходцах XVIII века, персидских и среднеазиатских.

По преданию, Мужик 1 был резвейшим рысаком своего времени в Хреновом. Про него-то и рассказывали, будто он проходил 200 сажень в 30 секунд, что, конечно, невероятно. За свои отметины он был в 1811 году, в период межвластия в Хреновом, до поступления В. И. Шишкина, выхолощен и продан. В Хреновском заводе от него осталась всего одна кобыла. В завод же В. И. Шишкина, благодаря совпадению ряда обстоятельств, попал сын его, Атласный Старый, рождения 1812 года, ставший родоначальником Шишкинского завода. Но речь о Старом Атласном будет впереди.

МУЖИК 1, вор., р. 1803 г.				
Баба		Любезный 1, вор., р. 1794 г.		
Серая №4, из Голландии	Чалый жеребец, иноходец, выводной из Бухарии	Гнедая, р. 1784-1786 г.		Барс 1, р. 1784 г.
		Гнедая, из Мекленбурга	Араб 2, р. 1778 г.	

СЫНОВЬЯ ЛЮБЕЗНОГО. ИНБРИДИРОВАННЫЕ В II–II Р. П. НА БАРСА 1: СЕРЬЕЗНЫЙ 1 И НЕПОБЕДИМЫЙ 1

Потому ли, что и Птичка, и Мужик-Холстомер, и другие сыновья Любезного, у которых в родословных инбридинг на Барса 1 отсутствовал, не удовлетворили в полной мере взыскательного коннозаводчика, или потому, что захотелось ему проверить новейшие английские теории, но только в последние годы своей жизни А. Г. Орлов становится в рысистом отделении на путь инбридинга на Барса 1, инбридинга, во всяком случае, не «вынужденного». а сознательно примененного. Следует отметить, что А. Г. Орлов не применял инбридинга в I–II р. п., т. е. Барс 1 не покрыл в Хреновском заводе ни одной своей дочери, но зато многие из них были случены с лучшими сыновьями и внуками Барса 1, в том числе в первую очередь с Любезным 1.

В полученном от этих спариваний приплоде были заводские жеребцы:

Серьезный 1, сер. [1806–1831 гг.], или, как его называли в то время, «Сурьезный 1», от Любезного 1 и Амазонки, резвейшей из дочерей Барса 1; при жизни А. Г. Орлова одна лишь Амазонка могла равняться на Московском бегу с Любезным 1, резвейшим из сыновей Барса 1.

Непобедимый 1, сер. [1808–1824 гг.], от Любезного 1 и Непобедимой, самая кличка которой указывает на ее ипподромную славу.

СЕРЬЕЗНЫЙ 1, сер., р. 1806 г.							
Амазонка, сер., р. 1795-1796 г.				Любезный 1, вор., р. 1794 г.			
Цесарбеиха, гн., р. около 1790 г.		Барс 1, р. 1784 г.		Гнедая, р. 1784-1786 г.		Барс 1, р. 1784 г.	
Цесарбеиха, р. 1780-82 г. (Цесарбей – Кобыла из Мекленбурга)	Салтан 2, р. 1777 г.			Гнедая (табл. 24), из Мекленбурга	Араб 2, р. 1778 г.		

Оба эти жеребца долгое время, до самой своей смерти, оставались в заводе. Серьезный 1 пал в том же возрасте — 25 лет. в каком пал и его отец, Любезный 1; Непобедимый 1 — значительно раньше.

Родословная Серьезного 1 показывает, что Амазонка была не только сестрой Любезного 1 по отцу, но и имела материнскую часть родословной, построенную, как у Любезного 1, на арабско-азиатско-мекленбургском комплексе. Серьезный 1 был одним из резвейших рысаков Хренового, и показом езды его щеголяли перед знатными посетителями.

В родословной Непобедимого 1 мы видим, кроме повторения Барса 1 во II–II р, п., еще в III восходящем поколении кличку Мраморного, жеребца той же комбинации — Полкан 1 Х голландская кобыла. От опасности получения слишком грубого и тяжелого типа должна была предохранить рыжая кобыла Ханская, выведенная из Персии.

НЕПОБЕДИМЫЙ 1, сер., р. 1808 г.							
Непобедимая, сер., р. около 1802 г.				Любезный 1, вор., р. 1794 г.			
Обманщица, гн., р. около 1796 г.		Барс 1, сер., р. 1784 г.		Гнедая, р. 1784-1786 г.		Барс 1, сер., р. 1784 г.	
Ханская, рыж., из Персии	Мраморный, сер., р. 1784 г.	Серая №2, из Голландии	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	Гнедая (табл. 24), из Мекленбурга	Араб 2, сер., р. 1778 г.	Серая №2, из Голландии	Полкан 1, сер., р. 1778 г.
	Серага №5, из Голландии		Полкан 1, р. 1778 г.		Бегая, из Персии		Араб 1, из Аравии
			Булганая, из Дании				Араб 1, из Аравии
							Булганая, из Дании
							Сметанка, из Аравии

ЛЕБЕДЬ 1

Самым младшим из сыновей Барса 1, последним получившим племенное назначение в заводе, был инбридированный в III–III р. п. на Сметанку — Лебедь 1 (Барс 1 — Невинная, д. Фелькерзама 1). Он родился в 1804 году и поступил в завод уже после смерти А. Г. Орлова. Поле для успешного заводского его использования в значительной степени было подготовлено работой предшествующего десятилетия. Ввиду этого, а также в силу стечения счастливых обстоятельств, линия Лебеда 1 имела исключительный успех в заводе и постепенно вытеснила другие линии, в том числе и линию Любезного 1. Правда, это произошло уже после ухода В. И. Шишкина, и при более внимательном рассмотрении это вытеснение было скорее формальным, внешним, так как родословные ряда производителей, происходивших по мужской линии от Лебеда 1, на самом деле характеризовались повторением Любезного 1. Но как бы то ни было, мужская линия Лебеда 1, через сыновей его Ловкого 1, Лебеда 2 и Барса 2, оказалась к 30-м годам наиболее распространенной линией в заводе.

Подробное рассмотрение этой линии будет сделано в другой главе — в главе о работе В. И. Шишкина в рысистом отделении Хреновского завода, но все же и здесь следует сказать, что соединение однородных в генеалогическом отношении линий Любезного 1 и Лебеда 1 стало во

времена В. И. Шишкина «золотым скрещиванием» Хреновского завода.

**ПОПЫТКИ ВОЗВРАТНЫХ СКРЕЩИВАНИЙ В
ХРЕНОВСКОМ ЗАВОДЕ. СЫНОВЬЯ БАРСА 1 ОТ
ГОЛЛАНДСКИХ КОБЫЛ (КАТОК и др.) И ОТ АРАБСКИХ
(БЕЗЫМЯНКА 1)**

Если основное направление использования Барса 1 в заводе и состояло в скрещивании с кобылами однородного верхово-упряжного, арабско-голландского или более легкого арабско-мекленбургского комплекса, то все же это не было единственное направление, в котором Барс 1 был использован.

В 1790 — х годах в Хреновском заводе наблюдались опыты и так называемого возвратного скрещивания: Барса 1 иногда спаривали с кобылами исходных пород — арабской и голландской, чисто верховыми и чисто упряжными. В таком случае приплод получался уже «на $\frac{3}{4}$ голландский» или «на $\frac{3}{4}$ арабский».

«На $\frac{3}{4}$ голландские» дети Барса 1 выходили очень резвыми, но они не были удовлетворительными в экстерьерном отношении; поэтому дальнейшего племенного назначения в Хреновском заводе они не получали.

Так, одним из резвейших рысаков на Московском бегу в течение ряда лет был гнедой Каток, рождения 1794 года, от Барса 1 и голландской кобылы. Резвость Катка, однако, не воспрепятствовала тому, что он был выхолощен как неудовлетворительный в экстерьерном отношении, и от него не было получено в Хреновском заводе ни одной головы приплода. Также и $\frac{3}{4}$ -голландских кобыл, дочерей Барса 1, мы не видим в составе Хреновского завода, хотя и можем проследить их в других частных заводах, куда они были проданы. Например, кобыла Старуха, родная сестра Катка, была продана А. А. Чесменскому и от него поступила к Я. П. Савельеву (см. «Записки», 1824 г., стр. 237–238, и Зав. кн. р. р., VII, стр. 136).

Таким же продуктом повторного скрещивания с голландской породой был жеребец Богатырь, поступивший в завод И. П. Кутайсова и дававший там, по словам современников, «грузных и сырых лошадей».

Успешнее было, повидимому, обратное скрещивание с «арабскими» кобылами, т. е. кобылами верхового отделения. Это стоит в связи с тем выставленным нами положением, что Барс 1 все же заметно уклонялся в сторону голландского типа. В заводском составе осталось немало дочерей Барса 1 от кобыл, в чьих родословных были сильны течения восточных пород. Кроме того, был оставлен производителем и один жеребец от чисто верховой кобылы, англо-арабско-азиатской. Это был гнедой Безымянка 1, рождения 1800 года. Родословная его, помещенная выше, характеризуется родственным разведением (Сметанка в III–IV р. п.), но более далеким, чем у Лебедя 1 (Сметанка и III–III р. п.).

БЕЗЫМЯНКА 1, гн., р. 1800 г.							
Надежная, гн., р. 1793-1794 г.				Барс 1, р. 1784 г.			
Воструха 1, гн., р. 1786-1788 г.		Любимец 1, гн., р. 1786 г.		Голландская коб.		Полкан 1	
Волчья Хватка, бур., р. 1777 г.		Салтан 2, гн., р. 1777 г.		Запальня, р. около 1780 г.		Бовка, сер., р. 1778 г.	
Датская коб.		Сметанка					
Аравии	Салтан 1, из Турции	Гульнява, из Аравии	Салтан 1, из Турции	Серая, из Англии	Араб 1, из Аравии	Главаня, из Англии	Сметанка, из Аравии
	Волчья Хватка, из Аравии						

В книге «Хреновский завод», Ю. И. Юрлова, Воструха ошибочно значится от Силинского 2.

**СЫНОВЬЯ БАРСА 1 ОТ АНГЛИЙСКИХ КОБЫЛ
(ДОБРЫЙ 1 и др.) В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ТОМ, ЧТО
ПРЕДСТАВЛЯЛИ СОБОЙ ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ АНГЛИИ
КОБЫЛЫ ПЕРВОГО ПРИВОДА 70-80-х И ВТОРОГО 90-х
ГОДОВ**

Наконец, Барса 1 часто спаривали и с английскими кобылами, и на этом вопросе, как и вообще на вопросе об участии английской лошади в создании орловского рысака, следует особо остановиться.

Было время, когда в коннозаводских кругах чистокровной английской породе приписывалась выдающаяся роль в создании орловского рысака.

Это воззрение впервые получило свое выражение в редакционном введении, которым была снабжена опись Хреновского завода при первом ее печатании в книге 1839 года. В этом введении отмечалось, что в составе Хреновского завода состояло 22 жеребца и 53 кобылы из

Англии, и оттенялось, что «кровные скаковые жеребцы случались с рысистыми кобылами, равномерно кровные скаковые кобылы с рысистыми жеребцами».

Можно ли, однако, считать всех английских жеребцов и кобыл, вошедших в рысистую породу, за чистокровных? На этот вопрос уже в 1890 году дал отрицательный ответ И. А. Лисаневич, один из исследователей ранней истории орловской рыистой породы.

Он первый обратил внимание на то, что от знаменитых, бесспорно чистокровных жеребцов Дедалюса, Акута, Тартара и других не осталось и следа какого бы то ни было потомства в рысистом отделении Хреновского завода. По одному, по два жеребенка оставили Синабар, Тромпетер, Тандем. В то же время сильно использован был в рысистом отделении и основал особую линию какой-то белый Родне из Англии, которого мы тщетно стали бы искать в чистокровном студ-буке.

Между тем, если бы в планы А. Г. Орлова действительно входило использовать чистокровную скаковую лошадь в процессе создания рыистой породы, то, естественно, он взял бы для этой цели лучших представителей породы, тех же Дедалюса, Тартара и других, а не какого-то никому неизвестного Родне. Очевидно, следует предполагать, что Родне потому и был использован в рысистом отделении, что он не был чистокровным.

К какой же породе принадлежал в таком случае Родне, или, как его чаще в заводе называли, Родней?

БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕЦ РОДНЕ, ВЫВОДНОЙ ИЗ АНГЛИИ. ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РЫСИСТОМ ОТДЕЛЕНИИ

Чтобы разобраться в этом вопросе, предварительно установим следующие факты:

1. Белый Родне не отыскивается в студ-буках чистокровной английской породы.
2. В. И. Шишкин в своем перечне чистокровных жеребцов, выведенных из Англии в Хреновской завод, не указывает Родне.
3. В противоположность чистокровным жеребцам Дедалюсу, Синабару и другим, Родне не оставил следа в верховом отделении, но оставил яркий след в рысистом.

ЗАЛЕТНЫЙ 2, ВНУК РОДНЕ

От Родне оставлены были в заводе два сына — оба от кобыл верховоупряжного комплекса:

1) Залетный 1, серый, рождения 1791 г., от Галки (Араб 2 — Большая серая из Голландии) и

2) Родне Молодой, гнедой, рождения 1795 года, от Павы (Лебедь Армянский — Косматая из Мекленбурга).

От Залетного 1 был получен Залетный 2, рождения 1797 года, остававшийся производителем в заводе до самого преклонного возраста он пал 28 лет, в 1825 году. Матерью Залетного 2 была кобыла полкано-голландского комплекса, вороная Любезная.

ЗАЛЕТНЫЙ 2, вор., р. 1797 г.					
Любезная, вор., р. 1784-1786 г.			Залетный 1, вор., р. 1791 г.		
Вороная №5, из Голландии		Полкан 1, р. 1778 г.	Галка, сер., р. 1786 г.		Родне, из Англии
	Буланая, из Дании	Сметанка	Серая (табл. 20), из Голландии	Араб 2, р. 1778 г.	

В противоположность полкановским, фелькерзамовским, салтановским и другим жеребцам верхового отделения, которые в большом числе продавались из завода и поступали производителями в другие частные конские заводы, ни один жеребец из линии Родне из Хреновского завода выпущен не был. Линия Родне считалась рысистой линией. В аттестатах старого времени всегда писали: «рысистый серый Залетный», «рысистый Родней».

Сопоставляя все эти данные, нельзя не прийти к тому заключению, что белый Родне, или Родней, занял свое место среди производителей рысистого отделения не по праву происхождения от Эклипса, Матчема или Херода, а по праву своих рысистых способностей: он действительно был рысаком.

На конец XVIII века падает начало становления норфолькской рысистой породы в Англии. Происхождение ее теряется в тумане изустных легенд и прадедовских преданий. Даже английские исследователи истории коннозаводства вынуждены признать, что происхождение английских рысаков, или так называемых родстеров, остается таинственным (mysterious) [128].

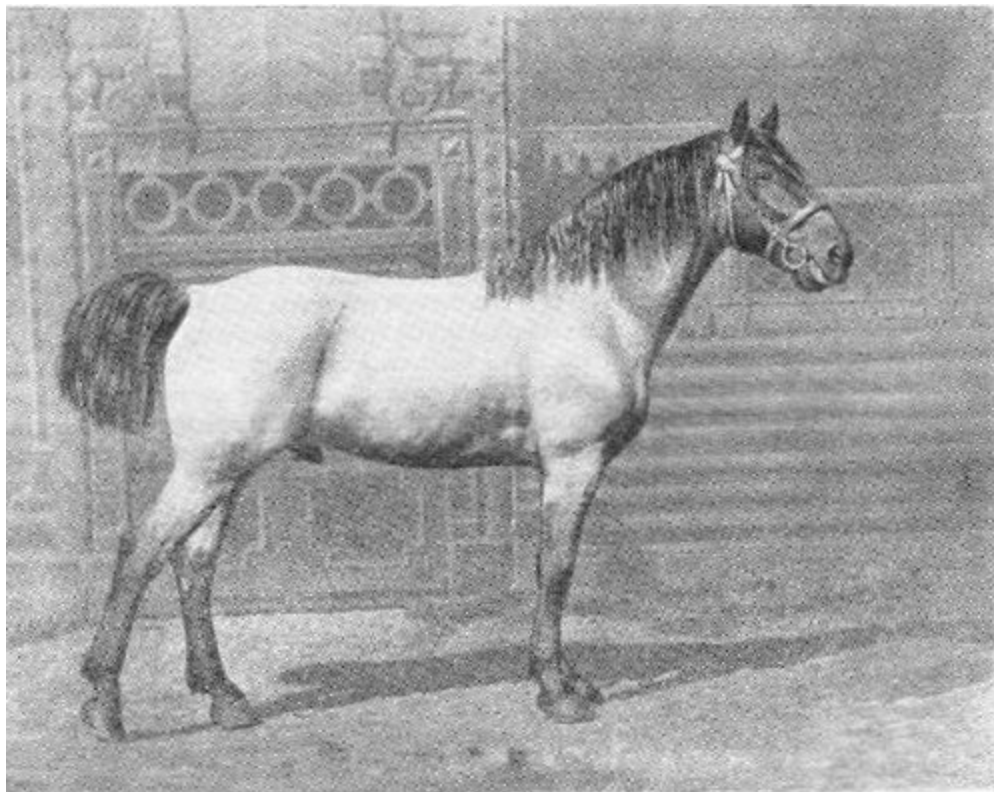
Собственно говоря, для периода времени, предшествующего появлению Маршлэнд Шельза (Marshland Shales), рождения 1802 года, родоначальника всех позднейших линий норфолькского рысака и гакнэ, ничего точного мы не знаем. Даже родословная Маршлэнд

Шельза, его матери, его бабки по отцу и т. д., не восстанавливается с какой-либо степенью достоверности.

Известно лишь, что в 70—90-х годах XVIII века, когда норфолькской породы еще не существовало, в некоторых передовых земледельческих областях восточной Англии, в том числе и в Норфольке, многие землевладельцы и фермеры прибегали к спариваниям упряжных кобыл своих местных стародавних пород, или сортов, с арабскими, восточными и чистокровными жеребцами, в особенности с теми из чистокровных, которые по типу наименее далеко ушли от своих восточных предков. Некоторые из этих производителей оказывались способными давать не только хороших гонтеров, но и крепких, выносливых на рыси лошадей, делавших по 60—80 км в сутки под седлом в почтовой гоньбе или в упряжи при разъездах по деревенским дорогам. Среди них в отдельных случаях удавались и настоящие рысаки — «родстеры» (roadsters), по терминологии того времени.

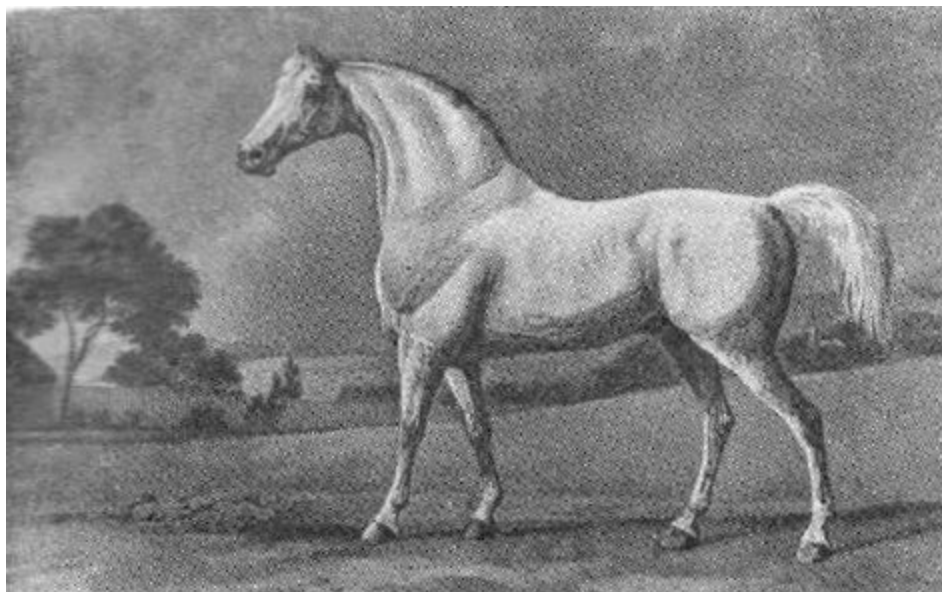
К 80—90-м годам XVIII столетия относятся первые достоверные известия о закладах, предлагавшихся рысистыми охотниками. Эти заклады принимали в Англии своеобразную форму так называемых «часовых бегов». Повидимому, рысаков было настолько мало, что трудно было организовать состязание по образцу скаковых, хотя бы между двумя соперниками. И владелец рысака-родстера, за неимением ему конкурентов, ограничивался вызовом желающих побиться об заклад, что его «Феномен» или «Претендер» сможет пробежать за 1 час расстояние в 15 или 16 английских миль, т. е. до 24—25 км, и обычно такой заклад выигрывался. Испытание проводилось рысью под седлом по хорошему шоссе или почтовому тракту.

Кто знает, может быть и Родне был куплен С. Р. Воронцовым для А. Г. Орлова после того, как он был испытан в подобном «часовом беге»? Если бы пересмотреть не только все спортивные издания и столичные журналы, но и местные английские газеты и листки 80-х годов, может быть, след Родне и отыскался бы [\[129\]](#).

Феноменон, норфолькский рысак середины XIX в.

Феноменон, норфолькский рысак середины XIX в.

Английский жеребец Мэмбраино, р. 1768 г., отец Мессенджера. С картины Стеббса.

*Английский жеребец Мэмбраино, р. 1768 г., отец
Мессенджера. С картины Стеббса.*

Большинство из рысаков-родстеров, прославивших себя на «часовых бегах» 80-90-х годов, восходят к мужской линии чистокровного жеребца Блэйз (Blaze), из которой впоследствии вышел и Маршлэнд Шельз, рождения 1802 г., родоначальник норфолькского рысака. К этой же линии принадлежал и серый чистокровный Мэмбраино, отец серого же Мессенджера, сыгравшего выдающуюся роль в образовании американской рысистой породы.

Портрет серого Мэмбраино может дать хорошее представление о вероятном экстерьере Родне.

Среди родстеров конца XVIII века серая масть была очень распространена, так что и по масти «серый Родне» не представлял собой чего-либо исключительного, а был типичным английским рысистым жеребцом.

***РЫСИСТОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ КОБЫЛ
ВТОРОГО ПРИВОДА, КУПЛЕННЫХ ДЛЯ СПАРИВАНИЯ
С БАРСОМ 1 И ЕГО СЫНОВЬЯМИ***

Если английский Родне, к которому по подбору назначались сестры Барса 1 и другие арабско-датско-голландские и арабско-голландские кобылы, был «рысистым» жеребцом, т. е. полукровным английским, но бежавшим резво рысью, то естественно предположить, что и английские кобылы, закупленные в Англии для спаривания с Барсом 1 и жеребцами сходного с ним происхождения, были, если не всегда, то большей частью рысистыми.

Если мы составим по Заводской книге 1847 года полный список кобыл, выведенных из Англии и оставивших свой след в Хреновском заводе, то мы убедимся в том, что кобылы привода 1790 и 1800 годов, подбиравшиеся для спаривания с Барсом 1 и его сыновьями, никогда не покрывались верховыми жеребцами, или, во всяком случае, не оставили от них потомства, поступившего в состав Хреновского завода. В то же время громадное большинство кобыл, приведенных из Англии в 70-х и 80-х годах и значащихся в таблицах 1847 года, вошли в верховую породу. Руководясь этим, следует считать кобыл привода 70-х и 80-х годов безусловно верховыми кобылами. Сомнения могут вызвать лишь две-три кобылы этого привода, вошедшие в рысистую

породу, но не вошедшие в верховую. Обратное, английских кобыл позднейшего привода, начиная с 90-х годов, специально приобретаемых для Барса 1 и его сыновей, следует считать в основном «рысистыми».

Прилагаемая таблица и разбивает всех кобыл «из Англии», помещенных в таблицах Заводской книги 1847 года, на соответствующие группы — верховую и рысистую.

Привод 70 — 80-х годов:

1. Серая (табл. 8) — вошла в верховую породу;
2. Рыжая (табл. 9) — вошла в верховую породу;
3. Без клички (табл. 11) (м. Картинной) — вошла в верховую породу;
4. Без клички (табл. 11) (м. Голаночки) — вошла в верховую породу;
5. Быстрая (табл. 11) — вошла в верховую породу (бесспорно ч/кр.);
6. Подаренная (табл. 11) — вошла в верховую породу (ч/кр.);
7. Гнедая (табл. 12) — вошла в верховую породу;
8. Вспыльчивая (табл. 12) — вошла в верховую породу;
9. Лида (табл. 13) — вошла в верховую породу (ч/кр.);
10. Розетка (табл. 13) — вошла в верховую породу (ч/кр.);
11. Рулетка (табл. 15) — вошла в верховую породу (ч/кр.);
12. Поспешная (табл. 17) — вошла в верховую породу;
13. Главная (табл. 17) (м. Бовки) — вошла в верховую породу.

Ни одна из этих 13 кобыл, безусловно верховых, вошедших в верховую породу, не оставила заметного следа в истории рысистой породы.

14. Рыже-чалая Талия (табл. 10) — вошла только в рысистую породу;

15. Постоянника (табл. 13) — вошла только в рысистую породу.

Этих двух кобыл, по всем признакам верховых, в 80-х годах спаривали с вороным голландским жеребцом, и дочери их от этого последнего были включены в состав маток рысистого отделения.

Верховыми, по всей вероятности, были и кобылы:

16. Свирепая (табл. 8);
17. Приманчивая (табл. 14);
18. Забавная (табл. 15);

19. Ронделевская (табл. 13).

Хотя дочери их от верховых жеребцов вошли в состав рысистого отделения Хреновского завода, но рысистое происхождение этих четырех кобыл все же маловероятно.

Привод 1790–1800 годов:

1. Добрая (табл. 13), и. Доброго 1, от Барса 1 — вошла только в рысистую породу;

2. Силинская (табл. 15), м. Силинского 1, от Барса 1 — вошла только в рысистую породу;

3. Прусачка (табл. 16), м. Прусачкина 1, от Барса 1 — вошла только в рысистую породу;

4. Подъемная (табл. 16), оставила дочерей от Похвального 2 и Любезного 1 — вошла только в рысистую породу;

5. Охотничья (табл. 12), оставила дочерей от Барса 1 — вошла только в рысистую породу;

6. Молодецкая (табл. 17) — вошла только в рысистую породу;

7. Без клички (табл. 13), м. Уборного, от Любезного 1 — вошла только в рысистую породу;

8. Корнаухая (табл. 42), оставила приплод от Доброго 1 — вошла только в рысистую породу.

Из всего этого списка вне спора нерысистого происхождения одна лишь кобыла Охотничья, да может возбуждать еще некоторые сомнения Молодецкая. Что касается других, то мы часто даже в аттестатах читаем — «рысистая». Так, например, относительно последней из списка, серой Корнаухой, проданной впоследствии из Хреновского завода Я. П. Савельеву, мы читаем в Еженедельнике 1823 г.» (ч. IV, стр. 770) «серая резвая *рысистая* (курсив наш — В В.), приведена из Англии А. О. Шмитом».

Мы полагаем, что составленные нами таблицы с достаточной очевидностью говорят за рысистое происхождение большинства кобыл «из Англии, купленных для спаривания с Барсом 1 и его сыновьями.

Конечно, не исключена возможность ошибки в отношении одной-двух кобыл из списка, но основное положение этим самым не колеблется.

Нельзя считать, что кобылы эти были английской рысистой породы, поскольку порода эта еще только складывалась, но они были полукровными упряжными лошадьми от скрещивания как английских чистокровных жеребцов, так и арабских или вообще восточных жеребцов с местными матками стародавнего упряжного типа, и по всей вероятности их способность к бегу рысью испытывалась Орловым так же, как некогда в Морее при покупке испытывалась способность арабских и азиатских лошадей к скачке.

Что же могли принести с собой, чем могли быть полезны Родне и английские рысистые кобылы для орловской породы в период ее становления?

Ряд авторов-иппологов выражали мнение, что приливая английскую кровь, Орлов имел целью «подсушить», «облагородить» своего рысака. Однако эта цель с неменьшим, и даже с большим успехом достигалась усилением арабских и вообще восточных течений в родословных рысаков. Вряд ли можно возражать против того, что какой-нибудь Безымянка 1 и его сын Добрый 2 были суше и породнее Доброго 1 и его сына Кролика 1. Знакомясь с описанием и портретами родстеров, мы составляем о них определенное представление, как о лошадях, хотя и дельных, компактных, глубоких, в меру сухих и костистых, но отнюдь не очень породных. В частности, шея у родстеров обычно была тяжела, мясиста, а голова груба, велика.

Не мог прельщать Орлова и рост родстеров. Обычно он колебался между 150–155 см. Рост знаменитого Маршлэнда Шельза не достигал и 150 см, кобылы Феномены даже 147 см.

Следовательно, объяснение широкого и успешного использования английских рысистых жеребцов и маток следует искать в чем-то ином.

Противопоставляя, при подборе пар, голландской сырости и грубости Барса 1 и других полкано-голландских помесей арабскую, арабско-датскую или арабско-мекленбургскую сухость и породность, Хреновской завод неизбежно рисковал и неизбежно платился понижением рысистых способностей у значительного числа лошадей. Любезный 1 и Лебедь 1 должны были явиться скорее исключениями, отделенными друг от друга десятилетием — 1794–1804 годов. Спаривания же Барса 1 и его лучших сыновей с английскими рысистыми кобылами, сухими, мускулистыми, пусть не очень блестящими, не должны были вести, и обычно не вели, к снижению

рысистых качеств, присущих Барсу 1 и его потомкам. Того же достигал завод, покрывая кобыл сходного с Барсом 1 полкано-голландского комплекса не Барсом (или Мраморным), но английским рысистым Родне. Одновременно Орлов тем самым избегал родственного разведения. Более того, можно утверждать, что это новое скрещивание вело к усовершенствованию и некоторых рысистых качеств хреновского рысака.

От фризского рысака Барс 1 и другие голландские помеси Хреновского завода унаследовали рысистый ход, летящее движение на рыси, резвость на короткие дистанции, отличавшую рысистую лошадь Фрисландии и Гренингена.

Но голландским помесям, если, может быть, не Барсу 1, то многим другим могло не хватать выносливости, стойкости на рыси, дистанционных способностей.

А вот этими-то способностями — и незаурядными, — доказанными в «часовых бегах», обладал английский родстер. Пусть он не мог блеснуть иногда той бросковой резвостью, как голландский гардтрабер, зато он мог поддерживать ровный пэйс в резвость 2'20» — 2'30» на 1 км на расстоянии до 25 км.

Обратное скрещивание Барса с арабскими и арабизированными кобылами, конечно, давало лошадей выдающейся выносливости, но оно должно было сказываться на их «рысистости». Скрещивание же Барса 1 (и других полкано-голландских помесей) с английскими рысистыми кобылами закрепляло рысистые способности у потомства и давало перспективу того сочетания резвости накоротке, страшного броска, с силой, со стейерскими способностями, которое неизменно отличает лучших лошадей орловской породы от Полкана 3 и до наших дней.

Выясняя использование английских рысистых жеребцов и маток в Хреновском заводе и обсуждая результаты скрещивания с ними, мы не можем упускать из виду, мы должны учесть, что продолжавшиеся в ряде поколений повторные скрещивания со всё иными породами неизбежно приводили к продолжавшемуся и усиливавшемуся в ряде поколений «расшатыванию» наследственной основы, что создавало предпосылки для получения на путях творческой племенной работы все резвейших рысаков, вроде Кролика 1, а затем через два поколения и Полкана 3. Это несомненно. Но также несомненно, что при другом

подборе пород, если бы, например, вместо английских рысаков на данном этапе работы в завод были допущены прусские или австрийские кладрубские упряжные жеребцы и кобылы или прибалтийские доппель-клепперы, «расшатывание» было бы налицо, а результатов в смысле появления резвейших рысаков, хреновских Кроликов, Полканов и Лебедей, не было бы.

РЕКОНСТРУКЦИЯ РОДОСЛОВНОЙ КРОЛИКА 1, СЫНА ДОБРОГО 1

Из трех сыновей Барса 1 от английских кобыл, которых мы будем, таким образом, считать рысистыми, наибольшее значение в заводе получил Добрый 1, благодаря сыну своему Кролику 1, долгое время стоявшему во главе производителей Хреновского завода. Сам же Добрый 1 не очень долго служил в Хреновском заводе, только до тех пор, пока не был получен Кролик 1, видимо, превосходивший отца во многих отношениях. В 1804 году, т. е. уже 10 лет от роду, Добрый 1 был выхолощен.

Происхождение Кролика 1 с материнской стороны далеко не достаточно разъяснено Заводскою книгою 1839 года и последующими изданиями. Лаконически сообщается: «мать Удалая от Улана 1 (сына арабского Старика), бабка Удалая (порода не отыскана)». Иными словами, происхождение матери Кролика 1 оставляется на $\frac{3}{4}$ не объясненным.

Однако после внимательного изучения Заводских книг эти пробелы в родословной Кролика оказалось возможным заполнить.

В сведениях по своему заводу, на стр. 340 «Подробных сведений» 1839 г., при описании породы кобылы Флейты, В. И. Шишкин дает нам следующие ценные указания о происхождении Удалой, матери его любимого хреновского Кролика 1: «...бабка гн. Удалая от бур. Улана; прабабка Удалая голландская ^[130]. Что касается матери Улана 1, то ею являлась арабская кобыла Уланиха, о которой В. И. Шишкин говорил, как о выводной из Аравии на стр. 104 своего «Описания Хреновского завода». Таким образом, родословную Кролика оказалось возможным восстановить полностью.

КРОЛИК 1, сер., р. 1801 г.				
Удалая, гн., р. около 1795 г.			Добрый 1, сер., р. 1794 г.	
Удалая, из Голландии	Улан, бур., р. 1782 г.		Добрая, из Англии	Барс 1, сер., р. 1784 г.
	Уланиха, из Аравии	Старик, из Аравии		

Родословная Кролика 1 построена аналогично вышепомещенной родословной Залетного 2. В обеих родословных представлены: полкано-голландский комплекс (Барс 1 у Кролика 1, Любезная у Залетного 2), затем арабско-голландский (Удалая у Кролика, Галка у Залетного 2) и, наконец, английское сочетание (Добрая у Кролика 1, Родне у Залетного 2).

Кролик, «жеребец резвейший и сильный», как его аттестует В. И. Шишкин, сыграл исключительно большую роль в Хреновском заводе. О значении его в заводе будет рассказано подробнее в следующей главе.

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОВ ОТБОРА И ПОДБОРА В РЫСИСТОМ ОТДЕЛЕНИИ

Многообразна и сложна была работа по созданию новой рысистой породы даже и на первых этапах своих. Она никак не укладывается в чрезмерно упрощенные схемы и трафареты. Если пока говорить лишь о методах отбора и подбора, то может быть подмечен и выявлен следующий основной принцип, которым завод руководствуется при спариваниях, — достижение и поддержание у создаваемой лошади известного баланса качеств, присущих восточным верховым породам, с одной стороны, и качеств присущих западным упряжным породам, с другой стороны.

Говоря языком современной биологии, задача состояла в сохранении в ряде поколений той двойственной или, точнее, множественной наследственности, которая делает организм особо лабильным, пластичным.

Проведя сотни скрещиваний, Хреновской завод получил несколько десятков лошадей, индивидуально удачно сочетавших желаемые экстерьерные качества исходных пород и пластических, способных развиваться в резвых рысаков желаемого типа. Достигнутое в первом поколении равновесие было, однако, еще очень неустойчиво и ежеминутно грозило распадом.

Для того чтобы поддержать достигнутое равновесие и в следующих поколениях, Хреновской завод, как правило, прибегал к спариванию между собой лошадей, удачно индивидуально сочетавших качества комплекса: восточная верховая X западная упряжная порода. Принцип комплекса был один во всех случаях, но компоненты его каждый раз иные.

Если полученные помеси, при всех их достоинствах, обнаруживали известное отклонение в сторону того или другого из исходных типов, тогда приходилось уже видоизменять скрещивание и добиваться восстановления в следующем поколении нарушенного равновесия путем соответствующего подбора. Типичным в этом отношении является Барсик Большой, потомок, голландской вороной кобылы, которого требовалось подсушивать, облегчать в следующем поколении. Для улучшения экстерьера кобыл, требовавших, подобно Барсику Большому, облегчения типа, был подготовлен такой производитель, как Безымянка 1, а на крайний случай, про запас, имелись и могли быть пущены в ход (и действительно пускались) жеребцы верхового комплекса; но преимущественно и предпочтительно перед другими те, которые были инбридированы на Сметанку, как Веселый 1, рождения 1793 года (Сметанка в II–III р. п.), и Полканчик, рождения 1794 года (Сметанка в III–III р. п). Напомним читателю, что Веселый 1 происходил от Фелькерзама 1 и Веселой, дочери Бовки, а Полканчик был от Полкана 2 и Понятной, д. Фелькерзама 1.

Наконец, мы имеем случай, когда жеребцов и кобыл уравновешенного арабско-голландского и арабско-мекленбургского комплекса, сбалансированных рысаков, спаривают с английскими рысистыми Роднеем и кобылами. Так как и к Родне и к английским рысистым кобылам подбирали всегда жеребцов и кобыл полкано-голландского, арабско-голландского и арабско-мекленбургского комплекса, то и следует признать, что английский «рысак» — родстер, включенный в работу завода на последующих ее этапах, считался в Хреновском заводе уже уравновешенной, сбалансированной упряжной лошастью, могущей занять в родословной место наравне со сбалансированными хреновскими рысаками — Барсом 1, Похвальным 2, Любезным 1 и др.

Если из общей суммы мест, занимаемых в родословной кличками лошадей разных групп пород, мы исключим клички английских рысистых лошадей, считая их за сбалансированную в себе группу, то из остатка обычно около половины кличек падает на долю пород восточно-верховой группы, и также около половины на долю западно-упряжной (голландской и мекленбургской).

РОДСТВЕННОЕ РАЗВЕДЕНИЕ

Еще одним могучим, но одновременно и острым оружием в руках руководителей Хреновского завода, к которому прибегнул завод в борьбе за создание новой породы, было близкородственное разведение. Проследивая родословные рысистых жеребцов и маток, мы видим в них иногда повторение Сметанки (Лебедь 1, Безымянка 1, Веселый, Полканчик), затем весьма нередко инбридинг на Полкана 1, особенно охотно практикуемый в форме повторения всего генеалогического комплекса — Полкан X голландская кобыла (линии Похвального 1 и 2, Усана 1, Барсика Большого и др.). Наконец, когда из всех производителей рысистого отделения определенный перевес берет Барс 1, инбридинг на Барса 1 становится обязательным элементом, *conditio sine qua non*, всякой родословной хреновского рысака.

Барс 1 пал в Хреновском заводе в 1808 году. Производителями в рысистом отделении Хреновского завода в это время состояли.

а) СЫНОВЬЯ БАРСА 1:

1. Любезный 1. р. 1794 г., от Гнедой, д. Араба 2.
2. Лебедь 1. р. 1804 г., от Невинной, д. Фелькерзама 1.
3. Безымянка 1. р. 1800 г., от Надежной, д. Любимца 1.

б) ВНУКИ БАРСА 1:

4. Кролик 1. р. 1801 г., от Доброго 1 и Удалой.
5. Похвальный 2. р. 1798 г., от Похвального 1 и Натужной.
6. Мушик 1. р. 1803 г., от Любезного 1 и Бабы.
7. Птичка. р. 1800 г., от Любезного 1 и Пеструхи.
8. Молодец. р. 1800 г., от Барсика Большого и Прелести.

в) НЕ БАРСОВСКОЙ ЛИНИИ:

9. Залетный 2. р. 1797 г., от Залетного 1 и Любезной (Полкан 1 — Вороня, из Голландии).

Приняв во внимание, что заводские матки также по большей части были дочерьми и внучками Барса 1 или являлись, подобно Залетному

2, носительницами комплекса Полкан X голландская кобыла по женской линии мы убеждаемся, что завод получил определенное лицо, добился известной генеалогической однородности своего состава, и естественным последствием этой однородности должно было явиться бесконечное повторение Барса 1 и других общих предков при всех спариваниях заводских жеребцов и маток.

Весь молодняк, находившийся в заводе к 1809 году, а в числе его были будущие заводские производители Непобедимый 1 (от Любезною 1 и Непобедимой, д. Барса), Серьезный 1 (от Любезного 1 и Амазонки, д. Барса 1), Горностай 3 (от Похвального 2 и Постоянницы, д. Барса 1). Быстрый 1 (от Кролика 1 и Гусарки, д. Любезного 1 и Хозинки от Барса 1) и другие, указывает на происходивший в Хреновском заводе процесс консолидации рысистой породы путем близкородственного разведения, и никогда ранее применение его в Хреновском заводе не достигало такой силы и интенсивности, как в период между 1800 и 1810 годами.

ЗАВОДСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОЧЕРЕЙ БАРСА 1, КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ МЕТОДОВ ПОДБОРА

Яркой иллюстрацией методов подбора в Хреновском заводе является прилагаемая ниже таблица приплода, полученного в заводе от дочерей Барса 1 в двух нисходящих поколениях. Эта таблица позволяет в добавление ко всему сказанному нами о заводском использовании Барса 1 и его сыновей проследить и заводское использование дочерей его [\[131\]](#).

Подготовленный предшествующим изложением читатель сумеет самостоятельно сделать из таблицы надлежащие выводы.

Как были использованы и что дали дочери Барса 1?

ДОЧЕРИ БАРСА 1

1. Грузная, сер., р. 1792—1794 г., м. Свирепая, гн., р. 1783—1785 г., от Горностая 2 и Свирепой из Англии (табл. 8).
2. Бандура, гн., р. до 1795 г., м. Спесивая, р. 1786—1788 г., от Салтана 2 и Надежной, р. около 1775 г., д. Милого (табл. 34).
3. Угрюмая, сер., р. около 1795 г., м. Приклонная, гн., р. 178... г., от Полкана 1 и Бурой, из Мекленбурга (табл. 25).
4. Беглянка, р. 179... г., родная сестра Угрюмой.
5. Постоянница, сер., р. 1792—1795 г., м. Черничка, сер., р. 1785 г., от Араба 2 и Большой, сер., из Голландии (табл. 20).
6. Черничка, сер., р. 1796—1800 г., родная сестра Постоянницы.
7. Амазонка, светло-сер., р. 1795 или 1796 г., м. Цесарбеиха, гн., р. около 1790 г., от Салтана 2 и Цесарбеихи, гн., р. 1780—1782 г., д. Цесарбея 1 и Гнедой из Мекленбурга (табл. 29).
8. Арфа, гн., р. 180... г., родная сестра Амазонки.
9. Хозинка, сер., р. 1796 или 1797 г., м. Струнка, сер., р. 1786—1788 г., от Фелькерзама 1 и Змейки, сер., р. 1775—1777 г., она же Изменка, д. Шаха и Изменницы, из Испании (табл. 30).
10. Рында, гн., р. между 1795 и 1800 г., м. Молодецкая, гн., из Англии (табл. 17).

ИХ ПРИПЛОД, ИЗВЕСТНЫЙ ПО ЗАВОДСКИМ КНИГАМ

- Галка, р. 1798—1800 г., от Тромпетера, из Англии, Дура, р. 1804—1806 г., от Залетного 2, Грачиха, сер., р. 1805—1808 г., от Похвального 2, Тяжелая, вор., р. 1809 г., от Залетного 2.
- Дюжая, сер., 1801 г., от Тромпетера Молодого, Смирная, вор., . 180... г., от Залетного 2.
- Лихая, сер., р. 1811 г., от Хвального 1, Атласный Старый, вор., р. 1812 г., от Мужика 1.
- Улан 2, гн., р. 1804 г., от Полканчика.
- Горностай 3, сер., р. 1806 г., от Похвального 2, Язва, р. 1807—1810 г., от Похвального 2.
- Черничка, р. 1812 г., от Быстрого 1, Уборная, р. 1813—1815 г., от Быстрого 1.
- Амазонка, вор., р. 1802—1805 г., от Любезного 1, Серьезный 1, сер., р. 1806 г., от Любезного 1, Серая б. к., р. 1805 или 1807 г., от Любезного 1, Нечаянная, кар., р. 1811 г., от Кролика 1.
- Феня, сер., р. 1815—1818 г., от Хвального 1, Дура (Дурыня), гн., р. 1817 г., от Лебеда 1, Сокольница, сер., р. 1819 г., от Быстрого 1, Затеяливая, сер., р. 1820 г., от Быстрого 1, Сорока, вор., р. 1822 г., от Любушкина (сына Улана 2 и Любушки).
- Гусарка, р. 1802 г., от Любезного 1, Хозинка, сер., р. 1809 г., от Кролика 1, Удачная, сер., р. около 1810 г., от Кролика 1, Лебедка, сер., р. после 1810 г., от Лебеда 1.
- Длинная, р. между 1805 и 1810 г., от Синабара Молодого (ан), Слепушка, гн., р. 1814 г., от Лебеда 1.

11. Противная, сер., р. между 1795 и 1800 г., м. Охотничья, вор., из Англии (табл. 12).	Икунья, сер., р. 1806 г., от Любезного 1.
12. Непобедимая, сер., р. около 1802 г., м. Обманщица, гн., р. около 1796 г., от Мраморного и Ханской, рыж., из Персии (табл. 5).	Непобедимый 1, сер., р. 1808 г., от Любезного 1, Суетная, сер., р. 1809 г., от Любезного 1, Добрая, гн., р. 1810—1813 г., от Веселого 1, Отгадчица, гн., р. 1810—1813 г., от Веселого 1.
13. Натужная, сер., р. 180... г., м. Пеструха, гнедо-пегая, р. до 1795 г., от Цветного и Сухой (табл. 27).	Мальга, вор., р. 1812 г., от Похвального 2, Змейка, сер., р. до 1815 г., от Чистяка 1, Плюсинка, сер., р. 1815 г., от Кролика 1.
14. Загонная, гн., р. 1800-1805 г., м. Серая, р. 1793-1794 г., от Порхая (с. Бовки) и Ронделевской, из Англии (табл. 13).	Чистяк 2, гн., р. 1813 г., от Чистяка 1, Крикуша, гн., р. 1814 г., от Чистяка 1.
15. Лебедка, сер., р. около 1805 г., родая сестра Лебеда 1, р. 1804 г., м. Надежная, р. 1794-1795 г., от Фелькерзама 1 и кобылы из Мекленбурга (табл. 25).	Проворная, сер., р. 1821 г., от Богатого 1.
16. Молодецкая, р. около 1805 г., м. Гордая, гн., р. около 1795 г., от Свиного 1 и Огромной, р. 1786-1788 г., д. Салтана 2 и Гнедой б. к., от Шаха, из Персии, и Изменницы, из Испании.	Молодецкий 1, вор., р. 1822 г., от Полкана 3.

Происхождение Молодецкого 1 здесь указывается согласно В. И. Шишкину (у В. И. Коптева, стр. 102). В «Подробных сведениях» 1839 года и в Заводской книге 1847 года оно указано иначе.

В таблицу включены только те дочери Барса 1, чей приплод получил заводское назначение в Хреновском заводе. Всего же дочерей Барса 1 по Заводским книгам нам известно более 30.

Из таблицы видно, что Барс 1 оказал могучее влияние на породу в период ее образования как через своих сыновей, так и не менее через своих дочерей. В дальнейшем на это обратил особое внимание вдумчивый В. И. Шишкин. С первых же дней своей работы в заводе он составил записку «О дочерях Барса, от которых произошли значительные породы» ^[132], а начал стремиться к тому, чтобы все родословные выбираемых им хреновских производителей по прямой женской линии, по возможности, «упирались» в дочерей Барса. На таких путях подбора и построения родословных В. И. Шишкиным был получен знаменитый Полкан 3 и другие выдающиеся производители Хреновского завода.

Основав свой собственный завод, Шишкин старался купить из Хреновского завода побольше кобыл подобного типа родословной. Из 55 хреновских кобыл, которые перебивали в разное время в заводе Шишкина, родословные 25 восходят по женской линии к дочерям Барса 1. Из 51 кобылы собственного завода, которые, были оставлены Шишкиным «для себя». 36 кобыл имеют родословные подобного типа,

равно как и 10 жеребцов- производителей из числа 12, рожденных в собственном заводе.

Глава III

ОБЩАЯ ОЦЕНКА РАБОТЫ А. Г. ОРЛОВА В РЫСИСТОМ ОТДЕЛЕНИИ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА И ДОСТИГНУТЫХ К 1809 ГОДУ РЕЗУЛЬТАТОВ

Задача не легкая — сделать ясной всю сложность работы Орлова в рысистом отделении Хреновского завода в течение десятилетий, решавших успех затеянного предприятия. Хотя основные прогрессивные принципы работы, а также и методы скрещиваний, отбора и подбора были в рысистом отделении те же, что и в верховом, все же работа эта была отмечена чертами большого своеобразия. Сделаем попытку обобщить и поглубже охарактеризовать особенности работы А. Г. Орлова при создании рысистой породы.

I. Получив, после 20 лет поисков и опытов различных межпородных скрещиваний, Барса 1 и других сходных с ним по происхождению лошадей, обладающих резвой рысью, Орлов поставил перед собой две задачи: с одной стороны — не упустить достигнутых результатов, закрепить на захваченных позициях, на завоеванных высотах, а с другой — тотчас же попытаться расширить плацдарм.

Для достижения первой цели он предпринимает в Хреновском заводе систематические спаривания Барса 1 с кобылами того же полкано-голландского комплекса в двух последовательных поколениях и выводит линии Усана 1, Похвального 1, Похвального 2 и др.

Решения второго стратегического задания он ищет на путях новых видов скрещиваний:

а) с арабско-мекленбургскими кобылами — путь Любезного 1, Лебеда 1 и др.;

б) с кобылами более породного верхового комплекса — путь Безымянки 1 и др.;

в) с кобылами английскими полукровными «рысистыми», т. е. обладавшими хорошей рысью, — путь Доброго 1, Силинского 1 и др.

Воистину, Орлов был одарен темпераментом завоевателя, был неудержимым искателем и исследователем непроторенных дорог и в то же время оставался осторожным, осмотрительным московским боярином конца XVII столетия.

Когда же после Орлова на этих намеченных им путях, если не на всех, то на некоторых, Хреновской завод достигнет полного успеха, то он сможет оставить, бросить первый путь полкано-голландских скрещиваний, путь осторожный, медлительный, не дающий перспектив дальнейшего продвижения. Но Орлов до этого момента не дожил, ему не пришлось увидеть осуществления всех его замыслов — созданную во всем блеске Лебедей и Полканов породу.

II. В непрекращающихся поисках совершенствования рысистой лошади Орлов, не довольствуясь тремя породами, легшими в основу Барса 1, — арабской, датской и голландской, — вовлекал в сложное воспроизводительное скрещивание в каждом следующем поколении все новые и новые породы. Барс 1 был представителем второго, считая от Сметанки, поколения лошадей, рожденных в Хреновском заводе. Уже в родословных лошадей третьего поколения мы читаем клички лошадей четырех пород (у Доброго 1 и др.) и даже пяти пород (у Любезного 1, Лебеда 1, Кролика 1 и др.); в следующем, четвертом поколении, в родословной Мужика 1 (Холстомера) представлены уже шесть пород. Все это мы говорим о рысаках, рожденных в Хреновском заводе еще при жизни А. Г. Орлова, а после смерти его во всех родословных рысаков конца шишкинского периода будут фигурировать клички лошадей восьми — десяти различных пород.

Мы наблюдаем картину все усложняющегося и усложняющегося скрещивания, подобную той, какая встает перед нами в сортах Мичурина, прослеживая их в хронологическом порядке.

III. Не только Россия, но и мир не знал рысака как породы, и не верил в возможность создания такой породы, в которой из поколения в поколение все лошади обладали бы способностью «лететь рысью» [133].

Для того чтобы такую породу создать, А. Г. Орлов, проведя два-три поколения межпородных скрещиваний и получив нужный ему пластический материал, стал из этого материала в буквальном смысле лепить рысака, стал последовательно, методически, в каждом жеребенке (как в жеребчике, так и в кобылке) развивать рысистые

способности с ранней юности, в течение ряда лет, пока не заканчивались рост и развитие лошади, пока эти способности хорошо поддавались усовершенствованию.

Хреновской завод впервые в истории коннозаводства создал планомерную, законченную систему тренировки рысистой лошади и ее испытаний. Вопрос настолько важный, что ему ниже будет посвящена особая глава.

IV. Следующей особенностью, отличающей работу рысистого отделения от работы верхового, было широкое и систематическое применение родственного разведения, отсутствовавшего, как правило, в верховом отделении.

Возникает вопрос, почему в одном и том же заводе, но в различных отделениях его, руководствовались разными принципами и приемами подбора. Ответ: потому, что Орлов работал не по одному шаблону, раз навсегда выработанному, он мыслил и поступал здраво: если методы и приемы, которые были хороши при выведении новой верховой породы, не в полной мере соответствовали сложившейся обстановке в рысистом отделении, он их видоизменял, ни одной минуты не упуская из виду цели, которую должен был достигнуть.

Создание новой рысистой породы было делом несравненно труднейшим, чем создание новой верховой породы. Уже после того, как был, казалось бы, найден ключ, после того, как было создано поколение полкано-голландских и других верхово-голландских и верхово-мекленбургских помесей, оказалось, что из многих сотен лошадей рысистого отделения серый Барс 1 был единственным в своем роде, неповторимым и недостижимым.

В верховом отделении положение было иное. Хотя Свирепый 2 и был лучшей лошастью, любимым жеребцом Орлова, но он был только первым среди равных. Если бы он пал, то его могли заменить и заменили бы Свирепый 1, Постоянный 1, Добровольный 1, Араб 3, Фелькерзамы 2, 3, 4, Фелькерзамчик 1 и другие, и создание породы не замедлилось бы, и вряд ли было бы заметно даже какое-нибудь ухудшение качества хреновских верховых лошадей. Вот поэтому-то в верховом отделении, хотя изредка и применялось родственное разведение с повторением в родословных Свирепого 2 как лучшего производителя, но основным методом подбора было спаривание

жеребцов и кобыл однородного комплекса, не родственных между собой.

В рысистом отделении ситуация сложилась иная. Если бы несчастный случай унес Барса 1, то его не могли бы заменить ни Мраморный, ни Цветной, ни Залетный 1, ни какие бы то ни было одновременно с Барсом 1 полученные помеси однородного с ним комплекса. Хреновскому заводу в этом случае приходилось бы терпеливо вновь и вновь повторять свои попытки путем скрещиваний и создания условий воспитания вынудить природу, рано или поздно, но дать заводу «Барса» или «барсов». Без Барса 1 не могла быть создана рысистая лошадь в том сочетании качеств, какие желательны были заводу. Вот поэтому-то Барс 1 неизбежно должен был войти в родословную каждого из хреновских рысаков, вот поэтому-то родственное разведение явилось хотя и вынужденным, но целесообразным, и оно-то и привело к консолидации рысистых качеств породы, к закреплению на столетия присущих ей свойств.

Если бы Дарвин был знаком с работой русского зоотехника А. Г. Орлова, приведшей к созданию орловской породы, то, оценивая ее, он мог бы повторить свою известную фразу: «не следует, впрочем, упускать из виду, что выгоды родственного разведения, насколько дело касается удержания известных признаков, несомненны и часто превышают вред от легкой утраты в силе сложения». Однако, при той строгости искусственного отбора, который проводился в Хреновском заводе и который шел рука об руку с суровостью естественного отбора при содержании лошадей в хреновских степях, в данном случае даже самый внимательный и придирчивый наблюдатель не мог бы заметить следов какой-либо утраты в «силе сложения», наоборот, хреновской рысак с каждым поколением становился все крепче, все рослее, все долговечнее.

Говоря о применении родственного разведения в Хреновом в пору становления орловской рысистой породы, нельзя упускать из виду еще одно обстоятельство: родственное разведение менее опасно, когда или пока производители и матки еще не очень схожи друг с другом, и становится тем опаснее, чем однороднее становится стадо или конский завод. Отсюда и тот успех, который часто сопутствует родственному разведению в истории многих пород животных в начальный период их формирования.

Формы родственного разведения, примененные в рысистом отделении, были не те, которые пропагандировались английскими животноводами школы Бэквелла: никогда Орлов не прибегал к кровосмесительным спариваниям отца с дочерью, родного брата с родной сестрой; излюбленным в практике Хреновского завода явилось повторение общих предков во II–III и III–III р. п. Повторения общих предков во II–III, III–III, III–IV и т. д. рядах предков, когда ими были охвачены на протяжении десятилетий все поколения хреновских рысаков, привели к тому, что Барс 1 явился как бы цементирующим элементом всех родословных, несмотря на то, что степень тесноты родственного спаривания оставалась невысокой, много ниже характерной, например, для шортгорнской породы крупного рогатого скота.

В то же время, если мы будем вычислять условную «долю крови» Барса 1 в родословных любых рысаков 30-х, 40-х, 70-х, 80-х годов XIX столетия и далее, вплоть до XX века, мы получаем неожиданные, поражающие нас цифры. Если «доля крови» Барса 1 у всех его сыновей составляла условно $\frac{1}{2}$, у его внуков $\frac{1}{4}$, то:

Лель завода Малютина, р. 1885 г., на 1232/4096 — Барс 1;

Громадный завода Малютина, р. 1894 г., на 9522/32768 — Барс 1;

Палач Хреновского завода, р. 1904 г., на 20237/65536 — Барс 1.

А. Г. Орлов и В. И. Шишкин в Хреновском заводе дали историческое решение задачи, как можно создать породу, отличающуюся высокой степенью закрепления ряда ценных особенностей выдающегося производителя-основоположника и не замкнуться в родственном разведении, ослабляющем жизнестойкость, крепость, плодовитость, долголетие, словом весь комплекс конституциональных свойств, которые столь ценны для нас в орловском рысаке.

Важно отметить, что одновременно с процессом интеграции, консолидации рысистой породы шел и процесс ее дифференциации. Порода разбивалась на внутривидовые группы, линии. С помощью этого, нового в мировой практике животноводства приема, завод смог поддерживать требуемую для успешной зоотехнической работы внутривидовую неоднородность.

К заложению линий в рысистом отделении завода приступил уже А. Г. Орлов. В полной мере блестящая работа с линиями развернута

была В. И. Шишкиным.

Завод ведет не одну линию Барса 1, а несколько самостоятельных линий его лучших сыновей и внуков, которые все были рысаками, но ни по генеалогической структуре родословных, ни по своим экстерьерным особенностям, ни по многим другим ценным качествам не повторяли друг друга.

Работая с шестью-восемью линиями, завод применял родственное и даже близкородственное разведение внутри каждой отдельной линии и тем самым преодолевал опасности, которыми родственное разведение могло угрожать породе в целом.

Создавалось богатство сложной внутривидовой структуры, подготавливалась возможность и последующих разнообразных скрещиваний линий и сочетаний их между собой.

V. Задача, взятая на себя рысистым отделением Хреновского завода, была непомерно тяжела и требовала готовности к неограниченным материальным затратам еще в неизмеримо большей мере, чем в верховом отделении. Предпосылкой успеха являлся самый строгий безжалостный отбор. При работе в рысистом направлении удачи, особенно в первых поколениях, бывали редкими исключениями, а правилом был брак, т. е. не брак в абсолютном смысле этого слова, но лошади для племенной работы в рысистом направлении не пригодные. Если бы мы попытались подвести счет издержек Хреновского завода на создание рысистого завода, то многомиллионные суммы привели бы нас в изумление и смущение.

Из 42 жеребцов разных пород, введенных в Хреновский завод и оставивших здесь потомство, — в первом поколении общим числом, во всяком случае, не меньше 500 голов, — лишь девять оказались в состоянии дать продолжателей в рысистом отделении завода; таких было 23 производителя помесей первого поколения; они оставили не менее 750 голов приплода, но лишь 7 из 23 жеребцов первого поколения в свою очередь дали производителей Хреновскому заводу; число таких производителей (из второго поколения) было 25; они оставили никак не менее 1 тысячи голов приплода, но в числе 25 жеребцов второго поколения находился один Барс 1.

Опираясь на Барса 1 и его 12 сыновей (третье поколение), Хреновский завод уже получал возможность, говоря словами современников, «учредить рысистую породу на твердом основании».

VI. И все же, несмотря на размах и темпы работы, или именно вследствие взятых темпов и масштабов, ко времени смерти Орлова орловская рысистая порода никак не может считаться уже созданной. Здесь мы имеем картину опять-таки иную, чем та, которую мы наблюдали в верховом отделении. Верховую орловскую породу В. И. Шишкин получил почти готовой из рук А. Г. Орлова, ее оставалось лишь поддерживать и совершенствовать. Орловского рысака В. И. Шишкин унаследовал в разгаре становления, и ему, как искусному зодчему, предстояло увенчать здание, выдержав стиль, в котором оно было заложено, без чертежей, планов и проектов. Поэтому не один А. Г. Орлов, но и В. И. Шишкин в равной степени должны считаться творцами и авторами рысистой породы.

***

Умирая, Орлов завещал не продавать из рысистого отделения Хреновского завода ни одного жеребца-производителя, будь то государству, будь то в частные руки. Все рысистые жеребцы, назначаемые в продажу, кастрировались. В то же время продажа жеребцов верхового отделения, происходившая без каких-либо ограничений и препятствий при жизни Орлова, осталась свободной и беззапретной и после смерти его. Это предсмертное распоряжение Орлова породило много споров, толков и осуждений.

Чем бы ни вызвано было такое завещание А. Г. Орлова, прихотью ли феодала-самодура, просто-напросто не желавшего, чтобы после его смерти у других коннозаводчиков появились такие же рысаки, как и в Хреновом, или соображениями капиталиста-предпринимателя, стремившегося сберечь секреты производства и обеспечить своему предприятию на долгие годы прибыли и сверхприбыли, — запрет продажи жеребцов из рысистого отделения Хреновского завода в продолжение 20 с лишком лет представлял препятствие, неодолимое для всех русских коннозаводчиков.

Последствия этого запрета могли оказаться очень тяжелыми для будущей орловской рысистой породы, так как в течение многих десятилетий становление и даже самое существование породы продолжало зависеть от превратностей судьбы и жизни одного хозяйства.

Глава IV

РОЛЬ ТРЕНИНГА И ИСПЫТАНИЙ ПРИ СОЗДАНИИ ОРЛОВСКОЙ РЫСИСТОЙ ПОРОДЫ

Переворот в коннозаводстве А. Г. Орлову удалось произвести не только благодаря предпринятым скрещиваниям, не только благодаря рациональному отбору и подбору, но и потому, что А. Г. Орлов, создавая рысистую породу, вел заводскую работу с помощью тренинга и испытаний, возведенных в систему. Он как бы ставил себе девизом: «Природа дает нам жеребенка, человек делает из него рысака».

Хреновской завод исходил из того положения, что индивидуально у каждой лошади, включаемой в рысистое отделение, должен быть путем упражнений в молодом возрасте развит, затем испытан и выявлен отличительный необходимый признак новой породы — резвая рысь.

В 1848 году молодой В. И. Коптев, взгляды которого формировались под непосредственным влиянием бесед с охотниками, коннозаводчиками и наездниками шишкинского и даже орловского окружения, начиная с ветхого годами И. Н. Кабанова, попытался выразить зоотехническое credo орлово-шишкинской школы следующим образом:

«Гений графа Орлова создал рысака искусным смешением пород и постоянным развитием их, чрез упражнение тех элементов, которые он признал необходимыми для составления идеала рысистой лошади».

Не в одной только «гениальной» арабско-датско-голландской комбинации, давшей Барса 1, заключалась тайна успеха предприятия Орлова, ибо эта же «гениальная комбинация» не дала ничего во многих других заводах вельможных коннозаводчиков, безуспешно пытавшихся подражать Орлову.

«Не одна сортировка крови составляет рысака, но и упражнение, котоосе развивает в лошади условия, необходимые для рысака, пишет Коптев в 1848 году, — без упражнения производителей в рысистом беге порода рысистая не может быть доведена до совершенства» [\[134\]](#).

Спустя 20 лет В. И. Коптев сумел сформулировать эти же самые положения короче, полнее и точнее:

«Рысак орловский таков, как он есть, является продуктом не только гениального сочетания пород, но и своеобразного воспитания, выездки, наездки и употребления его в работу; и дальнейшее его видоизменение и развитие зависят также от человека» [\[135\]](#).

В Хреновом и в Нескучном были разработаны как самые основы системы последовательно проводимых упражнений, так и сложные подчас детали такого тренинга и такой выездки молодой лошади, которые бы способствовали в максимальной степени развитию у нее желательных качеств рысака — резвости и стойкости на рысистом аллюре.

Достаточно прочесть записки С. В. Шишкина-сына [\[136\]](#), чтобы убедиться, насколько настойчиво и тщательно вырабатывали у рысака смолоду правильные, спорые и согласованные движения передних и задних конечностей, какое внимание обращали на отработку рта рысака, на чуткость его к возжевому посылу «мягких рук» наездника, какие были известны тонкости сборки рысака с тем, чтобы довести выработку хода, резвости и силы рысака до высокой степени совершенства.

В Хреновом правильную выездку рысака считали делом большой важности в коннозаводстве еще и потому, что «...мастерство выездить лошадь правильно, дать ей верный ход, значит не только сделать бег ее красивым но и упрочить всю ее будущность, обеспечить ей резвость не только в 4 и 5 лет, но сделать ее способной бежать и в 12- и в 15-летнем возрасте» [\[136\]](#).

В заездке, выездке и наездке, особенно в наездке, т. е. в тренинге рысистой лошади, — к сожалению, приходится русское слово для читателя XX века пояснять иностранным, — соблюдали большую осторожность и последовательность в повышении трудности предъявляемых к рысаку требований. «Коня надможешь — не поправишь».

Добивались движений производительных, но в то же время естественных, не заторопленных, свободных, которые позволяли бы рысаку бежать резво на протяжении многих верст. Ход рысака должен был быть ровный и верный, как часы. Старые хреновские мастера-наездники проверяли его не только на глаз но и на слух. Известен

рассказ о хреновском выученике, старике Рогове (И. Н.), который, будучи уже слепым, слушал бег приведенных с московских призов рысаков и на слух безошибочно отмечал даже мелкие недочеты их хода.

Хорошо выезженный рысак не знал сбоев, но по желанию наездника в любой момент переходил на сбой, летовой, на котором он ничего не терял, и буквально на любом скачке, по воле ездока, ставился на рысь.

Резвость, сила и стойкость на рыси вырабатывались у орловского рысака в течение ряда поколений систематическим тренингом, проверялись испытаниями и закреплялись соответствующим подбором.

Мы знаем в точности, что не только до 1808 года, но и до 1831 года ни одна лошадь, рожденная в рысистом отделении Хреновского завода, не могла остаться неезженной и нетренируемой, как равно ни одна лошадь, рожденная в Хреновском заводе, не испытанная в беге или не проявившая на бегу способностей, не могла поступить в завод.

Строго выдерживался забытый на его родине принцип племенной работы древнего Рима: «Достоинства благородных коней удостоверяют бега и ристалища» [\[137\]](#).

Источники говорят, что как бы хороша экстерьерно лошадь ни была, она не поступала в завод, если не проявляла резвости, но и обратно, как мы ниже увидим, как бы резва лошадь ни была, если она экстерьерно не удовлетворяла руководителей завода, она тоже в завод не допускалась.

Зимний бег на Неве в начале XIX в. С акварели А. И. Орловского.
Музей коневодства ТСХА.

*Зимний бег на Неве в начале XIX в. С акварели
А. И. Орловского. Музей коневодства ТСХА.*

Весьма возможно, что и первоначальный племенной состав рысистого отделения Хреновского завода уже подвергался некоторым испытаниям на бегу. Еще к периоду собирания племенного материала, к 1774 году, относится следующее место из письма В. Г. Орлова к А. Г. Орлову за границу: «Бег у нас сделан против нашего двора на Неве, охотники собираются, только без атамана Алехана (т. е. А. Г. Орлова. — В. В.) веселья нет» [\[138\]](#).

Поскольку Хреновской завод и орловская рысистая порода вообще была создана с помощью и под воздействием систематического тренинга и испытаний, мы обязаны раньше всего разобраться в вопросе о «бегах» до А. Г. Орлова и о постановке рысистых испытаний при нем.

КОНСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ В СТАРИНУ

Конские состязания как забава, как один из способов показать свою удаль и молодечество, с незапамятных времен являлись

принадлежностью русских святок и масленицы.

В сказаниях иностранцев о России мы имеем запись Амвросия Кантарини, датированную 1476 годом. Описывая зимнюю торговлю на реке Москве, он замечает: «На реке бывают также конские ристания и другие увеселения, но нередко участвующие в сих игрищах ломают себе шеи». Очевидно, в понимании этого итальянца конские состязания на Москва-реке не далеко ушли от таких же праздничных увеселений его родины, которые зачастую принимали в Италии не столько более грубую, сколько более пошлую форму. Например, город Падуа указом своим от 19 апреля 1668 года по случаю заключения мира объявлял: «Мы намерены ознаменовать торжество знаменитого нашего отечества играми в мяч и ристаниями бегунов, рысаков, ослов и женщин» (sic!) ^[139].

Ближе к интересующей нас эпохе «Инструкция по Московской Полицмейстерской Канцелярии» от 10 декабря 1722 года предусматривает: «А имеющих охоту бегать на резвых лошадях в запуски или в заклад и тем людям такое бегание чинить позволяется, токмо выезжая в поле и где мало людей, но и в тех местах осторожно, чтоб кому повреждения никакого не учинилось, а по улицам такого бегания отнюдь не чинить, понеже от многолюдства по улицам тем беганием чинится многим повреждение».

При Екатерине II и Павле I мы находим повторные полицейские запрещения быстрой езды и езды об заклад по улицам.

На основании всех источников картина выясняется приблизительно такая. Ежегодно к зиме, покончив с уборкой и запродав урожай, помещики из отдаленных захолуствий съезжались с чадами и домочадцами в Москву — людей повидать и себя показать, жен нарядами и кумушкиными пересудами потешить, дочерей на смотринах, балах показать и замуж выдать. И вот на улицах Москвы начинают появляться с каждым днем все в большем и большем числе диковинные старомодные возки и наряду с ними выписные парадные кареты, запряженные пегими и булаными четвернями и шестериками. К декабрю съезжалось все дворянство на зиму, и до мая-июня в Москве содержалось на конюшнях не менее 200 тысяч лошадей всех типов, пород, мастей статей и аллюров. Старая столица любила лошадей и конскую охоту, и в одной Москве лошадей было больше, чем в целом немецком герцогстве или даже королевстве.

Только станет лед, на Москва-реку начинают выезжать и показывать свою езду «бегуны» и иноходцы, приведенные со всех концов России. Сначала ездят в одиночку; кто порезвее и посмелее, начнут примериваться, обгонять друг друга, и к концу зимы, когда раззадорится владельческое самолюбие и разгорятся в масленичном чаду охотнические страсти, тогда уже пойдут вызовы, заклады и та езда не на жизнь, а на смерть, при которой «многие ломали себе шеи».

Никаких следов каких-либо правил испытания, какой-либо их организации мы не находим до самого конца XVIII века. Состязания происходили в любой час, когда вздумается подгулявшим хозяевам, на неопределенную дистанцию, вроде — «от места до поворота». Экипажи тоже были произвольные, по большей части очень неудобные немецкие сани, какие были в то

В «Сатирическом вестнике» 1790 года (изд. Н. Страхова) читаем: «Молодые петиметры должны озаботиться покупкой дорогих венских саней и отличных бегунов; сам счастливый владелец их должен сшить себе санную шубу или куртку с чихчирами, а верхового своего нарядить жокеем, греком, албанцем, черкесом, казаком или гусаром. Какое наслаждение кататься на легких саночках кадрилию, для чего наперед сговариваются между собой кавалеры и дамы, или какое удовольствие показаться на бегу и биться об заклад с другими охотниками».

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПЫТАНИЙ ПРИ ОРЛОВЕ

А Г Орловым впервые была упорядочена самая постановка бегового дела. Впервые бега в Москве перестали быть случайным явлением, спутником масленичного разгула, перестали быть только развлекательным зрелищем. Они стали проводиться планомерно, из года в год; они были включены как последнее звено в цепь последовательно связанных друг с другом и необходимо восполняющих друг друга мероприятия Хреновского завода по воспитанию и тренировке рысистого молодняка.

Орлов старательно устранял, исключал из беговых испытаний всякие элементы ярмарочных или масленичных развлечений, а также элементы азарта и игры. Известно, что он, испытывая своих рысаков, никогда не бился об заклад.

В продолжение не менее 20 лет рысистые испытания на Нескучном бегу проводились при жизни А. Г. Орлова регулярно и систематически — в зимнее время, еженедельно по воскресеньям.

Когда сам А. Г. Орлов, степенно и несколько торжественно, выезжал на одном из своих рысаков на бег и проверял рысака на предварительно точно вымеренной дистанции, у конца которой ставился вместо выигрышного столба дивной величины «китовый ус», и когда при этом секундная стрелка больших часов, «бегавшая во весь циферблат», во всеувидение отмечала резвость каждого конца и казалось, что не стрелка проверяет резвость рысака, а ход рысака, просторный и правильный, ровный и точный, как часы, контролирует движение стрелки, и когда, в довершение впечатления, весь бег проходил в молчании и спокойствии, не прерываемом ни щелканием бичей, ни криками ездоков, ни восклицаниями бьющихся об заклад владельцев и их приверженцев, тогда даже и в умы собравшихся полюбоваться бегом зрителей должна была невольно западать мысль о серьезном значении происходящего.

Наша, казалось бы, забава есть дело государственной важности». Вот мысль, которую должна была внушать всем самая обстановка бегового дела при Орлове.

Орлов, кроме зимнего бега на Москва-реке, разбил на Донском поле летний бег ^[140], имевший ту же форму, что и первый бег, устроенный сорок лет спустя Московским беговым обществом на Ходынском поле в 1834 году, имевшем две параллельные прямые, шедшие почти рядом одна с другой, так, что поворот был крайне крут. Когда бежали две лошади, например в 1801 году Любезный примеривался к Амазонке, то резвая езда происходила только по прямым, а в поворотах лошади сдерживались и снова равнялись одна по другой. Этот способ испытаний короткими прямыми (по 200 сажень каждая), когда победившей считается лошадь, выигравшая известное, большее, чем другая, число концов, был как будто иностранного происхождения и как будто заимствован из Нидерландов. Однако при ближайшем рассмотрении мы убеждаемся в коренных, принципиальных, глубоких отличиях всей системы испытаний орловского рысака, самобытной, выросшей и укрепившейся на русской почве.

РЫСИСТЫЕ ИСПЫТАНИИ В ГОЛЛАНДИИ В XVIII ВЕКЕ

Из старинного описания бегов в Вимстере в книге Гацци «О конском ристании» [\[141\]](#), с которым вполне согласуется описание, даваемое в книге Л. Бергофера [\[142\]](#), самого крупного импортера голландских рысаков в Россию в 20-х и 30-х годах XIX столетия, рисуется следующая картина рысистых испытаний в Голландии.

Испытания происходили всегда рысью под седлом. Всадники выезжали на круг в национальных костюмах, а убор рысаков был — большая узда с кожаными наглазниками, пестрый шерстяной ковер и «на хвосте цветной пучок». Выезжала на бег всегда лишь одна пара, никогда не больше. Езда происходила концами.

Чтобы победить, рысак должен был выиграть у соперника не менее двух концов из трех. Скакать не разрешалось, иначе лошадь теряла все права на победу.

Когда в Голландии впоследствии, во второй половине XIX века, стали вводиться правильные испытания на дистанцию 1 200—1 600 м вместо прежних 200–300 м, то оказалось, что голландский (фризский) рысак, от которого всегда требовалось лишь развитие резвости на коротке, «как не имеющий выносливости», не способен был конкурировать ни с орловским, ни с американским, ни с помесями от них [\[143\]](#).

ОРЛОВСКАЯ СИСТЕМА И ППОДРОМНЫХ И ВНЕИ ППОДРОМНЫХ ИСПЫТАНИЙ

Коренным отличием орловской системы испытаний раньше всего было то, что А. Г. Орлов, на многие десятилетия опередив Америку и любую из стран Западной Европы, стал производить рысистые испытания не под седлом, а в упряжи. Для этого ему пришлось изобрести для летних испытаний беговой экипаж, ибо ничего подходящего не существовало. В статье Д. Д. Сонцева [\[144\]](#) указывается, что до А. Г. Орлова были в употреблении так называемые «волочки», экипаж для резвой работы и езды крайне неудобный. А. Г. Орлов ввел в употребление беговые дрожки, а для зимнего бега приспособил русскую санную упряжь и вывел из употребления немецкую (венскую).

Во всех случаях рысак испытывался в национальной дуговой упряжке, в хомуте и в экипаже, употребительных по русским дорогам.

Уже и здесь А. Г. Орлов, очевидно, исходил из ясного сознания, что выводимая им порода есть порода упряжная, предназначенная для несения в будущем определенной службы, и что испытания должны содействовать усовершенствованию ее именно как упряжной рысистой породы, а не просто резвой рысистой [\[145\]](#).

С этой же целью ипподромные испытания на резвость — концами по 200 сажень — дополнялись внеипподромными испытаниями на силу и выносливость — 18-верстными пробегами Москва Остров. А. Г. Орлов отнюдь не довольствовался бегами «на концы», развивавшими у рысака лишь бросковую резвость накоротке.

Известная, часто цитируемая выписка из В. И. Коптева гласит: «Присланную ему из Хреновой ставку отобранных и лучших жеребцов, числом до 20, приехав сам в с. Остров, он приказывал их всех запретить в беговые дрожки, сам садился на одни из них и в сопровождении всех прочих ехал 18 верст из Острова в свой московский дом, то усиливая, то уменьшая рысь и всматриваясь в движения рысаков. Приехавши на обширный двор своего московского дома, он обходил каждую лошадь кругом, внимательно осматривая ее бодрость и усталость, и особенно тщательно прислушивался к ее дыханию.

Повторяя неоднократно такие опыты, он уже безошибочно выводил заключения о способностях, силе и достоинствах лошади и тогда уже избранных из них сам назначал в производители, отсылая их в Хреновской завод» [\[146\]](#).

Мы видим, что система испытаний на резвость, на короткие дистанции дополнялась системой работы, тренировки и испытаний на силу. И только рысаков, удовлетворявших тому и другому условию, при наличии также и правильного экстерьера, отправляли в завод.

ЗАВОДСКИЙ ТРЕНИНГ МОЛОДНЯКА — ЖЕРЕБЦОВ И КОБЫЛ

Работа и испытания лошадей в Москве были увязаны с подготовкой их к заездке, с выдержкой и наездкой их в заводе. Весь молодняк поступал в заездку к трем годам, повидимому, осенью или с начала зимы, но представляется весьма вероятным, что уже до того

тренировался на свободе в Марвиновском манеже. Как ни странно звучит «Марвиновский манеж» в приложении к 1790 или 1800 году, но факт налицо: такой манеж размером 55 саж. X 10 саж. существовал в Хреновом [\[147\]](#).

По словам В. И. Коптева, манеж этот служил для работы лошадей в осеннюю и весеннюю распутицы, «когда езда была невозможна, тогда пускали лошадей бегать в манеже, но без корды».

О системе тренировки в заводе сведения крайне скудны; из слов В. И. Коптева можно заключить, что она, повидимому, была комбинированная на резвость и на силу, и раз лошади брались в тренировку, то выдержка и выходка их уже не прекращалась ни летом, ни зимой.

Жеребцы, предположенные к назначению в заводские, все без исключения отправлялись в Москву на окончательную проверку и решение А. Г. Орловым, из кобыл некоторые, вроде известных Арфы и Амазонки, побывали не только в Москве, но вместе с А. Г. Орловым даже и за границей. Во всяком случае относительно всех кобыл без исключения В. И. Коптев категорически пишет: «Более 120 кобыл трех лет [\[148\]](#) поступали также ежегодно в заездку, и по испытании их на езде в рысистой способности, пускались в завод только сильнейшие и резвейшие из них; прочие же назначались в продажу, какой бы красоты они ни были».

В тренинге кобылы оставались не менее, как до четырехлетнего возраста, а во времена А. Г. Орлова, в эпоху становления породы, нередко до шести-семилетнего возраста. Тренинг и испытания жеребцов продолжались во всяком случае до семи-восьми лет, — Любезный 1 показывался на Московском бегу 11 лет, — а после того, как заканчивались испытания, регулярная езда на жеребцах не прекращалась, завод заботился о поддержании высоких племенных кондиций производителей.

Все эти подробности свидетельствуют о рациональности постановки тренировочного дела и о том, каким мощным вспомогательным мероприятием и орудием для заводской работы стала в Хреновском заводе со времен А. Г. Орлова созданная им рациональная система тренировки и испытания рысистой лошади. Насколько с помощью этой системы в свое время были выработаны у орловского рысака качества силы и резвости, свидетельствуют

показания даже кавалеристов англо-арабоманов. Например, инструктор верховой езды кавалерийских полков 50-х и 60-х годов Гешвенд писал: «Рысаки имеют много дыхания и могут скорую рысь выдержать долее, чем английская лошадь галоп» [149].

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БЕГАХ В МОСКВЕ В ОПИСЫВАЕМУЮ ЭПОХУ

Что же касается Московских бегов, то и зимний и летний бег быстро завоевали себе широкую популярность. Дни бегов для москвичей стали праздничными днями. Красочные описания Московских летних бегов на Донском поле содержатся в «Дневнике студента» Жихарева, а также в воспоминаниях Страхова. Они многим известны хотя бы по выпискам, сделанным из Жихарева и из Страхова В. И. Коптевым.

В последние годы своей жизни А. Г. Орлов показал на Московском бегу Любезного 1, Лебеда 1, мерина Потешного и прославленного своей злополучной судьбой Холстомера. Сын А. Г. Орлова, А. А. Чесменский, проезжал Катка и других подаренных ему из Хренового лошадей, Трубецкой — хреновского же мерина Доброго, И. П. Кутайсов — сыновей хреновского Богатыря, Ф. С. Мосолов — полуанглийского Буяна, Л. Д. Измайлов — Красика, которого он купил чуть ли не за 10 тыс. рублей. Много было и других охотников показать своих рысаков на Московском бегу, да при случае и на льду реки Невы.

Зимний бег на Москва-реке в 40-х годах XIX в. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА

***Зимний бег на Москва-реке в 40-х годах XIX в. С картины
Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА***

Заглянем в одну из любительских петербургских конюшен, конюшню коннозаводчика Орловской губернии Я. П. Протасова. Он покупал «рысаков», т. е. лошадей, способных бежать резвой рысью, где только он мог их найти, и состав его конюшни с этой точки зрения очень интересен. Здесь и неизвестного происхождения Любушка, ростом 2 аршина 4 вершка, и вороная Русалка, 2 аршина ровно, и серый Лебедь, 2 аршина 3 вершка, купленный у князя А. А. Суворова-Италийского, сына знаменитого полководца, и «голубой мерин Орел арабской породы», завода генерала Куликовского, и серый Гектор — тоже «арабской», 2 аршина 3½ вершка, от Байрама и Фани (?!), завода бывшего русского посланника в Константинополе В. С. Тамара, и красно-гнедой мерин Похвальный, ростом 2 аршина 2½ вершка, завода курского коннозаводчика генерал-майора И. И. Ильинского, и бурый Хан, 2 аршина 2 вершка, завода орловского помещика К. А. Медведева, и даже Голубчик, мерин, 2 аршина 2 вершка, «розо-чалый персидский иноходец, куплен у армянина Фитонова» [\[150\]](#).

Этот состав конюшни полностью подтверждает наше утверждение, что в давние годы рысаками на Руси считали любых лошадей, независимо от их породы, роста и экстерьера, лишь бы они были в состоянии бегать рысью с быстротой около 2 минут на одну версту. Из архивной пыли, конечно, мы можем извлечь фантастические рассказы о резвости отдельных лошадей, будто бы прибегавших версту чуть ли не в одну минуту, но все они относятся к той же категории мифов и вымыслов, к какой, например, относится легенда о невероятной скорости в Англии Фляйнг-Чайльдерса, будто бы проскакавшего на Ньюмаркетских скачках 1717 года шесть английских миль, т. е. 9,6 километра в 7 минут 20 секунд (!?).

Совершенно одинаково и наш орловский помещик и коннозаводчик Я. П. Протасов, с чисто ноздревским вдохновением, в пылу охотничьего увлечения немилосердно врал, что его Любушка и Похвальный пробежали 2 версты в 1 минуту или даже в 55 секунд [\[151\]](#).

В Петербурге в начале 800-х годов состязания между любителями резвой езды происходили обычно на заклады, зимой, по льду реки Невы, напротив здания Биржи и Чесменской колонны, воздвигнутой в память Чесменской победы и украшенной в подражание классическим образцам «кормами судов неприятельских».

Обстановку этих первых петербургских бегов на Неве живо рисует одна превосходная, хотя и мало известная акварель А. И. Орловского, находящаяся в настоящее время в Музее коневодства Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева (приводится нами), а комментарием к этой зарисовке А. И. Орловского могут служить несколько слов из описания той же буланой Любушки Я. П. Протасова, купленной им в 1805 году за 3 200 рублей:

«В Петербурге не было ни одной рысистой лошади и даже пристяжной, ни одного парного иноходца, который бы не токмо объехал оную, но хотя бы равнялся с нею».

И действительно, на акварели Орловского изображен бег, в котором принимают участие рысак, иноходец и пара с пристяжкой.

После смерти А. Г. Орлова, в 1808 году и в последующие годы [\[152\]](#) бега на Москва-реке и на Донском поле еще некоторое время продолжались, в форме отдельных закладов между охотниками, но уже хреновские рысаки в Москву для испытания не приводились. Руководящая роль на Московском бегу перешла от А. Г. Орлова к сыну его А. А. Чесменскому.

Бега в эти годы были, повидимому, значительно более редким событием в жизни Москвы. Собирали они несметные толпы зрителей. В «Еженедельнике на 1823 год» [\[153\]](#) приводится краткий рассказ о том, как 27 января 1810 года на Московском зимнем бегу Похвальный Я. П. Протасова выиграл заклад— 1 тысячу рублей — у Доброго Трубецкого. «Он ехал на семь концов, что составляет три версты с половиной. Презусом при сем был покойный Алекс. Алекс. Чесменский, у коего и заклад находился. Стечение зрителей было столь многочисленно, что лед трещал».

Подобно Московским скачкам, также и Московские бега в эпоху Наполеоновских войн 1812–1815 годов прекратили свое существование и возобновились только в 1834 г.

К этому времени рысаком в общем сознании был уже только орловский рысак; прочие лошади, бежавшие резво рысью, были

просто «бегунами» и говорилось: «Орловский рысак от всех бегунов уходит».

Глава V

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОРОДЫ В. И. ШИШКИНЫМ И СОЗДАНИЕ СЛОЖНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИНИЙ В РЫСИСТОЙ ПОРОДЕ

Продолжатель коннозаводской работы А. Г. Орлова и наследник коннозаводского богатства Хренового Василий Иванович Шишкин оказался на высоте своего призвания, и в полной мере именно в рысистом отделении завода он выявил свою яркую индивидуальность, свой коннозаводческий талант, верный глаз, быстрый ум, заводскую интуицию, глубокое познание методов и приемов племенной работы. Ему удалось достигнуть совершенства породы на заложенном А. Г. Орловым фундаменте. Его имя неразрывно связано с новой эпохой развития рысистой породы. При нем Хреновской завод достиг зенита своего блеска и славы.

В. И. Шишкин, хорошо знакомый с направлением и методами предшествующей работы А. Г. Орлова в рысистом отделении, как истинный мастер и художник своего дела не ограничился одним подражанием. Родственное разведение без кровосмешения, к которому приступил в рысистом отделении А. Г. Орлов, вылилось при В. И. Шишкине в продуманную, последовательную и законченную систему разведения по линиям.

Более раннего примера практики такого разведения мы не в состоянии привести из истории какой-либо другой породы животных в странах Европы и Америки. Помимо достигнутого В. И. Шишкиным усовершенствования и углубления методов подбора и линейного разведения, внимательное изучение первоисточников дает возможность сформулировать еще одно основное отличие В. И. Шишкина, как зоотехника, от А. Г. Орлова: работа на экстерьер, по сравнению с работой на производительность, получила при Шишкине в рысистом отделении завода значение большее, чем при Орлове.

В. И. Шишкин был, несомненно, знатоком экстерьера и любителем прекрасной лошади, художником-коннозаводчиком, который за красоту и гармонию форм был склонен прощать некоторые недочеты в продуктивности. И это стремление к прекрасному экстерьеру рельефно сказалось в пристрастии В. И. Шишкина к определенным, более породным, более близким к арабскому типу, линиям рысака, в то время как линии, может быть ценные в рысистом смысле, но менее породные, были отодвинуты в работе на задний план.

Если в верховом отделении любимейшим производителем В. И. Шишкина был Яшма 1 со вторичным прилитием арабской крови, то в рысистом отделении особое внимание было обращено на сыновей Барса 1 от арабскомекленбургских кобыл — на Любезного 1 и в особенности на Лебеда 1, инбридированного на Сметанку; затем на Безымянку 1, от которого была подведена линия Добрый 2 — Добрый 3. с явным преобладанием в них восточной крови; достаточно заботы было уделено Кролику 1 и много меньшее место отведено Залетному 2, Барсику Большому и потомкам вороных голландских кобыл а также представителям чистого полкано-голландского комплекса — Похвальному 2 и его сыновьям.

Возможно, что определенное тяготение, обнаруженное В. И. Шишкиным к более породным линиям, зависело не столько от его личных вкусов и симпатий, сколько от объективно сложившейся обстановки. После смерти А. Г. Орлова рысистые бега в Москве, на Донском поле, прекратили свое существование без надежды на возобновление их в скором будущем, и Москва опять вернулась к зимним развлечениям — масленичному катанию, прерываемому отдельными случайными закладами. Об организации правильных испытаний, об учреждении беговых обществ до середины 20-х годов не было речи. При создавшейся ситуации естественным было стремление блеснуть гармонией форм и красотой движений своих рысаков, раз уж резвость их перестала публично испытываться. Чем же иным можно было щегольнуть при аукционной продаже хреновских ставок в Москве? Чем же иным можно было поразить воображение знатных заезжих гостей, вроде Александра I, при посещении ими Хреновского завода?

Представим себе положение В. И. Шишкина, если бы в этот период мертвого затишья в ипподромном деле, когда об испытаниях и не

помышляли, при господствовавшем вообще вкусе на лошадей красивых и нарядных. В. И. Шишкин тем не менее основную работу вел с «голландскими линиями» Похвального, Барсика Большого и др. Если на выводке в присутствии Александра I и блестящей свиты кавалеристов большая часть представленных лошадей оказалась бы типа Барсика и Похвального, то вряд ли А. А. Орлова благосклонно отнеслась бы к оправданиям В. И. Шишкина, что хотя-де выводимые лошади и не очень красивы, зато бегут 200 саж. на несколько секунд резвее красивых. Что мог себе позволить А. Г. Орлов, того не смел себе позволить его крепостной.

В. И. Шишкин должен был считаться с духом времени, должен был угождать вкусам коннозаводских верхов и требованиям покупателей, желавших во всяком случае иметь «красивых» лошадей. Эту поставленную ему задачу производства экстерьерных рысаков В. И. Шишкин к 1820 году разрешил блестяще так же, как впоследствии в 30-х годах он блестяще разрешил в собственном заводе задачу производства резвых рысаков. Никогда ни прежде, ни после не выставляло Хреновое таких красивых лошадей, как при В. И. Шишкине, никогда ни ранее, ни позднее не производило оно экстерьером своих лошадей такого ошеломляющего впечатления на современников. И в памяти людей XIX века эпоха В. И. Шишкина осталась навсегда наиболее блестящей эпохой хреновской истории, эпохой расцвета и наивысших достижений завода.

ЭКСТЕРЬЕР ОРЛОВСКОГО РЫСАКА 30-х ГОДОВ

Читая воспоминания о хреновских рысаках эпохи В. И. Шишкина, пересматривая замечательные их портреты кисти Н. Е. Сверчкова, убеждаешься в том, что действительно экстерьерным идеалом рысистой лошади в предоставлении как В. И. Шишкина, так и его современников была «арабская лошадь, на которую смотрят в увеличительное стекло».

Много было дано описаний экстерьера старинных хреновских рысаков: их оставили нам и прославленные коннозаводчики, и старики-смотрители Хренового и Падов, и люди науки, профессоры и академики, но на наш взгляд нет описания более картинного, более живописного и в то же время более близкого к оригиналу, чем то,

которое дошло до нас в «Письмах о лошади» Н. Н. Кривенко. Его и приводим целиком.

«Орловская лошадь среднего роста, от 2-х до 4-х вершков [154], с небольшой сухой головой, с живыми, серьезными, полными энергии глазами; шея орловской лошади красивая, свободно выкинутая, хорошо поставленная в сильных, менее отвесных плечах; шея соединена с головою свободно; верхняя линия, идущая от ушей к хвосту, без угловатых уклонений, уступов и западин: хвост густой, с большим отделом при движении, что указывает на силу зада; грудь широкая, выдающаяся, полная; зад широкий; связь спины с задом короткая и широкая, сильная; крестец достаточно длинный, округлый к хвосту, но не спущенный вниз; ребра крутые; живот округлый и более короткий, между тем как весь корпус длинный, вследствие широких плеч, длинных и широких костей в зад (тазовых и бедренных), покрытых большими, упругими на ощупь, сильными мышцами; ноги правильные, соразмерные корпусу, сухие, с хорошо развитыми мускулами в верхних частях и с ясно видимым сухожилием (не отечны, как это бывает у сырых лошадей); бабки короткие, не прямые и не наклонные (угол 45°); копыта соразмерные, с крепким гладким рогом; шерсть блестящая, густая и плотно прилегающая к телу.

Когда в лошади все, начиная от уха и до угла заднего копыта, правильно, красиво и свободно связано между собой, когда видишь в животном хорошо развитую шею, грудь, почку, мышцы, сухожилия, развитые кости и хорошо связанные между собой, пропорционально, без выдающихся резкостей, когда видишь полную гармонию в строении животного и энергию, присущую лошади, является понятие о ней, как о животном сильном, быстром, ловком, красивом и энергичном, что, мне кажется, и хотел соединить граф Орлов в своем рысাকে, увеличивая рост в животном, а с ним и силу, но не отступая, однако, от общей гармонии строения животного».

Конские охотники 30—40-х годов, предпочитая орловских лошадей всем лошадям других заводов, говорили, перефразируя стихи из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» —

«...от головы до пяток

На всех орловских есть особый отпечаток».

Некоторые из иппологических писателей середины прошлого века, в том числе и В. И. Коптев, отмечали в качестве особой черты экстерьера орловского рысака — или даже вообще орловской лошади — так называемую «прямую заднюю ногу». Трудно теперь решить, были ли действительно задние ноги орловских лошадей 30—40-х годов «замечательны по необыкновенной прямизне линии», или только казались такими глазу, привыкшему к формам испанских, датских или даже английских лошадей.

Энергия и сила орловских лошадей были неисчерпаемы. «Нет ездока, который бы уездил ее, нет расстояния, которое она не пролетела бы без усталости», восклицает В. И. Коптев. Про силу таких рысаков, как бурый Добрый 2, в Хреновом слагались легенды.

А. Г. Орлов строго-настрога запретил не только хлыст или бич, но и какие бы то ни было виды посылы. Лошадь должна была бежать вольно, свободно, непринужденно. Хреновской присказкой стало: «рыси из коня не вынукаешь». В рысаке ценилась пылкость и огненность.

Почти в продолжение столетия на всех русских рысистых ипподромах не знали употребления не только хлыста, но даже жесткого посылы вожжей. Если в вожжу оказывалась зашитой металлическая пластинка, то это было безусловным основанием для лишения лошади приза. Разрешались лишь поддужные, задачей которых было побуждать рысака к благородному соревнованию, да и поддужными пользовались с опаской, допуская их к рысаку, когда он уже приутомится, или на перебежках, и потому часто бывало, что перебежки, хотя бы и на дистанцию 5—6 верст, совершались резвее, чем бег.

Еще в 1869 году не на бегу, а на перебежке поставил Потешный М. И. Кожина, первый орловский безминутный рысак, свой рекорд 5 минут ровно на 3 версты. Лошадь ленивая, тупая презиралась, от нее отказывались как коннозаводчики, так и наездники и конюхи. Отголоски этих старинных взглядов на рысака мы находим и в описании бегов на Неве в 70-х годах XIX века, оставленном в очерках С. Н. Терпигорева («Оскудение»), «Лошади бывают иногда, что называется, тупые. Она и красива, и правильна, и без пороков, и сильная рысь у нее, а все-таки тупая. Очень трудно сказать, что собственно разумеется под этим термином, тем не менее тупые

лошади есть и они истинное божеское наказание для наездника». Вспомним фразу из повести М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»...он в первый раз оскорбил коня ударом плети», вспомним, что и над Холстомером лишь в злосчастный для него день «первый раз в жизни свистнул кнут и резнул», — и нам станет понятнее та атмосфера конного спорта, при которой применение хлыстов и бичей становилось делом решительно невозможным. Да и рысаки были такие, что грозили подхватить на унос даже при посыле вожжей, а не только что бичом.

Много существует рассказов про огненный темперамент орловских и шишкинских рысаков, сохраняемый до глубокой старости, иногда даже и после кастрации. Приводим одно место из очерка С. И. Колесова («50 лет тому назад»). «У нас была лошадь Хвальный, орловский мерин, который, сделавшись стар, стал возить сорокаведерную бочку воды. Воду брали в колодце, принадлежавшем Андрониевому монастырю. Подъем в крутую гору по глубокому песку был очень тяжел. Раз дворник наливал воду и, наполнив бочку, хотел взяться за вожжи ехать, в это время... лошадь, испугавшись, бросилась так, что дворник не успел схватить вожжей, и выскочила в гору с полной бочкой так, что и тройке было бы впору. Наверху горы ее остановили».

Орлову и Шишкину, действительно, удалось создать в рысистом отделении Хреновского завода лошадей, в буквальном смысле слова, способных возить «и пушку, и воду, и воеводу».

СУДЬБА ЛИНИИ ПОЛКАНО-ГОЛЛАНДСКОГО КОМПЛЕКСА

Изложение шишкинской работы с линиями и анализ созданной им: ложной структуры линий в рысистой породе мы начнем с мужских линий, прекративших при В. И. Шишкине свое существование в Хреновском заводе. При начале работы В. И. Шишкина в заводе состояло четыре жеребца из линии Похвального 1: Похвальный 2 и три его сына — Горностаи 3, Чистяк 1 и Хваленый 1, а также один жеребец из линии Барсика Большого — серый Молодец.

На смену этих пяти производителей в заводе был оставлен всего один жеребец — Чистяк 2, рождения 1813 года, сын Чистяка 1 и Загонной, д. Барса 1, да и тот пробыл в заводе сравнительно недолго, и

к 1824 году мужских представителей этих линий в Хреновом не осталось. Кобыл от этих жеребцов было, однако, оставлено в заводе много.

От Похвального 2.. 12

От Чистяка 1..... 10

От Хвального 1..... 6

От Горностая 3..... 1

От Чистяка 2..... 5

От Молодца..... 15

Кобылы эти, в особенности кобылы похвальновской линии, впоследствии сыграли очень большую роль в рысистой породе. В родословных очень многих классных рысаков 30—40-х годов мы будем наталкиваться на происхождение их по женской линии от одной из кобыл похвальновской группы. Почему же мужская линия Похвального 1 сошла со сцены в Хреновском заводе? Потому ли, что она не удовлетворяла требованиям момента, или же потому, что она была мало способна к совершенствованию и развитию? Последнее предположение вероятнее. Раньше всего лошади из этой линии оказывались недолговечными, а затем, по всем данным, со времени Барса 1 и Похвального 1 линия не прогрессировала ни в отношении экстерьера, ни в отношении рысистых качеств: ее преимущественным уделом оставалась попрежнему резвость только накоротке. После трех-четырёх поколений заводской работы рысаки, подобные Похвальному 1 и Похвальному 2, уже завод и В. И. Шишкина не удовлетворяли. Необходимо отметить, что до тех пор, пока жеребцы мужской линии Похвального существовали, к ним подбирали кобыл преимущественно того же полкано-голландского комплекса или даже принадлежавших к той же самой линии.

ГРАЧИХА, сер., р. 1820 г.											
Грачиха, сер., р. 1805-1808 г.				Чистяк 2, гн., р. 1813 г.							
Грузная, сер., р. 1792-1794 г.		Похвальный 1, сер., р. 1798 г.		Загонная, гн., р. 1800-1805 г.		Чистяк 1, сер., р. 1804 г.					
Свирепая, гн., р. 1783-1785 г.		Барс 1, р. 1784 г.		Серая, р. 1793-1794 г.		Барс 1, р. 1784 г.		Маска, сер., р. 1796-1798 г.		Похвальный 2, сер., р. 1798 г.	
Свирепая, из Англии				Родильская				Скудная, сер., р. 1790-1792 г.		Полкан 2, сер., р. 1789 г.	
Горностай 2, р. 1777 г., арабско-датский				Порх вид, гн., р. 1786 г.				Наужина, сер., р. около 1790 г.		Похвальный 1, сер., р. 1792 г.	

Взглянем на родословную серой кобылы Грачихи (матери Ворона 3 и Потешного 1), сохраненной в заводе дочери Чистяка 2, последнего производителя из мужской линии Похвального 2.

В этой родословной мы читаем клички ряда жеребцов чисто полканоголландской группы, из которых Барс 1 встречается в III–III р. п., не считая повторений Барса 1 через Похвального 2, а Похвальный 2 даже во II–III р. п.

Хреновской завод заложил линию Похвального 1, рождения 1792 года, одновременно с линией Барсика Большого, рождения 1792 года, и раньше линий многих других сыновей Барса 1, например Безымянки 1, рождения 1800 года, или Лебеда 1, рождения 1804 года. К 1820 году Хреновский завод провел линию уже через три-четыре поколения родственного разведения, и раньше, чем какую-иную, завод использует созданную линию Похвального для межлинейных скрещиваний, для поисков удачных сочетаний с другими линиями. Дочери Похвального 2, Хвального 1, Чистяка 1 и др. очень хороший приплод давали, например, от жеребцов из линии Кролика 1 (см. ниже).

ИСЧЕЗНУВШАЯ ЛИНИЯ АНГЛИЙСКОГО РОДНЕ

Второй исчезнувшей, вернее ушедшей в матки при В. И. Шишкине, линией была линия английского жеребца Родне. Хотя вороной Залетный 2, единственный жеребец этой линии в составе завода, и оставался в Хреновом до самой своей смерти в 1825 году, но заместителя ему не было оставлено, и с его смертью мужская линия Родне прекратила свое существование. Трудно сказать, действительно ли стоила линия этой своей участи. Дочери Залетного 2 по большей части были распроданы, и в заводе оставлено было всего девять

дочерей его, среди которых оказались очень ценные кобылы, как Дура (мать Ловкого 1), Тяжелая и др., а через них Залетный 2 вошел в родословные ряда класснейших производителей 20—30-х годов, вплоть до Полкана 3 и Чистяка 3.

НЕУДАВШАЯСЯ РАБОТА С МУЖСКОЙ ЛИНИЕЙ КРОЛИКА 1

Из других линий по каким-то трудно объяснимым причинам объективно должна быть признана неудавшейся работа с мужской линией Кролика 1. Этот жеребец принадлежал к любимейшим производителям В. И. Шишкина.

От Кролика 1 он получил серию первоклассных кобыл [155], а в дальнейшем через них — и очень классных жеребцов во главе с Полканом 3 и Лебедем 4 (Кролик во II—III р. п.) в Хреновском заводе. От дочери Кролика родился и Безымянка — один из родоначальников собственного завода В. И. Шишкина, но сыновья Кролика, в смысле заводского класса, сильно уступали отцу. Может быть причину неудачи следует искать в том, что подбор к Кролику, жеребцу довольно своеобразного комплекса, был труден, и оставленные в заводе сыновья Кролика были носителями не тех комбинаций кровей, которые выдерживали заводское испытание.

Действительно, если мы посмотрим родословные дочерей Кролика, наиболее отличившихся в Хреновском заводе, то увидим, что матери их, без исключения все, происходили от жеребцов полкано-голландской группы: Барса 1, Похвального 2, Усана 1, а именно: 1) Нечаянная, м. Полкана 3, от Амазонки, д. Барса 1; 2) Ехида, м. Лебеда 4, от Казистой, д. Похвального 2; 3) Приметка, м. Летуна 3, от Маловатихи, д. Похвального 2; 4) Жиганка и 5) Неровная, две родные сестры, родоначальницы знаменитых женских семейств, от Досадной, д. Усана 1.

Вместе с тем из пяти сыновей Кролика 1, оставленных в заводе (Кролик 2, Быстрый 1, Потешный 1, Богатый 1 и Степенный 1), только два последних принадлежали к этой комбинации, и как раз одному из них — Богатому 1, рождения 1816 года, от Богатой, д. Мраморного и Прусачки из Англии, мать которого является представительницей того же полкано-голландско-английского комплекса, что и сам Кролик 1,

удалось продолжить линию на несколько поколений, вплоть до Быстролета и Бурливого, отца Бедуина.

УВЛЕЧЕНИЕ ЭКСТЕРЬЕРНОЙ ЛИНИЕЙ ДОБРОГО 2

Теперь остановимся на линии, которой в период до 1825 года была уплачена наибольшая дань увлечения.

Добрый 2, бурый жеребец, родившийся в 1810 году, т. е. на второй год после смерти А. Г. Орлова, от Безымянки 1 и Серой, имел не совсем обычную для орловского рысака родословную. Уже отец его, Безымянка, с явным преобладанием арабской крови в своей родословной, был исключением среди сыновей Барса 1. В кобыле Серой, от Бычка и Купчихи, Безымянка получил партнершу, в родословной которой основную роль играет арабский Старик (во II–III р. п.), затем имеются еще арабские, датские и английские течения, рысаки же полкано-голландского комплекса совершенно отсутствуют. Такое происхождение могло обеспечить Доброму 2 красоту, породность, сухость сложения — таким он и описывается в воспоминаниях современников, — но вряд ли могло обеспечить резвость и рысистые способности.

Добрый 2 был коренником тройки, возившей Александра I из Хренового в Чесменку и обратно, и этого одного факта было достаточно для того, чтобы обуреваемые верноподданническими чувствами коннозаводчики объявили Доброго 2 выдающимся рысаком и оставались при этом убеждены в продолжение многих десятилетий.

Охотно допуская, что Добрый 2 показал себя с наилучшей стороны как коренник тройки, мы можем сделать из этого заключение не о резвости и рысистых способностях его, а только о том, что он отличался неутомимостью и силой, свойственными многим лошадям восточного происхождения. Этих качеств, проявленных Добрым 2, вместе с породным, сухим и правильным экстерьером, могло быть, однако, вполне достаточно для того, чтобы Добрый 2 стал одним из любимых производителей В. И. Шишкина.

В заводе Добрый 2 оставался очень продолжительное время: он пал в 1833 году, т. е. два года спустя после ухода В. И. Шишкина из Хренового. Но период особо интенсивного использования Доброго 2 падает на время до 1825 года. Из его детей поступили в завод: пять сыновей, из которых только Доброму 3 удалось продлить линию еще

на одно поколение, и огромное количество кобыл — 53, т. е. больше, чем от кого бы то ни было из производителей, больше, чем от Барса 1, Любезного 1 и других знаменитейших жеребцов. И все же, несмотря на такое выдвижение Доброго 2, его кличка редко попадает в родословных классных рысаков и производителей Хреновского завода, а инбридинг на него, как равно на отца его Безымянку 1, не создал ни одной примечательной лошади в Хреновском заводе.

МЕТОД ЛИНЕЙНОГО РАЗВЕДЕНИЯ В ПРИМЕНЕНИИ К ДОБРОМУ 2

В период времени времени приблизительно до 1825 года В. И. Шишкин отнюдь не считал Доброго 2 каким-либо отклонением от нужного типа рысака и отнюдь не желал смягчить или сгладить его односторонность. Это видно из того, что он работал с линией Безымянки 1 — Доброго 2, как с самостоятельной линией, не нуждающейся в восполнении и в добавлении. Линии Доброго 2, помимо блестящего экстерьера, была безусловно присуща конституциональная крепость, здоровье, долголетие.

В одном месте своей работы А. де Шапурж пишет, что не следует ни в каком случае думать, будто Орлов и его преемник «работали с родословными в руках» [\[156\]](#). Это утверждение иностранного автора принадлежит к числу совершенно ошибочных его предположений и опровергается при ближайшем ознакомлении с заводской работой В. И. Шишкина над любой линией. Особенно ясна становится неправильность утверждения Шапуржа, когда мы прослеживаем заводскую деятельность Доброго 2. Только «работая с родословной в руках» мог В. И. Шишкин подобрать Доброму 2 группу столь своеобразных в генеалогическом отношении кобыл.

Можно думать, что В. И. Шишкин считал Доброго 2 в большей степени представителем бурого Старика из Аравии, чем Барса 1 или хотя бы даже Сметанки. По крайней мере, он подбирал для спаривания с Добрым 2 кобыл, в чьих родословных Старик встречался бы по возможности ближе и чаще, а Барс 1 по возможности дальше или даже совсем отсутствовал.

Подобное происхождение имели, например, заводской жеребец рыжий Родня, рождения 1819 года, сын Доброго 2 и Дуняши (Родне-Молодой — Суровщица, д. Кривого), и ряд заводских маток: Рулетка,

Дама, Прелестница, Верная и др. Много оставленных в заводе кобыл от Доброго 2, а также и заводской жеребец, рыжий Добрый 8, рождения 1817 года, имели матерями дочерей Птички от кобыл Стариковской линии.

Приводим родословные, типичные для целой группы кобыл (Гордой, рождения 1818 года, Понятной, рождения 1819 года, Чистой, рождения 1823 года, Линючей, рождения 1825 года), родных сестер, оставленных заводскими матками в Хреновском заводе (см. стр. 256).

Наконец, в отдельных случаях В. И. Шишкин спаривал Доброго 2 с его полусестрами, т. е. дочерями Безымянки 1, и притом преимущественно в тех случаях, если в родословных кобыл дополнительно фигурировал и Старик. На этих путях подбора были получены заводской жеребец Каток 1, рыжий, рождения 1819 года, и кобылы Задорная, Прусачка и др. И все же там, где через дочерей Доброго 2 его кличка сравнительно близко попадает в родословных известных рысаков, ее приносят с собой такие кобылы, как Загонная и Веспа (м. Чистяка 3), мать которых происходит от Чистяка 1 и дочери Барса 1; или Молодецкая (м. хреновской Андромахи), мать которой от Похвального 2 и дочери Барса 1; или Борская (м. Быстролета), мать которой от Серьезного 1 (Барс 1 во II–II р. п.) и дочери Залетного 2, и т. п.

Линия Доброго 2, веденная как самостоятельная линия, была лишена выдающихся рысистых способностей, и только соединение ее с другими, более рысистыми линиями, и в частности более богатыми голландской кровью, позволяло изредка появляться резвым рысакам с кличкой Доброго 2 в ближних рядах родословной. В этих случаях получался резвый рысак не «благодаря Доброму 2», а «несмотря на Доброго 2».

ГОРДАЯ, гн., р.1818 г., ПОНЯТНАЯ, гн., р.1819 г. и др.	Добрый 2, бур., р. 1810 г.	Безьянка 1, гн., р. 1800 г.	□ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	Сметанка, из Аравии	
				Серая №2, из Голландии	Буланая, из Дании	
		Надежная, гн., р. 1793-1794 г.	Серая, р. около 1800 г.	◇ Бычок, бур., р. 1782 г.	Любимец 1, гн., р. 1786 г.	Бовка, р. 1778 г.
					Воструха, гн., р. 1786-1788 г.	Запальная, р. около 1780 г.
		Щеголик 4, гн., р. около 1812 г.	Птичка, кар., р. 1800 г.	Любезный 1, вор., р. 1794 г.	○ Старик, гн., из Аравии	Салтан 2, р. 1777 г.
					△ Датская коб.	Волчья Хватка, р. 1777 г.
	Ронделевская, р. около 1800 г.		Пеструха, г., р. 1792-1794 г.	◇ Бычок, бур., р. 1782 г.	Постылый, бур., р. 1782 г.	○ Старик, гн., из Аравии
					Горностаиха, сер., р. около 1785 г.	Горностаи 2, р. 1777 г.
	Ронделевская, р. около 1800 г.		Гнедая, р. 1788-1790 г.	Гнедая, р. 1784-1785 г.	□ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Комета, р. 1778-1779 г.
					Гнедая, р. 1784-1785 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.
	Ронделевская, р. около 1800 г.	Гнедая, р. 1788-1790 г.	Гнедая, р. 1784-1785 г.	Гнедая, р. 1784-1785 г.	Серая №2, из Голландии	
				Гнедая, р. 1784-1785 г.	Араб 2, р. 1778 г.	
	Ронделевская, р. около 1800 г.	Гнедая, р. 1788-1790 г.	Гнедая, р. 1784-1785 г.	Цветной, гн., р. 1785 г.	Гнедая, из Мекленбурга	
				Сухая, гн., р. 178... г.	Еруслап, р. 1778 г., с. ○ Старика	
	Ронделевская, р. около 1800 г.	Гнедая, р. 1788-1790 г.	Гнедая, р. 1784-1785 г.	○ Старик, гн., из Аравии	Миленькая, из Голландии	
				△ Датская коб.	Надежный, р. 1775 г.	
Ронделевская, р. около 1800 г.	Гнедая, р. 1788-1790 г.	Гнедая, р. 1784-1785 г.	Коломчонок, сер., р. 1782 г.	Сухая, р. 177... г.		
			Щеголиха, из Дании			

УСПЕХИ ЗАВОДА В РАБОТЕ С ЛИНИЯМИ ЛЮБЕЗНОГО 1 И ЛЕБЕДЯ 1

Переходим к линиям сыновей Барса 1 от арабско-мекленбургских кобыл. Именно им Любезному 1 и Лебедю 1, было уделено центральное место и внимание в Хреновском заводе.

Не продолжая линий Похвального 2 и Залетного 2 и потерпев некоторую неудачу в работе с мужской линией Кролика 1, В. И. Шишкин достиг блестящих успехов в работе с мужскими линиями Любезного 1 и Лебеда 1.

СЫНОВЬЯ И ВНУКИ ЛЮБЕЗНОГО 1

Оба они и Любезный 1 и Лебедь 1, были живы при поступлении В. И. Шишкина в завод. От Любезного 1 в дополнение к тем жеребцам, которые были зачислены в заводские производители при А. Г. Орлове, В. И. Шишкин отвел еще трех производителей: Любезного 2, вор.,

рождения 1816 года, Усана 2, сер., рождения 1817 года, и Похвального 3, вор., рождения 1818 года. Матери всех трех приносили с собой течения Барса 1, так что все три жеребца являлись инбридированными на Барса 1, но только инбридинг был уже не столь резок, как у сыновей Любезного 1 — Серьезного, рождения 1806 года, и Непобедимого, рождения 1808 года, не во II–II р. п., но во II–III и III–IV р. п. Из этих трех жеребцов лучшими были Усан 2 и Похвальный 3, которые оба принадлежали к числу любимых В. И. Шишкиным производителей и были им переданы своим приемникам по работе.

Насколько высоко ценил В. И. Шишкин Любезного 1, видно из того, что в первый и в последний раз в своей жизни он в этом случае решился сделать исключение и оставил производителями сыновей Любезного 1, родившихся тогда, когда отцу было уже более 20 лет. Правда, все три были от матерей молодых, в расцвете сил: Любезный 2, рождения 1816 года, от Ловкой, рождения 1810 года, Усан 2, рождения 1817 года, от Досадной, рождения 1808 года, и Похвальный 3, рождения 1818 года, от Скудной, рождения 1810 или 1811 года.

УСАН 2, сер., р. 1817 г.							
Досадная, сер., р. 1808 г.				Любезный 1, вор., р. 1794 г.			
Неохотная, р. около 1800 г.		Усан 1, сер., р. 1802 г.		Гнедая, р. 1784-1786 г.		Барс 1, сер., р. 1784 г.	
Просторная, р. 179... г.	Свирипый 1, гн., р. 1786 г.	Нагужная, сер., р. около 1790 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Гнедая, из Мекленбурга	Араб 2, сер., р. 1778 г.	Серая №2, из Голландии	Полкан 1, сер., р. 1778 г.
Предель, гн., р. 1783 г.	Полкан 1, р. 1778 г.	Угоная, гн., р. 1775-1777 г.	Сыган 2, гн., р. 1774 г.	Серая большая, из Голландии	Полкан 1, р. 1778 г.	Араб 1, из Аравии	Булган, из Дании
				Серая №2, из Голландии		Белая, из Персии	Сметанка, из Аравии

СРАВНЕНИЕ РОДОСЛОВНЫХ УСАНА 2 И ПОХВАЛЬНОГО 3

Родословные Усана 2 и Похвального 3 имеют между собой много общего: матери обоих происходят от жеребцов полкано-голландского комплекса и от кобыл хотя верхового отделения, но с обязательным присутствием Сметанки в родословных.

ПОХВАЛЬНЫЙ 3, вор., р. 1818 г.							
Скудная, р. 1810 или 1811 г.				Любезный 1, вор., р. 1794 г.			
Скрытная, р. 1800-1802 г.		Похвальный 2, сер., р. 1798 г.		Гнедая, р. 1784-1786 г.		Δ Барс 1, сер., р. 1784 г.	
Серая, из Англии	Веселый 1, сер., р. 1793 г.	Натужная, сер., р. около 1790 г.	Похвальный 1, сер., р. 1792 г.	Гнедая, из Мекленбурга	Араб 2, сер., р. 1778 г.	Серая №2, из Голландии	Полкан 1, сер., р. 1778 г.
	Веселая, р. 1784-1786 г. (Бонка 1 – Шеголик а. д. Дракона)	1778 г. Фейккервам 1, сер., р. Голландия	Большая, сер., из Голландия Серая, р. 1784-1786 г. (Полкан 1 – Магенькая, сер., из Голландия)	Δ Барс 1, сер., р. 1784 г. Серая, р. 1784-1786 г.	Бегая, из Персии Араб 1, из Аравии		Булганая, из Дании Сметанка, из Аравии

Можно предполагать, что Усан 1 и Похвальный 2 остались не без влияния на Усана 2 и Похвального 3, которые оба были названы в память своих дедов с материнской стороны. В то же время, сохранив присущую дедам резвость, они, вероятно, обладали более породным экстерьером. Об Усане 2 мы имеем свидетельство современников, приведенное у В. И. Контева (с. 79), что он был ростом 2 аршина 4 вершка, что он имел «густые ноги, широкие формы, и со всем тем был красоты необычайной: голова и шея соперничали с головами и шеями Яшмы и Свирепого».

Из внуков Любезного 1 по мужской линии заводское назначение получило восемь жеребцов, но большинство из них было только запасными жеребцами, которые в четырех-пятилетнем возрасте покроют кобылу-другую, а на следующий год их кастрируют. Из числа жеребцов не переменного, но постоянного заводского состава следует отметить сына Усана 2 — Красика, гн., рождения 1822 года, от Дуры, д. Лебеда 1 и Арфы, дочери Барса 1, и сына Любезного 2 — Заступника (прежде Наследник), вор., рождения 1822 года от Бодрой, д. Лебеда 1. Оба эти жеребца представляют собою «золотое сочетание» кровей Любезного 1 и Лебеда 1 и усиливают — в особенности Заступник — арабско-мекленбургские элементы в своей родословной в ущерб арабско-голландским. Интересно отметить, что сочетание линий Любезного 1 и Лебеда 1 давало лучшие результаты, чем простой инбридинг на Любезного 1, к которому также прибегали при ведении линии Любезного 1. При ведении линии «в себе» был получен всего

один жеребец заводского значения, Ахилл, вор., рождения 1822 года, от Любезного 2 и Любки (Любезный 1 во II–III–IV р. п.).

АХИЛЛ, вор., р. 1822 г.							
Любка ( ), р., 1814-1816 г.				Любезный 2, вор., р. 1816 г.			
Ерусланиха, гн., р. 1808-1810 г.		Быстрый 1, сер., р. 1807 г.		Ловкая ( ), р. 1810 г.		▲ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	
Богатая, гн., р. 1798 или 1799 г.	▲ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Гусарка, р. 1802 г.	Кролик 1, сер., р. 1801 г.	Бородавка, р. 1803-1805 г.	Безымянка 1, гн., р. 1800 г.	Гнедая, р. 1784-1786 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.
Прусачка, из Англии	Гнедая, р. 1784-1786 г.	Хозянка, сер., р. 1796 или 1797 г.	▲ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Удшая, гн., р. около 1795 г.	Добрый 1, сер., р. 1794 г.	Петая, р. 179... г.	Запелный 2, вор., р. 1797 г.
Мраморный, серо-пег., р. 1784 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.			Надежная, гн., р. 1793-1794 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Гнедая, из Мекленбурга	Араб 2, сер., р. 1778 г.
							Серая №2, из Гольштейна
							Полкан 1, сер., р. 1778 г.

ЗАВОДСКИЕ МАТКИ ИЗ ЛИНИИ ЛЮБЕЗНОГО 1

Чтобы закончить с Любезным 1, приведем краткую справку о числе кобыл, оставленных в Хреновском заводе от него и его сыновей.

От Любезного 1..... 44
 От Мужика 1..... 1
 От Непобедимого 1.. 7
 От Уборного..... 9
 От Птички..... 10
 От Серьезного 1.... 14
 От Любезного 2..... 15
 От Похвального 3... 15
 От Усана 2..... 5

Эти цифры хорошо иллюстрируют, какое широкое использование и значение имел Любезный 1 как производитель. Больше 100 дочерей и внучек его были включены в маточный состав Хреновского завода.

ЛЕБЕДЬ 2, СЫН ЛЕБЕДЯ 1 И ДОГОНЯИХИ ОТ ЛЮБЕЗНОГО

Если при ведении мужской линии Любезного 1 сочетание Любезный 1 X Лебедь 1 оказалось удачным, то еще лучше оправдало оно себя при работе с мужской линией Лебеда 1. Из трех сыновей Лебеда 1, оставленных в заводе, два — серый Барс 2 и знаменитый Лебедь 2 — происходили от дочери Любезного 1, гнедой Догоняхи

[157]; так как мать Догоняхи, Силинская, происходила от серого Силинского 1, с. Барса 1, то Барс 1 фигурирует в родословной Лебеда 2 и Барса 2 во II–III–IV р. п.

В. И. Коптев сохранил нам описание экстерьера знаменитейшего из двух братьев. По В. И. Коптеву, Лебедь 2 был корпусом тонок, высок на ногах (цыбат) — влияние мекленбургской крови, — имел гриву тонкую и короткую, хвост очень жидкий, который на выводке и езде тотчас отделял и высоко «держал фонтаном» — все это черты экстерьера, свойственные, как известно, арабской лошади — и вместе с тем имел длинный фриз на ногах, начиная от «колен», т. е. от запястного сустава и от скакательного сустава, — наследство от голландской породы. «В общем же был очень хорош собой и наряден, приближаясь более всего к арабским жеребцам». При этом Лебедь 2 имел рост 2 аршина 4 вершка и был чрезвычайно резв.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕБЕДЯ 2 НА ЗАВОДЕ

Повторение комплекса Барс 1 X арабско-мекленбургская кобыла и результаты сочетания Лебеда 1 с Любезным 1, видимо, настолько удовлетворяли Шишкина, что Лебедь 2 и Барса 2, имевших матерями дочерей Любезного, в заводе он использовал преимущественно для спаривания с дочерьми Любезного же. Таким образом получилось в третий раз повторение комплекса Барс 1 X арабско-мекленбургская кобыла и вместе с тем повторение во II–III р. п. Любезного 1. Вообще надо заметить, что родственное разведение во II–III р. п., и притом осуществленное при помощи использования в двух последующих поколениях кобыл, дочерей одного и того же отца, было одним из любимых приемов коннозаводской работы В. И. Шишкина.

ГОРНОСТАЙ 4, ЛЕТУН 1 И ЛЮБИМЕЦ 2

Таким именно путем от Лебеда 2 были получены три блестяще зарекомендовавших себя в заводе жеребца:

- 1) Горностаи 4, сер., р. 1822 г., от Похвальной, д. Любезного 1 Надежной;
- 2) Летун 1, сер., р. 1820 г., от Похвальной, д. Любезного 1 и английской рысистой Подъемной;
- 3) Любимец 2, гн., р. 1825 г., от Памчихи, д. Любезного 1 и Красотки.

Продолжение при работе с линией Лебеда 1 и его сына Лебеда 2 инбридинга от Любезного 1 не кончалось на Летуне 1, Любимце 2 и Горностае 4. В дальнейшем этих жеребцов в свою очередь спаривали с кобылами любезновской линии или даже с дочерьми Любезного 1. Как раз на такой случай указывают родословные вороной кобылы Крушихи, рождения 1828 года, и ее родной сестры, вороной Упрямой, рождения 1831 года, двух первоклассных маток в заводе.

КРУШИХА, вор., р. 1828 г., и УПРЯМАЯ, вор., р. 1831 г.							
Крушиха, р. 1816-1818 г.				Летун, сер., р. 1820 г.			
Маловатиха, сер., р. около 1810 г.		Любезный 1, р. 1794 г.		Похвальная, р. около 1814 г.		Лебедь 2, р. 1815 г.	
	Похвальный 2, р. 1798 г.				Любезный 1, р. 1794 г.	Догоняиха, дочь Любезного 1	Лебедь 1, р. 1804 г.

Родословная Летуна 1 в дополнительных комментариях не нуждается. По себе Летун 1 был, несомненно, очень породным жеребцом, и хотя сам был ростом 2 аршина 4 вершка, но приплод от него был по большей части не крупен, оставшиеся от него в Хреновском заводе кобылы были в среднем 2 аршина 2½ вершка— 2 аршина 3 вершка.

В заводе Летун 1 дал Летуна 3 и ряд других производителей, продолживших мужскую линию Летуна 1.

О типе производителей и маток, оставленных от Летуна 1 в заводе, мы можем судить по портретам его дочери, сер. Селитры, рождения 1833 года, и его сына, сер. Летуна, рождения 1838 года, которые дают хорошее представление о сухости и блескости рысаков этой линии.

Гнедой Любимец 2 был тоже жеребцом породного и легкого типа. В его родословной арабско-датско-мекленбургские течения играют преимущественную роль, а течение голландской крови встречается только через Барса 1 и не подкрепляется другими именными факторами родословной.

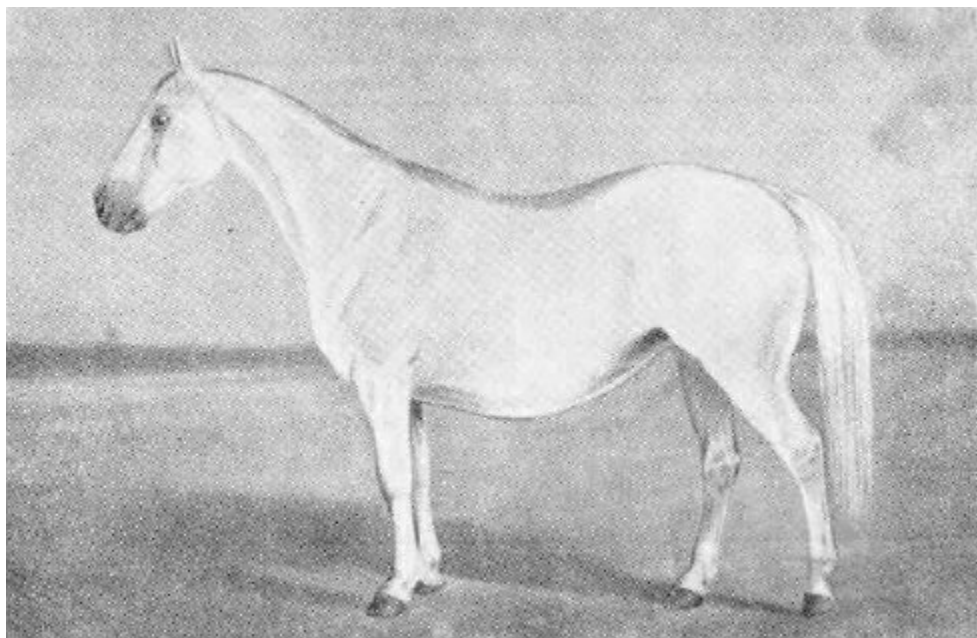
Серый Горностае 4 как по резвости, так и по результатам заводского его использования класснейший из трех лучших сыновей Лебеда 2, в экстерьерном отношении должен был тоже представлять собой более совершенный тип орловской рысистой породы, без отклонения в сторону орловской верховой, как это могло иметь место у Любимца 2.

Подбор дочерей Любезного 1 к Лебедю 2 приносил с собой не только инбридинг во II–III р. п. на Любезного 1, но и не менее чем

трехкратный (у Горностая 4— четырехкратный) инбридинг в более удаленных рядах родословных на Араба 2, сына Араба 1 из Аравии и белой кобылы из Персии, что могло еще усилить общую породность, отличавшую сыновей Лебеда 2.

ЛЮБИМЕЦ 2, пн., р. 1825 г.		Лебедь 2, сер., р. 1815 г.	Лебедь 1, сер., р. 1804 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	Сметанка, из Аравии Буланая, из Дании
					Серая №2, из Голландии	
				Невинная, р. 1794-1795 г.	Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.	Сметанка, из Аравии Коб., из Англии
						Бурая, из Мекленбурга
			Догоняк а, пн., р. 1807-1809 г.	□ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г. Серая №2, из Голландии
						Гнедая, р. 1784-1786 г.
				Силинская, сер., р. 1800-1802 г.	Силинский, сер., р. 1794 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г. Силинская, из Англии
						Арабка, сер., р. 1786-1787 г.
		Памчик а, сер., р. около 1815 г.	□ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	Сметанка, из Аравии Буланая, из Дании
						Серая №2, из Голландии
				Гнедая, р. 1784-1786 г.	● Араб 2, сер., р. 1778 г.	Араб 1, из Аравии Белая, из Персии
						Гнедая, из Мекленбурга
		Красотка, сер., р. 1806-1810 г.		Полканчик, сер., р. 1794 г.	Полкан 2, сер., р. 1789 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г. Прелесть (½ дат., ¼ араб., ¼ англ.)
						Понятная, р. около 1788 г.
				Верная, сер., р. около 1800 г.	Фелькерзам 4, сер., р. 1794 г.	Фелькерзам 1, р. 1778 г. Федячиха, р. 1788-1789 г.
						Лаида, р. около 1785 г.

ГОРНОСТАЙ 4, сер., р. 1822 г.	Похвальная, вор., р. 1816 или 1817 г.	Лебедь 2, сер., р. 1815 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	Сметанка, из Аравии Буланая, из Дании
				Серая №2, из Голландии	
			Невинная, р. 1794-1795 г.	Фелькерзам 1, сер., р. 1778 г.	Сметанка, из Аравии Коб. от Бабраама, из Англии
		Доголяк а, гн., р. 1807-1809 г.	□ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.	
				Гнедая, р. 1784-1786 г.	● Араб 2 Гнедая, из Мекленбурга
			Силинская, сер., р. 1800-1802 г.	Силинский, сер., р. 1794 г.	▲ Барс 1 Коб, из Англии
	Надежная, р. около 1804 г.	Лебедь 1, сер., р. 1804 г.		Арабка, сер., р. 1786-1787 г.	● Араб 2 Большая, из Голландии (табл. 20)
			▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	
				Серая №2, из Голландии	
		□ Любезный 1, вор., р. 1794 г.	● Араб 2, сер., р. 1778 г.	Араб 1, из Аравии Белая, из Персии	
		Гнедая, р. 1784-1786 г.	Гнедая, из Мекленбурга		
		Постояннинин, сер., р. 1796 г.	▲ Барс 1, сер., р. 1784 г.		
	Постоянная, р. 178... г.		Вор. жер., из Голландии Постоянника, из Англии		
	Усадная (?) она же Усанья, сер., р. 1797 г.		Залетный 1, сер., р. 1791 г.	Родне. Из Англии Галка, р. 1786-1787 г. (● Араб 2 –Большая)	
		Проворная, сер., р. 1790-1792 г.	Мраморный, р. 1784 г. Забавная, р. 1780-1782 г.		

Селитра, р. 1833 г., от Летуна 1 и Недостойной. С картины Н. Е. Сверчкова, Музей коневодства ТСХА

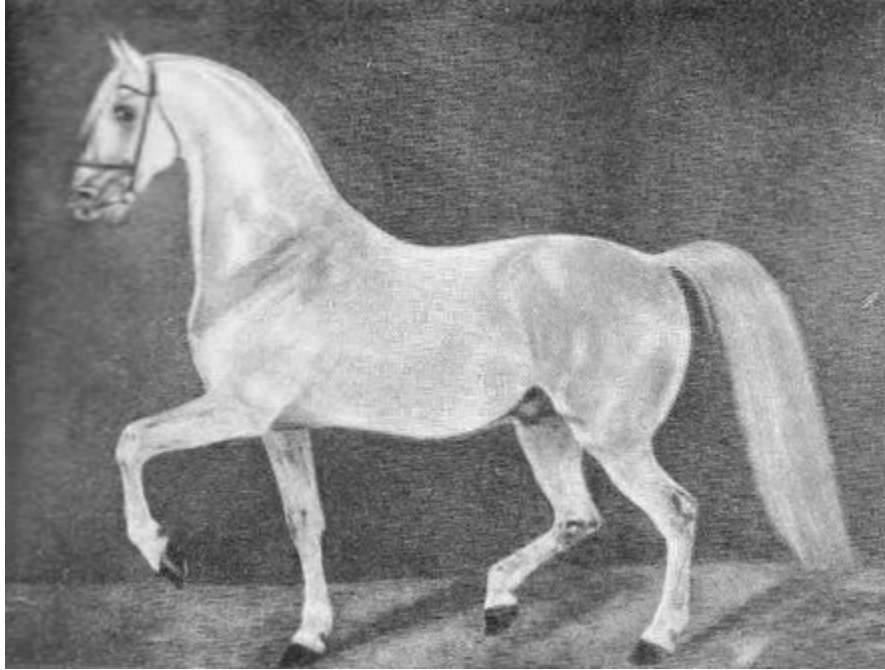
Селитра, р. 1833 г., от Летуна 1 и Недостойной. С картины Н. Е. Сверчкова, Музей коневодства ТСХА

Родословная Горностая 4 представляет собой гораздо более уравновешенное, сбалансированное сочетание пород, легших в основу выводимой А. Г. Орловым в Хреновом рысистой породы. Сочетание Лебедь 1 + Любезный 1, вместе с инбридингом на Любезного 1, должно было гарантировать ему породность; многочисленные голландские и английские рысистые течения в родословной бабки его по матери — вороной Надежной, подкрепляя пятикратный инбридинг на Барса 1 в задних рядах родословной Горностая 4, должны были предохранить от возможной облегченности типа и от утраты рысистых способностей. Западно-упряжные породы (голландская, мекленбургская и английские родстеры) имеют тот же удельный вес в родословной Горностая 4, что и породы верховые (восточные, чистокровная и другие).

***ЗНАМЕНИТЫЙ ЛЕБЕДЬ 4 КАК ЗАВЕРШЕНИЕ
ТОНКОЙ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В. И. ШИШКИНА С ЛИНИЕЙ ЛЕБЕДЯ 1***

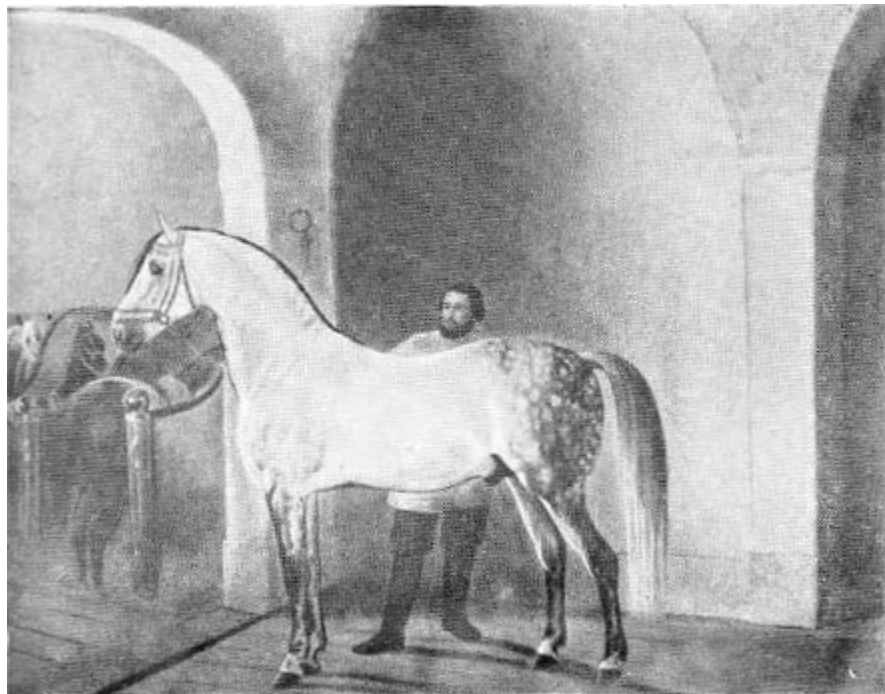
Кроме трех указанных производителей, в заводе завоевал себе известность еще один сын Лебеда 2 — это серый Добрыня 1, рождения 1824 года, от Буянки, д. Кролика 1 и Домашней от Лебеда 1, на которого Добрыня был таким образом инбридирован во II–III р. п. Красоту и эффектность Добрыня 1 должен был унаследовать от всех своих ближайших предков: Лебеда 1, Лебеда 2 и «красивейшего и резвейшего» Кролика 1.

Когда же в следующем поколении, после повторения арабско-мекленбургского комплекса в Лебеде 2 и после закрепления Лебеда 1 в Добрыне 1, В. И. Шишкин, работая своим принятым приемом, спарил с Добрыней 1, сыном Буянки, д. Кролика 1, серую Ехиду, также дочь Кролика 1, он получил знаменитого Лебеда 4.

Лебедь 4,р. 1831 г., от Добрыни и Ехиды. С картины Н. Е. Сверчкова.
Музей коневодства ТСХА

*Лебедь 4,р. 1831 г., от Добрыни и Ехиды. С картины
Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА*

Летун, р. 1838 г., от Летуна 1 и Шалуны. С картины Н. Е. Сверчкова.
Музей коневодства ТСХА

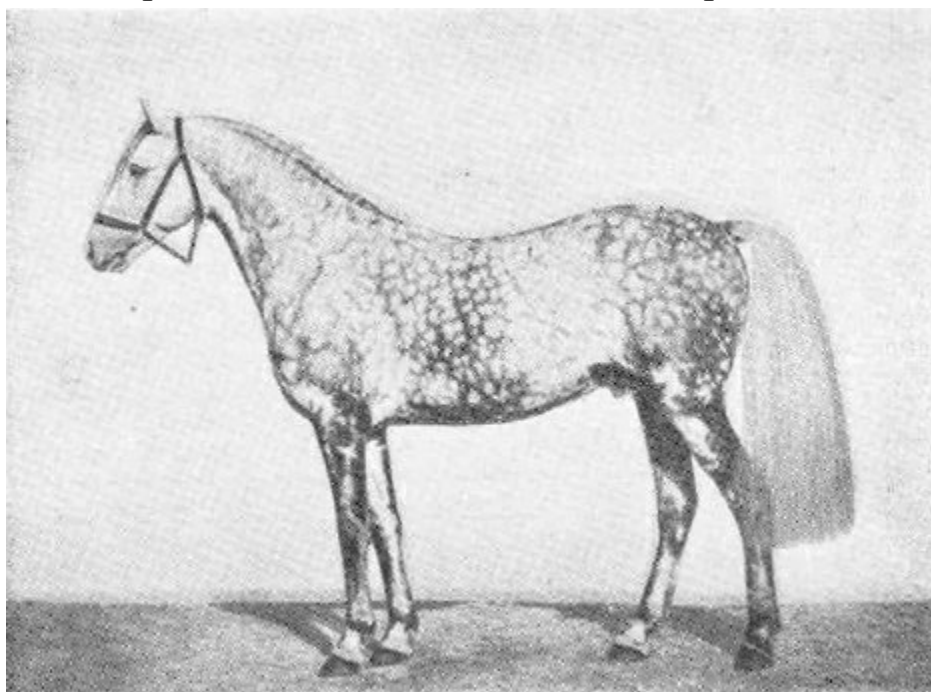
**Летун, р. 1838 г., от Летуна 1 и Шалуньи. С картины
Н. Е. Сверцова. Музей коневодства ТСХА**

Лебедь 4 родился в 1831 году, т. е. в последний год пребывания В. И. Шишкина в Хреновом; это — «лебединая песня» В. И. Шишкина в Хреновском заводе. В экстерьерном отношении Лебедь 4 был олицетворением идеала орловского рысака. При среднем росте (2 аршина 3½ вершка, согласно описи, составленной в 1845 году при передаче Хреновского завода), он был породен, наряжен, правилен и капитален. На портрете кисти Сверцова он настолько подкупает своей внешностью, что закрадывается даже сомнение в беспристрастии художника, который, однако, известен всем как в высшей степени правдивый изобразитель, не утаивающий никаких недостатков рисуемой лошади.

ЛЕБЕДЬ 4, сер., р. 1831 г.							
Ехидна, сер., р. 1817-1820 г.				Добрыня 1, сер., р. 1824 г.			
Казистая, сер., р. 1809 г.		▲ Кролик 1, сер., р. 1801 г.		Буянка, р. 1815-1817 г.		Лебедь 2, сер., р. 1815 г.	
Пава, гн., р. около 1797 г.	Похвальный 2, сер., р. 1798 г.	Удалая, гн., р. около 1795 г.	Добрый 1, сер., р. 1794 г.	Домашняя, р. около 1810 г.	▲ Кролик 1, сер., р. 1801 г.	Догоняиха, гн., р. 1807-1809 г.	□ Лебедь 1, сер., р. 1804 г.
Кометка, гн., р. 1786-1790 г.	Загетный 1, сер., р. 1791 г.	Нагузняк, сер., р. около 1790 г.	Похвальный 1, сер., р. 1792 г.	Удалая, из Голландии	Улан 1, бур., р. 1782 г.	Добрая, из Англии	Барс 1, сер., р. 1784 г.
				Барс 1, сер., р. 1784 г.	Добряк, из Англии	Домашняя 1, р. 180... г.	□ Лебедь 1, сер., р. 1804 г.
				Удалая, гн., р. 1795 г.	Добрыня 1, сер., р. 1794 г.	Сипинская, сер., р. 1800-1802 г.	Невинная, р. 1794-1795 г.
					Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	

Мы не можем найти лучшего ответа всем сомневающимся и лучшего доказательства того, что портрет Лебеда 4 ни в коей мере не является фантазией художника, как сопоставление этого портрета с фотографией, разумеется не Лебеда 4, ибо таковой не имеется, а жеребца Добряка, рождения 1862 года, мать которого была от Льва, сына Лебеда 4, и родословная которого характеризуется многократным повторением комплекса Лебедь 2 + Кролик 1, создавшего Лебеда 4. Несмотря на то, что Лебедь 4 — работа художника, а Добряк — работа фотографа, несмотря на то, что первый изображен в движении, а второй снят на стойке, на выводе, что один в заводском, а другой в

тренировочном теле, что один уже совсем белый, а другой темносерый в яблоках, на первый взгляд может показаться, что это одна и та же лошадь, до того разительно общее сходство этих рысаков.

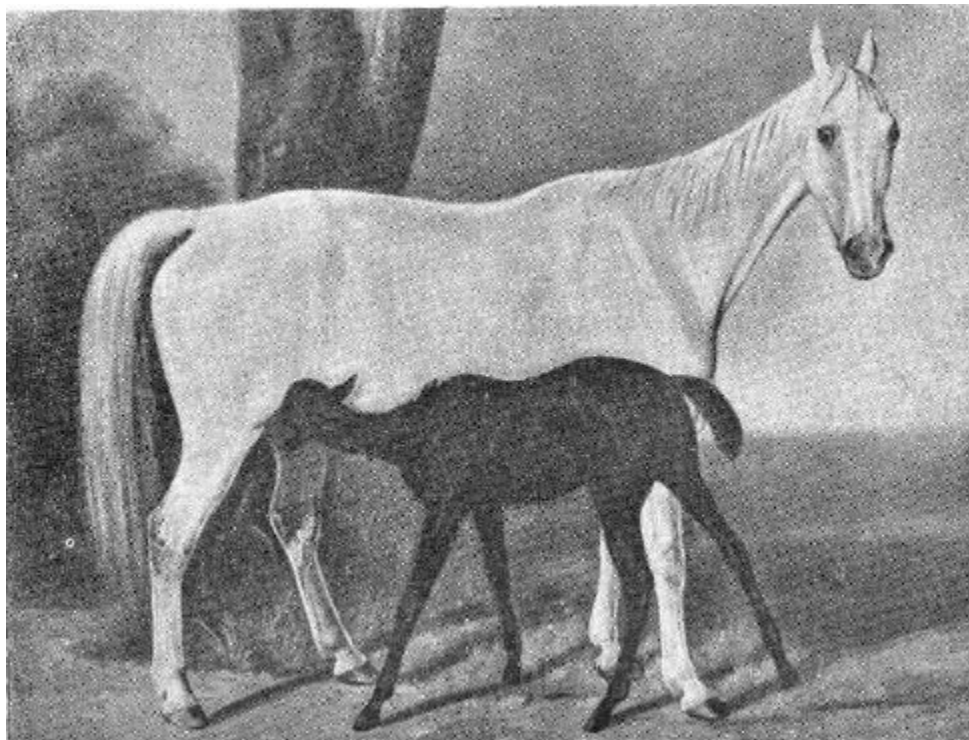
Добряк, р. 1862 г., от Добродея и Доброй. С фотографии 60-х годов.

Добряк, р. 1862 г., от Добродея и Доброй. С фотографии 60-х годов.

Лебедь, р. 1844 г., от Лебеда 4 и Славной. Известный призовой рысак.
С картины К. Ганиенберга. Музеи коневодства ТСХА.

***Лебедь, р. 1844 г., от Лебеда 4 и Славной. Известный
призовой рысак. С картины К. Ганиенберга. Музеи
коневодства ТСХА.***

Лихая (она же Волна), р. 1842 г., от Лебеда 4 и Дивы. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

***Лихая (она же Волна), р. 1842 г., от Лебеда 4 и Дивы. С
картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.***

Построение родословной Лебеда 4, так же как и Полкана 3 или Горностая 4, если сравнить ее с родословными рысаков орловского периода, является уже гораздо более сложным. Синтез создан. Каждую из восьми-десяти пород, вовлеченных в процесс творческой зоотехнической работы, внесена своя лепта, но уже невозможно заметить ее вклада при взгляде на лошадь, которая во всех своих частях дает картину совершенной гармонии, как нельзя заметить в солнечном свете, не разложив его через призму, разноцветных лучей спектра.

С совершенным экстерьером Лебедь 4 соединял и большую резвость и, дав ряд выдающихся рысаков и производителей (Лебедь А. С. Кампиони, Лев, Лебедь 5, Людмилл, Ловкий 3, Лютый и др.), оставил навсегда след в истории рысистой породы и Хреновского завода.

По прямой мужской линии к Лебедю 4 восходит и знаменитый наш рекордист Улов, 2.02¹/₄, хотя это, конечно, не означает, что какие бы то ни было качества и достоинства Улова могут объясняться его происхождением по мужской линии от Лебеда 4. Между Лебедем 4, р. 1831 г., и Уловом, р. 1928 г., легло почти 100 лет человеческого труда, изменявшего породу и природу рысаков на протяжении 10 конских поколений. И если для Лебеда 4 предельной была резвость около 5.45, то Улов держит рекорд 4.20³/₄ на 3 версты.

БАРС 3, СЫН БАРСА 2 И ПРОВОРНОЙ

От родного брата Лебеда 2, серого Барса 2, был оставлен в заводе хороший производитель, серый Барс 3, рождения 1830 года. Надо думать, что и Барс 2 и Барс 3 были индивидуально выдающимися жеребцами, если им была присвоена кличка родоначальника породы. Родословная Барса 3 обнаруживает, как и в случае Добрыни 1 — Лебеда 4, планомерную работу над линией Лебеда 1: отцом Барса 3 является сын Лебеда 1, матерью — дочь родной сестры Лебеда 1; породность Лебеда 1 восполняется капиталностью Богатого 1. Остававшийся еще и в 15 лет серым в яблоках Барс 3 был крупным, густым и в то же время сухим рысаком, 2 аршин 4³/₄ вершка роста.

БАРС 3, сер., р. 1830 г.							
Проворная, сер., р. 1821 г.				Барс 2, сер., р. 1816 г.			
Лебедка, сер., р. около 1805 г.		Богатый 1, гн., р. 1816 г.		Догоняиха, гн., р. 1807-1809 г.		Лебедь 1, сер., р. 1804 г.	
Невинная, р. 1794-1795 г.	Барс 1, р. 1784 г.	Богатая, р. 1798-1799 г.	Кролик 1, р. 1801 г.	Силинская, р. 1800-1802 г.	Любезный 1, р. 1794 г.	Невинная, р. 1794-1795 г.	Барс 1, р. 1784 г.

ЛОВКИЙ 1 И ЕГО СЫН ПОЛКАН 3 — КЛАССНЕЙШИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ

Если Лебедь 2 и его сыновья своим эффектным экстерьером на долгое время врезались в память современников, то другой сын Лебеда 1 прошел как-то незамеченным и неотмеченным в памяти очевидцев. В приводимых у Коптева воспоминаниях очевидцев о наиболее

известных производителей Хреновского завода Ловкий 1 вообще отсутствует. А вместе с тем заводская «карьер» Ловкого 1 показала, что именно он был в большей степени, чем сыновья Лебеда 1 от дочерей Любезного 1, потенциальным производителем гелем большой резвости. От него произошел вороной Полкан 3, резвейший рысак Хреновского завода времени Шишкина и класснейший производитель всех периодов дореволюционной истории орловской рысистой породы.

Анализируя родословную Полкана 3, мы убеждаемся в том, что развитие линии от Лебеда 1 к Полкану 3 шло совсем другими путями, чем от Лебеда 1 к Горностаю 4 или к Лебедю 4.

Привлекаются к активному участию ранее созданные рысаки барсовско-голландско-английского комплекса: Залетный 2, дочь которого кобыла Дура является матерью Ловкого 1, и Кролик 1, дочь которого Нечаянная является матерью Полкана 3. При этом кобылы Дура и Нечаянная происходят непосредственно от дочерей Барса 1, на которого Полкан 3 имеет многократный инбридинг по формуле III–IV–IV–III. Нельзя не отметить, что по прямой женской линии Полкан 3 приходился внуком лучшей дочери Барса 1, знаменитой Амазонке.

Портретов Полкана 3 не дошло до нас. По описанию современников. Полкан 3 был очень большого роста, около 2 аршин 5 вершков, густ, фризист, имел несколько спущенный зад и «коленки с подсадцем» (козинец — недостаток полкановской линии), голова у него была с «лобчком». Это был рысак — представитель более крупного и тяжелого типа, в котором явно чувствовалось влияние голландских предков. Однако это влияние сказывалось только на некоторых особенностях экстерьера, в других же он оставался типичным представителем новой породы, орловским рысаком, сухим, с хорошей верхней линией, с высокой холкой, прекрасно поставленной длинной шеей, выразительным красивым глазом. В езде как сам Полкан 3, так и все его дети и внуки были очень энергичны и даже строги.

ПОЛКАН 3, вор., р. 1817г.							
Нечаянная, кар., р. 1811 г.				Ловкий 1, сер., р. 1812г.			
Амазонка, сер., р. 1795-1796 г.		Кролик 1, сер., р. 1801 г.		Дура, р. 1804-1806 г.		Лебедь 1, сер., р. 1804 г.	
Цесарбенха, гн., р. около 1790 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Удалая, гн., р. около 1795 г.	Добрый 1, сер., р. 1794 г.	Грузная, сер., р. 1792-1794 г.	Залетный 2, вор., р. 1797 г.	Невинная 2, р. 1794-1795 г	Барс 1, сер., р. 1784 г.
Цесарбенха, гн., р. 1780-1782 г.	Салтан 2, гн., р. 1777 г.	Серая №2, из Голландии	Полкан 1, сер., р. 1778 г.	Удалая (табл. 38), голландская	Улан 1, бур., р. 1782 г.	Добрая, из Англии	Барс 1, сер., р. 1784 г.
					Свирепая, гн., р. 1783-1785 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Ляобенная, вор., р. 1784-1785 г.
						Залетный 1, сер., р. 1791 г.	Буряя, из Мекленбурга
							Фелькергам 1, сер., р. 1778 г.
							Серая №2, из Голландии
							Полкан 1, сер., р. 1778 г.

В смысле резвости Полкан 3 и его многочисленные сыновья определенно превосходили всех других производителей Хреновского завода. Это ценное качество полкановской линии нашло себе отражение даже в официальных аттестатах, выдававшихся из Хреновского завода на проданных лошадей. Например, аттестат, выданный 12 февраля 1836 года на кобылу Победу, проданную В. В. Тулинову, гласит: «родилась в 1832 году от жеребца известного рысака Мужика, сына быстрого рысака Полкана, внука старого Ловкого правнука старого Лебеда, праправнука отличного рысака, отца рысистой породы Барса, прапраправнука старого Полкана, сына знаменитого арабского жеребца, белого Сметанки».

ЛОВКИЙ 1 И ПОЛКАН 3, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ В. И. ШИШКИНЫМ К РОЛИ РОДОНАЧАЛЬНИКОВ

Как только выяснилась высокая ценность Ловкого 1 и Полкана 3, В. И. Шишкин, вдумчивый и чуткий коннозаводчик, принял решение, — считаясь с особенностями типа и внутренних качеств этих жеребцов, которые представляли своеобразный и исключительный в линии Лебеда 1 комплекс, — вести с ними работу не как с жеребцами линии Лебеда 1, но как с родоначальниками новой линии.

Родословные трех лучших сыновей вороного Полкана 3, какими должны считаться вороной Визапур 1, рождения 1822 года, вороной Мужик 2, рождения 1826 года, и вороной Полкан 5, рождения 1831 года, свидетельствуют о том, что линию Полкана 3 В. И. Шишкин

ведет своими собственными путями, совсем иными, чем, например, линию Любезного 1, или линию Лебеда 2, или линию Безымянки 1 — Доброго 2.

Он избегает повторения Лебеда 1, что имеет, как правило, место при работе с линией Лебеда 2, не повторяет и восточно-мекленбургского комплекса, как при работе с линией Любезного 1, не усиливает значения Старика и его сыновей, к чему он прибегал, ведя линию Доброго 2.

Он явно стремится подкрепить в подборе вороного Залетного 2, представленного в родословной Полкана 3 через Дуру, мать Ловкого 1.

Мать Мужика 2, вороная Крестьянка, дочь вороной Тяжелой, родной сестры Дуры, — и Мужиком 2 Шишкин как бы воскрешает линию вороного Залетного 2, ушедшую в матки.

МУЖИК 2, вор., р. 1826 г.							
Крестьянка, вор., р. 1815-1818 г.				Полкан 3, вор., р. 1817 г.			
Тяжелая, вор., р. 1809 г. (родная сестра Дуры)		Любезный 1, вор., р. 1794 г.		Нечаянная, кар., р. 1811 г.		Ловкий 1, сер., р. 1812 г.	
Грузная, р. 1792-1794 г.	Залетный 2, р. 1797 г.	Гнедая, р. 1784-1786 г.	Барс 1, р. 1784 г.	Амазонка, р. 1795- 1796 г.	Кролик 1, р. 1801 г.	Дура, р. 1804-1806 г.	Лебедь 1, р. 1804 г.

Мать Полкана 5, вор. Преданная, опять-таки с Залетным 2, и, кроме того, имеет еще одно течение английского Родне в своей родословной через Родне-Молодого. При этом в Полкане 5 В. И. Шишкин по возможности «разжижает кровь» Барса 1, очень уже сконцентрированную в Полкане 3, подбирая к последнему кобылу, в чьей родословной Барс 1 попадает только один раз и отодвинут в IV р. п.

Еще ближе английские рысистые предки в родословной Визапура 1, так как мать его, Похвальная, рожденная около 1814 года, была дочерью выписанной из Англии незадолго до смерти А. Г. Орлова рысистой кобылы Подъемной.

Избегая инбридинга на Лебеда 1, а также и комплекса Лебедь 1 + Любезный 1, Шишкин в начале работы с линией Ловкого 1 был поставлен в затруднительное положение: приходилось пока что подыскивать, индивидуально подбирать к Ловкому 1 отдельных подходящих кобыл — преимущественно из линий Кролика 1, Залетного 2, Похвального 2 — и терпеливо ждать в течение двух поколений, пока в добавление к сыновьям и дочерям не поступят в завод внуки и внучки Ловкого 1, ибо, как уже было сказано выше, к

спариваниям полубрата с полусестрой (II–II р. п.) Шишкин не любил прибегать.

ПОЛКАН 5, вор., р. 1831 г.													
Преданная, вор., р. 1821 г.				Полкан 3, вор., р. 1817 г.									
Шука, гн., р. 1805-1807 г.		Барсик, гн., р. 1816 г.		Нечаянная, кар., р. 1811 г.		Ловкий 1, сер., р. 1812 г.							
Шука, р. 1796-1799 г.	Родне Молодой, гн., р. 1795 г.	Докука, гн., р. около 1810 г.	Барсик, сер., р. 1792 г.	Амазонка, сер., р. 1795-1796 г.	Кролик 1, сер., р. 1801 г.	Дура, р. 1804-1806 г.	Лебедь 1, сер., р. 1804 г.						
Ворошиновская, р. 178... г.	Бычок, бур., р. 1782 г.	Родне, из Англии	Бур. коб., от Бычка, р. около 1800 г.	Загнетный 2, вор., р. 1797 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Песарбеня а, гн., р. около 1790 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Удугва, гн., р. около 1795 г.	Добрый 1, сер., р. 1794 г.	Грузня, сер., р. 1792-1794 г.	Загнетный 2, вор., р. 1797 г.	Невинная, р. 1794-1795 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.

Лет 10–12 ушло на то, чтобы оказаться в обладании маточным составом, с которым можно было начать задуманную планомерную работу над линией Ловкого 1, и только в последние годы пребывания Шишкина в Хреновском заводе ему удалось приступить к первому этапу осуществления давно намеченной задачи, к систематическому инбридингу на Ловкого 1 в пределах II–III р. п., а второй этап — такой же инбридинг в следующем поколении на Полкана 3 — остался неосуществленным вследствие ухода Шишкина из Хренового.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЗАВОДЕ ДОЧЕРЕЙ ПОЛКАНА 3

Любитель и знаток генеалогического изучения получит большое удовольствие, если начнет анализировать по книге «Подробные сведения» или «Хреновской завод» подбор в Хреновом за 1826–1830 годы. Наверное нигде в каком другом заводе того времени в России или за границей, нельзя было встретить такое последовательное применение определенных принципов генеалогического подбора. Особой строгости и завершенности этот подбор достигает в гнезде маток линии Ловкого 1.

Дочери Ловкого 1 почти поголовно подбираются к сыновьям Полкана 3 — Молодецкому, Мужичу 2, Раскидаю, Визапуру и др., а молодые дочери Полкана 3 — к сыновьям Ловкого 1, преимущественно к Ловкому 2. Только в тех случаях, когда матери полкановских кобыл происходят от Любезного 1, они иногда используются для случки с сыном Любезного 1, Любезным 2, надо

думать, в тех случаях, когда они по своему типу и облику представляли отклонения в сторону Любезного же. Еще реже отмечаются случаи подбора дочерей Полкана 3 к жеребцам из линии Кролика 1, к Потешному 1 или Догоняю 1.

Чтобы иллюстрировать ярко и объективно принципы подбора, проводимые Шишкиным в Хреновском заводе, мы выписали из книги «Хреновской завод» весь подбор, сделанный в Хреновском заводе к дочерям Полкана 3 за время с 1826 по 1831 год. Напомним, что первая ставка, полученная в Хреновском заводе от Полкана 3, была ставка 1822 года, и первые его дочери поступили в завод в 1826 году, в четырехлетнем возрасте.

Мы видим, что за ряд лет только от одной из 18 кобыл была попытка получить приплод от жеребца линии Лебедя 2 (от Любушки и Красика). Все остальные спаривания идут по раз навсегда определенному пути.

***ПОДБОР К ДОЧЕРЯМ ПОЛКАНА 3 ПРИ
В. И. ШИШКИНЕ***

1) Вихрястая, вор., р. 1822 г., м. Воронежская, от Любезного 1	1827 г. — холоста, от Любезного 2 1828 » — в. ж., от Ловкого 2 1829 » — в. к. Безобразная, от него же 1830 » — холоста, от него же 1831 » — в. ж. » » » 1832 » — в. ж. » » »
2) Дорогая, вор., р. 1823 г., м. Похвальная, от Любезного 1	1828 г. — в. к., от Любезного 2 1829 » — холоста, от него же 1830 » — » » Ловкого 2 1831 » — в. к. (пала), от Любезного 2 1832 » — холоста, от него же
3) Домашняя, вор., р. 1824 г., м. Любка от Быстрого 1, с. Кролика 1 (Любезный во II—III р. п.)	1829 г. — в. ж., от Ловкого 2 1830 » — холоста, от Любезного 2 1831 » — холоста, от Кролика 2 1832 » — в. к., от него же
4) Забавная, вор., р. 1823 г., м. Мальга, от Похвального 2	1828 г. — в. к. Забавная, от Ловкого 2
5) Козьявка, вор., р. 1825 г., м. Арабка, от Любезного 1	1830 г. — в. к. (пала), от Чистяка 3 1831 » — в. к., от него же 1832 » — холоста » » »
6) Касатка, гн., р. 1827 г., м. Драгоценная, от Безымянки 1	1832 г. — гн. ж., от Пригожей
7) Лихая, вор., р. 1823 г., м. Славная, от Любезного 1	1828 г. — в. к. (пала), от Заступника 1829 » — холоста, от Ловкого 2 1830 » — » » него же 1831 » — в. к. » » » 1832 » — холоста » » »

8) Любушка, гн., р. 1823 г., м. Гнедая, от Улана 2 и Любушки, д. Любезного 1	1828 г. — холоста, от Кролика 1829 » — гн. к. (пала), от Заступника 1830 » — холоста, от Красика 1831 » — в. ж., от Ловкого 2 1832 » — холоста, от него же
9) Милая, вор., р. 1823 г., м. Домашняя, от Лебеда 1	1828 г. — холоста, от Потешного 1 1829 » — в. ж., от Любезного 2 1830 » — холоста, от Ловкого 2 1831 » — в. ж., от Любезного 2 1832 » — в. ж., от него же
10) Отрада, гн., р. 1827 г., м. Армида, от Безьянки	1832 г. — в. к. Упустимая, от Догоня 1
11) Ослиха, вор., р. 1825 г., м. Любка (Любезный во II—III р. п.), от Быстрого 1	1830 г. — холоста, от Любезного 2 1831 » — в. ж., от него же 1832 » — в. к. Рассыпная, от него же
12) Рахманная, вор., р. 1822 г., м. Смелая, от Любезного 1	1831 г. — холоста, от Чистяка 3 1832 » — » » него же
13) Силянская, вор., р. 1822 г., м. Догоняиха, от Любезного 1	1827 г. — в. ж. (пал), от Любезного 2 1828 » — в. ж. (пал), от него же 1829 » — холоста » » » 1830 » — к. Догоняиха, от Чистяка 3 1831 » — холоста, от него же 1832 » — в. ж. (пал), от Ловкого 2
14) Темная, вор., р. 1822 г., м. Цыганка, от Похвального 2	1827 г. — холоста, от Потешного 1828 » — » от Ловкого 2 1829 » — в. к. (пала), от него же 1830 » — в. к. (Луна) » » » 1831 » — в. ж. » » » 1832 » — в. ж. » » »
15) Лось, вор., р. 1825 г., м. Навесистая, от Серьезного	1831 г. — в. к. Вертлявая, от Ловкого 2
16) Туманка, вор., р. 1822 г., м. Щеголиха, от Каклияна	1830 г. — в. к., от Ловкого 2 1831 » — холоста, от него же 1832 » — » » » »
17) Уборная, вор., р. 1823 г., м. Арабка, от Любезного 1	1828 г. — в. к. Уборная, от Любезного 2 1829 » — холоста, от него же 1830 » — » » » » 1831 » — в. ж., от Ловкого 2 1832 » — холоста, от него же
18) Флейта, вор., р. 1823 г., м. Знобка, от Любезного 1	1828 г. — в. к., от Любезного 2 1829 » — холоста, от него же 1830 » — в. к. Сорока, от него же 1831 » — в. к., от Ловкого 2 1832 » — холоста, от него же

В родословных лошадей, полученных при подобном подборе, мы всегда находим родственное спаривание во II — III р. п. и не далее III—III р. п., а иногда и более сложный, комплексный инбридинг.

Для примера приведем две сокращенные родословные кобыл, полученных в эти годы и ставших потом известными матками в Хреновском заводе.

ЗАБАВНАЯ, вор., р. 1828 г.							
Забавная, вор., р. 1822-1823 г.				Ловкий 2, вор., р. 1819 г.			
Мальга, вор., р. 1812 г.		Полкан 3, р. 1817 г.		Пивоварка, вор., р. 1809-1810 г.		Ловкий 1, р. 1812 г.	
Похвальный 2, р. 1798 г.		Ловкий 1, р. 1812 г.		Похвальный 2, р. 1798 г.			

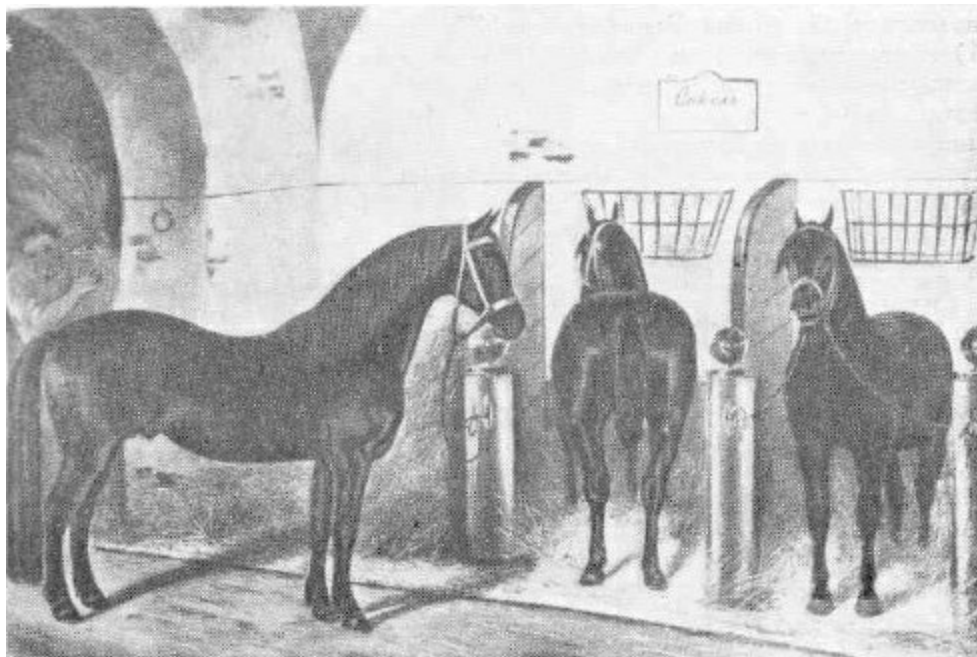
ВИНОГРАДНАЯ МОЛОДАЯ, сер., р. 1831 г.							
Виноградная, сер., р. 1818 г.				Раскидай 1, гн., р. 1822 г.			
Рында		Ловкий 1, р. 1812 г.		Силинская		Полкан 3, р. 1817 г.	
Силинский 1, р. 1794 г.				Силинский 1, р. 1794 г.		Ловкий 1, р. 1812 г.	

Так как во времена В. И. Шишкина еще ни одна внучка Полкана 3, по мужской линии или по женской линии, не поступила в заводские матки Хреновского завода, то такой же систематический инбридинг во II–III р. п. на Полкана 3, который имел место по отношению к Ловкому 1 и который несомненно предполагалось в следующем поколении провести по отношению к Полкану 3, остался в Хреновском заводе неосуществленным.

СЫНОВЬЯ ПОЛКАНА 3

При известной расплывчатости родословных многих оставленных в за воде сыновей Полкана 3, таких, как Ворон 1. Дюжак и Поспешный 1 (от дочерей Любезного 1), как Ворон 2 и Сокол (от дочерей Доброго 2) и другие тем более важное значение приобретало использование их для спаривания с кобылами полкановской же линии, в первую очередь, согласно любимому приему В. И. Шишкина, с внучками Полкана 3. Однако после ухода В. И. Шишкина из Хренового взгляды руководителей Хреновского завода назначение родственного разведения как приема заводской работы коренным образом изменились, и ими были упущены возможности сохранить и консолидировать в Хреновском заводе лучшую линию орловской рысистой породы, линию Полкана 3, так, как она была, например, сохранена и консолидирована в заводах частных коннозаводчиков, близких В. И. Шишкину (И. Н. Рогова и др.), с помощью вороного жеребца Полкана, рожденного в 1830 году в заводе В. И. Шишкина от Полкана 3 и Степенной (от Степенного 1, с. Кролика 1; мать от Молодца).

ПОРТРЕТЫ РЫСАКОВ ПОЛКАНОВСКОГО ТИПА

Сокол, т.-гн. ж., р. 1831 г., от Полкана 3 и Верной. Производитель Хреновского завода. Изображен в 3 поворотах.

*Сокол, т. — гн. ж., р. 1831 г., от Полкана 3 и Верной.
Производитель Хреновского завода. Изображен в 3
поворотах. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства
ТСХА.*

Полкан, вор. ж., р. 1860 г., завода Н. А. Дивова. С фотографии 60-х годов.

Полкан, вор. ж., р. 1860 г., завода Н. А. Дивова. С фотографии 60-х годов.

До нас не дошло портретов Ловкого 1 и Полкана 3, и восстанавливать основные черты их экстерьера нам приходится главным образом со слов очевидцев, по их родословным и по сохранившимся портретам рысаков полкановской группы. 1) портрет темногнедого жеребца Сокола, сына Полкана 3, интересный, между прочим, по своей композиции — Сокол изображен сбоку, спереди и сзади, и 2) фотография вор. жер. Полкана Н. А. Дивова, мать которого была инбридирована на Полкана 3 во II–III–IV–IV р. п. и который был назван Полканом потому, что был похож на своего знаменитого предка. В то же время портреты кисти Н. Е. Сверчкова двух других сыновей Ловкого 1 — Ловкого 2 и Чистяка 3 — сохранились до нашего времени.

ДРУГИЕ СЫНОВЬЯ ЛОВКОГО 1 — ЛОВКИЙ 2 И ЧИСТЯК 3

Вороной Ловкий 2, рождения 1819 года, от Пивоварки, дочери Похвального 2, был жеребцом не очень ладно скроенным, но крепко сшитым, с грубоватой головой, с хорошей линией верха, с хорошим плечом, несколько худшим задом и голландскими ногами. Портрет его производит общее впечатление капитальности и густоты, но не следует забывать, что рост Ловкого, по официальным данным, был всего лишь 2 аршина 2½ вершка.

Серый Чистяк 3, рождения 1823 года, один из любимейших производителей 30-х и 40-х годов, отличался много более породным экстерьером; вероятно, сказалось влияние Доброго 2, деда по матери Чистяка 3. Уже глубокий старик, 24 лет, на портрете Н. Е. Сверчкова. Чистяк 3 тем не менее производит большое впечатление своей красотой. Породная голова, хорошо поставленная шея, короткая, но несколько мягкая в старости спина, близкий к прямому круп, с высокоприставленным хвостом, ноги прочные и сухие, на коротких бабках; однако подплечье коротко и лопатка поставлена крутовато, так что лошадь должна была иметь очень крутой и хотя нарядный, но

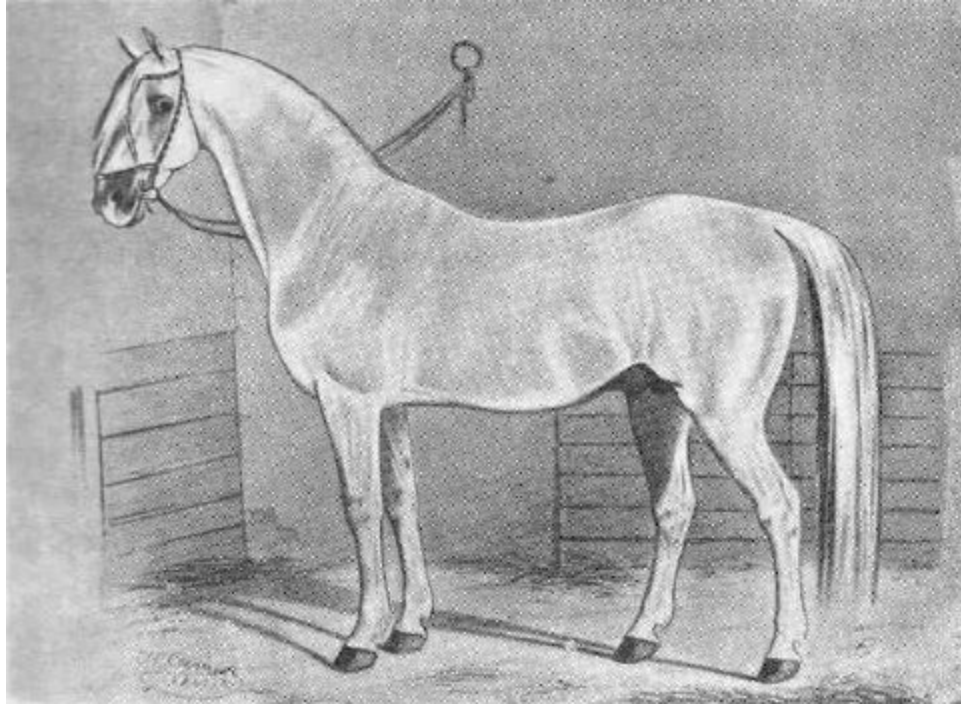
малопроизводительный ход. При этом Чистяк 3 имел рост 2 аршина 4½ вершка. В экстерьерном отношении в свое время он имел одного соперника в Хреновском заводе — Лебедя 4.

В противоположность Лебедю 4 и жеребцам его линии, у Чистяка 3 чувствуется чересчур много воздуха: он стоит не на таких коротких ногах, как Лебедь 4. От Чистяка 3 произошла особая хреновская линия, славившаяся своей красотой: Непобедимый 2, Неприступный и все производители Хреновского завода с кличками на букву «Н». При поразительной блестящести они были иногда несколько коротки, а иногда недостаточно глубоки.

Чистяк 3, превосходивший полубрата своего по отцу Полкана 3 в экстерьерном отношении, однако далеко уступал ему в резвости; потомство Чистяка 3 не могло соперничать на бегу с потомством Полкана 3.

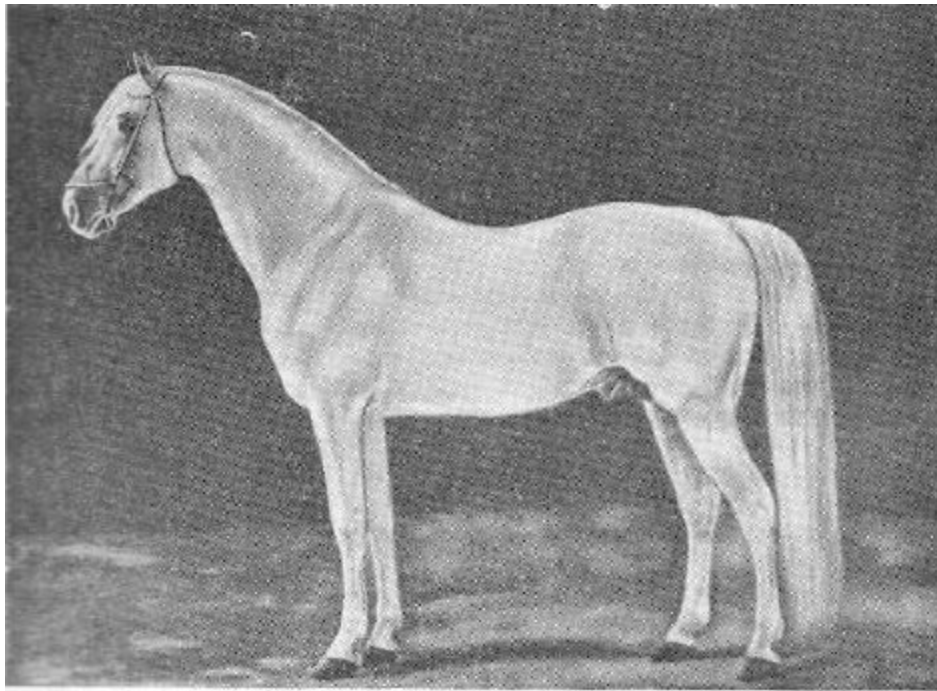
Значительная часть заводского использования Чистяка 3 приходится на период уже открытых дверей Хреновского завода. Чистяк 3 дожил до 30-летнего возраста и пал в Хреновском заводе в 1853 году; тем не менее, выдающихся в призовом отношении рысаков и производителей от него не было. Из дочерей некоторые составили себе хорошее имя в заводе. Такова, например, известная Бодрая, мать Добродея Н. Л. Соллогуба. Кобыла производит хорошее впечатление глубиной, утробистостью, сомкнутостью, но породности и нарядности в ней меньше, чем в Чистяке 3.

В. И. Шишкин, видимо, не доверял рысистым способностям Чистяка 3. Во всяком случае воспользовался не Чистяком 3, а Полканом 3 и Ловким 2, чтобы получить своих заводских жеребцов: Полкана, вор., рождения 1829 года, от Степенной, и Ловкого, вор., рождения 1829 года, от Проверки. Точно так же и в маточном составе завода В. И. Шишкина было четыре дочери Ловкого 1, семь дочерей Полкана 3 и ни одной дочери Чистяка 3.

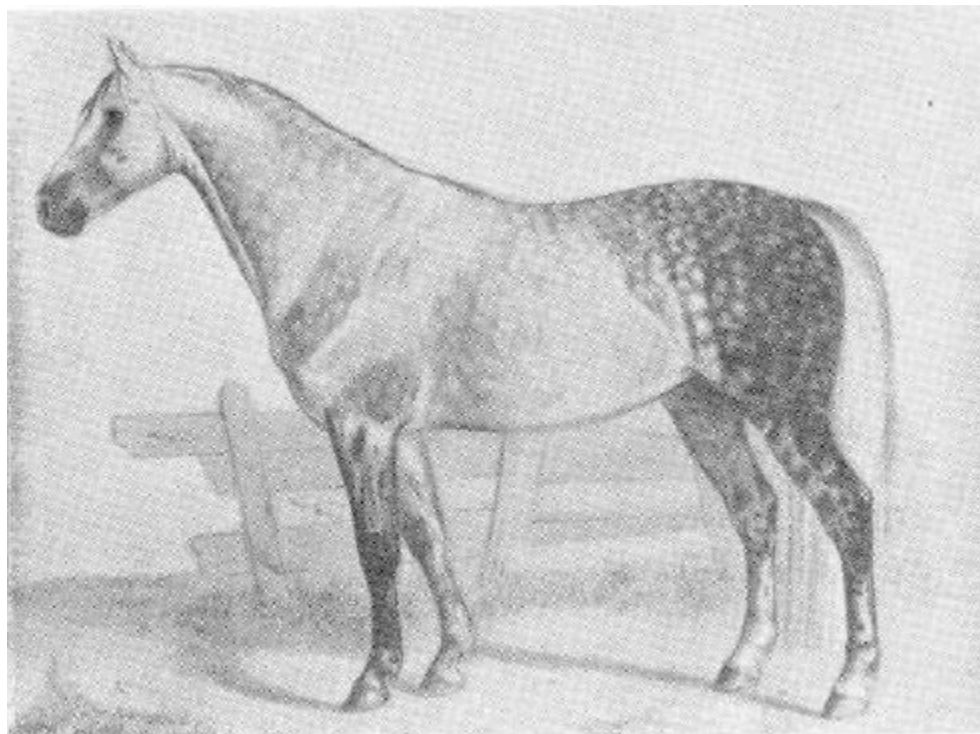
Чистяк 3, р. 1823 г., от Ловкого 1 и Веспы. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

*Чистяк 3, р. 1823 г., от Ловкого 1 и Веспы. С гравюры
Н. Е. Сверчкова.*

Непобедимый 2, р. 1833 г., от Чистяка 3 и Кривой. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

Непобедимый 2, р. 1833 г., от Чистяка 3 и Кривой. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

Бодрая, р. 1836 г., от Чистяка 3 и Приказчицы, мать известного Добродея, Хреновского завода. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

Бодрая, р. 1836 г., от Чистяка 3 и Приказчицы, мать известного Добродея, Хреновского завода. С гравюры Н. Е. Сверчкова.

ОСОБЕННОСТИ КОННОЗАВОДСКОЙ РАБОТЫ В. И. ШИШКИНА

Для чего затруднили мы читателя таким большим количеством родословных хреновских рысаков шишкинского периода?

Для того, чтобы читатель нам на слово не верил, а убедился сам на анализе фактов, что работа В. И. Шишкина была искусной, многогранной, не скованной догмой или шаблоном. Принципы и приемы его работы с линиями могут быть поучительными и для советского зоотехника.

Ведя работу с породной группой, в которой $\frac{9}{10}$ лошадей происходили по прямой мужской линии от Барса 1, В. И. Шишкин избегнул опасности замыкания завода в родственном разведении,

применив, усовершенствовав и развив новый в зоотехнии метод разведения по линиям, намеченный А. Г. Орловым.

Дробление на внутривидовые группы, линии, начатое А. Г. Орловым, продолжается еще более интенсивно его преемником по работе.

В. И. Шишкин все время всемерно старается увеличить число линий в рысистом отделении. Как только появляется какой-либо выдающийся, из ряда вон выходящий производитель, Шишкин сейчас же начинает закладывать новую линию. Он смотрит вперед, не назад. Для него Ловкий 1 не сын Лебеда 1, а отец Полкана 3, Ловкого 2, Ширяя 1, как впоследствии в собственном заводе Безымянка не сын Старого Атласного, а отец Кролика и Молодецкого.

Обычно, но далеко не всегда, Шишкин закладывал и вел линию, применяя на протяжении одного, двух, иногда трех поколений родственное разведение на жеребца-производителя, родоначальника линии. Затем прекращал родственное разведение и переходил к межлинейному скрещиванию, к сочетанию линий, пока на этих путях не получал нового выдающегося производителя.

В других случаях Шишкин ведет линию ценного производителя не через сыновей, а через дочерей. Так он работает, например, с линией Кролика 1 и создает хреновского Лебеда 4 и шишкинского Кролика, с линией Залетного 2 и получает Мужика 2, с линией Любезного 1 и выводит Любимца 2, Горностая 4, Летуна 1.

Основным стремлением Шишкина является создать возможное богатство линий в заводе, генеалогически сложную, неоднородную структуру породы.

Пусть читатель сравнит между собой родословные таких хреновских жеребцов, как Полкан 3 (1817–1833), Добрый 3 (1817–1833), Горностай 4 (1822–1837), Лебедь, 4, рождения 1831 года, Полкан 5, рождения 1831 года, прибавит к ним еще шишкинских Усана, рождения 1830 года, Соболя, рождения 1839 года, и других. В этих родословных общих всем им предков в пределах трех-четырех восходящих поколений почти и не попадает. Родословные не только резко отличаются друг от друга, но и каждая из них в то же время разнится от родословных дочерей Хвального 1 (1806–1822), Чистяка 2 (1813–1824), Молодца (1800–1827), Улана 2 (1804–1827), Цесарбея

(1807–1830), Щеголя (1813–1835), в большом количестве оставленных в заводе и использованных для межлинейных скрещиваний.

Все это служит доказательством, как искусно В. И. Шишкин разбил на линии породу, которая номинально вся вела свое начало от одного Барса 1 — родоначальника.

Ранняя история орловской рысистой породы могла бы преподаваться в специальных зоотехнических вузах как особый предмет. Она представляет собой классический пример разрешения труднейшей зоотехнической задачи создания новой породы лошадей, породы сложной, долженствовавшей совмещать в себе много качеств: породный экстерьер, большую резвость, хорошие упряжные способности.

Шаг за шагом прослеживая работу Хреновского завода, мы видим и те многообразные трудности, которые ежечасно возникали перед ним, и те способы преодоления этих препятствий, те несравненные по продуманности, точности и смелости методы работы, знакомство с которыми должно быть поучительно и интересно для всякого зоотехника, тем более для зоотехника-коневода.

Глава VI

ВТОРИЧНОЕ ПРИЛИТИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ КРОВИ В РЫСИСТУЮ ПОРОДУ В 1825 ГОДУ

Закончить наш обзор исторического развития линий рысистой породы в Хреновском заводе во времена В. И. Шишкина надлежит рассмотрением чрезвычайно интересного вопроса о вторичном прилитии голландской крови в рысистую породу, которое было произведено В. И. Шишкиным после 1825 года.

Этот вопрос был всегда предметом ожесточенных опоров и бесконечных дискуссий в иппологической литературе дореволюционного времени. А, как известно, в споре истина часто теряется.

Ранее всего, восстановим факты.

В 1825 году поступили в завод, в 1826 году были первый раз случены и в 1827 году дали первый приплод в Хреновом пять «выписных из Голландии» кобыл: три из них были вороной масти, две — гнедой.

Вопреки общераспространенному мнению, кобылы эти не были выписаны именно Хреновским заводом из Голландии и не были куплены в Голландии по поручению Хреновского завода. Они были проданы Хреновскому заводу конноторговцем-барышником Л. Берггофером. Это очень важное обстоятельство, и вот почему. Пятилетие от 1825 до 1830 г. — годы вывоза из Голландии в Россию значительного количества рысистых лошадей. Один за другим ведущие рысистые заводы включали в свой племенной состав голландских кобыл и жеребцов — последнее легко понятно, так как коннозаводчики не могли приобретать производителей, происходящих из Хреновского завода.

Голландских рысаков покупают в заводы Д. П. Голохвостова, Д. Н. Шереметева, И. П. Кутайсова, М. Ф. Рахманова, В. П. Воейкова, А. А. Болдарева, Н. С. Меньшикова, И. А. Пушкина, А. М. Кормилицына и др. До 40-х годов включительно голландские

жеребцы стояли и на всех государственных заводских конюшнях и к ним на случку приводили кобыл частные коннозаводчики.

Проще и естественнее всего думать, что общая волна коннозаводских настроений 20-х годов, мода на голландскую лошадь, захватила и Хреновое, точнее, не захватила, а коснулась его. Нам кажется, что было бы ошибкой искать особо глубоких обоснований, особой продуманности действий В. И. Шишкина в тот день, когда он купил пять кобыл у того же Берггофера, снабжавшего голландскими лошадьми все русские заводы. Имея 300 кобыл в рысистом отделении Хренового, почему к ним не прибавить еще пять и не посмотреть, что получится?

Эти пять кобыл поступили в рысистое отделение примерно на тех же правах, на каких поступали упряжные кобылы, покупаемые иногда у однодворца Шерстенникова и у приказчика соседнего с Хреновым имени Карачинских, т. е. испытываем, попробуем: будет неудача, легко можно этих пять кобыл и их потомство выбросить из завода; будет удача, Хреновской завод разделит эту удачу с другими заводами.

Несомненно, допуская в Хреновской завод голландских кобыл, В. И. Шишкин все же имел известные основания рассчитывать на удачу или, по меньшей мере, на хороший сбыт лошадей, полученных от повторного скрещивания с голландской породой. Иначе он не использовал бы в собственном своем заводе голландского жеребца Петерса, принадлежавшего В. П. Воейкову.

Значит, вторичное прилитие голландской крови В. И. Шишкин считал, по крайней мере одно время, — в конце 20-х годов, не вредным, а целесообразным и желательным.

Задача исследователя состоит в том, чтобы выяснить, в силу каких соображений мог Шишкин думать, что вторичное прилитие голландской крови может оказаться полезным для рысистых лошадей Хреновского завода, и оказалось ли оно таким в действительности.

ВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЯ

У Шишкина могло быть три повода к допуску голландских кобыл:

- 1) желание повысить резвость хреновских лошадей;
- 2) повысить рост их;
- 3) «освежить кровь» в заводе.

Все эти три возможных соображения и надо раньше всего принять во внимание и отбросить версию о том, что покупка голландских кобыл произведена была по приказу А. А. Орловой, желавшей иметь крупных вороных лошадей для подарков духовенству. Объяснение смешное по своей наивности. Среди сотен ставочных лошадей Хреновского завода в любое время можно было найти рысаков и крупных, и породных, и вороных. Пять лишних кобыл в племенном составе завода, купленных для этой цели, не сыграли бы никакой роли. Да к тому же зачем было тогда в число пяти кобыл включать двух гнедых? Наконец, должны были бы остаться хоть какие-нибудь следы выполненных приказаний, хоть две-три лошади из приплода голландских кобыл были бы подарены митрополиту, епископам, архиереям. Ничего подобного на самом деле не было.

Постараемся возможно яснее представить себе картину рысистого отделения Хреновского завода в 1825 году.

Пятнадцатилетняя работа в направлении достижения возможно породного и эффектного экстерьера дала свои плоды. Маточный состав завода переполнен кобылами любезно-лебедевского комплекса, к которым ежегодно все в большем и большем числе прибавляются кобылы из линии Безымянки, Доброго 2. Тают группы дочерей Похвального 2 и Залетного 2. Среди производителей опять-таки преобладают жеребцы из линии Лебеда 2 и Любезного 1, сильно используются Добрый 2 и его сыновья. Использование Ловкого 1 и его сына Полкана 3 затруднено отсутствием подходящих маток. Словом, блеску, эффекту, породности в заводском составе без конца; дела, капитальности, рысистых способностей, резвости может быть уже значительно меньше. А в это самое время в настроении общественных и коннозаводских кругов происходит определенный перелом, предвещающий в скором будущем возобновление регулярных испытаний, открытие ипподромов, организацию спортивных, беговых и скаковых обществ.

Вопросы испытаний и их значения для коннозаводства обсуждаются в гостиных, в публичных собраниях, наконец, в печати. В 1824 году выходит в свет книжка П. Н. Мяснова «О конских ристаниях». Вольным экономическим обществом переводится и готовится к изданию известная за границей книга Гацци [\[158\]](#). Переводится и издается второй том Английского студ-бука. Наконец, в

1825 году проводится первый сезон Лебедянских скачек и ставится перед правительством вопрос о разрешении первого в России спортивного общества — Лебедянского общества конской охоты, ставящего своей целью производство беговых и скаковых испытаний.

В. И. Шишкин, несомненно, следил за всеми событиями и новыми веяниями в коннозаводском мире и должен был задуматься над вопросом, как встретит Хреновский завод приближающуюся новую эру коннозаводства; он и принял потому все меры, чтобы завод встретил ее во всеоружии.

Раньше всего он постарался возможно шире использовать жеребцов — носителей потенциальной резвости, в первую очередь Полкана 3. За 10 лет пребывания Полкана 3 в заводе, с 1822 по 1831 год, от него было получено не менее 150 голов потомства ^[159]. Никакой другой производитель в эту эпоху не был так интенсивно использован, как Полкан 3.

Используя ресурсы, имевшиеся в самом заводе, В. И. Шишкин не хотел, однако, отказаться и от тех, которые он мог найти на стороне. Со времен А. Г. Орлова в его представлении должна была твердо укорениться мысль, что основной источник резвости в создаваемой рысистой породе — это голландские рысистые лошади, и когда возникла опасность некоторого оскудения породы в смысле резвости, В. И. Шишкин и решил почерпнуть новые запасы ее из первоисточника.

Экстерьерные соображения также могли быть не безразличными для В. И. Шишкина. Замечая, что лошади Хреновского завода в значительной части стали хотя и суше и породнее, но мельче, В. И. Шишкин мог желать вторичного прилития голландской крови в противовес допущенному чрезмерному усилению крови восточных верховых пород. Однако эти экстерьерные соображения не могли быть решающими. Трудно думать, чтобы после 15 лет работы В. И. Шишкин изменил своему любимому экстерьерному идеалу сухого породного рысака.

Голландских кобыл привода 1825 года спаривали в Хреновском заводе и с породнейшими жеребцами линии Лебедя 2 — Любимцем 2, Летуном 1, и с крупными густыми сыновьями Полкана 3 — Визапуром 1 и Раскидаем. Ясно, что здесь в первую очередь преследовалась не цель утяжеления типа, исправления чересчур легкого экстерьера

некоторых линий, но, скорее, все же добивались большей резвости в потомстве.

Третий вопрос, который следует поставить, не руководствовался ли Шишкин в 1825 году желанием «освежить кровь» в Хреновском заводе и тем избежать опасностей замкнутого разведения породы в пределах одного хозяйства.

Дать утвердительный ответ на этот вопрос мы не имеем права. Ни в делах, ни в словах Шишкина нет основания предположить, что он предвидел наступающую или возможную в будущем опасность. Напротив, до последних дней своей работы не только в Хреновом, но и в собственном заводе Шишкин продолжал следовать своим принципам разведения по линиям, и своим ученикам и преемникам — Рогову, Ознобишину, Охотникову — советовал придерживаться этих же методов в племенной работе с рысаком.

Мысль о том, что нельзя замыкаться при племенной работе в пределах одного хозяйства, что Хреновской завод не может существовать и совершенствоваться изолированно от других заводов рысистого направления, даже не возникала в головах русских коннозаводчиков, животноводов и профессоров вплоть до 60—70-х годов.

Не могла она возникнуть и у Шишкина, потому что ни в каком «освежении» крови молодая, только что возникшая порода и не нуждалась. В большинстве своих линий она еще была способна, с пользой для себя, выдержать близкородственное разведение в течение двух-трех поколений, после чего только степень однородности особей, даже не внутри породы в целом, а внутри отдельных заводов и отдельных линий породы, потребует перехода от системы родственных спариваний к неродственным; потребует также и обмена производителей между заводами.

Подтверждением сказанного служит не только дальнейшая судьба завода В. И. Шишкина и его успех, но и результаты племенной работы в других конских заводах рысистого направления.

Если бы орловский рысак уже в 20-х годах нуждался в освежении крови и повторное скрещивание с голландской породой в силу этого являлось бы благотворным, то 10–12 коннозаводчиков, которые после 1825 года использовали для спариваний с орловскими «заинбрированными» кобылами голландских жеребцов, должны

были добиться блистательного успеха. Однако результат получился прямо противоположный: вместо успеха последовал полный провал во всех отношениях, и спустя 10–15 лет, если кличка Петерса или Бааса, Сардама или Шнеллера, Карлоса или Кесаря, Мунго или Травера попадалась в аттестате рысистой лошади, то уже одно это снижало ее цену на 250–300 рублей в глазах конноторговцев и потребителей

И вообще, надо стараться возможно проще подойти к факту приобретения у Берггофера, может быть в обмен на хреновских мерингов, пяти голландских кобыл в состав рысистого отделения, эпизода истории Хреновского завода, который лишь впоследствии приобрел в глазах иппологов характер события, и не надо давать никаких мало правдоподобных и натянутых объяснений.

СПИСОК ПРИПЛОДА ГОЛЛАНДСКИХ КОБЫЛ ПРИВОДА 1825 ГОДА

В Хреновском заводе голландские кобылы привода 1825 года оставили в 1826–1832 годах следующий приплод от шишкинского к ним подбора.

1) Гнедая № 1

1827 г. — гн. ж. Голландец 1, от Потешного 1, з. ж.

1829» — гн. к., от Красика. Продана (Голландка, з. м. у Козакова, Лаврениус и др.).

1830» — гн. к. Голландка, от Красика, з. м. [\[160\]](#)

2) Гнедая № 2

1831 г. — гн. ж. Любимец 3, от Любимца 2, з. ж.

1832» — гн. к. Чудесная, от Любимца 2, з. м.

3) Вороная № 1

1827 г. — в. к. Змейка, от Любезного 2, з. м.

1829» — в. к. Бобелина, от Заступного, з. м.

1830» — с. ж. Голландец 2, от Барса 2, з. ж.

1832» — в. к. Чудачка, от Раскидая 1, з. м.

4) Вороная № 2

1828 г. — в. ж., от Заступника. Продан.

1829» — с. к. Говоруха, от Летуна 1, з. м.

1830» — г. к. Мальга, от Летуна 1, з. м.

1831» — в. к., от Ловкого 2. Продана (Голландка — в заводе И. А. Павлова).

1832» — в. ж. Богатырь 2, от Поспешного, з. ж.

5) Вороная № 3

1830 г. — в. к. от Летуна 1. Продана (Летуныя Д. П. Голохвастова).

1831» — в. ж. Великан, от Визапура 1, з. ж.

1832» — в. к. Розалия, от Визапура 1, з. м.

Если судить по этим данным, то подбор хреновских жеребцов к выводным кобылам был сделан В. И. Шишкиным мастерски: позднейшая администрация завода почти полностью весь приплод зачислила в плодовый состав, в то время как из приплода следующих лет, родившегося после 1832 года, своего подбора, та же администрация ровно ничего не смогла выбрать для завода.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРИЧНОГО ПРИЛИТИЯ ГОЛЛАНДСКОЙ КРОВИ В РЫСИСТУЮ ПОРОДУ

Каковы же были результаты вторичного прилития голландской крови? Они не соответствовали ожиданиям.

Раньше всего повышения резвости рысаков в Хреновском заводе вторичное прилитие голландской крови во всяком случае не дало, как не дало оно этого и в других конских заводах. Русские коннозаводчики, думая, может быть, повторить опыт Орлова, упустили из виду, или вернее просто не знали, что голландская лошадь в 20-х годах XIX столетия была уже не та, что в 80-х годах предшествующего столетия. Продолжавшиеся в течение 20 лет войны и мобилизации в эпоху наполеоновского ига почти до основания разрушили коннозаводство Голландии. Пройдет еще два-три десятилетия и вороные голландские «каретные рысаки» будут находить себе сбыт за границу только как лошади для погребальных процессий. Найти в Голландии кобыл такого класса, к какому принадлежали выведенные А. Г. Орловым, было просто невозможно. В лучшем случае гнедые и вороные кобылы, выведенные в 1825 году, принадлежали к сорту хороших каретных лошадей, но не к классу рысаков, пробегавших 200 сажень резвее чем в 1 минуту, к какому несомненно близки были серые кобылы А. Г. Орлова.

Клички хреновских голландских кобыл привода 1825 года встречаются в родословных резвых рысаков не иначе, как в соединении с кличкой Полкана 3, а без Полкана 3 голландские кобылы не создали ничего: отец хреновского Варвара 1, известный Визапур 3,

был сыном полуголландского Любимца 3 и Касатки, дочери Полкана 3; полуголландский Великан, также оставивший мужскую линию, происходил непосредственно от Визапур 1, сына Полкана 3.

В собственном заводе В. И. Шишкина эксперимент со вторичным прилитием голландской крови длился недолго. «Не обязательно выпить бочку вина, чтобы распознать, что оно плохое». А распознав, Шишкин тотчас исключил из завода всех потомков Петерса, Старины и др.

Вряд ли иной была бы судьба полуголландских помесей и в Хреновом, если В. И. Шишкин остался бы во главе завода. Но в отсутствие В. И. Шишкина почти весь приплод голландских кобыл в Хреновском заводе, как мы видели выше, поступил в заводской состав, и так как в дальнейших поколениях среди лошадей со вторичным прилитием голландской крови оказались такие жеребцы, как Визапур 3 и сын его Варвар 1, то вскоре весь Хреновской завод целиком стал, по старинной терминологии, не чистопородным. Беда была, конечно, не в этой потере условной чистопородности, но в том, что использованные бесталанными хреновскими администраторами в племенной работе жеребцы и кобылы со вторичным прилитием голландской крови оказались носителями и распространителями общей конституциональной рыхлости и мягкости, сырости, всяких наливов, костных разражений на скакательном суставе и пр.

В литературе как XVIII, так и первой половины XIX века мы имеем, помимо жалоб на то, что голландские (или фризские) лошади сыры, бессильны, «совсем не бодры», плохо держат тело, «скорее других лошадей худеют», и прямое обвинение породы в наследственном шпате. Людвиг Берггофер, комиссионер по продаже голландских лошадей в Россию, снабдивший ими десятки русских заводов, довольно неуклюже защищает их от этого обвинения. Он говорит, что жеребцов надо покупать в провинции Дрент, «откуда происходят лучшие лошади этой породы», так как дрентский крестьянин умеет выбирать «к приплоду здоровых и беспорочных». «От этого лошади их по большей части не одержимы шпатом». Не поздоровится от этаких похвал! [\[161\]](#)

В 20-х годах XIX века писали, что «совсем не слышно о наследственных болезнях на хреновских лошадях». А в 1845 году в списке лошадей Хреновского завода, переданных в казну, против двух

кличек производителей имеется отметка «шпат», и эта отметка относится как раз к двум жеребцам со вторичным прилитием голландской крови: знаменитому Визапуру 3 и Великану.

Про Великана В. И. Коптев писал: «Я видел этого уродливого жеребца во время его продажи в Москве с аукциона в манеже Фрейтага, в 1845 году. Он был 2 арш. 7 верш. росту и притом так узок в груди, что передние ноги его так близко были поставлены одна от другой, что коленки соприкасались между собой; ребра были при этом короткие, подпруга мелкая и зад спущенный» [162].

В. И. Шишкин не оставил бы в заводском составе столь порочных по экстерьеру производителей, как Великан и Визапур 3. Однако хреновская администрация последующего периода не относилась с должной строгостью к экстерьерным недостаткам, свойственным новым «голландским» линиям, и разгадка таких послаблений лежала в том, что и жеребцы и кобылы этих линий давали в приплоде значительный процент крупных лошадей, выше 160 см в холке. Действительно, из тех же актов 1845 года о передаче Хреновского завода мы узнаем, что ровно 50 % кобыл с примесью голландской крови были ростом от 2 аршин 4 вершков и выше — до 2 аршин и 5 ½ вершков — в то время, как среди кобыл чисто орловских, без вторичного прилития голландской крови, едва 1/5 часть достигала 2 аршин и 4 вершков росту, причем крупнейшая кобыла была ростом 2 аршина и 4½ вершка, рост же громадного большинства колебался между 2 аршинами 3 вершками — 2 аршинами 3½ вершками. В числе же полуголландских жеребцов в 1845 году был Великан, который получил свою кличку определенно за свой огромный рост — 2 аршина 7 вершков.

Чтобы показать, что именно повторные течения голландской крови могли обусловить крупный рост рысаков, приводим родословную одного из производителей завода И. П. Кутайсова, вороного жеребца Орла 1, рождения 1820 года, дети и внуки которого отличались очень большим ростом: вороной Знаменитый был ростом 2 аршина 7 вершков, а гнедой Богатырь 3 даже, если верить книгам, — 2 аршина 8 вершков, т. е. 178 см (!).

ОРЕЛ, вор., р. 1820 г., зав. И. П. Кутайсова													
Постоянная, вор., р. 1814 г.					Лорд, вор., р. 1812 г.								
Постоянная			Ворон 1		Степная, Хреновского зав.			Богатырь 1, гн., р. 1784 г., Хреновского зав.					
	Богатырь 1, гн., р. 1792 г.		Голландская коб.		Богатырь 2		?	Полкан 1, р. 1778 г.		Кобыла из Голландии		Барс 1, р. 1784 г.	
	Кобыла из Голландии				Хозяйка, из Дании							Серая №2, из Голландии	
	Барс 1, р. 1784 г.				Богатырь 1, гн., р. 1792 г.							Полкан 1, р. 1778 г.	

И поверхностно и опрометчиво было бы осудить В. И. Шишкина за самый факт вторичного прилития голландской крови. Ни он, ни кто-либо другой из коннозаводчиков 20—30-х годов не был в состоянии предвидеть все последствия этого возвратного скрещивания. Ошибкой был не самый опыт вторичного прилития, но оставление в племенном составе производителей, имеющих такие пороки, которых дотоле не знал, не видел у своих лошадей Хреновской завод. Если бы Шишкин не ушел в 1831 году из Хреновского завода, то он, вероятно, стер бы все следы постигшей его неудачи тем же способом, как и в собственном своем заводе, т. е. исключил бы из племенной работы всех небезупречных и небеспорочных потомков голландских кобыл. Он сумел бы с помощью старых орловских линий и резвость повысить, чего нельзя было сделать с помощью голландских лошадей новой формации, и рост поднять, не прививая породе ряда новых для нее экстерьерных пороков.

В период 40—60-х годов в русской коннозаводской литературе нельзя найти буквально ни одного одобрительного отзыва по адресу рысаков, полученных в результате вторичного прилития голландской крови как в Хреновском заводе, так и в других заводах. Одним из самых веских и убедительных для меня лично является отзыв И. А. Молоцкого, зятя В. И. Шишкина.

В то время (1865), когда в заводе у него состоял еще производителем резвый Велизарий, лучший сын Варвара 1, и казалось бы коннозаводчик был заинтересован «набить цену» на детей Велизария, И. А. Молоцкий писал, в ответ на запрос Главного управления коннозаводства, что у рысаков со вторичным прилитием

голландской крови голова и шея тяжелы и мясисты, грудь узкая, конечности сырые и не выдерживают работы, предрасположены к наливам и мокрецам, и добавлял, что некоторые известные коннозаводчики, которые приливали голландскую кровь к орловскому рысаку, полностью погубили тем свои заводы.

Уже в 40-х годах В. И. Коптев бросает остроумное ироническое замечание о том, что А. Г. Орлов запретил выпускать из своего завода производителей, между тем как ему следовало бы запретить впускать в завод жеребцов. Берггофер, апологет голландской лошади, в 1845 году должен был признать ошибочность сделанного в Хреновском заводе шага: «Жаль тоже, что недавно взяты для приплода жеребцы, родившиеся от кобыл, приведенных из Фрисландии. Можно ли улучшить сталь посредством железа?!» А по-русски мы бы сказали: «Лыком по парче не шьют».

Орловский рысак выдержал за свою историю многие испытания и стал вечным памятником русского зоотехнического гения, исполненным величия незабвенного, но вместе с тем и скорбного.

Глава VII

ХРЕНОВСКОЙ ЗАВОД В ПЕРИОД 1831–1845 ГОДОВ

После ухода В. И. Шишкина наступает для Хреновского завода сначала мрачный период управления И. П. Седина, а затем тусклый управления П. И. Кремешного. Настает эпоха, когда уже не приходится ни восхищаться, ни учиться на работе хреновских мастеров. Хреновской завод живет на проценты с капитала, завещанного А. Г. Орловым и В. И. Шишкиным, постепенно растрачивая и самый основной капитал. Седин был растратчиком по злостному умыслу, Кремешной — по неведению.

Ловкий хищник И. П. Седин и его приятели поспешно, с бурной стремительностью тащили, что могли, и рыли заводу могилу; добросовестный и бесталаный П. Н. Кремешной давал заводу медленно угасать и умирать естественной смертью.

Несомненно, что не все бедствия, выпавшие на долю завода в 1831–1834 годах, следует отнести за счет Седина. Если в то время ставили ему в вину и подседал и повальный выкидыш в Хреновском заводе, то мы в свете современных научных данных, зная, как могло быть трудно, 100 лет тому назад, вести борьбу с этими эпизоотическими заболеваниями, должны оградить Седина по этому пункту возводимых на него обвинений. Но ни один исследователь никогда не оправдает И. П. Седина по пункту обвинения в нечестной массовой продаже из Хреновского завода первоклассного заводского маточного состава.

За взятки, за подарки Седин позволял покупателям приобретать на выбор кобыл как из молодняка, так и из маточного состава завода. Продажа производилась на месте в Хреновом, без санкции Москвы, и барышники, вроде Рогова, Башарина, Михайлова и других, уводили десятками первоклассных кобыл из Хренового и перепродавали их после по высоким ценам во все лучшие рысистые конские заводы того времени, начиная с заводов В. И. Шишкина, Д. П. Голохвостова, В. Я. Тулинова и др. Достаточно просмотреть «Подробные сведения» 1839 года, чтобы убедиться в том, что лучшие хреновские матки,

создавшие славу ряду частных рысистых конских заводов, перешли из Хреновского завода в другие руки в период трехлетнего управления Седина.

При Кремешном эта распродажа прекратилась. Кремешной принял даже меры к тому, чтобы залечить раны, нанесенные Хреновому в период управления им его предшественником, но, к сожалению, в силу своей зоотехнической беспомощности, сумел лишь частью возместить количественные потери завода, но ни в коей мере не качественные.

АТТЕСТАТЪ

Изъ завода Ея Величества
Графини Анны Александровны Орловой-Чесменской

№ 878 А.

Копия дана была, чрезъ на правахъ записки, сего
года по счету, вѣдомъ, поименно Ларинъ 24 Сергеевъ
предаетъ въ 1838 году отъ изобрѣтеннаго извѣстнаго ре-
визора Мухоморова, сына Дмитріева сына Пашкова,
въ силу створенъ Ловова, при вступлѣ створенъ Ловова,
при при вступлѣ створенъ ревисора створенъ ревисора
створенъ / створенъ, при при при створенъ створенъ створенъ
като ревисора створенъ створенъ створенъ створенъ створенъ
Графини Александры Григорьевны Орловой-Чесменской
иже отъ створенъ / створенъ створенъ створенъ створенъ
отъ ревисора створенъ створенъ створенъ створенъ створенъ
ревисора створенъ створенъ створенъ створенъ створенъ
и створенъ створенъ створенъ створенъ створенъ

Медведь И. Григорьевичу Степанову Во-
сильна Васильеву Мухомову
въ Румъ Гофъ Рос. Делъ Спр. 9.

Дано сего въ Свѣтѣ Дворцовомъ 1836 года февраля 19 Дня
Управленій великаго заводнаго оружейнаго завода
Колодецкаго въ Имперіи

Коллежскій Секретарь Пашковъ
Канцелярскій Секретарь Савинъ

Аттестат Хреновского завода на кобылу Победу, р. 1832 г.

Аттестат Хреновского завода на кобылу Победу, р. 1832 г.

Прекратив массовую продажу, Кремешной при выбраковке и выранжировке отдельных лошадей очень часто ошибался и даже ценнейших маток сплошь да рядом выпускал из завода.

***ЗАБВЕНИЕ ПРЕЖНИХ МЕТОДОВ РАБОТЫ И
НАМЕТВШИЙСЯ УПАДОК ЗАВОДА***

Как в вопросах разведения, так и в вопросах заводской техники Хреновской завод обнаруживал все признаки регресса. Испытания и отбор производителей и маток по их внутренним качествам сошли на нет. Отбор и подбор стал делаться исключительно на основании экстерьерных соображений, о работе с линиями Кремешной не имел представления и генеалогического подхода у него не было никакого.

Вместо строго обдуманного индивидуального подбора, который играл такую роль в работе Орлова и Шишкина и при котором матки закреплялись за определенным производителем на ряд лет, мы имеем при Кремешном картину беспорядочной смены жеребцов в подборе через один-два года, Завод избегал родственного разведения и пошел в основном по пути бессистемных межлинейных скрещиваний.

Поэтому, к 1845 году мы наблюдаем гораздо большую схожесть, одинаковость родословных хреновских лошадей, чем это было в 1830 году. В каждой родословной 40-х годов почти обязательно нам попадутся, если не Полкан 3, то его отец Ловкий 1, если не Лебедь 4, то Лебедь 2, и в сопровождении тех же Любезного 1, Кролика 1 и Доброго 2.

Поэтому было бы напрасной тратой времени пытаться воссоздать сколько-нибудь стройную картину зоотехнической работы и развития линий в Хреновском заводе с 1831 по 1845 год. Достаточно будет бросить общий взгляд на лучших производителей и маток этого периода в Хреновом.

***ПРОИЗВОДИТЕЛИ И МАТКИ ПЕРИОДА 1831–1845
ГОДОВ***

Из числа жеребцов, уже состоявших производителями к 1831 году, Хреновской завод в течение всего периода до 1845 года продолжал

использовать таких, как Летун 1 (1820–1846), сын Лебеда 2, Мужик 2 (1826–1845), сын Полкана 3, Чистяк 3 (1823–1853) и Ловкий 2 (1819–1846), сыновья Ловкого 1.

Из числа молодых — но родившихся еще при Шишкине жеребцов — в заводе раньше всего был использован знаменитый Лебедь 4 (1831–1848), затем Барс 3 (1830–1847); затем сыновья Полкана 3: первоклассный Полкан 5 (1831–1848) и посредственный Сокол (1831–1845); далее внуки Полкана 3, сыновья Визапура 1: Угрюмый (1831–1846), Досадный (1831–1842) и полуголландский Великан (1831–1846), еще полуголландские: Любимец 3 (1831–1840), Голландец 1 (1827–1837) и Голландец 2 (1830–1841), наконец, Быстролет (1831–1849), единственный производитель из линии Кролика 1 к моменту передачи завода в ведение государства.

Что мог Хреновской завод в годы Седина и Кремешного из молодняка, при них рожденного, добавить к этим производителям, которые, исключая полуголландских жеребцов и Сокола, все принадлежат к числу славнейших в истории рысистой породы? Ведь такой завод, как Хреновской, разумеется, не мог сразу перестать вообще давать прекрасных, а в отдельных случаях выдающихся рысаков.

ЗАВОДСКИЕ ЖЕРЕБЦЫ ИЗ ЛИНИИ ПОЛКАНА 3

Раньше всего из молодых жеребцов были оставлены производителями внуки Полкана 3:

1) резвый, с «фамильными» козинцами, Ворон 3, рождения 1841 года;

2) блестящий светлосерый Полкан 6 (Полкан 5, сын Полкана 3 Награда, дочь Лебеда 2), рождения 1838 года, поступивший в 1845 году к А. Б. Козакову;

3) гнедой Богатый 3 (Ворон 2 — Ветреная, дочь Усана 2), рождения 1836 года, поступивший к А. Ф. Орлову;

4) серый Усан 3, рождения 1834 года, пробывший всего два года в заводе и давший Усана 4, рождения 1839 года.

Однако все эти жеребцы как в генеалогическом отношении, так и по своему экстерьеру одни более, другие менее, — Ворон 3 менее всего, удалялись от типа Полкана 3, инбридинг на которого был объявлен под строгим запретом.

ВОРОН 3, вор., р. 1841 г.							
Забавная, гн., р. 1835 г.				Полкан 5, вор., р. 1831 г.			
Завидная, гн., р. 1822 г.		Безьянка 2, гн., р. 1829 г.		Преданная, вор., р. 1821 г.		Полкан 3, вор., р. 1817 г.	
Поспешная, вор., р. 1817 г.	▲ Богатый 1, гн., р. 1816 г.	Коварная, гн., р. около 1820 г.	Догоняй 1, гн., р. 1821 г.	Щука, гн., р. 1805-1807 г.	Барсик, гн., р. 1816 г.	Нечаянная, кар., р. 1811 г.	Ловкий 1, сер., р. 1812 г.
Поспешная, вор., р. около 1810 г.	Добрыль 2, бур., р. 1810 г.	Богатая, р. 1798-1799 г.	Кролик 1, сер., р. 1801 г.	Улитка, кар., р. около 1810 г.	Чистяк 2, гн., р. 1813 г.	▲ Богатый 1, гн., р. 1816 г.	Догоняиха, гн., р. 1808-1809 г.
				Щука, р. 1796-1799 г.	Родне Молодой, гн., р. 1795 г.		
					Барсик, сер., р. 1792 г.	Амзюнка, сер., р. 1795-1796 г.	Кролик 1, сер., р. 1801 г.
							Дура, р. 1804-1806 г.
							Лебедь 1, сер., р. 1804 г.

Приведенная родословная Ворона 3 должна считаться исключением, из трафаретных родословных хреновских рысаков 40-х годов. Возможно, что это обстоятельство способствовало успеху Ворона 3 как производителя.

В противоположность Ворону 3 серый Усан 4 не являлся типичным представителем мужской линии Полкана 3. При среднем росте — 2 аршина 4¹/₄ вершка — он отличался красотой и породностью, имел легкую арабскую голову: Усан 2, Лебедь 2 и Веселый 1 взяли в нем верх над Мужиком 2.

Усан 4 был одним из немногих хреновских производителей, резвость которых, после продажи их из завода, была выявлена в Москве — 5.46¹/₂ на 3 версты и 10.56 на 6 верст.

УСАН 4, сер., р. 1839 г.							
Резвая, гн., р. 1826 г.				Усан 3, сер., р. 1834 г.			
Добрая, гн., р. около 1812 г.		Лебедь 2, сер., р. 1815 г.		Самка, сер., р. 1827 г.		Мужик 2, вор., р. 1826 г.	
Непобедимая, сер., р. около 1802 г.	Веселый 1, сер., р. 1793 г.	Догоняиха, гн., р. 1808-1809 г.	Лебедь 1, сер., р. 1804 г.	Воровка, сер., р. 1819-1820 г.	Усан 2, сер., р. 1817 г.	Крестьянка, вор., р. 1815-1818 г.	Полкан 3, вор., р. 1817 г.
Обманщица, р. около 1796 г.	Барс 1, р. 1784 г.	Веселая, р. 1784-1786 г.	Фелькерзам 1, р. 1778 г.	Сипинская, р. 1800-1802 г.	Любезный 1, р. 1794 г.	Невинная, р. 1811 г.	Ловкий 1, р. 1812 г.
				Лебедьный 1, р. 1794 г.	Невинная, р. 1794-1795 г.		
				Барс 1, р. 1784 г.	Барс 1, р. 1784 г.		
				Флейта, вор., р. 1812 г.	Д. Любезного 1		
				Хвалыньи 1, р. 1806 г.	Досадная, р. 1808 г.		
				Любезный 1, р. 1794 г.			
				Тяжелая, р. 1809 г.			
				Любезный 1, р. 1794 г.			

ВИЗАПУР 3, СЫН ПОЛУГОЛЛАНДСКОГО ЛЮБИМЦА 3

ЛОВКИЙ 3 И ДРУГИЕ СЫНОВЬЯ ЛЕБЕДЯ 4

Из хороших сыновей Лебеда 4 заводское назначение успел получить до 1845 года один только серый Ловкий 3, рождения 1836 года, от Виноградной, дочери Ловкого 1 и Рынды от Силинского 1. Оставленные впоследствии заводскими жеребцами вороной Людмилл, рождения 1844 года (от Тарабарки, дочери Дюжака), и серый Лютый, рождения 1844 года (от Отмены, дочери Полкана 3), как равно и сын Ловкого 3, серый Лондон, рождения 1844 года (от Семирамиды, дочери Раскидая), — все являются продуктом скрещивания линий Лебедь 4 X Полкан 3, все приплодились в 1844 году, и заводское использование всех их относится уже к следующей эпохе.

Родословную одного из трех, серого Лондона, мы помещаем опять-таки как типичную, хорошо характеризующую методы спаривания в Хреновском заводе в те годы, когда там происходило смешение линий.

Линия Летуна 1 выдвинула классного серого Летуна 3, рождения 1834 года (Летун 1 —Приметка, дочь Кролика 1), и полезного Добрыню 3, рождения 1837 года (Добрыня 2, сын Летуна 1 — Самка, дочь Усана 2).

ЛИНИЯ ЧИСТЯКА 3 — НЕПОБЕДИМЫЙ 2 И ЕГО СЫН НЕПРИСТУПНЫЙ

К списку выдающихся производителей эпохи остается присоединить еще сына Чистяка 3 и Кривой, дочери Лебеда 2 — серого Непобедимого 2, рождения 1833 года, который в 1843 году от Самки, одной из лучших кобыл Хреновского завода, матери Усана 3 и Добрыни 3, дал серого Неприступного, поступившего впоследствии в заводские жеребцы. Уже Непобедимый 2 имел репутацию рысака выдающегося экстерьера, Неприступный же заслужил славу такого, равного коему по экстерьеру ни до, ни после в Хреновском заводе не было.

ЛОНДОН, сер., р. 1844 г.							
Семирамида, сер., р. 1831 г.				Ловкий 3, вер., р. 1836 г.			
Прозерпина, сер., р. 1823 г.		Раскидай 1, гн., р. 1822 г.		Виноградная, сер., р. около 1818 г.		Лебедь 4, сер., р. 1831 г.	
Маловатиха, сер., р. около 1810 г.	Потешный 1, гн., р. 1818 г.	Силинская, сер., р. 180... г.	Полкан 3, вор., р. 1817 г.	Рында, р. около 1802 г.	Ловкий 1, сер., р. 1812 г.	Ехидна, сер., р. 1817-1820 г.	Добрыня 1, сер., р. 1824 г.
Простая, р. 1801 г.	Похвалыный 2, р. 1798 г.	Арабка, р. 1786-1787 г.	Нечанная, р. 1811 г.	Чернышка, р. 1785 г.	Силинский 1, р. 1794 г.	Дура, р. 1804-1806 г.	Лебедь 1, р. 1804 г.
	Кролик 1, р. 1801 г.	Силинский 1, р. 1794 г.	Ловкий 1, 1812 г.		Лебедь 2, р. 1815 г.	Казистая, р. 1809 г.	Кролик 1, р. 1801 г.
	Докучина, р. около 1812 г.				Бужья, р. 1815-1817 г.		Лебедь 2, р. 1815 г.

НЕПРИСТУПНЫЙ, сер., р. 1843 г.							
Самка, сер., р. 1827 г.				Непобедимый 2, сер., р. 1833 г.			
Воровка, сер., р. 1819-1820 г.		Усан 2, сер., р. 1817 г.		Кривая, сер., р. 1822 г.		Чистяк 3, сер., р. 1823 г.	
Флейта, вор., р. 1812 г.	Хвалыный 1, сер., р. 1806 г.	▲ Досадная, сер., р. 1808 г.	Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Неохотная, сер., р. около 1815 г.	Лебедь 2, сер., р. 1815 г.	Веспа, гн., р. 1817 г.	Ловкий 1, сер., р. 1812 г.
Удашья, р. около 1795 г.	Любезный 1, р. 1794 г.	Неохотная, р. около 1800 г.	Гнедая, р. 1784-1786 г.	▲ Досадная, р. 1808 г., дочь Усана 1	Кролик 1, р. 1801 г.	Добрыня 2, р. 1810 г.	Дура, р. 1804-1806 г.
	Маска, р. 1796-1798 г.	Усан 1, р. 1802 г.	Барс 1, р. 1784 г.		Лебедь 1, р. 1804 г.	Крикуша, р. 1811 г.	Лебедь 1, р. 1804 г.
	Похвалыный 2, р. 1798 г.				Догоняя д, р. 1807-1809 г. (д. Любезного 1)		

Таким описывает его И. А. Лисаневич, почти в тех же выражениях отзывается о нем профессор Ф. Ф. Унтербергер, посетивший Хреновской завод в 1855 году [163].

Читателю предлагается судить об экстерьере Непобедимого 2 и Неприступного по репродукциям с портретов кисти Н. Е. Сверчкова и А. П. Швабе. В том, что портрет с первого сделан с чисто фотографическим сходством, можно убедиться, сравнивая с ним хотя бы фотографию его правнука Витязя Г. И. Рибоьера (помещена у С. П. Урусова и у В. Г. Оболенского). Портрет же А. П. Швабе нам представляется не столь реалистичным; он полон своеобразной романтики, которую может придать своей картине только художник, в буквальном смысле влюбленный в изображаемого на картине коня.

Однако прислушаемся к словам И. А. Лисаневича. «Неприступного я знаю только по портрету Швабе; портрету я не верил, считая его плодом фантазии. Но один заводчик верховых лошадей — К. П. Шуринов — уверял меня в том, что портрет художника Швабе с Неприступного есть правильный портрет без прикрас и преувеличений. К этому К. П. Шуринов, заводчик верховых, что в данном случае весьма ценно, — передавал мне; «Я видел заводы верховых лошадей Ростопчина, Орловой, видел ее рысистый завод, видел много хороших чистокровных лошадей, но изо всего того, что я видел и знал, признаю необыкновенным и совершеннейшим чистокровного Женераль-Шассе и орловского рысака Неприступного». Верен или не верен портрет подлиннику, не важно, но оценка рысака одним из верховых заводчиков, которые тоньше понимают лошадь, ибо относятся к ней с большею требовательностью, а к рысаку относятся обыкновенно с некоторого рода только снисходительностью, весьма важна потому, что Неприступный поставлен выше всех лучших верховых и сопоставлен с чистокровною высокоих достоинств лошадыю. Такой аттестации едва ли когда-либо дождется другой русский рысак» [\[164\]](#).

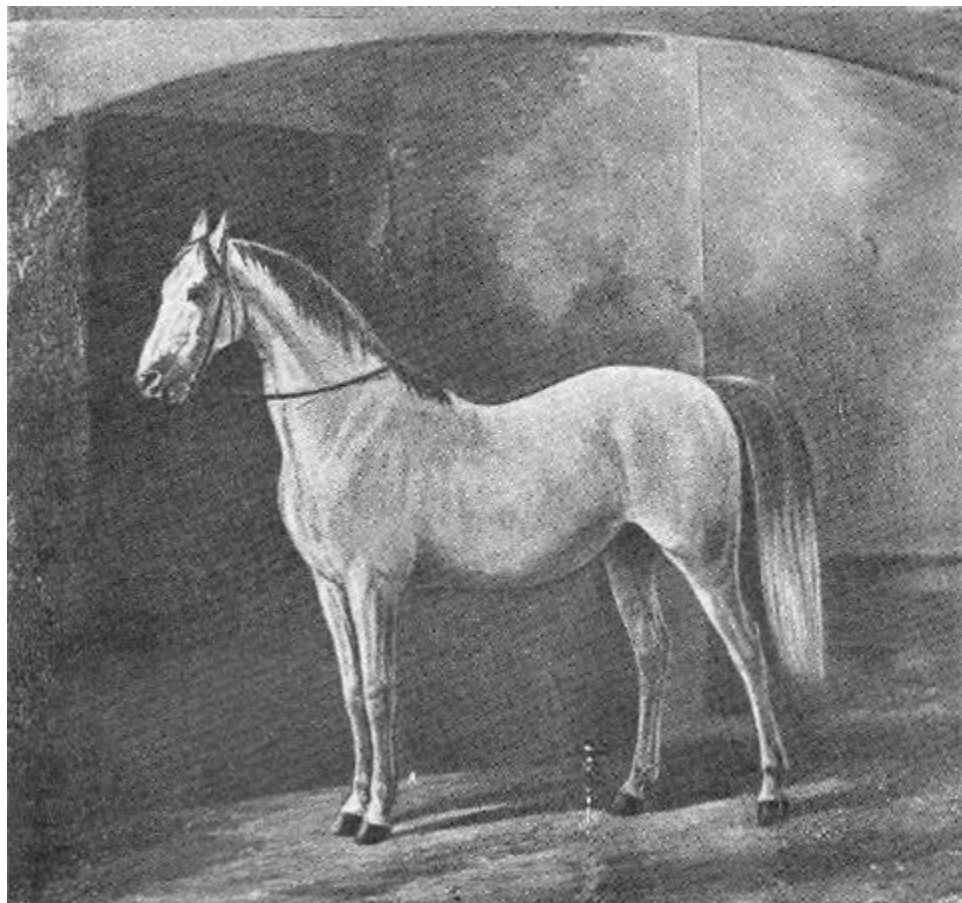
В единодушном восторге и преклонении перед Неприступным все мнения сходятся. Если когда-нибудь существовала идеальная лошадь, то это был Неприступный — рысак столь совершенный по экстерьеру, что в нем ничего нельзя было ни прибавить, ни убавить, и даже самые незначительные подробности его внешности, легкие оттенки рисунка казались нерасторжимыми и неприкосновенными. Никто из сыновей Неприступного не смог повторить отца.

ГОРНОСТАЙ 5

К числу хороших, но мало использованных производителей этого периода должен быть причислен еще и эффектный, светлосерый, с черной гривой и черным хвостом Горноста́й 5, рождения 1835 года, от Ширяя 2 и Лихой, дочери Полкана 3, принадлежавший к мужской линии Ловкого 1, на которого он был инбридирован в III–III р. п.

Не чувствую себя вправе не дать читателю возможности полюбоваться на портрет безымянного рысака (кисти Н. Е. Сверчкова), который я считаю портретом Горноста́я 5. Технически портрет

великолепен: сколько в нем глубины, жизненной правдивости при красочном блеске оформления!

Серый орловский жеребец, предположительно Горноста́й 5, р. 1835 г., от Ши́ря 2 и Лихой. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

Серый орловский жеребец, предположительно Горноста́й 5, р. 1835 г., от Ши́ря 2 и Лихой. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

В свое время, разговаривая неоднократно по поводу портрета со многими знатоками орловского рысака и исследователями его изображений в живописи, я пришел, наконец, к заключению, что этот не именной, хотя несомненно писанный с натуры, портрет очень породного рысака, но с гривой налево, вероятнее всего должен быть портретом Горноста́я 5, который был настолько хорош и делен, настолько по верховому эффектен и блесток, что в 1849 году был куплен коннозаводчиком И. П. Петровским и поступил

производителем в его верховый завод; оттого у жеребца на портрете и грива налево, а не направо, как тому надлежит быть у рысака.

Горностоями называли в Хреновом не простых серых, но лишь таких светлосерых жеребцов, грива и хвост у которых были черными, — особенность экстерьера, которую очень ценили знатоки и любители лошади в XVIII и в первой половине XIX века. Эти взгляды отразил и М. Ю. Лермонтов, когда писал: «признак породы, как черная грива и черный хвост у белой лошади» (в «Герое нашего времени»).

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МУЖСКИХ ЛИНИЙ ЛЮБЕЗНОГО 1 И ДОБРОГО 2

Знакомясь далее с производителями Хреновского завода, мы видим, что мужская линия Любезного 1 за период 1831–1845 годов прекратила свое существование. Трудно сказать, что было причиной исчезновения этой ценной линии. Вероятнее всего просто неумение администрации завода разбираться в отдельных линиях и их значении для завода: обладает рысак хорошими движениями и экстерьерными достоинствами породной упряжной лошади, к нему и не предъявляют никаких требований в отношении родословной. Продолжением определенных линий Хреновской завод не обеспокоен.

Таким-то образом Кремешной и не приложил никаких видимых усилий к тому, чтобы сохранить в Хреновом линию Любезного 1, столь высоко ценившуюся в предшествующий период и с успехом продолженную В. И. Шишкиным в собственном заводе.

С другой стороны, мыслимо предположение, что Кремешной сознательно прекратил работу с линией Любезного 1, хотя и по соображениям отнюдь не зоотехнического характера. На жеребцах этой линии базировал Шишкин работу в собственном своем заводе по уходе из Хренового. Все шишкинские жеребцы считались происходящими по мужской линии от Старого Атласного, прямого внука Любезного 1. Хреновской завод мог сделать вид, будто бы эта линия его нисколько не интересует.

Во времена Кремешного совсем на задний план отошла и линия Доброго 2. Из сыновей Доброго 3 был оставлен в заводе один только нехарактерный для линии, почти пятивершковый гнедой Потешный 2, рождения 1832 года, от Нанеты, дочери Молодца. Хреновое в то время имело задачей и назначением, помимо маточного материала,

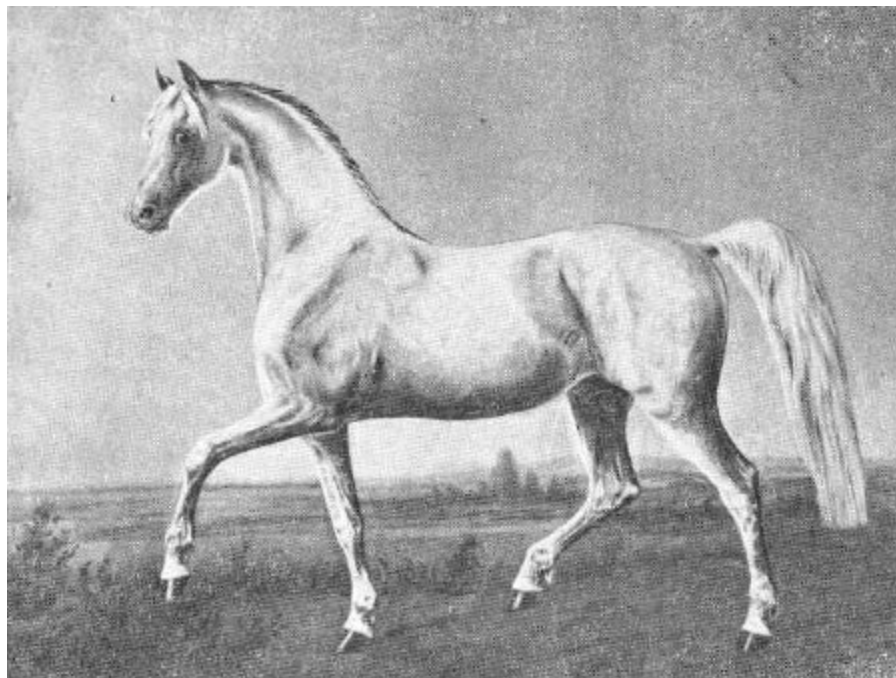

поставлять парадные одиночки, пары и четверки для городских выездов. Видимо, типичные лошади линии Доброго 2 и Доброго 3 недостаточно удовлетворяли тем требованиям, которые администрация Хренового стала предъявлять к рысакам.

НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ НАД ТИПОМ И ЭКСТЕРЬЕРОМ

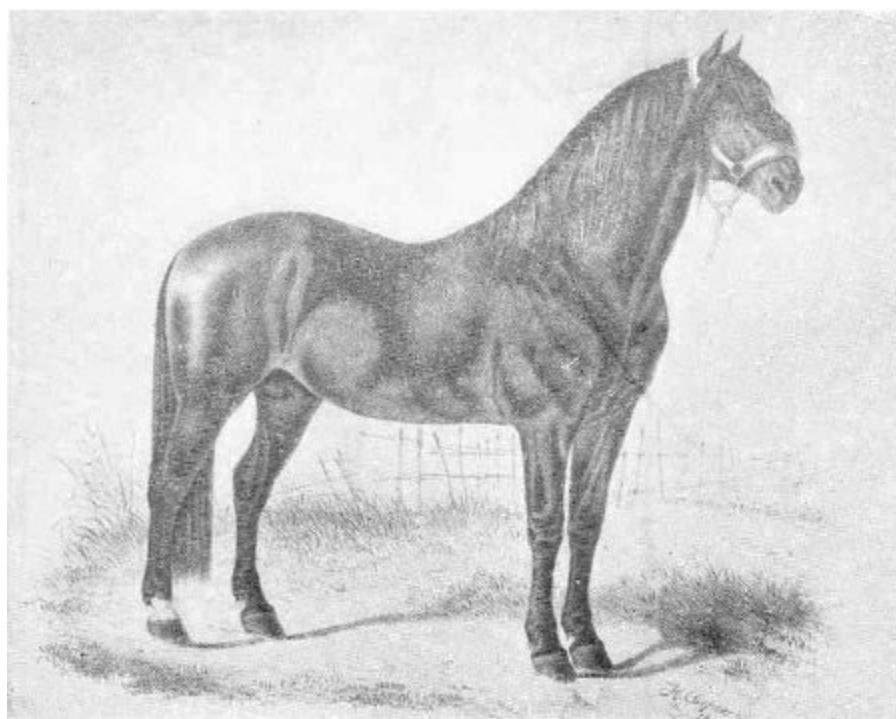
Вообще при Кремешном преимущественное внимание было обращено на утяжеление типа орловского рысака, в связи с чем изменился вес отдельных линий в племенном составе. Если мы наличный состав маток завода к моменту передачи его в ведение государства разобьем по отдельным производителям и по линиям, то мы должны будем, не без удивления, констатировать совершенно исключительное преобладание в маточном составе кобыл из линии Ловкого 1 — 98 маток, или 55 % от общего числа 183 заводских маток в заводе; из 98 маток 70 происходили от Полкана 3 и его сыновей. Кобыл из линии Лебеда 2, при всем том, что эта линия обладала рядом первоклассных производителей, в заводе насчитывалось только 25, кобыл из линии Любезного 1 — 19, из линии Доброго 2 — всего 6. К линии Кролика 1 принадлежало значительно большее число кобыл — 31, но из них почти половина была со вторичным прилитием голландской крови.

Процент оставляемого в заводе приплода от полуголландских жеребцов и маток был при Кремешном очень высок. Так, например, в то время, как в 1845 году значилось в числе заводских маток всего 3 дочери Лебеда 4, от его ровесника по годам Великана было оставлено в три раза больше — 9 кобыл, а от полуголландского Голландца 1 — даже 10 кобыл. Всего заводских маток со вторичным прилитием голландской крови было в 1845 году 37, или 20 % от общего количества.

Неприступный, р. 1842 г., от Непобедимого 2 и Самки. С гравюры А, П. Швабе.

Неприступный, р. 1842 г., от Непобедимого 2 и Самки. С гравюры А, П. Швабе.

Визапур 3, р. 1839 г., от Любимца 3 и Касатки. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

Визапур 3, р. 1839 г., от Любимца 3 и Касатки. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

КУПЕЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ЛОШАДИ

Таким образом, именно на 40-е годы падает обозначившееся изменение типа Хреновского рысака. Более породные, сухие типы и линии начинают уступать место более крупным, грузным и аляповатым визапурам, велика нам, голландцам и другим. Хреновской завод начинает все больше и больше ориентироваться на вкусы своих покупателей из больших городов, где обо значилась мода на крупную вороную лошадь и складывались свои идеалы купеческой упряжной лошади: чтобы у подъезда стояли «кони-львы», само вороные, а гривы рассыпные, хвост — охалка, зад — пироги, шерсть лоснится, как дорогой атлас в купеческой лавке; на козлах кучеров три обхвата обложенный под кучерским воланом подушками для большей дородности. Нужды нет что эти «кони-львы» пригодны, может быть, лишь для того, чтобы отвезти хозяина в гостиный двор за полверсты от дома или его тяжеловесную супругу к обедне в приходскую церковь через улицу. Зато, когда по улице едут, на рыси ногами «и рубят, и секут, и в полон берут». Вся лошадь в движении и — почти никакого продвижения.

СПИСОК МАТОК ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА С РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ИХ ПО ЛИНИЯМ

Таблицы, прилагаемые ниже, включают 183 матки рысистого отделения Хреновского завода по наличному списку на 1 января 1845 года, разбитых по линиям. Они дают читателю полную возможность ориентироваться как в принадлежности заводских маток к той или другой линии так и до известной степени в том, из каких линии лошади отличались особо крупным, из каких меньшим ростом. Все потомство по мужской и по женской линии голландских кобыл привода 1825 года, помещенное в этих таблицах, напечатано курсивом.

Анализируя эти таблицы, мы отмечаем, что дочери и внуки полуголландских жеребцов и маток, во всяком случае те из них,

которые были оставлены в Хреновском заводе, как правило, выделялись своим крупным ростом.

В отдельных случаях (Венгерка, Великанка) они достигали даже роста 2 аршина $5\frac{1}{2}$ вершков, т. е. свыше 166 см. Из общего числа 37 маток, 16 или почти половина, имели рост 160–166 см.

В то же время из общего числа 146 кобыл, избежавших вторичного прилития голландской крови, всего четыре имели рост свыше 160 см, самой крупной из них была Хвальная — 2 арш. $4\frac{1}{2}$ верш. (162 см), и три заводские матки — Досадная, Радужная и Саржа — были ростом в 2 арш. $4\frac{1}{4}$ верш., т. е. 161 см. Все эти кобылы происходили из мужской линии Полкана 3.

34 матки имели рост 159–160 см (2 арш. $3\frac{3}{4}$ верш. — 2 арш. 4 верш.)

50 маток имели рост 157–158 см (2 арш. $3\frac{1}{4}$ верш. — 2 арш. $3\frac{1}{2}$ верш.)

52 матки имели рост 155–156 см (2 арш. $2\frac{3}{4}$ верш. — 2 арш. 3 верш.)

6 маток имели рост 154 см (2 арш. $2\frac{1}{2}$ верш.)

Повидимому, кобыл, не достигавших 155 см высоты в холке, при Кремешном усиленно выбраковывали из завода. Рысистые матки, купленные в 30—40-х годах в Хреновом для других частых заводов, были в общем значительно мельче; и среди них процент не достигавших роста 155 см был не 3 как в маточном составе Хреновского завода, а 20–30, в чем можно убедиться на основании описей конских заводов того времени, например, завода Д. П. Голохвастова и др.

ЛЕБЕДЬ 1	ЛЕБЕДЬ 2	Резвая, 2 арш. 3½ верш., р. 26				
		Склонная, 2 арш. 3 верш., р. 28				
		Легун 1	—	Крушиха, 2 арш. 3½ верш., р. 28		
				Говоруха, 2 арш. 3 верш., р. 29		
				Мальга, 2 арш. 2½ верш., р. 30		
				Недостойная, 2 арш. 2½ верш., р. 30		
				Упрямая, 2 арш. 3 верш., р. 31		
				Селитра, 2 арш. 3 верш., р. 33		
				Легкая, 2 арш. 3 верш., р. 34		
				Хорошая, 2 арш. 2¾ верш., р. 35		
Неровная, 2 арш. 3½ верш., р. 35						
Победимая, 2 арш. 3½ верш., р. 35						
Заметная, 2 арш. 3 верш., р. 36						
Павлина, 2 арш. 3½ верш., р. 38						
Легун 2	—	Победа, 2 арш. 3¼ верш., р. 36				
Горностай 4	—	Огромная, 2 арш. 2½ верш., р. 27				
		Персиянка, 2 арш. 4 верш., р. 34				
		Триза, 2 арш. 3½ верш., р. 36				
Добрыня 1	—	Лебедь 4, 2 арш. 3½ верш.	—	Лебедка, 2 арш. 3 верш., р. 36		
				Искусная, 2 арш. 3¼ верш., р. 40		
Любимец 2	—	Любимец 3	—	Полканша, 2 арш. 3¼ верш., р. 40		
				Любимка, 2 арш. ½ верш., р. 38		
				Неспелая, 2 арш. 4 верш., р. 38		
				Цыганка, 2 арш. 3 верш., р. 39		
				Чудесная, 2 арш. 4 верш., р. 32		
Барс 3	—	—	—	Марцена, 2 арш. 3¼ верш., р. 37		
				Чистая, 2 арш. 3½ верш., р. 40		
БАРС 2	Богатырь	—	Жиганка, 2 арш. 3¼ верш., р. 39			

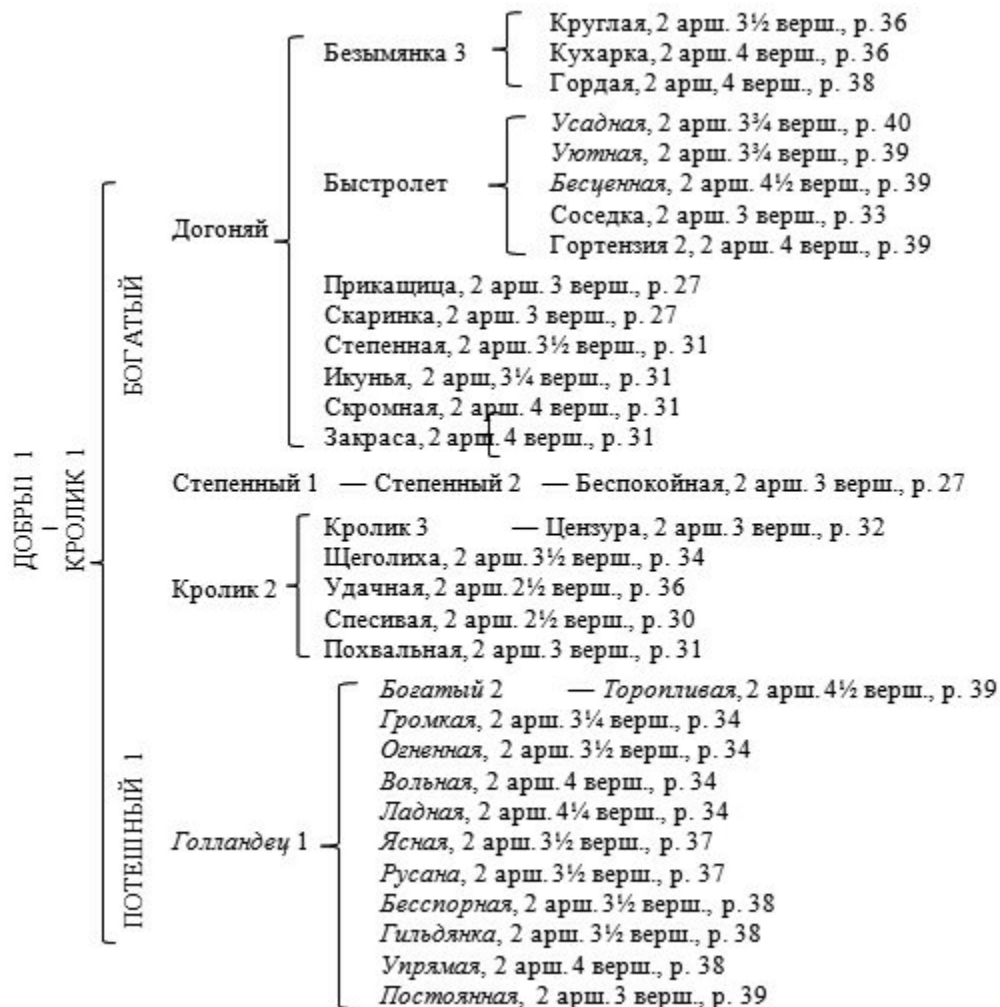
ЛЕБЕДЬ 1 — ЛОВКИЙ 1	Ловкий 2	Забавная, 2 арш. $3\frac{1}{4}$ верш., р. 28
		Безобразная, 2 арш. 4 верш., р. 29
		Вертлявая, 2 арш. 4 верш., р. 31
		Ретивая, 2 арш. $3\frac{3}{4}$ верш., р. 33
	Ширый 1	Добрая, 2 арш. 3 верш., р. 27
		Приятная, 2 арш. $3\frac{1}{4}$ верш., р. 30
		Постоянница, 2 арш. 3 верш., р. 31
	Пригожай	Церемонная, 2 арш. 3 верш., р. 30
		Спесивая 2, 2 арш. $3\frac{1}{4}$ верш., р. 31
		Баталия, 2 арш. 3 верш., р. 31
		Саржевая, 2 арш. $3\frac{3}{4}$ верш., р. 34
		Рында, 3 арш. $2\frac{3}{4}$ верш., р. 35
	Чистяк 3	Фризистая, 2 арш. 3 верш., р. 29
		Ракета, 2 арш. 3 верш., р. 32
		Сирена, 2 арш. $3\frac{3}{4}$ верш., р. 33
Возлюбленная, 2 арш. $3\frac{1}{4}$ верш., р. 33		
Ловкая, 2 арш. 4 верш., р. 35		
Бородавка, 2 арш. 3 верш., р. 35		
Щекатуха, 2 арш. 3 верш., р. 35		
Поспешная, 2 арш. $3\frac{1}{4}$ верш., р. 36		
Бодрая, 2 арш. $2\frac{1}{2}$ верш., р. 36		
Уборная 2, 2 арш. $3\frac{1}{2}$ верш., р. 40		
Скрытная, 2 арш. $3\frac{1}{2}$ верш., р. 40		
Непобедимый 2	Сильная, 2 арш. $3\frac{3}{4}$ верш., р. 39	
	Чудная, 2 арш. $3\frac{1}{2}$ верш., р. 40	
Пригожай 2 Хвальный 2	— Кокетка, 2 арш. 3 верш., р. 39	
	— Совершенная, 2 арш. 3 верш., р. 40	
Рапира, 2 арш. $2\frac{1}{2}$ верш., р. 32		

ЛОВКИЙ 1 — ПОЛКАН 3	Визапур 1	Великан 2 арш. 7 верш.	{	Докука, 2 арш. 4 верш., р. 36		
				Диана, 2 арш. 4 верш., р. 37		
				Громада, 2 арш. 4½ верш., р. 39		
				Говорунья, 2 арш. 4½ верш., р. 39		
				Бандура, 2 арш. 4½ верш., р. 40		
				Великанка, 2 арш. 5½ верш., р. 40		
				Венгерка, 2 арш. 5 верш., р. 40		
				Волнистая, 2 арш. 3½ верш., р. 40		
				Резеда, 2 арш. 4 верш., р. 40		
		Визапур 2	{	Замена, 2 арш. 3½ верш., р. 36		
				Дорогая, 2 арш. 3¼ верш., р. 38		
				Венбурка, 2 арш. 3½ верш., р. 40		
		Досадный Угрюмый	—	Дюжая, 2 арш. 3 верш., р. 38		
				Любка, 2 арш. 3¼ верш., р. 40		
				Досадная, 2 арш. 4½ верш., р. 29		
				Розалия, 2 арш. 4 верш., р. 32		
				Разменная, 2 арш. 3½ верш., р. 36		
	Молодец- кий 1		{	Натужная, 2 арш. 3¼ верш., р. 29		
				Звезда, 2 арш. 3 верш., р. 29		
				Посадница, 2 арш. 3 верш., р. 31		
				Навесистая, 2 арш. 4 верш., р. 31		
				Звениха, 2 арш. 3½ верш., р. 33		
				Смелая, 2 арш. 3½ верш., р. 34		
				Долина, 2 арш. 3 верш., р. 34		
				Бархатная, 2 арш. 3 верш., р. 34		
				Настоящая, 2 арш. 3¼ верш., р. 34		
				Навета, 2 арш. 3 верш., р. 37		
				Хапун	{	Хитрая, 2 арш. 3 верш., р. 35
						Темная, 2 арш. 3½ верш., р. 36
				Постылый 2	{	Гонимая, 2 арш. 3¼ верш., р. 37
						Постылая, 2 арш. 4 верш., р. 38

ЛОВКИЙ I — ПОЛКАН 3	Раскидай	{	Дуброва, 2 арш. 4 верш., р. 31
			Семирамида, 2 арш. 4 верш., р. 31
			Берлинка, 2 арш. 3 верш., р. 31
			Чудачка, 2 арш. 4½ верш., р. 32
	Дюжак	{	Гранитка, 2 арш. 3½ верш., р. 31
			Достойная, 2 арш. 3 верш., р. 31
			Тарабарка, 2 арш. 3½ верш., р. 32
			Андромаха, 2 арш. 2¾ верш., р. 32
	Догонка, 2 арш. 3 верш., р. 32	{	
Поспешный	{	Богатырь 2 { Богатырка, 2 арш. 3¼ верш., р. 38	
		Понятная, 2 арш. 2¾ верш., р. 38	
Зebra, 2 арш. 3¼ верш., р. 32	{		
Усан 3	{	Машистая, 2 арш. 3 верш., р. 39	
		Милотка, 2 арш. 3 верш., р. 40	
Мужик 2	{	Радушная, 2 арш. 4½ верш., р. 32	
		Летунья, 2 арш. 3½ верш., р. 37	
		Напружистая, 2 арш. 3½ верш., р. 38	
		Благая, 2 арш. 2½ верш., р. 39	
		Усаниха, 2 арш. 3 верш., р. 40	
		Борская, 2 арш. 2¾ верш., р. 40	
Полкан 4	—	Таловка, 2 арш. 4 верш., р. 33	
Ворон 2	{	Натужная, 2 арш. 3½ верш., р. 36	
		Богатая, 2 арш. 4 верш., р. 37	
		Хвальная, 2 арш. 4½ верш., р. 37	
		Веселая, 2 арш. 3¼ верш., р. 37	
Милая, 2 арш. 4 верш., р. 37	{		
Сокол	{	Проворка, 2 арш. 2½ верш., р. 39	
		Суровщица, 2 арш. 3 верш., р. 40	
		Быстрая, 2 арш. 3¼ верш., р. 40	
		Знобка, 2 арш. 3¼ верш., р. 40	
Полкан 5	{	Убористая, 2 арш. 3¾ верш., р. 39	
		Угроза, 2 арш. 3 верш., р. 39	
		Коварная 2, 2 арш. 3¼ верш., р. 40	
		Ворониha, 2 арш. 3¼ верш., р. 40	

ЛЮБЕЗНЫЙ 1	Любезный 2	{	Чётетка, 2 арш. 3 верш., р. 33	{	Ласковая, 2 арш. 4 верш., р. 28	
			Ахилл {		Ахульная, 2 арш. 3 верш., р. 28	Огромная, 2 арш. 4 верш., р. 29 (Окружная)
	Похвальный 3	{	Степенный 4 — Беглянка, 2 арш. 2½ верш., р. 38	{	Удалая, 2 арш. 3½ верш., р. 25	
			Крикуша, 2 арш. 3½ верш., р. 26			
			Усильная, 2 арш. 3½ верш., р. 27			
Крала, 2 арш. 3 верш., р. 27						
Воструха, 2 арш. 3 верш., р. 28						
Невинная, 2 арш. 3½ верш., р. 28						
Птичка — Щеголь	{	Торговая, 2 арш. 3½ верш., р. 33	{	Прозрачная, 2 арш. 2½ верш., р. 33		
		Гордый — Догоняиха, 2 арш. 3½ верш., р. 26				
		Серьезный 1 — Ладный — Противная, 2 арш. 3 верш., р. 26				
Усан 2	{	Красик {	Дикуща, 2 арш. 2¾ верш., р. 31			
		Голландка, 2 арш. 4 верш., р. 30				
		Самка, 2 арш. 4 верш., р. 27				
БЕЗЫМЯНКА	{	Добрый 2	{	Добрый 3 {	Просторная, 2 арш. 3 верш., р. 30	
				{	Потешный 2, {	Ветреная, 2 арш. 3 верш., р. 39
					2 арш. 4¾ верш. {	Осторожная, 2 арш. 2¾ верш., р. 39
		{	Таланная, 2 арш. 4 верш., р. 32	{	Пощада, 2 арш. 3¼ верш., р. 31	
			Зетюльба, 2 арш. 3¼ верш., р. 31			

ЕЩЕ ОДИН ПУТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТОДОВ РАБОТЫ КРЕМЕШНОГО ПО СРАВНЕНИЮ С МЕТОДАМИ ШИШКИНА

Мы произвели еще одну попытку обобщения тех данных, которые можно почерпнуть из заводских книг и которые могут характеризовать методы разведения во время Кремешного по сравнению или в противоположность методам Шишкина. Мы составили родословные для всех жеребцов и кобыл, получивших заводское назначение между 1832 и 1845 годом, и разбили производителей и маток на следующие группы:

I группа — общий предок в родословной отца и матери не дальше II–III р. п.;

II группа — общий предок в родословной отца и матери в III–III р. п.;

III группа — общий предок в родословной отца и матери в III–IV р. п.;

IV группа — общий предок в родословной отца и матери в IV–IV р. п.;

Во времена Шишкина громадное большинство рысистых жеребцов, допущенных в завод, принадлежало к первой или второй группе. Так, к первой группе принадлежат: Лебедь 2, Барс 2, Горностай 4, Добрыня 1, Любимец 2, Летун 1, Ловкий 1, Усан 2 и др.; ко второй: Полкан 3, Ловкий 2, Мужик 2, Хвальный 1, Похвальный 3, Добрый 2 и др. В третьей и четвертой группе мы можем указать из заметных производителей лишь Чистяка 3, Догоня 1 и таких сыновей Полкана 3, как Визапур 1 и Полкан 5.

За время же между 1832 и 1845 годом производителей преимущественно выбирали из числа жеребцов, принадлежащих к третьей и четвертой группе. По точному подсчету всего было оставлено в заводе:

первой группы — 8 жеребцов, в числе которых оказались такие производители, как Лебедь 4, Барс 3, Угрюмый 1, Добрыня 2;

второй группы — 8 жеребцов, в том числе Полкан 6, Досадный, Усан 3, Горностай 5, Непобедимый 2 и др.;

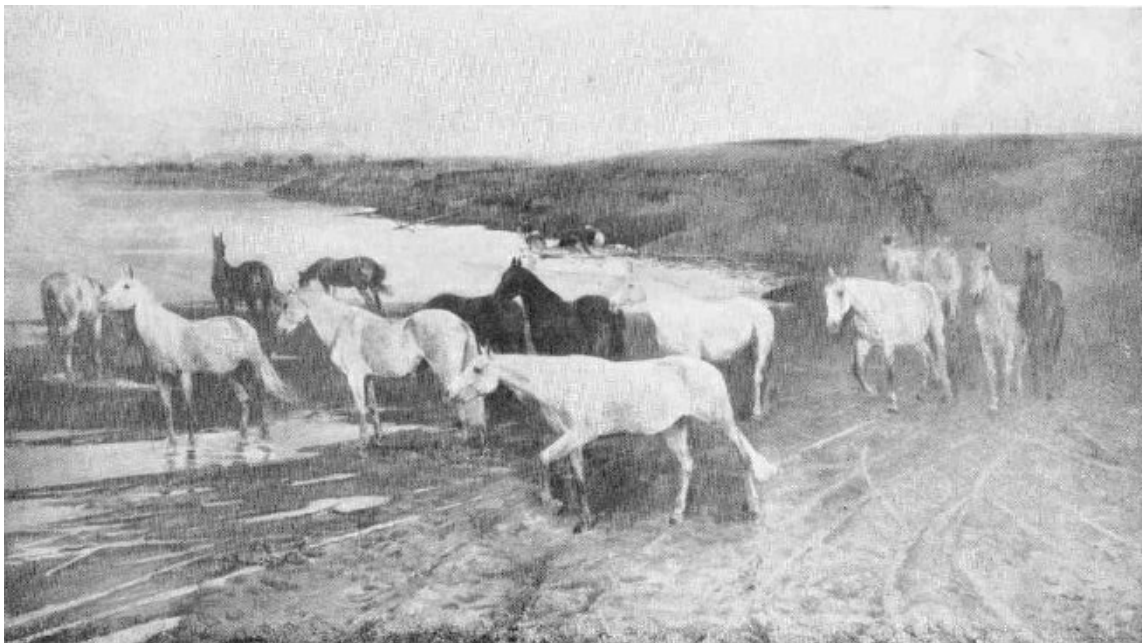
третьей группы— 15 жеребцов, в числе которых были Быстролет, Ловкий 3, Усан 4, Добрыня 3 и др.;

четвертой группы — 34 жеребца — обширный список, в котором останавливают на себе внимание, не считая Визапур 3, лишь Ворон 3 и Летун 3.

Мы видим, что Хреновской завод широко использует богатство линий внутри породы, накопленное В. И. Шишкиным, осуществляет многие возможности разнообразных межлинейных скрещиваний и в то же время определенно сходит с пути разведения по линиям, как способа поддержать родственными спариваниями сходство особей внутри линии, ее особую, ей присущую, характеристику.

В. И. Шишкин очень строго подходил к выбору жеребцов, создавал, готовил производителей для будущей заводской работы — не просто жеребцов, но производителей, нужных для данной линии; умел предвидеть их будущий успех, редко ошибался в выборе молодых

жеребцов. Раз выбрав таковых, уже использовал их в заводе систематически и продолжительное время. П. И. Кремешной при назначении жеребцов в завод, как азартный игрок, просто пытал счастье, чем и объясняется большое число производителей в заводе и частые их смены. Средняя продолжительность использования жеребца в заводе, достигавшая при В. И. Шишкине 10 лет, при Кремешном не превышала четырех-пяти. Однако коннозаводческая работа не азартная игра и не лихорадочное ожидание счастливой карты!

Табун рысистых маток у реки. С картины Н. С. Самокиша. Музей коневодства ТСХА.

***Табун рысистых маток у реки. С картины
Н. С. Самокиша. Музей коневодства ТСХА.***

Обратившись к маточному составу мы имеем ту же картину, свидетельствующую о наступившем смешении линий в рысистом отделении Хреновского завода. Из 255 голов пополнения молодыми кобылами, произведенного между 1832 и 1845 годом, принадлежали:

к I группе (общий предок не далее II–III р. п.).....	34
ко II группе (общий предок не далее III–III р. п.).....	44
к III группе (общий предок не далее III–IV р. п.).....	71
к IV группе (общий предок не далее IV–IV р. п. и далее)..	106
Всего.....	255

Нельзя не отметить, что к группе первой кобыл, наиболее инбридированных, принадлежали такие хреновские матки-родоначальницы, как Арабка, Акутинка, Забавная (мать Ворона 3), другая Забавная, шесть дочерей которой были выделяющимися заводскими матками, Затейливая (м. Пригожая 5.45), Игра, Виноградная Молодая, Крутая (м. Крутого 1), Крушиха, Упрямая (м. Волшебника 1), Тарабарка (м. Людмила). Удачная, наконец, знаменитейшая Самка (м. Усана 3, Добрыни 3 и Непрístupного) и другие, родословные которых желающие легко могут воссоздать по заводской книге Хреновского завода [\[165\]](#).

ПОТЕРЯ ХРЕНОВСКИМ ЗАВОДОМ МОНОПОЛИИ В РЫСИСТОМ КОННОЗАВОДСТВЕ

Всего сказанного, полагаем мы, достаточно для того, чтобы составить себе определенное представление о Хреновском заводе в период управления Седина и Кремешного. Завод уже не стоял на прежней высоте, хотя и сохранял в своих стенах много лошадей большой и даже исключительной ценности.

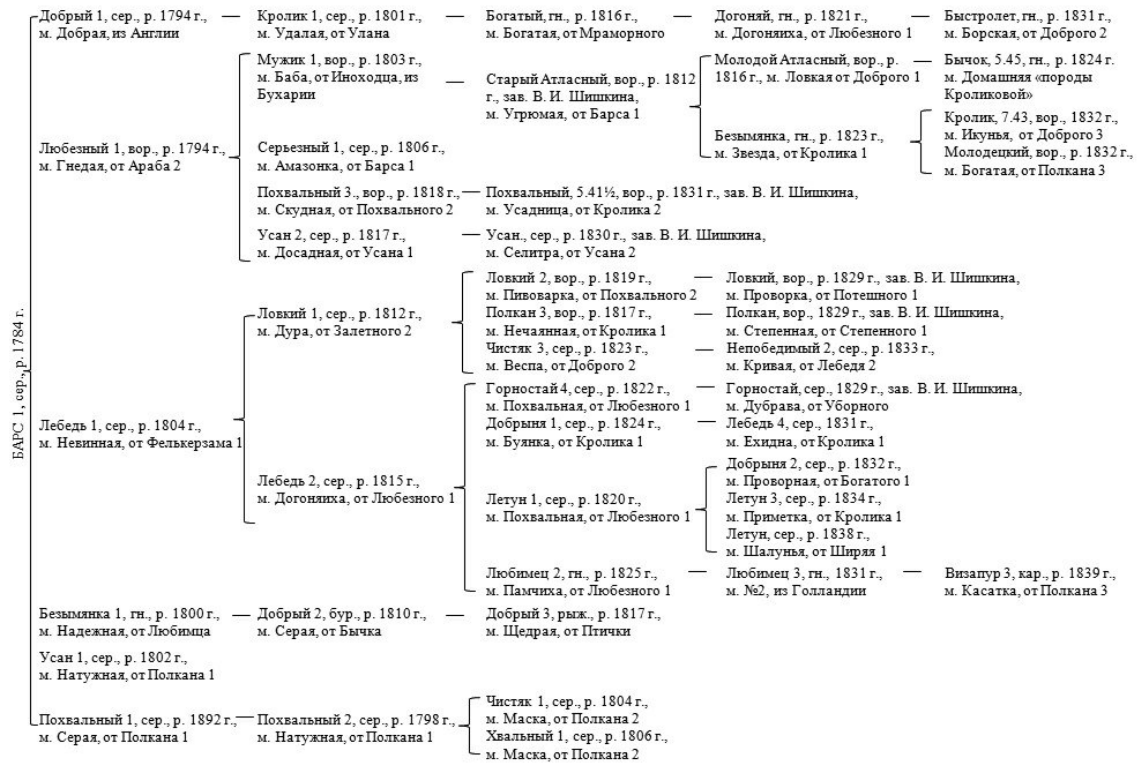
Если бы Хреновский завод попрежнему оставался единственным рассадником орловского рысака в России, то положение его в коннозаводстве могло все же остаться почти непоколебленным. В действительности же, период времени с 1830 по 1845 год был значительно более неблагоприятным для Хренового.

Орловский рысак перестал быть только Хреновского порою. А, не сохранив монополии, Хреновский завод, вследствие ошибок управления и неумелой зоотехнической работы, не смог сохранить за собой и первенства в рысистом коннозаводстве. По иронии судьбы, жесточайший удар, от которого Хреновский завод никогда уже не смог оправиться, был нанесен той же рукой, которая так много сделала для процветания и славы завода.

В. И. Шишкин, принужденный уйти из Хренового, со всей свойственной ему энергией начал работу в собственном конском заводе; в короткий срок, за те же 1830–1845 годы, он организовал, объединил вокруг себя все частное рысистое коннозаводство и сделал его независимым от Хреновского завода.

Эта история отпадения и борьбы за независимость русского рысистого коннозаводства от Хреновского завода настолько интересна

и значительна, что необходимо посвятить ей особую главу.

Глава VIII

ЧАСТНЫЕ РЫСИСТЫЕ КОНСКИЕ ЗАВОДЫ И СОБСТВЕННЫЙ ЗАВОД В. И. ШИШКИНА

Русское общество, с восторгом приветствовавшее появление в начале XIX века своей отечественной рысистой породы и всячески славословившее создателя ее А. Г. Орлова, отнюдь не с энтузиазмом относилось к неписанному закону рысистого отделения Хреновского завода — ни под каким видом не выпускать жеребцов из завода. Если московские купцы и могли удовольствоваться ездой на хреновских мерилах в городских запряжках, то конские охотники, дворяне-коннозаводчики, отнюдь не хотели примириться с представленным им правом покупать из Хренового одних лишь меринов.

Хреновской рысак с каждым годом имел все лучший сбыт и все большее распространение, и русские коннозаводчики, один за другим, стали добиваться овладения секретом производства рысистой лошади в собственных заводах. Для этого открывались два пути.

Первый — имитировать по силе возможности работу Хреновского завода и вывести по примеру его, путем какого-либо сложного скрещивания, собственную рысистую породу. На этот путь могли пытаться стать только наиболее богатые, амбициозные, из сиятельных коннозаводчиков.

Второй — использовать уже созданную Орловым породу и «взяв от нее рассады», разводить ее в своих заводах.

ШЕРЕМЕТЕВ — НЕУДАЧНЫЙ ПОДРАЖАТЕЛЬ ОРЛОВУ

Д. Н. Шереметев — один из тех, кто пошел первым путем. Не жалея никаких средств, он приводил отовсюду, со всех концов света, десятки жеребцов и кобыл тех же самых пород, которые в свое время были введены в Хреновое. Но, подражая Орлову во всех мелочах, вплоть до использования для покупок и привода лошадей из-за границы тех же доверенных лиц, которых использовал в свое время и

Орлов, Шереметев не сумел понять и перенять самого существенного — методов заводской работы Хреновского завода во всей их сложности и взаимосогласованности, и его труды десятилетиями оставались безуспешными: резвых рысаков из Серебряно-Прудского завода не выходило.

Отражая безидейную работу завода, даже самые родословные лошадей рысистого отделения завода Д. Н. Шереметева 30—40-х годов представляются нам бесформенными по сравнению со строгими консолидированными родословными орловских рысаков эпохи Орлова и Шишкина.

Приведем для примера родословную серого Лебеда, рождения 1836 года, состоявшего производителем в Серебряно-Прудском заводе Д. Н. Шереметева в 40-х годах. Посмотрите, как отличается она от родословной какого-нибудь Лебеда 4 Хреновского завода, его современника.

ЛЕБЕДЬ, сер., р. 1835 г., зав. Д. Н. Шереметева									
Ловкая					Альфред, р. 1825 г.				
Пудель, выводная из Голландии	Щеголь, рыж., р. 1822 г.				Большуха				Периклес, из Англии
	Добрая		Харон		Послушная		Консул		
	Бедняжка	Молодец, из Мекленбурга	Похвальная	Юпитер арабский	Кегейница	Ахиллес	Шеголик а, из Англии	Танкгейстер, из Турции	
	Пандора, из Дании	Чистяк, из Англии	Штурманник а, из Англии	Тромбеттер, из Англии	Монахиня	Полкопай, из Дании	Хоперка	Барон, из Дании	

Здесь как будто бы налицо все исходные породы, вошедшие в орловскую породу; и арабская, и датская, и голландская, и мекленбургская, и английская, прилитием крови которой явно злоупотребляют, но «хотя и делают двое одно и то же, а выходит не то же».

И вот на своем личном опыте Шереметев должен был убедиться, что первый путь, путь имитации работы А. Г. Орлова, ему не по силам и что проще идти вторым путем. Он купил в Хреновском заводе

кобылу Каледонию, дочь Визапура 1 и Чернички, и от нее получил серого жеребца Роланда, 3.53½, 3½ лет, в Москве зимой.

То решение, к которому Шереметев пришел очень медленно и поздно, только в 40-х годах, для других коннозаводчиков, менее богатых и менее гордых, чем Шереметев, было приемлемо много раньше — с первых десятилетий XIX века.

Если приобретение орловских жеребцов из Хреновского завода было почти неосуществимым, в силу категорического запрета Орлова, то орловские кобылы оставались вполне доступными для коннозаводчиков, желающих приобрести их. И вот десятки коннозаводчиков стали, друг перед другом наперебой, покупать кобыл, продававшихся из Хреновского завода. Покрывая таких кобыл верховыми жеребцами, коннозаводчик получал полурысистых жеребят. Оставляя взамен нерысистого жеребца полурысистого сына его от хреновской матери и кроя им рысистых кобыл, в следующем поколении имел уже $\frac{3}{4}$ рысистых жеребцов. Быстро чередуя поколения, коннозаводчик вскоре добивался повышения рысистости своих жеребцов, к какой бы мужской линии они ни принадлежали.

Работая подобным методом поглощения, коннозаводчики и создали десятки линий, пытавшихся, с большим или меньшим успехом, бороться в 20—30-х годах с чисто орловскими линиями. На особой таблице, составленной нами и приводимой ниже, мы видим ряд подобных линий (таблицы А, Б и В).

СЫНОВЬЯ ХРЕНОВСКИХ РЫСИСТЫХ КОБЫЛ — РОДОНАЧАЛЬНИКИ ЧАСТНЫХ РЫСИСТЫХ ЗАВОДОВ

В большинстве случаев первый этап работы рысистого коннозаводчика начинался с того, что он старался купить в Хреновом рысистую кобылу, жеребую от одного из жеребцов верхового отделения. При удаче, рождавшийся жеребчик становился родоначальником собственной линии, коннозаводчик мог в таком случае похвалиться, что его рысаки — «кругом хреновские». Особенно ценилось и за удачу почиталось, если хреновской жеребец верхового отделения сам был из линии не Салтана, а Фелькерзама 1, и восходил таким образом к Сметанке, хотя бы и не через Барса. Именно от такого-то жеребца, Фелькерзама 4, и от дочери старого Полкана 1,

подаренной Орловой Щербатову, и родился в 1809 году известный белый Полкан щербатовский, широко использованный в частных рысистых заводах в 20—30-х годах. (О нем подробнее см. во введении к т. I Госплемкниги на стр. 38.) Таким же жеребцом был и Красик, производитель в заводе тестя В. И. Шишкина — Н. В. Огорокова.

В качестве сына Веселого 1, дважды повторявшего Сметанку в своей родословной (во II и III р. п.) и знаменитой Амазонки, дочери Барса, Красик, родившийся, повидимому, в том же 1812 году, что и Старый Атласный, по происхождению являлся весьма интересным жеребцом и основал прочную линию, из которой еще в 70-х годах вышел известный рекордист Размах, 4.59, зав. Еникеева.

Тоже к прямой мужской линии Сметанки, но не через Фелькерзама 1, а через Полкана 2, сына Полкана 1, принадлежал Жаворонок, рождения 1813 года, у И. П. Матвеева. На стр. 1374 Зав. книги 1854 года он показан от Улана «верхового». Единственным Уланом в это время в Хреновском заводе был гн. Улан 2, рождения 1804 года, от Полканчика и Беглянки, дочери Барса 1. Так как матерью Жаворонка являлась Пригожая, дочь Каклияна (Полканчик — Изюмная верхового отделения), то Жаворонок является продуктом своеобразного инбридинга во II—III р. п. на Полканчика, сына Полкана 2 и Понятной от Фелькерзама 1. Даже по отношению к назначенной в продажу кобыле В. И. Шишкин не мог удержаться от подбора согласно со своими принципами.

Сын Жаворонка, Колебс, и особенно внук, Аякс, были известными производителями в заводах Матвеева и Блохина.

От английского Синабара Молодого и Любезной (д. Любезного 1) происходил Зефир (он же Любезный Синабар), купленный В. П. Воейковым в 1822 году у В. И. Шишкина. От Зефира у Воейкова родился в 1824 году гн. Хан, от которого пошла воейковская линия Раскидая и Курлака и терпигоревская линия Быстрого 1 и Быстрого 2. Этот последний был выдающимся дистанционером 50-х годов, поставившим рекорд 15.34 на 8 верст.

В заводе Д. Д. Казакова верховый Свирепый, купленный в Хреновском заводе, очевидно жеребец салтановской линии, но происхождение которого нельзя восстановить, дал серого жеребца Безымянку, 5.52, рождения 1829 года, которому посчастливилось через

Сорванца, 6.02, и Машистого, 5.15, оставить линию, дошедшую до нашего времени.

Не мало было и линий, пошедших от жеребцов не Хреновского происхождения. Из них заслуживает быть отмеченной, в первую очередь, поведенная в заводе Гагарина линия полукровного Буяна, завода Мосолова, сына чистокровного Прайера (Prior), из которой в 60-х годах вышел первоклассный серый Дар, 10.37 (6 верст), завода Петрено-Соловово. Затем, в свое время, в 30—40-х годах можно было найти в рысистых заводах неплохих производителей и из линии датского жеребца Колдуна, К. И. Воейкова; внук этого жеребца, серый Колдун, рождения 1827 года (от Победы, д. Усана 2), состоял производителем в заводах В. П. Воейкова и С. И. Терпигорева.

Составленные нами таблицы А, Б и В дают возможность легко ориентироваться во всех упомянутых линиях, как и еще в некоторых других, и проследить из поколения в поколение работу с ними коннозаводчиков.

В конских заводах, которые более долгое время, еще и в 40-х годах, принуждены были пользоваться производителями не чисто хреновского происхождения, дольше, еще и в 40-х годах, удерживалась старая форма аттестатов, излагавшая сначала породу матери, а затем уже породу отца лошади.

Таким образом, не чисто рысистое происхождение лошади как бы несколько вуалируется, замаскировывается.

Образцом подобного аттестата может служить нижеприведенный аттестат, выданный в 1849 году И. Д. Ознобишиным на кобылу Ходистую.

РЫСИСТЫЕ ЖЕРЕБЦЫ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА ПРИ ОРЛОВЕ

Пользуясь по необходимости жеребцами не чисто рысистого происхождения, русские коннозаводчики, однако, никогда не оставляли заветной мечты — иметь в заводе рысистого жеребца «кругом хреновского происхождения», и иногда им это удавалось. Строгий запрет выпускать рысистых жеребцов из Хреновского завода на практике все же неоднократно нарушался, и первым нарушителем являлся сам А. Г. Орлов.

Раньше всего, вопреки утверждению Ю. И. Юрлова [166], совершенно вне спора, что из первой ставки сыновей Барса 1, полученной в 1792 г., А. Г. Орловым были подарены два жеребца:

1) серый Барсик Большой — сыну, А. А. Чесменскому, который в 1810 году продал жеребца в Бронницкий дворцовый завод, где он назывался просто Барсом. В Бронницком заводе жеребец был использован плохо и пропал для коннозаводства;

2) серый Барсик Маленький — брату, В. Г. Орлову, в чьем заводе он впоследствии был прозван Ганнибалом. Сыновья и внуки Барсика-Ганнибала оставили в 20—30-х годах многочисленное и подчас классное потомство в небезызвестных в свое время заводах Григорова, Жихарева, Миллера, Воейкова, Гендрикова, Пашкова и др.

Однако дело не ограничилось подарками жеребцов одним близким родственникам.

В царствование Павла I, его любимец И. П. Кутайсов, ловкий фигаро, из брадобреев царя попавший в графы, пожелал иметь свой рысистый завод и в нем производителями рысистых хреновских жеребцов. Поставленный в известность, А. Г. Орлов должен был уступить корыстолюбивому временщику, но нашел выход в том, что он «подвел» непосредственно самому царю двух жеребцов — рысистого Богатыря, сына Барса 1, и верхового серого Рымника, внука славного Сметанки. Павел I от себя подарил их своему любимцу.

Гнедой Богатырь принадлежал к первой ставке детей Барса 1, т. е. к числу родившихся в 1792 году. Происхождение матери его оставалось долгое время неизвестным, пока его не разыскал, разбирая архивы Ивановского завода (бывшего Кутайсова, впоследствии герцога Лейхтенбергского), профессор Р. Р. Правохенский при печатании описи завода в 1905 году. Подобно матери резвого мерина Катка, мать Богатыря была голландской кобылой, и, таким образом, Богатырь был $\frac{3}{4}$ -голландским жеребцом. Росту он был с лишком 2 аршина 4 вершка. Кутайсов, получив этого ценного жеребца, сына Барса-родоначальника, не сумел полностью использовать его. Раньше всего он не сумел учесть особенностей происхождения этого сына Барса.

Вместо того чтобы купить для спаривания с ним хреновских кобыл, и притом по возможности из более сухих и породных линий, Кутайсов выписал для Богатыря из-за границы рыжих датских кобыл из Фредериксборского королевского завода и, кроме того, еще

голландских кобыл, о которых в описании завода 1824 года сообщалось: «кобылы из Голландии, рысистые, вороные, ростом 2 аршина 4 вершка, выписанные дорогою ценою».

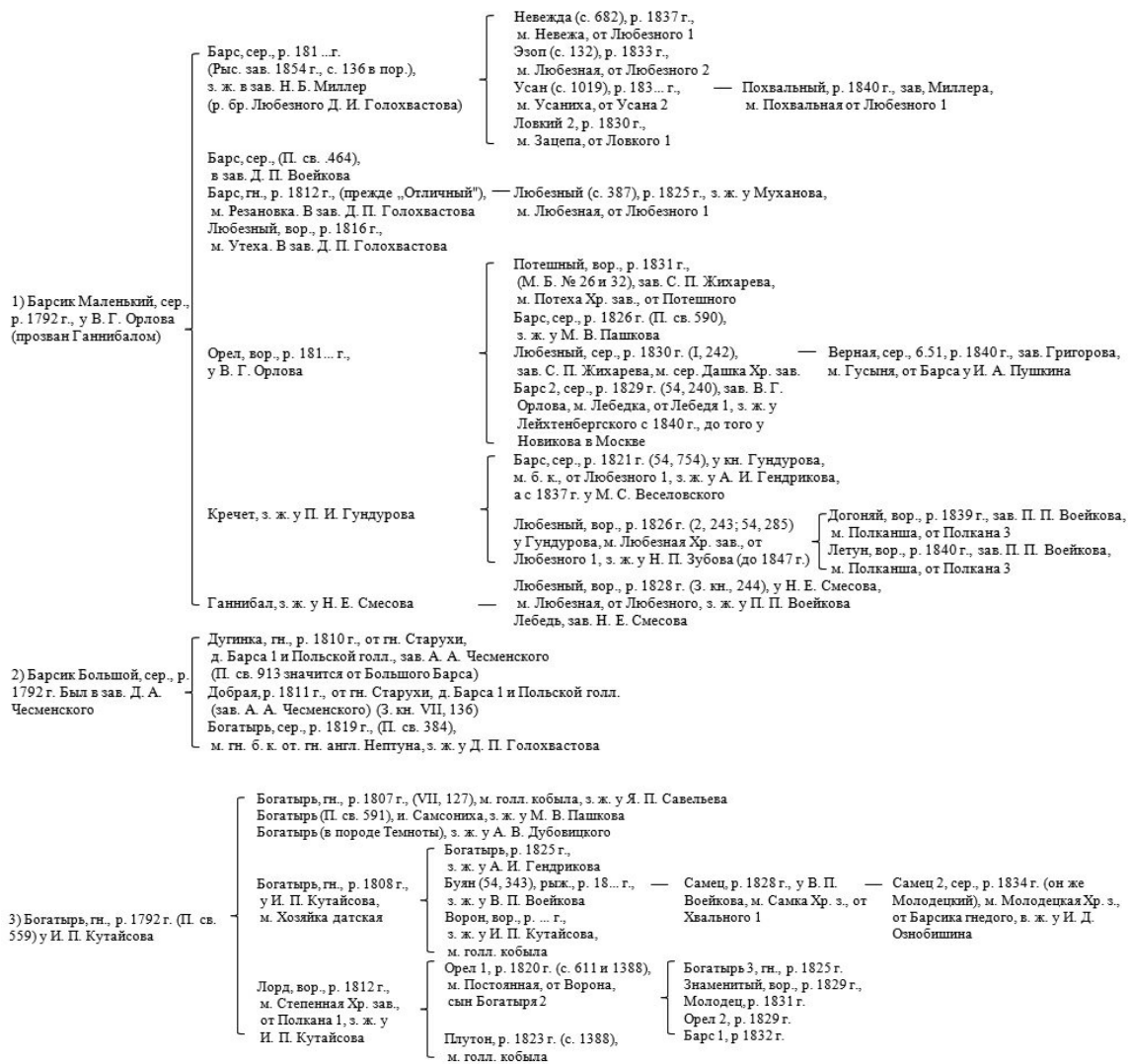
Почти все известное по заводским книгам потомство Богатыря является продуктом обратного скрещивания или с датскими или с голландскими кобылами. Результат был тот, что потомство Богатыря от датских кобыл, например Богатырь 2, родившийся в 1808 году и оставленный в заводе на смену отцу, не отличалось рысистыми способностями, а потомство его от голландских не отличалось экстерьерными достоинствами.

Все современники были единодушны в отрицательной оценке кутайсовских рысаков, которые всегда описывались ими как «большие пятивершковые, но сырые и неуклюжие лошади». Один из сыновей гнедого Богатыря, называвшийся тоже Богатырем (Зав. кн. р. р. VII, 127), прославился тем, что «однажды под управлением славного наездника Казанцева обежал на Московском бегу славного Катка генерала Чесменского». Этот случай, однако, никакой порухи на орловского рысака не накладывал. Победитель был $\frac{7}{8}$ -голландским жеребцом, а побежденный $\frac{3}{4}$ -голландским меринком.

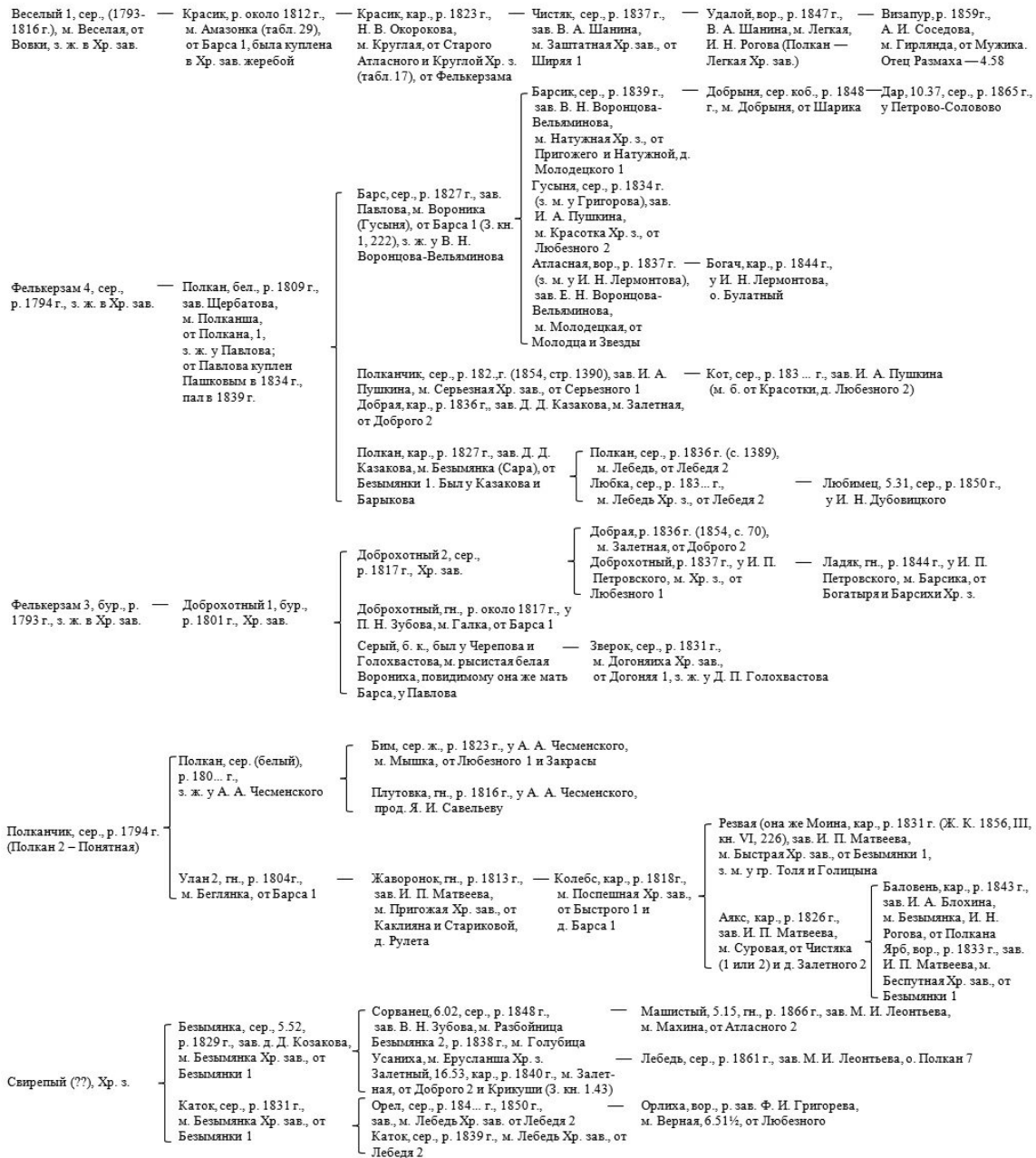
Кроме рысистого и верхового отделений, завод Кутайсова имел и упряжное, так называемое цветное отделение, выводившее каретных и цуговых лошадей. Поэт Г. Р. Державин в последние годы жизни ездил на четверике рыже-чалых, так называемых «розовых» лошадей завода Кутайсова. С. П. Жихарев в «Записках чиновника» дал их описание.

ЖЕРЕБЦЫ-ПРОИЗВОДИТЕЛИ В ЧАСТНЫХ РЫСИСТЫХ ЗАВОДАХ ДОШИШКИНСКОГО ПЕРИОДА

А. ИЗ ЛИНИИ БАРСА-РОДОНАЧАЛЬНИКА

Б. ИЗ ВЕРХОВЫХ ХРЕНОВСКИХ ЛИНИЙ

В. ЖЕРЕБЦЫ ИЗ ПРОЧИХ ВЕРХОВЫХ ПОРОД

Колдун (1854, с. 2) датский, у К. И. Воейкова	Негр, кар. (с. 972), зав. А. А. Нестерова, м. от Любезного	Колдун, сер., р. 1827 г., зав. В. П. Воейкова м. Победа, от Усана.	Барс, 6.02 1/2, сер., р. 1836 г., С. И. Терпигорева, м. Голубка, от Полкана 3 Любезный, сер. р. 1832 г., В. П. Воейкова, м. Защита, от Любезного 1 Усан, сер., р. 1833 г., В. П. Воейкова, м. Самка, от Хвального 1	Похвальный, сер., р. 1838 г., И. Д. Ознобишина, м. Самка Хр. зав., от Хвального 1
Арабчик, арабский	Лев, кар., р. 181... г., у А. И. Кормилицына, м. Сердечная, рыс.	Постоянный, кар., р. 1826 г., м. Флора, от Богатыря		
Жеран, персидский	Тумаг, сер., р. 1825 г., м. Защита, от Любезного 1	Кречет, кар., р. 1831 г. (с. ж. у Воейкова и Ознобишина), м. Гусыня, от Полкана 3		
Синабар Молодой, р. 1797 г., ч/кр.	Зефир, гн., р. 1812 г., м. Любезная, от Любезного 1	Хан, гн., р. 1824 г., от Доброго (1 или 2), з. ж. у В. П. Воейкова	Раскидай, кар., р. 1830 г., у В. П. Воейкова, м. Полканша, от Полкана 3 Ловкий 2, гн., р. 1832 г., в зав. И. Д. Ознобишина, м. Ловкая, от Ловкого 1 Быстрый 1, кар., р. 1836 г., в зав. С. И. Терпигорева, м. Ладная, от Визапур 1 Кавалер, 6.15, сер., р. 1836 г., м. Кривая Хр. зав. Убедимый, 5.43 1/2, гн., р. 1831 г., и. Сердитая Хр. зав.	Анетин, кар., р. 1839 г., м. Анета Хр. зав. Курлак, кар., р. 1838 г., м. Анета Хр. зав. Быстрый 2, 15.34 (8 верст), кар., р. 1844 г., С. И. Терпигорева, м. Догадливая, от Колдуна Могучий, бур., р. 1850 — Дар, 10.37, сер., г., м. Рудетка, рыж., р. 1865 г., м. Добрыня, от Барса 1 Доброго (2?)
Прайэр (Prior), р. 1791 г., ч/кр.	Буян, бур., р. около 1800 г., зав. Мосолова, м. кобыла б. к., из Англии	Брус, бур., р. 1819 г., зав. Гагарина, м. Умница Хр. зав., р. 1809, от Любезного 1		
Периклес, р. 1809 г., ч/кр.	Альфред, р. 1825 г., м. от сер. Консула	Проворный, гн. чал., р. 1814 г., м. Галка Хр. зав., от Птички Роланд, сер., р. 1848 г., зав. Д. Н. Шереметева, м. Каледония Хр. зав., от Визапур 1		

ПОБѢДА

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Рысистой лошади моего завода, состоящаго Тамбовской губернии и уѣзда при селѣ Лавровѣ, въ деревнѣ Ивановкѣ, Глады тожъ, проданной

*Дмитрию Михайловичу
Полдоталову*

1849го года

Декабря 15го дня

РЫСИСТОЙ ПОРОДЫ

Кобыла цвета Рысистой Грива и а н ж о а в о

росту 2 арш. $3\frac{2}{7}$ сажок *Б е з т и р и н д т в*

сукна Судитя въ 1850го году въ Вороньихъ Воротахъ

Родилась 1845, года отъ рысистой кобылы *Меланголадъ*

Андреевны дочери Вороньихъ *Антониски* и *Владимиръ*

Добравой отъ рысистаго жеребца *Сергѣя Усана*

сына *Рябеды Аюкы* сына *Индаръ Кона*

Уваса Суровинова

УСАНЫ

МОЛОДЕЦКОЙ

САМКА

Свидетельство завода И. Д. Ознобишина
Свидетельство завода И. Д. Ознобишина
СТЕПЕННЫЙ 1 У А. А. ЧЕСМЕНСКОГО

Перечень жеребцов, выпущенных из Хреновского завода, следует дополнить еще одним — серым Степенным 1, известным производителем Хреновского завода. Как и при каких обстоятельствах попал этот сын Кролика 1 к А. А. Чесменскому, нам неизвестно. По заводским книгам он значится рожденным в 1811 году. Может быть, мать его, подобно матери Старого Атласного, по ошибке была продана из Хреновского завода жеребою; может быть, Чесменскому было разрешено покрыть кобылу, дочь Барсика Большого, хреновским Кроликом 1, а может быть, Степенный 1 и просто-напросто был подарен Анной Алексеевной Орловой своему брату. Как бы то ни было, но в завод А. А. Чесменского для спаривания с дочерью Барсика Большого производителем поступил внук Барсика Большого по матери. Можно думать, что методы заводской работы А. Г. Орлова не остались неизвестными его сыну. После смерти А. А. Чесменского серый Степенный 1 был куплен обратно А. А. Орловой, как сообщает Еженедельник 1823 г., за 16 тысяч рублей и поступил производителем в Хреновской завод.

Из числа его детей, родившихся у А. А. Чесменского, нам известен только гнедой жеребец Степенный Молодой, рождения 1820 года (от Старухи, д. Барса 1), и гнедая кобыла Степенная, рождения 1820 года (от Доброй, д. Барсика Большого), которые поступили в завод Я. П. Савельева. Все эти факты из истории орловской рысистой породы были настолько мало известны даже специалистам в данной отрасли, что редактор т. VII Заводской книги русских рысаков затруднился признать Степенного Молодого рысистым жеребцом.

СТАРЫЙ АТЛАСНЫЙ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЗАВОДА В. И. ШИШКИНА

В свете всех этих фактов нам уже не представляется такой необычайной история Старого Атласного, родившегося в 1812 году от проданной из Хренового кобылы Угрюмой, оказавшейся жеребою. Как к довольно простому событию отнеслась к этому и А. А. Орлова, отказавшаяся от обратной покупки жеребенка в завод за 8 тысяч рублей и предоставившая его В. И. Шишкину. Ей казалось совершенно невероятным, чтобы случайный жеребчик, доставшийся ее крепостному «управителю», мог в будущем представить какую-либо угрозу для Хреновского завода, после того как жеребцы испытанной

ценности, Барсик Большой, Барсик Маленький и Богатырь, попав в обширные и богатые заводы знатных и владетельных коннозаводчиков, нисколько не оказались опасными для Хренового.

Несомненно, и Шишкин, тогда еще крепостной, оставляя «за себя» Старого Атласного, ни минуты не мог иметь мысли о том, чтобы противопоставить в будущем Хреновскому заводу свой Шишкинский, он мог мечтать разве только о выгодной перепродаже жеребчика. И, действительно, как только Старый Атласный подрос, Шишкин продал его генералу Недоброво, себе же оставил только одного жеребчика от него — Молодого Атласного.

Даже и после получения вольной (в 1818 году по желанию Александра I) Шишкин далеко не сразу принялся за организацию на широких началах собственного завода.

Приблизительно до 1825 года Шишкин был всецело поглощен Хреновским заводом и заботами о его устройении. Положение Шишкина в это время было очень прочным и его личные отношения с Орловой наилучшими.

В это время у Шишкина было всего две-три собственные матки, которых крыли Молодым Атласным, Из жеребцов, родившихся в Шишкинском заводе до 1825 года, нам известны лишь три-четыре: Бычок (Смесовский), Молодец (И. Н. Дубовицкого), Атласный (В. П. Воейкова).

МОЛОДОЙ АТЛАСНЫЙ, вор., р. 1816 г.											
Ловкая, сер., р. до 1804 г.				Старый Атласный, вор., р. 1812 г.							
Диана, сер., «из Аравии» ¹ , р. до 1800 г.	Добрый 1, ср., р. 1794 г.			Угрюмая, сер., р. около 1795 г.			Мужик 1, вор., р. 1803 г.				
	Добрая, из Англии	Барс 1, сер., р. 1784 г.		Приклонная, гн., р. 1786-1788 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.		Баба, р. 179... г.		Любезный 1, вор., р. 1794 г.		
		Коб. №2, из Голландии	Полкан 1, р. 1778 г.	Бурая коб., из Менкенбурга	Полкан 1, р. 1778 г.	Коб. №2, из Голландии	Полкан 1, р. 1778 г.	Коб. №4, из Голландии	Инок орд., из Бух арни	Гнедая, р. 1784-1786 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.

¹ Скорее всего Диана была не «из Аравии», а просто «арабская», т. е. верхового отделения Хреновского завода. В таком случае ее родословная пишется так: Диана, серая, от Свирепого 2; мать Дожидайка, серая, от Добровольного 1; бабушка серая, без клички, от

Бойки; прабабка Ияменная, Серая, от Шаха, из Персии; прапрабабка Отгадчица, переведенная в 1778 году из Островского завода.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЗАВОДА В. И. ШИШКИНА

Расширять свой завод Шишкин начал уже во второй половине 20-х годов, когда отношения между ним и Орловой значительно ухудшились.

В это время Шишкин был независимым и материально обеспеченным человеком, «с чином XIV класса», вел хозяйство на собственной земле (с. Алексеевское, Бобровского уезда, названное им по имени Орлова Алексея Григорьевича), имел крупные деньги — за одну только продажу имения Сальма он получил от Орловой 250 тысяч рублей комиссионных; сыновья его были офицерами гвардейских полков.

Историю взаимоотношений Шишкина с владелицей Хренового в 20-х годах можно рассказать в нескольких словах. Чем холоднее становились отношения, тем энергичнее работал Шишкин над собственным заводом. Чем больше сил, внимания и энергии тратил он на свой завод и чем успешнее шла его работа в своем заводе, тем хуже становились его отношения с Орловой. Размолвка переходила в охлаждение, затем в скрытую враждебность и, наконец, привела к окончательному разрыву.

А. А. ОРЛОВА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ФЕОДАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ И В. И. ШИШКИН КАК ТИП НОВОЙ БУРЖУАЗИИ

Напрасным трудом было бы пытаться отыскать какую-либо внешнюю причину первоначальной размолвки. Разрыв между А. А. Орловой и В. И. Шишкиным был естественным логичным исходом их взаимоотношений.

Все, что мы знаем об А. А. Орловой, говорит о том, что она не была способна вести крупное коннозаводческое предприятие. Близкими ей людьми, ее советчиками и помощниками стали монахи, старцы, отшельники, богомолки, которые с каждым годом все больше и больше влияли на Орлову и очень быстро довели ее дела до состояния полнейшего расстройтва.

В 20-х годах имение за имением, дом за домом продавались на покрытие долгов когда-то богатейшей женщины в России, зато монастыри и церкви стали богатеть, отстраиваться, украшаться. Старые, доставшиеся ей от отца слуги, такие, как Шишкин, еще некоторое время могли держаться по инерции. Однако «двор» А. А. Орловой давал им с каждым годом все больше чувствовать себя и стеснял их в работе. Известно, что к Шишкину в последние годы его пребывания в Хреновском заводе был приставлен какой-то присланный из Москвы доверенный человек Орловой, который должен был Шишкину «помогать в подборе».

С другой стороны, В. И. Шишкин должен быть рассматриваем как типичный представитель выходящей из социальных низов новой буржуазии, предприимчивый, энергичный, ловкий, быстро учитывающий конъюнктуру, и без особой, стеснительной в делах, скрупулезности и моральной щепетильности. Борьба между ним и Орловой была отражением в миниатюре классовой борьбы буржуазии и феодального дворянства, борьбы затаенной и ожесточенной, в которой поражение неминуемо должно было потерпеть последнее.

Борьбу В. И. Шишкин вел типичными для буржуазной конкуренции приемами, не останавливаясь ни перед неблагоприятными с моральной, ни перед запретными с юридической точки зрения поступками. Секретов производства в смысле методов разведения и заводской техники, неведомых для него, разумеется, не существовало. Предстояло пробить брешь в монополии Хреновского завода, хранителем которой он сам же был поставлен, но именно служебное положение и давало к этому возможности, которых не имел никто другой в России, а Шишкин был не из тех, кто мог остановиться перед использованием служебного положения в личных интересах.

МАТОЧНОЕ ЯДРО И ПРОИЗВОДИТЕЛИ ЗАВОДА В. И. ШИШКИНА ПОСЛЕ 1825 ГОДА

Во второй половине 20-х годов Шишкин через В. Н. Резцова регулярно покупал на московских аукционах десятки молодых хреновских кобыл высокого происхождения, которые как по классу, так и по экстерьеру вряд ли многим уступали лучшим хреновским маткам. Оставалось добыть к этим маткам достойных производителей. Вороной Молодой Атласный, видимо, не очень высоко ценился

Шишкиным, и им удовлетвориться он не мог. Из числа сыновей Старого Атласного, родившихся у Недоброва, В. И. Шишкин купил себе в завод гнедого Безымянку, рождения 1823 года, жеребца очень резвого, прекрасного происхождения со стороны матери — от Звезды, дочери Кролика 1 и Маски, но не крупного и мало напоминавшего своими угловатыми формами хреновских красавцев-производителей.

БЕЗЫМЯНКА, гн. жер., р. 1823 г.															
Звезда, гн., р. около 1815 г.					Старый Атласный, вор., р. 1812 г.										
Маска, сер., р. 1796-1798 г.		Кролик 1, сер., р. 1801 г.			Угрюмая, сер., р. около 1795 г.		Мужик 1, вор., р. 1803 г.								
Скудная, сер., р. 1790-1792 г.	Полкан 2, сер., р. 1789 г.	Удалая, гн., р. около 1795 г.	Добрый 1, сер., р. 1794 г.		Приклонная, гн., р. 1786-1788 г.	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Баба, р. 179... г.	Любезный 1, вор., р. 1794 г.							
Чернычя, р. 1785 г. (Араб 2-Большая, из Голландии)	Феникс 2, р. 1780 г.	Прявость, р. около 1783 г. (Красавец-Прявость)	Полкан 1, р. 1778 г.	Удалая, из Голландии	Улан 1, р. 1782 г.	Добряк, из Англии	Барс 1, сер., р. 1784 г.	Буряк, из Мекленбурга	Полкан 1, р. 1778 г.	Сер. №2, из Голландии	Полкан 1, р. 1778 г.	Коб. №4, из Голландии	Инок овец, из Бухарии	Гнедая, из Мекленбурга	Барс 1, сер., р. 1784 г.

ТАЙНАЯ СЛУЧКА МАТОК В. И. ШИШКИНА С ХРЕНОВСКИМИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

Сознавая, что жеребцы в его заводе все же сильно уступают лучшим хреновским производителям, Шишкин решился на отчаянный шаг, который впоследствии был предметом споров и пересудов в течение целого столетия, — на тайную случку своих кобыл с лучшими производителями Хреновского завода. В. И. Коптев, в стремлении обелить Шишкина, утверждает, что тайная случка была всецело делом рук сыновей Шишкина, сам же Шишкин будто бы ничего не знал о ней. Эта версия, однако, представляется крайне неправдоподобной: сыновья могли быть исполнителями, но приводили они в исполнение несомненно, план отца, и назначение кобыл и выбор жеребцов принадлежали Шишкину.

Он использовал лучших хреновских производителей и получил от них нескольких жеребцов, сыгравших впоследствии исключительную роль в рысистом коннозаводстве.

Совершенно бесспорно происхождение от хреновских отцов следующих шишкинских производителей: 1) Горностай, сер. жер., рождения 1829 г., от Горностая 4 и Дубровы; 2) Усан, сер. жер.,

рождения 1830 года, от Усана 2 и Селитры; 3) Полкан, вор. жер., рождения 1829 года, от Полкана 3 и Степенной; 4) Ловкий, вор. жер., рождения 1829 года, от Ловкого 2 и Проворки; 5) Похвальный, вор. жер., рождения 1830 года, от Похвального 3 и Усадницы.

Происхождение это, засвидетельствованное многими современниками, в наши дни находит себе ряд дополнительных подтверждений.

Ключом к выяснению их происхождения являются не только клички, данные им по их действительным отцам, но их масть, тип, да и самые аттестаты, выданные из завода В. И. Шишкина на некоторых их детей.

Л. Н. Ведугин (Л. Н. Бочаров) в своей монографии о Соболе 1 («Известия комиссии по изучению рысистого коннозаводства в России») высказал мысль, что и заводское использование шишкинских жеребцов «сомнительного» происхождения безусловно подтверждает версию их происхождения от хреновских отцов. Действительно, как это можно проследить в соответствующих главах «Введения», лучшие сыновья Полкана были от дочерей Полкана 3, резвейший сын Горностая — Дугин от дочери Горностая 4, лучшая дочь Похвального — Храбрая от дочери Похвального 3 и т. д., подобно тому, как лучшие дети бесспорных сыновей Безымянки — Кролика и Молодецкого — Соболя 1 и Непобедимый Молодец 2 были от дочерей Безымянки.

Для всех, знающих методы заводской работы В. И. Шишкина, те приемы близкого родственного разведения, которыми он пользовался в Хреновеком заводе и которые еще с большою смелостью он применял в собственном заводе, использование знаменитых шишкинских жеребцов в заводе и родословные матерей лучших их детей могут служить таким же ключом к выяснению их происхождения, каким для Коптева и других старых генеалогов служили клички эти «спорных» жеребцов — Полкана, Усана, Горностая и других.

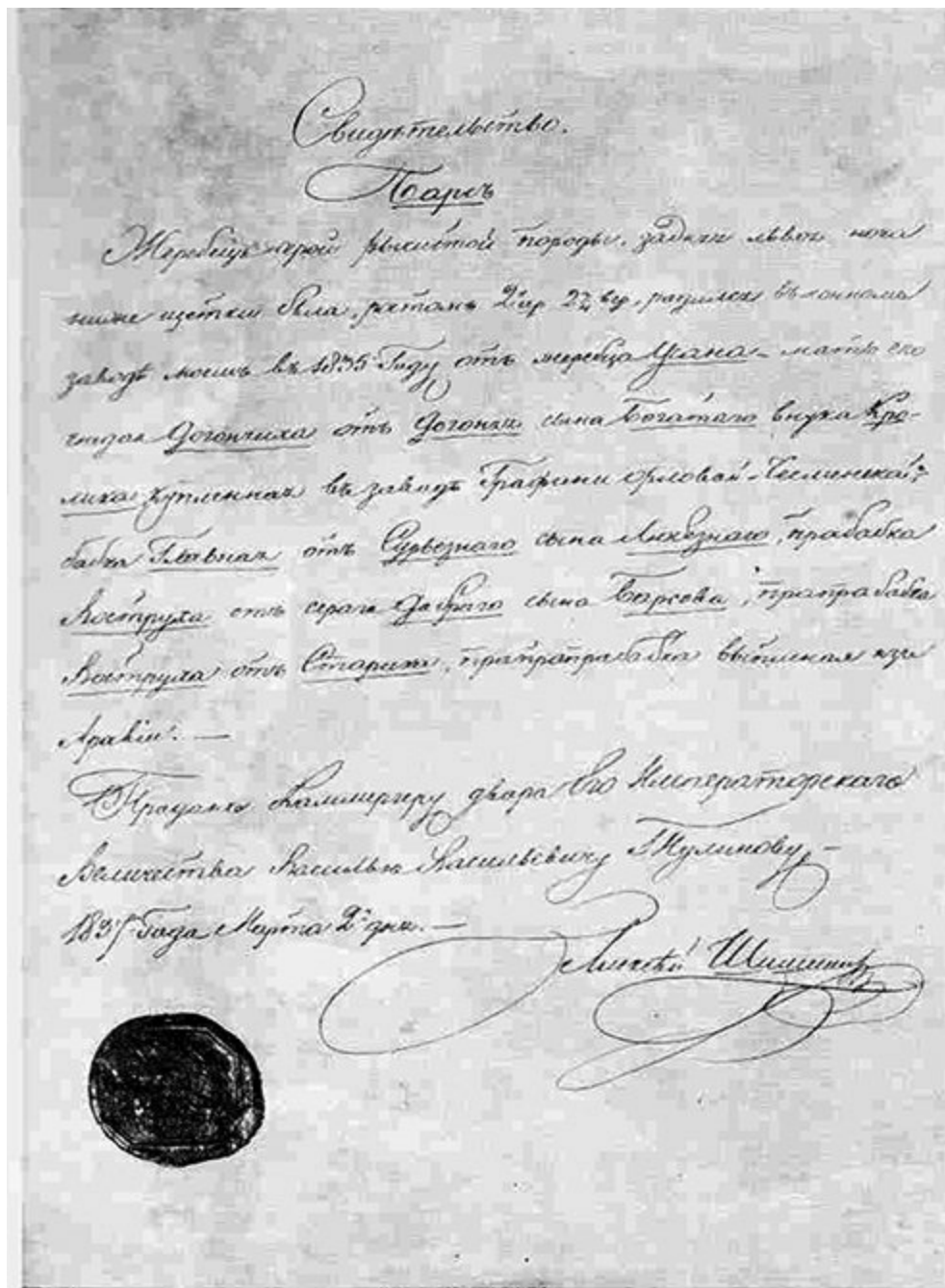
В целом, вопрос о шишкинских жеребцах можно считать безусловно разъясненным, и при работах по генеалогии нельзя исходить из официальной версии их происхождения от шишкинских Безымянки и Молодого Атласного.

Чрезвычайно интересны и характерны аттестаты, которые были выданы из завода В. И. Шишкина В. В. Тулинову при продаже Барса, рождения 1835 года, сына Усана и Догоняихи, и Горностая, рождения

1834 года, сына Горностая и Селитры. В. И. Шишкин в изложении родословной жеребцов и не лгал и не говорил всей правды. Вместо того чтобы доводить прямую мужскую линию до дедов и прадедов, в этих аттестатах коротко и глухо сказано: «Барс, жеребец серый, ростом 2 арш. $2\frac{3}{1}$ верш., родился от жеребца Усана», — на том изложение его породы со стороны отца и кончается, в то время как со стороны матери оно излагается с обычной тщательностью и подробностью (см. репродукцию аттестата на стр. 319). Написать и подписать аттестаты В. И. Шишкин заставил своего сына Алексея.

Совершенно очевидно, однако, что плод от тайной случки принадлежавших Шишкину кобыл с хреновскими жеребцами не мог быть всегда неизменно жеребцом. Если установлено, что не менее пяти жеребцов родилось от таких тайных случек, то от тайных случек должно было родиться приблизительно такое же число и кобыл за те же годы (1829–1830).

Свидетельство на Барса, р. 1835 г., сына Усана и Догоняихи, выданное
В. И. Шишкиным при продаже его В. Я. Тулинову

**Свидетельство на Барса, р. 1835 г., сына Усана и
Догоняихи, выданное В. И. Шишкиным при продаже его
В. Я. Тулинову**

Нам неизвестно, чтобы кто-нибудь делал попытку проанализировать, какие именно шишкинские кобылы из числа

рожденных в 1829 и 1830 годах могли быть от хреновских производителей. Вместе с тем подобный генеалогический экскурс представляет безусловный интерес.

По Заводским книгам в заводе В. И. Шишкина в 1829–1830 годах родилось 12 кобыл, из них четыре кобылки— 1) без клички, рождения 1829 года, от Усадницы; 2) Турчанка, рождения 1829 года, от Проворной; 3) Хозинка, рождения 1830 года, от Проворки и 4) Серьезная, рождения 1830 года, от Догоняихи, — были проданы молодыми и в завод В. И. Шишкина не поступили.

Из поступивших в завод восьми кобыл три в скором времени были из завода проданы, причем В. И. Шишкин не отметил даже кому. Это были Любушка, рождения 1829 года, от Доброй, Амазонка, рождения 1830 года, от Ладной, и Быстрая, рождения 1830 года, от Корнаушки.

Остается пять кобыл:

1) Задорная, сер., р. 1829 г., от Молодого Атласного и Корнаушки (по аттестату родная сестра Быстрой, р. 1830 г.);

2) Главная, гн., р. 1829 г., от Безымянки и Ладной (по аттестату родная сестра Амазонки, р. 1830 г.);

3) Тугая, сер., р. 1830 г., от Молодого Атласного и Ступистой;

4) Самка, сер., р. 1830 г., от Молодого Атласного и Лебедки;

5) Щучка, гн., р. 1830 г., от Безымянки и Волчьей Хватки.

Из этих кобыл Самка после первого жеребенка (Купчихи, рождения 1836 года) была продана В. Я. Тулинову, Тугая (серая, дочь вороного отца (?) и гнедой матери) дала жеребцов Тугого (В. П. Северцова), Горностая (В. В. Суровщикова) и была продана в 1839 году Р. М. Шидловскому. Главная, Задорная и Щучка оставались в заводских матках до тех пор, пока существовал завод, и по разделе перешли: Главная — Н. И. Тулинову, Задорная и Щучка — В. П. Охотникову.

Среди этих пяти кобыл и надо в первую очередь искать дочерей хреновских производителей.

Отметим, что все эти пять кобыл, подобно Горностаю, Усану и другим жеребцам, являются или первыми жеребятами своих матерей или же появляются на свет после года холостения кобылы. Несомненно, приводить в Хреновской завод для тайной случки подсосную кобылу представлялось очень затруднительным и опасным. На молодой же и холостой кобыле можно было сыновьям

В. И. Шишкина приехать со своего хутора, не возбуждая подозрений, поставить лошадь до утра на конюшню, и затем уже, подговорив преданного конюха, ночью покрыть кобылу тайком тем или другим жеребцом.

Конечно, трудно утверждать с бесспорностью происхождение всех вышеуказанных пяти кобыл от хреновских отцов, но все же в отношении их эта версия является более вероятной, чем официальная.

Наибольший интерес из числа этих кобыл представляет для историка, изучающего породу, раньше всего Задорная как мать знаменитого Горюна, 5.40, Барса (В. А. Шанина), Светлой и др., затем Самка как мать известной Купчихи (И. Н. Дубовицкого), и Главная как мать хороших кобыл — Начальницы, Главной (А. А. Болдарева) и др.

Свидетельство завода В. П. Охотникова

Свидетельство завода В. П. Охотникова

Нам представляется, что в то время как многие коннозаводчики знали истинное происхождение шишкинских жеребцов, секрет происхождения шишкинских кобыл, если и был известен, то разве только одному коннозаводчику — И. Н. Дубовицкому, не побоявшемуся заплатить большую сумму за двухлетнего Горюна, рождения 1838 года, и кроме того, купившему Купчиху, рождения 1836 года (дочь Самки) и Приятного, рождения 1837 года (сына Щучки).

Если прибавить, что и Начальница, дочь Главной, нашла себе впоследствии место в заводе Дубовицкого, то создается впечатление, что заводы И. Н. и П. А. Дубовицких особенно ценили маточные линии как раз всех тех кобыл, которые фигурируют в нашем списке [167].

Поэтому родословные лошадей И. Н. Дубовицкого должны читаться совсем не так, как они пишутся. Например, родословная известного серого Друга, 3.50 (2 в.), зав. И. Н. Дубовицкого, писалась так:

ДРУГ, 3.50, р. 1846 г., зав. И. Н. Дубовицкого							
Купчиха, р. 1836 г.				Горюн, 5.40, р. 1838 г.			
Самка, р. 1830 г.		Безымянка, р. 1823 г.		Задорная, р. 1829 г.		Усан, 7.31, р. 1830 г.	
Лебедка, Хр. зав.	Молодой Атласный	Звезда	Старый Атласный	Корнаушка	Молодой Атласный	Селитра	Безымянка

Такая родословная таблица давала нам совершенно неправильное представление о близком родственном разведении на Безымянку и Молодого Атласного, будто бы легшими в основу происхождения Друга, который, между прочим, нисколько не походил ни на Молодого Атласного, ни, тем более, на Безымянку, но по отзывам современников уродился в Сметанку.

В действительности, если мы не хотим фантазировать, то читать родословную Друга мы должны следующим образом:

ДРУГ, 3.50, р. 1846 г., зав. И. Н. Дубовицкого							
Купчиха, р. 1836 г.				Горюн, 5.40, р. 1838 г.			
Самка, р. 1830 г.		Безымянка, р. 1823 г.		Задорная, р. 1829 г.		Усан, 7.31, р. 1830 г.	
Лебедка, Хр. зав.	Неизвестный хреновский жеребец	Звезда	Старый Атласный	Корнаушка, Хр. зав.	Неизвестный хреновский жеребец	Селитра, д. Усана 2	Усан 2, Хр. зав.

РОДОСЛОВНЫЕ И ПОРТРЕТЫ НЕКОТОРЫХ ИЗ НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ШИШКИНСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Родословные шишкинских жеребцов как хреновского, так и чисто шишкинского происхождения, как равно и родословные их наиболее выдающегося потомства, подробно разбираются на соответствующих страницах «Введения» к тому I Государственной племенной книги (см. стр. 26–27, 32, 113, 130, 143 и др.).

Здесь мы считаем возможным ограничиться помещением портретов некоторых шишкинских родоначальников с приложенными к ним краткими родословными без особых комментариев к последним.

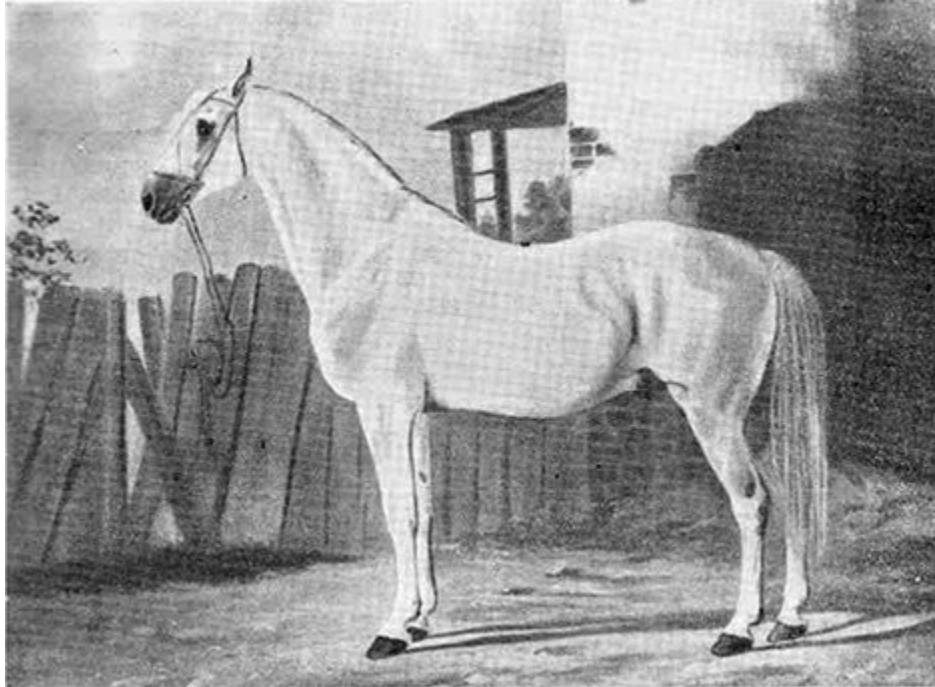
Серый Горноста́й и вороной Кролик были любимыми производителями В. И. Шишкина. Продав ряд других жеребцов из завода, этих двух Шишкин сохранял в заводе производителями в течение всего времени, пока существовал завод.

ГОРНОСТА́Й, сер., р. 1829 г.							
Дубрава, сер., р. 1825 г.				Горноста́й 4, сер., р. 1822 г.			
Проворная, сер., р. 1819-1820 г.		Уборный, кар., р. 1805 г.		Похвальная, вор., р. 1816-1817 г.		Лебедь 2, сер., р. 1815 г.	
Проворная, сер., д. Любезного 1, р. 1810-1812 г.	Добрый 2, р. 1810 г.	Кобыла б.к., вор., из Англии	Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Надежная, р. около 1804 г.	Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Догоняиха, гн., (д. Любезного 1), р. 1807-1809 г.	Лебедь 1, р. 1804 г.

Портрет Горноста́я, писанный Н. Г. Сверчковым в 1846 году, представляет нам очень породного жеребца прекрасного рысистого типа. Со всем тем, по отзывам современников, Горноста́й не был безупречно сух, имел дефекты в строении передних ног и был очень пылок и труден в езде. В заводе В. И. Шишкина Горноста́й дал рекордиста 40-х годов Дугина, 8.30 (4½ версты) — от своей полусестры Кривой, д. Горноста́я 4 — и целую серию выдающихся жеребцов-производителей.

КРОЛИК, 7.43 (4 в.), вор., р. 1832 г.							
Икунья, вор., р. 1825 г.				Безьянка, гн., р. 1823 г.			
Икунья, вор., р. 1814 г.		Добрый 3, рыж., р. 1817 г.		Звезда, гн., р. около 1815 г.		Старый Атласный, вор., р. 1812 г.	
Икунья, р. 1806 г.	Кролик 1, р. 1801 г.	Щедрая, р. 1808-1810 г.	Добрый 2, р. 1810 г.	Маска, р. 1796-1798 г.	Кролик 1, р. 1801 г.	Угрюмая, р. около 1795 г.	Мужик 1, р. 1803 г.

Вороной Кролик уступал Горноста́ю выраженностью рысистого типа и нарядностью форм, но превосходил его сухостью, а возможно и резвостью. Сам он показал хорошую резвость 7.43 — 4 в. в Воронеже, и среди детей были такие выдающиеся по резвости, как Кролик, 5.38, (И. Д. Ознобишина), и Собо́ль, 5.38, (В. П. Охотникова). На своеобразный экстерьер Кролика, повидимому, оказал влияние и тот жеребец из Бухарин, который приходился дедом Мужики 1. Черты сходства с азиатской лошадыю можно уловить в длинной кадыковатой шее, в несколько потянутой спине, в постанове и в отделе хвоста, и при всем том мы видим достаточную глубину корпуса, при крупе, хотя и спущенном, но более длинном, чем у карабаира.

Горноста́й, р. 1829 г., завода В. И. Шишкина. С картины Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.

*Горноста́й, р. 1829 г., завода В. И. Шишкина. С картины
Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.*

Кролик, р. 1832 г., завода В. И. Шишкина. С картины Н. Е. Сверчкова.
Музей коневодства ТСХА.

**Кролик, р. 1832 г., завода В. И. Шишкина. С картины
Н. Е. Сверчкова. Музей коневодства ТСХА.**

Благодаря любезности старшего зоотехника 1 Московского к/з тов. А. И. Попова, предоставившего в наше распоряжение экземпляр книги «Подробные сведения о конских заводах в России 1839 года», некогда принадлежавший В. И. Шишкину, мы могли сфотографировать собственноручные записи В. И. Шишкина о Кролике и о Соболе, сделанные им в книге.

Из приводимых факсимиле записей читатель может убедиться, как высоко ценил В. И. Шишкин резвость этих двух жеребцов, особенно Соболя, которого он вместе с М. Н. Долмановым считал лошадью, какие «родятся веками».

СОБОЛЬ, 5.38, вор., 1839 г.							
Удалая, гн., р. 1833 г.				Кролик, 7.43, вор., р. 1832 г.			
Машистая, кар., р. 1826 г.		Безьянка, гн., р. 1823 г.		Икунья, вор., р. 1825 г.		Безьянка, гн., р. 1823 г.	
Дура (Дурыня) р. 1817 г.	Полкан 3, р. 1817 г.	Звезда, р. 1815 г.	Ст. Атласный, р. 1812 г.	Икунья, р. 1814 г.	Добрый 3, р. 1817 г.	Звезда, р. 1815 г.	Ст. Атласный, р. 1812 г.

Однако «и сокол может прометнуться». Вся последующая история рысистой породы говорит о том, что по резвости и по типу своих детей и внуков лучшим из родившихся в заводе Шишкина жеребцов-производителей все же был не Кролик и даже не Горностай, но вороной Полкан, р. 1829 г., от Полкана 3 и Степенной, а его-то как раз и продал В. И. Шишкин еще жеребенком И. Н. Рогову.

Портрет замечательного роговского Полкана, рождения 1829 года, отца рекордиста Степенного, 5.39, Могучего, 5.41, Поспешного, Завидного и многих других, не сохранился, и для того чтобы дать представление об экстерьере Полкана, завода Шишкина, типичного, по отзывам всех современников, сына Полкана 3, мы отсылаем читателей к фотографии Полкана Н. А. Дивова (стр. 275), мать которого, Защита, является внучкой Поспешного и притом резко инбридирована на Полкана 3 (во II–III–IV–IV р. п.).

ПОЛКАН, вор., р. 1829 г.							
Степенная, г.гн., р. 1825 г.				Полкан 3, вор., р. 1817 г.			
Уборная, гн., р. около 1816 г.		Степенный 1, сер., р. 1811 г.		Нечаянная, кар., р. 1811 г.		Ловкий 1, сер., р. 1812 г.	
Воструха, р. 1800-1801 г.	Добрый 2, р. 1810 г.	Треножка, р. 180... г.	Кролик 1, р. 1801 г.	Амазонка, р. 1795-1796 г.	Кролик 1, р. 1801 г.	Дура, р. 1804-1806 г.	Лебедь 1, р. 1804 г.

Необходимо сказать несколько слов и об Усане В. И. Шишкина. Светлосерый Усан, происшедший от случки отца с дочерью, был жеребцом чрезвычайно любопытного экстерьера: сухой, породный, ближе к арабскому типу, с прекрасной головой и выразительными глазами, но в то же время очень длинный, на коротких ногах.

Если действительно Сметанка имел лишнюю пару ребер, то из всех его потомков скорее всего именно Усан шишкинский мог унаследовать эту особенность — через Усана 1 и через Неохотную, бабушку Усана 2, дочь Свирепого 1 и Просторной от Полкана 1.

УСАН, сер., р. 1830 г.							
Селитра, сер., р. 1825 г.				Усан 2, сер., р. 1817 г.			
Дура (Дурыня) р. 1817 г.		Усан 2, сер., р. 1817 г.		Досадная, сер., р. 1808 г.		Любезный 1, вор., р. 1794 г.	
Арфа, р. 180... г.	Лебедь 1, р. 1804 г.	Досадная, сер., р. 1808 г.	Любезный 1, вор., р. 1794 г.	Неохотная, р. около 1800 г.	Усан 1, р. 1802 г.	Гнед Коб., р. 1784-1786 г.	Барс 1, р. 1784 г.

В заводе Усан прославился в первую очередь рекордистом-дистанционером Горюном, 5.40, а затем из линии Усана вышли и многие другие выдающиеся производители; во главе их Павин (заводской жеребец у В. Д. Голицына) и Барс (заводской жеребец у В. Я. Тулинова).

Не только сыновья, но и внуки и даже правнуки Усана (Павин, Горюн, Друг, Любимец, Сорванец и др.) отличались необычайной длиной туловища.

Про Друга старожил Московского ипподрома С. И. Колесов писал: «Друг, сын Горюна и Купчихи, небольшого роста, светлосерая прекрасная лошадь, прошедшая тогда бег с 6 поворотами по песку в 5 м. 25 с., чего до того времени не делала ни одна лошадь. Мне казалось, что эта лошадь родилась в родоначальника орловского завода — Сметанку» [168].

В другом месте тот же Колесов сохранил ценное для нас сообщение, что «ход у всех лошадей усановой породы был не крутой, а пологий». Может быть, таким ходом выделялся и поражал современников и сам Сметанка?

Ближе к нашему времени исключительной коротконогостью и удлинённостью туловища отличался правнук Горюна, Заговоренок, 2.17, которого я лично видел в Елецком районе в 1918 году.

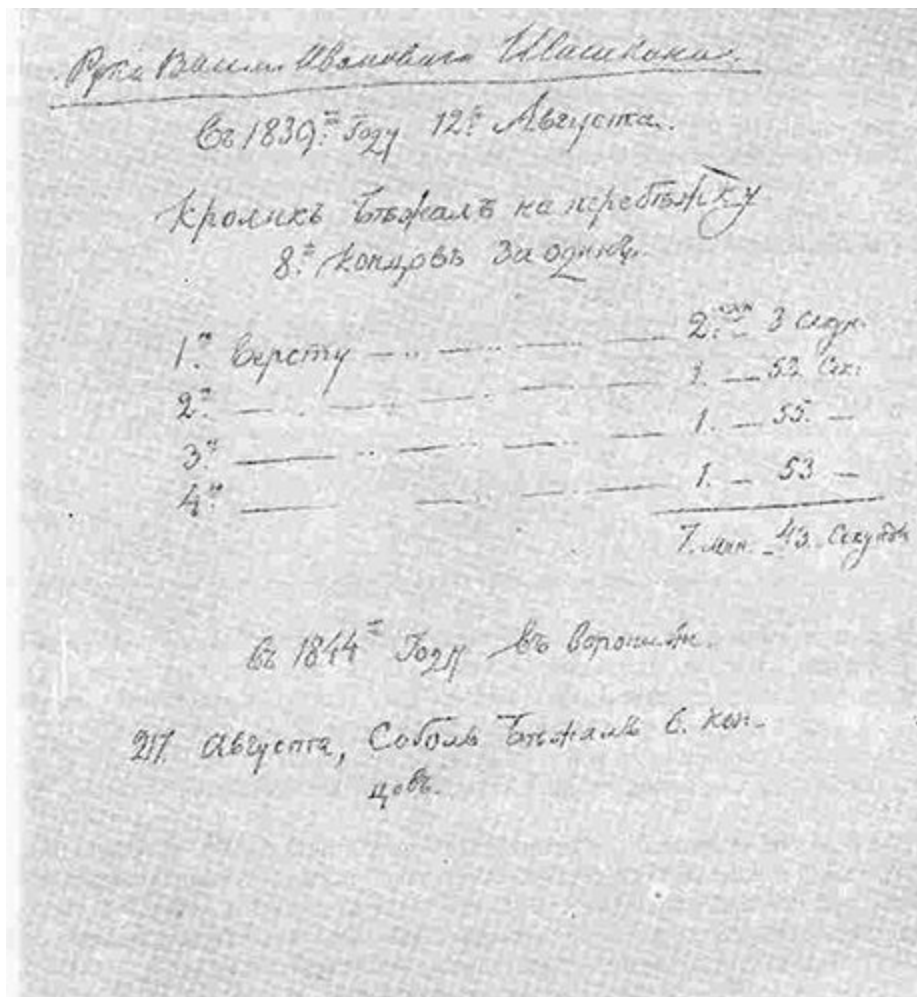
Правнучка Горюна, серая Потеря, 5.15, зав. И. Г. Афанасьева, дала рекордиста, серого Пылугу, 2.08⁴/₈. Хотя отцом Пылуги был

американский рысак Гарло, но он был «весь в мать», по отзыву всех его знавших.

В конце 1920-х годов ассистент профессора А. Ф. Климова С. М. Архангельская, исследуя скелет Пылюги, обнаружила наличие 19 спинных позвонков (при 6 поясничных).

Кроме упомянутых жеребцов, из завода Шишкина вышли еще десятки первоклассных бойцов ипподрома и производителей, во главе с такими, как Бычок (отец Петушка) и Молодецкий (отец Непобедимого Молодца 1, Непобедимого Молодца 2 и Молодецкого, завода И. А. Блохина).

С самого момента возникновения Лебедянских бегов в 1832 году, а затем Московских в 1834 году завод Шишкина занял безусловно доминирующее положение на ипподроме. Героями первых годов Лебедянского и Московского ипподромов были Бычок, 5.45, завода Шишкина, сын Молодого Атласного, и Лебедь 5.44, завода Воейкова, сын Атласного, завода Шишкина (Молодой Атласный — Любезная, д. Любезного 1).

Факсимиле записи В. И. Шишкина о беге Кролика.

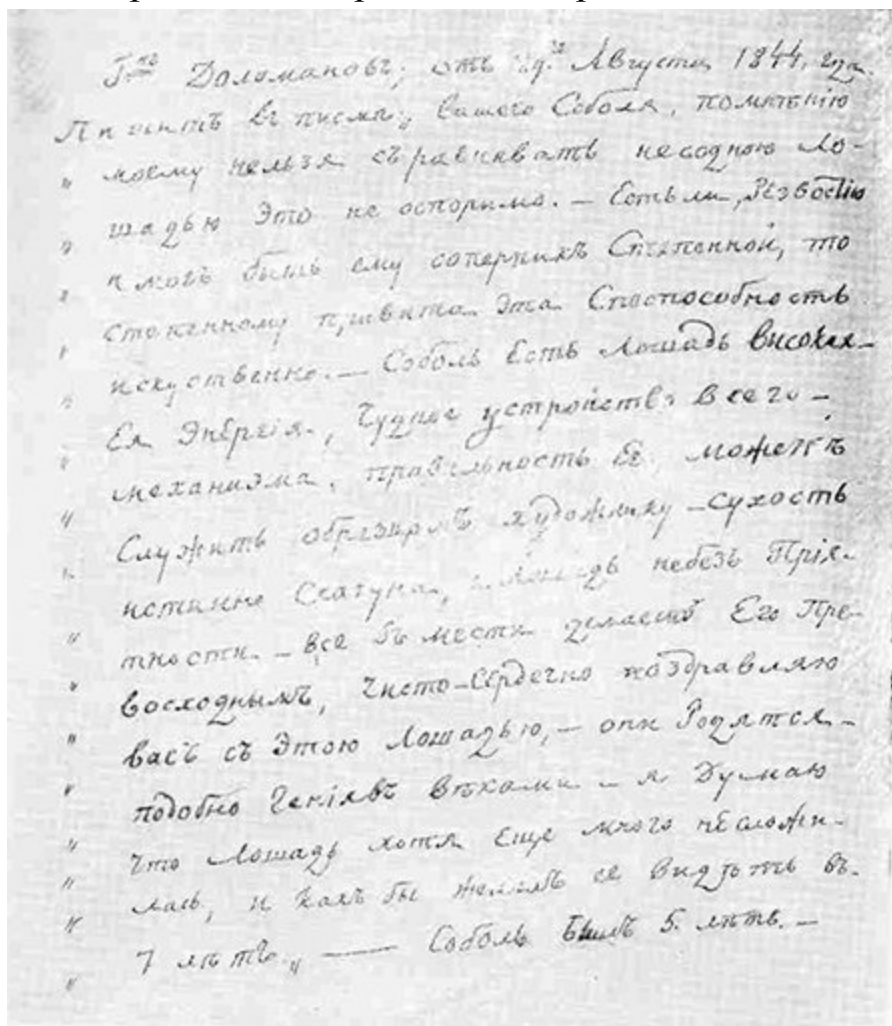
Факсимиле записи В. И. Шишкина о беге Кролика.

Поставивший рекорд Бычок был куплен у купца Н. Е. Смесо́ва, приведшего его в Москву, тут же немедленно после розыгрыша приза на Московском бегу за огромную сумму Д. П. Голохвастовым.

В гл. XXXI «Былого и дум» А. И. Герцен оставил нам колоритный рассказ о том, как приобретение Бычка «обрадовало и согрело последние десять лет» жизни Д. П. Голохвастова.

Что касается Лебе́дя, то он обогатил своего коннозаводчика В. П. Воейкова, который продавал братьев, полубратьев, сестер, полусестер, сыновей и дочерей Лебе́дя. Двадцать-тридцать лет спустя Воейков вспоминал: «Сидор Васильев (крепостной наездник. — В. В.) и Лебе́дь дали мне миллион».

В Музее коневодства Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева бережется гобелен, вытканый искусными крепостными мастерицами-коверщицами села Лавровки (В. П. Воейкова). На ковре изображен в натуральную величину Лебедь, запряженный в дрожки, а на дрожках Сидор Васильев.

Факсимиле записи В. И. Шишкина о Соболе.

Факсимиле записи В. И. Шишкина о Соболе.

За Бычком, 5.45, и Лебедем, 5.44, быстро последовали: Похвальный, 5.41, плеяда детей роговского Полкана (Степенный, 5.39, и др.), дети Усана (Горюн, 5.40, и др.), дети Кролика (Соболь, 5.38, и Кролик, 5.38), дети Горностая и т. д.

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОГО РЫСИСТОГО КОННОЗАВОДСТВА

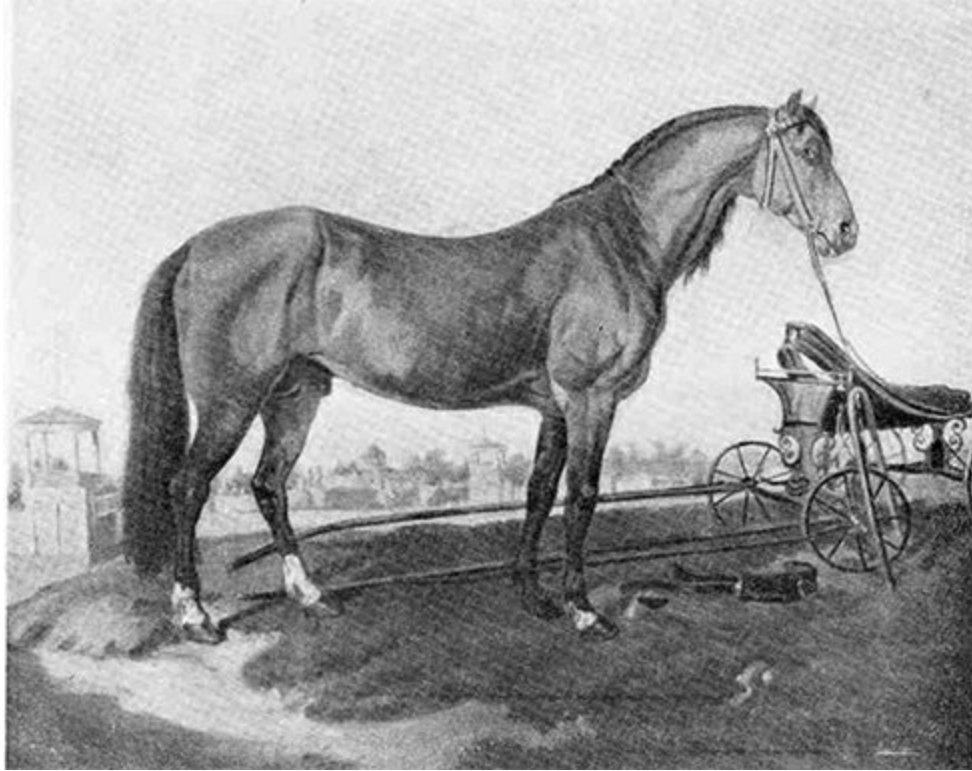
Порвав с Хреновским заводом и деятельно приступив к организации собственного конского завода, конкурирующего с Хреновским, Шишкин принял во внимание создавшуюся в связи с оживлением в ипподромном деле коннозаводскую ситуацию. Не задаваясь целью конкурировать с Хреновским заводом в отношении экстерьера своих лошадей (такая конкуренция, может быть, была бы заводу Шишкина и не под силу), он поставил себе определенную задачу — вывести рысаков, превосходящих хреновских соперников по резвости.

Эту задачу в своем заводе Шишкин разрешил блестяще.

Впечатление от побед шишкинских рысаков на ипподромах было потрясающее. Те секунды, которые представляются нам крайне скромными, современникам казались прямо каким-то откровением. До того времени никто и не представлял себе, что могут существовать рысаки подобной резвости. Для того чтобы правильно оценить эти секунды 5.45 — 5.40, надо припомнить условия, при которых они ставились: 4-колесный экипаж, тяжелые дрожки, исключительно крутые, чуть ли не вокруг столба, повороты и т. д. В настоящее время даже трудно сказать, какая должна быть сделана поправка на эти условия.

Непосредственным последствием этих побед и рекордов было то, что все крупные заводы, стремившиеся к ипподромным лаврам, спешили нарасхват покупать по рекордным ценам, до 30 000—36 000 рублей за голову, жеребцов-производителей из завода Шишкина.

Для будущего орловской рысистой породы ее выход при содействии В. И. Шишкина из стен Хренового на простор русского коннозаводства имел исключительное значение. Он предоставил породе возможности развития и совершенствования, обеспечил возрастание в ближайшие десятилетия контингента породы до тех нескольких тысяч голов, при которых существование породы может считаться упроченным.

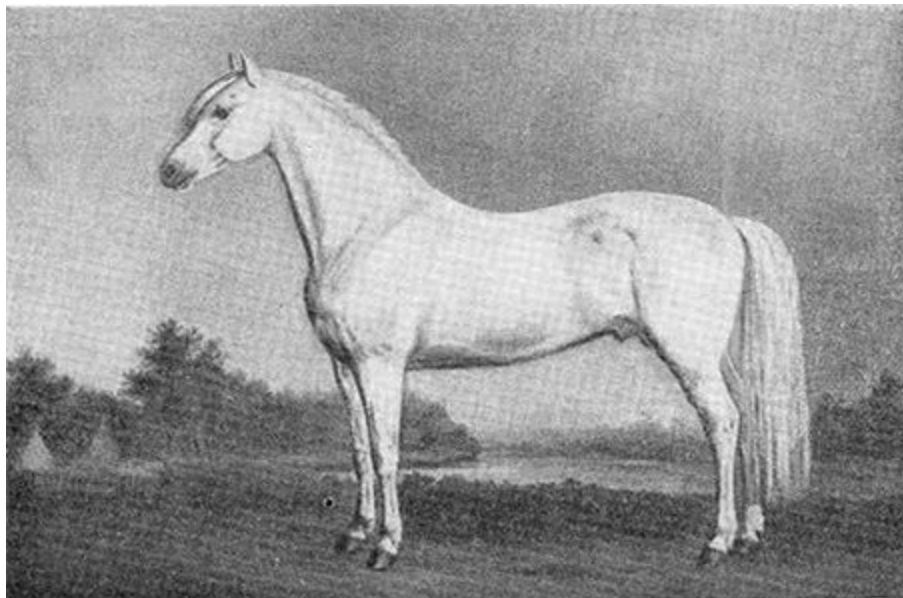
Бычок, р. 1821 г., завода В. И. Шишкина, после рекордного бега на Московском ипподроме. С картины И. Рауха (1836). Музей коневодства ТСХА.

Бычок, р. 1821 г., завода В. И. Шишкина, после рекордного бега на Московском ипподроме. С картины И. Рауха (1836). Музей коневодства ТСХА.

Свидетельство завода В. П. Воейкова.

Свидетельство завода В. П. Воейкова.

Усан, р. 1830 г., завода В. И. Шишкина.

Усан, р. 1830 г., завода В. И. Шишкина.

К 1850 году число рысистых конских заводов в России превысило 100). Эти заводы, разбросанные по всей стране, не только размножали и продвигали рысистую лошадь, но и, разводя ее в различных условиях природной среды и заводского режима, создавали богатство внутривидовых типов и линий, создавали сложную генеалогическую структуру породы, создавали и ту независимую от формальной генеалогии, неоднородность, которая вызывается мощным влиянием разнообразия окружающей природной среды и иными в каждом отдельном случае условиями жизни, создаваемыми человеком.

Одна и та же линия, например Безымянки шишкинского, даже при родственном разведении становилась одной в заводе Ознобишина Тамбовской губернии, и совершенно другой в заводе Охотникова, Воронежской губернии, третьей — в заводе Голицына Орловской губернии, и на всех их непохожей в заводах Блохина — и Нарышкина, Московской

Может быть, в иных случаях — в тех же заводах Блохина, Пушкина, Григорова, Соллогуба, Петрово-Соловово и других — даже некоторая «нечистопородность» этих заводов шла на пользу породы при тех условиях, когда результаты работы заводов сравнивались между собой и проверялись, рысаки тренировались и испытывались на ипподромах.

Эти же ипподромы и возбуждаемое ими стремление одержать верх на состязаниях вызывали необходимость издания племенных книг. Племенные книги читались, изучались. По ним старались проникнуть в секреты производства резвых рысаков коннозаводчики-соперники. Резвые ипподромные бойцы, а также ценные производители и матки чем дальше, тем чаще начинали переходить из рук в руки. Заводы все больше и больше переставали жить замкнутой жизнью.

Через посредство В. И. Шишкина могучее дерево рысистой орловской породы дало десятки, сотни, тысячи отводков — русских рысистых заводов, сетью которых покрылась вся страна.

В продолжение 10–15 лет, между 1830–1845 годом, все частное рысистое коннозаводство строилось на шишкинском фундаменте и построилось так основательно, что когда в 1845 году государство сняло запрет с хреновских жеребцов, последние смогли получить в частном коннозаводстве уже только сравнительно ограниченное значение.

О ПРИЧИНАХ РАСЦВЕТА ОРЛОВСКОЙ РЫСИСТОЙ И ГИБЕЛИ ОРЛОВСКОЙ ВЕРХОВОЙ ПОРОДЫ

Лишь теперь мы в состоянии выполнить данное читателям обещание осветить более подробно и всесторонне историю и судьбу орловской верховой породы, ту коневодческую обстановку и те причины, которые вели и привели к гибели орловскую верховую породу в те самые годы и десятилетия, когда орловская рысистая порода уверенно вступала в полосу количественного и качественного роста.

Объяснение судьбы, постигшей орловскую верховую лошадь, не может быть сведено к плохой племенной работе верхового отделения Хреновского завода после 1831 года. Снимать печать бесталанности с хреновской администрации 30—40-х годов мы не собираемся, да и не смогли бы этого сделать, если бы и захотели. Неумелая работа Седина и. Кремешного в верховом отделении привела к уменьшению численности лошадей, к сокращению числа линий и к ухудшению качества их; финал хозяйничания Седина в чистокровном отделении был еще более печальный — полная ликвидация, хотя здесь и не возникало никаких трудностей селекционного порядка, никакой опасности замкнуться в родственном разведении. Однако те же

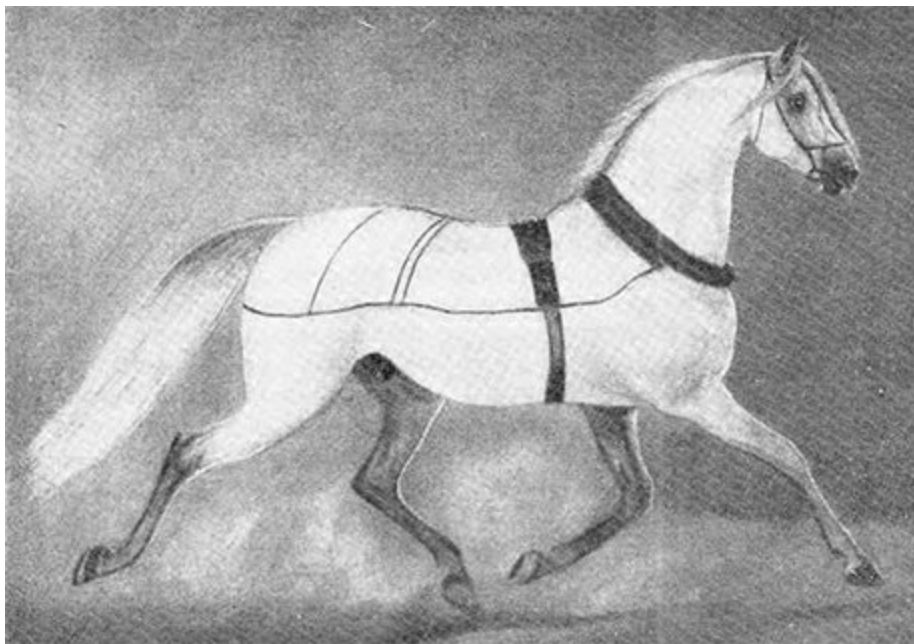
бесталанные администраторы хозяйничали и в рысистой отделении, и опасности замкнутой работы в рысистой отделении были не меньшие, чем в верховом, и все же орловский рысак не погиб, а орловская верховая порода погибла.

Необходимо раньше всего проверить, не потому ли не уцелела орловская верховая лошадь, что работа с ней велась только в одном Хреновском заводе, в то время как работа с рысаком не замкнулась в Хреновом и вышла из стен завода на широкий простор.

В действительности дело обстояло не так, а скорее как раз наоборот, т. е. с этой точки зрения подходя к фактам истории коннозаводства, мы видим, что орловскому рысаку угрожали большие опасности.

Верховая порода образовалась раньше рысистой. Был момент, около 1820–1825 годов, когда верховых орловских лошадей в государственных и частных заводах России было много, а рысистых мало. Уже начиная с десятилетия 1800–1810 годов, верховые русские заводы имели в своем составе и орловских жеребцов и орловских кобыл, а в заводах рысистого направления орловских производителей не было, и хреновских кобыл приходилось крыть не рысистыми жеребцами.

До 30-х годов число рысистых заводов в России можно было пересчитать по пальцам. Более того, почти каждый возникавший рысистый завод, начиная с завода В. И. Шишкина, имел и отделение орловских верховых лошадей. Те же самые лица, те же самые коннозаводчики вели работу на двух фронтах коннозаводства, а результат получился совсем разный.

Лебедь (В. П. Воейкова) на ходу. С картины Н. Е. Сверчкова.

***Лебедь (В. П. Воейкова) на ходу. С картины
Н. Е. Сверчкова.***

Приведем список виднейших коннозаводчиков 30—40-х годов, о которых доподлинно известно, что они имели или целые заводы или отделения верховой орловской породы.

Вот этот список: В. И. Шишкин, В. Н. Резцов, В. П. Воейков (в 1837 году имел 86 голов «верховых арабских завода А. А. Орловой-Чесменской»), Д. П. Воейков (в 1837 году — 66 голов), А. П. Беляков, П. Я. Охотников, А. А. Болдырев, А. И. Гендриков, С. В. Лисаневич, П. Я. Савельев, М. Ф. Рахманов (в 1837 году — 42 головы), Ф. А. Хвощинский, Ф. И. Лодыженский (на 15 заводских маток), В. Д. Задонский (43 ГОЛОВЫ), П. П. Бессонов (60 голов), С. С. Селезнев, Д. И. Баранчеев, Р. М. Шидловский, А. И. Сабуров, А. В. Жихарев и, наконец, после 1845 года, когда распались заводы А. А. Орловой и В. И. Шишкина, значительные верховые отделения образовались и в отпочковавшихся заводах А. Б. Козакова, А. Ф. Орлова и В. П. Охотникова.

Все эти заводы оставили по себе след и память в рысистом коннозаводстве, а где след их работы в верховом?

Теперь прибавим к нашему списку заводы уже чисто верхового направления, раньше всего такие, как И. В. Станкевича,

Д. И. Кондратьева, К. П. Шуринова (в 1837 г. — 168 лошадей породы завода Орловой-Чесменской), — об этих мы еще кое-что знаем понаслышке; а вот заводы Д. П. Бутурлина (214 голов лошадей из заводов А. А. Орловой-Чесменской и Ф. В. Ростопчина), Ю. М. Виельгорского, Н. Ф. Рожанского (45 голов). Д. А. Хилкова, А. Х. Бринкена, Н. Н. Тимофеевой, К. А. Александрович, В. А. Воронова, Я. П. Янова — про них мы только и можем сказать словами поэта: «что в имени тебе моем!»

Таким образом, не всегда порода сохраняет и спасает то обстоятельство, что она уже насчитывает тысячи голов, что работа с ней ведется в десятках заводов — от Херсонской и Екатеринославской до Московской и Ярославской губерний. Опасности «замкнуться в кольце родственного разведения» уже не существует, и условия жизни в этих многочисленных хозяйствах создаются, надо полагать, самые различные, чем поддерживается достаточное внутривидовое разнообразие типов и линий, и все же порода идет неудержимо к гибели.

Та или иная методика и техника разведения ничему не могут помочь, если экономика конепроизводства говорит свое властное слово, накладывает запрет на развитие определенной отрасли.

Мы уже много раз говорили о том, что развитие верхового коннозаводства в России было тесно связано с запросами обороны страны. Армия являлась основным заказчиком и потребителем лошадей верхового сорта. В годы войн, сменявших друг друга во второй половине XVIII и в начале XIX столетия [с Пруссией, Швецией (2 войны), Польшей (3 войны), Турцией (4 войны), Персией (2 войны)], и, в особенности, в десятилетие войн с Наполеоном (1805–1815 гг.), кавалерийские части требовали для своего пополнения сотен тысяч лошадей. Верховые конские заводы легко и выгодно сбывали всю свою продукцию. Число и размеры конских заводов все увеличивались. Общее количество маток в заводах достигало к 1814 году свыше 220 ТЫСЯЧ голов.

В 30-х годах XIX века войны почти прекратились. Ежегодный ремонт конского состава армии не составлял и $\frac{1}{5}$ доли по сравнению с военными годами. Спрос далеко отставал от предложения. Перепроизводство лошадей верхового сорта в заводах давало себя чувствовать с каждым годом все сильнее. Верховые заводы вступили в полосу затяжного кризиса.

Крупные заводы стали своим хозяевам приносить крупные убытки. Помещики начали или закрывать их или резко сокращать их размеры. Из ведущей отрасли во многих помещичьих хозяйствах коннозаводство превращается в подсобную. Общее количество конских заводов в стране первое время еще не уменьшается, но производственная мощность их падает.

Обозначившееся наступление кризиса верхового коннозаводства хотя и неполно, но достаточно ясно отражает сельскохозяйственная статистика конца 30-х годов. По официальным статистическим сведениям, собранным в 1837 году, плодовый состав всех конских заводов насчитывал всего 174 тысячи кобыл, или на 20 % меньше, чем в 1814 году. Средний размер одного конского завода уже не 165 маток, а всего 43 заводские матки.

Если число кобыл в конских заводах падает к 1837 году по сравнению с 1814 годом на 50 тысяч голов, то общее количество лошадей, содержащихся в заводах, оказывается к 1837 году на 200 тысяч голов больше. Иными словами, лошади не имеют сбыта, готовая продукция затоваривается.

В следующие два десятилетия — 1837–1857 годы — кризис, переживаемый верховым коннозаводством, или, точнее, коннозаводством в силу его верхового направления, обостряется.

Происходят массовые распродажи уже не только крупных, но и средних и мелких конских заводов. Наблюдается свертывание самой отрасли.

Если на 1837 год подсчет по 4 082 конским заводам России дал цифру 174 301 голова кобыл-маток, то подобные же официальные статистические сведения Главного управления коннозаводства на 1857 год констатируют, что к этому времени конские заводы сохранили едва 45 % от маточного состава 1837 года (или 35 % от маточного состава 1814 года). Убавилось на $\frac{1}{3}$ самое число заводов.

Помещаем краткую сводную таблицу, составленную на основании статистических сведений 1814, 1837 и 1857 годов.

Год	Общее число конских заводов	Жеребцов-производителей в них	Заводских маток в них	Средний размер одного конского завода (число заводских маток в одном заводе)
1814	1339	22146	221 584	165
1837	4 082	22 235	174 301	43
1857	2 774	9 382	78 869	28

В опубликованном «Отчете по управлению Государственного коннозаводства за 1857 год» был дан по своему времени не плохой анализ обстановки и обстоятельств, повлекших за собой падение верхового коннозаводства в десятилетия, предшествовавшие 1861 году, когда уже назревала неизбежность капиталистической перестройки

сельского хозяйства России. Приводим некоторые характерные выписки из отчета.

«В конце прошлого и начале нынешнего столетия коннозаводство было любимым занятием богатых помещиков. Тогда славились заводы, производившие в особенности отличных верховых и ремонтных лошадей, как-то (приводится длинный список заводов — В. В.). Коннозаводство было, так сказать, любимой промышленностью владельцев. Открытие заводов обращалось в щегольство: одни учреждали их, как охотники, со знанием дела и пользы, от него истекающих, другие из подражания... Содержание заводов было не так дорого, сбыт ремонтных лошадей был удовлетворителен...

Между тем, с водворением мира во всей Европе, наука и заботливость об извлечении возможных выгод из поземельной собственности и капиталов породили множество важных открытий для земледелия и торговли. Товарищества, общества на паях, на акциях, стали возникать все с одною целью: сотворить богатство как можно скорее. Это не могло остаться без влияния на отечественное коннозаводство, тем более что и самое содержание лошадей, с постоянным возвышением ценности на овес и фураж, представляло уже менее выгод.

...Действительно многие или оставили в забвении свои конские заводы, или, продавая их другим, стали заниматься преимущественно разведением тонкошерстных овец, учреждением свеклосахарных заводов и разных фабрик, обращая на них капиталы, употреблявшиеся прежде на коннозаводство. Многие также продавали и свои поместья и конские заводы для того, чтобы обратить их в наличный капитал и пустить его в оборот».

Тот же самый отчет отмечает и еще один момент, чрезвычайно важный для понимания истории русского коннозаводства: орловская рысистая порода оставалась не затронутой кризисом 40—50-х годов. Отчет констатирует, что в то время, как верховые заводы, хотя бы и чистокровных лошадей, «не могут представлять владельцам выгоды посредством сбыта для общего употребления», рысистые конские заводы «постепенно увеличиваются от усиления требований на хороших рысистых лошадей».

И действительно, уже к 1850 году число частных рысистых заводов было свыше 100. Рысистая лошадь в России находила себе обширное и

многостороннее применение, и в 40—50-е годы производство ее отставало от спроса. Средние цены на рысистых лошадях в несколько раз превышали цены на верховых.

Так, в период между 1841—1857 годами из государственных конских заводов было продано 8 487 голов верховых лошадей на общую сумму 599 373 рубля. Таким образом, средняя продажная цена верховой лошади была около 70 рублей серебром. И в эти же годы средняя цена продаваемых из Хреновского завода рысаков составила за кобылу 361 рубль, а за жеребца 789 рублей серебром, причем лучшие жеребцы не поступали в продажу, а оставались для заводов и заводских конюшен.

Бег троек на Неве. С гравюры 1850-х годов.

Бег троек на Неве. С гравюры 1850-х годов.

В полном соответствии с общей рыночной конъюнктурой мы наблюдаем в 30—40-х годах ту картину, что во всех без исключения конских заводах смешанного направления рысистое отделение из года в год расширялось, а верховое — сокращалось или даже и вовсе уничтожалось. Этот процесс легко прослеживается даже в Хреновском заводе, начиная с 1824 года, а тем более в заводах Шишкина, Тулинова, Воейкова, Рахманова, Кутайсова и многих других.

	Верховое отделение		Рысистое отделение	
	число жеребцов	число маток	число жеребцов	число маток
Хреновской завод				
1824	38	337	24	267
1837	12	164	25	323
Ивановский завод И. П. Кутайсова				
1827	35	120	16	55
1837	3	35	?	78

Итак, раньше всего в экономике конепроизводства, а не в том что одна порода была лучше, а другая хуже, и не в том, что одна порода нашла выход в другие частновладельческие конские заводы, а другая будто бы не нашла его, следует искать объяснения различной в дальнейшем судьбы двух одинаково прекрасных — каждая в своем роде — отечественных пород, созданных в Хреновском заводе.

В силу сложившейся в период 40—50-х годов экономики конепроизводства орловская рысистая порода находила условия для своего распространения, размножения и совершенствования, орловская верховая их не находила.

Арабская лошадь в эти годы делила с орловской верховой ее судьбу, часть чистокровных лошадей была, пожалуй, еще хуже.

Тот же отчет за 1857 год отмечает: «Кроме лучших немногих производителей, оставляемых для заводского дела, остальные скаковые кровные лошади действительно сбываются за бесценок и, не соответствуя по большей части формами своими потребностям верховых заводов, поступают в тройки и тому подобное низшее употребление».

После 1861 года почти все чистокровные заводы России прекратили свое существование, и лишь в 1880-х годах чистокровное коннозаводство нащупав золотую жилу — тотализатор, начало восстанавливаться и расти за счет усиленного ввоза чистокровных лошадей из-за границы, так как своих чистокровных лошадей было к началу 80-х годов в заводах России не больше, чем орловских верховых и ростопчинских.

В 60-х и 70-х годах разведение орловской верховой лошади продолжалось лишь в 10–12 небольших любительских заводах. В противоположность тому правильному режиму выращивания, которого когда-то придерживалось Хреновое, мы уже нигде в заводах не

находим систематической выездки орловских верховых лошадей и каких бы то ни было испытаний — хотя бы в манежной или полевой езде.

Не было испытаний, не было и печатных племенных книг, не было и возможностей правильного отбора, не было и постоянного соревнования сравнения и совместной работы многих коннозаводчиков, направленной к совершенствованию качеств породы.

Внешнюю блескостность, условную красоту орловская верховая лошадь сохранила, но ее внутренние качества, ее работоспособность понижались из поколения в поколение, и к концу XIX века последние представители орловской верховой лошади — и орловоростопчинской, — хотя иногда и 5 6-вершковые, выродились в типичных «парадёргов».

При обстановке, сложившейся в верховом коннозаводстве уже к началу 40-х годов, сохранить отечественную верховую породу как необходимый племенной резерв верхового коневодства, спасти и даже улучшить ее могло бы только государство в своих конских заводах.

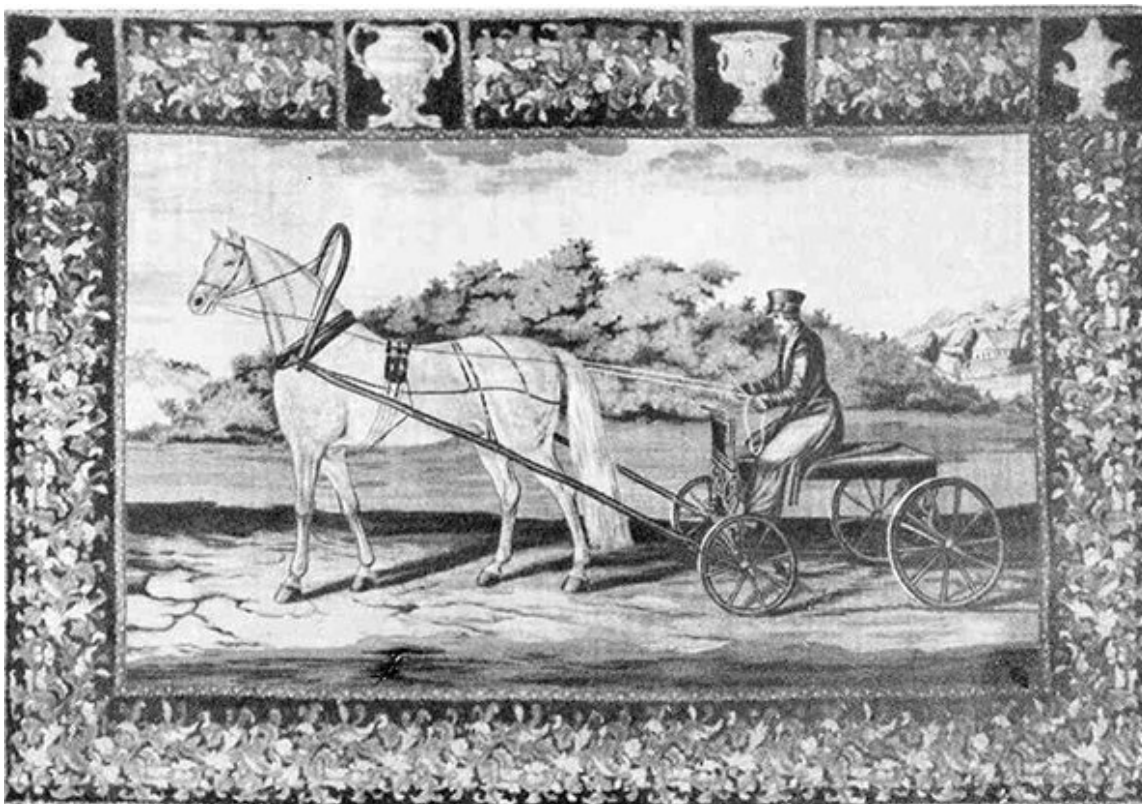
Дореволюционное ведомство государственного коннозаводства не сумело этого сделать. Нам теперь ясно, что ничего нельзя было достичь, замкнув работу с породой в стенах одного лишь Хреновского завода, да и там еще проводя разнообразные скрещивания то с ростопчинской лошадью, то с чистокровной.

Если бы в государственные конские заводы были куплены в полном составе, кроме завода А. А. Орловой, еще хотя бы три-четыре крупных частных завода орловской верховой лошади из числа распроданных в 40-х годах; если бы, кроме Хреновского завода, еще хотя в двух-трех конских заводах — Деркульском, Стрелецком и др. — были организованы отделения верховой орловской породы; если бы те же орловские жеребцы и кобылы, которые уже имелись, не были бы, начиная с 30-х годов, брошены в разные скрещивания; если бы при этом во всех государственных конских заводах строго выдерживались «орловские» требования к орловским лошадям (правильный тренинг и кормление, упражнения и испытания, и т. д. и т. д.), — тогда можно было бы надеяться на то, что созданная порода не погибнет, а сохранится и будет совершенствоваться.

Но все эти «если бы» были невозможны при капиталистическом строе, непостижимы и недостижимы для дореволюционного

коннозаводства.

Лишь плановое социалистическое хозяйство дает все возможности плановой племенной работы в животноводстве, при которой не только создаются все новые и новые ценные отечественные породы животных, но и создаются для выведенных пород все условия, конкретно необходимые для их дальнейшего существования и совершенствования.

Лебедь, р. 1829 г., завода В. П. Воейкова. Ковер работы крепостных мастериц. Музей коневодства ТСХА.

Лебедь, р. 1829 г., завода В. П. Воейкова. Ковер работы крепостных мастериц. Музей коневодства ТСХА.

Глава IX

ПЕРЕХОД ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА В ВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В 1845 ГОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КОННОЗАВОДСТВО В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Теперь мы вплотную подошли к 1845 году, знаменательной дате в истории Хреновского конского завода, к тому моменту, когда, пробыв почти три четверти столетия во владении Орловых, Хреновской завод переменял хозяина, был куплен царским правительством и перешел в ведомство государственного коннозаводства.

Часто описывалось это событие, но никогда не пытались дать ему объяснение, вскрыть те мотивы, которые вызвали этот переход, доказать его обусловленность рядом факторов сложившейся в те годы коннозаводческой обстановки.

Здесь нам совершенно необходимо будет сделать небольшое отступление на тему о том, что же собою представляло то ведомство, куда теперь переходил Хреновской завод, каковы были цели, методы и программа его работы, какие учреждения имело оно в своем распоряжении и как оно в них хозяйничало. Тогда, с одной стороны, мы поймем, почему оно добивалось и добилось овладения Хреновским заводом, а с другой — какая будущая судьба была уготована этому заводу в новых руках.

Что представляло собой государственное коннозаводство в первой половине XIX века? Чтобы понять это, необходимо все время помнить, что, подобно государственному коннозаводству многих стран Запада, оно выросло прежде всего на почве запросов двора и кавалерии, а не на почве осознанных коневодческих потребностей страны в целом, Поэтому не только мероприятия по коннозаводству предшествовали исторически каким бы то ни было, хотя бы и самым скромным начинаниям в области коневодства, но и на всем коннозаводстве лежал особый отпечаток.

Советскому гражданину трудно представить себе ту отчужденность от народа, в какой жили государственные и царские дворцовые заводы: XVIII и XIX веков. Отношение свое к ним народ отразил в пословице: «Хорошо Хорошово, да не наше — цареву» [169].

Дворцовое ведомство требовало лошадей разных сортов для разнообразных и многочисленных выездов и разъездов двора; армия и особенно гвардия нуждались в лошадях верхового и артиллерийского сорта. Поскольку лошадей для придворного ведомства и для армии в должном количестве нельзя было добыть в стране путем покупки из частных заводов, постольку эта задача возлагалась на особое ведомство под разными наименованиями.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАПРОСОВ ДВОРА И АРМИИ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОННОЗАВОДСКОГО ВЕДОМСТВА НАЧАЛА XIX ВЕКА

В продолжение целого столетия, до сороковых годов XIX века задачей коннозаводского ведомства было обеспечивать двор и армию ежегодными ремонтами — и только. Для достижения этой цели путь избирался всегда один содержались конские заводы, с поголовьем маток, достаточным по расчету для ежегодного ремонта. Заводы эти, которые так и назывались: придворные и военные, преследовали таким образом отнюдь не цели создания племенной лошади, но лишь нужной двору и армии пользовательной

Особенное значение придавалось заводам военным. В 1819 году управление ими было даже выделено и передано особому Комитету об управлении военно-конскими заведениями. В его ведение перешли шесть конских заводов: Починковский, Скопинский, Деркульский, Стрелецкий, Лимаревский и заново организованный Алексеевский (Ново-Александровский). В этих заводах было 2 600 маток, а всего 9 420 лошадей всех возрастов. Ежегодная смета заводов составляла более 750 тысяч рублей.

Назначением этих заводов было поставлять ремонт гвардейской кавалерии и артиллерии. Кроме них, существовало еще не менее 10 заводов военных поселении при кавалерийских округах.

Управление же дворцовыми конскими заводами (Хорошовский, Бронницким, Гавриловским и др.) было поручено придворному ведомству.

Функции Комитета об управлении военно-конскими заведениями постепенно расширялись. В 1826 году были открыты первые две «сводные случные конюшни», число которых, постепенно увеличиваясь, достигло 7 к 1839 году. Старое название Комитета оказалось слишком узким и с 1833 года он был переименован в Комитет о коннозаводстве российском.

КОМИТЕТ О КОННОЗАВОДСТВЕ РОССИЙСКОМ

Председателем его был Н. А. Лунин, он же президент Лебедянского общества с момента его основания, секретарем небезызвестный Н. В. Граевский, редактор «Подробных сведений» 1839 года и Заводской книги 1854 года.

Деятельность этого Комитета представляет собою любопытную страничку и в истории русского коннозаводства. В ней, как в капле воды, отразилась вся эпоха николаевщины, с ее всезнающим, всевидящим и всемогущим оком начальства, претендующим на мелочный, бюрократический и полицейский надзор в порядке осуществления «Благодетельной» опеки начальства. Все управление военно-конскими заводами и случными сводны и конюшнями Комитета о коннозаводстве было построено по военному образцу. Все шло по струнке и по ниточке. Все учреждения обслуживались откомандированными в распоряжение Комитета из рядов войск нижними чинами.

Хотя Комитет и не числился по военному ведомству, но ряд «высочайших приказов», данных по военному министерству, он считал для себя обязательным и препровождал по своим подведомственным учреждениям к сведению и руководству. В числе других приказов в 1837 году по учреждениям Комитета о коннозаводстве — военно-конским заводам и случным сводным конюшням — был разослан следующий любопытный, почти анекдотический приказ, достойный того, чтобы войти даже в популярные книги по истории быта николаевской эпохи. Приводим его полностью.

ПРИКАЗ ВОЕННОГО МИНИСТРА

Москва. Ноября 15-го дня 1837 года № 115

Государь Император изволил заметить, что некоторые из Г.г. Военно-служащих дозволяют себе иметь на голове весьма длинные волосы, и причесывают их или даже завивают, подражая всем

прихотям новых, странных обычаев, нередко из-за границы к нам достигающих.

Его Императорское Величество, находя неприличным допускать это в войсках, Высочайше повелеть изволил, вменить в непременную обязанность всем Г.г. Воинским Начальникам, строго наблюдать: дабы ни у кого из подчиненных их не было никакой прихотливости в прическе волос, чтобы вообще волоса были стрижены единообразно, и непременно так, чтобы спереди на лбу и на висках были не длиннее вершка, а округ ушей и на затылке гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа на лево. Из сего изымаются только Казачьи войска, в коих собственно нижним чинам дозволяется попрежнему стричь волосы на голове, по Русскому простонародному обыкновению, в кружок.

Вместе с тем, Его Величество изволили повелеть не допускать никаких странностей и в усах и в бакенбардах, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а последние, ежели не сведены с усами, то также не ниже рта, выбривая их на щеках против онаго.

В таковой Монаршей воле объявляется по Военному Ведомству, к точному и непременному исполнению.

подписал: *Генерал-Адъютант Граф Чернышев*

В этом документе отражается весь николаевский режим. Лозунгом николаевской эпохи было не допускать «никакой прихотливости», хотя бы и в прическе, требовалось единообразие не только мыслей, но и стрижки волос, даже приглаживать их обязаны были только лишь справа налево.

СВОДНЫЕ СЛУЧНЫЕ КОНЮШНИ

Открытые в 1826–1843 годах сводные случные конюшни, как земля от неба, отличались от заводских конюшен нашего времени, предназначенных для обслуживания массового коневодства. Сводные случные конюшни были организованы в интересах не коневодства, но коннозаводства, или точнее сказать, в интересах частных коннозаводчиков и помещиков. В каждой конюшне находилось пять-шесть жеребцов-производителей, по большей части высокого класса и ценности. Так, например, в 1837 году в составе Московской сводной случной конюшни находились жеребцы:

2 чистокровных: Миддльтон (победитель Эпсомского дерби),
Бирмингам (победитель Ст. Леджера),

1 голландский — Аполло,

1 английский каретный — Адмирал,

1 арабский — Худдер.

Плата за случку с ними кобыл колебалась в пределах 50—100 рублей. Случить кобылу с одним из этих жеребцов было, однако, далеко не простым и легким делом. Простого заявления о том, или хотя бы предварительной записи, было мало. Необходимо было заблаговременно подать особые ходатайства в Комитет о коннозаводстве с точными указаниями клички, породы, качеств кобылы. Комитет разбирал поданные на жеребцов всех сводных конюшен заявки и имел право безапелляционного решения. Тем владельцам, ходатайства которых удовлетворялись, выдавались именные свидетельства на право производства случки следующего образца: «По желанию Вашему и по расчету учиненному в Комитете о коннозаводстве Российском кобылы Ваши имеют быть случены:

1) с жеребцом Миддльтоном — кобыла от приметы;

2) с жеребцом Худдером — кобыла от приметы.

Этим, однако, не заканчивались мытарства и препятствия на пути владельца, возымевшего желание случить свою кобылу с жеребцом сводной конюшни. Каждая конюшня имела своего «попечителя» — таковым по Московской конюшне был известный коннозаводчик Ф. С. Мосолов, своего «смотрителя» — в Москве имелся такой «господин в должности смотрителя Московской сводной конюшни англичанин Гомфре».

Когда приходили приведенные из далеких имений и заводов кобылы, Гомфре представлял их на осмотр «попечителю», и тут только решался окончательно вопрос, быть или не быть кобыле слученной с жеребцом сводной конюшни. Сохранилась, например, в архивных документах Хреновского завода такая резолюция Мосолова: «по свидетельству за № ... серую кобылу случить с Худдером (если она здорова), бурую же ни с кем не случать» — кобыла была признана того недостойной и ей предстояло отправиться обратно домой, за несколько сот километров.

Если таковы были препоны и рогатки на пути частных коннозаводчиков, пожелавших иметь дело с казенным ведомством, то

можно себе легко представить, под какой многообразный и сложный контроль была взята деятельность учреждений самого ведомства, какую сеть предписаний, указаний, распоряжений, рапортов, донесений, отчетов и прочих формальностей были опутаны они по рукам и ногам. В архивных материалах, сданных впоследствии из сводных конюшен в Хреновской завод, одни только стереотипные по форме донесения о благополучном состоянии случной конюшни занимают целые кипы. При этом «благополучное состояние» понималось в очень строгом смысле слова: если, например, у жеребца случной конюшни появилась трещина копыта, то уже о состоянии сей трещины еженедельно докладывалось в Петербург и заводилось особое канцелярское дело (см. дело № 13, 1834 г., Елецкой сводной конюшни, «о треснувшем копыте жеребца Элеганта»).

НАЗРЕВШАЯ К 40-м ГОДАМ НЕОБХОДИМОСТЬ РЕОРГАНИЗАЦИИ КОМИТЕТА

Почти 25 лет продолжалась «благополучная» деятельность Комитета, пока правящие круги не осознали, что как в коннозаводстве российском, так и в самом Комитете дело обстоит совсем неблагополучно, настолько неблагополучно, что прежняя работа Комитета, направленная на производство ремонтной лошади в государственных конских заводах, попросту теряла всякий смысл.

За эти 25 лет частное коннозаводство давно успело залечить раны военного времени и, оправившись, стало предлагать ремонтных лошадей в любом количестве по ценам, значительно более дешевым, сравнительно со стоимостью производства ремонтной лошади в государственных конских заводах.

С другой стороны, выяснилась с очевидностью необходимость приступить к качественному поднятию коневодства во всей стране, т. е. вступить на тот путь массовых мероприятий, на который вступали одно за другим почти все государства Западной Европы. А условием такой работы являлись раньше всего наличие известных племенных ресурсов, сосредоточенных в руках государства и позволяющих вести работу в том направлении, о котором раньше очень мало думали.

В 40-х годах аграрный и крестьянский вопросы стали центральными вопросами внутренней политики. Не случайность, что в

эти именно годы в поле зрения ведомства государственного коннозаводства впервые вошло коневодство крестьянское.

Нельзя не отметить незначительные с виду, но чрезвычайно характерные детали. Инициатива преобразований в коневодстве исходила не от ведомства государственного коннозаводства, а непосредственно из недр секретного комитета по крестьянскому вопросу председатель которого, министр государственных имуществ П. Д. Киселев, представил Николаю I в декабре 1842 года докладную записку «об улучшении коневодства во всем государстве».

УКАЗЫ 1843 ГОДА: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНСКИХ ЗАВОДОВ В ПЛЕМЕННЫЕ РАССАДНИКИ

Годом официальной перемены курса в области коннозаводства и коневодства является 1843 год. Указ от 7 января 1843 года гласит: «Императорские военно-конские заводы со всеми их способами предназначить для улучшения коннозаводства в государстве», т. е. впервые указывалось государственным заводам их настоящее назначение. Отныне они должны были стать рассадниками, производящими племенных лошадей-улучшателей, а не пользовательных — ремонтных лошадей ^[170]. Одновременно ликвидировались и все конские заводы кавалерийских округов.

После указа от 7 января вскоре последовал указ от 8 марта 1843 года «О нормальном расписании состава земских случных конюшен», предусматривавший организацию 24 земских случных конюшен с составом по 60 жеребцов в каждой, предназначенных для вольной общественной случки. Как мы видим, и назначение и масштаб этого мероприятия делает его в корне отличным от влачивших жалкое существование сводных случных конюшен с пятью жеребцами в каждой.

Третьим указом того же года был указ от 10 апреля 1843 года, создавший вместо Комитета о коннозаводстве российском Управление государственного коннозаводства, призванное проводить новую коннозаводскую политику.

На первых же шагах своей деятельности новое управление должно было неминуемо столкнуться с большими трудностями при

разрешении вопроса, как переформировать заново все конские заводы, как организовать и укомплектовать лошадьми 24 конюшни [\[171\]](#).

ПОЧЕМУ ВСТАЛ ВОПРОС О ПРИОБРЕТЕНИИ В КАЗНУ ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА

Сравнительно легко было переформировать верховые конские заводы, создать рассадники чистокровной английской, арабской, — восточной и других пород. Недостающее количество производителей верхового сорта для заводских конюшен можно было также еще пополнить путем закупок у частных коннозаводчиков. Что же касается производителей упряжного, сельскохозяйственного и рабочего сорта, то в распоряжении государства не было решительно никаких племенных ресурсов. Надо оговориться, что о рабочем коневодстве в то время никто не задумывался; подобно тому, как и на Западе, оно долгое время не было предметом забот государственной власти. Но вопрос о налаживании массового производства в стране упряжной и сельскохозяйственной лошади стоял на очереди.

Потребность в хорошей упряжной лошади может быть никогда не чувствовалась так сильно, как именно в николаевскую эпоху, когда внутренний и внешний товарооборот капитализирующейся страны быстро возрастал и в то же время железных дорог еще не существовало и все перевозки производились исключительно водой и гужом.

В поисках породы, которая была бы пригодна для этой роли, породы-улучшательницы упряжной и сельскохозяйственной лошади, коннозаводская мысль, естественно, в первую очередь выдвигала орловскую рысистую породу, которая с каждым следующим десятилетием завоевывала себе все большее и большее признание в русских конских заводах. По своим качествам она соответствовала задачам, вставшим перед государственным коннозаводством.

1845 ГОД — ПРОДАЖА ХРЕНОВСКОГО ЗАВОДА И ОДНОВРЕМЕННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ КОННОЗАВОДСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ШИШКИНА

В первый же год своего существования Главное управление коннозаводства предприняло энергичные шаги к овладению

Хреновским заводом, который при создавшемся положении являлся ключом к позиции. Ведь рысистые лошади Хреновского завода и в 40-х годах были еще хороши, недосыгаемо хороши. И когда чины высшей администрации из Главного управления коннозаводства приезжали в Хреновский завод и им производилась так называемая генеральная — выводка, их равно волновали и затаенное кипение на выводке Лебеда 4 или Непобедимого 2 и парадное холодное спокойствие Барса 3 или Мужика 2.

Только один Хреновский завод давал возможность Главному управлению занять командные высоты в рысистом коннозаводстве — так по крайней мере казалось. Переговоры о продаже Хренового велись более года. Легенда утверждает, что А. А. Орлова была не очень уступчива и что понадобилось «высочайшее приказание» Николая I для того, чтобы склонить ее к «добровольной» продаже Хренового.

Ближе к истине, однако, будет не особо доверять коннозаводской легенде. К этому времени дела А. А. Орловой, истратившей десятки миллионов на церкви и монастыри, были в плачевном состоянии.

Значительная часть ее имений и домов была продана, оставшиеся — заложены. Уже неоднократно приходилось ей прибегать к помощи казны или императора для покрытия своих долгов. Так, в 1832 году был продан в казну Нескучный дворец за полтора миллиона рублей. С другой стороны, к 40-м годам Хреновский завод начинал уже изнемогать под бременем своей славы. Ноша оказывалась чересчур тяжела для плеч и П. И. Кремешного и А. А. Орловой. Вести из Хренового утруждали и удручали Анну Орлову. Втайне она страшилась того состояния летаргии, когда в судьбе Хреновского завода уже не будет случаться ничего замечательного. Для Орловой становилось ясным, что Хреновский завод уже не был в состоянии удерживать за собой не только монополии, но и гегемонии в рысистом коннозаводстве.

При таких обстоятельствах продажа Хреновского завода должна была представляться Орловой желательной или, по меньшей мере, приемлемой, как своего рода почетная форма капитуляции.

Перед тем, как расстаться с заводом, А. А. Орлова подарила по 5 жеребцов и 50 рысистых маток А. Б. Козакову и своему племяннику А. Ф. Орлову. Весь остальной состав как рысистого, так и верхового

отделения был куплен в казну и принят Главным управлением государственного коннозаводства по наличию на 1 января 1845 года.

Год продажи Хреновского завода отмечается в истории русского коннозаводства еще и как год ликвидации завода В. И. Шишкина. Потому ли, что, как говорят первоисточники, В. И. Шишкин устал и, потеряв сына, не видел себе достойного наследника в коннозаводской работе, потому ли, что, как это представляется нам более вероятным, В. И. Шишкин, всегда быстро улавливавший ситуацию текущего момента, рассчитал, что лучшие времена для его завода уже прошли, — во всяком случае, он решил закрыть свое предприятие в момент, когда оно перестало давать избыточный доход.

В 1844 году он назначил в продажу весь свой завод — была даже напечатана публикация об этом в газетах и в «Журнале Коннозаводства» — и, как известно, разделив на две равные половины, продал его В. П. Охотникову и Н. И. Тулинову.

Как бы для того, чтобы эффектно опустить занавес над оконченным первым актом исторической трилогии, главные действующие лица — Орловы и Шишкины в одно и то же время сходят со сцены русского коннозаводства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Задачей нашего исследования было восстановить события и дела знаменательного периода русского коннозаводства, выявить тот вклад, который внесли русские деятели животноводства в мировую сокровищницу знания, собрать воедино их зоотехническое наследие, представить в возможно стройной форме взгляды основоположников русской школы зоотехнии, изложить и по достоинству оценить их практическую работу по созданию новых пород животных, воссоздать образы великих русских новаторов племенного дела.

Мы стремились диалектически изучить в области коннозаводства отрезок пройденного исторического пути, как «живого диалектического процесса, который в сложных перипетиях, борьбе и сменах приближал человечество к истине» ^[172], и дать, с современных позиций биологической науки, позиций мичуринского учения, творчески развиваемого академиком Т. Д. Лысенко, освещение и объяснение причин успеха, увенчавшего работу русских людей, Орлова и Шишкина, с гением которых мужало русское животноводство.

Период от 1778 до 1845 года представляет собой первую, очень важную и интересную, резко отграниченную от двух последующих, часть истории Хреновского завода.

Вторая часть — история уже не частновладельческого, принадлежащего Орлову, а Государственного Хреновского завода в дореволюционный период 1845–1917 годов.

Третья часть — жизни и достижения завода на качественно новом этапе после Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже полтора столетия, неразрушимо, как самые стены Хреновского завода, не давшие трещин при разрыве фашистских бомб, высится памятник русского зоотехнического творчества — орловская рысистая порода, зародившаяся и созданная в стенах и в степях Хреновского завода.

Эта замечательная порода лошадей, выведенная на рубеже XVIII и XIX столетий, пережила крепостной строй, пережила и капиталистический. Измененная и улучшенная работой последующих поколений, в особенности самоотверженным трудом советских людей,

она живет и находит все условия для своего совершенствования при социалистическом строе.

Своей работой по выведению орловской рысистой породы русские зоотехники XVIII века оказали неоценимую услугу советским зоотехникам и советским колхозникам.

Вид зала, отведенного под показ истории коннозаводства в Музее коневодства Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Вид зала, отведенного под показ истории коннозаводства в Музее коневодства Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

А. Г. Орлов-Чесменский и В. И. Шишкин оба принадлежат к числу тех замечательных русских людей, которые занесли свои имена не в книгу слов, а в книгу дел. Незаурядные они были люди, и незаурядные были выполнены ими дела. Вне спора стоит, что коннозаводская работа, заложенная А. Г. Орловым и продолженная В. И. Шишкиным, увенчалась блестящим успехом и по своим результатам вылилась в дело государственной важности. Орловский рысак на широких просторах нашей Родины, от берегов Балтийского моря и до Тихого океана, почти везде находит себе применение и заслуженно пользуется

признанием. На сегодня почти 50 % зарегистрированных производителей государственной сети принадлежат или к орловской рысистой породе или к созданной в наши дни на ее основе русской рысистой породе.

Зоотехническое наследство Орлова и Шишкина богато, интересно и должно быть освоено советской зоотехнической общественностью.

Орлов и Шишкин не разрабатывали теории, не писали, они действовали. Но практика их на десятилетия опередила современную им теорию.

Разработанные ими и внедренные в Хреновском заводе методы племенной коннозаводской работы, по глубине, полноте и взаимообусловленности, представляют явление замечательное в отечественном и мировом животноводстве, являются вершинами зоотехнической мысли и творчества XVIII–XIX веков. В разработке многих вопросов теории племенного дела честь первенства бесспорно принадлежит этим двум русским зоотехникам-практикам, что вызывает у нас законное чувство патриотической гордости.

Многое в работе Хреновского завода нам нравится и будет нравиться. Некоторые зоотехнические приемы, впервые примененные Орловым и Шишкиным, вызывают даже наше восхищение и с пользой могут быть применены и сегодня в советском животноводстве. Особенно подкупает нас в практике Хреновского завода то, что она дает много ценного фактического материала для развития и иллюстрации на примерах из области животноводства основных положений мичуринского учения о направленном изменении наследственной природы растительных и животных организмов.

Однако мы, советские ученые и советские граждане, подходим к наследию прошлого критически, — и темные стороны этого прошлого становятся еще темнее при сравнении со светлым настоящим.

Выступая 31 января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин сказал:

«Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага культуры, а других лишить самого необходимого просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием».

Граф А. Г. Орлов-Чесменский, создавая свою замечательную породу лошадей, руководствовался не только интересами народного

коневодства, а и личными соображениями, желанием славы и выгоды, тщеславным стремлением блеснуть рысаками, каких больше ни у кого не было. И эти его собственнические интересы могли отрицательно отразиться на успехе всего предпринятого им дела государственной важности. Напомним запрет продажи рысистых жеребцов из Хренового.

На дороге расширенного воспроизводства, племенного совершенствования и использования в народном коневодстве орловская рысистая порода смогла выйти лишь после того, как рысаков стали разводить десятки и сотни других конских заводов.

А. Г. Орлов, из-за соображений личной славы, приложил все усилия к тому, чтобы этому воспрепятствовать. В. И. Шишкин, напротив, содействовал этому, но содействовал, преследуя также свои личные интересы.

В условиях капиталистического строя «дорога совершенствования» орловского рысака оставалась до самой Великой Октябрьской социалистической революции очень узкой, прегражденной расставленными по ней рогатками частной собственности.

До самой Октябрьской революции большинство частных заводов отличались отсталой техникой конеразведения, очень плохо справлялись с задачами выращивания молодняка, не умели создавать нужные при разведении рысистой лошади условия кормления, содержания и тренинга.

Карликовые размеры конских заводов — существовали заводы даже с маточным составом всего в 5—6—8 кобыл — и своекорыстные интересы собственников-капиталистов и помещиков препятствовали как интенсивному, так и целесообразному использованию производителей. Ценнейшие производители оставляли за свою жизнь иногда всего 20—30 голов приплода, т. е. меньше, чем в условиях планового социалистического хозяйства за один год в одной ставке.

Лишь после Октябрьской революции распределение племенных производителей по племенным хозяйствам впервые могло приобрести плановый характер. И любой конский завод, любая конеферма укрупненного колхоза, если имеет ценный маточный состав, то может рассчитывать на получение производителя, необходимого ей по зоотехническим соображениям, независимо от того, в каком государственном конском заводе этот жеребец родился.

Невозможно перечислить всех препятствий к плодотворной племенной работе, которые неизбежны при капиталистическом строе и которых больше не существует в стране победившего социализма.

Впервые в истории коннозаводства каторжный труд на эксплуататоров сменился радостным свободным коллективным трудом, в который народные массы вкладывают свою творческую инициативу, патриотический порыв, стремление приумножить кровные достоинства самих трудящихся, богатство всей Страны Советов.

Беседа с американской делегацией 9 сентября 1927 года, товарищ Сталин сказал:

«Если при капитализме рабочий рассматривает фабрику, как тюрьму, то при советских порядках рабочий смотрит на фабрику уже не как на тюрьму, а как на близкое и родное для него дело, в развитии и улучшении которого он кровно заинтересован. Едва ли нужно доказывать, что это новое отношение к предприятию является величайшим двигателем всей нашей промышленности».

И эти слова товарища Сталина в полной мере приложимы ко всем социалистическим предприятиям, в том числе и коннозаводческим. Труд в СССР превратился в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Коннозаводская работа Орлова и Шишкина сверкает холодным блеском ума и мощи, но не согрета пафосом трудового подвига.

Во всенародном социалистическом соревновании стахановцы и передовики коневодства Советского Союза, вкладывая в свой труд порыв к лучшей жизни и волю к счастью всего человечества, опираясь на достижения передовой науки, найдя простор для применения своих сил и талантов, ежедневно и ежечасно совершают такие дела, перед которыми бледнеют все дела прошлого.

Понятно почему и советское рысистое коннозаводство, используя так же, как и другие отрасли народного хозяйства СССР, преимущества социалистического строя над капиталистическим, ознаменовалось такими достижениями, которые и не снились дореволюционным коннозаводчикам.

Орловский рысак, спасенный от угрожавшей ему перед Октябрьской революцией гибели, быстрыми шагами двинулся вперед по пути всестороннего совершенствования.

Если перед революцией один Крепыш, 2.08,5, как исключение, был в силах перешагнуть грань 2.10 на 1 600 м, то ныне мы имеем десятки орловских рысаков, значительно превзошедших по резвости Крепыша. Рекорды Улова 2.02,2, Пилота 2.02,2 в старшем возрасте; Морского Прибоя 2.04,5, Квадрата 4.23 (3 200 м) в 4-летнем возрасте, Вальса 2.05,6 в 3-летнем и многие другие служат только залогом дальнейших еще больших успехов советского коннозаводства.

Но героика настоящего и предвидение будущего не должны от нас заслонять памяти былого.

Некогда Ч. Дарвин предсказывал наступление такого времени, когда «возрастет в громадной степени значение изучения наших домашних пород», когда «новая разновидность, выведенная человеком, представится более любопытным и важным предметом, чем добавление еще одного вида к бесконечному числу уже внесенных в списки».

Это время и наступило и наступило оно — чего не предвидел Дарвин — в эпоху творческой переработки наследия Дарвина в стране строящегося коммунизма, в стране самой передовой в мире науки, в стране самого передового в мире сельского хозяйства. Работники сельского хозяйства и животноводства СССР хотят знать и использовать весь опыт отечественного животноводства, накопленный в прошлом, для ускорения движения вперед, в будущее.

В своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) В. М. Молотов сказал: «Надо, не жалея сил, изучать культурное наследство. Надо знать его всерьез и глубоко. Надо использовать все, что дал капитализм и предшествующая история человечества, и из кирпичей, созданных трудом людей на протяжении многих веков, строить новое здание, — удобное для жизни народа, полное света и солнца» [\[173\]](#).

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОРОДЫ, МАСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В ТАБЛИЦАХ

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОРОДЫ, МАСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В ТАБЛИЦАХ

ан.	— английский (-ая)	неап.	— неаполитанский (-ая)
ар.	— арабский (-ая)	неизв.	— неизвестного происхождения
б. к.	— без клички	о.	— отец
бел.	— белый (-ая)	ок.	— около
бул.	— буланый (-ая)	пег.	— пегий (-ая)
бур.	— бурый (-ая)	перс.	— персидский (-ая)
вор.	— вороной (-ая)	пл. кн.	— племенная книга
выб.	— выбыл (-а)	пост.	— поступил
выв.	— выведен, выводной (-ая)	прод.	— продан
голл.	— голландский (-ая)	р.	— рождения
гор.	— горский (-ая)	р. бр.	— родной брат
д.	— дочь	р. с.	— родная сестра
дат.	— датский (-ая)	р. п.	— ряд предков
ж.	— жеребец	рыж.	— рыжий (-ая)
з. ж.	— заводский жеребец	с.	— сын (или страница)
з. м.	— заводская матка	св.-сер.	— светлосерый (-ая)
Зав. кн.	— Заводская книга	сер.	— серый (-ая)
исп.	— испанский (-ая)	сол.	— соловый
кар.	— караковый (-ая)	ст. б.	— студ-бук
кастр.	— кастрирован	т.-гн.	— темногнедой (-ая)
коб.	— кобыла	тур.	— турецкий (-ая)
липп.	— липпизанский (-ая)	турк.	— туркменский (-ая)
м.	— мать	чал.	— чалый (-ая)
мер.	— мерин	ч/кр.	— чистокровный (-ая)

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ ПЛЕМЕННЫХ КНИГ И ОТЧЕТОВ ИСПЫТАНИЙ

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ ПЛЕМЕННЫХ КНИГ И ОТЧЕТОВ ИСПЫТАНИЙ

Зав. кн. 1836 г.	— Заводская книга кровных и скакавших лошадей в России, изданная Комитетом о коннозаводстве. СПб, 1836 г.
Подр. св. (или П. св.) 1839 г.	— Подробные сведения о конских заводах в России, доставленные Комитету о коннозаводстве Российском от местных начальств и частных владельцев. СПб, 1839 г.
Зав. кн. (или З. к.) 1847 г.	— Заводская книга выигравших и бежавших лошадей на рысистых бегах в России. Т. I—III, 1847—1862 г. СПб.
Рыс. зав. 1854 г.	— Рысистые заводы в России, составленные из описей владельцев заводов Комитета императорских рысистых бегах распорядителем Н. Граевским. СПб, 1854 г.
Кн. рыс. лош.	— Книга рысистых лошадей в России с определением чистопородности. (Редакторы: А. Стахович — т. I, А. Вад-больский — т. II, Н. Лодыгин — т. III—IX.) СПб, 1868—1873 гг.
Зав. кн. скак. лош.	— Заводская книга кровных и скакавших лошадей в России. Т. II—VII, СПб, 1842—1875 гг.
Зав. кн. верх. Хр. з.	— Заводская книга верховых лошадей Хреновского государственного конского завода. СПб, 1864 г.
Зав. кн. Стр. з.	— Заводская книга лошадей Стрелецкого государственного конского завода. СПб, 1867 г.
Зав. кн. Дерк. з.	— Заводская книга лошадей Деркульского государственного конского завода. СПб, 1868 г.
Зав. кн. Н. Ал. з.	— Заводская книга лошадей Ново-Александровского государственного конского завода. СПб, 1869 г.
Зав. кн. Лим. з.	— Заводская книга лошадей Лимаревского арабского рассадника. СПб, 1880 г.
Рыс. зав.	— Рысистые заводы в России. Изд. Н. Д. Лодыгина. Вып. I—IV, Москва, 1874—1880 гг.
Верх. зав.	— Верховые заводы в России. Изд. Н. Д. Лодыгина. Вып. I—II, Москва, 1874—1875 гг.
Р. з. рыс. лош.	— Русские заводы рысистых лошадей. Под ред. С. А. Попова. Вып. I—III, Москва, 1882—1884 гг.
Прод. кн. рыс. лош.	— Продолжение книги рысистых лошадей в России. Под ред. Н. Д. Лодыгина. Вып. I—III, Москва, 1883—1885 гг.
Зав. кн. Хр. з. 1882 г.	— Заводская книга рысистых лошадей Хреновского государственного конского завода. Под ред. Н. Д. Лодыгина, Москва, 1882 г.
Зав. кн. ч. кр. л.	— Заводская книга чистокровных лошадей в России. Т. VIII—XIV. СПб, 1882—1916 гг.
Зав. рыс. лош.	— Заводы рысистых лошадей. Под ред. М. В. Столыпина. Вып. I—V, Москва, 1885—1888 гг.

- Зав. кн. р. р. — Заводская книга русских рысаков. (Редакторы: Ф. А. Свечин, Ю. И. Юрлов, Б. П. Мертвого и С. Г. Карузо.) Т. I—XXVIII, СПб, 1887—1906 гг.
- Хр. з. 1897 г. — Хреновской завод. Составлен по распоряжению Главного управления государственного коннозаводства. Под ред. Ю. И. Юрлова. СПб, 1897 г.
- Доп. св. р. р. — Дополнительные сведения к заводской книге русских рысаков. Вып. I—VII. СПб, 1899—1904 гг.
- Ген. табл. выигр. р. — Генеалогические таблицы русских выигравших рысаков. Изд. Н. К. Мекка. Под ред. А. П. Заннеса. Вып. —V и приложение. М., 1902—1905 гг.
- Доб. р. р. — Добавление к Заводской книге русских рысаков. Т. I—XI, СПб, 1904—1907 гг.
- Мат. р. р. — Материалы к Заводской книге русских рысаков. Вып. I—IV. СПб, 1905—1908 гг.
- Гос. ук. орл. р. — Государственный указатель орловских рысаков. Под редакцией С. Г. Карузо. Т. I—IV.
- Зав. кн. орл. р. — Заводская книга орловских рысаков. Т. I—V. СПб, 1908—1917 гг.
- Доб. орл. р. — Добавления к Заводской книге орловских рысаков. Вып. I—XII. СПб, 1908—1917 гг.
- Мат. орл. р. — Материалы к Заводской книге орловских рысаков. Вып. I—VIII. СПб, 1908—1916 гг.
- Ж. К. — Журнал Коннозаводства. (Издавался с 1842 по 1917 г., из них в 1842—1864 г. под названием „Журнал Коннозаводства и Охоты“).
- Кал. Лебед. о-ва — Скаковый календарь Лебединского скакового общества с 1825 по 1837 г. и рысистые бега с 1832 г. СПб, 1837 г.
- Кал. Ц. С. о-ва — Рысистый календарь и сведения об испытаниях в С. Петербурге и Царском селе с 1845 по 1849 г. СПб, 1849 г.
- Изв. Моск. ск. о-ва — Известия Московского скакового общества о скачках, бывших в Москве. Вып. 1 (с 1833 по 1843 г.), М., 1842 г., вып. 2 (с 1843 по 1853 г.), М., 1852 г.
- Изв. Моск. бег. о-ва (или М. Б.) — Известия Московского общества конского бега об испытаниях лошадей. (Ежегодники с 1834 по 1860 г.)
- Рыс. кал. — Рысистый календарь на ... г. Изд. Гл. Упр. Гос. Конн. (Ежегодники с 1860 по 1916 г.)
- Скак. кал. — Скаковой календарь на ... г. Изд. Гл. Упр. Гос. Конн. (Ежегодники — по 1916 г.)

Примечания

1

С. И. Вавилов. Вступительное слово на общем собрании Академии наук СССР 5 января 1949 г.

2

Сочинения, изд. 4-е, т. 2, стр. 166.

3

Так как нам придется цитировать многие документы, акты и сочинения XVIII и XIX веков, в которых всегда говорится о «конских заводах», никогда о «конных заводах», то, во избежание разночтения слов в одной работе, мы на всем протяжении книги будем писать «конский завод», «конские заводы» вместо более употребительной в XX веке формы «конный завод», «конные заводы».

4

См. С. К. Богоявленский. Войско в Москве в XVI и XVII вв. («Москва в ее прошлом и настоящем», вып. IV–V, стр. 62–84).

5

«Российский новый и полный опытный коновал», Москва, 1809, стр. 8.

6

О влиянии Бюффона на коннозаводство второй половины XVIII века и о преломлении идей Бюффона в понимании скотоводчиков и коннозаводчиков XVIII века имеются многочисленные указания в специальной литературе. См. П. Н. Кулешов. Научные и практические основы подбора племенных животных в овцеводстве, 1890; И. И. Калугин. Скотоводческое искусство, 1915; G. Schwarznecker. Racen, Züchtung und Haltung des Pferdes, 2-е изд. 1884; I. U. Duerst. Kulturhistorische Studien, Bern (издано в 1920-х годах). А из более старых авторов: «Записки для охотников до лошадей на 1825-й год», ч. XI: Л. Я. Исторический обзор российского коннозаводства; Wollstein J. G. t. I—Van der Gestütere, t. II — Bruchstücke, Wien, 1786; Justinus Chr., Allgerneine Grundsätze, Wien, 1815; Bonneval G., de. Les Haras français (1830), Paris, 1884.

7

«Журнал коннозаводства и охоты», 1842, июль — декабрь, стр. 332.

8

«Еженедельник для охотников до лошадей», 1823. Теннекер. Наука о конских заводах, стр. 351.

9

«Еженедельник», 1823, стр. 440.

10

К своему позору и посмеянию со стороны всего прогрессивного человечества, «просвещенные» коннозаводчики стран загнивающего капитализма пытаются возродить средневековые астрологические бредни. Американская специальная печать с готовностью представляет столбцы своих коннозаводских журналов для писаний шарлатанов, занимающихся «астродиагнозом» и предсказывающих счастливые и зловещие для здоровья и будущей скаковой карьеры жеребят сочетания

планет и созвездии в небе. Как на характерную, укажем на статью М. Choate — «Astro Diagnosis of Horse Ailments» в № 19, т. LX журнала The Blood Horse за 1950 год.

11

Так, например, в 1670 году был переведен с французского труд Антуана Плювиналя «Le Manège Royal» под названием «Книга лошадиного учения»; в 1685 году — известная польская «Нірріка або наука о конјаш» Кристофа Монвида Дорогостайского; в 1696 году переводчиком Посольского Приказа П. Шафировым— «Книга лекарственная о конских болезнях». (См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков, 1903).

12

См. «Записки» на 1825-й год, а также статьи Н. В. Кукольника, «Старина — конюшенное дело» и другие, печатавшиеся в журнале «Коннозаводство и охота» в 1842–1845 годах.

13

Через 2 года работы — 11 ноября 1734 года — Комиссия представила описи и все материалы на 105 «удобных мест, для учреждения на них конских заводов, числом на 35 945 лошадей без приплода». Но проект организации всего этого числа конских заводов остался, как известно, неосуществленным.

14

См. «Записки для охотников до лошадей на 1825 год», стр. 557.

15

Еще Артемий Волынский приказывал своим подчиненным по Конюшенной канцелярии, посылаемым для подыскания мест, удобных

для конских заводов, «осматривать травы, где есть дятловина (т. е. клевер. — В. В.), пырей или мелкая осока». См. «Записки».

16

«Руководство к разведению и поправлению домашнего скота», СПб, 1794; «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве», Николаев, 1799.

17

Л. Я. Исторический обзор Российского коннозаводства. См. также Ф. Г. Волгеборн. Об усовершенствовании конских заводов в России, изд. 2-е, 1828.

18

П. Н. Мяснов. О воспитании скаковых лошадей и о приготовлении оных к скачке, М., 1833, стр. 24.

19

Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг М., 1945, стр. 15–16.

20

См. у Е. В. Тарле, ук. соч., стр. 52.

21

Русский посол в Англии С. Р. Воронцов, через которого А. Г. Орлов всегда выписывал лошадей, лично посетил Бэквелла, о чем в дневнике Бэквелла осталась запись.

22

В. И. Шишкин. Описание Хреновского завода (в книге В. И. Коптева, «Материалы к истории русского коннозаводства», стр. 103).

23

Dixon H. H. («The Druid»), стр. 103. Post and Paddock. London, 1859.

24

На помещаемой здесь медали, выбитой в 1770 году в честь Чесменского боя и А. Г. Орлова, портрет последнего, по отзывам современников, «поразительно схож». (Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, 1887, т. II, стр. 1397).

25

Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, изд. Академии наук, т. III, 1866, примечание 103-е на стр. 668.

26

Биографический очерк В. Г. Орлова, 1878, т. I, стр. 12.

27

Мемнов Волунин (псевдоним С. П. Жихарева). Статья «Федор Семенович Мосолов» в № 2 «Журнала коннозаводства и охоты» за 1842 год, стр. 45.

28

Странным образом история цыган в России сплетается с именем Орлова. Это он впервые оценил своеобразие их пения, выписал цыган

певцов из Молдавии, собрал и организовал в Москве первый в России хор цыган, которые числились «приписными крепостными» села Пушкино. Этот хор пел и во дворцах и на московских народных гуляньях вокруг разбитых Орловым шатров» Впоследствии Орлов дал всему хору вольную, а когда наступил 1812 год, то весь мужская персонал из хора выразил свою благодарность Орлову и Москве тем, что поголовно ушел в ряды защищавшей Родину армии, ее гусарских и уланских полков.

29

См. В. И. Коптев, ук. соч., стр. 73.

30

Сочинения, т. VII, стр. 65.

31

William Coxe. Travels into Poland, Russia, Sweden and Danemark.. 1784, vol. I.

32

Образец аттестата на лошадей, выводимых из Аравии, помещается на стр. 35 В данном случае арабский аттестат удостоверяет как масть, приметы, год, месяц и день рождения жеребца, так и принадлежность его отца, деда, матери и бабки к «чистой и благородной» породе — колену Саглави.

33

Биографический очерк Владимира Григорьевича Орлова, СПб, 1878, т. I, стр. 82.

34

Ф. Унтербергер, Известия из внутренних губерний России, преимущественно для любителей лошадей, Дерпт, 1854, глава «Коннозаводство в Симбирской губернии».

35

См. В. Станюкович. Бюджет Шереметевых, М., 1927. А. Насонов. Юсуповские вотчины в XIX в. (Докл. АН СССР, 1926). Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв., изд. АН СССР, т. I, 1949.

36

См. «Записки для охотников до лошадей на 1824 год», ч. VII, стр. 741–744.

37

Так же, как и лошадей, Орлов покупал книги «дорогой ценой». Иногда он платил и по 1 000 рублей за редкую книгу. См. письмо В. Г. Орлова к А. Г. Орлову от 7/XI 1774 г. (Биографический очерк В. Г. Орлова, 1878, т. I, стр. 307).

38

Л.М. Эвест — автор известного руководства по ветеринарии, изданного под названием «Полный русский конский лечебник» в 1795 году в Москве и посвященного А. Г. Орлову. Деятельность Эвеста была тесно связана с Островским заводом и конюшнями Нескучного. Он привлекался Орловым как для руководства лечением лошадей, так и для вскрытия павших, в целях более точного посмертного диагноза. При вскрытии трупов более ценных лошадей А. Г. Орлов присутствовал лично (см. Эвест Л. М., ук. соч., т. I, стр. 465–467).

39

Изд. 1-е, М. 1879; изд. 2-е, М., 1883.

40

См. письмо В. Г. Орлова от 20 сентября 1790 года, напечатанное в Биографическом очерке В. Г. Орлова, СПб, т. II, стр. 126.

41

См. сообщение профессора Московского университета И. И. Страхова, приводимое В. И. Коптевым.

42

Русский архив, 1870.

43

А. Г. Орлов-Чесменский, — пишет современник его в «Записках студента», — на рысаков своих «заклады всегда держал на московские калачи».

44

Иными словами, это место надо читать так, что прибывшая с Орловым из Дрездена Амазонка, дочь Барса 1, оказалась лучше тренированной и более резвой, и наездник Семен «дрезденский» трижды обыграл на ней рысаков, приведенных из Хренового.

45

«Неослабность присмотра важнее строгой взыскательности», любил говорить А. Г. Орлов.

46

В. И. Коптев, ук. соч., стр. 82.

47

В. И. Коптев, ук. соч., стр. 93.

48

Теоретические работы по племенному животноводству, 1947, стр. 56.

49

Т. Д. Лысенко. Работа в дни Великой Отечественной войны, 1943, стр. 47.

50

«Записки для охотников до лошадей на 1825 год», № 4.

51

«Записки для охотников до лошадей на 1824 год», V, стр. 39.

52

См. «Известия из внутренних губерний России», 1854, стр. 55–56 и «Журнал коннозаводства и охоты», 1862, № 4, стр. 61.

53

Garsault Fr. A. Le nouveau parfait Marechal, 1-е изд. Paris, 1745; 7-е изд. Lyon. 1811.

54

Saunier G. La parfaite conaissance des chevaux, 1-е изд., La Haye, 1734.

55

Ф. Удалов, ук. соч., стр. 197 и 202.

56

Этот порядок был сохранен В. И. Шишкиным и в своем собственном заводе. См. С. В. Шишкин. «Правила для наездки лошадей», «Журнал коннозаводства и охоты», 1842, 9, стр. 65.

57

См. «Статистические сведения о коннозаводстве российском», СПб, 1839, стр. 170.

58

В. И. Коптев, ук. соч., 72.

59

Список использованных изданий племенных книг см. в приложении.

60

В. И. Коптев. Материалы к истории русского коннозаводства, стр. 103.

61

«Еженедельник для охотников до лошадей», 1823, т. I, стр. 22.

62

В старых хреновских удостоверениях когда-то писалось: «иот (слитно — sic!) Салтана», а затем стали пропускать «и» и писали только «от». Таким образом и получалось вместо «от Цесарбеихи и от Салтана» сокращенное «от Цесарбеихи от Салтана».

63

См. *Le Nâcerî. La perfection des deux arts etc. Traduit de l'arabe d'Abou Bekr Ibn Bedr par M. Perron. Paris, 1852.*

64

1 De la Guérinière. Francois Robichon. Ecole de cavalerie, 1733, ч. II, гл. 19.

65

См. статью на эту тему М. И. Пыляева в «Историческом вестнике», 8, 1885.

66

Турнир имел, как полагалось всем рыцарским турнирам со времен средневековья, и свою царицу. Ею была 25-летняя прекрасно ездившая верхом Наталия Петровна Чернышева. К сведению всех любящих творения Пушкина добавим еще, что это была та самая знаменитая красавица своего времени, прославленная при дворах Людовика XV и Людовика XVI «Московская Венера», впоследствии княгиня Н. П. Голицына, имя которой сохранил бессмертным великий поэт, однако в таком образе, который, вероятно, поверг бы в ужас молодую царицу турнира 1766 года, — в образе Пиковой дамы.

67

См. В. И. Коптев, ук. соч., стр. 174.

68

Описание карусели см. «Вестник Европы», 1811, № 13, 14, Рисунок здания помещен в «Еженедельнике для охотников до лошадей на 1823 год».

69

P. G. Newcastle. La methode et l'invention nouvelle de dresser les chevaux. 1-е изд. Anvers, 1658; 2-е изд. Lond., 1737.

70

«Новый и полный опытный коновал, совершенный кавалерист, знаток, ездок, охотник и заводчик», изд. 2-е, М., 1816, стр. 95 сл.

71

«Записки для охотников до лошадей на 1824 год», стр. 855.

72

См. портрет А. Г. Орлова (на коне) работы В. Эриксона (1766), журнал «Старые годы», 1911, июль — сентябрь, стр. 62.

73

Историки отечественного коннозаводства определенно указывают, что в Хорошовском завод больше всего было маток «неаполитанских и ломбардских», в Бронницком.

74

В годы, описываемые нами, порода еще не называлась «чистокровной». Памятники века упоминают об «английских» лошадях, об «английских скаковых», в 20 — 30-х годах начинают говорить и «скаковая кровная лошадь». Первый том племенной книги в 1836 году под заглавием «Заводская книга кровных и скакавших лошадей в России». Термин «чистокровная» в приложении к породе появляется не ранее 60-х годов, Повидимому, не без влияния на его возникновение оказалось закрытие к 40-м годам студ-бука породы в Англии.

75

Н. П. Мяснов. О конских ристаниях и скаковых лошадях, 1824, стр. 47.

76

«Записки для охотников до лошадей», 1824, стр. 531.

77

Цитируется по книге: S. Sidney. The Book of the Horse, London, Ed. Cassel, Petter and Calpin, 1873.

78

Когда на исходе XIX в. уже почти не осталось лошадей тех пород, какие когда-то были, Д. Филлис мог довольствоваться при выезде и чистокровной лошадей, но Все же наилучших результатов при показе высшей школы он добился на единственном в его конюшне представителе липпизанского завода — сером жеребце Maestoso.

79

«Журнал коннозаводства», 1859, № 4–5.

80

Цитировано по изданию 1884 г., с предисловием Э. Гайо.

81

Цитируется по W. Ridgeway. The Origin and the influence of the Thoroughbred Horse, Cambridge, 1905, p, 167.

82

J.B. Galiberti, Neugebahnter Tummelplatz, Wien, 1692.

83

Об этом см. мою статью «Роль туркменской и арабской лошади в истории коневодства и коннозаводства Западной Европы и России с XVI по XIX век» в сборнике «Конские породы Средней Азии», М., 1937.

84

Из этих трех славных когда-то отродий туркменской лошади уцелела до наших дней только ахал-текинская лошадь.

85

«Новейший русский охотник», 1816, стр. 47.

86

И. В. Мичурин. Итоги шестидесятилетних работ, Сельхозгиз, 1936, стр. 20.

87

Официальную, установившуюся в Хреновом уже после ухода В. И. Шишкина, мы отбрасываем. При Шишкине в аттестатах глухо писалось «арабский Салтан», так же, как писалось «арабский Лебедь Армянский», «арабский Красавец» и т. д., а при Седине в Хреновском стали писать уже про Салтана — «выведенный из Аравии».

88

«Записки для охотников до лошадей», 1824, VII, стр. 733–734.

89

Для Галина арабская лошадь — понятие опять-таки родовое, про всех азиатских жеребцов, туркменских и персидских, Галин пишет «арабские».

90

Роль туркменской и арабской лошади в истории коневодства и коннозаводства Западной Европы и России с XVI по XIX век, «Конские породы Средней Азии», М., 1937. стр. 33.

91

См. мои редакторские примечания к введению «Заводской книги племенных лошадей верховых конских заводов», 1933.

92

См. журнал «Horse and Hound», 1939, стр. 1365.

93

Журнал Коннозаводства и Охоты», № 1, 1854.

94

Фелькерзам был, пожалуй, единственным из жеребцов верхового и рысистого отделений Хреновского завода, который носил не русскую кличку. В. И. Шишкин рассказывает, как это случилось. Генералу Фелькерзаму безымянный еще жеребенок этот очень понравился своею правильностью и красотой, и генерал упросил А. Г. Орлова назвать жеребца Фелькерзамом. Конюхи Хреновского завода переделали это имя на русском лад, и в течение многих лет, пока жеребец не выделился в число знаменитых производителей, называли: его не «Фелькерзам», а «Федька Пузан».

95

См. кобылу без клички, рождения 1819 г., от Комюса, в томе I Заводской книги 1836 года на стр. 181.

96

По сообщению В. И. Шишкина, Любимец родился от английской Сайги. Однако английской Сайги мы не знаем, а Сайга от английского Балабана была в составе завода. См. табл. 7 Заводской книги 1847 г.

97

Ч. Дарвин. Происхождение видов, 1937, стр. 65.

98

Ч. Дарвин. Изменения животных и растений под влиянием одомашнивания, Госиздат, 1928, т. III, кн. 2, стр. 163.

99

Полное название — Observations on Live Stock containing hints for choosing and improving the best breeds of most useful kinds of domestic animals. By George Culley, farmer. Год 1 — го изд. мне неизвестен; 2-е изд. — 1794 год. У меня в руках было 3-е изд., 1801 года.

100

Приводится у многих авторов, в том числе и у П. Н. Кулешова (Теоретические работы по племенному животноводству, стр. 132).

101

В старорусском языке еще допетровской эпохи слово «собинка, собинный» означало — любимый, желанный, милый», до того, как эти синонимы вошли в позднейшую речь.

102

После 1812 года завод был переведен в с. Анна, Воронежской губернии.

103

Дочь Ростопчина, Н. Ф. Нарышкина, в своих воспоминаниях об отце рассказывает, что выводные арабские жеребцы, поступившие в 1802 году в Вороновский завод от Цицианова, были исключительно злобного нрава. Даже к изгородям их паддоков нельзя было приближаться. Особенно опасным для людей был лучший из жеребцов, серый Каймак. Narichkine N. Le comte Rostopchine et son temps, St. Pétersbourg, 1912, p. 86.

104

Ф. Унтербергер. Известия из внутренних губерний России, преимущественно для любителей лошадей, 1854, стр. 101.

105

В данном случае подтвердилось старое изречение животноводов — «хороший экземпляр животного не всегда доказывает высокие качества родителей».

106

С. Ушаков. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, СПб, 1811, стр. 3.

107

В Англии он успел оставить Виски (Whiskey, р. 1789 г.), одного из лучших производителей конца XVIII и начала XIX столетия.

108

«Балабан» — старое русское название охотничьего сокола вида *Falco cherrug* Cr.

109

Печатаются с сохранением пунктуации подлинника.

110

См. «Русская старина» X, 785. По другим источникам, приводимым у М. И. Пыляева («Старый Петербург», стр. 28–29), корона была возложена на гроб, но гроб ежедневно вскрывали для обряда целования истлевшей руки мертвеца.

111

Dixon H.H. (The Druid). *Silk and Scarlet*, изд. 1895 г., стр. 144.

112

General Stud-Book, v. II — Obituary of stallions, p. 240.

113

Родной брат Бирмингама, только много ниже его классом, Hedgford, p. 1825 г., проданный в США, дал там жеребца Denmark — родоначальника американской верховой породы.

114

М. И. Пыляев. Старый Петербург, стр. 198.

115

«Еженедельник для охотников до лошадей на 1823 г.», стр. 34.

116

П. А. Дубовицкий. Взгляд на рысистое отделение Хреновского завода. СПб, 1861, стр. 7.

117

Что от Сметанки родилось в 1778 году четыре сына и одна дочь, — это подтверждают все источники и в первую очередь И. В. Шишкин в своем «Описании». Клички единственной дочери Сметанки В. И. Шишкин не указывает, но на таблице 37 издания 1847 года в числе кобыл, приведенных из Острова, значится кобыла Сметанка, происхождение которой не приводится. Судя по кличке кобылы, которая является единственной за всю историю Хреновского завода, более не повторяемой, в то время как все другие клички, включая Полкана, Салтана, Фелькерзама и самого Барса, повторялись много раз, и при том пиетете, который проявлялся в отношении Сметанки в Хреновском заводе, можно с уверенностью сказать, что кобыла могла

быть названа Сметанкой только потому, что она была дочерью, и единственной дочерью, жеребца Сметанки.

118

См. В. Воейков. Биография В. П. Воейкова, 1907.

119

Заводская книга 1847 г., ч. II, стр. 6.

120

В одной имеющейся у меня описи частного конского завода 90-х годов XVIII века рост мекленбургского жеребца показан — 2 аршина 4 вершка, буланого датского в том же заводе 2 аршина 2½ вершка; также и датские кобылы казенных заводов в 20—30-х годах были ростом 2 аршина 2—2½ вершка.

121

A. Lengerke. Die Meklenburgische Pferdezeit. Berlin, 1827.

122

G. Saugnier. La parfaite Connoissance des Chevaux. La Haye, 1734.

123

G. Gulley. Observations of Live Stock, 3d Ed., 1811.

124

A. de Chapeaurouge. Bilder aus der Entwicklung der Zucht der Orlov-Traber.

125

См. В. О. Витт. Орловская рысистая порода в историческом развитии ее линии (Введение к т. I «Госплемкниги рысистых лошадей»), 1927, стр. 18 и далее.

126

В. И. Коптев, ук. соч., стр. 77.

127

См. В. О. Витт. К теории возрастного подбора животных. «Журнал общей биологии», 1949, № 3.

128

S. Sidney. The Book of the Horse (1873), стр. 217–227.

129

Другая путеводная ниточка — это кличка жеребца, которая, возможно, указывает на какую-то связь, на какое-то отношение к английскому адмиралу Rodney.

130

Возможно, что голландская Удалая, как равно и голландские матери Богатыря, Старухи, Катка и других хреновских рысаков конца последнего десятилетия XVIII века, была выведена не одновременно с матерью Барса 1 в 1783 году, а позднее — в начале 90-х годов.

131

Когда год рождения лошади в приводимом списке указывается, например, 1792–1794 г... — это означает, что лошадь родилась не ранее 1792 года и не позднее 1794 года. Нумерация таблиц в скобках, например (табл. 8), дана по Зав. кн. 1847 года. На примере хотя бы Грузной легко показать, как восстанавливаются вероятные годы рождения для лошадей рысистого отделения, точных записей в отношении которых не сохранилось. Первая ставка детей Барса 1 была получена в 1792 году. Поэтому раньше чем в 1792 году Грузная родиться не могла. С другой стороны, Галку, свою дочь от Тромпетера на Англин, Грузная не могла приплодить позже, чем в 1800 году, так как к случному сезону 1800 года Тромпетер уже выбыл из завода и был заменен сыном, Тромпетером Молодым. Тем самым вероятный год рождения Галки падает на промежуток между 1798 и 1800 годом, а вероятный год рождения Грузной окончательно определяется между 1792 и 1794 годом, так как дополнительно следует учесть, что дочери Барса 1 задерживались в езде и обычно поступали в заводские матки в возрасте не четырех лет, а пяти.

132

Приведена у В. И. Коптева на стр. 102.

133

Выражение очень точное. Характерной особенностью призовой рыси и являются повторные моменты полного отрыва от земли, когда рысак, сильно оттолкнувшийся от земли, летит в воздухе, не имея никакой точки опоры.

134

«Московские ведомости», 2/VII 1848.

135

«Журнал коннозаводства», 1871, № 1.

136

С. В. Шишкин. Правила для наездки рысистых лошадей, «Журнал коннозаводства и охоты», 1842, № 9, 10. Добавление к правилам для наездки рысистых лошадей, «Журнал коннозаводства и охоты», 1860, № 7.

137

«Equos nobiles cursus et spatia probant». С. Cornelius Tacitus. Dialogus de oratoribus, 39, 3.

138

Биографический очерк гр. В. Г. Орлова, СПб, 1878, т. I, стр. 314.

139

Приведено из «Еженедельника», 1823. Характер масленичных забав или ярмарочных гуляний не изменялся от того, что в некоторых городах под подобного рода игры и ристания отводились в дни карнавала улицы (Корсо в Риме) или площади. Ср. Данте, Рай, песнь 16-я, о Флоренции:

«Я в Сестире,
Последнем городе, где место для бегов,
С семьей моею жил».

140

До А. Г. Орлова нигде не упоминается о каких-либо бегах летом. Кончалась зима, кончались и бега, с весной наступало время гуляний и катаний, в которых принимала участие вся барская помещицья Москва. Последний смотр, который она делала себе самой перед разъездом, был всегда очень пышен. На весеннее катание выезжало до 6000–8000 экипажей.

141

Издана в переводе на русский язык Вольным экономическим обществом, СПб, 1827.

142

О коннозаводстве вообще и преимущественно в России, М., 1845.

143

H. M. Kroon. Die Tierzucht in Holland, Hannover. 1925.

144

Альбом к 50-летию Московского бегового общества, М., 1884.

145

Заметим еще между прочим, чтобы после никогда не касаться этого вопроса, что бега для иноходцев вообще исключались из поля зрения А. Г. Орлова.

146

В. И. Коптев, ук. соч., стр. 76.

147

Этот старый Хреновской манеж в 1899 году «за ненужностью» был переделан в конюшню.

148

Точнее, по третьему году. См. С. В. Шишкин, ук. соч., стр. 72.

149

Гешвенд. Руководство к познанию лошади, СПб, 1868, стр. 317.

150

Еще в 80—90-х годах XIX века персидские иноходцы появлялись на ипподромах приволжских городов. Например, персидский иноходец Бычок в Саратове в 1889 году пробежал 3 версты с резвостью 5 минут 43 секунды. (Рыс. кал. за 1889 г.).

151

См. «Записки», 1826, стр. 775—781.

152

В большинстве случаев, в том числе и В. И. Коптевым, дата смерти А. Г. Орлова указывается неверно — 24 декабря 1808 г. Надгробная доска на его могиле в Отраде сообщала точные даты рождения и смерти А. Г. Орлова: «Родился 24 сентября 1735 года, скончался 24 декабря 1807 года на 73-м году от рождения» (Биографический очерк В. Г. Орлова, СПб, 1878, т. II, стр. 182).

153

«Еженедельник», 1823, гл. IV. стр. 778.

154

В строгом соответствии с исторической правдой, Лев Николаевич Толстой, которого любовь к лошади не покидала от малых лет и до старости и который видел в Москве в дни своей юности, в 30—40-х годах, не один десяток хреновских рысаков, писал про Холстомера, что он «был роста большого — не менее 2-х аршин 3-х вершков».

155

Нам известны 24 заводские матки в Хреновском заводе и еще 13, проданные в частные заводы.

156

Bilder aus der Entwicklung der Zucht der Orlow-Traber. Stuttgart, 1921, с. 10.

157

Подробные сведения 1839 года и Зав. кн. 1847 года матерями Барса 2 и Лебеда 2 указывают двух различных Догоняих, дочерей Любезного 1 и Силинской от Силинского 1, но, вероятнее всего, здесь нередкая в официальных изданиях «ошибка удвоения».

158

Перевод вышел в свет в 1827 году под заглавием «О конских ристаниях».

159

Восстанавливается эта цифра путем следующих вычислений. В Хреновском заводе осталось 28 дочерей Полкана 3; кроме того, в частных заводах числится по заводским книгам не менее 50 дочерей его. Прибавляя не меньшую цифру жеребчиков, мы получаем в сумме более 150 голов потомства Полкана 3, достигшего зрелого возраста.

160

См. рассказ И. Д. Ознобишина о том, как в 1842 году барышник предлагал ему прибавить 250 рублей с тем, чтобы он умолчал в аттестате о жеребце Петерсе голландской породы.

161

Л. Берггофер. О коннозаводстве вообще и преимущественно в России, М., 1845, стр. 59.

162

В. И. Коптев, ук. соч., стр. 94.

163

«Неприступный — красивейшая из рысистых лошадей, которых я знаю» (Ф. Унтербергер, ук. соч., стр. 109).

164

И. А. Лисаневич, «Журнал Коннозаводства», 1898 г., № 10, стр. 14–15.

165

Хреновский завод, под ред. Ю. И. Юрлова, СПб, 1897.

166

Ук. соч., стр. 2–3.

167

Заметим еще, что Задорную, мать Горюна, В. И. Коптев называет маткой «громадной по формам» (ук. соч., стр. 6), а большой рост и массивность форм совершенно необычны для приплода Молодого Атласного.

168

С. И. Колесов. Пятьдесят лет тому назад, стр. 16.

169

Хорошовский завод под Москвой, существовавший вплоть до XIX в., принадлежал к числу старейших и лучших конских заводов России. Он упоминается в летописях уже в XV веке, в царствование Ивана III.

170

Согласно позднему указу от 8 декабря 1843 года, лошадей с тавром государственных конских заводов отныне вообще запрещалось брать в ремонт.

171

Меньше всего хлопот доставляло заполнение штатов обслуживающего персонала. Из ликвидируемых военно-конских заводов и из кавалерийских воинских частей откомандировывались в достаточном количестве нижние чины, обученные уходу за лошадью. Получал такой солдатик на руки особый «для свободного прохода билет» и отправлялся по способу пешего хождения из Херсона в Нижний-Новгород или из Таганрога в Псков.

172

С. И. Вавилов. Вступительное слово на общем собрании Академии наук СССР 5/1 1949 г.

173

В. М. Молотов. Доклад на XVIII съезде ВКП(б). Партиздат, 1939, стр. 51.